

А.М. Сергиенко

*«Если битва под Сталинградом
предвещала закат немецко-фашистс-
кой армии, то битва под Курском по-
ставила её перед катастрофой»*

И. Сталин.

И. В. Сталин и Курская битва

Белгород, 2011

ББК 68.52-1

С 32

Сергиенко А.М.

С 32 И.В. Сталин и Курская битва / А.М. Сергиенко. — Белгород: КОНСТАНТА, 2011. — 776 с.

ISBN 978-5-9786-0161-9

В предлагаемой читателям книге автор-составитель на основе опубликованных архивных документов и воспоминаний известных советских полководцев и военачальников показывает полководческий талант Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны, и, в частности, в процессе подготовки и проведения одного из величайших её сражений – Курской битвы.

Собранные в работе материалы убедительно свидетельствуют, что в годы войны Верховный Главнокомандующий стал полководцем полководцев, что он внёс выдающийся вклад в дело достижения Великой Победы, что пришла она к нам 9 мая 1945 года не вопреки, а благодаря ему.

Книга предназначена для тех, кто продолжает кропотливую работу по исследованию проблем Великой Отечественной войны, особенно она будет полезной историкам Курской битвы. Немало интересного найдёт в ней и молодой читатель, которому не безразлична история нашей великой страны.

ISBN 978-5-9786-0161-9

© Сергиенко А.М., 2011

© Издательство «КОНСТАНТА», 2011

Слово к читателям

Известный историк-патриот нашей страны И. Я. Фроянов разделил пишущих сегодня о И. В. Сталине на две категории. Одни возят грязь и мусор на его могилу, другие всю эту гадость вывозят. В последние годы историков, вывозящих мусор, становится всё больше и больше. Отрадно, что голос в защиту И. В. Сталина звучит не только в центре. Книга председателя Белгородского регионального отделения общественной организации «Российские учёные социалистической ориентации» (РУСО) А. М. Сергиенко «И. В. Сталин

и Курская битва» тому доказательство.

Замысел, воплощённый автором в книгу, прост и оригинален: ударить по антисталинистам неопровержимой силой документов и воспоминаний тех, кто работал вместе с Иосифом Виссарионовичем, видел его, слушал его, исполнял его поручения и приказы. Перед читателями проходят воспоминания советских полководцев и военачальников, наркомов военной промышленности и партийных работников. Их наблюдения, оценки и выводы, характеризующие военную деятельность И. В. Сталина – сильнейшая артиллерийская контратака по позициям антисталинистов.

Многие современные историки в своих книгах часто обращаются к тем или иным фактам, характеризующим стиль работы Верховного Главнокомандующего, которые оставили те, кто вместе с ним добывал нашу Великую Победу. В

предлагаемой же читателям книге они собраны воедино. И, поверьте мне, всё это здорово кусается. Это мощный заряд в борьбе с теми, кто старается вычеркнуть роль Сталина из добытой великими жертвами Победы, кто отделяет его от народа и силится доказать, что мы победили не благодаря, а вопреки ему.

Уже никого из тех, кто работал вместе с И. В. Сталиным, нет в живых. А это значит, что уже никто с нами не поделится своими воспоминаниями об этом великом гражданине нашей Родины. И это значит, что всё, что отражено в мемуарах светских военачальников, всё, что способствовало созданию полководческого образа И. В. Сталина – наше великое достояние. Оно и сегодня, и завтра, и на века – наше мощное оружие. И использовать его надо в полной мере.

Будем руководствоваться хорошим советом английского писателя Г. Честертона: «Перестаньте хоть на время читать то, что пишут живые о мёртвых, читайте то, что писали о живых давно умершие люди».

С выходом в свет книги «И.В. Сталин и Курская битва» мусора на могиле Генералиссимуса Советского Союза И.В. Сталина станет поменьше.

Пусть сильнее дует ветер истории!

Председатель ЦК КПРФ Г. Зюганов.

Сегодня находится немало «исследователей», которые с неукротимой и какой-то болезненной энергией рьяно «передыкают» историю нашей страны в самые переломные моменты ее развития. Особенно кощунственным является переписывание «доморощенными учеными» истории Великой Отечественной войны с целью принижения роли советских военачальников и Верховного Главнокомандующего Сталина в нашей победе над

немецко-фашистскими оккупантами. Такие опусы печатаются многотысячными тиражами и наносят непоправимый вред в понимании молодым поколением россиян нашего героического прошлого.

Меня глубоко волнует такое невежественное и, я бы даже сказал, преступное отношение к нашему общему героическому наследию. Нам надо больше иных, правдивых книг, отражающих реальную, а не надуманную историю Отечества. Без сомнения, книга А.М. Сергиенко «И.В. Сталин и Курская битва» способствует сохранению истинной истории, поэтому я с удовольствием откликнулся на предложение автора принять участие в ее издании.

Я часто бываю на Белгородчине. За восемь лет работы депутатом Государственной Думы от Белгородской области полюбил этот край и считаю его своей второй малой родиной. Участвуя здесь в мероприятиях, посвященных Дню Победы, осво-

бождению Белгорода от фашистов, победе в сражении на Третьем Ратном поле России – Прохоровском поле, открывая новые памятники и мемориалы солдатам Великой Отечественной, я вижу, как белгородцы свято чтут и сохраняют память о подвиге советского воина-освободителя. И эта книга белгородца А.М. Сергиенко является тому подтверждением.

***С.В. Муравленко,
Депутат Государственной Думы
от Белгородской области,
член фракции КПРФ***

И.В. Сталин

У к а з

Президиума Верховного Совета СССР

**О присвоении товарищу Сталину И. В. звания
Героя Социалистического Труда**

За исключительные заслуги в деле организации Большевиcтской партии, построения социалистического общества в СССР и укрепления дружбы между народами Советского Союза и в связи с шестидесятилетием со дня рождения присвоить Сталину И. В. звание Героя Социалистического труда.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин.

Москва, Кремль. 20 декабря 1939 года.

У к а з
Президиума Верховного Совета СССР

**О присвоении Верховному Главнокомандующему
Вооружёнными силами СССР Сталину И. В.
военного звания Маршал Советского Союза**

Верховному Главнокомандующему Вооружёнными силами СССР Сталину Иосифу Виссарионовичу присвоить военное звание Маршал Советского Союза.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин.

Москва, Кремль. 6 марта 1943 года.

У к а з
Президиума Верховного Совета СССР

О награждении орденом Суворова I степени
Маршала Советского Союза Сталина И. В.

За правильное руководство операциями Красной Армии в Отечественной войне против немецких захватчиков и достигнутые успехи наградить Маршала Советского Союза Сталина Иосифа Виссарионовича орденом Суворова I степени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин.

Москва, Кремль. 6 ноября 1943 года.

У к а з

Президиума Верховного Совета СССР

**О награждении орденом «Победа»
Маршала Советского Союза Сталина И. В.**

За исключительные заслуги в организации и проведении наступательных операций Красной Армии, приведших к крупным поражениям германской армии и к коренному изменению положения на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в пользу Красной Армии, наградить Маршала Советского Союза Сталина Иосифа Виссарионовича орденом «Победа».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин.

Москва, Кремль. 29 июля 1944 года.

У к а з

Президиума Верховного Совета СССР

**О присвоении звания
Героя Советского Союза Сталину И.В.**

Возглавлявшему Красную Армию в тяжёлые дни нашей Родины и её столицы Москвы, с исключительным мужеством и решимостью руководившему борьбой с гитлеровской Германией Маршалу Советского Союза Сталину Иосифу Виссарионовичу присвоить звание Героя Советского Союза.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин.

Москва, Кремль. 26 июня 1945 года.

У к а з

Президиума Верховного Совета СССР

**О награждении орденом «Победа»
Маршала Советского Союза Сталина И. В.**

За исключительные заслуги в организации всех Вооружённых Сил Советского Союза и умелое руководство ими в Великой Отечественной войне, закончившейся полной победой над гитлеровской Германией, наградить Маршала Советского Союза Сталина Иосифа Виссарионовича орденом «Победа».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин.

Москва, Кремль. 26 июня 1945 года.

У к а з
Президиума Верховного Совета СССР

О присвоении
Верховному Главнокомандующему всеми
Вооруженными Силами СССР Сталину И.В.
высшего воинского звания
Генералиссимус Советского Союза

Верховному Главнокомандующему всеми Вооруженными силами СССР Сталину Иосифу Виссарионовичу присвоить высшее воинское звание – Генералиссимус Советского Союза.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин.

Москва, Кремль. 27 июня 1945 года.

У к а з

Президиума Верховного Совета СССР

О награждении орденом Ленина Сталина И. В.

В связи с семидесятилетием со дня рождения Сталина И. В. и учитывая его исключительные заслуги в деле укрепления и развития СССР, строящего коммунизм в нашей стране, организацию разгрома немецко-фашистских захватчиков и японских империалистов, а также в деле восстановления народного хозяйства в послевоенный период, наградить Сталина Иосифа Виссарионовича орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. Шверник.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин.

Москва, Кремль. 20 декабря 1949 года.

***Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М.И. Калинин вручает И.В. Сталину орден «Победа».
5 ноября 1944 г.***

**Приказы Верховного Главнокомандующего
и наркома обороны СССР
в связи с победами Красной Армии в Курской битве**

**ПРИКАЗ
Верховного Главнокомандующего**

Генералу армии тов. РОКОССОВСКОМУ,
Генералу армии тов. ВАТУТИНУ
Генерал-полковнику тов. ПОПОВУ

Вчера, 23 июля, успешными действиями наших войск окончательно ликвидировано июльское немецкое наступление из районов южнее Орла и севернее Белгорода в сторону Курска.

С утра 5 июля немецко-фашистские войска крупными силами танков и пехоты, при поддержке многочисленной авиации, перешли в наступление на орловско-курском и белгородско-курском направлениях.

Немцы бросили в наступление против наших войск свои главные силы, сосредоточенные в районах Орла и Белгорода.

Как это теперь стало ясным, немецкое командование ввело в бой: на орловско-курском направлении – семь танковых, две моторизованные и одиннадцать пехотных дивизий и на белгородско-курском направлении – десять танковых, одну моторизованную и семь пехотных дивизий.

Таким образом, всего со стороны противника в наступлении участвовало 17 танковых, 3 моторизованные и 18 пехотных немецких дивизий.

Сосредоточив эти силы на узких участках фронта, немецкое командование рассчитывало концентрическими ударами с севера и юга в общем направлении на Курск прорвать нашу оборону, окружить и уничтожить наши войска, расположенные по дуге Курского выступа.

Это новое немецкое наступление не застало наши войска врасплох. Они были готовы не только к отражению наступления немцев, но и к нанесению мощных контрударов.

Ценой огромных потерь в живой силе и технике противнику удалось лишь вклиниться в нашу оборону на орловско-курском направлении на глубину до 9 километров и на белгородско-курском направлении – от 15 до 35 километров. В ожесточенных боях наши войска измотали и обескровили отборные дивизии немцев и последующими решительными контрударами не только отбросили врага и полностью восстановили положение, занимавшееся ими до 5 июля, но и прорвали оборону противника, продвинувшись в сторону Орла от 15 до 25 километров.

Проведенные бои по ликвидации немецкого наступления показали высокую боевую выучку наших войск, непревзойденные образцы упорства, стойкости и героизма бойцов и командиров всех родов войск, в том числе артиллеристов и минометчиков, танкистов и летчиков.

Таким образом, немецкий план летнего наступления нужно считать полностью провалившимся.

Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении.

В боях за ликвидацию немецкого наступления отличились войска генерал-лейтенанта Пухова, генерал-лейтенанта Галанина, генерал-лейтенанта танковых войск Родина, генерал-лейтенанта Романенко, генерал-лейтенанта Колпакчи, генерал-лейтенанта Чистякова, генерал-лейтенанта танковых войск Катукова, генерал-лейтенанта танковых войск Ротмистрова, генерал-лейтенанта Жадова, генерал-лейтенанта Шумилова, генерал-лейтенанта Крюченкина и летчики авиационных соединений генерал-полковника авиации Голованова, генерал-лейтенанта авиации Красовского, генерал-лейтенанта авиации Руденко и генерал-лейтенанта авиации Науменко.

За время боев с 5 по 23 июля противник понес следующие потери: убито солдат и офицеров более 70000, подбито и уничтожено танков 2900, самоходных орудий 195, орудий полевых 844, уничтожено самолетов 1392 и автомашин свыше 5000.

Поздравляю Вас и руководимые Вами войска с успешным завершением ликвидации летнего немецкого наступления.

Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам руководимых Вами войск за отличные боевые действия.

Вечная слава героям, павшим на поле боя в борьбе за свободу и честь нашей Родины!

**Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН**

24 июля 1943 года [№ 1]

П Р И К А З
Верховного Главнокомандующего

Генерал-полковнику ПОПОВУ
Генерал-полковнику СОКОЛОВСКОМУ
Генералу армии РОКОССОВСКОМУ
Генералу армии ВАТУТИНУ
Генерал-полковнику КОНЕВУ

Сегодня, 5 августа, войска Брянского фронта при содействии с флангов войск Западного и Центрального фронтов в результате ожесточенных боев овладели городом Орел.

Сегодня же войска Степного и Воронежского фронтов сломали сопротивление противника и овладели городом Белгород.

Месяц тому назад, 5 июля, немцы начали свое летнее наступление из районов Орла и Белгорода, чтобы окружить и уничтожить наши войска, находящиеся в Курском выступе, и занять Курск.

Отразив все попытки противника прорваться к Курску со стороны Орла и Белгорода, наши войска сами перешли в наступление и 5 августа, ровно через месяц после начала июльского наступления немцев, заняли Орел и Белгород.

Тем самым разоблачена легенда немцев о том, что будто бы советские войска не в состоянии вести летом успешное наступление.

В ознаменование одержанной победы 5, 129, 380-й стрелковым дивизиям, ворвавшимся первыми в город Орел и освободившим его, присвоить наименование «Орловских» и впредь их именовать: 5-я Орловская стрелковая дивизия, 129-я Орловская стрелковая дивизия, 380-я Орловская стрелковая дивизия.

89-й гвардейской и 305-й стрелковым дивизиям, ворвавшимся первыми в город Белгород и освободившим его, присвоить наименование «Белгородских» и впредь их именовать:

89-я гвардейская Белгородская стрелковая дивизия, 305-я Белгородская стрелковая дивизия.

Сегодня, 5 августа, в 24 часа столица нашей Родины Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий.

За отличные наступательные действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в операциях по освобождению Орла и Белгорода.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу нашей Родины!

Смерть немецким оккупантам!

**Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН**

5 августа 1943 года [№2]

***П Р И К А З
Верховного Главнокомандующего***

Генерал-полковнику КОНЕВУ
Генералу армии ВАТУТИНУ
Генералу армии МАЛИНОВСКОМУ

Сегодня, 23 августа, войска Степного фронта при активном содействии с флангов войск Воронежского и Юго-Западного

фронтов в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и штурмом взяли город Харьков.

Таким образом, вторая столица Украины — наш родной Харьков освобожден от гнета пемецко-фашистских мерзавцев.

В наступательных боях за овладение городом Харьков наши войска показали высокую боевую выучку, отвагу и умение маневрировать.

В боях за город Харьков отличились войска генерал-майора Манагарова, генерал-лейтенанта Крюченкина, генерал-лейтенанта Шумилова, генерал-лейтенанта Гагена, генерал-лейтенанта танковых войск Ротмистрова и летчики генерал-лейтенанта авиации Горюнова, а также части 33-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Козлова М. И. и 34-го стрелкового корпуса генерал-майора Колчигина.

В ознаменование освобождения Харькова 89-й гвардейской Белгородской стрелковой дивизии, 252, 84, 299, 116, 375, 183-й стрелковым, 15, 28 и 93-й гвардейским стрелковым дивизиям присвоить наименование «Харьковских» и впредь их именовать:

89-я гвардейская Белгородско-Харьковская стрелковая дивизия,
252-я Харьковская стрелковая дивизия,
84-я Харьковская стрелковая дивизия,
299-я Харьковская стрелковая дивизия,
116-я Харьковская стрелковая дивизия,
375-я Харьковская стрелковая дивизия,
183-я Харьковская стрелковая дивизия,
15-я гвардейская Харьковская стрелковая дивизия,
28-я гвардейская Харьковская стрелковая дивизия,
93-я гвардейская Харьковская стрелковая дивизия.

В знак торжества по случаю победы под Харьковом сегодня, 23 августа, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим Харьков, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в операции по освобождению Харькова.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким оккупантам!

**Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН**

23 августа 1943 года [№4]

П Р И К А З
народного комиссара обороны Союза ССР

27 мая 1944 года

№ 0137

г. Москва.

«Соединениям и частям авиации дальнего действия, отличившиеся в боях с немецкими захватчиками за освобождение городов и районов территории Советского Союза, присвоить наименование «Сталинградских», «Орловских», «Белгородских», «Брянских», «Гомельских», «Донбасских», «Ржевских», «Крымских», «Полтавских», «Кировоградских», «Смоленских», «Красносельских», «Мгинских», «Керченских» и впредь их именовать:

.....
... 23-й гвардейский авиационный Белгородский полк дальнего действия...

... 5-й авиационный Орловский корпус дальнего действия;
1-я гвардейская авиационная Орловская дивизия дальнего действия;

8-я гвардейская авиационная Орловская дивизия дальнего действия;

54-я авиационная Орловская дивизия дальнего действия;
25-й гвардейский авиационный Орловский полк дальнего действия.

**Народный комиссар обороны Союза ССР
Маршал Советского Союза И. Сталин**

Как и почему родилась эта книга

Родилась она по двум причинам.

Во-первых, обидно за великую державу, которой уже нет, но которая пронеслась по небосклону человеческой истории яркой кометой. Своими драматическими событиями и величайшими достижениями она в течение семидесяти с лишним лет стояла в центре мирового революционного процесса, являя собой для подавляющего числа народов планеты Земля пример для подражания.

Обидно за то, что моя держава, сумевшие одолеть могущественного врага в лице фашиствующей Европы, отстоять свою свободу и независимость, подвергается сегодня со стороны доморощенных антисоветчиков беспрецедентному оскорблению и унижению. Это неверно, что 22 июня 1941 года на нас напала фашистская Германия. На нас напала фактически вся Европа. Нашу землю топтали, наших людей убивали итальянцы, хорваты, румыны, словаки, финны, австрийцы, венгры, испанцы, французы. Легче назвать какая из европейских стран не послала в русские просторы свои части и соединения, чем перечислять тех, кто пытался уничтожить нашу Родину. И мы в этом неравном противостоянии устояли и победили.

В своём последнем интервью журналисту В. Пескову Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отмечал: «Мы схватились с фашистами, когда почти вся Европа была ими повержена. Мы оставались для многих людей и наций последней надеждой. Мир затаил дыхание в 1941 году: выстоим мы или фашисты и тут возьмут верх?.. Мы победили. Армия наша не только смела захватчиков, но и освободила от фашистов Европу»¹.

Обидно за то, что именно моя держава, явившая уникальный пример спасения целого континента от унижения, насилия и раб-

¹ Венок Славы. Т. 12. – М., 1987. – С. 41 – 43.

ства, которые нёс ему фашизм, подвергается сегодня беспрецедентному оскорблению и унижению со стороны тех, кого она освободила. В истории человечества есть немало примеров, когда та или иная страна в упорной борьбе с агрессором добивалась победы и избавляла себя от порабощения. А вот когда одна страна освобождает от порабощения не только себя, но и целый континент, такого человечество история ещё не знала.

Обидно за державу, в которой её Вооружённые Силы, одержавшие Великую Победу, подвергаются беспрецедентному оскорблению и унижению. Опошлены все самой высокой мерки подвиги защитников Родины, оскорблена деятельность почти всех полководцев Великой Отечественной войны, наглым образом искажена суть каждого большого и малого сражения Красной Армии, деятельность Ставки Верховного Главнокомандования.

Обидно за Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина. Человек, который всю войну руководил всеми партийными и государственными органами, фронтом и тылом, который не прекращал этого руководства ни на один час даже будучи больным, при выездах на фронт или за границу. Который отдал всего себя делу достижения победы над врагом и привёл к ней страну и народ, – этот человек оболган, унижен, оскорблён и превращён в монстра. В годы войны не только союзники, но даже враги не позволяли себе подобного.

Известный советский генерал М. А. Гареев, стойкий защитник советского прошлого и чести наших Вооружённых Сил, подсчитал, что за весь период войны Красная Армия и Военно-Морской флот провели 51 стратегическую, 250 фронтовых и около 1000 армейских операций. Все они, – отмечает он, – проводились под руководством Ставки во главе со Сталиным. Кто возьмётся доказать, что хоть к какой-либо из них не причастен Сталин? Ни одна из многочисленных операций не могла начаться, пока её не утвердит Верховный Главнокомандующий.

При этом Сталин не просто присутствовал при разработке операций, а руководил этой разработкой, не просто подписывал план её проведения, а делал уточнения, замечания, вносил свои предложения. Под руководством Сталина одержаны блестящие победы Красной Армии под Москвой, Сталинградом,

Курском, в Белоруссии, при освобождении европейских стран. Победы хотя бы в одном из этих сражений вполне достаточно, чтобы поставить Сталина в ряд выдающихся полководцев. Именно так считали руководители многих стран антигитлеровской коалиции и известные зарубежные военные авторитеты. Именно так считали и у нас в Советском Союзе до смерти Иосифа Виссарионовича. Однако стоило вождю упокоиться, как в оценках его полководческой деятельности зазвучали иные нотки.

Критики военной деятельности Сталина из кожи лезут вон, выискивая у него просчёты и ошибки. А у кого их не было? У Жукова? У Василевского? У Конева? Но об этом не пишут. Были ошибки и у Сталина, как у любого смертного. Но говорить о них надо в интересах исторической правды, а не для того, чтобы делать шизофренические выводы вроде того, что он руководил военными операциями по глобусу, или, что мы победили не благодаря, а вопреки Сталину. Критиковать надо, но не злобствуя.

Обидно за воинов, которые бросались в атаки на врага со словами «За Родину, за Сталина!» Антисталинисты оскорбили память тех из них, которые погибали с этим возгласом. А тем, кто ещё жив, они плюют в душу. Плюют и крестятся. Но что с них взять, живущих без царя в голове!

Руководство боевой работой Красной Армии в годы Великой Отечественной войны – это одна сфера военной деятельности Сталина. Но была и другая, не менее важная. Армию надо вооружить, накормить, подготовить для неё резервы. Этими вопросами занимался Государственный Комитет Оборона, возглавляемый Сталиным. Ни один маршал в этот орган не входил. По этим вопросам ни у одного военачальника не болела голова. А сколько времени занимала дипломатическая работа и сколько энергии она требовала! И всё это лежало на плечах Сталина. Приходится только удивляться, как он выдержал эту нечеловеческую нагрузку.

Если вообразить весы, на которые можно было бы бросить персональный вклад любого советского человека из тех миллионов, которые с оружием в руках и своим трудом защищали Родину – на поле брани или в сборочном цехе завода, в партизанском отряде или в конструкторском бюро, в Ставке или ГКО, – я

уверен: вклад гражданина Советского Союза Сталина Иосифа Виссарионовича был бы самым весомым. И вместо благодарности поток грязи, лжи и надуманных обвинений, стремление втоптать в грязь. Вот и 9 мая в этом году и очередная дата Курской битвы прошли без упоминания имени Верховного Главнокомандующего Сталина. Доколе мы будем заниматься этим пакостным делом!?

И второе, что заставило меня взяться за этот труд. Так получилось, что своей книгой «Бомбардировщики Aviации дальнего действия в небе над Курской дугой» я серьёзно окунулся в тему Курской битвы. Основой указанной книги послужили не только архивные документы, отражающие боевую работу Aviации дальнего действия (АДД), но и документы общего характера, начиная с директив Ставки и кончая донесениями командующих фронтами. Большим подспорьем стали для меня два сборника документов – «Прелюдия Курской битвы» и «Курская битва».

Оба издания находятся в моей личной библиотеке. В преддверии празднования 65-летия нашей Победы решил выяснить располагают ли этими сборниками основные библиотеки Белгорода. К работе привлёк своего неизменного помощника С. С. Михедина и почитателя моих трудов по АДД историка Ю. М. Москаленко. Совместными усилиями мы выяснили, что ни в Белгородской государственной универсальной научной библиотеке, ни в библиотеках вузов города этих сборников нет. Обидно стало за «малую родину». Историки Белгородчины и просто те, кто интересуется Курской битвой, лишены возможности изучать по документам подготовку и ход этого сражения.

Вот так родился замысел этой книги. Он свёлся к решению главной задачи: доказать, как ни странно, очевидное – Сталин один из выдающихся полководцев Великой Отечественной войны. Для этого потребовалось «пройтись» по некоторым антисталинистам, которые пытались и пытаются низвергнуть Сталина с полководческого пьедестала.

Убийственным материалом в борьбе с недругами Сталина являются воспоминания советских военачальников периода Великой Отечественной войны, которые вместе с ним привели страну к Победе. Они были рядом со Сталиным и в период поражений и в период побед. Они видели его, они слушали его,

они говорили с ним. Описание ими стиля работы Верховного Главнокомандующего не оставляет камня на камне от всех домыслов и мифов, а проще, от всего мусора, который нанесён антисталинистами на могилу Сталина за минувшие полвека очернения. Мемуары военачальников, все без исключения, увидели свет после смерти Сталина. А это значит, что их авторы воспринимали свои встречи с ним без оглядки на то, как он реагирует на тот или иной описанный ими факт. В связи с этим можно сказать, что их мемуары максимально объективны.

Мемуаристов, которые оставили драгоценные свидетельства о полководческой деятельности Сталина уже давно нет в живых. Больше о личных встречах с Верховным Главнокомандующим по вопросам ведения войны нам никто не расскажет. Нынешние издательства переизданием этих воспоминаний особо не увлекаются по той простой причине, что в них правда о Сталине-полководце. Поэтому всё, что оставили нам выдающиеся советские военачальники о Верховном Главнокомандующем – это уникальный материал в борьбе с антисталинистами всех уровней и мастей. Цитирование их мыслей, оценивающих полководческую деятельность Сталина, зарисовки личных встреч, дающих возможность понять стиль его руководства вооружённой борьбой, должны стать неотъемлемой частью книг, авторы которых ставят перед собой благородную цель – защитить доброе имя Иосифа Виссарионовича от нападок, лжи и клеветы.

Приоритет в моей книге получили три Маршала Советского Союза (Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский), один Главный маршал авиации (А. Е. Голованов) и один генерал армии (С. М. Штеменко). Считаю, что их воспоминания самые интересные и популярные. Всё, что каждый из них написал о Сталине, за небольшим исключением, мной воспроизведено. При этом сохранены названия глав книг, позволяющих читателю уяснить, к какому периоду относится та или иная цитата.

Что касается мемуаров Голованова, то факты, описанные Александром Евгеньевичем, сгруппированы по отдельным разделам, отражающим некоторые аспекты государственной деятельности И. В. Сталина и его личностные качества. Голованов был весьма близок к Сталину и в своих воспоминаниях уде-

лил ему, стилю его работы как Верховного Главнокомандующего гораздо большее внимание, чем кто-либо другой из меуаристов. К свидетельствам Голованова можно относиться с весьма большим доверием.

Из книг других военачальников, государственных и партийных деятелей, взяты наиболее яркие эпизоды и характеристики.

С тем чтобы показать роль Сталина в период подготовки и проведения операции на Курской дуге, мне пришлось вновь обратиться к мнениям и оценкам тех же авторов. Таким образом, их воспоминания оказались разорванными и разнесены по двум главам – первой и третьей.

Что касается документального отражения роли Сталина в Курской битве, то оно сконцентрировано во второй главе книги, а сами документы извлечены из упомянутых сборников по одному-единственному критерию – если документ подписан лично Верховным Главнокомандующим или совместно с кем-либо из Ставки или Генерального штаба.

Документы и воспоминания военачальников, государственных и партийных деятелей, сконцентрированные в книге, – серьёзный удар по измышлениям антисталинистов и прекрасная иллюстрация полководческого таланта И. В. Сталина.

Почему за основу взята Курская битва? Ответ лежит на поверхности: во-первых, по месту проживания я белгородец; во-вторых, Белгород и Курская битва неотделимы; в-третьих, наряду с Орлом, Белгород является городом первого салюта, а его идея и осуществление целиком и полностью принадлежат Иосифу Виссарионовичу Сталину – полководцу полководцев Великой Отечественной войны.

В двухтысячном году увидела свет замечательная книга Григория Липартелиани «Сталин Великий». В отзыве на неё известный историк И. Я Фроянов писал: «Сегодня пишущих о Сталине можно разделить на две категории. Одна из них, наиболее многочисленная, «возит» грязь и мусор на могилу Сталина, а другая «вывозит», делая это ради исторической правды и справедливости».

К последней категории отношу себя и я. И если мне своей работой удастся с могилы Сталина «вывести» хоть незначительную часть мусора, буду безмерно счастлив.

Глава первая

Исключённый из когорты полководцев. Ну и ну!

Любая война – это испытание на прочность всех её составляющих: людей, техники, военного искусства, государственно-политической системы. Не всё и не все проходят это испытание успешно. Война рождает предателей и трусов, героев и полководцев. При этом они могут быть не только среди победителей, но и среди побеждённых. Вполне естественно, что у победителей героев и полководцев всегда больше.

Разгромив фашистскую Германию, Советский Союз стал в Великой Отечественной войне победителем. Победа советского народа – слагаемая многих факторов. Одним из них стало непревзойдённое военное искусство взращённой ходом войны целой плеяды талантливых советских военачальников и полководцев. Среди них И. В. Сталин – звезда первой величины. Так считалось в годы войны и в послевоенный период вплоть до кончины вождя. И вот уже более полувека эту истину, казалось бы, не требующей доказательств, стараются опровергнуть.

Первым камень в Сталина-полководца бросил Н. С. Хрущёв. Именно он дал «зелёный свет» безудержному потоку лжи, которая вот уже более полувека чернит деятельность Сталина в годы Великой Отечественной войны. Совершил он это действие относительно смело: мёртвые львы всё же не кусаются. А посему и подло: мёртвый не способен ответить. Прибегать к сослагательному наклонению, к примеру, в таком вопросе – а смог бы он это сделать при жизни вождя? – нет смысла. Ответ очевиден.

Постепенно к Хрущёву присоединились и другие бросатели камней. В основном это некоторые члены Политбюро ЦК КПСС. Так в высших эшелонах власти сформировалась устойчивая группа антисталинистов, которая посчитала, что в период правления Сталина во внутренней и внешней политике Советского Союза было много ошибок и что причиной этого является культ его личности. Свалив всю ответственность за неудачи истинные и мнимые на одного человека, часть партийной верхушки развернула кампанию по дискредитации бывшего руководителя партии и государства.

Действительно ли в основе этого явно непродуманного шага лежало страстное желание что-то исправить? Отнюдь нет! Если так называемый культ личности привёл к негативным явлениям во внутренней и внешней политике государства, и ты искренне желаешь этот негатив устранить, то сядь и подумай. Подумав, проанализируй проблему, наметь пути исправления и работай без шума и треска. Но нет, надо пошуметь, ибо без шума никто не узнает, что ты умнее своего предшественника.

Почему произошла эта, без всякого преувеличения, трагедия? Судьбе было угодно, что на смену Сталину как первому лицу в партии, а это в советское время была главная руководящая должность во всей партийно-государственной системе, пришёл Хрущёв. Сталин и Хрущёв по чисто человеческим качествам, по знаниям, стилю и методам руководства – это антиподы. Удачно на эту тему выразился публицист Юрий Белов: «Сталин и Хрущёв – это величие и посредственность». Ещё резче о Хрущёве сказал В. М. Молотов. По его мнению, он: «ноготка Сталина не стоит, был правый человек, насквозь гнилой, тяготел к троцкизму, он только примазался к партии, не верил ни в какой коммунизм». Хрущёв наследовал власть, но не дух предшественника.

Здесь уместно вспомнить крылатое выражение Михаила Шолохова о том что «был культ, но была и личность». На пустом месте культ не создаётся. Без выдающихся личностных качеств лидера и его вклада в общее государственное дело никто славить его не будет. Только личность может создать культ. Говорят, что развен-

чав «культ личности» Сталина, Хрущёв создал свой. Что ж, верно! Как верно и то, что это был культ но уже без личности.

Но главное не это. Главное заключается в том, что судьбе было угодно привести к власти в нашей стране нового лидера, уступавшего своему предшественнику буквально по всем параметрам, которые олицетворяют руководителя высшего ранга. Даже это куда б ни шло. Дело в том, что Сталина сменил человек, если выразиться помягче, с негативным в личном плане отношением к нему. Причиной этого, как считают многие, стал расстрел сына Хрущёва за преступления в годы Великой Отечественной войны. Хрущёв умалил Сталина помиловать сына, но тот ему отказал.

Сегодня, с вершины более чем полувека, можно обозначить несколько очевидных этапов борьбы Хрущёва со Сталиным.

Первый начался ещё при жизни вождя, а точнее за несколько дней до его кончины, когда ему, парализованному, в течение почти суток не оказывалась медицинская помощь. К этому античеловеческому действию причастны Н. С. Хрущёв, Г. М. Маленков и Л. П. Берия. Многие историки считают, что это был сознательный шаг.

Второй начался вскоре после похорон Сталина, в конце марта – начале апреля 1953 года, когда его имя стали предавать забвению. Резко сократилось упоминание имени Сталина в печати, а то, что проскакивало в виде статей, тщательно просеивалось. По партийным каналам пошло требование поменьше упоминать имя Сталина в докладах и лекциях по вопросам внутренней и внешней политике партии. В памятные даты о событиях, к которым был причастен Сталин, стали говорить о нём всё меньше и меньше. Издание произведений Сталина, остановившееся на тринадцатом томе, не было продолжено. Набор планировавшихся трёх последних томов рассыпали, оригиналы исчезли. В средствах массовой информации стали проскальзывать критика некоторых аспектов политической и государственной деятельности Сталина, некоторых его решений.

Третий этап начался после того, как Хрущёв укрепился на вершине власти. Он стал позволять себе резкие высказывания в адрес Сталина на заседаниях Президиума ЦК КПСС, во время встреч

с партийным и советским активом. Это были отдельные выпады в адрес прежнего лидера. Те деятели, которые в своих воспоминаниях пытались рассказать о совместной работе со Сталиным, одёргивались. Имя Иосифа Виссарионовича стало выхолащиваться из художественных произведений. Головной болью для Президиума ЦК КПСС в этот период стало обсуждение вопроса, как освещать в печати очередной день рождения вождя. Сопротивлялись этой первой волне открытой критики только единицы. Наиболее активно хрущёвскому натиску противостояли В. М. Молотов, Л. М. Каганович да, пожалуй, А. А. Андреев. Очень хорошо эту панораму развернул на страницах (70 – 98) своей книги «Сталин перед судом пигмеев» писатель Ю. В. Емельянов.

В течение трёх лет, на протяжении этих этапов, Хрущёв внимательно анализировал, как на эти выпады реагирует его ближайшее окружение, партийный и советский актив. И всё это время он готовился к главному этапу борьбы со Сталиным – открытому и всеобъемлющему развенчанию его «культы личности» на партийном форуме.

XX-й съезд КПСС... Позорное пятно в истории партии и истории советского периода! С февраля 1956 года по стране начала разливаться жёлчью беспримерная в истории кампания клеветы. Ей нет аналогов не только в масштабах нашей страны, но и в мире. Тогда мало кто понимал, какие могут быть катастрофические последствия этого необдуманного шага Хрущёва. С открытой критики И. В. Сталина начался постепенный развал великой державы. Ибо критика её тридцатилетнего руководителя – это не что иное, как разрушение фундамента этой державы.

Наскок Хрущёва на Сталина стал неожиданным лишь для делегатов съезда, и то не для всех. А что касается широких народных масс, то критика в адрес Сталина стала сродни грому среди ясного неба.

Принято выступление Хрущёва под названием «О культе личности и его последствиях», которое, кстати, в СССР впервые было опубликовано лишь в 1989 году в третьем номере «Известий ЦК КПСС», называть докладом. Это неверно. В повестке дня съезда такого вопроса не было. Само выступление

готовилось в тайне, о нём знал ограниченный круг людей. Избранием Центрального Комитета съезд завершил свою работу накануне. Более того, Пленум нового ЦК избрал Хрущёва Первым секретарём. То есть официально, исчерпав повестку, XX-й съезд КПСС завершил свою работу. Значит формально выступление Хрущёва «О культуре личности и его последствиях» состоялось после завершения работы съезда.

Само выступление длилось несколько часов. Выступающий зачитывал подготовленный текст и делал многократные отступления. Делегаты съезда слушали его, затаив дыхание. И это объяснимо: ещё три года назад для подавляющего числа присутствующих Сталин являлся безупречным, а тут преподносится, как чуть ли не преступник. Заслушав выступление в гнетущей тишине, делегаты были так потрясены, что не задали ни одного вопроса. Аплодисментов по ходу выступления не было. Предложений для участия в прениях не последовало. Так и разошлись молча. Таким образом, выступление Хрущёва было только заслушано, но не обсуждалось.

Трудно сказать, как развернулись бы события, если бы это выступление Хрущёва было внесено в повестку дня. Тогда бы делегаты съезда знали об этом заранее, и, вполне естественно, многие из них стремились бы высказать свою точку зрения по столь неординарному вопросу. Предвидя при таком варианте возможные негативные последствия, Хрущёв и совершил своеобразный «ход конём»: его выступление состоялось после избрания нового ЦК, оно прозвучало как информация, в закрытом режиме и без возможности для делегатов высказать свою точку зрения. До сих пор многие считают Хрущёва таким простачком, рубахой парнем. Нет, это был хитрый политик.

Апогеем борьбы Хрущёва со Сталиным стало решение XXII-го съезда КПСС о выносе тела бывшего руководителя страны из Мавзолея. В постановлении по этому вопросу признавалось «нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина, так как серьёзные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие

действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее»¹.

А завершил Хрущёв подлое дело по отношению к Сталину своими мемуарами. Впервые у нас в стране они были опубликованы в 1990 году в девятом номере журнала «Вопросы истории». Как видим, широкая общественность страны познакомилась и с содержанием выступления и с мемуарами практически одновременно, и сделано это было в разгар горбачёвской перестройки. Не без умысла.

Из всех хрущёвских обвинений в адрес Сталина следует выделить главное. Это: репрессии, особенно во второй половине тридцатых годов; неподготовленность страны к отпору агрессии со стороны Германии; и многочисленные ошибки в руководстве Вооружёнными Силами страны, преимущественно в сражениях 1941 – 1942 годов.

Вот оценки Хрущёва, относящиеся к руководящей деятельности Сталина в период войны:

«Единовластие Сталина привело к особо тяжким последствиям в ходе Великой Отечественной войны».

«Сталин один действует за всех, не считаясь и не советуясь ни с кем».

«Он действовал не путём убеждения, разъяснения, кропотливой работы с людьми, а путём навязывания своих установок, путём требования безоговорочного подчинения его мнению. Тот, кто сопротивлялся этому или старался доказывать свою точку зрения, свою правоту, тот был обречён на исключение из руководящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением».

«Болезненная подозрительность привела его к огульному недоверию... Создавалась такая обстановка, при которой человек не мог проявить свою волю».

«После начала войны та нервозность и истеричность, которую проявлял Сталин при своём вмешательстве в ход военных операций, наносили нашей армии серьёзный ущерб».

---

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. Т. 3. – М., 1962. – С. 362.

«Сталин операции планировал по глобусу. Да, товарищи, возьмёт глобус и показывает на нём линию фронта».

«Сталин был очень далёк от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах. И это естественно, так как за всю Отечественную войну он не был ни на одном участке фронта».

Вот такой набор оценок руководящего стиля Верховного Главнокомандующего. Сталин не полководец – вот главное в хрущёвской критике его военной деятельности. И что ни оценка – везде ложь, причём ложь наглая, ибо даже на себе Хрущёв, являясь одним из руководителей фронтового звена, неоднократно сталкивался с фактами коллективного руководства со стороны Ставки ВГК. А если он или командующий фронтом и получали указания лично от Сталина, то они исходили от него как руководителя этого военного органа. И зачастую это указание было результатом коллективного обсуждения того или иного вопроса. А сам Хрущёв, как член Военного совета фронта не давал указаний? Конечно же, давал. И они тоже были результатом коллективного разума.

Это одна сторона дела. Другая заключается в том, что в ходе выполнения того или иного решения, и командующий фронтом и член Военного совета вынуждены были давать и свои личные указания. На то и существует в армии единоначалие. И этим правом единоначальника Хрущёв пользовался в полной мере. Почему же этим правом не может пользоваться руководитель Ставки ВГК? Или принцип единоначалия кончается на фронтовом уровне? Заврался тут Никита Сергеевич, ох как заврался!

Заврался он и в своём опусе насчёт того, что тот, кто имел своё мнение, тот был обречён на моральное и физическое уничтожение. За своё мнение Сталин никого не наказывал, наоборот он с уважением относился к человеку, который имел свою точку зрения, имел смелость её выражать и отстаивать. Примеров этому – множество. Давайте применим этот хрущёвский вывод к нему самому. Если Никита Сергеевич, пройдя всю войну, сохранил голову, то значит он, холуйствуя, ни по одному вопросу не имел своего мнения. А если он имел свою точку

зрения и высказывал её Сталину, то каким образом он за это не поплатился?

В выступлении на съезде Хрущёв попытался взвалить вину на Сталина за наше крупное поражение под Харьковом весной 1942 года. Но ведь эту операцию проводил Юго-Западный фронт под руководством командующего С. К. Тимошенко и члена Военного совета Н. С. Хрущёва. Именно они спланировали эту операцию и убеждали Ставку, что успех будет гарантирован. И здесь, выгораживая себя, заврался Никита Сергеевич.

Ну а насчёт руководства военными операциями «по глобусу» высказались многие советские военачальники. Большинство из них опровергли это клеветническое измышление Хрущёва. Вот только одно из подобных высказывания. Оно принадлежит Маршалу Советского Союза К. А. Мерецкову: «В некоторых книгах у нас получила хождение версия, что будто И. В. Сталин руководил боевыми операциями «по глобусу». Ничего более нелепого мне никогда не приходилось читать. За время войны, бывая в Ставке и кабинете Верховного Главнокомандующего с докладами, присутствуя на многочисленных совещаниях, я видел, как решались дела. К глобусу Сталин тоже обращался, ибо перед ним вставали задачи и такого масштаба. Но вообще-то он всегда работал с картой и при разборе предстоящих операций порой, хотя далеко не всегда, даже «мельчил»»¹.

О том, как готовились топографические карты для Верховного Главнокомандующего, рассказал генерал армии А. И. Грибков. В годы войны в звании майора он работал в Оперативном управлении Генерального штаба.

«Работа была организована в две смены по три-четыре офицера в каждой, по утрам с 8 до 10 часов трудились все офицеры направления с таким расчётом, чтобы к 11 часам, к приезду на работу И. В. Сталина, генералов А. И. Антонова и С. М. Штеменко, карты у них были на столе с самой последней оперативной обстановкой, со всеми необходимыми справками и подлинными документами, полученными с фронтов, и заверенные подписью начальника направления.

¹ Мерецков К. А. На службе народу. – М. 1988. – С. 366.

С каким старанием, если хотите, любовью, гордостью и ответственностью мы работали над картами, которые предназначены лично для И. В. Сталина. То, что исполненную тобой работу будет изучать Верховный Главнокомандующий, уже вдохновляло. Я был бы неискренен, если, поддавшись веяниям времени, не сказал бы об этом.

Было несколько случаев, когда Верховный Главнокомандующий вызывал к себе для доклада начальников направлений, как потом они рассказывали, убеждался, что именно начальник направления является главной рабочей фигурой в Генеральном штабе. А однажды он поинтересовался, почему начальники направлений ходят в звании полковников. После этого нашим руководителям стали присваивать генеральские звания»¹.

В отношении того, что Сталин ни разу не выезжал на фронт. Этому можно было бы поверить, если бы Хрущёв, добавлял бы, что Сталин не выезжал на тот фронт, на котором он являлся членом Военного совета. Но речь идёт о том, что Сталин якобы за всю войну не был ни на одном участке фронта. Это очередное хрущёвское враньё. Был Сталин на фронте и не один раз. Но выезжал он не для того, чтобы попасть на передовую, не раскурить с солдатами в окопе самокрутку, или пойти с ними, как Ворошилов, в атаку. Если он выезжал на фронт, то только туда, где и положено быть Верховному Главнокомандующему. Вообще-то это абсурд: первому лицу государства, занимавшему все высшие военные посты, выезжать в действующую армию для того, чтобы изучать реальную обстановку на том или ином фронте. Это, по меньшей мере, было бы со стороны Сталина позёрством. Чего он категорически не терпел и сам подобного никогда не проявлял.

И ещё на одно высказывание Хрущёва, подхваченное многими антисталинистами, следует обратить внимание: «Сталин очень усиленно популяризировал себя как великого полководца... Не Сталин, а партия в целом, Советское правительство, наша героическая армия, её талантливые полководцы и доблестные воины, весь советский народ – вот кто обеспечил победу в Великой Отечественной войне».

¹ Военно-исторический журнал. – 1995, № 3.

Не всё тут верно у Никиты Сергеевича! В каком документе, у кого в книге приводится хоть один факт, подтверждающий стремление Сталина популяризировать себя как великого полководца? Или, может быть, на этот счёт есть высказывания самого Сталина?

И в партии были подлецы, и в армии были трусы и среди народа были предатели. Обобщать всё это можно лишь в докладах на торжественных собраниях. С другой стороны, можно ли отрывать от партии её Генерального Секретаря? Можно ли говорить о героической армии, не упоминая имени наркома обороны, руководителя Ставки и ГКО? Можно ли говорить о талантливых полководцах, не называя единственного за годы Великой Отечественной войны Генералиссимуса Советского Союза?

Тактический ход Хрущёва на том съезде вполне понятен. Весь этот набор высоких слов при перечислении слагаемых победы был адресован, прежде всего, сидевшему в зале генералитету. Похвалив их на фоне омерзительного охаивания Сталина, руководитель партии постарался, чтобы они не очень-то возникали, а тем более не вздумали прибегнуть к каким-либо непродуманным и скоропалительным действиям. И добился все-таки своего.

Ошельмованный во внесъездовском выступлении Хрущёва, Сталин окончательно начал исчезать со страниц официальной истории, его имя зачёркивалось в школьных учебниках, бесследно исчезли портреты, его книги с полок библиотек перекочевали в подвалы и спецхраны, бульдозерами и тракторами стаскивались с постаментов бронзовые, гипсовые и цементные статуи и бюсты.

Эта тенденция, после небольшой «оттепели» по отношению к Сталину в период брежневского правления, усилилась при горбачёвской перестройке. Тридцатилетний период чернения сделал своё подлое дело. В стране пробудились антисоциалистические настроения, породившие не «прорабов перестройки», а иуд социализма. Главным из них стал Иуда Б. Н. Ельцин. Мировая истории предательств знала немало одиозных фигур, Ельцин превзошёл всех их многократно, ибо он предал не

кого-то, а саму идею более справедливого мироустройства. А ведь этой идеей жило подавляющее число населения страны, за неё отдали жизни миллионы людей, начиная с восстания Ивана Болотникова и кончая защитниками советской Родины в годы Великой Отечественной войны.

Хрущёв чернил Сталина, искажал его роль в Великой Отечественной войне для того, чтобы поскорее утвердиться на олимпе политической власти, поскорее выйти из тени вождя. Горбачёв продолжил это пакостное дело для того, чтобы придать социализму «человеческое лицо». Лица не получилось, а по морде получили оба. Но куда б ни шло, если бы только они вдвоём! Пощёчину получила подавляющая часть населения Советского Союза. Вот уже двадцать лет горит она и на моём лице. В общем, хотели, как лучше, а получилось, как всегда.

Контрреволюционный переворот, совершённый вопреки мнению и желаниям большинства населения Иудой-Ельциным, надо было оправдывать и защищать. Лучший способ для этого – очернение прошлого. Не Сталин сам по себе как личность, как руководитель, государственный деятель и полководец главный объект оголтелой критики со стороны антисталинистов, нет, а «построенный в боях социализм». Это не антисталинская, как представляется на первый взгляд, акция, а **антисоветская!**

В подтверждение этих мыслей приведу выдержку из солидной по своему содержанию книги Б. Соловьева и В. Суходеева: «Атаки идут по всему фронту, охватывают все звенья советского военно-политического руководства, начиная от Верховного Главнокомандования и кончая нижними командными инстанциями Красной Армии. Цель ясна. Она преследует стремление дискредитировать всё и вся, связанное с советским периодом истории нашей Родины и особенно завоевание нашим народом Великой Победы в Отечественной войне, оказавшей огромное воздействие на ход всемирной истории. В атаки вовлечены силы разного калибра – от бывших генсека ЦК партии Горбачёва и члена Политбюро ЦК А. Яковлева до оборотня в генеральском мундире Волкогонова, радзинских, мерцаловых

и десятков им подобных лжеисториков, псевдополитиков и продажных писателей»¹.

В постсоветское же время, с помощью созданного властными структурами антисоветского направления в исторической науке, позитивные факты военной деятельности Сталина преданы забвению. И вот уже более полувека в напряжённейшем авральном ритме работают два основных фальсификационных направления. С одной стороны – замалчивание конкретных положительных исторических фактов деятельности Сталина в период войны, и, с другой, – их явно искажённая интерпретация. Выискиваются всё новые и новые так называемые его «ошибки», которые призваны свести на нет полководческий дар Верховного Главнокомандующего. Сталин не полководец – вот главное в критике военной деятельности Сталина со стороны антисталинистов.

Вот мнение небезызвестного В. П. Астафьева: «Конечно, Сталин – это никакой не полководец. Это ничтожнейший человек, сатана, посланный нам за наши грехи». Что и говорить, погрешил Виктор Петрович на ниве военной истории предостаточно. А вот мнение генерала-историка Д. А. Волгогонова: «Думаю, в полном смысле слова Сталин не был полководцем». А я думаю, в полном смысле слова Дмитрий Антонович не был историком.

Более того, некоторые послехрущёвские антисталинисты доводят критику военной деятельности Сталина до абсурда. Так, А. Н. Мерцалов и Л. А. Мерцалова в своей книге делают вывод, который иначе как шизофренией назвать нельзя: «Порочное руководство войной было главным преступлением сталинизма»². Уму непостижимо!

И получается какая-то парадоксальная война: если речь идёт о какой-либо неудачной операции Красной Армии, то Сталин тут как тут. Эта операция расценивается как следствие неумелой и безынициативной деятельности Верховного Главнокомандующего. Вся вина возлагается на него. Если разговор заходит об операции победоносной, то имя Сталина начисто отсутствует.

¹ Соловьёв Б., Суходеев В. Полководец Сталин. – М., 1999. – С. 101.

² Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Иной Жуков. Неюбилейные страницы биографии сталинского маршала. – М., 1996. – С. 61.

Вроде его при этом и не было. Или во всех деталях расписывается деятельность Ставки или ГКО при осуществлении той или иной операции, но то, что этими органами руководил Сталин, и что он принимал самое активное участие в деле планирования этих операций и руководил их проведением, напроочь замалчивается. Опубликованы тысячи книг и статей, в которых авторы ну просто наизнанку выворачиваются, стыдливо прикрывая имя Сталина названиями этих органов – Ставкой и ГКО. Тут уж не до полководческих регалий. Вот так, постепенно искажая роль Сталина в Великой Отечественной войне, некоторые «историки» пришли к выводу, что победил в ней Советский Союз не благодаря, а вопреки Сталину. Это ещё один абсурд: вопреки руководителю Ставки и Государственного Комитета Оборона, вопреки руководителю Красной Армии. И не вдомёк горе-учёным, как они позорят своё имя этими псевдонаучными выводами.

Достоиную отповедь подобным взглядам дал лидер КПРФ Г. А. Зюганов: «Но при этом никто не может внятно объяснить, какие существуют основания отказывать Сталину в триумфе победителя, если его армия безоговорочно выиграла величайшую в мировой истории войну. А одного желания, как бы велико оно ни было, затушевать историческую роль Сталина в войне явно недостаточно. Как заметил один современный публицист, если Сталин не имеет отношения к победе, значит, её вовсе не было. Заявление о том, что «в войне победил народ, а не Сталин» – от лукавого, служит лишь для того, чтобы уйти от серьёзного обсуждения темы. Отнимая победу у Сталина, её отнимают и у народа»¹.

Политический обозреватель «Правды» В. С. Кожемяко, выступая на одном из заседаний «круглого стола», говорил: «Дескать, никакая это не победа. Или в припадке откровенности, даже так: «Лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А ещё лучше б – в 1941-м!» Это я дословно цитирую одного из них – Александра Минкина. Другие же, если и не столь откровенно, упорно доказывают, повторяют, внушают: во время войны Сталин и вообще советское руководство всё или по-

---

¹ Зюганов Г. А. Сталин и современность. – М., 2008. – С. 199.

что всё делали не так, как надо. Начиная с 22 июня 1941 года, неверные действия, сплошные ошибки, просчёты, недомыслие. Отсюда, мол, колоссальные жертвы.

И после этого, коли даже признать, что Победа всё-таки была, Сталин и коммунисты не имеют к ней отношения. К большому людскому и материальным потерям страны – да, имеют, за это в ответе, а победный исход достигнут помимо них и вопреки им. Но это и есть самая вопиющая фальсификация!»¹

На политическом теле Сталина нет ни одного живого места, так оно избито его, до кипения дошедшими в своей ненависти, нынешними политическими противниками. Нет ни одной сферы его партийной, государственной и военной деятельности, не изгаженной грязными руками подкормленных писак, защищающих строй узаконенных воров, религиозных шулеров и нравственных уродов. Его бичуют в статьях и книгах, в школьных учебниках, по поводу и без него хулят в радиопередачах и с экранов телевидения, его образ уродливо преподносится в художественных фильмах, негативную оценку дают ему руководители страны. Можно сказать, что у целого поколения советских (российских) людей украли подлинного Сталина.

Эта вакханалия продолжается вот уже более полувека. Чтобы пересчитать оставшиеся по всей стране памятники вождю, видимо, хватит пальце двух рук. «Война с памятниками» докатилась и до его родного Гори, где 25 июня 2010 года, под покровом темноты, демонтировали бронзового Сталина. А через два дня скульптурную возню в Грузии продолжили руководители города Ткибули. Памятник Сталину был установлен здесь ещё при его жизни. В конце восьмидесятых его сносили, но при Э. Шеварнадзе восстановили. И вот он снова сброшен с пьедестала.

И в годы войны и в послевоенные восемь лет, когда Сталин был жив, и три года после его кончины, полководческое дарование Иосифа Виссарионовича не оспаривалось. Даже за рубежом. При жизни вождя различного рода публикаций на тему о роли Сталин в Великой Отечественной войне с признанием его полководческих заслуг было предостаточно. Через них мил-

---

¹ «Правда». – 2009, 19 – 22 июня.

лионы советских людей узнавали, какую огромную роль он сыграл в деле мобилизации сил на отпор врагу. После его кончины, в связи с «развенчанием» «культы личности», публикации на эту тему постепенно сошли на нет, прежние оценочные факты не воспроизводились, а если что-либо и появлялось, то, главным образом, в негативном плане. Говорить о Сталине-полководце просто перестали.

Полководец! Человек, который полками водит. Какими военными качествами, да и чисто личностными, он должен обладать?

Давайте, читатель, заглянем в шестой том Советской военной энциклопедии, и посмотрим какое толкование она даёт этому слову. Читаем: ««Военный деятель, военачальник, умело руководящий вооружёнными силами государства или крупными воинскими формированиями... К полководцам обычно относят лиц, обладающих талантом, творческим мышлением, способностью предвидеть развитие военных событий, волей и решительностью, богатым боевым опытом, высокими организационными способностями, интуицией и другими качествами».

Кого же автор энциклопедической статьи М. П. Скирдо отнёс к советским полководцам? Цитирую дальше: «Всенародную признательность получили такие советские полководцы, как М. В. Фрунзе, Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, Н. Ф. Ватутин, Ф. И. Толбухин, Р. Я. Малиновский, И. Д. Черняховский и другие».

Вы удивлены, читатель? Я тоже: среди перечисленных нет имени И. В. Сталина. Не думаю, что это проделки автора статьи, это точка зрения Главной редакционной комиссии, порождённая официальной установкой партийно-государственной верхушки.

А вот как раскрывает содержание слова «полководец» один из самых ярких представителей этой славной советской когорты Александр Михайлович Василевский: «Полагаю, что точка зрения нашей исторической литературы, согласно которой понятие «полководец» связывается с военачальниками оперативно-стратегического уровня, правильна. Верно и то, что к категориям полководцев следует относить тех военачальни-

ков, которые наиболее ярко проявили на полях сражений своё военное искусство и талант, мужество и волю к победе... Решающим мерилom успешной полководческой деятельности в годы войны, конечно, являлось искусство выполнять задачи стратегических фронтовых и армейских операций, наносить противнику серьёзные поражения»¹.

Чего из перечисленного в объяснении слова «полководец» из энциклопедической статьи и высказывания Василевского у Сталина не было? Даже дремучий антисталинист, если он не совсем потерял совесть, признает, что всеми этими качества Сталин обладал в полной мере. По отношению к нему можно с некоторой долей сомнения отнести к такому качеству, сформулированному Советской военной энциклопедией, как «обладание богатым боевым опытом», «Но у кого он был большим? У Фрунзе в годы Гражданской войны? Нет. У Жукова в предвоенный период? Тоже, нет. Если соотносить этот опыт применительно к тем военным конфликтам, в которых участвовал Советский Союз во второй половине тридцатых годов, то общее руководство боевыми действиями Красной Армии в каждом из них осуществлял Сталин. Но вот Фрунзе и Жуков полководцы, а Сталин – нет. По итогам Гражданской войны, по участию в ней, Сталина уже тогда признавали полководцем. И это правильно!

А о периоде Великой Отечественной войны и говорить не приходится. С 22 июня 1941 года по 2 сентября 1945 года Иосиф Виссарионович Сталин руководил вооружённой борьбой советского народа против фашистской Германии и милитаристской Японии. Руководил изо дня в день, не пропустив ни одного из них. Он занимал все высшие военно-государственные посты – возглавлял Государственный Комитет Обороны, Ставку Верховного Главного командования и Наркомат обороны, руководил всеми большими и малыми военными операциями, руководил в интересах фронта работой всех предприятий страны. И он не полководец!?

Давайте вчитаемся в правдивые слова авторов книги «Полководец Сталин» Б. Соловьёва и В. Суходеева: «Сталин осуществлял руководство **всеми** Вооружёнными Силами страны, каж-

¹ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. – М., 1973. – С. 527, 529.

додневно направлял и координировал боевые действия **всех** фронтовых и армейских объединений действующей армии. Его деятельность пронизывала **все** (выделения авторов текста. – А. С.) важнейшие стороны величайшей из войн: охватывала, помимо собственно военных вопросов, все сферы внутренней и внешней политики Советского государства, от военной экономики и идеологии до дипломатии»¹.

Маршал Советского Союза и не полководец!? А ведь это звание присваивалось «за выдающиеся заслуги в деле руководства войсками». Единственный по итогам войны Генералиссимус Советского Союза и не полководец!? А ведь это звание присваивается «за выдающиеся заслуги перед Советской Родиной в деле руководства всеми Вооружёнными Силами государства во время Великой Отечественной войны» Герой Советского Союза и не полководец!? Награждённый двумя высшими военными орденами «Победа» и не полководец!? Уму непостижимо! Нет, такое может быть только у нас!

Для Сталина, лидера партии и государства, 22 июня 1941 года настал момент истины. Начавшаяся агрессия фашистской Германии против Советского Союза призвана была измерить его (как, впрочем, и любого другого, особенно военного человека) моральную и политическую силу, его интеллект, волю и организаторские способности. Это был ещё один экзамен на звание полководца. И Иосиф Виссарионович сдал его по всем полководческим параметрам превосходнейшим образом.

Нельзя сказать, что неожиданный хрущёвский наскок на вождя, этот гром среди ясного неба, все в стране приняли как истину в последней инстанции. Подавляющее (!) число народа восприняли «развенчание культа личности» как беспардонную ложь. Особое возмущение было среди воинов-ветеранов, прошедших войну с именем Сталина.

Да и среди молодёжи мало кто поверил в эту чудовищную клевету. Вспоминаю свою курсантскую среду, когда мы двадцатилетние второкурсники Казанского военного авиационного технического училища, частенько обсуждали, можно сказать

---

¹ Б. Соловьёв, В. Суходеев. Полководец Сталин. – С. 117.

вполголоса, этот вопрос с преподавателем истории КПСС. Гудела вся страна, но, как и мы, курсанты, на уровне кухонной аудитории. А вот феликсов чувевых было мало, если не единицы.

Но что там мы и нам подобные! Кто из высших эшелонов партийной и государственной власти во время выступления Хрущёва восстал против вопиющей лжи? Кто из членов Политбюро и ЦК КПСС, из состава правительства и руководителей областного уровня встал, и, прервав выступающего, сказал: «Врёте вы, Никита Сергеевич!» Кто из них в протестном гневе бросил партийный билет, заявив, что ему с таким партийным вожаком, который клеветает на своего предшественника, не по пути? Кто из генералитета, полководцев и военачальников защитил полководца-Сталина? Кто из них в знак протеста отказался от должности, снял генеральские или маршальские погоны? К сожалению, ложь Хрущёва с трибуны съезда партии была покорно проглочена всеми делегатами. Без исключения.

Это уже потом, по прошествии лет, осмелевшие после хрущёвского нокаута многие военачальники и полководцы оставили нам в наследство свои мемуары, в которых дали бой Хрущёву, сказали правду о человеке, под руководством которого они воевали, добивались побед в сражениях и, в конце концов, одолели смертельного врага. За это им огромное спасибо. Некоторые из мемуаров переизданы в постсоветское время. Жаль, что они практически нечитаемы сегодня. Многие отважные сталинисты и по сей день в своих книгах о Сталине «опираются» на их высказывания, оценки и примеры. Не обойтись без них и мне. Их свидетельства – бесценное наше оружие: вчера, сегодня и на многие века вперёд, до тех пор, пока ветер истории до конца не унесёт с могилы Сталина весь тот мусор, который на неё натаскали антисталинисты.

Попался на хрущёвскую удочку даже тот, кто всю войну был правой рукой Верховного Главнокомандующего, кто имел возможность почти ежедневно вместе с ним руководить вооружённой борьбой советского народа, который наравне со Сталиным причастен к нашим неудачам и победам в годы войны. Речь идёт о Маршале Советского Союза Г. К. Жукове. В 2006

году вышел восемнадцатый том сочинений И. В. Сталина. В нём перепечатана из книги В. М. Сойма «Запрещённый Сталин» непроизнесённая на Пленуме ЦК КПСС речь Георгия Константиновича. Пленум планировалось провести во второй половине 1956 года. На нём предполагалось вновь обсудить вопрос о культе личности Сталина. Подготовленный текст своего выступления Жуков 19 мая 1956 года направил Хрущёву с просьбой «просмотреть и дать свои замечания». Однако этот партийный форум не состоялся. Непроизнесённая речь Маршала Советского Союза попала в архив.

Давайте познакомимся, как после падения авторитета Жукова в глазах Сталина, а затем после смерти вождя, Георгий Константинович попал в объятия Хрущёва. Свою предполагаемую речь министр Обороны СССР назвал «Состояние и задачи военно-идеологической работы». Солидная часть её посвящена культе личности Сталина.

«Товарищи! В своём выступлении я хочу доложить Пленуму ЦК о состоянии и задачах военно-идеологической работы.

Главным недостатком во всей военно-идеологической работе у нас в стране до последнего времени являлось засилие в ней культа личности.

Должен отметить, что у некоторых товарищей имеется мнение о нецелесообразности дальше и глубже ворошить вопросы, связанные с культом личности, так как, по их мнению, углубление критики в вопросах, связанных с культом личности, наносит вред партии, нашим Вооружённым Силам, принижает авторитет советского народа и тому подобное.

Я считаю, что подобные настроения вытекают из несогласия с решением XX съезда партии, полностью одоббившего положения, изложенные в докладе ЦК по ликвидации последствий культа личности. Если пойти по пути свёртывания работы по ликвидации последствий культа личности, то мы не выполним тех решений, которые единодушно были приняты XX съездом партии. Мы не можем забыть, что культ личности и всё то, что с ним было связано, принёс нам много вреда в деле обороны нашей страны. Мы обязаны из этого извлечь все необходимые

уроки, продолжать настойчиво разъяснять антиленинскую сущность культа личности, преодолевая боязнь обнажения фактов, мешающих ликвидации культа личности.

Как известно, особенно широкое распространение культ личности приобрёл в вопросах, связанных с Великой Отечественной войной.

Отдавая должное заслугам, энергии и организаторской деятельности Сталина, я должен сказать, что культ личности Сталина в освещении войны приводил к тому, что роль нашего народа, партии и правительства, наших Вооружённых Сил принижалась, а роль Сталина непомерно преувеличивалась. Во имя возвеличивания Сталина в нашей военно-идеологической работе было допущено грубое искажение ряда исторических фактов, замалчивание неудач, ошибок, недочётов и их причин, а достижение успехов приписывалось исключительно руководству Сталина. Всё это создавало извращённое представление об исторических фактах и их оценке. Тем самым нарушалась основа партийности в нашей идеологической работе — её историческая правдивость.

На протяжении нескольких лет перед Отечественной войной советскому народу внушалось, что наша страна находится в постоянной готовности дать сокрушительный отпор любому агрессору. На все лады восхвалялась наша военная мощь, прививались народу опасные настроения лёгкой победы в будущей войне, торжественно заявлялось о том, что мы всегда готовы на удар врага ответить тройным ударом, что, несомненно, притупляло бдительность советского народа и не мобилизовало его на активную подготовку страны к обороне.

Действительное же состояние подготовки нашей страны к обороне в то время было далёким от этих хвастливых заявлений, что и явилось одной из решающих причин тех крупных военных поражений и огромных жертв, которые понесла наша Родина в начальный период войны.

Накануне войны организация и вооружение наших войск не были на должной высоте, а что касается противовоздушной обороны войск и страны, то она была на крайне низком уровне.

До 1941 года у нас было очень мало механизированных соединений и только зимой 1941 года было принято решение о формировании 15-и механизированных корпусов за счёт ликвидации кавалерии, но это решение было крайне запоздалым.

К моменту возникновения войны большинство наших механизированных корпусов и дивизий находилось ещё в стадии формирования и обучения, в силу чего они вступили в бой несколоченными и слабо вооружёнными.

Качество нашей авиации оказалось ниже немецкой, да и та из-за отсутствия аэродромов была крайне скученно расположена в приграничной зоне, где и попала под удар авиации противника.

Артиллерия, особенно зенитная, была плохо обеспечена тягачами, вследствие чего не имела возможности передвигаться и в какой-либо степени обеспечить манёвр наших войск на поле боя. Очень много артиллерии из-за отсутствия артиллерийских тягачей было брошено при отходе наших войск.

У Генерального штаба не было законченных и утверждённых правительством оперативных и мобилизационных планов.

Промышленности не были выданы конкретные мобзадания по подготовке мобилизационных мощностей и созданию соответствующих материальных резервов. Особенно плохо обстояло дело с руководящими военными кадрами, которые в период 1937 – 1939 гг. начиная от командующих войсками округов до командиров дивизий и полков включительно, неоднократно сменялись в связи с арестами. Вновь назначенные к началу войны оказались слабо подготовленными по занимаемым должностям. Особенно плохо были подготовлены командующие фронтами и армиями. Огромный вред для Вооружённых сил нанесла подозрительность Сталина по отношению к военным кадрам. На протяжении только четырёх лет, с 1937 по 1941 г., в наших Вооружённых Силах дважды упразднялось единоначалие и вводился институт военных комиссаров, что сеяло недоверие к военным кадрам, подрывало дисциплину в войсках и создавало неуверенность у командного состава.

Слабые стороны в подготовке нашей страны и армии к войне, выявленные в ходе советско-финляндской войны и событий на Дальнем Востоке, не только не устранялись, но по-серьёзному даже не обсуждались ни в ЦК, ни в Совнаркоме, так как все эти вопросы находились в руках Сталина и без его указаний никто не мог принять какого-либо решения.

Вследствие игнорирования со стороны Сталина явной угрозы нападения фашистской Германии на Советский Союз, наши Вооружённые Силы не были своевременно приведены в боевую готовность, к моменту удара противника не были развёрнуты, и им не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника, чтобы, как говорил Сталин, «не спровоцировать немцев на войну».

Знал ли Сталин и председатель Совнаркома В. М. Молотов о концентрации гитлеровских войск у наших границ? Да, знали. Кроме данных, о которых на XX съезде доложил товарищ Н. С. Хрущёв, Генеральный штаб систематически докладывал правительству о сосредоточениях немецких войск вблизи наших границ, об их усиленной авиационной разведке на ряде участков на нашей приграничной территории с проникновением её в глубь нашей страны до 200 километров. За период январь – май 1941 г. было зафиксировано 157 разведывательных полётов немецкой авиации.

Чтобы не быть голословным, я оглашу одно из донесений начальника Генерального штаба главе правительства тов. В. М. Молотову.

«Докладываю о массовых нарушениях государственной границы германскими самолётами за период с 1 по 10. 4. 1941 г. Всего за этот период произведено 47 нарушений госграницы.

Как видно из прилагаемой карты, нарушения в преобладающей своей массе ведутся: а) на границе с Прибалтийским особым военным округом и особенно в районах Либавы, Мемель и Ковно; б) на Львовском направлении на участке госграницы Сокаль, Перемышль

Отдельные случаи нарушения госграницы произведены в направлениях на Гродно, Белосток, Ковель и Луцк. А также на госгранице с Румынией.

Полёты немецких самолётов производились на глубину 90 – 200 км от госграницы, как истребителями, так и бомбардировщиками. Это говорит о том, что немцы производят как визуальную разведку, так и фотографирование.

Прошу доложить этот вопрос тов. Сталину и принять возможные мероприятия. Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков. 11 апреля 1941 г. № 503727».

Никаких реальных мер ни по этому донесению, ни по ряду других не последовало, и должных выводов не было сделано.

Примером полного игнорирования Сталиным сложившейся военно-политической обстановки и беспрецедентной в истории дезориентации нашего народа и армии является сообщение ТААС, опубликованное в печати 14 июня 1941 г., т. е. за неделю до нападения фашистской Германии на Советский Союз. В этом сообщении указывалось, что «по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям».

Это заявление дезориентировало советский народ, партию и армию и притупило их бдительность.

Неудачи первого периода войны Сталин объяснял тем, что фашистская Германия напала на Советский Союз внезапно. Это исторически неверно. Никакой внезапности нападения гитлеровских войск не было. О готовящемся нападении было известно, а внезапность была придумана Сталиным, чтобы оправдать свои просчёты в подготовке страны к обороне.

22 июня в 3 ч. 15 мин. немцы начали боевые действия на всех фронтах, нанеся авиационные удары по аэродромам с целью уничтожения нашей авиации, по военно-морским базам и по ряду крупных городов в приграничной зоне. В 3 ч. 25 м. Сталин

был мною разбужен, и ему было доложено о том, что немцы начали войну, бомбят наши аэродромы, города и открыли огонь по нашим войскам. Мы с тов. С. К. Тимошенко просили разрешения дать войскам приказ о соответствующих ответных действиях. Сталин, тяжело дыша в телефонную трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать и на повторные вопросы ответил: «Это провокация немецких военных. Огня не открывать, чтобы не развязать более широких действий. Передайте Поскребышеву, чтобы он вызвал к 5 часам Берия, Молотова, Маленкова, на совещание прибыть вам и Тимошенко».

Свою мысль о провокации немцев Сталин вновь подтвердил, когда он прибыл в ЦК. Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 мин. он не давал разрешения на ответные действия и открытие огня, а фашистские войска тем временем, уничтожая героически сражавшиеся части пограничной охраны, вклинились в нашу территорию, ввели в дело свои танковые части и начали стремительно развивать удары своих группировок.

Как видите, кроме просчётов в оценке обстановки, неподготовленности к войне, с первых минут возникновения войны в верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, используя которую, противник прочно захватил инициативу в свои руки и диктовал свою волю на всех стратегических направлениях.

Я не сомневаюсь в том, что, если бы наши войска в западной приграничной зоне были приведены в полную боевую готовность, имели бы правильное построение и чёткие задачи по отражению удара противника немедленно с началом его нападения, характер борьбы в первые часы и дни войны были бы иными и это сказалось бы на всём её последующем ходе. Соотношение сил на театре военных действий, при надлежащей организации действий наших войск, позволяло по меньшей мере надёжно сдержать наступление противника.

Неправильным является утверждение о том, что Сталин, разгадав планы немецко-фашистского командования, решил активной обороной измотать и обескровить врага, выиграть время для сосредоточения резервов, а затем перейти в контрнаступление, нанести сокрушительный удар и разгромить противника. В действительности такого решения не было, а «теория активной обороны» понадобилась для скрывтия истинных причин наших неудач в начальный период войны.

Что же произошло в действительности, почему наши войска понесли поражение на всех стратегических направлениях, отступили и оказались в ряде районов в окружении?

Кроме неподготовленности страны к обороне и неполной подготовленности Вооружённых Сил к организованному отражению нападения противника, у нас не было полноценного Верховного командования. Был Сталин, без которого по существовавшим тогда порядкам никто не мог принять самостоятельного решения, и, надо сказать правдиво, в начале войны Сталин очень неплохо разбирался в оперативно-тактических вопросах. Ставка Верховного Главнокомандования была создана с опозданием и не была подготовлена к тому, чтобы практически взять в свои руки и осуществлять квалифицированное управление Вооружёнными Силами.

Генеральный штаб, наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным и лишены его доверия.

Вместо того, чтобы немедленно организовать руководящую группу Верховного командования для управления войсками, Сталиным было приказано: начальника Генерального штаба на второй день войны отправить на Украину, в район Тарнополя для помощи командующему Юго-Западным фронтом в руководстве войсками в сражении в районе Сокаль, Броды; маршала Б. М. Шапошникова послать на помощь командующему Западным фронтом в район Минска, а несколько позже 1-го заместителя начальника Генерального штаба генерала Н. Ф. Ватутина – на северо-западное направление.

Сталину было доложено, что этого делать нельзя, так как подобная практика может привести к дезорганизации руковод-

ства войсками. Но от него последовал ответ: «Что вы понимаете в руководстве войсками, обойдёмся без вас». Следствием этого решения Сталина было то, что он, не зная положения на фронтах и будучи недостаточно грамотным в оперативных вопросах, давал неквалифицированные указания, не говоря уже о некомпетентности планирования крупных контрмероприятий, которые по сложившейся обстановке надо было проводить.

Наши войска, не будучи развёрнутыми в правильных оперативных построениях, фактически дрались отдельными соединениями, отдельными группировками, проявляя при этом исключительное упорство, нанося тяжёлые поражения противнику. Не получая своевременных приказов от высшего командования, они вынуждены были действовать изолированно, часто оказывались в тяжёлом положении, а иногда и в окружении.

Положение осложнялось тем, что с первых дней наша авиация, ввиду своей отсталости в техническом отношении, была подавлена авиацией противника и не могла успешно взаимодействовать с сухопутными войсками. Фронты, не имея хорошей разведывательной авиации, не знали истинного положения войск противника и своих войск, что имело решающее значение в деле управления войсками.

Войска, не имея артиллерийских тягачей и автотранспорта, сразу же оказывались без запасов горючего и боеприпасов, без должной артиллерийской поддержки.

В последующем, будучи значительно ослаблены в вооружении, без поддержки авиации, не имея танков и артиллерии, часто оказывались в тяжёлом положении.

Всё это привело наши войска к тяжёлым жертвам и неудачам в первый период войны и оставлению врагу громаднейшей территории нашей страны.

И только величайшая патриотическая любовь советского народа и его Вооружённых Сил к своей Родине, преданность их Коммунистической партии и Советскому правительству, дали возможность под руководством нашей партии преодолеть тяжёлую обстановку, которая сложилась вследствие ошибок и промахов сталинского руководства в первый период войны, а

затем вырвать у врага инициативу, добиться перелома в ходе войны в нашу пользу и завершить её блестящей победой всемирно-исторического значения.

Отношение Сталина к личному составу наших Вооружённых Сил.

Я уже говорил о подозрительности и недоверии к военным кадрам, которое проявлялось у Сталина в предвоенные годы. Всю вину за наши неудачи в начальный период войны он постарался возложить на личный состав Вооружённых Сил.

Был организован судебный процесс над командованием Западного фронта, по которому были расстреляны командующий войсками Павлов, начальник штаба Климовских, начальник связи Григорьев и ряд других генералов. Был обвинён в измене и переходе на сторону противника командующий армией Качалов, фактически погибший на поле боя при прорыве из окружения. Без всяких оснований были обвинены в измене и другие генералы, в силу сложившейся обстановки попавшие в плен, которые, возвратясь из плена, и по сей день являются честнейшими патриотами нашей Родины.

Был издан ряд приказов, в которых личный состав наших войск, особенно командиры и политработники, огульно обвинялись в малодушии и трусости.

Уже после того, как наши войска показали себя способными не только обороняться, но и наносить серьёзные удары по врагу, Сталин нашёл нужным в одном из своих приказов написать: «Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинаят Красную Армию за то, что она отдаёт наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток».

Таким приказом Сталин незаслуженно опорочил боевые и моральные качества наших солдат, офицеров и генералов.

Как показывают действительные факты, наши солдаты и офицеры, части и соединения дрались, как правило, с исключительным упорством, не щадя своей жизни, нанося большие потери противнику... Зачем понадобилось Сталину издавать

приказы, позорящие нашу армию? Я считаю, что это сделано с целью отвести от себя вину и недовольство народа за неподготовленность страны к обороне, за допущенные лично им ошибки в руководстве войсками и те неудачи, которые явились их следствием...

Многие здесь присутствующие знают, как возникали операции фронтов, как планировались, готовились и проводились наступательные операции наших войск, в последствии получившие название «Сталинские».

Надо быть неграмотным в военном деле, чтобы поверить в то, что один человек мог обдумать, рассчитать, распланировать и подготовить современную фронтовую операцию или операцию группы фронтов, проводимых на громаднейшем пространстве, с учётом всех видов Вооружённых Сил и родов войск.

Был ли Сталин творцом вообще каких-либо операций?

Да, к сожалению, был. Об одной такой операции на XX съезде доложил товарищ Н. С. Хрущёв. По замыслу Сталина также планировалась и проводилась операция в Прибалтике в районе Либавы, которая безрезультатно повторялась несколько раз и, кроме тяжёлых жертв, ничего не дала. За неудачи этой операции Сталин сменил трёх командующих фронтами.

Исключительно безграмотно проводились операции севернее Варшавы, в результате которых погибли многие десятки тысяч наших людей. Сталину неоднократно докладывали о том, что по условиям местности там нельзя проводить операцию, однако такие доводы отвергались как «незрелые» и операция многократно повторялась с одними и теми же результатами.

О непонимания Сталина основ управления войсками можно много рассказать из истории оборонительных сражений за Москву, но достаточно только небольшого факта, чтобы уяснить непонимание Сталиным способов управления войсками.

В тяжёлый момент упорной борьбы, когда противник с ожесточением рвался к Москве, Берия доложил Сталину, что немцы захватили деревню Дедово и Красную Поляну. Сталин, вызвав к телефону меня и Н. А. Булганина, изругав, как полагалось, приказал немедленно выехать мне в Дедово, а Н. А. Бул-

ганину в Красную Поляну и взять обратно эти деревни. Наши попытки доказать невозможность в такой тяжёлый момент бросать командный пункт и управление войсками фронта, были встречены угрозой расстрела. И в то время, когда мы с Н. А. Булганиным брали эти деревни, не имеющие никакого значения, противник прорвал фронт в другом месте – в районе Нарофоминска, ринулся к Москве, и только наличие резерва фронта в этом районе спасло положение.

Я не могу обойти молчанием и того, что Сталин принуждал представителей Ставки Верховного Главнокомандования и командующих фронтами без всякой к тому необходимости проводить наспех организованные операции без достаточного материального и технического их обеспечения, что приводило к чрезмерно большими потерям.

Во многих случаях наспех и плохо организованные операции не давали положительных результатов. Так было на Северо-Западном, Западном, на Воронежском и других фронтах.

Можно привести ещё немало отрицательных фактов из оперативного творчества Сталина, чтобы оценить, чего стоят на самом деле его полководческие качества и «военный гений».

Последствия культа личности до настоящего времени дают себя чувствовать во многих областях военного дела, особенно в вопросах военной теории и военной истории.

В угоду культу личности у нас настойчиво прививалось неправильное представление о том, что Сталиным якобы заново разработана советская военная наука. Отдельные его высказывания по случайному поводу превращались в «энциклопедию военной науки». Старые, давно известные положения, вроде знаменитого суворовского афоризма – «готовить войска к тому, что необходимо на войне» – расценивались как новые гениальные открытия. Высказывание о постоянно действующих факторах, в котором новым была форма, а не существо вопроса, превратилось в основу основ всей советской военной науки, а такой важный и давно известный фактор, как внезапность, стали рассматривать лишь как принадлежность авантюристической стратегии.

Возводилось в культ контрнаступление, чем, по существу, оправдывались ошибки, допущенные в начальный период Отечественной войны, и неправильно ориентировались наши военные кадры о возможных способах ведения войны в будущем.

В угоду культу личности замалчивался тот факт, что советская военная наука создавалась коллективным трудом руководящих партийных, государственных и военных деятелей, трудом многих военно-научных работников и наших учёных, выращенных партией. Культ личности в военной науке сковывал творческую мысль наших научных кадров и приучал их к тому, что их роль заключается не в самостоятельной разработке военной теории, а в умелом комментировании и популяризации сталинских положений. Мы должны ликвидировать эти серьёзные недостатки и пробудить творческую мысль наших научных кадров, основанную не на робком следовании цитате, а на научном, объективном и всестороннем анализе живой действительности и перспектив развития техники, способную к глубоким обобщениям в интересах дальнейшего укрепления оборонной мощи Советского государства»¹.

Вот по сути дела все основные положения несостоявшейся речи Жукова на несостоявшемся Пленуме ЦК КПСС. Я мог бы прокомментировать почти каждый факт из этого документа, показать несостоятельность доводов министра обороны СССР. Но делать этого не буду по одной единственной причине: всё-таки Георгий Константинович в своих мемуарах «Воспоминания и размышления», давая оценки Верховному Главнокомандующему, изложил нечто противоположное. То есть он в воспоминаниях сам прокомментировал своё несостоявшееся выступление. Однако одно замечание следует сделать: более половины этой предполагаемой речи относится не к Сталину, а к тем, кто, холуйствуя, заглядывал ему в рот, кто на одной фразе вождя делал диссертации.

Мне остаётся только привести общую оценку этого документа, которую дал автор книги «Запрещённый Сталин» и прокомментировать её. В. М. Сойма пишет: «Ну что сказать после этого?

¹ И. Сталин. Сочинения. – Т. 18. – Тверь, 2006. – С. 686 – 701.

Правильно: рабы всегда пляшут на могилах своих господ. Первым Сталина предал Хрущёв, больше всех пресмыкающийся перед ним. Вслед за Хрущёвым отречься от прежнего кумира начали все политики и учёные, военные и инженеры человеческих душ. Прославленный полководец тоже не удержался, отдал дань тогдашней моде. А может, и в самом деле вознёсся, уверовал в свою гениальность. Власть человека чудные чудеса творит»¹.

Дань ли моде отдавал Жуков? Скорее всего, он и Хрущёв отдавали дань друг другу. Обиженный после войны Сталиным Жуков бросился в объятия Хрущёва и был им выведен на уровень министра обороны СССР. Подготовленная речь – жест благодарности. И не беда, что её не удалось озвучить: Сам-то с ней, наверняка, ознакомился. Не за эту ли поддержку в культовом вопросе в декабре того же 1956 года Жукову присвоили очередное звание Героя Советского Союза»? Но альянс был недолгим. Используя в полной мере должностные полномочия Жукова, Хрущёв разделался со своим бывшим визави через полтора года после выдвижения. В связи с этим, охладев к Хрущёву, Жуков потеплел к Сталину. Вот такие метаморфозы во взглядах одного человека на деятельность другого. Но не будем строги: Жуков сам себя реабилитировал. Через несколько десятков страниц читатель убедится в этом, знакомясь с оценками военной деятельности Сталина со стороны полководца Жукова, изложенными в его мемуарах.

А вот ещё один пример, рассказывающий о том, как вымарывалось имя Сталина. О нём поведали авторы книги «Полководец Сталин» Б. Соловьёв и В. Суходеев. «Василевский задумал вместе с Георгием Константиновичем Жуковым рассказать молодёжи, как они, два маршала Советского Союза, воспринимают и оценивают Великую Отечественную войну, оставить своё напутствие молодым людям, идущим служить в Советскую Армию, готовящимся к защите своей Родины. К огорчению, Георгий Константиновича вскоре не стало. Однако Александр Михайлович, будучи сам в то время тяжело больным, всё же написал такую брошюру страниц на сто машинописного текста.

---

¹ *Сойма В. М.* Запрещённый Сталин. – М., 2005. – С. 428.

Как человек дисциплинированный, он передал рукопись в Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского флота. Однако некий военный чиновник бросил упрёк маршалу, что он слишком часто упоминает фамилию Сталина, иногда заменяя только на «Верховный Главнокомандующий». Обычно сдержанный, на этот раз Александр Михайлович с присущей ему прямоотой и даже резко ответил: «А что, полковник, разве вы в годы Отечественной войны были рядом с И. В. Сталиным, знаете, что он нам говорил, как нами руководил, что и как мы совместно обсуждали! И кто вам дал право диктовать, сколько раз упоминать фамилию Сталина! Я честно излагаю события и факты. Как было, именно так и должно быть запечатлено!»

В итоге брошюра, а по существу книга, не увидела свет. После кончины Александра Михайловича её не удалось издать и жене Екатерине Васильевне. Где-то теперь эта рукопись Маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского?»¹

Выступление Хрущёва «О культе личности Сталина и его последствиях», а также его мемуары – это злокачественная опухоль. Как известно, эта страшная болезнь поражает человеческий организм через метастазы. Так и в обществе. Хрущёвское выступление немедленно породило метастазовских политиков, писателей, историков, публицистов и прочих недругов Сталина. На фоне того, что в послевоенные годы, вплоть до смерти вождя о его роли в достижении победы над фашистской Германией практически серьёзных исследований не было, брошенные Хрущёвым зёрна негативного плана начали очень быстро прорастать. Ориентируясь на хрущёвские оценки, антисталинисты стали плодиться, как комары. И всё жалят, жалят и жалят. И откуда они только повылазили!? Их целая рать – волкогоновы, сахаровы, лавровы, радзинские, сванидзе, суворовы, млечины, михалковы... Не могу не дать бой хотя бы некоторым из них.

В 1989 году увидела свет книга Д. А. Волкогонова «Триумф и трагедия». В негативном плане о Сталине-полководце есть плохие книги, очень плохие и просто омерзительные. Волкогонов-

---

¹ Соловьёв Б., Суходеев В. Полководец Сталин. – С. 192 – 193.

ская из серии последней градации. Она омерзительна потому, что принадлежит перу дважды доктора наук (философии и истории), человеку, который прослужил в Советской Армии 38 лет, занимал высокие должности в ГЛАПУРе, являлся начальником Института военной истории, стал трёхзвёздным генералом.. Она омерзительна ещё и потому, что в ней, как и в «честной книге» о В. И. Ленине, автор в своих оценках советской действительности перевернулся на 180 градусов. До пасквилей на Ленина и Сталина сей учёный муж, а точнее лже-историк, в своих многочисленных книжонках и брошюрках выводил уверенной рукой: «Самые великие герои в человеческой истории – вожди мирового пролетариата»; «Подлинными Прометеями разума стали классики научного социализма К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Зарница их мысли открыла и высветила... пути освобождения трудящихся от социальной несправедливости». Во закрутил!

С приходом к власти Ельцина, Волгогонов стал его активным помощником. С марта 1991 года – советник Президента Российской Федерации по оборонным вопросам, одновременно с ноября того же года – председатель Комиссии по упразднению политорганов Вооружённых Сил СССР. Во перестроился!

Самой книге о Сталине предшествовало научное исследование в виде докторской диссертации на тему: «Сталинизм: сущность, генезис и эволюция». Во темка!

Прежде чем вступить в сражение с волгогоновскими выпадами в адрес И. В. Сталина, хочу процитировать одно удачное место из книги С. Кремлёва «Зачем убили Сталина»: «Книги Радзинского, Волгогонова или, скажем, ещё одного подобного «классика»-антисоветчика, бывшего, как и «генерал» Волгогонов, идеологического бойца ЦК КПСС Леонида Млечина, можно анализировать построчно. Построчно же можно выявлять их ложь... Что же до книг Радзинского и Волгогонова, то выдаются они ещё и тем, что стали своего рода «нормативными» «источниками» по Сталину для многих наших соотечественников, желающих понять Сталина и его эпоху. Увы, знакомство неподготовленного читателя с этим, в системном смысле – дву-

единым, опусом, может лишь затемнить вопрос, а точнее – вымарать его в грязи подтасовок и лжи. Роднит эти две книги и то, что обе они написаны потомственными, так сказать, ненавистниками Сталина, вынужденными таить свою ненависть многие десятилетия»¹.

В отношении Волкогонова расшифровку последней фразы можно найти в книге «Вокруг Сталина». Её авторы отметили: «Родился в станице Мангут Читинской области. Отец расстрелян в годы репрессий, мать умерла в ссылке». Вполне понятно, что причины расстрела не объясняются. Эти же авторы приводят ещё одну многозначительную деталь из биографии генерала: «Возглавлял работу над изданием 10-томника «Великая Отечественная война советского народа», но в марте 1991 года был отстранён от руководства этим изданием по политическим соображениям». По словам самого Волкогонова это «был преднамеренный, заранее спланированный разгром в худших традициях идеологических судилищ 1930 – 1950 годов»². Обратите внимание на даты: в марте 1991 года отстранён от руководства изданием и в этом же месяце стал советником Ельцина

Меня же в цитате Кремлёва привлекло то, что «творение» Волкогонова можно анализировать построчно, ибо в каждой строчке ложь. Это верно. Раз так, то перейдём к делу.

Поражает та лёгкость, с которой автор рисует в книге «Триумф и трагедия» внутренние монологи Сталина. Создаётся впечатление, что в мозгу вождя был какой-то компьютер, который фиксировал всё, о чём он думал, а потом эти электронные записи достались только ему, Волкогонову. Удивляют и те приводимые детали, которые в документах ну никак не отражаются.

Вот он живописует первые часы начала войны в кабинете Сталина. Молотов, вернувшись после переговоров с немецким послом, докладывает:

« – Посол сообщил: германское правительство объявило нам войну. – Заглянув в бумажку, которую держал в руках,

¹ Кремлёв С. Зачем убили Сталина. – М., 2008. – С. 396 – 397.

² Торчинов В. А., Леонтьев А. М. Вокруг Сталина. – Санкт-Петербург, 2000. – С.128 – 130.

Молотов добавил: – Формальный повод стандартный: «Националистическая Германия решила предупредить готовящееся нападение русских...»

Насчёт выражения, «заглянув в бумажку». Такие детали архивные документы не фиксируют. Так мог написать человек, присутствующий в кабинете Сталина. То, что Волкогонова в то утро туда не приглашали – это более чем очевидно. Но так мог написать и человек, который заглядывал в кабинет через замочную скважину из апартаментов Поскребышева. Если и это подвергнуть сомнению, то фраза «заглянул в бумажку» – чистой воды выдумка Волкогонова. Как и приписанное Молотову слово «националистическая».

Но пойдём дальше. Вот что пишет «историк» сразу же после доклада Молотова: *«Тишина стала словно густой, вязкой. Сталин сел за стол, посмотрел на Молотова, вспомнил как он полгода назад, здесь же, после приезда из Берлина уверенно докладывал... Сталин ещё раз взглянул на Молотова, теперь уже зло...»*

А сажился ли Сталин? А смотрел ли на Молотова? А вспоминал ли что-либо? Ай да Волкогонов, присутствовал в кабинете Сталина в такой ответственный момент нашей истории, всё видел, всё слышал, и столько лет молчал Скромный всё-таки генерал!

И ещё о первом дне войны. *«Первая растерянность и подавленность прошли. Но в голове неотвязно вертелась мысль: как он мог довериться Гитлеру. Как фюрер смог провести его? Хорош и Молотов! Выходит все многочисленные сообщения разведки, информация по другим каналам о готовящемся нападении Германии и конкретных сроках были верны? Выходит, что, если бы он послушался Павлова и несколько дней назад дал указание привести войска в состояние полной боевой готовности, многое могло произойти по-другому? Сталину всё время казалось, что сегодня в кабинете соратники с укоризной думали о его просчётах. Ему даже подумалось, что они засомневались в его прозорливости. Это было невыносимо! Сама мысль о том, что люди (и не только здесь, в Кремле) могут усомниться в его мудрости, прозорливости, непогрешимости, была нестерпимой...»*

Ну и ловкач же историк-Волкогонов! Оказывается исторические исследования можно писать не только на основе документов и воспоминаний активных участников тех или иных событий, но и на основе их глубоких размышлений. Но посмотрите как грубо, через голову Сталина («в голове неотвязно вертелась»), Волкогонов протаскивает некоторые мифы о нём. Не мог так Сталин думать, это Волкогонов за него думал!

Сталин Гитлеру никогда не доверял. Кто кого провёл – это ещё вопрос. О конкретных сроках нападения Германии на СССР никто из разведчиков не доносил. Информацию о возможности нападения Германии просеивали, обобщали и делали выводы руководители разведывательных ведомств, этими выводами Сталин и руководствовался. Стремление «обелить» Павлова шито белыми нитками. За две недели до нападения Германии у Павлова со Сталиным в присутствии Голованова состоялся телефонный разговор. Вот что отвечал Павлов Сталину:

«Нет, товарищ Сталин, это неправда. Я только что вернулся с оборонительных рубежей – никакого сосредоточения немецких войск на границе нет, а моя разведка работает хорошо. Я ещё раз проверю, но считаю это просто провокацией»¹.

Нет ли в этой павловской фразе частички сформировавшейся сталинской установки – «ни в коем случае не поддаваться на провокацию»? Сталин ведь не бог, все его концепции, установки и выводы по той или иной проблеме рождались на основе информации от руководителей министерств и ведомств. Для этого они и существовали. Не пора ли прекратить всё валить на Сталина?! Как какой-то негатив – так Сталин, как что-либо хорошее – так все мы, но без Сталина.

О каких просчётах могли думать соратники Сталина в первый день войны, когда у каждого было полно работы!? О тех просчётах, которые сформулировал Хрущёв через 11 лет после её окончания? В тот злополучный для страны день соратники Сталина вместе с ним думали о том, какие нужно принимать меры для отпора врагу. А было ли время у перегруженного работой самого Сталина думать о том, что соратники усомнились

---

¹ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. – М., 2004. – С. 50.

в его мудрости, прозорливости, непогрешимости? Это же набор слов из выступления о «культе личности», ловко вмонтированный Волкогоновым в мудрую голову вождя. Какие нечистоплотные для историка приёмы! Какое жульничество!

Вот ещё один опус. *«А Сталин ждал победных или, по крайней мере, обнадеживающих донесений. Но их не было. Как только открывалась дверь его кабинета, он быстро вскидывал голову, вглядываясь в лицо входящего. Успокаивающих реляций не было... Неясная обстановка действовала на него угнетающе. Ждать больше Сталин не мог. Не закончив обсуждения с Молотовым, Ждановым, Маленковым документа о создании Ставки Главного Командования, который привёз Тимошенко, Сталин вдруг поднялся, походил по кабинету и приказал:*

– Срочно направить авторитетных представителей Ставки на Юго-Западный и Западный фронты. К Павлову поедут Шапошников и Кулик, к Кирпоносу – Жуков. Вылететь сегодня же. Немедленно.

Подойдя к столу и оглядев всех присутствующих, вновь жёстко и как бы с угрозой сказал:

– Немедленно!

Все согласно закивали».

Нет, всё же я был прав, когда предположил, что Волкогонов весь день 22 июня 1941 года провёл в кабинете Сталина. Посудите сами. Могли историк-Волкогонов воспроизводить такие детали, как: «он быстро вскидывал голову, вглядываясь в лицо входящего», «поднялся, походил по кабинету», «подойдя к столу», «оглядев всех присутствующих», «жёстко и как бы с угрозой», «все согласно закивали». Ну а если к изложенному факту подойти с чисто исторической точки зрения, то дело было совершенно не так.

Вот как обстояло дело по воспоминаниям Г. К. Жукова. Он и нарком обороны С. К. Тимошенко были в кабинете Сталина вместе с членами Политбюро в 4 часа 30 минут. Вернулись они из Кремля в Наркомат обороны приблизительно в 7 часов. Через два часа они вновь были в кабинете Сталина с докладом о проекте Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образовании Ставки Главного Коман-

дования. После этого они вновь вернулись в Наркомат обороны. О том, что ему, Жукову, предстоит срочно выехать на Юго-Западный фронт, он узнал в 13 часов. Об этом ему лично сообщил Сталин по телефону. Более подробно читатель познакомится с этими фактами при чтении выдержек из мемуаров Жукова. Чувствуется, заглядывал в них и Волкогонов, но всё переиначил на свой лад с тем, чтобы показать раздражение Сталина, который с угрозой произнёс слово «немедленно».

В этот же день в кабинете Сталина была подписана Директива № 3. Вот как по-волкогоновски происходило дело. *«По его (Сталина. – А. С.) инициативе и требованию Ватутин к исходу дня подготовил одну директиву Главного Военного Совета... Далее в директиве конкретизировались совершенно нереальные наступательные задачи. Пункт четвёртый, продиктованный самим Сталиным, гласил: «На фронте от Балтийского моря до госграницы с Венгрией разрешаю переход госграницы и действия, не считаясь с границей».*

Само построение фразы с троекратным повторением слова «граница» свидетельствует о том, что Сталин был «не в своей тарелке». Директиву подписали Тимошенко, Маленков и Жуков. Хотя Жуков уже улетел в Киев. Сталин приказал поставить и его подпись».

И в этом описании Волкогонов «в своей тарелке». Документ готовил Ватутин, подписали Тимошенко и Маленков, а за стилистические изъяны виновен только Сталин. Вообще-то это подлость – высмеивать автора и подписантов документа, готовящегося в условиях первого дня войны. А ведь на предыдущей странице у этого подлеца есть такая фраза: *«За весь первый день войны Сталин выпил лишь стакан чая».* Ну, если ты подметил такую бытовую деталь (хотя кто мог, кроме самого Сталина или Поскребышева зафиксировать этот факт?), то сам должен понимать в какой обстановке готовился этот документ. Ан, нет! Кусать, так кусать, смаковать, так смаковать!

Передо мной «Журнал посещений И. В. Сталина в его кремлёвском кабинете» за весь период Великой Отечественной войны. Проанализируем, как выстроился для Сталина первый

день войны. В 5 часов 45 минут в его кабинет вошли пятеро – В. М. Молотов, Л. П. Берия, С. К. Тимошенко, Л. З. Мехлис и Г. К. Жуков. Приём завершился в 16 часов 45 минут, то есть рабочий день продолжался ровно 11 часов. Количество посетителей достигло 29. Правда, некоторые руководители побывали в кабинете Сталина по несколько раз. Через 7 часов начался новый рабочий день Сталина. До стилистики ли при таком напряжении в работе?

Удивляюсь, как у меня хватило терпения «раскрутить» первый рабочий день Сталина в условиях войны, так «мастерски» описанный душеведом-историком в генеральских погонах. И подобных опусов по несколько на каждой странице книги. Не верите? Тогда откройте 168-ю страницу и сами убедитесь в этом. Ах, в вашей личной библиотеке её нет!? Это же прекрасно – вам не пришлось купаться в грязи и многократно возмущаться, углубляясь в чтение. В таком случае я вынужден буду воспроизвести эти монологи историка сам. Вы уж меня, читатель, извините.

«Уехав ночью на ближнюю дачу, Сталин пришёл к себе в кабинет и, не раздеваясь, лёг на диван. Но уснуть не мог. Поднялся, прошёл в зал, столовую».

«Открыл дверь в комнату дежурного помощника: там сидел генерал-майор В. А. Румянцев. Тот суетливо вскочил из-за стола, вопросительно уставившись на Сталина. Хозяин дачи невидящими глазами скользнул по фигуре генерала, тихо закрыл дверь и пошёл к себе».

«Сталин постоял у щели задрапированного окна, вглядываясь в ночные силуэты парка. Почему-то вспомнилось место из письма Тухачевского».

«Пожалуй, будь Тухачевский на месте Павлова, много могло быть по-другому. Но к чему это он? Отогнав тень прошлого, Сталин попытался забыть во сне. Но сон не шёл: действительность была страшной».

И всё это на одной странице. Видите, как ловко вкладывает Волкогонов свои мысли в голову Сталина! И вот такими внутренними монологами напичкана вся книга генерала-истори-

ка. Это шулерский приём: когда не хватает аргументов, их дополняют выдуманными, грубо коммуфлируя их под мысли персонажа. При этом никакой правды – то выдумка, то ложь, то всё вместе. Настолько это омерзительно, что возникает естественное желание на этом поставить точку. Однако в описании июньской деятельности Сталина есть одно место, которое ну просто никак нельзя оставить без внимания, ибо дело идёт об очевидном вранье.

«В последующие дни, особенно к исходу месяца, Сталин, осознав, наконец, масштабы смертельной угрозы, на какое-то время просто потерял самообладание и оказался в глубоком психологическом шоке. Документы, свидетельства лиц, видевших в то время «вождя», говорят, что с 28 по 30 июня Сталин так был подавлен и потрясён, что не мог проявить себя как серьёзный руководитель».

Врёт господин генерал. Насчёт свидетельств помолчим, они бывают разные. А в отношении документов, следует поговорить. На тему, что «с 28 по 30 июня Сталин так был подавлен и потрясён, что не мог проявить себя как серьёзный руководитель» нет ни одного документа. А вот документ о том, что в эти дни Сталин в своём кремлёвском кабинете никого не принимал есть. Это журнал посетителей. Вот этой «пустотой» журнала генерал-историк и воспользовался, напичкав её домыслами о том, что Сталин «не мог проявить себя как серьёзный руководитель».

Отсутствие записей о посещении кабинета Сталина совсем не означает, что в эти дни он не работал. Да, и 28, и 29, и 30 июня Сталин никого не принимал в своём кремлёвском кабинете, но все эти дни он работал. Над «Директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей», которая датируется 29 июня. Если Волкогонов читал этот документ, то не мог не обратить внимания на его серьёзность. Это программа партии и правительства по мобилизации всех сил и средств советского народа на разгром врага. В одночасье такой документ не готовится и Сталин не мог быть в стороне от этой серьёзной работы.

Но вы посмотрите, каков всё-таки этот Волкогонов шулер. Целая страница книги посвящена речи Сталина, с которой он выступил, как известно, 3 июля. Ну, конечно же, преподнёс он её в издевательском тоне. Однако сказал, что в своём выступлении Сталин изложил основные положения этого документа, назвав, правда, его не Директивой, а Постановлением. Генералу-политработнику не гоже путать эти понятия. Больше о Директиве в книге ни слова. Почему? Да потому, что в таком случае надо было бы сказать, что над этим документом работал Сталин, и не когда-нибудь, а именно 28 июня. Но сказать об этом никак нельзя, так как рушится миф, изложенный десятью страницами раньше, а именно: «с 28 по 30 июня Сталин был так подавлен и потрясён, что не мог проявить себя как серьёзный руководитель». Вот так «серьёзный» историк-Волкогонов сделал несерьёзным руководителем Сталина.

В эти же дни безделья, потеряв «самообладание» и оказавшись в «психологическом шоке», Иосиф Виссарионович готовил своё выступление перед советским народом. Это ещё один серьёзный документ, который так же не рождается в одиночестве. Юродствуя при раскрытии содержания выступления Сталина, Волкогонов по неосторожности проронил одну весьма существенную фразу: «Сталин несколько раз переделывал своё выступление». Если Волкогонову как политработнику приходилось выступать перед личным составом, пусть даже на солдатском уровне, с каким-нибудь новым докладом или лекцией, он должен был знать как это ответственно, знать, что это весьма напряжённый труд. Сталин справился с этой сложной задачей блестяще.

29 июня Сталин и несколько членов Политбюро посетили Наркомат обороны и Ставку. Об этом пишут Жуков и Микоян. Кстати, пишет об этом и сам Волкогонов. Но делает он это для того, чтобы показать состояние Сталина, который: *«терявший самообладание, резко переходивший из состояния апатии в нервное возбуждение, 29 июня дважды неожиданно появлялся в Наркомате обороны. Не стеснясь в выражениях, обвинял во всём военных руководителей»*. Даже этим фактом появле-

ния Сталина в Наркомате обороны именно 29 июня, причём дважды, Волкогонов разоблачает сам себя, заявляя, что «Сталин не мог проявить себя как серьёзный руководитель». Поволкогоновски посещение Наркомата обороны это не работа.

Подготовка Директивы и выступления по радио – вот чем в основном занимался Сталин три дня. Такие важные документы в подавленном состоянии и психологическом шоке не рождаются. Но разве это может понять историк, пишущий о Сталине в состоянии патологической к нему ненависти!?

Пожалуй, не следует мне дальше заниматься этим делом. И так всё ясно. Давайте читатель, перейдём к тем многочисленным местам книги, в которых генерал Волкогонов оценивает полководческие способности Генералиссимуса Сталина. Для этого нам необходимо пройти по страницам двух глав книги «Катастрофическое начало» и «Верховный Главнокомандующий».

«До Сталинградской битвы многие решения Сталина были импульсивными, поверхностными, противоречивыми, некомпетентными. Хотя и позже он нередко задавал окружению и штабам «ребусы». Вот один из документов, написанных лично Сталиным в 1942 году. Он не имеет названия и, пожалуй, смысла. Видимо, Сталин, отдавая указания и одновременно размышляя вслух, набросал этот документ, который даже посвящённому понять непросто: «1) 40-я армия – 7 с.д. + 2 танк, бр. 2) Катукова – в спину 48 армии. 3) Мишулин – остаётся на месте. 4) Мостовенко – в район б1 ар. 5) Лизюков – в районе западнее Ельца. 6) Главная задача – на севере. 7) 40-я тоже наступает. Документ лично написан тов. Сталиным. Генерал-майор Штененко».

К этому документу есть сноска на архива. Что же в нём «поверхностное» и «некомпетентное»? Из этой справки, составленной скорее всего для самого себя, видно, как Сталин предметно вникал в обстановку на том или ином участке фронта. Сам этот факт опровергает неоднократные замечания самого Волкогонова по поводу того, что Верховный был слаб в тактических вопросах. Прошу обратить внимание на то, что такие серьёзные обвинения в адрес Сталина, как «импульсивность»,

«поверхностность», «противоречивость» и «некомпетентность» подтверждены столь незначительной его писулькой. Это удар ниже пояса. Это нарушение основных постулатов, предъявляемых к историческим исследованиям.

«Сталин, и это нельзя отрицать, в трагической круговерти военных будней начал постепенно постигать основы стратегии. В будущем он никогда не скажет, что тайны стратегии, диалектику формирования решений и замыслов тех или иных операций ему помогли постичь Жуков, Шапошников, Василевский, Антонов, Ватутин, другие выдающиеся военачальники. Но придёт время, и как само собой разумеющееся будут восприниматься ложные утверждения о том, что именно он, Сталин, внёс принципиально новое в военную науку. Например, идею артиллерийского наступления, новых способов окружения противника, путей завоевания господства в воздухе, создания многоэшелонной гибкой обороны и т. д. Он и сам поверит в свой военный талант. Пройдёт не очень много времени, и он забудет о своём поражении, поражении политического и военного стратега в первые недели войны».

И что же тут удивительного, что вопросы стратегии Сталин постигал в тесном контакте с Жуковым, Шапошниковым, Василевским и Антоновым? Это естественный процесс. Но и эти военачальники постигали вопросы стратегии благодаря совместной работе со Сталиным, в процессе руководства их деятельностью с его стороны. И это тоже естественный процесс. Зачем в этом вопросе отделять работу Верховного от деятельности перечисленных военачальников? А для того, чтобы ещё раз подчеркнуть, что в военных делах он являлся бездарью.

А что, руководя всеми военными органами страны на протяжении всей войны, всеми большими и малыми операциями, Сталин не внёс ничего нового в военную науку? И насчёт «своего поражения в первые недели войны». Это только сталинское поражение? А Наркомат обороны в стороне? А Генеральный штаб в стороне? Давайте перейдём на персоналии. А Тимошенко и Жуков в стороне? Вот так все невзгоды военного лихолетья валяются на одного Сталина, а все успехи приписываются

Жукову и другим военачальникам. Только Сталин допускал одну за другой ошибки, а все остальные только и делали, что исправляли эти ошибки. В грехах только Верховный, все остальные безгрешны.

«В роли Верховного Сталин нашёл себя далеко не сразу. Первые месяцы войны он нередко сбивался на самую настоящую «мелочёвку»: занимался распределением мин и винтовок, давал указания направить гражданское население на рытьё противотанковых рвов, просматривал проекты сообщений Информбюро. Например, один из документов Ставки, адресованный ВВС, поступил в шифровальный отдел и пролежал там 8 часов 15 минут. Сталин, узнав об этом, приказал срочно подготовить приказ наркома обороны, в котором полковнику И. Ф. Иванову и старшему лейтенанту Б. С. Краснову объявлялись взыскания и они изгонялись из Генштаба. Сталин, подписав приказ, наложил ещё и резолюцию: «т. Василевскому и Жигареву. Прошу начальника оперативного управления Генштаба и командующего ВВС навести порядок – каждый на своём месте – в шифровальном отделе. 25. 08. 41 г. И Сталин». И это в то время, когда на фронтах в дни страшного жаркого августа решались неизмеримо более важные вопросы! Просто привычка, выработавшаяся с годами, держала Сталина: вершить, решать всё самому, решать за всех. Вскоре сама фронтовая действительность внесёт коррективы в порядок, стиль, методы работы Верховного».

Удивительная способность историка, заряженного на негатив в отношении Сталина, приписывать ему даже то, чего явно не было и не могло быть. Посудите сами. Сталин решал всё сам и за всех! Даже школьник спросит: а что же делали члены Политбюро и ЦК, Наркоматы и наркомы, члены правительства и Президиума Верховного Совета, многочисленный партийный и государственный аппарат и пр. и пр.? Другое дело, что Сталин вникал буквально во все важные для государства дела, вносил свои коррективы, что к его советам прислушивались. Но решать всё и за всех – это уму непостижимо. Не может ни один человек, даже семи пядей во лбу, один решать государ-

ственные задачи. А насчёт того, что война вносит свои коррективы – это верно. И если это так, то именно эти коррективы начального периода войны и заставляли Сталина «сбиваться на мелочёвку». И если уж вывод Волкогнова о том, что Верховный Главнокомандующий в годы войны «решал всё сам, решал за всех» принять за истину, то Сталину как полководцу нужно ставить памятник из золота.

Если для Волкогнова задержка по вине шифровального отдела важного документа на 8 с лишним часов является «мелочёвкой», то Сталиным такой факт, тем более в трудный август 1941 года, был расценён как преступление. И совершенно правильно поступил он, заострив внимание Василевского и Жигарева и наказав виновных. Судя по дате этого приказа, речь идёт об указаниях Ставки командованию ВВС о подготовке и проведении 29 – 31 августа 1941 года на Западном направлении воздушной операции. В таком деле важен не только один час времени. А тут целые восемь! Но воздушная операция для Волкогнова это тоже «мелочёвка», ведь были «более важные вопросы». Он часто на страницах книги упрекает Сталина в том, что он безжалостно относился к потерям в годы войны. Ну а разве разгильдяйство шифровальщиков не закладывало предпосылки к возможным неоправданным потерям? Негоже генералу-историку самому опускаться до «мелочёвок».

«События лета и осени 1941 года, телеграммы, распоряжения, директивы, которые исходили в этот период лично от Сталина, подтверждают вывод, к которому приходил позже и Жуков: Сталин в начале войны не был полководцем. Отсутствие специальных знаний, опыта руководства боевыми действиями такого масштаба Верховный Главнокомандующий пытался компенсировать силовым напором, угрозами, репрессивными мерами, декларативными призывами. Оперативное, а тем более стратегическое мышление в первый период войны у него ещё не вышло за рамки здравого смысла, эмпирического опыта, прежних схем гражданской войны».

Не буду перечислять все военные конфликты, которые выпали на долю нашей страны в тридцатые годы, скажу лишь, что

в каждом из них руководство боевыми действиями Красной Армии осуществлял лично Сталин. И если Жуков в этот период приобретал свой опыт, то свой опыт приобретал и Сталин. И если Сталин в начальный период Великой Отечественной войны не был полководцем, то почему им мог стать Жуков или кто-либо иной? И вообще кого в этот трудный для страны и армии период можно назвать полководцем? Ведь при отступлении, при поражениях назвать военачальника полководцем весьма проблематично.

«Просчёты, которые Сталин допустил накануне войны, дилетантское руководство вооружённой борьбой на её первом этапе, что повлекло за собой невообразимые материальные, людские, технические, территориальные утраты, не простил бы своему руководителю ни один народ. Но советский народ простил, потому что уже давно функционировала система, в которой ему была уготовлена роль не творца, а исполнителя воли «вождя». Для Сталина всегда был важен лишь результат, а не его цена. Истории было угодно во главе гигантской страны иметь «полководца-вождя», который мог позволить себе терять на фронтах по сто, двести, триста, четыреста тысяч человек и не терять надежды на конечную победу».

Читая в своё время волгогоновское творение, я сам для себя на полях рядом с только что приведённой цитатой написал два слова. Рискну воспроизвести их здесь: «чушь» и «дурь». И в самом деле – чушь несусветная! Сталин позволил себе терять по сто и т. д. тысяч человек. Ну, прямо какая-то нелюдь! Не Сталин позволил, а так складывалась обстановка. Не мы в начальный период войны диктовали условия врагу, а он, имея своё превосходство. А каким способом народ во время войны может выразить своё неудовлетворение руководством страны? Помочь врагу и восстать против своего правительства? Сдаваться в плен, как Власов и сотрудничать с немцами? Или после победоносного завершения войны потребовать проведения референдума на тему «простить или наказать»? У обобщения «советский народ» и в мыслях не было прощать или не прощать, ибо народ стал победителем. И осознавал, что к победе

над врагом он пришёл под руководством Сталина. А победителей, как известно, не судят. Хотя сам Иосиф Виссарионович сказал, что судят. С его мнением по этому вопросу читатель познакомиться через несколько страниц книги. Но генерал, видно, это выступление Сталина не читал.

«Сталин никогда не обладал выдающимися прогностическими способностями. Да это и невозможно при догматическом складе ума. Но самое главное, Сталин при наличии сильной воли и негибкого ума не мог опереться на профессиональные военные знания. Он не знал военной науки, теории военного искусства. Он доходил до всех премудростей стратегии, оперативного искусства, в ходе кровавой эмпирии, множества проб и ошибок. Опыт Гражданской войны, в которой он участвовал в качестве члена Военного совета ряда фронтов, уполномоченного Центра, был явно недостаточен для человека, занимающего пост Верховного Главнокомандующего. Реноме Сталина как полководца поддерживалось, хотя об этом обычно мало говорят, коллективным разумом Генерального штаба, незаурядными способностями некоторых крупных военачальников, находившихся рядом с ним во время войны... Сталин, который, в сущности, никогда не был в военных частях, в штабах, полевых пунктах управления, не представлял по-настоящему механизм функционирования военной системы, ему часто не хватало, особенно в первые полтора года войны, чувства оперативного времени, реальных пространственных координат, театра военных действий, возможностей войск. Отсюда его распоряжения, заранее обречённые на невыполнение, или поспешные, непродуманные действия».

Во многих сферах человеческой деятельности, связанных с той или иной профессией, Сталин разбирался не хуже специалиста, получившего диплом о среднем или высшем образовании. Он был прекраснейшим самоучкой. Возьмём такую специфическую область, как авиация. Многих конструкторов самолётов и двигателей, многих лётчиков он удивлял своими широкими авиационными познаниями. А ведь МАИ не кончал. Вот мнение выдающегося лётчика-испытателя Г. Ф. Бай-

дукова: «Сталин имел большие познания в техническом оснащении самолётов. Бывало, соберёт профессуру поодиночке, разберётся во всех тонкостях. Потом на совещании как начнёт пулять тончайшими вопросами – мы все рты поразеваем от удивления». Вдумайтесь: это писал не кто-то, а профессиональный лётчик. Разве можно такого удивить знанием предмета! А Сталин удивлял.

Эрудиции Сталина можно только позавидовать. Не помню, кто в одной из своих книг написал, что в связи со смертью Сталина мир потерял самого образованнейшего человека. Что касается Гражданской войны, то уже тогда Сталин был полководцем. Этот сугубо гражданский человек с нуля выстроил оборону Царицына и разбил армию Краснова. А до всех премудростей стратегии и оперативного искусства он доходил не в ходе «кровавой эмпирии, множества проб и ошибок», а в процессе руководства всей военной сферой государства. И чтобы осуществлять это руководство, не обязательно торчать в воинских частях или штабах.

«Некоторые коррективы, поправки к планам Ставки, вносимые Сталиным, часто не играли решающей роли. Но порой они оказывали трагическое влияние на ход операций. Особенно Сталин любил переносить сроки, обязательно сокращая время на подготовку операции, манёвра, сосредоточения. Иногда хоть на день, но передвигает начало операции. 4 сентября 1941 года Жуков докладывал Сталину, что по его указанию он организует 8 сентября удар в поддержку Ерёменко. Но Сталин верен себе:

– Седьмого будет лучше, чем восьмого... Всё».

До этого момента я шёл по страницам книги Волкогонова, сохраняя постраничную последовательность. Здесь я вынужден нарушить плавный ход знакомства читателей с волкогоновским Сталиным-полководцем. Дело в том, что почти через 50 страниц вновь зашёл разговор о «любви» Сталина к переносам операций.

«Когда 19 ноября началось контрнаступление, Сталин, пожалуй, впервые был достаточно уверен в успехе. Не потому, что удалось обеспечить в результате сосредоточения значи-

тельное превосходство в силах и средствах, но прежде всего потому, что пока ни одна операция не готовилась так тщательно. Правда, ещё за неделю до начала у Сталина были сомнения: в авиации, по сути, удалось добиться лишь равенства. А авиации, как я отмечал, Сталин всегда уделял особое внимание. Он, не скрывая, считал себя особо компетентным в авиационных вопросах. Эти сомнения были настолько существенны, что Сталин был готов перенести сроки операции.

«Особо важно. Тов. Константинову (псевдоним Г. К. Жукова. – А. С.)

Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Иванова (А. И. Ерёменко. – А. С.) и Фёдорова (Н. Ф. Ватутин), то операция окончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе... Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации. Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите мне Ваше общее мнение. 12. 11. 42. 4 часа. Васильев (И. В. Сталин)». Передано по телефону товарищем Сталиным. Боков».

За четыре дня до начала операции Сталин направил Жукову ещё одну шифровку, в которой предоставил ему право окончательно уточнить сроки начала контрнаступления:

«Особо важно. Только лично. Товарищу Константинову.

День переселения Фёдорова и Иванова можно назначить по Вашему усмотрению. А потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у Вас возникнет мысль о том, что кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению. Васильев. 15. 11. 42. 13 часов 10 мин.» Передано товарищем Сталиным по телефону. Боков».

Вот вам два примера, как говорится, из одной оперы. В первом перенос выглядит как недостаток стиля в руководстве Сталиным операции, во втором такое же его действие оценивается положительно. Негоже для историка!

«Но всё же чаще всего Сталин требовал связать его с фронтом или армией, когда усматривал неисполнение директив Ставки или чувствовал, что его разговор «взбодрит людей»; он давал понять командующим, что Верховный следит, Верховный обеспокоен, Верховный требует... Оперативная ценность указаний Сталина порой весьма сомнительна. Может быть, во втором или заключительном третьем периоде войны Сталин и был в состоянии высказать серьёзные рекомендации, советы оперативного характера. Часто, видимо, чувствуя свою слабость в этом вопросе, на переговоры он брал с собой опытных работников Генштаба, которым, как правило, поручал оперативную сторону переговоров, оставляя за собой «общие указания», критику и разносы. Иногда – моральную поддержку. В тоже время Верховный любил «блеснуть» знанием ситуации и иногда самостоятельно давал отдельные указания оперативного характера, которые затем закреплялись специальными директивами. Хотя совершенно очевидно, что советы, указания Жукова, Василевского, безусловно, были более профессиональны и полезны».

Уж чем-чем, а показухой Сталин никогда не занимался. В воспоминаниях тех, кто с ним трудился, на эту черту характера никто не указывал. Сталин не исполнял роль в водевиле под названием «Война», он честно и добросовестно исполнял свои обязанности, он воевал на доверенном ему посту. Это же не Ельцин, у которого автор книги был подручным, и мог наблюдать его артистические трюки практически ежедневно.

«Иногда Сталин сам диктовал от имени Ставки телеграммы командующим и штабам. В них всегда было больше менторского, поучающего (иногда с угрозами) и меньше конкретных указаний, имеющих оперативную ценность. В конце мая 1942 года, например, раздражённый просьбой Тимошенко об усилении фронта, Сталин продиктовал: «Тимошенко, Хрущёву, Баграмяну. За последние 4 дня Ставка получает от вас всё новые и новые заявки по вооружению, по подаче новых дивизий и танковых соединений из резерва Ставки.

Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что это дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт – значит доставлять врагу лёгкую победу.

Имейте в виду, что наши ресурсы по вооружению ограничены и учтите, что кроме вашего фронта есть ещё у нас и другие фронты.

Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением... Учтите всё это, если хотите когда-либо научиться побеждать врага, и не доставлять ему лёгкую победу. В противном случае вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь».

Прекрасный и конкретный ответ. Он, исходя из запроса командования фронтом, не требовал никаких оперативных указаний. Молодец, товарищ Сталин Иосиф Виссарионович! Вы не только дали содержательный ответ Тимошенко и Хрущёву, но ещё урезонили и Волкогонова, много раз обвинявшего Вас в том, что Вы с лёгким сердцем теряли сотни тысяч бойцов. Вероятно, Вы предвидели, что после Вашей смерти с подачи того же Хрущёва, некий Волкогонов займется этим пакостным делом.

А тут как раз и подошёл очередной пасквиль на эту тему.

«Тысячи документов, на которых стоит подпись Сталина, приводили в движение огромные массы людей. Он привык манипулировать судьбами людей, часто не задумываясь над последствиями своих решений. А если принимал эти решения задумываясь, они ещё больше подчёркивали его бездушный характер. Конкретных людей Сталин видел только рядом и только по фронтовой и трофейной кинохронике мог представлять массы отступающих бойцов, людей, гибнущих на переправах, плачь женщин и детей на пепелищах, горы незахороненных трупов, безумные глаза матери возле мёртвого ребёнка... Сталин был бесчувственным к бесчисленным трагедиям войны. Стремясь нанести максимальный урон противнику, никогда особенно не задумывался, а какую цену заплатят за это советские люди? Тысячи, миллионы жизней для него давно стали сухой, казённой статистикой»

Вот такие рассуждения генерала-историка, которые следуют буквально сразу после им же только что приведённого документа. А в нём красноречиво показано кто больше заботился о сохранении людей: Тимошенко, Хрущёв и Баграмян, которые четыре дня подряд требовали от Ставки новые дивизии, или Сталин, который на это требование совершенно чётко поставил перед ними вопрос о сохранении жизней личного состава. Придётся вновь воспроизвести эти слова Верховного Главнокомандующего: *«Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что это дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт – значит доставлять врагу лёгкую победу... Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением... Учтите всё это, если хотите когда-либо научиться побеждать врага, и не доставлять ему лёгкую победу»*

Воевать не числом, а умением... Воевать малой кровью... Это относится не только к Сталину, но и к командирам всех уровней. Беречь людей, бесспорно надо, но любой военачальник, который ставит эту проблему во главе угла, никогда не добьётся победы. Сберегает людей хорошо продуманная та или иная операция и превосходство над противником в техническом оснащении войск. Титаническая работа Сталина в деле обеспечения действующей армии танками, самолётами, артиллерией, боеприпасами, которую никто отрицать не может, – это и есть его главная забота о как можно меньших людских потерях.

А вот ещё одна песня на эту же тему, но посмотрите, как снизошёл Волкогонов к Верховному Главнокомандующему:

«Сталин давно привык оперировать жизнями миллионов людей. Это – масса, а он – вождь. Был убеждён: так всегда было в истории. Так будет. Ознакомившись со многими сотнями оперативных документов, продиктованных или подписанных Сталиным за четыре года войны, я не встретил, кажется, ни одного, где бы он поставил задачу беречь людей, не бросать их в неподготовленные атаки, проявлять заботу о сохранении своих сограждан... Нет, наверное, я не прав. Есть такой документ, совсем не в духе Сталина. Приведу его:

«17 августа 42 года, 22 часа 00 мин. По донесениям штаба Западного фронта 387, 350 и часть 346 сд 61-й армии продолжают вести бой в обстановке окружения, и, несмотря на неоднократные указания Ставки, помощь им до сего времени не оказывается.. Немцы никогда не покидают свои части, окружённые советскими войсками, и всеми возможными силами и средствами стараются во что бы то ни стало пробиться к ним и спасти их. У советского командования должно быть больше товарищеского чувства к своим окружённым частям, чем у немецко-фашистского командования. На деле, однако, оказывается, что советское командование проявляет гораздо меньше заботы о своих окружённых частях, чем немецкое. Это кладёт пятно позора на советское командование».

«Но и здесь Сталин взывает к заботе «о своих окружённых частях», пожалуй, больше потому, что «немцы никогда не покидают свои части, окружённые советскими войсками». Мотив не просто странный, но и унижительный. Проявлять заботу об окружённых потому, что, противник её проявляет»

Нет, Волкогон не был бы самим собой, если бы в стакан с мёдом не бросил столовую ложку дёгтя. А насчёт того, что он, ознакомившись с сотнями оперативных документов, продиктованных или подписанных Сталиным, в которых он якобы не поставил задачу беречь людей, можно сказать: плохо смотрел Дмитрий Антонович. Таких документов вполне достаточно, и их количество не ограничивается одним-единственным, как это он пытается показать. Мы в этом только что убедились на примере указаний Сталина в адрес Тимошенко, Хрущёва и Баграмяна.

«Подписи Сталина на тысячах документов Ставки – не свидетельство его мессианской роли. Мессией был сам народ. А роспись синим карандашом на документах – лишь свидетельство, что её владелец всю войну должен, обязан был свою волю и ум посвятить страшной борьбе с силами зла, с которыми он опрометчиво пытался установить отношения «дружбы» накануне войны. Его ум и воля едва ли составляли наполеоновский квадрат. Он всегда более рельефно проявлял свою волю: беспощадную, жестокую, злую. Догматический ум имеет изъяны.

Часто, очень часто, особенно в первый период войны, полководческий жезл «вождя» указывал далеко не лучшие решения. Наверняка можно утверждать, что не Сталин, а прежде всего его военное окружение сделало в конце концов Ставку коллективным органом стратегического руководства.

И вновь, уже в который раз, противопоставление Сталина членам Ставки, Жукову, Василевскому и другим видным военачальникам. Зачем это? А чтобы ещё раз мазануть черной краской полководческий статус Сталина. Ставку коллективным органом делает не член этого органа, а прежде всего его руководитель.

«Если в отношении стратегии он действительно заметно продвинулся вперёд, то в оперативном искусстве и тактике он до конца войны так и остался дилетантом. В одной из своих телеграмм Александрову (А. М. Василевскому. – А. С.) и Фёдорову (Ф. И. Толбухину. – А. С.) Сталин укоряет командование Воронежским фронтом в неумении воевать. «Считаю позором для командования фронтом, что оно допустило по своей халатности и нераспорядительности окружение наших четырёх стрелковых полков вражескими войсками. Пора бы на третьем году войны научиться правильному вождению войск».

Спрашивается, а причём здесь оперативное искусство и тактика? Что за глупый вопрос, подумает читатель. Ведь всё понятно: хоть немножко, но лягнуть. А то, что это совершенно несправедливо, кто в этом будет разбираться!? Добавил чёрной краски к портрету – и баста!

«После войны Сталин вспоминал: август 41-го и август 42-го были для него страшно тяжёлыми. А ведь раньше он так любил август: Сочи, Ливадия, Мухалатка... Магнолии, пикады, ласковый шёпот моря, волшебство южной ночи... Как давно всё это было! Всё отодвинулось куда-то в эфемерную даль невозвратного... Кто знает, о чём мог ещё думать диктатор, привыкший олицетворять собой волю миллионов? Диктаторы в глубине души одиноки, как бы много людей их ни окружало. Они всегда боятся даже приоткрыть створки своей души. Люди сразу увидят их абсолютную моральную уязвимость: груз власти придавил в них всё человеческое».

Обратите внимания на фразу: «кто знает, о чём ещё мог думать диктатор». Да ни кто кроме Волкогонова! Даже Вольфу Мессингу это было недоступно. А вообще-то приятно читается этот разделчик книги моралиста-Волкогонова, так приятно, что закрываешь глаза и слышишь ласковый шёпот моря, и видятся магнолии и пикады. И среди этой южной панорамы грузное тело Дмитрия Антоновича. Только в отличие от Сталина он приезжал «на юга» не для работы, а чтобы подставить ласковым солнечным лучам основательно округлившийся животик и наслаждаться «волшебством южной ночи». Сталин же приезжал сюда, чтобы лечиться и работать, причём работать не меньше, чем в кремлёвском кабинете.

Жаль, что жизнь скоротечна и Волкогонову не удалось почитать книгу С. С. Хромова «По страницам личного архива Сталина». Её первая глава так и называется – «Генсек на «отдыхе». Это автор закавычил слово «отдых». Автор отмечает: «Этот период считался отпуском генсека, однако, судя по количеству и характеру документов, хранящихся в личном архиве, для отдыха у него было не так уж много времени. Практически ежедневно он получал из Москвы рабочие материалы самого разного характера и сам отправлял множество записок, шифровок, телеграмм и т. п.»

В сноске к этой цитате Семён Спиридонович заметил: «Наши исследователи отмечают, что Сталин каждый день просматривал или прочитывал от 100 до 200 документов. В 20-е годы Сталин выписывал для чтения или просмотра до 500 книг в год». Семён Спиридонович приводит некоторые сведения о полученных документах из Москвы по отдельным дням и за весь период отпуска. Так за время отпуска в 1932 году Сталин получил более 90 документов. На многие из них он дал ответы, в которых высказывал свои оценки, давал советы и поручения. «В общем, – пишет Хромов, – продолжалась напряжённая работа с той лишь разницей, что она проходила вдали от Москвы».

Вообще-то я ставил перед собой задачу в этом критическом анализе не прибегать к помощи чьих-то фактов и мнений. Но раз уж «зацепился» за книгу Хромова, то не могу не привести

один документально подтверждённый факт. Он красноречиво свидетельствует каким, по мнению Волкогонова, «грубым, невнимательным и бесчеловечным» был Иосиф Виссарионович. Вот этот эпизод.

«Сталин отдыхал обычно в Сочи. Но в 1925 году, находясь там, он просил ответственного работника ОГПУ З. М. Беленького устроить для него место в Мухалатке (Крым) к 15 – 20 августа с тем, однако, «чтобы никого там не разгонять и не стеснять из-за меня».

Однако, как говорится, заставь дурака молиться, он лоб расшибёт. Так и получилось на этот раз. Беленький для размещения в Мухалатке Сталина выселил директора Госиздата Г. И. Бройдо. И Сталин вместе с Бубновым направили Ягоде и Молотову депешу: «Беленький допустил ряд грубых бестактностей, компрометирующих членов ЦК и ГПУ. Делает он глупости не первый раз. Необходимо немедленно освободить его от ведения Мухалатки по линии ГПУ. Назначьте вместо Беленького Ягоду или кого-нибудь другого по указанию Ягоды. Дело не терпит отлагательства».

А 29 августа генсек направил извинительную телеграмму Бройдо. В ней он сожалел о случившемся, обещал наказать Беленького, просил Бройдо вернуться в Мухалатку¹.

Но вернёмся к чёрным страницам книги Волкогонова. Надо познакомить читателя с ещё одной фантазией Волкогонова.

«Обычно Стали ложился отдыхать в 4 – 5 часов утра. В дни сталинградской эпопеи он нарушил этот порядок: ему докладывали чаще обычного, в том числе и в 6 часов утра. Верховный с красными от бессонницы глазами подходил к окну, вдыхал из форточки свежесть морозного утра, смотрел на тёмный двор Кремля. Он где-то читал, что звезда надежды видна только утром. Но рассмотреть её в промозглом ноябрьском свете Сталин не мог, хотя чувствовал, верил, что она горит».

Оказывается, Волкогонов бывал не только в кремлёвском кабинете Сталина, но и в его квартире, видел его покрасневшие от бессонницы глаза и даже разговаривал с вождём. И тот сказал

---

¹ Хромов С. С. По страницам личного архива Сталина. – М., 2009. – С. 5 – 27.

ему, что не может вспомнить, в какой книге он читал о том, что звезда надежды видна только утром. Спросил, не помнит ли Волкогонов. Но тот с красными от бессонницы глазами, позёвывая, силится вспомнить, но так и не мог этого сделать.

«Для него, Сталина, это был переломный рубеж. После Сталинграда он внутренне изменится, поверит в себя как в Верховного Главнокомандующего. Но он быстро забудет, что озарение блестящей идеей контрнаступления, родившейся в момент, когда казалось, что новое катастрофическое поражение неминуемо, пришло не к нему. Не он её автор! И не только к Жукову и Василевскому. Скромные, незаметные операторы Генштаба своими прикидками, расчётами доведут идею до кристальной ясности: простую, пожалуй, даже элементарную идею окружения глубоко вклинившегося в нашу оборону противника превратят в изящный, до мелочей продуманный план».

Вот так: как описывается какая-то не принёсшая успеха операция, так перебиваем косточки главному виновнику Сталину, как только сражение выиграно благодаря «изящному, до мелочей продуманному плану», так Сталин отсекается. Все к этому успеху причастны: и Жуков, и Василевский, и скромные операторы Генштаба, только не Верховный Главнокомандующий.

«Когда после 1945 года появятся первые апологетические публикации по отдельным операциям Великой Отечественной войны, Сталина неприятно поразит тот факт, что кроме него, «творца гениального стратегического замысла Сталинградской наступательной операции», упомянут... (далее идёт перечисление имён. – А. С.) Он уже свыкся с мыслью, что Сталинград, операция по снятию блокады Ленинграда, контрнаступление под Курском, освобождение Правобережной Украины, как и завершающие операции Великой Отечественной войны, – это, прежде всего заслуга его как полководца. Он уже никогда не сможет делить лавры с кем-либо. Одна из причин опалы Жукова после войны, как и некоторых других полководцев, заключается в нежелании разделить с ними славу. Хотя, конечно, никто и не пытался её делить. Просто в статьях, докладах, выступлениях, фильмах, где действовал лишь один «непогрешен-

мый полководец», иногда в перечислении, списком, назывались командующие фронтами, члены Военных советов, начальники штабов. О командармах же речь обычно не шла. Главный герой минувшей войны – народ – был лишь фоном блестящих деяний «непобедимого полководца». Хотя сегодня, ознакомившись с сотнями, тысячами оперативных, политических, партийных документов минувшей войны, можно с полной убежденностью сказать, что свою роль Верховного Главнокомандующего И. В. Сталин мог исполнить только благодаря наличию в Ставке, Генеральном штабе, на фронтах, флотах незаурядных полководцев. Наша страна, и это свидетельствует о её неиссякаемой жизненной силе, смогла возродить в муках, страданиях, крови своей, если так можно выразиться, полководческий потенциал. Так рождалось военное искусство Великой Отечественной войны. И Сталин научился его использовать».

Какая чушь! В перечислении имён, которое я сократил, назывались имена многих военачальников. В конце же абзаца, автор огульно пытается доказать, что их имена в докладах, выступлениях, фильмах не назывались. Первый, кто славил эти имена после окончания войны, был Сталин. Именно он считал, что победоносное завершение Великой Отечественной войны достойно того, чтобы быть отмеченным, согласно русскому обычаю, широким застольем. Именно он предложил устроить в Кремле торжественный обед в честь командующих войсками, представителей высшего командования Вооружённых Сил СССР.

Долгое время основным источником сведений этого грандиозного мероприятия являлись газетные отчёты и воспоминания отдельных очевидцев. И только в конце девяностых годов прошлого столетия была извлечена из архива стенографическая запись этого приёма. Конечно же, по известным причинам она оказалась недоступной для Волкогонова. Но ведь прочитать воспоминания С. М. Штеменко можно было. А может и читал, но вопреки этому гнул свою линию о том, как Сталин лишал славы полководцев.

В связи с этим я просто вынужден воспроизвести некоторые фрагменты из этого документа.

На приёме в 20. 00. 24 мая 1945 года присутствовало около одной тысячи гостей. Тамадой был В. М. Молотов. Свой первый тост он посвятил красноармейцам, краснофлотцам, офицерам, генералам, адмиралам, маршалам Советского Союза, в том числе и Сталину.

В ходе застолья была провозглашена целая серия здравиц, в которых отмечались заслуги командующих войсками Красной Армии. При этом, произнося здравицу в честь того или иного военачальника, Молотов перечислял его заслуги. Отдельно произносился тост в честь маршалов родов войск, членов ГКО. Последним на приёме произнёс тост Председатель Совета Народных Комиссаров СССР, Верховный Главнокомандующий Сталин. Владимир Невежин, материалами которого я пользуюсь, отмечает: «Эта застольная здравица, а вернее, небольшая застольная речь, прозвучала уже далеко за полночь. Когда Сталин вышел из-за стола президиума и попросил слова, присутствующие устроили ему овацию, буквально не давая говорить. Тост вождя, посвящённый русскому народу, неоднократно прерывался долго несмолкающими аплодисментами. По свидетельству известного авиаконструктора А. С. Яковлева, эта краткая застольная речь по времени заняла чуть ли не полчаса. Причём вождь не выдержал и даже вынужден был призвать присутствующих к порядку из-за того, что они часто прерывали его речь репликами и бурными аплодисментами».

Будет правильным, если именно в этом месте дать текст выступления товарища И. В. Сталина. Его содержание опровергает многие волкогоновские инсинуации, уже воспроизведённые в данной книге.

«Товарищи, разрешите мне поднять ещё один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок. Были у нас моменты отчаянного положения в 1941 – 42 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам сёла и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошёл на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошёл на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. Это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!»

Без комментариев!

«Знакомясь с многочисленными документами Сталина, где говорится о Жукове, с записями их переговоров по прямому проводу, телеграммами, записками, сохранившимися в военных архивах, приходишь к выводу, что Верховный Главнокомандующий ценил его более чем кого-либо из советских маршалов. Трижды Герой Советского Союза (четвёртый раз этого почётного звания он был удостоен в 1956 году), два высших военных ордена «Победа», орден Суворова первой степени под № 1 всё это превосходная аттестация полководца. Конечно, при всех огромных заслугах Жукова перед народом эти награды в то время санкционировать мог только «сам». Но Сталин уже в 1944 году почувствовал, что хотел бы уложить славу Жукова в прокрустово ложе «одного из талантливых полководцев». Когда полководческая слава перешагнула рубежи Отечества, Сталин решил, что она уже бросает тень на него самого».

А теперь вернёмся буквально на полстранички назад и познакомимся с весьма любопытным документом, конечно с монологами автора.

«Сталин без раздумий решил уполномочить Жукова подписать самый главный акт войны. Если многие документы в последнее время он утверждал заочно, по телефону, то с этой телеграммой он велел Антонову прийти к нему. Текст её лаконичен, но, читая в архиве подлинник, подсознательно чувствуешь, как много стоит за этими несколькими строчками... «Заместителю Верховного Главнокомандующего Маршалу Советского Союза Жукову Г. К. Ставка Верховного Главнокомандования уполномочивает Вас ратифицировать протокол о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил. Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин. Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Антонов. 7 мая 1945 года».

Сталин, поставив свою подпись, сделал это так, словно он, а не Жуков спустя считанные часы подпишет этот долгожданный протокол».

Вот уж куда ни кинь... Если уже в 1944 году Сталин почувствовал, что слава Жукова бросает на него тень, что из этой тени пора выходить, то зачем нужно было санкционировать присвоение ему очередного звания Героя Советского Союза (29. 7. 44), ставить его во главе того фронта, который будет главным при взятии Берлина, и, наконец, поручать ему подписывать документ о капитуляции Германии? Он что, не понимал, что этими своими действиями ещё больше увеличивает славу своего заместителя, что бросаемая на него тень Жукова ещё больше разрастается? Ох, как всё тут шито белыми нитками!

Но пойдём дальше. На этой же странице очередная логическая нестыковка. *«У Сталина, например, остался крайне неприятный осадок от пресс-конференции, которую Г. К. Жуков, по указанию Москвы, провёл 9 июня 1945 года в Берлине для советских и иностранных корреспондентов. Маршал Советского Союза долго отвечал на вопросы английских, американских, французских и канадских журналистов, подробно рассказал о подготов-*

ке и ходе Берлинской операции... И ни слова о Сталине! Ни слова! Лишь в самом конце пресс-конференции корреспондент «Таймс» Р. Паркер спросил Жукова, словно «выручая» его:

– Принимал ли маршал Сталин повседневное деятельное участие в операциях, которые Вы возглавляли?

– Маршал Сталин, – коротко ответил Жуков, – деятельно и повседневно руководил всеми участками советско-германского фронта, в том числе и тем участком, на котором я находился.

Сталин несколько раз прочитал последнюю фразу Жукова, глубоко уязвлённый «неблагодарностью» своего заместителя. Возможно, уже тогда созрело у Сталина решение о дальнейшей судьбе маршала».

Что же это получается? Прочитав фразу, в которой Жуков достойно оценил деятельность Сталина по руководству боевыми действиями Красной Армии в годы войны, и глубоко уязвился? Бред какой-то! Волкогонову, как мастеру разгадывания мыслей Сталина, следовало бы добавить, что уязвлённый Верховный подумал: «И какого чёрта я всего пять дней тому назад инициировал присвоение ему звание трижды Героя Советского Союза. Вот неблагодарный! Нет, надо его урезонить. Пусть командует военным парадом! Да и Молотову надо врезать за то, что на приёме в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая он умудрился первую здравицу произнести в честь Жукова. Хвалить начал эту выскочку, понимаешь. Нет, пора его урезонить. Пусть командует парадом 24 июня!»

«Война закончилась. Для Сталина был важен прежде всего результат. О цене Победы он предпочитал говорить только в плоскости злодеяний фашизма. О собственных промахах не сказал ни разу. К бесконечной череде эпитетов – «великий вождь», «мудрый учитель», «непревзойдённый руководитель», «гениальный стратег» добавился ещё один – «величайший полководец». Именно поэтому мне хотелось, добавляя всё новые и новые штрихи к портрету этого человека, коснуться и стратегического мышления И. В. Сталина».

О «собственных промахах». Волкогонову мало той самокритичности, которая прозвучала в застольном выступлении Ста-

лина 24 мая. Ведь кроме него в тот вечер ни от кого, ни одного слова критики, ни в чьей адрес не прозвучало. Только Сталин заострил внимание всех присутствующих на трудностях начального периода войны, только Сталин сказал о том, что «у нашего правительства было много ошибок». И это было к месту, ведь по сути дела на приёме командующих войсками Красной Армии прилюдно подводился итог войны.

Что же касается «бесконечной череды эпитетов», то этот камушек брошен не в тот огород. Это что Сталин приклеивал эти эпитеты к своему имени? Укажите мне хоть один документ, хоть одно место из многочисленных воспоминаний тех, кто общался с ним, в которых приводится факт о том, что Иосиф Виссарионович предлагал, настаивал, требовал, наконец, приказывал, чтобы его величали «великим вождём», «мудрым учителем», «непревзойдённым руководителем», «гениальным стратегом», «величайшим полководцем». Ничего подобного нет и не могло быть. Сталин в различных приставках к своему имени не нуждался, ибо по складу своего характера он был скромным человеком. Бесконечная череда эпитетов исходила от тех, кто окружал Сталина, а затем, подхваченная пропагандой, летела от Москвы до самых до окраин. Так что не по адресу этот волгогоновский упрёк.

На этот счёт можно привести массу примеров. Ограничусь лишь несколькими. Вот мнение Иосифа Виссарионовича по вопросу издания книги «Рассказы о детстве Сталина».

«Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Авторы ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остаётся фактом.

Но не это главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ – говорят эсеры. Народ делает героев –

отвечают эсерам большевики. Книжка льёт воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку»¹.

С. В. Кормилицын в своей книге «Сталин против Гитлера. Поэт против художника» приводит из воспоминаний телохранителя вождя В. Тукова эпизод о том, как члены Политбюро решили к параду Победы сшить Верховному Главнокомандующему форму генералиссимуса и что из этого вышло: «Сказано – сделано. Начальник тыла Армии А. Хрулёв быстро заказал у Легнера три формы генералиссимусов. С эполетами, галунами, позументами и атласными накидками. Хрулёв привёл в приёмную к Сталину трёх «генералиссимусов». Попросил Сталина выбрать одну из форм Сталин вышел из кабинета, бросил взгляд и спросил Хрулёва: «Это кто такие?» А. Хрулёв: «Это пошитые формы для парада Победы». Снова Сталин сверкнул глазами: «Нет уж, мне что-либо попроще. Такое мне не подойдёт. Павлины не водятся на Красной площади». А. Хрулёв командовал молодцам: «Кругом, шагом марш из приёмной!»²

В форме генералиссимуса Сталина так никто и никогда не видел. Точно также как никогда он не прикалывал к маршальскому кителю Золотую Звезду Героя Советского Союза, считая, что ничего героического в годы войны он не совершал.

В связи сэтим не могу пройти мимо одного корреспондентского бреда. 19 июня 1997 года спецкор «Комсомольской правды» А. Гамов опубликовал в своей давно некомсомольской газете статью под привлекательным названием «Почему Сталин никогда не носил Золотой Звезды?» Ответ на этот вопрос автор вложил в уста некоего дяди Миши Секрета, который всю жизнь собирал материалы о Героях Советского Союза, и которых не 12600, как отражено в одноимённом двухтомнике, а 12850. Так как же дядя Миша объяснил, почему Сталин не носил этой высокой награды? Оказывается, Сталин никогда не надевал Звезду Героя Советского Со-

¹ *Белади Л, Краус Т.* Сталин. – М., 1989. – С. 204.

² *Кормилицын С. В.* Сталин против Гитлера. Поэт против художника. – Москва – Санкт-Петербург, 2008.

юза потому, что «ему это звание самовольно присвоил Михаил Калинин уже после Парада Победы летом 1945 года, и вождю просто неудобно было носить боевую награду, полученную в мирное время». Забыл дядя Миша (читай – А. Гамов) о том, что это самовольство проявил и секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин, подпись которого стоит под Указом. Не знает дядя Миша (читай – А. Гамов), что, хотя Сталин получил эту награду, как он выразился, в мирное время, награждался он ею за руководство Красной Армией в борьбе с фашистской Германией. И второй орден «Победы» Сталин получил после окончания войны, и звание Генералиссимуса ему присвоили в мирное время.

Вот так под видом дяди Миши подсовывают нам очередную сказку о советском прошлом. Ну а позиция автора статьи окончательно проясняется в следующем его рассуждении: «Я слушал истории, и меня не покидала подленькая мыслишка – в духе нашего прагматичного времени – для чего нужен сегодня этот домашний «наградной отдел», ведь и Советского Союза больше нет, да и многие его герои уже не в той чести, что прежде». Видите, как мазанул чёрной краской всех Героев Советского Союза, и мёртвых и живых. Мыслишка не подленькая, а что ни на есть подлая.

И ещё один факт, характеризующий скромность Сталин. «Старый партиец Б. Е. Бибинейшвили написал книгу «Камо» о знаменитом большевике-боевике Тер-Петросяне (Камо). 20 апреля 1933 года председатель правления и заведующий издательством Всесоюзного общества старых большевиков Илья Ионович Ионов-Бернштейн обратился к секретарю Сталина Покребышеву с просьбой. Бибинейшвили и сестра Камо просили показать Сталину посвящение, с тем чтобы получить его согласие на помещение в книге...

На следующий день Сталин направил Ионову записку: «Тов. Ионов! Я против «посвящения». Я вообще против «посвящений» с воспеванием. Я тем более – против предложенного текста «посвящения», так как он насилует факты и полон ложноклассического пафоса воспевания. Не нужно доказывать, что никакой я не «теоретик» и тем более – «гениальный организатор» или «стратег международной революции». Прошу успокоить

ненашутку разволновавшегося автора и сообщить ему, что я решительно против «посвящения». Привет! И. Сталин»¹.

Но я немножко отвлекся от Волкогонова. Далее начинается новый раздел его книги под названием «Мышление стратега?» Пройдёмся по его страницам.

«Думаю, некоторые, увидев после слов «мышление стратега» знак вопроса, сразу же возразят или даже возмутятся. Ведь ставится под сомнение то, что десятилетиями сомнению не подвергалось. Сейчас же, в доказательство «ереси» автора, можно привести десятки цитат, высказываний наших выдающихся полководцев, свидетельствующих об обратном. И, наверное, эти высказывания по-своему будут верными. Подчеркну ещё раз: в то время, когда писались мемуары замечательных советских полководцев, они могли сказать лишь то, что р а з р е ш а л о с ь сказать. Все негативные, критические высказывания в адрес Верховного расценивались как «очернительство»... Мне приходилось говорить с людьми, которые в 50-е, 60-е годы и позже знакомились с воспоминаниями военачальников. Рукописи долго ходили «по кругу» в высоких инстанциях, и авторам было хорошо известно, что можно писать, а что нельзя».

Тут всё поставлено с головы на ноги. Как раз в эти годы, которые очерчивает Волкогонов, после отмашки Хрущёва, все положительное о Сталине вымарывалось из книг и журналов, во многих работах по истории Великой Отечественной войны его имя вообще не упоминалось. В лучшем случае оно заменялось его должностью – Верховный Главнокомандующий, а то просто Верховный. Господствовал ещё и такой приём: имя Сталина скрывали за названиями Ставка, ГКО или нарком обороны. Прежде чем дать зелёный свет книгам с упоминанием фактов о Сталине, над ними тщательно работали редакторы и многочисленная армия цензоров. Всё, что противоречило постановлению о «культе личности» вычёркивалось или правилось. Многие, о чём поведал или могли поведать те, кто общался с Верховным Главнокомандующим, кануло в вечность. На эту тему можно привести массу примеров. Я ограничусь лишь одним.

¹ *Кремлёв С.* Зачем убили Сталина? – С. 44 – 45.

Главный маршал авиации А. Е. Голованов начал работать над своими мемуарами в середине шестидесятых годов. Первые главы его воспоминаний журнал «Огонёк» начал публиковать с 1969 года. В августе 1972 года издательство «Советская Россия» приняло решение книгу опубликовать, она даже была подписана к печати. Но Главлит, а затем Главпур выразили свои претензии к книге и сформулировали замечания. С ними Голованова познакомили в отделе пропаганды ЦК КПСС. Дело с изданием застопорилось. 8 апреля 1975 года Голованов направил на имя Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина письмо. Вот выдержки из него.

«В этих дополнительных замечаниях, которых ранее не было, говорится уже о том, что в книге неправомерно много пишется о Сталине, что автор делает чрезмерный акцент на Верховного Главнокомандующего, что он не только рассказывает о своих многочисленных встречах с И. В. Сталиным, его указаниях по АДД, но он приводит множество фактов и оценок Сталина, не имеющих отношения к развитию боевых действий АДД, и в то же самое время командиры, политработники, лётчики остаются в какой-то мере на заднем плане, что, показывая в основном лишь единоличные решения Сталина по АДД, автор тем самым умаляет роль ГКО, Ставки Верховного Главнокомандования, Наркомата обороны, Военного совета АДД в создании, обеспечении и руководстве действиями Авиации дальнего действия. И, наконец, что в мемуарах А. Е. Голованова И. В. Сталин изображается в хвалебном тоне, в них многократно подчёркивается его дальновидность, прозорливость, безупречный стиль работы, чуткость и внимательность к людям и т. д. Причём эти оценки не всегда достаточно объективны... Далее идут конкретные предложения: что убрать из книги, что сократить, где изменить формулировки, и так далее. Вот, собственно говоря, суть дополнительных, предъявленных мне замечаний.

Я не могу согласиться с этими дополнительными замечаниями, во-первых, потому, что они не зиждутся на конкретно указанных местах в книге, которые подтверждали бы справедливость этих замечаний, ибо таких мест в книге нет. Во-вторых,

огромная масса имеющихся отзывов читателей на уже опубликованное не подтверждает изложенного в замечаниях. А официальные отзывы читательской конференции, а также и из Института марксизма-ленинизма, данные по запросу самого издательства, удостоверяют совсем обратное тому, что написано в этих дополнительных замечаниях. (Копия отзывов прилагается).

Действительно, о Сталине в книге говорится больше, чем у других авторов. И это совершенно естественно, потому что у меня не было никаких иных руководителей или начальников, которым бы я подчинялся, кроме Сталина. Ни Генеральный штаб, ни руководство Наркомата обороны, ни заместители Верховного Главнокомандующего никакого отношения к боевой деятельности и развитию АДД не имели. Всё руководство боевыми действиями и развитием АДД шло только через Сталина и только по его личным указаниям. Никто, кроме него, касательства к авиации дальнего действия не имел. Случай, видимо, уникальный, ибо мне других подобных примеров неизвестно. Что касается ГКО и других высших инстанций, то их решения, а значит, и руководство развитием и деятельностью АДД в книге приводятся.

Бывая систематически в Ставке и присутствуя там при решении многих вопросов, не имеющих отношение ни собственно к АДД, ни ко мне, но имеющих прямое отношение к ведению войны в целом, я был свидетелем процесса их решения, и некоторые из них мной приводятся в книге как представляющие, с моей точки зрения, определённый интерес и значение. Полагаю, что это неотъемлемое право автора. Что касается деятельности Сталина, его стиля работы, общения с людьми – то, что написано в книге, является безусловной правдой, а не каким-то восхвалением. В книге приведены лишь некоторые из многочисленных фактов и эпизодов, известных мне, которые я счёл возможным привести в ней и которые уже опубликованы в журнале «Октябрь». Никто ранее не опровергал написанного и не возражал против их опубликования. Русское же слово «восхваление» имеет определённое значение – приписывание той или

иной личности того, что этой личности не принадлежит, не соответствует её деятельности, является неправдой»¹.

Голованов так и не дождался выхода книги в свет. Рукопись была опубликована уже после его смерти в 1997 году. Но в ней были изъятия. Лишь в 2004 году читатели полностью познакомились с тем, что хотел им сказать Главный маршал авиации. А вот рукопись Волкогорова таких мытарств не претерпевала. Сданная в набор 20 июня 1989 года, она уже через два месяца была подписана к печати. Сей пасквиль на полководческую деятельность Сталина в годы войны стал мощным наступательным оружием для ельцинистов при их атаках на устои социализма в нашей стране. Так что выше воспроизведённая цитата из книги Волкогорова – это враньё. После XX-го съезда КПСС, а это 1956 год, из мемуаров наших военачальников могли изыматься только положительные оценки военной деятельности И. В. Сталина.

Ну а мы продолжим анализировать книжную ложь Волкогорова.

«Ещё раз подчеркну: сам Сталин не выдвигал стратегические идеи операций, но в 1943 – 1945 годах был в состоянии оценить их по достоинству. Сталин одобрял решения, которые обычно поддерживались большинством. Пожалуй, его «гениальность» во второй и третий периоды войны чаще всего выражались в понимании и одобрении рациональных предложений, выдвигаемых Жуковым, Василевским, Антоновым, командующими фронтами».

Вот до какой степени опустил стратегическое мышление Сталина Волкогоров. Сам он стратегических идей не выдвигал, но зато был в состоянии их оценить, правда, до 1943 года он и этого не мог делать.

А вот ещё пример на тему мёда и дёгтя. *«Иногда Сталину приходили на ум идеи, которые внешне были алогичными, но тем не менее сыграли заметную роль. Таким было, как мы уже упоминали, решение провести парад на Красной площади 7 ноября 1941 года, таким же неожиданным было предложение Верховного летом 1944 года провести большую массу немецких военнопленных по улицам Москвы».*

¹ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... – С. 14 – 16.

« – Это ещё больше поднимет моральный дух народа и армии, ускорит разгром фашистов. Как думаете? »

Молчавшие Молотов, Берия, Ворошилов, Калинин после короткого замешательства стали наперебой соглашаться.

– Мудрый шаг, Иосиф Виссарионович!

– Это только Вы могли такое предложить!

– Гениальное решение!

Уже через неделю, 13 июля, Берия докладывал Верховному план необычной «моральной операции».

И далее после прерванного Сталиным доклада: «Берия собирался докладывать план дальше, но Сталин не захотел больше слушать. «Дашь идею – выполнят. А сами не могли додуматься?» – посмотрел с неприязнью на соратников Верховный»

Я уж не буду обращать внимание читателей на удивительную способность историка-Волкогонова залазить в голову Сталина и фиксировать там его мысли. В этом деле он превзошёл даже Радзинского. Не буду также комментировать подобострастные реплики Молотова, Берии и Ворошилова. А в том, что они принадлежат именно им, у меня нет никакого сомнения. Думаю, любому не потерявшему разум человеку, понятно стремление Волкогонова представить окружение Сталина как некое сборище людей недалёких, которые кроме как учтиво заглядывать вождю в рот больше ни на что не способны. Как всё это гадко!

«После октябрьской (1941 г) неудавшейся поездки на фронт, когда Сталин доехал лишь до Волоколамского шоссе, посмотрел на всполохи приближающегося к Москве фронта в 10 – 15 километрах от того места, куда добралась его кавалькада, Сталин больше на передовую не выбирался. После рассказов Берии, а затем и Маленкова о своих «боевых крещениях» Сталин твёрдо решил, хотя бы для истории, побывать на фронте. И такая поездка, чрезвычайно тщательно подготовившаяся, состоялась. Сталин побывал на Западном и Калининском фронтах в начале августа 1943 года. После этого, по его мнению, уязвимых мест в его полководческой биографии не осталось.

1 августа Сталин отбыл на специальном поезде со станции Кунцево. Были подобраны старенький паровоз, полуразбитые

вагоны. К небольшому составу прицепили для маскировки платформу с дровами. Сталина сопровождал Берия, его помощник Румянцев, переодетая усиленная охрана.

Прибыв в Гжатск, Сталин встретился с командующим Западным фронтом Соколовским, членом Военного совета Булганиным. Заслушав начальников и высказав общие пожелания, Сталин, переночевав, отправился в сторону Ржева, на Калининский фронт к Ерёменко. Здесь он остановился в деревне Хорошево в домике простой крестьянки, стоявшем на отшибе от других (хозяйку предварительно со всем скарбом отсюда выселили). Этот небольшой домик, с резным карнизом и мемориальной доской, стоит и поныне, напоминая о фронтовых «подвигах» Верховного. Рассказывают, что, находясь именно в этом домике, Сталин распорядился подготовить приказ о первом орудийном салюте в честь взятия Орла и Белгорода. Но поехать в войска и повстречаться с командирами и бойцами Сталин не пожелал. Без всяких драматических происшествий после ночёвки в Хорошево на автомобиле вместе с Берией под усиленной охраной Верховный вернулся в Москву. Он мог быть теперь удовлетворённым: никто не смел думать (говорить - то, естественно, не смел никто!), что полководец видел фронт лишь с помощью кинохроники, докладов генералов Генштаба да представителей Ставки.

Возможно, Верховному действительно незачем было бывать на фронте? Ведь не ездил же Сталин на заводы, а вот осуществил такой рывок в индустриализации страны! Он один раз побывал в сёлах, а какую там «революцию сверху» провернул! Поле брани разве может быть исключением? Сталин умел всё видеть и знать из своего кабинета в Кремле. Повторяю, он был непревзойдённым мастером кабинетного руководства. Поэтому его «касательное» посещение линии фронта (в действительности он был далеко от него) понадобилось не для ознакомления с делами на двух фронтах, не для обогащения впечатлениями от встреч с личным составом частей, готовящихся к наступлению. Нет. Это нужно было для истории. Сталин думал о своём историческом реноме. Будущие летописцы должны были со-

ответствующим образом отразить сей факт его полководческой деятельности. В его биографии должна быть страница вдохновляющего приезда Верховного в действующую армию».

Честное слово, был бы жив сей писатель-историк, вызвал бы его от имени Сталина на дуэль. Вы посмотрите, сколько в этом разделе язвительных словечек и выражений: «фронтовые подвиги», «касательное посещение фронта», «вдохновляющий приезд на фронт». А менторский тон в отношении посещений заводов и колхозов! А фраза: «Сталин твёрдо решил, хотя бы для истории, побывать на фронте!» Где это «решение» зафиксировано? Кому он говорил о своём «решении»? А ведь речь идёт о выезде Верховного Главнокомандующего в штабы двух фронтов для окончательной разработки Смоленской стратегической наступательной операции. Так и хочется сказать: «Какую надо иметь совесть...». Нет, зачем говорить о том, чего человек не имеет. Лучше сказать так: «Какую нужно было иметь наглость, чтобы так опорочить нужное и в целом полезное дело!» Вот какой Сталин-позёр, оказывается он ездил в действующую армию не для ознакомления с делами двух фронтов, а для того, чтобы покрасоваться, запечатлеть этот факт в истории, затем, чтобы Маршал Советского Союза Андрей Иванович Ерёменко рассказал об этом факте в своих воспоминаниях. И он рассказал тепло и подробно, без ёрничества и выкрутасов. И благодаря ему мы теперь знаем кто автор идеи первого победного салюта.

Но давайте подумаем над этой проблемой с точки зрения целесообразности. Нужно ли вообще Верховному Главнокомандующему выезжать на фронт, в смысле на передовую? Ведь именно туда, в окопы, Сталина зовет Волкогонов. Разве такой выезд не связан с риском? Разве этот выезд на несколько дней нужнее, чем руководство боевыми действиями всей армии на огромном советско-германском фронте?

А теперь давайте представим, что Сталин, как в своё время Ворошилов, стал бы подставлять свою задницу (прошу прощения за эту вульгарную мысль) под пули. Сделал это раз, сделал два. Любой человек, даже далёкий от военной сферы, сказал

бы, что это неразумно. Это неразумно даже для командующего фронтом или армией. А для Верховного Главнокомандующего такой поступок граничил бы с преступлением. После того как в авиационной катастрофе погиб начальник ВВС Красной Армии П. И. Баранов, Сталин запретил летать самолётами лицам, занимающим высокие государственные должности. А когда С. М. Киров попросил у Сталина разрешения вылететь самолётом на встречу с ним, то получил отказ. Ну, а о том, как бы среагировал на такой факт Волкогонов, и представлять не надо. Он бы тут же поставил Верховного на место: какое он имел право, вопиющая безответственность, показуха, что это за полководец, который лезет в окопы.

Рефреном раздумий Волкогонова о полководческих способностях Верховного Главнокомандующего стала следующая страница книги.

«Сталин был во главе народа и армии в войне. Его воля и целеустремлённость как политического и государственного деятеля сыграли свою роль в разгроме фашизма. Если считать, что он, как лидер такой огромной и мощной страны, имел различные грани, то его полководческая грань не была сильнейшей. Лишь в 1944 – 1945 годах он приблизился к полководческому уровню своих военных помощников. Его в значительной мере дилетантское и некомпетентное руководство выразилось прежде всего в катастрофических материальных и людских потерях. Их смог вынести лишь советский народ, который устоял не б л а г о д а р я , а в о п р е к и «гению» Сталина. Ссылки на внезапность, неподготовленность, вероломство Гитлера, ошибки военачальников и т. д. не оправдывают Сталина, а лишь подчёркивают его стратегическую близорукость и ущербность. Верховный Главнокомандующий, возглавляя Вооружённые силы, привел их к победе ценой невообразимых потерь...

Мы знаем, что подлинный талант, стратегическое мышление полководца как раз и ценятся за способность достичь самых высоких целей с наименьшими жертвами. Этого таланта Сталин не проявил. Более двадцати миллионов человеческих жизней пришлось положить советскому народу на алтарь По-

беды... Повторяюсь: истории неизвестны доселе масштабы таких потерь. И если сопоставить их с «полководческим гением» Сталина, то сразу станет очевидной неуместность приписывания Верховному особых заслуг в Победе. Эти заслуги целиком принадлежат советскому народу...

Ему никто и никогда не говорил о его ошибках. Зато многие, а их миллионы, говорили о величии полководца «всех времён и народов». Будущий Генералиссимус Советского Союза и сам не сомневался в своей «гениальности», едва ли подозревая, что суд истории вынесет иное решение».

Какими весами Волгогонову удалось взвесить полководческий уровень Сталина и его военных помощников? Если генерал имеет в виду всех военных помощников, то это делает Верховному Главнокомандующему честь. Полководческий уровень Сталина приблизился к полководческому уровню Жукова? Василевского? Антонова? Рокоссовского? Конева? У всех у них, в том числе и у Сталина был свой полководческий уровень. Определялся он одной меркой: что сделано каждым на занимаемом им посту. Подсчитал ли кто-либо, скольких полководцев породила Великая Отечественная война? Двадцать? Тридцать? Сто? Я, например, таких цифр не встречал. Да это никто и не сделает. Давайте остановимся на слове «много». И вот этим «много» руководил один, Верховный Главнокомандующий. Но, оказывается, он только приблизился к их полководческому уровню.

Как понимать фразу о том, что советский народ устоял не благодаря, а вопреки «гению» Сталина? Причём здесь гениальность? Чушь несусветная! Можно устоять благодаря или вопреки деятельности какого-то конкретного человека, но не его гениальности или негениальности. Если советский народ устоял вопреки Сталину, то это ещё большая чушь. Это значит, он устоял вопреки деятельности руководимых им Ставки, ГКО, Наркомата обороны, возглавляемого им правительства. Фраза у господина генерала, получилась на первый взгляд крылатой, вроде черномырдинской – «хотели как лучше, а получилось как всегда» – а вот по смыслу весьма глупой.

Советский народ одолел сильного врага по многим причинам. Одной из них было руководство страной и её Вооружёнными Силами со стороны И. В. Сталина. Мы победили не вопреки, а благодаря Сталину. Этот вывод никто и никому не навязывал. Этот вывод сам для себя сделал каждый советский человек – кто добывал победу с оружием в руках на поле брани и кто ковал её своим трудом в тылу.

В 1946 году состоялись первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР. Баллотировался в высший законодательный орган страны и И. В. Сталин. 9 февраля он встретился в Сталинском районе Москвы со своими избирателями. Выступая перед ними, кандидат в депутаты сказал: «Наша победа означает, что победила наша Красная Армия, что Красная Армия героически выдержала все невзгоды войны, наголову разбила армии наших врагов и вышла из войны победительницей».

После этих слов в зале раздался возглас: «Под руководством товарища Сталина!» Эта фраза подняла всех присутствующих с мест, а аплодисменты, перешедшие в овацию, свидетельствовали о том, что с этим мнением согласен каждый, кто находился в зале. Вот это и есть глас народа. Не читал Волкогонов эту предвыборную речь Сталина, не читал!

Сталинская ссылка на внезапность для Волкогонова – это нечто второстепенное, настолько, что учитывать этот фактор вроде как бы и не стоит. Но кому в Европе Гитлер говорил «иду на Вы»? Каждая из покорённых им стран испытала этот главный козырь агрессора и оказалась покорённой. Только Советский Союз не покорился, а, ликвидировав такое преимущество врага, как внезапность, выстоял и победил. В любой войне, что бушевали на планете Земля, внезапность приносила нападающей стороне определённое преимущество. Противоположного примера история войн не знает. В связи с этим любая подвергшаяся агрессии страна будет нести большие потери, чем та, которая внезапно напала. Это понятно любому школьнику, но почему-то непонятно генералу. Внезапность в войне – фактор весьма серьёзный. Распознать его и на этой основе предотвратить агрессию ещё никому не удавалось. Распознать наме-

рения врага и нанести упреждающий удар? Тогда это будет агрессия, а страна, наносящая упреждающий удар будет также стремиться к внезапности. Внезапность – повивальная бабка войны. Так было всегда, так будет и впредь. Достаточно вспомнить хотя бы Пёрл-Харбор.

Сталину брошено обвинение, что он, как Верховный Главнокомандующий, привёл страну к победе ценной невообразимых потерь. А почему, потери страны в войне относятся только к Сталину? Точно также можно сказать, что Жуков, будучи заместителем Сталина, привёл страну к победе ценой невообразимых потерь. Василевский, как начальник Генерального штаба, привёл страну к победе ценой невообразимых потерь. Продолжить этот абсурд?

Сталин, по Волкогонову, не проявил таланта достичь победы с наименьшими жертвами. Если это так, то подобное обвинение можно предъявить Жукову, Василевскому, любому командующему фронтом, армией, корпусом, дивизией и вплоть до командира взвода. От их неумения достигать победы малой кровью, если это так, сложилось и неумение Сталина. Основная доля потерь Красной Армии приходится на первые полтора года войны. Наступающая армия несёт всегда меньше потерь, чем отступающая. И ошибок в руководстве вооружённой борьбой у агрессора меньше. Начиная от Сталинграда и, особенно с Курской битвы, когда советские войска перешли в наступление по всему фронту, положение изменилось. Теперь уже противник стал нести большие потери. Теперь и ошибок у него стало больше. Что бы выиграть то или иное сражение малой кровью, надо, прежде всего, как я уже об этом говорил, иметь превосходство в технике, вооружении и боеприпасах. А именно всего этого, в результате внезапного нападения фашистской Германии, стремительного продвижения её армии, что привело к потере территории и материальных ценностей, мы долгое время не имели. Вот и приходилось компенсировать этот недостаток материалом человеческим. И не от хорошей жизни всё это происходило. Да и сами воины армии это понимали. Выстройте во временной последовательности такое са-

мопожертвование советских лётчиков как воздушный и наземный тараны, и вы убедитесь, что основная их масса приходится на первый год войны.

Если военный руководитель будет ставить перед собой задачу выиграть сражение с наименьшими потерями, как основную, он определённо проиграет сражение. Я вынужден повторяться. Представим на минутку такую картину. Планирует полководец ту или иную операцию и думает только о том, как побольше сберечь людей. Вот на этом участке фронта я выставлю не дивизию, а полк и потеря будет меньше. Что из этого получится? Потери только увеличатся. Любая планируемая операция в своей основе имеет эту цель – выиграть сражение малой кровью. Но не всегда получается, так как планируешь. Где-то враг хитрее тебя, где-то ты оказался посмекалистее.

Чисто военные людские потери сторон в Великой Отечественной войне давно подсчитаны, они приблизительно равны, их приблизительное соотношение один к одному. А ведь нам пришлось практически воевать почти против целой Европы с её военно-техническим потенциалом. Для перечисления стран, участвующих в агрессии против Советского Союза хватит пальцев одной руки. «Истории неизвестны доселе масштабы таких потерь», – пишет Волкогонов, имея в виду потери Советского Союза. Но истории неизвестны и такие масштабы войны, такое количество вовлечённой в неё военной техники. Это же не лук и стрела, копье или меч эпохи средневековья. Это не винтовки и пулемёты периода Первой мировой войны. Это тяжёлая артиллерия, танки, самолёты, снаряды, бомбы, реактивное и атомное оружие.

И в отношении того, что якобы не стоит приписывать Сталину особые заслуги в достижении Победы, что это заслуги целиком принадлежат советскому народу. Очередная генеральская ересь. Каждый советский человек, начиная от солдата до Верховного Главнокомандующего, от рабочего и колхозника до наркома, имеет свои личные заслуги в достижении Победы. Эти заслуги определяются внесённым вкладом в этот военный итог. Иосиф Виссарионович Сталин – частичка советского на-

рода. Если заслуга в достижении Победы принадлежит советскому народу, то она принадлежит и его частичке – Сталину.

И насчёт суда истории. И Хрущёв, и Волкогонов, и вся рать хулителей Сталина – это не история. Это попытка её исказить. Свой вердикт она уже вынесла. Вклад в достижение Победы Верховного Главнокомандующего, занимавшего в годы Великой Отечественной войны почти все высшие государственные должности, а в военной структуре все до одного, достойно оценён. В ходе войны ему было присвоено звание Маршала Советского Союза, он был награждён орденом «Победа». После окончания войны в Европе ему единственному в стране было присвоено звание Генералиссимус Советского Союза, он был награждён вторым орденом «Победа», ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Эти награды – высшая оценка его полководческой деятельности. И хотя для Волкогонова это ничего не значит, ему своей антисталинской книгой эти награды не отобрать, и из анналов истории не выжечь. А вот попытка исказить историю подсудна.

На историческое исследование книга Волкогонова «Триумф и трагедия» ну никак не тянет. Она лжива с первой и до последней страницы. Это пасквиль, полный вымыслов, домыслов, предположений, подогнанных под концепцию опорочить полководческую деятельность Сталина, показать, что во главе Красной Армии, всех её военных структур стоял некий придурок, ничего не смыслящий в военном деле. Она пропитана ядом, каждая её страница источает жёлчь. Автор не погнушался даже таким несвойственным для исторического исследования приёмом, как мыслить за Сталина.

Книга Волкогонова – это детализированное выступление Хрущёва «О культуре личности и его последствиях», это один из многочисленных метастаз этой раковой опухоли.

Честно признаюсь: книгу Волкогонова взял в руки через двадцать лет после её выхода в свет. Все эти годы о ней что-то слышал, что-то читал. Лишь в прошлом году, обходя на Новом Арбате развалы книг под открытым небом, заметил это нашумевшее в своё время творение Волкогонова. И купил. Не пове-

рите, читатель, за десять рублей. Такова ей сегодня цена. Не суд ли это истории?!

Я всё сказал! Честь имею, господин генерал!

Но до меня многие честные историки и публицисты давали оценки волкогоновскому творению. Сошлюсь на одно из них. «... внимательное прочтение документов из книги Волкогонова показывало, что записки, телеграммы, приказы, которыми, как конфетти, засыпал автор читателей, позволяли ему скрыть отсутствие у него каких-либо серьёзных доказательств, подтверждающих его обвинения в адрес Сталина. В то же время, чтобы как-то скрасить обилие деловых бумаг в своём повествовании, Волкогонов позволял себе вольности, которые недопустимы для документального произведения. По примеру Солженицына и Рыбакова Волкогонов постоянно вводил в повествование совершенно неправдоподобные длинные «внутренние монологи» Сталина.

Несмотря на претензии на документальную обоснованность и даже художественность, двухтомное сочинение Волкогонова представляло собой лишь огромное собрание проклятий в адрес Сталина. На протяжении 1200 страниц Волкогонов именовал Сталина «палачом», «монстром», утверждал, что он «исходил злобой», «кипел жёлчью». Волкогонов писал: «Сталин всей своей жизнью, деяниями, устремлениями доказал, что Хам антисвободы может быть кровавым, чудовищно страшным». На 1200-й странице книги Волкогонов увенчал свою характеристику словами: «Я ещё не мог себе представить, в какие низины человеческого духа и безнравственности мне придётся заглянуть».

Стремясь представить Сталина олицетворением крайнего зла, Волкогонов убрал из своего поля зрения всё, что могло показать его созидательную деятельность. Для освещения роли Сталина в развитии обороны, хозяйства, науки, техники, образования, культуры, социальной сферы, организационного строительства (а эти дела отнимали у Сталина львиную долю времени) Волкогонов не смог найти ни одной строчки на 1200 страницах книги»¹.

¹ Емельянов Ю. В. Сталин перед судом пигмеев. – М., 2008. – С. 360 – 361.

К сожалению, приходится констатировать, что метастазы болезни под названием антисталинизм поразили не только Москву и другие крупные экономические и культурные центры страны, они достигли и глубинки. Вообще следует заметить, что сегодня не норовит пнуть Сталина ну разве только ленивый. У нас на Белгородчине, к примеру, есть свой антисталинист, к разряду ленивых он никак не относится. Конечно, он не чета столичным недоброжелателям Сталина, это мелкая шавка, но лает она злобно.

В 2007 году в местном малоизвестном издательстве «Лит-КараВан» вышел второй том книги А. И. Нечаева «Валуйки и валуйчане». В ней есть глава «Валуйчане в Великой Отечественной войне». Хорошее дело рассказать о ратном и трудовом подвиге своих земляков, прославить их вклад в дело достижения Победы. Но автору вздумалось связать рассказ об участии валуйчан в Великой Отечественной войне с именем И. В. Сталина. Когда я ознакомился с содержанием этой главы, то не мог не воскликнуть: «Ба! Да он похлеще Волкогорова!»

Я не буду вслед за цитированием комментировать отдельные омерзительные места книги, ибо их дурь видна даже школьнику. Соберу я эту мерзость воедино, а уже потом выражу свою точку зрения. Но прежде хотелось бы сказать вот о чём. После названия главы автор дал перечисление тех узловых моментов, которые как бы раскрывают её содержание. Под цифрой № 1 он вывел: «Сталин даёт возможность германским войскам беспрепятственно вторгнуться в пределы СССР». Познакомившись с этим умозаключением, нетрудно представить себе такую картину. Скажем, на всём протяжении советско-польской границы стоит забор, в одном его месте изображены ворота. Они раскрыты. По ту сторону ворот изготовились для вторжения немецкие танки, а со стороны советской территории около этих же ворот стоит Сталин. Полусогнувшись, он делает рукой выразительный жест, как бы говоря: «Пожалуйста, господа фашисты».

Ну, а теперь, наберёмся терпения...

«Советский вождь Сталин оказался, как это ни парадоксально, пособником Гитлера, протянувшим ему руку дружбы во

время подготовки Германии к войне против западных государств и Советского Союза» (381).

«Летом 1939 года разведка ему (Сталину. – А. С.) донесла, что Германия готовит нападение на СССР. «Как же так, ещё с контрреволюцией не покончено, а тут – на тебе!» – размышлял диктатор. Он понимал также, что затея Гитлера с войной нынче некстати: ведь у него не осталось командного состава – он разгромлен в ходе армейской «чистки», да и вооружение Красной Армии оставляет желать лучшего. Струхнув, Сталин обратился, как и следовало ожидать, к Англии и Франции с предложением объединить совместные усилия на противостояние агрессору» (382 – 383).

«Советский вождь предлагает соседним финнам абсурдную территориальную сделку: отдать Советскому Союзу стратегически важный приграничный Карельский перешеек, а получить взамен от СССР бесплодный, не имеющий никакой ценности северный район Карелии. Был получен отказ.

«Ага... не хотите добровольно... тогда получайте!» И Сталин принимает решение говорить с позиции силы: отвергает договор о ненападении с Финляндией, а через день, утром 30 ноября 1939 года, с согласия Гитлера части Красной Армии с боями переходят советско-финляндскую границу» (387).

«Почему Гитлер так легко уступал? Он всякий раз говорил уступая: «Всё, что я делаю, направлено против России, всё, что Сталин получает, вернётся назад...» Скудный примитивный ум советского диктатора позволил завлечь себя в гитлеровскую ловушку – Сталин не подразумевал, что Германия активно готовится к войне с ним. После завладения Прибалтикой он ходил, торжествуя, и говорил: «Надул Гитлера, надул Гитлера!» А всё было наоборот... Но самым невероятным и мистическим было то, что Сталин вооружал Германию против СССР... Сталин не верил, что существует план «Барбаросса», и вагоны с сырьём шли в Германию до последней ночи, когда произошло нападение на нашу страну» (389).

«За день до начала войны на сообщение разведки о том, что нападение на СССР назначено Гитлером на 22 июня, Ста-

лин отвечает: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его...

И по сей день находятся источники информации, которые продолжают вещать: Верховный Главнокомандующий Сталин в войне 1941 – 1945 годов – организатор и вдохновитель всех побед. Жуков, первый заместитель Верховного – маршал великой победы. Если бы не они, то... Ложь, одурачивание людей... дело рук насквозь фальшивой и угоднической пропаганды, когда-то стряпавшие культы личностей.

На самом деле Сталин в Великой Отечественной являл собой бесплодного, навязывающего только свою волю кабинетного стратега, олицетворял собой лишь носителя гибели. А. М. Василевский свидетельствовал, что попытки Сталина единолично решать задачи войны приводили «к ещё большему осложнению обстановки и тяжёлым потерям.

Неслыханные жертвы появлялись там, где указывал перстом Жуков. Войну против Германии Сталин и Жуков безоговорочно проиграли (если слово «проиграли» кому-то из поклонников этих «стратегов», не подходит, тогда скажем так – они одержали пиррову победу)

Выиграли войну другие: это народ – ценой самопожертвования – и несколько советских полководцев, умевших воевать и знавших цену солдатской жизни. В первом ряду среди этих полководцев стоит валуйчанин Н. Ф. Ватутин. Вот кто выиграл войну! В конце лета 1943 года был взят Ржев. Но до этого липовый Верховный Главнокомандующий Сталин и Жуков ходили на него штурмом пять раз, положили там миллионы солдат, ничего не добившись. Ни тот «полководец, ни другой» тогда не подумали, а потом и не вспомнили: зачем такие жертвы? А Ржев и штурмовать -то не надо было. Со временем Гитлер и так бы его сдал, как это и случилось.

Солдаты, люди для Сталина и его подручных были не иначе, как тлëй. Сталин и Ставка будто сознательно шли навстречу гитлеровскому плану уничтожения Красной Армии в первые дни германского наступления» (391 – 392).

«Сталин со своим первым заместителем, верноподданным Жуковым, потерял в войне 1941 – 1945 годов на собственной территории до 30 миллионов, из них – половина мирного населения. Гитлер погубил на советско-германском фронте четыре миллиона своих солдат и офицеров, или в семь раз меньше нашего. Цена сталинско-жуковской «победы» имела вышший предел дороговизны – погибшие в войне представляли собой цвет нации, основу собственного генофонда. А таких жертв можно было избежать, если бы... не Сталин.

Война в пользу СССР реально должна быть закончена летом-осенью 1942 года, если бы не... не его приказы о широкомасштабном наступлении измученной Красной Армии после того, как она остановила немцев под Москвой. Хозяин СССР вместо победных действий к Западу от Москвы, породил тогда кровопролитные сражения на Дону и на Волге.

Гитлер провалился бы со своими планами и летом 1943 года после поражения Вермахта под Сталинградом и на Среднем Дону, если бы не Сталин. Липовый Верховный Главнокомандующий тогда помешал развитию успеха. Он отказался от блестящего плана уничтожения миллионной Кавказской гитлеровской группы армий, выпустил её из котла и тем самым отдал инициативу немцам.

Красная Армия могла низложить вермахт и к началу 1944 года, избежав кровопролитной Курской битвы, если бы не Сталин... Весной 1943 года под давлением войск Юго-Западного, Южного и Воронежского фронтов основные силы германской армии были загнаны в угол – прижаты к Днепру и Азовскому морю. Гитлеровское командование ожидало очевидного решающего русского удара и своего поражения. Но Сталин направил свои армии не к Днепру, а в направлении, утратившим для Вермахта «оперативное значение». Воспользовавшись этим, немецкие генералы тут же нанесли поражение уступающим им в силах войскам Юго-Западного и Воронежского фронтов. Это было преддверие Курской битвы.

Надо сказать, что каждый из перечисленных просчётов стоил миллионов жизней советских людей. Сталин вёл сатанинс-

кую игру в жертвоприношения. Его действия – ярчайший пример того, как надо создавать невероятные трудности, а потом героически преодолевать их» (393–394).

«Прошло совсем немного лет с того времени, как Сталин обескровил Валуйский уезд – расправился с трудовым крестьянством, интеллигенцией, священнослужителями, и никто из местных жителей не забыл этого. Но если родина в опасности, то... тут уж не до Сталина. Ох, ох!.. И всё же один просвещённый валуйчанин, говорят, это был некто Гулов, зная о заигрывании Сталина с Гитлером, публично процитировал в адрес советского вождя: «Доигрался чёрт на скрипке: больно музыку любил...» И тем не менее... Сразу же после объявления по радио о войне к военкомату с именем Сталина устремляется поток мобилизованных и немобилизованных» (399).

«После Московской битвы, в которой немцы были остановлены, Сталин затевает необоснованное (вместо наращивания сил в обороне) широкомасштабное контрнаступление по всему фронту – от Ленинграда до Керчи. Планы Хозяина СССР лопнули как мыльный пузырь повсюду: под Ленинградом, Ржевом, Вязьмой, Харьковом, в Крыму. Пали миллионы советских воинов, а инициатива была отдана Гитлеру. Но с небывалым треском сталинские полководческие начинания провалились на Юго-Западном направлении» (407).

«Казённые историки преподносят нам события войны с Германией как нечто фатальное, будто бы, к примеру, сталинградские кровавые события были предначертаны... Господи, да не было бы никаких великих битв на Волге, если бы не Сталин и его верноподданные «полководцы», если бы не сталинское широкомасштабное наступление и если бы не жуткие промахи командования Юго-Западного направления. Но посудите сами: пошли бы фашисты на Дон и Волгу через Валуйки, если бы Тимошенко исполнил свою клятву и разгромил их под Харьковом?.. Конечно же, некому было бы идти. Но фашисты пошли – да ещё как! – такую возможность им дали Сталин и Тимошенко» (410 – 411).

«В начале июля 1942-го на все фронтовые территории СССР приходит сталинская директива об организации борьбы насе-

лении на оккупированных территориях... Валуйчане опередили Сталина. Они создали партизанский отряд раньше, чем была оглашена его директива» (412 – 413).

«Видите, какая ответная реакция у захватчиков на действия партизан. А этого (в частности в Валуйках и районе) могло не быть, если бы не сталинская затея с широкомасштабным наступлением и если бы не тимошенковский полководческий провал под Харьковом. Немцев просто бы в Валуйках и в той округе не было» (416).

«В середине июля и начале августа 1941-го, когда советские войска были деморализованы и с трудом могли сопротивляться гитлеровцам, Ватутин совершил невероятное. Он меньшими силами наносит сокрушительные контрудары по немецким танковым войскам под Новгородом и Старой Руссой и не даёт им осуществить план «Барбаросса» по захвату Ленинграда. Это был геройский подвиг полководца. Допусти Ватутин промашку в этих операциях, Сталин просто расстрелял бы его, как это сделал только что с командованием Западного фронта – генералами Павловым, Климовских, Коробковым...

Сталин, как известно, не был в восторге от ватутинских полководческих успехов – Хозяин СССР не любил «умников» и «грамотеев». Поэтому Ватутину не воздавали должное, и те награды, которые он по праву заслужил (а это медали героя, и орден «Победы»), не нашли выдающегося полководца при жизни Сталина» (424 – 425).

«Полководец номер один Ватутин Николай Фёдорович, генерал армии, полководец, особо отличившийся во время Великой Отечественной войны. Один из главных вдохновителей победы над фашистской Германией... Поистине гениальный полководец – создатель побед, непревзойдённый мастер вождения войск и одновременно... с большой буквы Человек... Как никто другой, Ватутин имел способность «заключить в едином взоре» всё, что делалось на военных театрах Европы и мира и на всех своих фронтах от Балтики до Чёрного моря, и в соответствии с этим действовал как полководец. Знал психологию войны: обладал даром видеть проводимую операцию глазами

противника... Наконец, Ватутин был единственным большим военачальником, не проигравшим ни одной схватки с увешанными железными крестами немецкими генералами и фельдмаршалами» (476–477).

«В течение полутора довоенных лет начальники Генштаба – Шапошников, Мерецков, Жуков – были на своих должностях временными людьми: их ждало повышение. А временные, как известно, сидят «на чемоданах», им незачем глубоко вникать в суть дела. Ватутин же в такой обстановке был постоянным замом: и за себя делал, что ему предписывалось и начальников дублировал» (477 – 478).

«Долгое время ватутинские победы в Великой Отечественной замалчивались или умело рассеивались на страницах многотомной истории войны. Принизить Ватутина и тем самым возвысить Сталина, Жукова, Конева – такова была цель пропаганды сталинских времён. Но шила в мешке не утаишь» (482).

«В битве на Курской дуге Манштейн проиграл Ватутину, как говорится, по всем статьям... Ватутин как с листа, прочитал спланированные противником удары, погасил стремительность наступления врага, а затем и остановил его. Даже решающий манштейновский манёвр с выходом к Прохоровке был разгадан и упреждён Ватутиным. Отступая от Прохоровки к Харькову, немецкий фельдмаршал вновь попал впросак: он поверил ложной, бутафорской подготовке Ватутиным наступления на Конотоп и просмотрел мощный удар на кратчайшем пути к Харькову. И далее... Даже в искусственно созданной Сталиным тяжелейшей для Воронежского фронта обстановке под Ахтыркой, когда у Манштейна была реальная возможность разгромить войска Ватутина, фельдмаршал, покоривший Францию и Европу, не смог сделать этого. Он в своём контрнаступлении чуть не угодил в ватутинский котёл (489 – 490).

Ну, что, читатель, убедились в том, что белгородец Нечаев в своей ненависти к Сталину, похлеще какого-то там Волкогнова? Да этот генерал ему в подмётки не годится! И откуда столько злобы и яда к Верховному Главнокомандующему у, казалось бы, простого человека? Человека, становление которо-

го как личности пришлось на послевоенный период нашей истории, который получил от советской власти всё необходимое – и высшее образование и хорошую работу.

Но, судя по всему, плохо учился Толя Нечаев. Куда ни шло допускать стилистические ошибки в школьном сочинении или в письмах интимного характера. Но как можно демонстрировать своё стилистическое невежество публично?! Я не поленюсь собрать эти ляпы все вместе, дабы показать интеллектуальное ничтожество человека, позволившего себе судить о Сталине, который по умению излагать свои мысли чётко и доходчиво покорял высокие умы. Ещё раз призываю читателей набраться терпения.

«Сталин принимает решение говорить с позиции силы».

«Скудный примитивный ум советского диктатора позволил завлечь себя в гитлеровскую ловушку».

«Сталин не подразумевал, что Германия активно готовится к войне с ним».

«И по сей день находятся источники информации».

«Стряпавшие культы личностей».

«Олицетворял собой лишь носителя гибели».

«Неслыханные жертвы появлялись там».

«Ни тот полководец, ни другой тогда не подумали, а потом и не вспомнили: зачем такие жертвы?»

«Цена сталинско-жуковской «победы» имела высший предел дороговизны».

«Погибшие в войне представляли собой цвет нации, основу собственного генофонда».

«Красная Армия могла низложить вермахт».

«Гитлеровское командование ожидало очевидного решающего русского удара и своего поражения».

«На все фронтовые территории СССР приходит сталинская директива».

«И не даёт им осуществить план «Барбаросса» по захвату Ленинграда».

«Обладал даром видеть проводимую операцию глазами противника».

«Погасил стремительность наступления врага».

«Фельдмаршал, покоривший Францию и Европу».

Ну, как? Видите, сколько стилистических опусов на трёх страницах текста. И вот такая бездарь, которая ногтя сталинского не стоит, взялась судить о полководческих способностях Верховного Главнокомандующего! Беда, коль сапоги начнёт тачать пирожник...

Я не ввязался в полемику по фактам исторического невежества автора, полагая, что вполне достаточно того, что сказано мной в адрес Волкогонова. Оба они – два сапога пара. Нечаев, как и Волкогонов, тоже обладает способностью думать за Сталина. В основе антисталинизма одного и другого – пещерная ненависть к советскому периоду нашей истории. Как хорошо, что им не выпала «честь» с оружием в руках защищать Родину. Один из них стал бы Иудой-Власовым, а второй – паскудным полицаем.

И всё же не могу не обратить внимание читателя на некоторые нюансы. В книге на историческую тему ни одной ссылки на источник. Это шарлатанство. Понятно откуда чрезмерные симпатии автора к Н. Ф. Ватутину – земляк все же, валуйчанин! Как говорится, земляк земляка... Но, батенька, надо ж знать и меру! Никто и никогда до Нечаева не называл Николая Фёдоровича полководцем номер один. Потуги автора в этом плане тщетны. Ненависть Нечаева к Г. К. Жукову не переместит его с первого места в списке полководцев нашей армии. Никто и никогда не принижал полководческих способностей Ватутина, пусть это будет неудачной выдумкой автора. Любимчик полководца в своей любви к Николаю Фёдоровичу договорился до абсурда: Ватутин, вот кто выиграл войну. Выиграть войну может тот полководец, который встретил её победный час. Ватутин же погиб практически за год до её окончания.

В идеализации Ватутина Нечаев допустил явный перебор. Вновь воспроизведу одну из нечаевских оценок в адрес Николая Фёдоровича: *«В битве на Курской дуге Манштейн проиграл Ватутину, как говорится, по всем статьям... Ватутин как с листа, прочитал спланированные противником удары, погасил стремительность наступления врага, а затем и остановил его. Даже решающий манштейновский манёвр с выходом к Прохоровке был разгадан и упреждён Ватутиным».*

А вот мнение А. Е. Голованова: «Курская битва, мне кажется, в последнее время не имеет правильного отображения. Говорят даже, что на Воронежском фронте был решён успех этой битвы. На самом деле это не так. Как уже отмечалось, на Воронежском фронте в первоначальный период наступления противника сложилось неблагоприятное положение для наших войск, ибо немцы прорвали здесь оборону и устремились в этот прорыв своими танками. Лишь вводом наших армий, а затем и вводом в сражение целого фронта, стоявшего в затылок войскам Воронежского, положение было восстановлено. Танковый встречный бой у Прохоровки является следствием прорыва противника в глубину нашей обороны. Это не заслуга командования Воронежского фронта, а вынужденный ввод войск из резерва Ставки Верховного Главнокомандования для пресечения дальнейшего продвижения противника.

Вообще надо сказать, что в этой битве командование Воронежским фронтом показало себя плохо, а его командующий генерал Ватутин показал свою неподготовленность к ведению боевых оборонительных операций в новых, современных условиях ведения войны. Не Воронежский фронт восстанавливал положение, то есть ликвидировал прорыв противника, а восстанавливали это положение уже два фронта – Степной, под командованием генерала И. С. Конева и Воронежский»¹.

В головановских воспоминаниях есть ещё одно место, которое ну никак не соответствует нарисованному Нечаевым идеальному полководческому образу Ватутина. Когда части Воронежского (1-го Украинского) фронта подошли к Днепру, стал вопрос о проведении крупной воздушно-десантной операции. Для её осуществления были выделены значительные силы Воздушной армии дальнего действия. Командовать ими было поручено заместителю А. Е. Голованова генералу Н. С. Скрипко.

Голованов писал: «Эта десантная операция не удалась. Командование фронта – Н. Ф. Ватутин и член Военного совета Н. С. Хрущёв, а также представитель Ставки Г. К. Жуков послали телеграмму Сталину с предложением предать суду ис-

¹ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. – С. 321.

полнителей операции, в частности генерала Скрипко... Очень скоро был получен ответ Сталина на посланную телеграмму. Верховный указывал, что виновники действительно заслуживают наказания за неудачно и плохо организованную воздушно-десантную операцию, но главными организаторами этой операции Ставка считает лиц, пославших и подписавших телеграмму, а не непосредственных исполнителей, которые выполняли приказы старших. Ещё раз и со всей полнотой из этой телеграммы было видно, что как при успехах, так и при неудачах главными ответчиками являются люди, принимающие те или иные решения и руководящие их проведением в жизнь»¹.

А вот факт, описанный в мемуарах А. М. Василевского: «В ночь на 22 августа А. И. Антонов ознакомил меня с директивой, отправленной командующему Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутину: «События последних дней показали, что Вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки, как при планировании, так и при проведении операций. Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией, без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок, является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и даёт возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперёд и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям...

При таких обстоятельствах противнику удалось выйти на тылы 1-й танковой армии, находившейся в районе Алексеева, Ковячи, затем он ударил по открытому флангу соединений 6-й гвардейской армии, вышедших на рубеж Отрада, Вязовая, Панасовка, и, наконец, противник 20 августа нанёс удар из района Ахтырка на юго-восток, по тылам 27-й армии, 4-й и 5-й гвардейских танковых корпусов. В результате этих действий противника наши войска понесли значительные потери, а также было утрачено выгодное положение для разгрома харьковской группировки противника.

Я ещё раз вынужден указать Вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые Вами при проведении операций,

---

¹ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. – С. 331.

и требую, чтобы ликвидация ахтырской группировки противника как наиболее важная задача была выполнена в ближайшие дни. Это Вы можете сделать, так как у Вас есть достаточно средств. Прошу не разбрасываться, не увлекаться задачей охвата Харьковского плацдарма со стороны Полтавы, а сосредоточить всё внимание на реальной и конкретной задаче – ликвидации ахтырской группировки противника, ибо без ликвидации этой группы противника серьёзные успехи Воронежского фронта стали неосуществимыми. И. Сталин»¹.

А вот свидетельство К. К. Рокоссовского: «Во второй половине августа меня внезапно вызвали в Ставку. У Сталина я застал и нашего левого соседа Н. Ф. Ватутина. Рассматривался вопрос об освобождении Воронежа. Ватутин предлагал наступать всеми силами Воронежского фронта непосредственно на город. Мы должны были помогать ему, сковывая противника на западном берегу Дона активными действиями левофланговой 38-й армии. Я знал, что Ватутин уже не раз пытался взять Воронеж лобовой атакой. Но ничего не получалось. Противник прочно укрепился, а нашим войскам, наступавшим с востока, прежде чем штурмовать город, надо было форсировать реки Дон и Воронеж»².

Вместе с тем, Сталин высоко ценил полководческий талант Ватутина. Приведу здесь мнение Жукова, хотя для Нечаева он не авторитет. Георгий Константинович отмечал: «По моему наблюдению, из командующих фронтами И. В. Сталин больше всего ценил Маршалов Советского Союза К. К. Рокоссовского, Л. А. Говорова, И. С. Конева и генерала армии Н. Ф. Ватутина»³.

Оказывает, Нечаев умеет не только огульно охаивать, в частности Сталина, но и огульно восхвалять, в частности Ватутина.

Теперь по поводу того, что после Московской битвы Сталин «затекает необоснованное (вместо наращивания сил в обороне) широкомасштабное наступление по всему фронту». Стратегу Нечаеву следовало бы знать, что по вопросу общего наступления Красной Армии Сталин высказался в Ставке не пос-

---

¹ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. – С. 336 – 337.

² *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. – М., 1968. – С. 137.

³ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. – М. 1975. – С. 350.

ле окончания сражения под Москвой, которое, кстати, завершилось 20 апреля 1942 года, а в процессе самой битвы. Обсуждение этой проблемы в Ставке состоялось 5 января. Обсуждение, а не личное решение Сталина! Верховный Главнокомандующий изложил свою точку зрения. Вот она.

«Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Надо наступать. Заставить немцев израсходовать свои резервы ещё до весны... Главный удар нанести по группе «Центр». Разгром осуществить силами левого крыла Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов путём двухстороннего охвата с последующим окружением и уничтожением главных сил в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска. Войскам Юго-Западного и Южного фронтов – разгромить группу армий юг и освободить Донбасс.

Кавказский фронт во взаимодействии с Черноморским флотом – освободить Крым.

Два условия необходимо соблюдать, чтобы иметь боевые успехи.

Первое. Действия ударными группировками. Наши войска наступают обычно отдельными дивизиями или бригадами, расположенными по фронту в виде цепочки. Понятно, что такая организация наступления не может дать эффекта, так как не даёт нам перевеса сил на каком-либо участке. Такое наступление обречено на провал. Необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа, группа в виде трёх или четырёх дивизий, сосредоточенных для удара на определённом участке фронта. В этом первейшая задача командования армии, ибо только таким образом можно обеспечить решительный перевес сил и успех прорыва обороны противника на определённом участке фронта.

Второе. У нас нередко бросают пехоту в наступление против оборонительной линии противника без артиллерии, без какой-либо поддержки со стороны артиллерии, а потом жалуются, что пехота не идёт против обороняющегося и окопавшегося противника. Понятно, что такое «наступление» не может дать

желательного эффекта. Это не наступление, а преступление – преступление против Родины, против войск, вынужденных нести бессмысленные жертвы.

Это означает, во-первых, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой, должна вести огонь при небольших перерывах за всё время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю её глубину.

Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, как это имеет место при так называемой артиллерийской подготовке, а вместе с наступлением артиллерии, под гром артиллерийского огня.

Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта и только в этом районе, ибо без этого условия немыслимо артиллерийское наступление»¹.

Что же предосудительного в том, что в разгар битвы под Москвой, когда удалось отогнать противника непосредственно от стен столицы, Верховный Главнокомандующий ставит задачу продолжать наступление? И оно продолжалось. Где-то успешно, где-то нет. И разве постановка этой задачи была необоснованна? Не читал этого документа Нечаев, не читал. Скорее всего, позаимствовал этот эпизод у какого-то матёрого антисталиниста и решил блеснуть своей стратегической эрудицией, договорившись до того, что ровно через месяц после начала успешного контрнаступления под Москвой Красной Армии следовало приостановить наступление и перейти к наращиванию сил в обороне.

В отношении того, что в начале июля 1942 года «на все прифронтовые территории СССР пришла сталинская директива об организации борьбы населения на оккупированных территориях», и что «валуйчане опередили Сталина, они создали партизанский отряд раньше, чем была оглашена эта директива» можно сказать следующее.

---

¹ Жухрай В. М. Сталин. – М., 2006. – С. 347 – 349.

Трудно определить о какой июльской директиве 1942 года идёт речь. Лично мне такой документ неизвестен. Дату создания первого партизанского отряда на территории Валуйского района автор не указывает. А это следовало сделать, так как Валуйки были оккупированы противником летом 1942 года, а по сему создавать здесь партизанские отряды раньше не было никакой надобности. А вот две даты, с которыми связана сталинская идея развёртывания всенародной борьбы в тылу врага, необразованному «историку» Нечаеву напомнить следует. Это 29 июня и 3 июля 1941 года.

29 июня за подписью председателя СНК СССР и секретаря ЦК ВКП (б) И. Сталина и заместителя председателя СНК СССР В. Молотова в партийные и советские организации прифронтовых областей ушла директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП (б). В ней, наряду с другими, ставилась задача: «В занятых врагом районах создавать партизанские и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджог складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надёжные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем посёлке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах»¹.

Это требование директивы было повторено, почти один к одному, в выступлении Сталина по радио 3 июля. Конечно, Нечаев с этими документами не знаком, а если знаком, то намеренно вводит в заблуждение тех, кто о них вообще не слышал. Требование о развёртывании партизанской и подпольной войны в тылу врага, изложенные в этих двух документах, прозвучали задолго до прихода немцев в Валуйки, когда необходимости в создании там партизанского отряда ещё не было. Так

---

¹ Сталин И. В. Сочинения. – Т. 15. – С. 2 – 3.

что не валуйчане опередили Сталина в деле организации сопротивления в тылу врага, а Нечаев, стараясь в очередной раз лягнуть Иосифа Виссарионовича, поставил телегу впереди лошади. И сделал это весьма неудачно.

Не силён автор и в арифметике. Если «Сталин со своим первым заместителем, верноподданным Жуковым потеряли (какая нелепость!) в войне на собственной территории до 30 миллионов, из них – половина мирного населения», а «Гитлер погубил на советско-германском фронте четыре миллиона своих солдат и офицеров», то как это может быть «в семь раз меньше нашего»?

Что касается соотношения советских и германских потерь, то они давно выявлены и многократно обнародовались. Это официальные данные. Вероятно, Нечаев с ними также незнаком. Или занимается откровенным враньём. В любом случае эти сведения следует повторить.

Человеческие жертвы СССР в Великой Отечественной войне составили 8 миллионов 668 тысяч 400 человек. Потери Германии и её союзников немного меньше – 8 миллионов 649 тысяч 500 человек. При этом следует учесть следующее. За годы войны в советском плену оказалось 4 миллиона 126 тысяч военнослужащих фашистского блока. От ран и болезней умерло 580 тысяч 548 человек, остальные, а это 3 миллиона 545 тысяч 462 человека, вернулись на родину. А вот из 4 миллионов 559 тысяч военнослужащих Красной Армии домой вернулось только 1 миллион 836 тысяч человек. Остальные, нетрудно подсчитать, что это 3 миллиона 723 тысячи человек, погибли в фашистском плену. И погибли они в результате массового истребления. Разница в 3 миллиона 142 тысячи 452 человека! Так в чью пользу соотношение безвозвратных потерь, лжец-Нечаев? Вам не стыдно прибавлять к истинным потерям ещё миллионы человек, а по сути дела убивать их? Бесспорно, наша победа пришла через большую кровь. Но нельзя смешивать эту кровь с грязью!

Как контраргумент в отношении того, что Сталин и Жуков не берегли людей, можно привести следующий пример. Взятие Берлина планировалось осуществить к празднику – 1 мая 1945 года. Но обстановка складывалась так, что к этой дате овладеть столи-

цей Германии было невозможно. Жуков доложил Сталину, что нужна перегруппировка войск. Вот что ответил: Верховный Главнокомандующий: «Ну, ничего, впереди Первомай, это и так большой праздник, народ хорошо его встретит. А что касается того, возьмём ли Берлин 2 или 3 мая, это не имеет большого значения. Я с вами согласен, надо жалеть людей, мы меньше потеряем солдат. Подготовьте лучше заключительный этап этой операции»¹.

К этим размышлениям примыкает и нечаевский шизофренический вывод о том, что Сталин и Жуков войну против Германии проиграли. А если вам-де это умозаключение не нравится, то они одержали пиррову победу. Вот уже 65 лет мы отмечаем нашу славную Победу. 65 раз по всей стране по этому поводу проводятся торжественные мероприятия. Кто из нас в этот день не поднимал рюмку с возгласом «За нашу Победу!» И только один Нечаев... нет, нет, рюмку он поднимает, но всегда пьёт за пиррову победу.

Говоря о сообщении советского правительства в связи с падением фашистской Германии на СССР, Нечаев приводит заключительные слова этого документа: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Уверен: если бы автор знал, что эти слова в текст выступления В. М. Молотова по радио вписал Сталин, он не привёл бы их в своей книге.

Если Сталин обескровил Валуйский уезд, и «никто из местных жителей не забыл этого», то как могли они устремиться к военкоматам 22 июня «с именем Сталина»?

Если ты выдумываешь какие-то небылицы и вкладываешь их в уста Сталина, то делай это как-нибудь поумнее. А то получается невероятная чушь: когда за день до начала войны Сталину доложили, что по данным разведки нападение на СССР назначено на 22 июня, он сделал вывод, что это английская провокация и поручил выяснить, кто её автор, а заодно и наказать его. Кому поручил? Кто должен был поехать в Англию для поиска провокатора? Как следовало его наказать?

Чтобы найти «свидетельство» А. М. Василевского о том, что попытки Сталина единолично решать задачи войны приводили к

¹ «Правда». – 1995, 26 апреля.

ещё большему осложнению обстановки и тяжёлым потерям, пришлось в который раз перелистать мемуары Маршала Советского Союза. Не нашёл. Но зато нашёл свидетельство иного рода.

«Как правило, предварительная намётка стратегического решения и плана его осуществления вырабатывалась у Верховного Главнокомандующего в узком кругу лиц. Обычно это были некоторые из членов Политбюро ЦК и ГКО, а из военных – заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генерального штаба и его первый заместитель. Нередко эта работа требовала несколько суток. В ходе её Верховный Главнокомандующий, как правило, вёл беседы, получая необходимые справки и советы по разрабатываемым вопросам, с командующими и членами военных советов соответствующих фронтов, с ответственными работниками Наркомата обороны, с наркоматами и особенно руководившими той или иной отраслью военной промышленности.

Огромная работа в тот период проводилась ответственными работниками Генерального штаба и Наркомата обороны. В результате всестороннего обсуждения принималось решение и утверждался план его проведения, обрабатывались соответствующие директивы фронтам и назначался день встречи в Ставке с командующими, привлекаемыми к реализации намеченных операций.

На этой встрече происходило окончательное уточнение плана, устанавливались сроки проведения операций, подписывалась директива Ставки, отправляемая фронтам. Теперь наступал самый ответственный период – подготовка войск к осуществлению задуманного плана и обеспечения их всем необходимым для этого в установленные сроки...

Так работала Ставка при подготовке большинства крупных стратегических операций фронтов»¹.

А вот свидетельство С. М. Штеменко: «Сталин не решал и вообще не любил решать важные вопросы войны единолично. Он хорошо понимал необходимость коллективной работы в этой сложной области, признавал авторитеты по той или иной проблеме, считался с их мнением и каждому отдавал должное».

---

¹ *Василевский А. М.* дело всей жизни. – 129 – 130.

Ну и последнее. Это насчёт того, что не стоило штурмовать Ржев, ибо «Гитлер и так бы его сдал, как это и случилось». Ну как тут не вспомнить крылатое изречение Шота Руставели: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой издалека». Стратегу-Нечаеву, прежде чем преподнести непросвещённому читателю эту галиматью, следовало бы взять в руки шестой том «Истории второй мировой войны», открыть страницу 144 и прочесть: «Наступление советских войск в феврале 1943 г. на западном направлении хотя и не достигло существенных оперативных результатов, но вынудило противника для удержания занимаемых рубежей израсходовать все резервы. Чтобы укрепить оборону и усилить орловскую группировку, немецко-фашистское командование нуждалось в значительных силах, а свободных резервов не было. В связи с этим 28 февраля оно приняло окончательное решение о выводе своих войск из ржевско-вяземского выступа. Отход начался 2 марта и производился планомерно от рубежа к рубежу под прикрытием сильных арьергардов.

Войска Калининского и Западного фронтов, которыми командовали генералы М. А. Пуркаев и В. Д. Соколовский, перешли в преследование. С воздуха их поддерживала авиация 3-й и 1-й воздушных армий. Ставка Верховного Главнокомандования потребовала от командующих фронтами более энергичных действий, с тем, чтобы не выталкивать противника, а широко применяя обходный манёвр, подвижными отрядами выйти на тылы врага и отрезать ему пути для отступления... 3 марта советские соединения освободили Ржев».

Не сдавал Гитлер Ржев, его освободили советские войска. Вообще-то в истории Великой Отечественной войны не было ни одного случая, чтобы гитлеровское командование сдало без боя хоть какую-либо захудалую деревеньку, не говоря уже о городах, подобных Ржеву.

Вот такие горе-историки живут у нас на Белгородчине. В результате охаянной ими Победы, ими не добытой, они имеют возможность жевать хлеб, ходить по улицам города, который стал родоначальником победных салютов, обливать грязью советских полководцев, в том числе и Верховного Главнокомандую-

щего, а в их лице всех, кто с оружием в руках защищал Родину, принял смертельную дозу свинца или железа, кто остался жив.

До сих пор не могу понять, кто творил этот гнусный бред — толи человек, претендующий на приставку историк, то ли цирковой клоун.

А что думает издательство по поводу состряпанного им суррогата? Не стыдно ли? Не думает ли сжечь сей пасквиль на святую страницу нашей истории? А что думают те, кто «отстёгивал» (конечно, не из своего кошелька) финансы на это книжное недообразие? Не мучает ли совесть? Или издательство и спонсоры имеют такое же мнение, что и автор сиих «Записок из Мёртвого дома»? Признаюсь: от этой хрущёвской раковой опухоли, от этих волкогоновских и нечаевских метастаз голова пошла кругом. Книги Волкогонова и Нечаева вызвали у меня чувство омерзения. Такое ощущение, будто взял в руки таракана. Причём чувство омерзения не только к содержанию книг, но и к их авторам.

Сегодня практически все бездоказательные обвинения, с которыми Хрущёв обрушился на И. В. Сталина 54 года назад, а затем воспроизвёл в своих мемуарах, разбиты вдребезги. Рушатся все мифы о полководце Сталине, сотворённые послехрущёвскими антисталинистами. На смену военачальникам-мемуаристам пришли честные историки и писатели, публицисты и лидеры левопатриотических партий. Бой продолжается. В последнее десятилетие в стране изданы сотни книг, защищающих доброе имя Иосифа Виссарионовича Сталина, а через него и наше советское прошлое. Среди них есть хорошие и объективные книги, которые в полной мере освещают полководческую деятельность Иосифа Виссарионовича в годы Великой Отечественной войны. Кроме этого увидели свет и сборники документов, ранее не доступные исследователям. Они красноречиво доказывают, кто и как руководил военными операциями Красной Армии в годы войны. Многие документы подписаны Сталиным. Вполне естественно, что эти издания рассчитаны на исследователей, не отличаются солидными тиражами и большинству читателей просто недоступны. Их нет даже в Белгородской государственной универсальной научной библиотеке.

Опираясь на мемуары советских военачальников и полководцев, используя оценки современных сталинистов и включая в оборот некоторые документы, относящиеся к периоду Курской битвы, я постараюсь показать полководческую деятельность Сталина в годы Великой Отечественной войны. Документы и воспоминания, воспоминания и документы – вот основа предлагаемых читателю последующих материалов книги. Выше этих доказательств, отражающих полководческую деятельность Сталина, ничего нет и быть не может. Только они – неопровержимый критерий истины.

Давайте перейдём к более светлому и правдивому: дадим слово военачальникам Великой Отечественной войны, тем, кто в одной упряжке со Сталиным руководил боевой работой Красной Армии, кто вместе с ним вёл её к Победе. Свидетельство очевидца, как и архивный документ, это серьёзный исторический источник. В этом месте будет кстати мнение В. М. Жухрая, автора ряда замечательных книг о И. В. Сталине: «Поскольку роль Сталина как Верховного Главнокомандующего и полководца подвергается фальсификации как со стороны дилетантов в военном искусстве, вроде «опереточных генералов» типа Волгогонова, так и отдельных военных специалистов, лучше всего рассказать о ней словами всемирно признанных военных авторитетов – очевидцев этой деятельности. Маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский оставили подробные воспоминания о том, как во время войны работал Верховный»¹.

Давайте с помощью военных авторитетов попробуем опровергнуть хрущёвскую, волгогоновскую, нечаевскую и прочих хулителей Сталина ложь. При этом не ограничимся только Жуковым и Василевским, а также не ограничимся только непосредственными их оценками полководческой деятельности Сталина, а присовокупим и те факты, которые показывают, как он руководил военными операциями, Ставкой, Генеральным штабом и самими военачальниками. Последовательность представления слова тому или иному военачальнику будет определять его должность.

---

¹ Жухрай В. М. Сталин: правда и ложь. – М., 1996. – С. 124.

Дадим слово также некоторым государственным и партийным деятелям, кто руководил наркоматами военной промышленности, осуществлял на местах лозунг «Всё для фронта, всё для победы!»

Заместителем И. В. Сталина во всех его высших военных структурах и главным его помощником все годы войны являлся Г. К. Жуков. И хотя Георгий Константинович, как об этом я уже писал, внёс свой определённый вклад в так называемое «развенчание» «культы личности», он все же смог преодолеть эту хрущёвскую ересь и дать в своих мемуарах вполне объективную оценку полководческой деятельности Сталина. Итак, слово Г. К. Жукову.

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. – Т. 1. – М., 1975.

ЖУКОВ Георгий Константинович (1896 – 1974).

Советский государственный и военный деятель, один из активных строителей Вооружённых Сил СССР, выдающийся советский полководец, Маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956), кавалер двух орденов «Победа».

С января по 30 июля 1941 года – начальник Генерального штаба, заместитель наркома обороны СССР. С 23 июня 1941 года – член Ставки Главного Командования (Верховного Главнокомандования). В период с августа 1941 по август 1942 последовательно командовал Резервным, Ленинградским, Западным фронтами. С августа 1942 года – первый заместитель наркома обороны СССР и заместитель Вер-

ховного Главнокомандующего. В марте – мае 1944 года – командующий 1-м Украинским фронтом, с ноября 1944 по июнь 1945 года – 1-м Белорусским фронтом.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 135 раз.

Начало войны

«В 4 часа 30 минут утра мы с С. К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет. И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку. Он сказал:

– Надо срочно позвонить в германское посольство.

В посольстве ответили, что посол граф Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Принять посла было поручено В. М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Через некоторое время в кабинет быстро вошёл В. М. Молотов:

– Германское правительство объявило нам войну.

И. В. Сталин молча опустился на стул и глубоко задумался. Наступила длительная тягостная пауза. Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на провавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

– Не задержать, а уничтожить, – уточнил С. К. Тимошенко.

– Давайте директиву, – сказал И. В. Сталин...

Около 9 часов С. К. Тимошенко позвонил И. В. Сталину и просил разрешения снова приехать в Кремль, чтобы доложить

проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образования Ставки Верховного Командования, а также ряда других вопросов...

Нас встретил А. Н. Поскребышев и сразу проводил в кабинет. Члены политбюро уже находились там. Обстановка была напряжённой. Все молчали. И. В. Сталин молча ходил по кабинету с нераскуренной трубкой, зажатой в руке.

– Ну, давайте, что там у вас? – сказал он.

С. К. Тимошенко доложил о проекте создания Ставки Главного Командования. И. В. Сталин посмотрел проект, но решения не принял и, положив бумагу на стол, коротко бросил:

– Обсудим на Политбюро.

Осведомившись об обстановке, И. В. Сталин сказал:

– В 12 часов по радио будет выступать Молотов.

Прочитав проект Указа о проведении мобилизации и частично сократив её размеры, намеченные Генштабом, И. В. Сталин передал Указ А. Н. Поскребышеву для утверждения в Президиуме Верховного Совета...

Примерно в 13 часов мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

– Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлём Шапошникова и Кулика. Я их вызвал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо немедленно вылететь в Киев и оттуда вместе с Хрущёвым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

– А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И. В. Сталин ответил:

– Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздражённо добавил:

– Не теряйте время, мы тут как-нибудь обойдёмся» (266–269).

«26 июня на командный пункт Юго-Западного фронта в Тернополь мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

– На Западном фронте сложилась тяжёлая обстановка. Противник подошёл к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?

– Сейчас переговорю с товарищами Кирпоносом и Пуркаевым о дальнейших действиях и выведу на аэродром.

Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома – к И. В. Сталину. В кабинете И. В. Сталина стояли навзрыду нарком С. К. Тимошенко и мой первый заместитель генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И. В. Сталин был не в лучшем состоянии. Поздоровавшись кивком, И. В. Сталин сказал:

– Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке? – и бросил на стол карту Западного фронта.

– Нам нужно минут сорок, чтобы разобраться, – сказал я.

– Хорошо, через сорок минут доложите.

Мы вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и наши возможности на Западном фронте... Обсудив положение, мы ничего лучшего не могли предложить, как немедленно занять оборону на рубеже Зап. Двина – Полоцк – Витебск – Орша – Могилёв – Мозырь... Все эти предложения И. В. Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями» (287 – 288).

«29 июня И. В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного Командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении» (291).

«3 июля в своём выступлении по радио И. В. Сталин от имени Центрального Комитета партии объяснил сложившуюся на фронтах обстановку и призвал советский народ незамедлительно перестроить всю жизнедеятельность и экономику страны соответственно требованиям войны с сильным, коварным и жестоким врагом. И. В. Сталин призвал партию и народ подняться на священную борьбу, покончить с беспечностью и резко повысить бдительность.

В основе этой памятной речи И. В. Сталина лежала директива СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июня 1941 года, которую получили все партийные и советские организации прифронтовых областей. В этом документе-воззвании излагались основные задачи советского народа и его вооружённых сил в Великой Отечественной войне.

Речь И. В. Сталина, директива партии и правительства, обращение к народу, звучали как могучий тревожный набат, в котором слышались отзвуки знаменитого ленинского призыва «Социалистическое отечество в опасности!» Чувствовалось, что гневный и призывный голос этого набата замолкнет тогда, когда фашистские захватчики будут разбиты» (303).

«Потеря Смоленска была тяжело воспринята Государственным Комитетом Обороны и особенно И. В. Сталиным. Он был вне себя. Мы, руководящие военные работники, испытали тогда всю тяжесть сталинского гнева» (307).

«В конце июля мне позвонил А. Н. Поскребышев и спросил:

– Где находится Тимошенко?

– Маршал Тимошенко в Генеральном штабе, мы обсуждаем обстановку на фронте.

– Товарищ Сталин приказал вам и Тимошенко немедленно прибыть к нему на дачу, – сказал А. Н. Поскребышев... Когда мы вошли в комнату, за столом сидели почти все члены Политбюро. И. В. Сталин был одет в старую куртку, стоял посередине комнаты и держал погасшую трубку в руках.

– Вот что, – сказал И. В. Сталин. – Политбюро обсудило деятельность Тимошенко на посту командующего Западным фронтом и решило освободить его от обязанностей. Есть предложение на эту должность назначить Жукова. Что думаете вы? – спросил И. В. Сталин, обращаясь ко мне и к наркому.

С. К. Тимошенко молчал.

– Товарищ Сталин, – сказал я. – Частая смена командующих фронтами тяжело отражается на ходе операций. Командующие, не успев войти в курс дела, вынуждены вести тяжелейшие сражения. Маршал Тимошенко командует фронтом менее четырёх недель. В ходе Смоленского сражения хорошо

узнал войска, увидел, на что они способны. Он сделал все, что можно было сделать на его месте, и почти на месяц задержал противника в районе Смоленска. Думаю, что никто другой большего не сделал бы. Войска верят в Тимошенко, а это главное. Я считаю, что сейчас освободить его от командования фронтом несправедливо и нецелесообразно.

М. И. Калинин, внимательно слушавший, сказал:

– А что, пожалуй, правильно.

И. В. Сталин не спеша раскурил трубку, посмотрел на других членов Политбюро и сказал:

– Может быть, согласимся с Жуковым?

– Вы правы, товарищ Сталин, – раздался голоса. – Тимошенко может ещё выправить положение.

Нас отпустили, приказав С. К. Тимошенко немедленно выехать на фронт» (310).

Ставка Верховного Главнокомандования

«Теперь я начал работать непосредственно с И. В. Сталиным. Раньше мне не приходилось так близко с ним соприкасаться, и первое время я чувствовал некоторую скованность в его присутствии. К тому же сказывался мой недостаточный опыт в стратегических вопросах, и я не был уверен в точности своих прогнозов.

На первых парах И. В. Сталин разговаривал со мной мало. Чувствовалось, что он внимательно присматривается ко мне и твёрдого мнения обо мне, как начальнике Генерального штаба, у него ещё пока не сложилось.

Однако позднее, по мере того, как накапливался опыт, я стал смелее и увереннее высказывать свои суждения и замечал, что И. В. Сталин начал к ним всё больше прислушиваться.

19 июля 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР И. В. Сталин был назначен и народным комиссаром обороны. Надо сказать, что с назначением И. В. Сталина Председателем Государственного Комитета Обороны, Верховным

Главкомандующим и наркомом обороны в Генштабе, центральных управлениях Наркомата обороны, Госплане СССР и в других органах правительства и народного хозяйства сразу же почувствовалась его твёрдая рука.

Каждый член ГКО получил конкретное задание и строго отвечал за выполнение планов народного хозяйства. На одного из них возлагалась ответственность за выпуск танков, на другого – артиллерийского вооружения, на третьего – самолётов, на четвёртого – снабжение боеприпасами, продовольствием и обмундированием и т. д. Командующих родами войск И. В. Сталин лично обязал подключиться к членам ГКО и помогать им в работе по выполнению программы производства определённой военной продукции» (316).

«Надо признать также, что определённую долю ответственности за недостатки в подготовке вооружённых сил к началу военных действий несут нарком обороны и ответственные работники Наркомата обороны. Как бывший начальник Генерального штаба и ближайший помощник наркома не могу снять с себя вины за эти недостатки и я.

Наконец, важную роль сыграло и то обстоятельство, что И. В. Сталина до последнего момента – начала гитлеровского нападения на Советский Союз – не покидала надежда, что войну удастся оттянуть. Это в какой-то мере связало и наркома обороны, который не решался входить к И. В. Сталину с проектом о создании Ставки вплоть до весны 1941 года.

В конце весны мне пришлось ещё раз, уже в настоящей форме, просить наркома доложить И. В. Сталину о необходимости рассмотреть разработанный Генштабом проект плана организации Ставки Главного Командования и разрешить провести его практическую проверку на больших командно-штабных учениях. На этот раз доклад состоялся и И. В. Сталин дал согласие провести такое учение, но подальше от границы...» (319–320).

«От представителей Ставки Верховный требовал ежедневных докладов или донесений о ходе подготовки и проведении операций. Особо важные оценки обстановки и предложения по

новым операциям, по указанию И. В. Сталина, писались от руки в одном экземпляре и доставлялись ему через А. Н. Поскребышева. Если по каким-либо причинам в течение суток не поступало докладов представителей Ставки, Верховный сам звонил по ВЧ и спрашивал: «Вам что, сегодня не о чем доложить?»

Припоминаю в этой связи один случай. Как-то в конце сентября 1942 г. Верховный вызвал в Ставку из района Сталинграда меня и Г. М. Маленкова. После того, как я доложил обстановку, И. В. Сталин строго спросил Г. М. Маленкова:

– А почему вы, товарищ Маленков, в течение трёх недель не информировали нас о делах в районе Сталинграда?

– Товарищ Сталин, я ежедневно подписывал донесения, которые посылал вам Жуков, – ответил Г. М. Маленков.

– Мы посылали вас не в качестве комиссара к Жукову, а как члена ГКО, и вы должны были нас информировать, – строго сказал И. В. Сталин» (326 – 327).

«Ставка Верховного Главнокомандования была коллективным органом руководства военными действиями вооружённых сил. В основе её работы лежало разумное сочетание коллегиальности с единоначалием. Во всех случаях право принятия окончательного решения оставалось за Верховным Главнокомандующим...

При разработке очередной операции И. В. Сталин обычно вызывал начальника Генерального штаба и его заместителя и кропотливо вместе с ними рассматривал оперативно-стратегическую обстановку на всём советско-германском фронте: состояние войск фронтов, данные всех видов разведки и ход подготовки резервов всех родов войск.

Потом в Ставку вызывались начальник тыла Красной Армии, командующие различными родами войск и начальники главных управлений Наркомата обороны, которым предстояло практически обеспечивать данную операцию. Затем Верховный Главнокомандующий, заместитель Верховного и начальник Генштаба обсуждали оперативно-стратегические возможности наших войск. Начальник Генерального штаба и заместитель Верховного получали задачу – продумать и рассчитать

наши возможности для той или тех операций, которые намечались к проведению. Обычно для этой работы Верховный отводил нам 4 – 5 дней. По истечении срока принималось предварительное решение. После этого Верховный давал задание начальнику Генштаба запросить мнение Военных советов фронтов о предстоящей операции...

Наконец, назначался день, когда командующие фронтами должны были прибыть в Ставку для доклада плана операции фронта. Обычно Верховный слушал их в присутствии начальника Генштаба, заместителя Верховного и некоторых членов ГКО.

После тщательного рассмотрения докладов И. В. Сталин утверждал планы и сроки операции с указанием, на что именно следует обратить особое внимание» (327 – 326).

«И. В. Сталин в годы войны выполнял пять обязанностей. Кроме Верховного Главнокомандующего, он оставался на посту Генерального секретаря ЦК ВКП (б), был Председателем Совета Народных Комиссаров СССР и Председателем Государственного Комитета Обороны, являлся народным комиссаром обороны. Работал он напряжённо, по 15 – 16 часов в сутки. И. В. Сталин высоко ценил работу Генерального штаба и полностью доверял ему. Как правило, он не принимал важных решений без того, чтобы предварительно не выслушать анализа обстановки, сделанного Генштабом, и не рассмотреть его предложения...

Верховным Главнокомандующим был установлен твёрдый порядок, по которому Генштаб два раза в сутки докладывал ему карту обстановки на фронтах со всеми изменениями за истекшее время. К карте прилагалась краткая поясняющая записка начальника Генерального штаба» (329 – 330).

«Возвратившись с Тегеранской конференции, Верховный Главнокомандующий сказал:

– Рузвельт дал твёрдое слово открыть широкие действия во Франции в 1944 году. Думаю, что он слово сдержит.

Как всегда в минуты хорошего расположения духа, И. В. Сталин неторопливо набил трубку табаком папирос «Герцегови-

на Флор», чмокая губами, раскурил её и, выпустив несколько клубков дыма, медленно прошёлся по ковровой дорожке кабинета.

– Ну, а если не сдержит, – продолжал он, рассуждая вслух, – у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию.

Разговор этот в кабинете И. В. Сталина предшествовал совместному заседанию Политбюро ЦК ВКП (б), ГКО и некоторых членов Ставки, которое состоялось в декабре 1943 г. Здесь были всесторонне рассмотрены вопросы военно-политического положения страны. В связи с этим меня и А. М. Василевского вызвали с фронта, где мы тогда находились как представители Ставки. Александру Михайловичу и его первому заместителю по Генеральному штабу А. И. Антонову Верховный Главнокомандующий поручил доклады о положении на фронтах.

На этом заседании был сделан главный вывод – советский народ, руководимый партией, добился военно-экономического перевеса над врагом. Отсюда следовало, что мы должны были наметить пути, как это превосходство использовать наилучшим образом...

В узком кругу лиц, собравшихся затем в кабинете И. В. Сталина, Верховный поставил вопрос о новой форме проведения кампаний 1944 года. Предварительно он запросил мнение каждого из участников. Совещание, как обычно, проходило без протоколов. Обсуждали, где именно следовало сосредоточить силы и средства для нового поражения основных сил противника и окончательного разгрома фашистского блока. Таких районов на всём стратегическом фронте оказалось десять...

Верховный неустанно контролировал подготовку операций 1944 года. Он находил в себе силы и энергию всегда держать в поле зрения всестороннее обеспечение принятых решений, уделял особое внимание танковым войскам, военно-воздушным силам, артиллерии, организации партийно-политической работы на фронте и в тылу» (334 – 335).

«Деятельность Ставки неотделима от имени И. В. Сталина. В годы войны я часто с ним встречался. В большинстве случаев это были официальные встречи, на которых решались вопро-

сы руководства ходом войны. Но даже простое приглашение на обед всегда использовалось в этих же целях. Мне очень нравилось в работе И. В. Сталина полное отсутствие формализма. Всё, что делалось им по линии Ставки или ГКО, делалось так, чтобы принятые этими высокими органами решения начинали выполняться тотчас же, а ход выполнения их строго и неуклонно контролировался лично Верховным или, по его указанию, другими руководящими лицами или организациями» (341).

«Читатели первого издания моей книги не раз спрашивали меня, были ли ошибки в работе Ставки и И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего?

...И. В. Сталин внёс большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и её союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками с воодушевлением.

Конечно, в начале войны, до Сталинградской битвы, у Верховного были ошибки, которые бывают, как известно, у каждого. Он их глубоко продумал и не только внутренне переживал, а стремился извлечь из них опыт и впредь не допускать. Опираясь на всестороннюю помощь ЦК и организаторскую деятельность партии на местах, горячий патриотизм советского народа, поднявшегося на священную войну с фашизмом, Верховный Главнокомандующий умело справился со своими обязанностями на этом высоком посту.

Очень хорошо сказал Михаил Шолохов в интервью газете «Комсомольская правда» в дни 25-летия победы над фашистской Германией: «Нельзя оглуплять и принижать деятельность Сталина в этот период. Во-первых, это нечестно, а, во-вторых, вредно для страны, для советских людей, и не потому, что победителей не судят, а прежде всего потому, что «ниспровержение» не отвечает истине».

К этим словам М. А. Шолохова вряд ли что можно добавить. Они точны и справедливы. Верховный Главнокомандующий сделал всё возможное, чтобы Ставка, её рабочий аппарат – Генеральный штаб и Военные советы фронтов стали подлинно

мудрыми и искусными военными помощниками партии в деле достижения победы над фашистской Германией» (342).

«Работники Генштаба и представители Ставки развёртывали карты на большом столе и стоя докладывали Верховному обстановку на фронтах, иногда пользуясь записями. И. В. Сталин слушал, обычно расхаживая по кабинету медленным широким шагом, вразвалку. Время от времени он подходил к большому столу и, наклонившись, пристально рассматривал разложенную карту. Изредка он возвращался к своему столу, брал коробку папирос «Герцеговина Флор», разрывал несколько папирос и медленно набивал трубку табаком.

Стиль работы, как правило, был деловой, без нервозности, своё мнение могли высказать все. Верховный ко всем обращался одинаково – строго и официально. Он умел внимательно слушать, когда ему докладывали с знанием дела. Сам он был немногословен и многословия других не любил, часто останавливал разговорившегося репликами – «короче!», «яснее!». Совещания открывал без вводных, вступительных слов. Говорил тихо, свободно, только по существу вопроса. Был лаконичен, формулировал мысли ясно.

За долгие годы войны я убедился, что И. В. Сталин вовсе не был таким человеком, которому нельзя было ставить острые вопросы или спорить с ним, твёрдо отстаивая свою точку зрения. Если кто-либо утверждает обратное, прямо скажу, что их утверждения неверны.

И. В. Сталин требовал ежедневных докладов о положении дел на фронтах. Чтобы идти на доклад к Верховному Главнокомандующему, нужно было быть хорошо подготовленным. Явиться, скажем, с картами, на которых имелись хоть какие-то «белые пятна», сообщать ориентировочные или тем более преувеличенные данные было невозможно. Он не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности.

У Верховного было какое-то особое чутьё на слабые места в докладах или документах, он тут же их находил и строго взыскивал за нечёткую информацию. Обладая цепкой памятью, он хорошо помнил сказанное и не упускал случая довольно резко

отчитать за забытое. Поэтому штабные документы мы старались готовить со всей тщательностью, на какую только были способны в те военные дни...

Свои суждения по важным вопросам И. В. Сталин во многом строил на основе докладов представителей Ставки, посылавшихся им в войска, из выводов Генерального штаба, мнений и предложений командования фронтов и специальных сообщений.

Общаться с И. В. Сталиным мне довелось начиная с февраля 1940 г., когда я начал работать в должности начальника Генштаба. О внешности И. В. Сталина писали уже не раз. Невысокого роста и непримечательный с виду, И. В. Сталин во время беседы производил сильное впечатление. Лишённый позёрства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность чётко сформулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память заставляли во время беседы с ним даже очень искушённых и значительных людей внутренне собраться и быть начеку...

Смеялся И. В. Сталин редко, а когда смеялся, то тихо, как будто про себя. Но юмор понимал и умел ценить остроумие и шутку. Зрение у него было очень острое и читал он без очков в любое время суток. Писал, как правило, сам от руки. Читал много и был широко осведомлённым человеком в самых разнообразных областях знаний. Поразительная работоспособность, умение схватывать суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного материала, которое было под силу только незаурядному человеку.

Трудно сказать, какая черта характера у него преобладала. Человек разносторонний и талантливый, И. В. Сталин не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытым и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, временно он впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, ещё больше бледнел, взгляд становился тяжёлым, жёстким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар.

Распорядок дня И. В. Сталина был несколько необычный. Работал он, главным образом, в вечернее и ночное время. Вставал не раньше 12 часов дня. Приспосабливаясь к распорядку дня И. В. Сталина, до поздней ночи работали ЦК партии, Совет Народных Комиссаров, наркоматы и основные государственные и планирующие органы. Это сильно изматывало людей.

В довоенный период мне трудно было оценить глубину знаний и способностей И. В. Сталина в области военной науки, в вопросах оперативного и стратегического искусства. Выше я уже говорил, что тогда, когда мне доводилось бывать в Политбюро или лично у И. В. Сталина, рассматривались главным образом организационные, мобилизационные и материально-технические вопросы.

Могу только ещё раз сказать, что И. В. Сталин и до войны много занимался вопросами вооружения и боевой техники. Он часто вызывал к себе авиационных, артиллерийских и танковых конструкторов и подробно расспрашивал их о деталях конструирования этих видов боевой техники у нас и за рубежом. Надо отдать ему должное, он неплохо разбирался в качествах основных видов вооружения.

От главных конструкторов, директоров военных заводов, многих из которых он знал лично, И. В. Сталин требовал производства образцов самолётов, танков, артиллерии и другой важнейшей техники в установленные сроки и таким образом, чтобы они по качеству были не только на уровне зарубежных, но и превосходили их.

Без одобрения И. В. Сталина, как я уже говорил, ни один образец вооружения не принимался и не снимался. С одной стороны, это ущемляло инициативу наркома обороны и его заместителей, ведавших вопросами вооружения Красной Армии. Однако, с другой стороны, следует признать, что такой порядок во многих случаях помогал быстро внедрять в производство тот или иной новый образец боевой техники.

Меня часто спрашивают, действительно ли И. В. Сталин являлся выдающимся военным мыслителем в области строительства вооружённых сил и знатоком оперативно-стратегических вопросов?

Могу твёрдо сказать, что И. В. Сталин владел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. Эти способности И. В. Сталина, как Верховного Главнокомандующего, особенно раскрылись, начиная со Сталинградской битвы.

Получившая распространение версия о том, что Верховный Главнокомандующий изучал обстановку и принимал решения по глобусу, не соответствует действительности. Конечно, он не работал с картами тактического предназначения, да это ему и не нужно было. Но в оперативных картах с обстановкой, нанесённой на них, он разбирался неплохо.

В руководстве вооружённой борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомлённость. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим.

Конечно, И. В. Сталин не вникал во всю ту сумму вопросов, над которой приходилось кропотливо работать войскам и командованию всех степеней, чтобы хорошо подготовить операцию армии, фронта или группы фронтов. Верховному Главнокомандующему это было и не обязательно. В таких случаях он, естественно, советовался с членами Ставки, Генштабом и специалистами по артиллерии, бронетанковым, военно-воздушным и военно-морским силам, по вопросам обеспечения тыла и снабжения.

Лично И. В. Сталину приписывали ряд принципиальных разработок основ военной науки, в том числе о методах артиллерийского наступления, о завоевании господства в воздухе, о способах окружения противника, о рассеянии окружённых группировок врага и уничтожения их по частям и т. д.

Это не так. Все эти важнейшие вопросы – результат, добытый войсками в боях и сражениях с врагом, они являются плодами глубоких размышлений и обобщений опыта большого

коллектива руководящих военачальников и командного состава войск.

Заслуга И. В. Сталина здесь состоит в том, что он быстро и правильно воспринимал советы военных специалистов. Дополнял и развивал их и в обобщённом виде – в инструкциях, директивах и наставлениях – незамедлительно передавал в войска для практического руководства.

Кроме того, в обеспечении операций, создании стратегических резервов, в организации производства боевой техники и вообще в создании всего необходимого для ведения войны Верховный Главнокомандующий, прямо скажу, проявил себя выдающимся организатором. И будет несправедливо, если мы не отдадим ему в этом должное» (343 – 347).

«Относился к членам Ставки Верховный Главнокомандующий далеко не одинаково. Большое уважение он питал, например, к Маршалу Советского Союза Борису Михайловичу Шапошникову...

С особым уважением И. В. Сталин относился к А. М. Василевскому... С большим вниманием относился Верховный к мнению А. И. Антонова, даже тогда, когда он не являлся членом Ставки... Считаю уместным сказать здесь об отношении Верховного к командующим и начальникам штабов фронтов. По моему наблюдению, из командующих фронтами И. В. Сталин больше всего ценил Маршалов Советского Союза К. К. Рокоссовского, Л. А. Говорова, И. С. Конева и генерала армии Н. Ф. Ватутина. Из командующих армиями Верховный выделял А. А. Гречко и К. С. Москаленко, ныне Маршалов Советского Союза, маршалов бронетанковых войск П. С. Рыбалко, П. А. Ротмистров, генерала армии Д. Д. Лелюшенко, генерала армии И. И. Федюнинского.

Из начальников штабов фронтов Верховный отличал В. Д. Соколовского и М. В. Захарова, ставших после войны Маршалами Советского Союза, и генерала армии М. С. Малинина.

Хорошее мнение у И. В. Сталина сложилось о командующем авиацией дальнего действия, Главном маршале авиации А. Е. Голованове; командующем артиллерией Красной

Армии – Главном маршале артиллерии Н. Н. Воронове. Важные задачи обычно он ставил им лично.

Из военно-морских военачальников И. В. Сталин очень высоко ценил Адмирала флота Советского Союза И. С. Исакова.

Нельзя не сказать здесь доброе слово о А. В. Хрулёве, с мнением которого Верховный очень считался и часто с ним советовался по широкому кругу вопросов снабжения войск.

Невозможно перечислить всех тех, кто пользовался доверием И. В. Сталина. Скажу только одно: он хорошо знал их лично, ценил за знания и преданность делу и, когда возникала особо ответственная задача, в первую очередь поручал её решение этим людям» (349 – 350).

Ликвидация ельнинского выступления противника

«29 июля я позвонил И. В. Сталину и просил принять для срочного доклада.

– Приходите, – казал Верховный...

Разложив на столе свои карты, я подробно доложил обстановку... И. В. Сталин слушал внимательно. Он перестал шагать вдоль кабинета, подошёл к столу и, слегка наклонившись, стал внимательно разглядывать карты, до мельчайших записей на них...

– Наиболее слабым и опасным участком обороны наших войск является Центральный фронт. Наши 13-я и 21-я армии, прикрывающие направления на Унечу – Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающих район Киева.

– Что вы предлагаете? – насторожился И. В. Сталин.

– Прежде всего, укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трёх армий, усиленных артиллерией. Одну армию получить за счёт западного направления, другую – за счёт Юго-Западного фронта, третью – из резерва Ставки. Поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего. Конкретно предлагаю Н. Ф. Ватутина.

– Вы что же, – спросил И. В. Сталин, – считаете возможным ослабить направление на Москву?

– Нет, не считаю. Но противник, по нашему мнению, здесь пока вперёд не двинется, а через 12 – 15 дней мы можем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми вполне боеспособных дивизий, в том числе одну танковую. Такая группа войск не ослабит, а усилит московское направление... Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр. За стыками Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий. Они будут нашим кулаком и действовать по обстановке.

– А как же Киев? – в упор смотря на меня, спросил И. В. Сталин.

Я понимал, что означали два слова: «Сдать Киев» для всех советских людей и, конечно, для И. В. Сталина. Но я не мог поддаваться чувствам, и как начальник Генерального штаба обязан был предложить единственно возможное и правильное, по мнению Генштаба и мой взгляд, стратегическое решение в сложившейся обстановке.

– Киев придётся оставить, – твёрдо сказал я.

Наступило тяжёлое молчание... Я продолжал доклад, стараясь быть спокойнее.

– На западном направлении нужно немедленно организовать контрудар с целью ликвидации ельнинского выступа фронта противника. Ельницкий плацдарм гитлеровцы могут позднее использовать для наступления на Москву.

– Какие ещё там контрудары, что за чепуха? – вспыхнул И. В. Сталин и вдруг на высоких тонах бросил:

– Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Я не мог сдержаться и ответил:

– Если вы считаете, что я, как начальник Генерального штаба, способен только чепуху молотить, тогда мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы Родине.

Опять наступила тягостная пауза.

– Вы не горячитесь, – заметил И. В. Сталин. – А впрочем... Если вы так ставите вопрос, мы сможем без вас обойтись...

– Я человек военный и готов выполнить любое решение Ставки, но имею твёрдую точку зрения на обстановку и способы ведения войны, убеждён в её правильности и доложил так, как думаю сам и Генеральный штаб.

Сталин не перебивал меня, но слушал уже без гнева и заметил в более спокойном тоне:

– Идите, работайте, мы вас вызовем.

Собрав карты, я вышел из кабинета с тяжёлым чувством. Примерно через полчаса меня пригласили к Верховному.

– Вот что, – скал И. В. Сталин, – мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба. На это место назначим Шапошникова. Правда, у него со здоровьем не всё в порядке, но ничего, мы ему поможем. А вас используем на практической работе. У вас большой опыт командования войсками в боевой обстановке. В Действующей армии вы принесёте несомненную пользу. Естественно, что вы остаётесь заместителем наркома обороны и членом Ставки.

– Куда прикажите мне отправиться?

– А куда бы вы хотели?

– Могу выполнять любую работу. Могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом.

– Не горячитесь, не горячитесь! Вы вот тут докладывали об организации операции под Ельней. Ну и возьмитесь лично за это дело.

Затем, чуть помедлив, И. В. Сталин добавил:

– Действия резервных армий на Ржевско-Вяземской линии обороны надо объединить. Мы назначаем вас командующим Резервным фронтом. Когда вы можете выехать?

– Через час.

– Шапошников скоро прибудет в Генштаб. Сдайте ему дела и выезжайте.

– Разрешите отбыть?

– Садитесь и выпейте с нами чаю, – уже улыбаясь, сказал И. В. Сталин, – мы ещё кое о чём поговорим.

Сели за стол и стали пить чай, но разговор так и не получился» (356 – 359).

«19 августа я послал И. В. Сталину следующую телеграмму: «Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов – Конотоп – Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего – главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс».

Я доложил И. В. Сталину, что для срыва этого опасного намерения гитлеровского командования считал бы целесообразным по возможности быстрее создать крупную группировку наших войск в районе Глухов – Чернигов – Конотоп, чтобы её силами нанести удар во фланг противника, как только он станет приводить в исполнение свой замысел...

В тот же день, 19 августа, я получил ответную телеграмму Ставки Верховного Главнокомандования следующего содержания: «Ваши соображения насчёт вероятного продвижения немцев в сторону Чернигова, Конотопа, Прилук считаем правильными. Продвижение немцев... будет означать обход нашей киевской группы с восточного берега Днепра и окружение наших 3-й и 21-й армий. В предвидении такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт во главе с Ерёмко. Принимаются и другие меры, о которых сообщим особо. Надеемся пресечь продвижение немцев. Сталин. Шапошников»...

Я знал, что собой представляют в боевом отношении войска создаваемого в спешке Брянского фронта, и поэтому счёл крайне необходимым ещё раз весьма настоятельно доложить по ВЧ Верховному Главнокомандующему о необходимости быстрого отвода всех войск правого крыла Юго-Западного фронта на восточный берег Днепра.

С моей рекомендацией и на этот раз не посчитались. И. В. Сталин сказал, что он только что вновь советовался с Н. С. Хрущёвым и М. П. Кирпоносом и они убедили его, что Киев ни при каких обстоятельствах оставлять не следует. Он, Сталин и сам убеждён в том, что противник, если и не будет разбит Брянским фронтом, то во всяком случае будет задержан.

Как известно, войска Юго-Западного фронта в скором времени тяжело поплатились за эти решения, которые были приняты без серьёзного анализа обстановки. Задержать противника не удалось» (366 – 367) .

«1 сентября 1941 года меня вызвал к телеграфному аппарату А. Н. Поскребышев

У аппарата генерал армии Жуков

У аппарата Поскребышев

Поскребышев. Здравствуёте! Передаю просьбу товарища Сталина. Можете ли вы сейчас выехать в Москву? Если есть какая-либо возможность, выезжайте, передав дело на время вашего отсутствия Ракутину или Богданову.

Жуков. Только что сейчас получил неблагоприятные сведения о 211-й дивизии, действовавшей в районе Рославля. Эта дивизия отошла назад километров на 5 – 6 и создала этим невыгодное положение для 149-й стрелковой дивизии. Ввиду сложности обстановки я хотел бы ночью выехать на участок 211-й дивизии и там навести порядок. Поэтому просил бы, если возможно, отложить мой приезд, если же нельзя, то выеду немедленно.

Под Ельней дела развиваются неплохо... Сейчас вышли на железную дорогу Ельня – Смоленск. Если будет приказано ехать, оставлю за себя заместителем Богданова, руководство группой на рославльском направлении прикажу Богданову передать Собенникову. Жду указаний товарища Сталина.

Сталин. Здравствуйте, товарищ Жуков! В таком случае можете отложить свою поездку в Москву и выехать на позиции.

Жуков. Здравствуйте, товарищ Сталин! Нужно ли всё же быть готовым к выезду в Ставку в ближайшие пару дней или я могу работать по своему плану?

Сталин. Можете работать по своему плану.

Жуков. Всё ясно. Будьте здоровы!»(371).

«Днём неожиданно пришла телефонограмма Б. М. Шапошников: к 20 часам того же дня меня вызывал в Ставку Верховный... И. В. Сталин был крайне нетерпим к опозданиям на его вызов. Но что делать? Обстановка на войне не считается с ха-

рактерами командующих. Нужно было правильно решить, что важнее – довести до конца свою задачу на поле боя или, не считаясь с обстоятельствами, явиться к назначенному времени по вызову старшего командира?

Полагаю, что тот, кто не способен правильно решить такую задачу, не может претендовать на роль командующего. После недолгого размышления я передал начальнику Генерального штаба следующую телефонограмму: «Доложите Верховному: по сложившейся обстановке прибуду с опозданием на один час»...

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, где находилась квартира Верховного, я ещё не решил, что и как буду говорить в оправдание своего опоздания. Войдя в столовую, где за столом сидели И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. С. Щербаков и другие члены Политбюро, я сказал:

– Товарищ Сталин, я опоздал с прибытием на один час.

И. В. Сталин посмотрел на свои часы и проговорил:

– На час и пять минут, – и добавил, – садитесь и, если голодны, подкрепитесь.

Верховный Главнокомандующий внимательно рассматривал карту обстановки под Ленинградом. Присутствующие сидели молча. Есть я не стал и тоже молчал. Наконец И. В. Сталин оторвался от карты и, обращаясь ко мне, сказал:

– Мы ещё раз обсудили положение с Ленинградом. Противник захватил Шлиссербург, а 8 сентября разбомбил Бадаевские продовольственные склады. Погибли большие запасы продовольствия. С Ленинградом по сухопутью у нас связи теперь нет. Население оказалось в тяжёлом положении. Финские войска наступают с севера на Карельском перешейке, а немецко-фашистские войска группы армий «Север», усиленные 4-й танковой группой, рвутся в город с юга.

Верховный замолчал и вновь обратился к карте... Неожиданно он спросил:

– А как вы, товарищ Жуков, расцениваете обстановку на московском направлении?

Я понял его и уловил мысль, связывающую воедино положение на разных фронтах, однако ответил не сразу.

– Думаю, что немцам в настоящее время необходимо основательно пополнить свои части. По данным пленных, захваченных из войск группы армий «Центр», противник имеет очень большие потери. В некоторых частях они достигают пятидесяти процентов. Кроме того, не завершив операцию под Ленинградом и не соединившись с финскими войсками, немцы едва ли начнут наступление на московском направлении... Но это, конечно, моё личное мнение. У гитлеровского командования могут быть иные расчёты, иные соображения. Во всяком случае, нам нужно быть всегда готовыми к упорным оборонительным действиям на московском направлении.

И. В. Сталин удовлетворительно кивнул...

– Вам придётся лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом.

Предложение это явилось для меня полной неожиданностью, тем не менее, я ответил, что готов выполнить это задание.

– Ну, вот и хорошо, – сказал И. В. Сталин...

Перед тем как уйти, обратился с просьбой к Верховному разрешить мне взять с собой двух-трёх генералов, которые могут быть полезны на месте.

– Берите кого хотите, – ответил И. В. Сталин.

Затем, немного помолчав, он сказал:

– Плохо складываются дела на юго-западном направлении. Мы решили заменить там главкома. Кого, по вашему мнению, следует туда послать?

– Маршал Тимошенко за последнее время получил большую практику в организации боевых действий, да и Украину он знает хорошо. Рекомендую послать его, – ответил я.

– Пожалуй, вы правы. А кому поручим вместо Тимошенко командовать Западным фронтом?

– Командующему 19-й армией генерал-лейтенанту И. С. Коневу.

И. В. Сталин согласился и с этим. Тут же по телефону он дал указание Б. М. Шапошникову о вызове маршала С. К. Тимошенко и передаче приказа И. С. Коневу о вступлении в командование Западного фронта.

Я собирался уже проститься, когда И. В. Сталин спросил:
– Как вы расцениваете дальнейшие планы и возможности противника?

– В настоящий момент, кроме Ленинграда, самым опасным для нас является Юго-Западный фронт, – ответил я. Считаю, что в ближайшие дни там может сложиться тяжёлая обстановка... Над Юго-Западным фронтом нависла серьёзная угроза. Ещё раз рекомендую немедленно отвести всю киевскую группу на восточный берег Днестра и за её счёт создать резервы где-то в районе Конотопа.

– А как же Киев?

– Как это ни тяжело, товарищ Сталин, а Киев придётся оставить. Иного выхода у нас нет.

И. В. Сталин снял трубку и позвонил Б. М. Шапошникову.

– Что будем делать с киевской группировкой? – спросил он. – Жуков настойчиво рекомендует немедленно отвести её.

Я не слышал, что ответил Борис Михайлович, но в заключении И. В. Сталин сказал:

– Завтра здесь будет Тимошенко. Продумайте с ним этот вопрос, а вечером переговорим с Военным советом фронта.

... Прощаясь перед моим отлётом в Ленинград, Верховный сказал:

– Мы на вас надеемся» (376 – 381).

Борьба за Ленинград

«Докладывая своё решение Ставке Верховного Главнокомандования, я не умолчал о разговоре с Г. И. Куликом. И. В. Сталин обещал принять меры. Вечером 16 сентября Верховный Главнокомандующий связался с ним по телефону и потребовал «...не задерживать подготовку к наступлению, а вести его решительно, дабы открыть сообщение с Жуковым». «В своём разговоре с вами 15 сентября, – напомнил И. В. Сталин, – Жуков обрисовал вам положение фронта и поэтому вашу операцию затягивать нельзя» (409 – 410).

«В первых числах января 1943 года в штаб Воронежского фронта, где я находился в связи с подготовкой Острогожско-Россошанской наступательной операции, мне позвонил И. В. Сталин и без всяких предисловий сказал:

– В Ленинграде, как представитель Ставки, находится Ворошилов. Государственный Комитет Обороны считает, что вам также необходимо поехать туда. Нужно на месте посмотреть, всё ли сделано для того, чтобы операция «Искра» прошла успешно. Время у вас ещё есть, сделайте остановку в Москве. Нам надо обсудить один вопрос...

В кабинете И. В. Сталина я застал наркома авиационной промышленности А. И. Шагурина и авиаконструкторов. Заканчивался, видимо, большой разговор о дальнейшем улучшении конструкции некоторых самолётов и наращивании производства бомбардировочной авиации. Очевидно, дела в этой области обстояли вполне благополучно, и И. В. Сталин был в хорошем настроении.

– Ну, идите, – сказал он всем присутствовавшим, заканчивая обсуждение, – принимайтесь за дела.

Когда закрылась дверь за последним уходящим, Верховный одобрительно заметил:

– Вот каких людей вырастила партия...

– Вот что, – обращаясь ко мне, продолжал И. В. Сталин, – до начала операции «Искра» у вас ещё есть в запасе некоторое время. Мы хотели бы, чтобы вы слетали на пару дней в 3-ю ударную армию: она ведёт тяжёлые бои с окружённой группировкой противника в районе Великие Луки – Новоскольники – Поречье. Посмотрите, как там организовано дело.

– Хорошо, сегодня же вылетаю...

Дела в 3-й ударной армии шли хорошо. И сам командующий генерал К. Н. Галицкий и член Военного Совета армии А. И. Литвинов произвели на меня весьма благоприятное впечатление. Обо всём этом я доложил И. В. Сталину и, получив его «добро», в ночь на 9 января выехал на Волховский фронт» (419 – 421).

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. – Т. 2. – М., 1975.

Битва за Москву

«5 октября 1941 года из Ставки передали:

– С командующим фронтом будет говорить по прямому проводу товарищ Сталин...

Сталин – Товарищ Жуков, не можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву? Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы с вами посоветоваться. За себя оставьте кого-нибудь, может быть, Хозина...

В Москве меня встретил начальник охраны. Он сообщил, что Верховный болен и работает на квартире. Мы немедленно туда направились.

И. В. Сталин был простужен, плохо выглядел и встретил нас сухо. Кивнув головой в ответ на моё приветствие, он подошёл к карте и, указав на район Вязьмы, сказал:

– Вот смотрите. Здесь сложилась очень тяжёлая обстановка. Я не могу добиться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел. А не зная, где и в какой группировке наступает противник и в каком состоянии находятся наши войска, мы не можем принять никаких решений. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать» (5 – 6).

«В 2 часа 30 минут 8 октября я позвонил И. В. Сталину. Он ещё работал. Доложив обстановку на Западном фронте, я сказал:

– Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на Можайской линии. Бронетанковые войска противника могут поэтому внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска откуда только можно на Можайскую линию обороны.

И. В. Сталин спросил:

– Где сейчас 19, 20-я армии и группа Болдина Западного фронта? Где 24-я и 32-я армии Резервного фронта?

– В окружении западнее и юго-западнее Вязьмы.

– Что вы намерены делать?

– Выезжаю сейчас же к Будённому.

– А вы знаете, где штаб Резервного фронта?

– Буду искать где-то в районе Малоярославца.

– Хорошо, поезжайте к Будённому и оттуда сразу же позвоните мне» (10).

«10 октября по прибытии в штаб Западного фронта, который теперь располагался в Красновидове, меня вызвали к телефону. Звонил И. В. Сталин.

– Ставка решила назначить вас командующим Западным фронтом. Конев остаётся вашим заместителем. Вы не возражаете?

– Нет, какие же могут быть возражения! Коневу, я думаю, следует поручить руководство группой войск на калининском направлении. Это направление слишком удалено, и там нужно иметь вспомогательное управление фронта.

– Хорошо, – согласился И. В. Сталин. – В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта и части, находящиеся на Можайской линии. Берите скорее всё в свои руки и действуйте. Приказ мною подписан и уже передаётся фронтам.

– Принимаюсь за выполнение указаний, но прошу срочно подтягивать более крупные резервы, так как в ближайшее время надо ожидать наращивание удара гитлеровцев на Москву» (16).

«1 ноября 1941 года я был вызван в Ставку. И. В. Сталин сказал:

– Мы хотим провести в Москве, кроме торжественного заседания по случаю годовщины Октября, и парад войск. Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти торжества?

Я ответил:

– В ближайшие дни враг не начнёт большого наступления. Он понёс в предыдущих сражениях серьёзные потери и вынужден пополнять и перегруппировывать войска. Против авиации,

которая наверняка будет действовать, необходимо усилить ПВО и подтянуть к Москве истребительную авиацию соседних фронтов.

Как известно, в канун праздника в столице на станции метро «Маяковская» было проведено торжественное заседание, посвящённое 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный военный парад. Бойцы прямо с Красной площади шли на фронт.

Это событие сыграло огромную роль в укреплении морального духа армии, советского народа и имело большое международное значение. В выступлениях И. В. Сталина вновь прозвучала уверенность партии и правительства в неизбежном разгроме немецко-фашистских захватчиков» (27).

«В начале ноября у меня состоялся не совсем приятный разговор по телефону с Верховным.

– Как ведёт себя противник? – спросил И. В. Сталин.

– Заканчивает сосредоточение своих ударных группировок и, видимо, в скором времени перейдёт в наступление.

– Где вы ожидаете главный удар?

– В районе Волоколамска. Танковая группа Гудериана, видимо, ударит в обход Тулы на Каширу.

– Мы с Шапошниковым считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника своими упреждающими контрударами. Один удар надо нанести в районе Волоколамска, другой – в районе Серпухова во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву.

– Какими же силами, товарищ Верховный Главнокомандующий, мы будем наносить эти контрудары? Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны.

– В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кавкорпус Доватора. В районе Серпухова используйте кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии.

– Считаю, что этого делать сейчас нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние ре-

зервы фронта. Нам нечем будет тогда подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдёт в наступление своими ударными группировками.

– Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?

– Но ведь линия обороны войск Западного фронта сильно растянулась; с изгибами она достигла в настоящее время более 600 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта.

– Вопрос о контрударах считайте решённым. План сообщите сегодня вечером, – недовольно отрезал И. В. Сталин.

Минут через пятнадцать ко мне зашёл Н. А. Булганин и с порога сказал:

– Ну и была мне сейчас головомойка!

– За что?

– Сталин сказал: «Вы там с Жуковым зазнались. Но мы и на вас управу найдём!» Он потребовал от меня, чтобы я сейчас же шёл к тебе и мы немедленно организовали контрудары.

– Ну что же, садись, вызовем Василия Даниловича и предупредим Рокоссовского и Захаркина» (28 – 29).

«Не помню точно какого числа – это было вскоре после тактического прорыва немцев на участке 30-й армии Калининского фронта – мне позвонил И. В. Сталин и спросил:

– Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

– Москву, безусловно, удержим. Но нужно ещё не менее двух армий и хотябы двести танков.

– Это неплохо, что у вас такая уверенность. Позвоните в Генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут готовы в конце ноября. Танков пока дать не сможем» (31).

«К Верховному Главнокомандующему каким-то образом поступили сведения, что наши войска северо-западнее Нахабина оставили город Дедовск. Это было уже совсем близко от Москвы.

И. В. Сталин, естественно, был сильно обеспокоен таким сообщением: ведь ещё 28 и 29 ноября 9-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор А. П. Бе-

лобородов, не без успеха отражала неоднократные яростные атаки противника в районе Истры. Но прошли какие-то сутки, и, оказывается, Дедовск в руках у гитлеровцев...

Верховный вызвал меня к телефону.

– Вам известно, что занят Дедовск?

– Нет, товарищ Сталин, неизвестно.

И. В. Сталин незамедлил раздражённо высказаться по этому поводу:

– Командующий должен знать, что у него делается на фронте. Немедленно выезжайте на место, лично организуйте контратаку и верните Дедовск.

Я попытался возразить:

– Покидать штаб фронта в такой напряжённой обстановке вряд ли осмотрительно.

– Ничего, мы как-нибудь тут справимся, а за себя оставьте на это время Соколовского.

Положив трубку, я сразу же связался с К. К. Рокоссовским и потребовал объяснить, почему в штабе фронта ничего неизвестно об оставлении Дедовска. И тут сразу же выяснилось, что город Дедовск противником не взят, а речь, видимо, идёт о деревне Дедово...

Я решил позвонить Верховному и объяснить, что произошла ошибка. Но тут, как говорится, нашла коса на камень. И. В. Сталин окончательно рассердился. Он потребовал немедленно выехать к К. К. Рокоссовскому и сделать так, чтобы этот самый злополучный населённый пункт непременно был отбит у противника» (33 – 34).

«Ставка совершенно справедливо заметила, что предложения командующего Калининским фронтом не только не соответствуют, а прямо противоречат общей цели – решительному контрнаступлению под Москвой. И. В. Сталин поручил заместителю начальника Генштаба генералу А. М. Василевскому, подписавшему вместе с ним упомянутую выше директиву о создании ударной группировки Калининского фронта, переговорить с генералом И. С. Коневым, разъяснить его ошибки и суть дела. Александр Михайлович прекрасно выполнил это поручение...

Поздно вечером 4 декабря мне позвонил Верховный Главнокомандующий и спросил:

– Чем ещё помочь фронту, кроме того, что уже дано?

Я ответил, что необходимо получить поддержку авиации резерва Главного командования и ПВО страны, и снова попросил хотя бы две сотни танков: без них фронт не может быстро развивать контрнаступление.

– Танков пока нет, дать не можем, – опять, как и в наш предыдущий разговор, сказал И. В. Сталин, – авиация будет. Договоритесь с Генштабом. Я сейчас туда позвоню. Мы дали указание 5 декабря перейти в наступление Калининскому фронту, а 6 декабря оперативной группе правого крыла Юго-Западного фронта в районе Ельца» (43).

«Но в связи с разгромом немецко-фашистских войск под Москвой и успехами, достигнутыми в ходе контрнаступления, Верховный был настроен оптимистически. Он считал, что и на других фронтах немцы не выдержат ударов Красной Армии, стоит только умело организовать прорыв их обороны. Отсюда появилась у него идея начать как можно быстрее наступление на всех фронтах, от Ладожского озера до Чёрного моря.

Вечером 5 января 1942 года, как член Ставки, я был вызван к Верховному Главнокомандующему для обсуждения проекта плана общего наступления Красной Армии. После информации Б. М. Шапошникова о положении на фронтах и изложения им проекта плана И. В. Сталин сказал:

– Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку.

Никто из присутствующих, как мне помнится, против этого не возразил, и И. В. Сталин развивал свою мысль далее:

– Наша задача состоит в том, – рассуждал он, прохаживаясь по своему обыкновению вдоль кабинета, – чтобы не дать

немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы ещё до весны...

На словах «до весны» он сделал акцент, немного задержался, а потом разъяснил:

– Когда у нас будут новые резервы, а у немцев не будет больше резервов...

Изложив своё понимание возможной перспективы войны, Верховный перешёл к практическим действиям отдельных фронтов...

Изложив этот проект, И. В. Сталин предложил высказаться присутствующим.

– На западном направлении, – доложила я, – где создались более благоприятные условия и противник ещё не успел восстановить боеспособность своих частей, надо продолжать наступление. Но для успешного исхода дела необходимо пополнить войска личным составом, боевой техникой и усилить резервами, в первую очередь танковыми частями. Если мы это пополнение не получим, наступление не может быть успешным.

Что касается наступления наших войск под Ленинградом и на юго-западном направлении, то там наши войска стоят перед серьёзной обороной противника. Без наличия мощных артиллерийских средств они не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем неоправданные потери. Я за то, чтобы усилить фронты западного направления и здесь вести более мощное наступление.

– Мы сейчас ещё не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов, – поддержал меня Н. А. Вознесенский.

– Я говорил с Тимошенко, – сказал И. В. Сталин. – Он за то, чтобы действовать и на юго-западном направлении. Надо быстрее перемалывать немцев, чтобы они не смогли наступать весной. Кто ещё хотел бы высказаться?

Ответа не последовало. Обсуждение предложений Верховного так и не состоялось. Выйдя из кабинета, Б. М. Шапошников сказал:

- Вы зря спорили: этот вопрос был заранее решён Верховным.
- Тогда зачем же спрашивали наше мнение?
- Не знаю, не знаю, голубчик! – ответил Борис Михайлович,

тяжело вздохнув...

10 января командующие фронтами и командармы получили Директивное письмо Ставки Верховного Главнокомандования, где имелись оценки военного положения в духе выступления И. В. Сталина на упомянутом заседании 5 января 1942 года и давались практические указания фронтам для действий ударными группами и организации артиллерийского наступления....

Указания Директивного письма Ставки были приняты к безусловному исполнению. Однако я позволю себе ещё раз сказать, что зимой 1942 года мы не имели реальных сил и средств, чтобы воплотить в жизнь все эти правильные с общей точки зрения идеи о широком наступлении. А не имея сил, войска не могли создавать необходимые ударные группировки и проводить артиллерийское наступление столь эффективно, чтобы разгромить в 1942 году такого мощного и опытного врага, как гитлеровский вермахт» (46 – 51).

«19 января поступил приказ Верховного Главнокомандующего вывести из боя 1-ю ударную армию в резерв Ставки. Мы с В. Д. Соколовским обратились в Генштаб с просьбой оставить у нас 1-ю ударную армию. Ответ был один – таков приказ Верховного. Звоню лично И. В. Сталину. Объясняю, что вывод этой армии приведёт к ослаблению ударной группировки. В ответ слышу:

– Выводите без всяких разговоров! У вас войск много, почитаете, сколько у вас армий.

Пробую возразить:

– Товарищ Верховный Главнокомандующий, фронт у нас очень широк, на всех направлениях идут ожесточённые бои, исключаяющие возможность перегруппировок. Прошу до завершения начатого наступления не выводить 1-ю ударную армию из состава правого крыла Западного фронта, не ослаблять на этом участке нажим на врага.

Вместо ответа Сталин бросил трубку. Переговоры с Б. М. Шапошниковым по этому поводу также ни к чему не привели.

– Голубчик, – сказал Б. М. Шапошников, – ничего не могу сделать, это личное решение Верховного» (52 – 53).

«Мне нередко задают вопрос о роли И. В. Сталина во время битвы под Москвой. И. В. Сталин был всё это время в Москве, организуя силы и средства для разгрома врага. Надо отдать ему должное. Возглавляя Государственный Комитет Оборона и опираясь на руководящий состав наркоматов, он проделал колоссальную работу по организации необходимых стратегических резервов и материально-технических средств для обеспечения контрнаступления под Москвой. Своей жёсткой требовательностью он добивался, можно сказать, почти невозможного» (59 – 60).

Суровые испытания продолжаются

«Вообще должен сказать, Верховный понял, что неблагоприятная обстановка, сложившаяся летом 1942 года, является следствием и его личной ошибки, допущенной при утверждении плана действий наших войск в летней кампании 1942 года. И он не искал других виновников среди руководящих лиц Ставки и Генерального штаба.

27 августа 1942 года, когда я находился в районе Погорелое Городище, где мы проводили наступательную операцию, мне позвонил А. Н. Поскребышев. Он сообщил, что накануне 26 августа ГКО, рассматривая обстановку на юге страны, принял решение о назначении меня заместителем Верховного Главнокомандующего.

Александр Николаевич предупредил, чтобы я в 14. 00 находился на командном пункте и ждал звонка И. В. Сталина. Вообще крайне скупой на разговоры, он и на этот раз на все мои вопросы отвечал: «Не знаю. Об этом, видимо, скажет сам». Однако даже из этих слов я понял, что Государственный Комитет Оборона находится в большой тревоге за исход борьбы в районе Сталинграда.

Вскоре по ВЧ позвонил Верховный. Справившись о положении дел на Западном фронте, он сказал:

– Вам нужно как можно быстрее приехать в Ставку. Оставьте за себя начальника штаба. Подумайте, кого следует назначить командующим вместо вас.

На этом разговор был окончен. И. В. Сталин не сказал о назначении меня заместителем Верховного Главнокомандующего. Видимо, об этом он хотел объявить при личной встрече. Вообще Верховный говорил по телефону только о том, что было крайне необходимо сказать в данный момент. От нас он требовал быть крайне осторожными во время телефонных разговоров, особенно в зоне действующих войск, где не было стационарных средств засекречивания переговоров.

Не заезжая в штаб фронта, я выехал в Москву.

Поздно вечером этого же дня прибыл в Кремль. И. В. Сталин работал у себя в кабинете. Там же находились некоторые члены ГКО. Верховный сказал, что у нас плохо идут дела на юге и может случиться, что немцы возьмут Сталинград. Не лучше складывается обстановка и на Северном Кавказе. Он объявил, что ГКО решил назначить меня заместителем Верховного Главнокомандующего и послать в район Сталинграда. Сейчас там находятся Василевский, Маленков и Малышев.

– Маленков останется с вами, а Василевский должен лететь в Москву. Когда вы можете вылететь? – спросил меня Верховный.

Я ответил, что мне потребуются сутки для изучения обстановки и 29-го я смогу вылететь в Сталинград.

– Ну, вот и хорошо. А вы не голодны? – спросил вдруг И. В. Сталин. – Не мешало бы немного подкрепиться.

Принесли чай и десяток бутербродов. За чаем И. В. Сталин вкратце сообщил сложившуюся обстановку на 20 часов 27 августа. Рассказав коротко, что произошло под Сталинградом, И. В. Сталин сказал, что Ставка решила передать Сталинградскому фронту 24-ю, 1-ю гвардейскую и 66-ю армии.

– В связи с тяжёлой обстановкой в Сталинграде, – скал Верховный, – мы приказали срочно перебросить 1-ю гвардейскую армию, которой командует Москаленко, в район Лозное и с утра 2 сентября нанести ею и другими частями Сталинградского

фронта контрудар по прорвавшейся к Волге группировке противника и соединиться с 62-й армией. Одновременно в состав Сталинградского фронта перебрасываются 66-я армия генерала Малиновского и 24-я армия генерала Козлова.

– Вам следует принять меры, чтобы 1-я гвардейская армия генерала Москаленко 2 сентября нанесла контрудар, а под её прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 66-ю армии, – сказал он, обращаясь ко мне. – Эти две армии вводите в бой незамедлительно, иначе мы потеряем Сталинград» (78 – 80).

«3 сентября за подписью И. В. Сталина я получил телеграмму следующего содержания: «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трёх верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало».

Я тут же позвонил Верховному и доложил, что могу приказывать завтра же с утра начать бой почти без боеприпасов. Так как их могут доставить на артиллерийские позиции не раньше вечера 4 сентября. Кроме того, мы не можем раньше этого времени увязать взаимодействие частей с артиллерией, танками и авиацией, а без этого ничего не получится.

– Думаете, что противник будет ждать, пока вы раскочуетесь?.. Ерёменко утверждает, что противник может взять Сталинград при первом нажиме, если вы немедленно не ударите с севера.

Я ответил, что не разделяю эту точку зрения и прошу разрешения начать общее наступление 5-го, как было ранее намечено. Что касается авиации, то я сейчас же дам приказ бомбить противника всеми силами.

– Ну, хорошо, – согласился Верховный, – если противник начнёт общее наступление на город, немедленно атакуйте его, не дожидаясь окончательной готовности войск. Ваша главная задача отвлечь силы немцев от Сталинграда, и если удастся,

ликвидировать немецкий коридор, разделяющий Сталинградский и Юго-Восточный фронты» (81 – 82).

Стратегическое поражение противника в районе Сталинграда

«Надо сказать, что Верховный обычно уделял должное внимание авиационному обеспечению операции. Получив моё сообщение о неудовлетворительной подготовке авиационного обеспечения предстоящего контрнаступления, Верховный прислал мне нижеследующую телеграмму:

«Товарищу Константинову.

Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Ерёмченко и Ватутина, то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе. В этом случае наша авиация должна выполнить три задачи.

Первое – сосредоточить действия нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска.

Второе – пробить дорогу нашим наступающим частям путём систематической бомбёжки стоящих против них немецких войск.

Третье – преследовать отступающие войска противника путём систематической бомбёжки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации. Васильев. 12. 11. 42. 4 часа. № 170686».

Завершив отработку планов войск Сталинградского фронта 12 ноября, мы с А. М. Василевским позвонили И. В. Сталину и сказали, что нам нужно лично доложить ему ряд соображений, связанных с предстоящей операцией. 13 ноября утром мы были у

И. В. Сталина. Он был в хорошем расположении духа и подробно расспрашивал о положении дел под Сталинградом в ходе подготовки контрнаступления... Верховный слушал нас внимательно. По тому, как он не спеша раскуривал свою трубку, разглаживал усы и ни разу не перебил наш доклад, было видно, что он доволен. Само проведение такой крупной контрнаступательной операции означало, что инициатива переходит к советским войскам. Все мы верили в успех предстоящего контрнаступления, плоды которого могли быть значительными для освобождения нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков» (109 – 111).

«Верховный всемерно торопил командующих фронтах. В конце декабря в Государственном Комитете Оборона состоялось обсуждение дальнейших действий. Верховный предложил:

– Руководство по разгрому окружённого противника нужно передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела.

Присутствующие члены ГКО поддержали это мнение.

– Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника?

Кто-то предложил передать все войска в подчинение К. К. Рокоссовского.

– А вы что молчите? – обратился Верховный ко мне.

– На мой взгляд, оба командующих достойны, – ответил я. – Ерёменко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

– Сейчас не время обижаться, – ответил И. В. Сталин и приказал мне:

– Позвоните Ерёменко и объявите ему решение Государственного Комитета Оборона» (127 – 128).

В сражениях за Украину

«К концу 1943 года советские командные кадры обогатились новейшим опытом стратегического и оперативно-тактического искусства. Организация крупнейших операций фронтов и

групп фронтов, их победное завершение дали возможность Ставке, Генеральному штабу и самим фронтам глубже понять и осмыслить наиболее эффективные способы разгрома вражеских группировок, притом с наименьшими потерями людей и затратами материальных средств.

В Генеральном штабе сложился и вырос большой коллектив опытных операторов, организаторов войск и разведывательных кадров. Само Верховное Главнокомандование поднялось на более высокую ступень: теперь оно гораздо более совершенно владело способами и методами ведения современной войны. Всем нам стало легче работать и понимать друг друга. Этого раньше не хватало, отчего порой страдало общее дело» (209).

Однажды дома у Верховного я попытался ещё раз поднять вопрос о проведении операции на окружение.

– Теперь мы стали сильнее, наши войска опытнее. Теперь мы не только можем, но и должны проводить операции на окружение немецких войск.

В другой раз на обеде, где мне довелось быть, присутствовали А. А. Жданов, А. С. Щербаков и другие члены Политбюро. А. А. Жданов рассказал о героических делах и величайшем мужестве рабочих Ленинграда, которые, пренебрегая опасностью, полуголодные, стояли у станков на фабриках и заводах по 14 – 15 часов в сутки, оказывая всемерную помощь войскам фронта. А. А. Жданов попросил увеличить продовольственные фонды для ленинградцев. Верховный тут же дал указания удовлетворить просьбу А. А. Жданова, а затем сказал:

– Предлагаю тост за ленинградцев. Это подлинные герои нашего народа» (213).

Освобождение Белоруссии и Украины

«Около 13 часов А. И. Антонову позвонил Верховный и спросил, где я. Уточнив ряд вопросов, он приказал А. И. Антонову и мне через час быть у него на даче. Ровно в 14 часов мы прибыли. И. В. Сталин был в хорошем расположении духа, шутил.

Во время нашего разговора по ВЧ позвонил А. М. Василевский и доложил Верховному о последних событиях на участках 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Доклад А. М. Василевского, видимо, был благоприятным, и Верховный ещё больше повеселел.

– Я ещё не завтракал, – сказал он, – пойдёмте в столовую, там и поговорим.

Мы с А. И. Антоновым хотя и позавтракали, но не отказались от приглашения. За завтраком речь шла о возможностях Германии вести войну на два фронта – против Советского Союза и экспедиционных сил союзников, высадившихся в Нормандии, а также о роли и задачах советских войск на завершающем этапе войны.

По тому, как сжато и чётко высказывал И. В. Сталин свои мысли, было видно, что он глубоко продумал все эти вопросы. Хотя Верховный справедливо считал, что у нас хватит сил самим добить фашистскую Германию, он искренне приветствовал открытие второго фронта в Европе. Ведь это ускоряло окончание войны, что было так необходимо для советского народа, крайне измученного войной и лишениями» (259 – 260).

«Подробно наметив возможные направления нашего наступления и необходимые для этого группировки сил, в ночь на 19 июля я доложил свои соображения в Ставку:

«Тов. Сталину. Копия тов. Антонову.

В связи с близким подходом наших войск к госгранице, докладываю свои соображения по построению операции Белорусских фронтов на ближайший период:

1. Главной стратегической целью 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов на ближайший этап должно являться: выход на Вислу до Данцигской бухты включительно и захват Восточной Пруссии или в крайнем случае одновременно с выходом на Вислу отсечение Восточной Пруссии от Центральной Германии...

б. Считал бы крайне полезным по предстоящим операциям посоветоваться с Вами лично и хорошо бы вызвать Василевского. № 316 19 июля 1944 г.»

Вскоре последовал вызов в Москву на совещание у И. В. Сталина. Однако Верховный не принял мой план и не согласился

усилить фронты на восточно-прусском направлении, а резервы Белорусским фронтам Ставка дать не смогла. Думаю, что это была серьёзная ошибка Верховного, в последующем повлёкшая за собой необходимость проведения чрезвычайно сложной и кровопролитной Восточно-Прусской операции» (264 – 266).

От Вислы до Одера

«Позвонив Верховному и доложив обстановку, я просил его разрешения прекратить наступательные бои на участке 1-го Белорусского фронта, поскольку они были бесперспективны, и дать приказ о переходе войск правого крыла 1-го Белорусского фронта и левого крыла 2-го Белорусского фронта к обороне, чтобы предоставить им отдых и произвести пополнение.

– Вылетайте завтра с Рокоссовским в Ставку, поговорим на месте, – ответил Верховный. – До свидания.

Во второй половине следующего дня мы с К. К. Рокоссовским были в Ставке. Кроме Верховного там находились А. И. Антонов, В. М. Молотов и Г. М. Маленков. Поздоровавшись, И. В. Сталин сказал:

– Ну, докладывайте!

Я развернул карту и начал докладывать. Вижу, И. В. Сталин нервничает: то к карте подойдёт, то отойдёт, то опять подойдёт, пристально поглядывая то на меня, то на карту, то на К. К. Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что бывало всегда, когда он начинал терять хладнокровие и был чем-нибудь недоволен.

– Товарищ Жуков, – перебил меня В. М. Молотов, – вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержать напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

– Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, – возразил я. – Он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несём ничем неоправданные потери.

– Вы поддерживаете мнение Жукова? – спросил И. В. Сталин, обращаясь к К. К. Рокоссовскому.

– Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

– Думаю, что передышку противник не хуже вас использует, – сказал Верховный. – Ну, а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить ей танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Модлином и Варшавой?

– Трудно сказать, товарищ Сталин, – ответил К. К. Рокоссовский. – Противник также может усилить это направление.

– А вы как думаете? – обращаясь ко мне, спросил Верховный.

– Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв, – снова повторил я. – А с оперативной точки зрения нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Город надо брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь – Познань. Сил для этого сейчас на фронте нет, но их следует сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты на берлинском направлении.

– Идите и ещё раз проверьте ваши предложения, – остановил меня И. В. Сталин.

Мы с К. К. Рокоссовским вышли в библиотечную комнату и опять разложили карты. Но не успели мы как следует расположиться, как нас снова вызвали в кабинет Верховного.

– Мы тут посоветовались и решили согласиться на переход к обороне наших войск, – сказал Верховный. – Что касается дальнейших планов, мы их обсудим позже. Можете идти...

На другой день Верховный позвонил мне:

– Как вы смотрите на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки?

Я понял, что он имеет в виду упразднить представителей Ставки для координирования фронтами.

– Да, количество фронтов уменьшилось, – ответил я. – Протяжение общего фронта также сократилось, руководство фрон-

тами упростилось, и имеется полная возможность управлять фронтами непосредственной из Ставки.

– Вы это без обиды говорите?

– А на что же обижаться? Думаю, что мы с Василевским не останемся безработными, – пошутил я.

В тот же день вечером Верховный вызвал меня к себе и сказал:

– 1-й Белорусский фронт находится на берлинском направлении. Мы думаем поставить вас на это направление.

Я ответил, что готов командовать любым фронтом.

– Вы и впредь останетесь моим заместителем, – сказал И. В. Сталин. – Я сейчас поговорю с Рокоссовским.

Объявив Константину Константиновичу о своём решении, И. В. Сталин предложил ему перейти на 2-й Белорусский фронт» (280 – 282).

«Пришлось с сожалением констатировать тот промах, который допустил Верховный, не приняв предложение, сделанное ещё летом, об усилении фронтов, действовавших на восточно-прусском направлении. Как помнит читатель, оно строилось на том, чтобы сходу сломать оборону противника при успешном развитии Белорусской операции. Теперь вражеская группировка в Восточной Пруссии могла серьёзно угрожать нашим войскам при наступлении на берлинском направлении.

Точно не помню, 1 или 2 ноября меня и А. И. Антонова вызвал Верховный для рассмотрения плана зимних операций. Докладывал проект А. И. Антонов, согласовав его предварительно со мной. И снова Верховный не счёл нужным согласиться с нашим общим предложением усилить ещё одной армией 2-й Белорусский фронт для разгрома восточно-прусской группировки. Мы предлагали взять эту армию за счёт Прибалтийских фронтов, которым, по нашему мнению, следовало бы перейти к обороне, блокировав 16-ю и 18-ю армии курляндской группы противника» (287 – 288).

«Днём 25 января мне позвонил Верховный. Выслушав мой доклад, он спросил, что мы намерены делать дальше.

– Противник деморализован и не способен сейчас оказать серьёзное сопротивление, – ответил я. – Мы решили продол-

жать наступление с целью выхода войск фронта на Одер. Основное направление наступления – на Кюстрин (Костин), где попытаемся захватить плацдарм. Правое крыло фронта развёртывается в северном и северо-западном направлениях против восточно-померанской группировки, которая не представляет пока серьёзной непосредственной опасности.

– С выходом на Одер вы оторвётесь от фланга 2-го Белорусского фронта больше чем на 150 километров, – сказал И. В. Сталин. – Этого сейчас делать нельзя. Надо подождать, пока 2-й Белорусский фронт закончит операцию в Восточной Пруссии и перегруппирует свои силы за Вислу.

– Сколько времени это займёт?

– Примерно десять дней. Учтите, – добавил И. В. Сталин. – 1-й Украинский фронт сейчас не сможет продвигаться дальше и обеспечивать вас слева, так как будет занят некоторое время ликвидацией противника в районе Оппельн – Катовице.

– Я прошу не останавливать наступление войск фронта, так как потом нам будет труднее преодолеть мезерицкий укреплённый рубеж. Для обеспечения нашего правого фланга достаточно усилить фронт ещё одной армией.

Верховный обещал подумать, но ответа в тот день мы не получили...

После дополнительных переговоров Верховный согласился с предложением командования фронта. Он обязал нас хорошо подумать о своём правом фланге, но в выделении дополнительных сил отказал. Беспокойство Ставки о прикрытии нашего правого фланга было вполне обоснованным. Как показал последний ход событий, угроза ударов со стороны Восточной Померании непрерывно возрастала» (297 – 298).

«В ходе Восточно-Померанской операции, кажется 7 или 8 марта, мне пришлось срочно вылететь в Ставку по вызову Верховного Главнокомандующего. Прямо с аэродрома я отправился на дачу И. В. Сталина, где он находился, будучи не совсем здоровым.

Задав мне несколько вопросов об обстановке в Померании и на Одере и выслушав моё сообщение, Верховный сказал:

– Идёмте разомнёмся немного, а то я что-то закис.

Во всём его облике, в движениях и разговоре чувствовалась большая физическая усталость. За четырёхлетний период войны И. В. Сталин основательно переутомился. Работал он всю войну очень напряжённо, систематически недосыпал, болезненно переживал неудачи, особенно 1941 – 1942 годов. Всё это не могло не отразиться на его нервной системе и здоровье. Во время прогулки И. В. Сталин неожиданно начал рассказывать мне о своём детстве. Так за разговором прошло не менее часа. Потом сказал:

– Идёмте пить чай, нам нужно кое о чём поговорить. На обратном пути я спросил:

– Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове. Нет ли сведений о его судьбе?

На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушённым голосом:

– Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. По наведённым справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Помолчал немного, твёрдо добавил:

– Нет, Яков предпочтёт любую смерть измене Родине.

Чувствовалось, что он глубоко переживает за сына. Сидя за столом, И. В. Сталин долго молчал, не притрагиваясь к еде. Потом, как бы продолжая свои размышления, с горечью произнёс:

– Какая тяжёлая война, сколько она унесли жизней наших людей. Видимо, у нас мало останется семей, у которых не погибли близкие... Такие испытания смогли стойко перенести только советские люди, закалённые в борьбе, сильные духом, воспитанные Коммунистической партией» (315 – 316).

Берлинская операция

«1 мая 1945 года в Ставке Верховного Главнокомандования был заслушан доклад А. И. Антонова об общем плане Берлинской операции, затем – мой доклад о плане наступления войск

1-го Белорусского фронта и доклад И. С. Конева о плане наступления войск 1-го Украинского фронта.

Верховный не согласился со всей разграничительной линией между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, обозначенной на карте Генштаба. Он заштриховал границу от Нейсе до Потсдама и прочертил линию только до Люббена (60 километров юго-восточнее Берлина). Тут же он указал маршалу И. С. Коневу:

– В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произойдёт, и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин» (324 – 325).

«Взяв на себя ответственность за изменение группировки, изложенной в директиве Ставки, я все же посчитал своим долгом доложить об этом Верховному Главнокомандованию. Выслушав мои доводы, И. В. Сталин сказал:

– Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее» (329 – 330).

Безоговорочная капитуляция фашистской Германии

«7 мая в Берлин позвонил Верховный Главнокомандующий и сообщил:

– Сегодня в городе Реймсе немцы подписали акт безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны, – продолжал он, – на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед Верховным командованием союзных войск.

– Я не согласился и с тем, – продолжал И. В. Сталин, – что акт капитуляции подписан не в Берлине, в центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин придут представители немецкого главного командования и представители Верховного Главнокомандования

союзных войск. Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы. Завтра же к вам прибудет Вышинский. После подписания акта он останется в Берлине в качестве вашего помощника по политической части» (369).

«В середине мая 1945 года Верховный приказал мне прибыть в Москву. Цели вызова я не знал, а спрашивать было неудобно, да это и не принято у военных...

В кабинете были, кроме членов Государственного Комитета Обороны, нарком Военно-Морского флота Н. Г. Кузнецов, А. И. Антонов, начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулёв, несколько генералов, ведавших в Генеральном штабе организационными вопросами.

Алексей Иннокентьевич докладывал расчёты Генштаба по переброске войск и материальных средств на Дальний Восток и сосредоточении их по будущим фронтам. По намёткам Генштаба определялось, что на всю подготовку к боевым действиям с Японией потребуется около трёх месяцев. Затем И. В. Сталин спросил:

– Не следует ли нам в ознаменование победы над фашистской Германией провести в Москве Парад Победы и пригласить наиболее отличившихся героев – солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов?

Эту идею все горячо поддержали, тут же внося ряд практических предложений. Вопрос о том, кто будет принимать Парад Победы, и кто будет командовать парадом, тогда не обсуждался. Однако каждый из нас считал, что Парад Победы должен принимать Верховный Главнокомандующий...

Точно не помню, кажется, 18 – 19 июня меня вызвал к себе на дачу Верховный. Он спросил, не разучился ли я ездить на коне.

– Нет, не разучился.

– Вот что, вам придётся принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Я ответил:

– Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности парад следует принимать вам.

И. В. Сталин сказал:

– Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помо-
ложе...

22 июня в газетах был опубликован следующий приказ Вер-
ховного Главнокомандующего:

«В ознаменование победы над Германией в Великой Оте-
чественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на
Красной площади парад войск Действующей армии, Военно-
Морского флота и Московского гарнизона – Парад Победы.

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Со-
ветского Союза Г. К. Жукову, командовать парадом Маршалу
Советского Союза К. К. Рокоссовскому.

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза
И. Сталин» (393 – 395).

Потсдамская конференция.

Контрольный Совет по управлению Германией

«16 июля специальным поездом должны были прибыть И.
В. Сталин, В. М. Молотов и сопровождающие их лица. Накану-
не мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

– Вы не вздумайте для встречи строить всякие там почётные
караулы с оркестрами. Приезжайте на вокзал сами и захвати-
те с собой тех, кого вы считаете нужным...

Я встретил И. В. Сталина около вагона. Он был в хорошем
расположении духа, подошёл к группе встречающих и позд-
оровался коротким поднятием руки. Окинув взглядом привок-
зальную площадь, медленно сел в машину, а затем, вновь от-
крыв дверцу, пригласил меня сесть рядом. В пути он интересо-
вался, всё ли подготовлено к открытию конференции.

И. В. Сталин обошёл отведённую ему виллу и спросил, кому
она принадлежала раньше. Ему ответили, что это вилла гене-
рала Людендорфа. И. В. Сталин не любил излишеств в обста-
новке. После обхода помещений он попросил убрать лишнюю
мебель» (411).

«Незадолго до своего отъезда из Потсдама У. Черчилль устроил приём у себя на вилле. От Советского Союза были приглашены И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. И. Антонов и я...

Во время приёма первое слово взял президент США Г. Трумэн. Отметив выдающийся вклад Советского Союза в разгром фашистской Германии, Г. Трумэн предложил первый тост за Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами Советского Союза И. В. Сталина» (419).

Как известно, А. М. Василевский всю войну прошёл бок о бок со Сталиным. Как начальник Оперативного управления ГШ КА, затем его руководитель, заместитель наркома обороны СССР, представитель Ставки ВГК и, наконец, командующий фронтом, он со Сталиным, как говорится, съел ни один пуд соли. Всё это позволило Александру Михайловичу не только рассказывать о некоторых фактах совместной работы с И. В. Сталиным, но и давать ему оценку, как полководцу. Предоставим ему слово.

ВАСИЛЕВСКИЙ Александр Михайлович (1895 – 1977).

Советский государственный и военный деятель, полководец, Маршал Советского Союза (1943), дважды Герой Советского Союза (1944. 1945), кавалер двух орденов «Победа». С мая 1940 года – заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба. С августа 1941 года – заместитель и первый заместитель начальника Генерального штаба – начальник Оперативного управления Генерального штаба. С апреля 1942 года – первый заместитель начальника Генерального штаба, с июня этого же года – начальник Генерального штаба, а с октября этого же года – замести-

тель наркома обороны СССР. С февраля 1945 года – член Ставки Верховного Главнокомандования, одновременно командующий 3-м Белорусским фронтом. С июня 1945 года – главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 220 раз.

А. М. Василевский. Дело всей жизни. – М., 1974.

Война началась

«И. В. Сталин как Верховный Главнокомандующий вызывал для рассмотрения вопроса то одно, то другое ответственное лицо как с фронта, так и из тыла. Он требовал исчерпывающих сведений по любому обсуждающемуся вопросу и, получив таковые, всегда спрашивал совета, а в первое время чаще сразу решал сам, отдавал распоряжения без единого лишнего слова.

Взвалив на свои плечи огромную ношу, И. В. Сталин не щадил и других. В ходе Великой Отечественной войны, как, пожалуй, ни в какое время, проявилось в полной степени самое сильное качество И. В. Сталина: он был отличным организатором. А организаторские способности играли тогда, конечно, огромную роль, ибо непосредственно от них зависело принятие верного оперативного плана, обеспечение фронта и тыла материальными и людскими ресурсами, действия с учётом перспективы длительной и тяжёлой войны» (126).

«И. В. Сталин справедливо требовал, чтобы военные кадры решительно отказывались от тех взглядов на ведение войны, которые устарели, и настойчиво овладевали опытом развернувшейся войны. Но сам он это делал в то время не так-то быстро, как нам хотелось бы, и был более склонен вести боевые действия до некоторой степени прямолинейно.

Тут, конечно, помимо всего прочего, оказывало влияние на Сталина положение на фронтах, близость врага к Москве, продвижение его вглубь страны. Однако Сталин как человек глу-

бокого ума, естественно, не мог не сознавать своих просчётов и недостатков и не делать выводов для себя. И вот для всех нас постепенно становится заметным, как он стал всё более глубоко мыслить категориями современной войны, исключительно квалифицированно решать вопрос военного искусства. Важной вехой стала Сталинградская битва.

Но, пожалуй, в полной мере владеть методами и формами руководства вооружённой борьбой по-новому он стал лишь в ходе сражения на Курской дуге. И с тех пор он уже не предполагал боевые действия без того, чтобы они не были решительными, маневренными, умело прибегал к массированию сил, проявлял стремление решать задачу разгрома той или иной группировки врага путём её охвата.

И. В. Сталин стал хорошо разбираться не только в военной стратегии, что давалось ему легко, так как он был мастером политической стратегии, но и в оперативном искусстве. Вследствие этого он оказывал более сильное влияние на ход разработки операций. Его знания в области военной стратегии и оперативного искусства значительно превосходили знание тактики (ему, собственно, и необязательно было знать её во всех деталях). Полагаю, что Сталина, несомненно, можно отнести к разряду выдающихся полководцев...

Хочу несколько подробнее остановиться на работе Ставки... Итак, была ли Ставка постоянно действующим органом при Верховном Главнокомандующем? Да. Была. Но при этом надо представить себе, что работа её строилась по-особому. Верховный Главнокомандующий для выработки того или иного оперативно-стратегического решения или для рассмотрения других важных проблем, касающихся ведения вооружённой борьбы, вызывал к себе ответственных лиц, имевших непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу (тут могли быть члены и не члены Ставки), и здесь при участии всех или некоторых членов Политбюро ЦК партии и ГКО принимались необходимые решения, которые тот час и оформлялись в виде директив, приказов или отдельных распоряжений Ставки.

Понимать под Ставкой орган, постоянно заседавший в буквальном смысле слова при Верховном Главнокомандующем в том составе, в каком он был утверждён, нельзя. Ведь большинство из её членов выполняли одновременно ответственные обязанности, часто находились далеко за пределами Москвы, главным образом на фронте... Но вот что было постоянно: каждый из членов Ставки держал с Верховным Главнокомандующим связь. Сталин знал, сколь важна деятельность членов Ставки по их основной должности, а потому не считал возможным и необходимым собирать всех их в полном составе, а периодически вызывал отдельных членов Ставки, командующих войсками и членов военных советов фронтов для выработки, рассмотрения или утверждения того или иного решения, касающегося руководства боевой деятельностью Вооружённых Сил на данном этапе борьбы...

Как правило, предварительная намётка стратегического решения и плана его осуществления выработывалась у Верховного Главнокомандующего в узком кругу лиц. Обычно это были некоторые из членов Политбюро ЦК и ГКО, а из военных – заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генерального штаба и его первый заместитель. Нередко эта работа требовала несколько суток. В ходе её Верховный Главнокомандующий, как правило, вёл беседы, получая необходимые справки и советы по разрабатываемым вопросам, с командующими и членами военных советов соответствующих фронтов, с ответственными работниками Наркомата обороны, с наркоматами и особенно руководившими той или иной отраслью военной промышленности.

Огромная работа в тот период проводилась ответственными работниками Генерального штаба и Наркомата обороны. В результате всестороннего обсуждения принималось решение и утверждался план его проведения, обрабатывались соответствующие директивы фронтам и назначался день встречи в Ставке с командующими, привлекаемыми к реализации намеченных операций.

На этой встрече происходило окончательное уточнение плана, устанавливались сроки проведения операций, подписыва-

лась директива Ставки, отправляемая фронтам. Теперь наступал самый ответственный период – подготовка войск к осуществлению задуманного плана и обеспечения их всем необходимым для этого в установленные сроки...

Так работала Ставка при подготовке большинства крупных стратегических операций фронтов. Но иногда, в зависимости от обстановки, допускались и отступления от этого порядка. Так, в ряде случаев Верховный Главнокомандующий и Генеральный штаб, будучи крайне ограничены временем, вынуждены были согласовывать все вопросы с командующими фронтами по телефону. Отступления были, но незыблемым оставалось одно: при выработке стратегических планов и при решении крупнейших экономических проблем Политбюро ЦК партии, руководство Вооружёнными Силами, всегда опиралось на коллективный разум. Вот почему принимаемые Верховным Главнокомандованием и коллективно вырабатываемые стратегические решения, как правило, всегда отвечали конкретной, складывающейся на фронтах обстановке, а требования, предъявляемые к исполнителям, были реальными, потому правильно воспринимались командованием и войсками.

Воспоминания о представителях Ставки невольно воспроизводят в памяти вопрос, неоднократно задаваемый мне в последнее время некоторыми военными историками: выезжал ли на фронты И. В. Сталин? Мне известна лишь одна его поездка. Это было в первых числах августа 1943 года в период подготовки Смоленской операции. Тогда Главнокомандующий побывал на командном пункте Западного и Калининского фронтов, где и состоялась его встреча с командующими этими фронтами генералами армии В. Д. Соколовским и А. И. Ерёменко. Поездка заняла двое суток. О других выездах на фронт Сталина мне ничего неизвестно. Думаю, что их и не было.

Да, собственно, характер деятельности Верховного Главнокомандующего не требовал таких выездов. Ставка ежедневно получала обширную и разнообразную информацию о положении на фронтах, о боевой обстановке, о состоянии советских войск, их морально-боевых качествах, о деятельности коман-

дующих фронтами и армиями, а также данные о противнике. Всё это позволяло Верховному Главнокомандующему точно знать ход вооружённой борьбы за каждый день и принимать правильные решения. Кроме того, он ежедневно держал связь с представителями Ставки на фронтах и с командующими фронтами и другими военачальниками» (127 – 131).

«Как-то очередная воздушная тревога застала меня во время переговоров с Юго-Западным фронтом как раз возле подземного телеграфа. Мне срочно потребовалось подняться наверх, чтобы захватить с собой некоторые документы. Возле лифта я встретил членов ГКО во главе с И. В. Сталиным. Поравнявшись со мной, Сталин, показывая на меня шедшему рядом с ним В. М. Молотову и улыбаясь, сказал:

– А, вот где он, все неприятности – от него, – а затем, здороваясь со мной, спросил: – Где же вы изволили всё это время прятаться от нас? И куда вы идёте, ведь объявлена воздушная тревога?

Я ответил, что работаю по-прежнему в Генеральном штабе и иду захватить необходимые материалы, после чего возвращусь...

Эта встреча произошла до моего назначения начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генштаба. С февраля 1940 года до этой встречи я не имел возможности видеть И. В. Сталина. С начала августа 1941 года я, сопровождая Б. М. Шапошникова, ежедневно, а иногда и по нескольку раз в сутки бывал у Верховного Главнокомандующего» (133).

Враг под Москвой

«Ещё и ещё раз хочу отметить, что советские воины выстояли, сдержали натиск превосходившего нас численностью и вооружением врага, и что большую роль в этом сыграли твёрдость руководства со стороны Центрального Комитета партии и ГКО во главе с И. В. Сталиным. Они осуществляли неустанную деятельность по мобилизации и использованию сил страны.

Хочется сказать также и о том, что даже в эти исключительно тяжёлые дни правительство нашло возможным отметить работу нашей группы работников Генерального штаба, обслуживавших Ставку в оперативном отношении. В ночь на 29 октября, во время одного из телефонных разговоров И. В. Сталин спросил, не смог бы я написать постановление о присвоении очередного воинского звания одному из генералов. Я ответил согласием и спросил, о присвоении какого звания и кому идёт речь, совершенно, конечно, не подозревая, что будет названо моё имя. Услышав свою фамилию, я попросил освободить меня от выполнения этого поручения. Сталин, шутя, ответил:

– Ну, хорошо, займитесь своими делами, а уж в этом мы как-нибудь обойдёмся и без вас.

Поблагодарив за такую высокую оценку моей работы, я заинтересовался, можно ли отметить также и заслуги моих прямых помощников, не менее меня работающих в столь напряжённое время. Сталин согласился с этим предложением и обязал меня сообщить А.Н. Поскребышеву, кого и как следует отметить. 28 октября 1941 года Постановлением СНК СССР четверым из нашей оперативной группы были присвоены очередные воинские звания: мне – генерал-лейтенанта, А. Г. Карпоносову, В. В. Курасову, Ф. И. Шевченко – генерал-майора.

Это внимание, проявленное к нам, тронуло нас до глубины души. Уже говорилось, что И. В. Сталин бывал и вспыльчив, и несдержан в гневе, тем более поразительной была эта забота в условиях крайне тяжёлой обстановки. Это один из примеров противоречивости личности И. В. Сталина. Припоминаются и другие факты. В особо напряжённые дни он не раз говорил нам, ответственным работникам Генштаба, что мы обязаны изыскивать в сутки для себя и для своих подчинённых как минимум пять-шесть часов для отдыха, иначе, подчёркивал он, плодотворной работы получить не может.

В октябрьские дни битвы за Москву Сталин сам установил для меня отдых с 4 до 10 часов утра и проверял, выполняется ли это его требование. Случаи нарушения вызывали крайне серьёзные и в высшей степени неприятные для меня разговоры.

Разумеется, это не была мелькая опека, а вызывавшаяся обстановкой необходимостью. Напряжённейшая работа, а порой и неумение организовать своё время, стремление взять на себя выполнение многих обязанностей зачастую заставляли ответственных работников забывать о сне. А это тоже не могло не сказаться на их работоспособности. А значит, и на деле.

Иногда, возвращаясь около четырёх часов утра от Сталина, я, чтобы реализовать принятые в Ставке решения, обязан был дать исполнителям или фронтам необходимые указания. Порою это затягивалось далеко за четыре часа. Приходилось идти на хитрость. Я оставлял у кремлёвского телефона за письменным столом адъютанта старшего лейтенанта А. И. Гриненко. На звонок Сталина он обязан был докладывать, что я до десяти часов отдыхаю. Как правило, в ответ слышалось «Хорошо».

Говоря о тяжёлых и опасных для нашей столицы и страны в целом октябрьско-ноябрьских днях, когда враг стоял у стен Москвы и Ленинграда, не могу не сказать о том огромном значении, которые имели для москвичей, для советского народа и Вооружённых Сил состоявшееся 6 ноября торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся совместно с партийными и общественными организациями столицы, посвящённое 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а 7 ноября – традиционный парад войск на Красной площади. И у нас в Генштабе, несмотря на крайне тяжёлое положение на фронте под Москвой, чувствовалось какое-то особенно торжественное настроение. Доклад на торжественном заседании и выступление на Красной площади Сталина явились выражением спокойствия советских руководителей за судьбу советской столицы.

Под руководством Сталина над докладом трудился ряд членов Политбюро. Однажды в моём присутствии этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро.

Призывы Коммунистической партии, прозвучавшие в выступлениях И. В. Сталина – отдать все силы для защиты Родины и победы над врагом, да и сам по себе парад – вызвали могучий патриотический подъём в стране, вдохновили наших людей

на новые героические подвиги на фронте и в тылу, укрепили уверенность в неизбежном переломе в ходе войны, в победе над фашизмом» (161 – 163).

Весна и лето 1942-го

«В конце первой декады мая я в связи с болезнью Б. М. Шапошникова вернулся, по приказу Ставки, в Москву. 11 мая на меня было возложено временное исполнение обязанностей начальника Генерального штаба. В это время усложнилась обстановка в Крыму...

К вечеру первого дня наступления врага Верховный Главнокомандующий и Генштаб получили от Л. З. Мехлиса, являвшегося тогда представителем Ставки Верховного Главнокомандования при руководстве и в войсках Крымского фронта телеграмму следующего содержания:

«Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7 мая, то есть накануне наступления противника, Козлов созвал военный совет для обсуждения проекта будущей операции по овладению Кой-Асаном. Я порекомендовал отложить этот проект и немедленно дать указания армиям в связи с ожидаемым наступлением противника. В подписанном приказании комфронта в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10 – 15 мая, и предлагал проработать до 10 мая и изучить со всем начальством, командирами соединений и штабами план обороны армий. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию, ошибочная в сроках ориентировка была исправлена. Сопротивлялся также Козлов выдвигению дополнительных сил на участке 44-й армии».

В ответ Мехлису Верховный писал:

«Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы – не посторон-

ний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если «вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а Вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для Вас. Значит, Вы ещё не поняли, что Вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки.

Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но Вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов. Дела у Вас в Крыму несложные, и Вы могли бы сами справиться с ними. Если бы Вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымском фронте» (186 – 187).

«5 июля я вернулся в Москву и доложил о фронтовой обстановке. В результате было принято решение образовать на воронежском направлении самостоятельное фронтовое объединение. Командующим Брянским фронтом стал К. К. Рокоссовский, а войсками нового, Воронежского фронта – работавший с 15 мая по 11 июля в должности моего заместителя по Генштабу генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин

Вопрос о назначении командующих был предreshён на совещании в Ставке. Я и Н. Ф. Ватутин называли возможных кандидатов, а И. В. Сталин комментировал. На должность командующего Брянским фронтом подобрали быстро: К. К. Рокоссовский был достойным кандидатом, он хорошо зарекомендовал себя как командующий армией. Сложнее оказалось с кандидатурой на командующего Воронежским фронтом. Назвали несколько военачальников, но Сталин отводил их. Вдруг встаёт Николай Фёдорович и говорит:

– Товарищ Сталин! Назначьте меня командующим Воронежским фронтом.

– Вас? – И Сталин удивлённо поднял брови.

Я поддержал Ватутина, хотя было очень жаль отпускать его из Генерального штаба. И. В. Сталин немного помолчал, посмотрел на меня и ответил:

– Ладно. Если товарищ Василевский согласен с вами, я не возражаю» (200).

Победа в битве на Волге

«Верховный Главнокомандующий в основном одобрил наши предложения и обещал дополнительные войска и средства для фронтов. Мне он приказал обязать командующих Юго-Западным и Воронежским фронтами приступить к разработке детальных планов операции и представить в Ставку окончательные соображения о ней не позднее первых чисел декабря. Согласился Сталин и с моим предложением передать 21-ю армию Юго-Западного фронта, 26-й и 4-й танковые корпуса, действовавшие на внутреннем фронте кольца окружения у Сталинграда, Донскому фронту.

Таким образом, всё внимание командования Юго-Западного фронта сосредоточивалось на внешней линии борьбы и подготовке операции, получившей кодовое название «Сатурн».

Сноска: «Кстати, наименование «Сатурн» я впервые услышал от Сталина 24 ноября, когда мы по телефону обсуждали вопрос о проведении наступательной операции силами Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов в направлении Миллерово, Ростов. Цель наступления – создание нового кольца по отношению к окружённой под Сталинградом группировке противника. Сталин так и назвал заключительную операцию по уничтожению этой группировки «Кольцо». Точно так же названия и всем операциям давалось лично Сталиным»

В конце разговора И. В. Сталин указал, что в данное время самой важной и основной задачей является быстрейшая ликвидация окружённой группировки немцев. Это освободит занятые в ней наши войска для выполнения других заданий по окончательному разгрому врага на нашем Южном фронте.

– А потому, – заключил он разговор, – Ставка предлагает вам немедленно сосредоточиться на этом одном деле. Что касается операции «Сатурн», то ею пусть займутся Ватутин и Кузнецов, а Москва им будет помогать» (236).

«Считаю необходимым сделать здесь некоторое отступление от повествования. В своих воспоминаниях я не раз ссылаюсь на свои доклады Ставке, переговоры с ней, а также на предложения, которые иногда вносились при этом. Вряд ли имеет смысл оговаривать, что делается это отнюдь не из стремления выпятить свою роль в описываемых событиях. Ведь к докладам и предложениям такого рода меня обязывало служебное положение: как начальник Генерального штаба я должен был держать Верховного Главнокомандующего в курсе всех основных событий, происходящих на фронте. Я сообщал И. В. Сталину и о тех мероприятиях, которые проводились в жизнь командующими фронтами, об их решениях и о просьбах к Ставке. Разумеется, излагалась при этом и точка зрения Генерального штаба по тому или иному вопросу.

Были установлены два обстоятельных доклада Верховному Главнокомандующему о фронтовой обстановке в течение суток: один, в 12 часов, – о событиях за ночь; второй, в 21 – 22 часа, – об изменениях за день. О серьёзных событиях Генеральный штаб докладывал немедленно. Перед докладом Верховному Главнокомандующему начальник Генштаба заслушивал – по каждому фронту – сообщения начальника Оперативного управления в присутствии офицера или генерала этого управления, ответственного за данный фронт. По всем вопросам, требующим уточнения, я связывался с начальником штаба или командующим войсками фронта, а также с ответственными лицами в Наркомате обороны. Как представитель Ставки, я ограничивал свои доклады обычно рамками тех фронтов, действия которых координировал, хотя редкий день проходил без того, чтобы при переговорах с Верховным Главнокомандующим не затрагивались вопросы, относящиеся к другим фронтам. А также проблемы создания и использования имеющихся в Ставке резервов» (246 – 247).

«В общем, Ставка и Генштаб сделали максимум возможно-го, чтобы успешно выиграть сражение. В Сталинградской бит-ве они, пожалуй, вели удачно всю работу. Я, разумеется, не хочу сказать, что до этого в их действиях не было успехов. Они имелись, и не в малом количестве, достаточно вспомнить 1941 год, когда наша армия выстояла в тяжелейших боях и нанесла захватчику мощный удар под Москвой.

Но всё же в то время стиль руководства войсками и реше-ние оперативно-стратегических вопросов были не столь совер-шенными, как в Сталинградской битве. За время войны Ставка и Генштаб прошли значительный путь роста и поиска лучших методов и форм руководства. Было отрадно видеть, как накап-ливал опыт стратегического руководства вооружённой борь-бой Сталин. Будучи Верховным Главнокомандующим, он, ко-нечно, проделал уже в первые месяцы войны колоссальную работу. То, что он стоял во главе Ставки, придавало ей вес и значение. Он твёрдо держал в своих руках нити управления фронтами и всеми вооружёнными силами.

Тем не менее, как я отмечал раньше, в деятельности Сталина в первые месяцы войны наблюдались недостатки. Порою он был неоправданно самоуверен в решении оперативно-стратегичес-ких вопросов, не в полной мере использовал знания и опыт ра-ботников Генерального штаба и других служб Наркомата обо-роны. В результате некоторые принимаемые И. В. Сталиным ре-шения далеко не всегда были безупречными с точки зрения опе-ративно-стратегических задач вооружённой борьбы.

Проскальзывала у И. В. Сталина, как я тоже отмечал, некото-рая недооценка работы аппарата Генерального штаба. Многих руководящих работников Генштаба он стремился отослать в войска. На моё возражение против посылки очередного работ-ника из аппарата Генштаба на фронт он неизменно отвечал:

– Там он более нужен, а с этой канцелярией мы управимся.

А когда я обратился к Сталину с просьбой вернуть из войск Н. Ф. Ватутина, ибо мы, что называется задыхались без квали-фицированных штабных работников, он серьёзно спросил: «А что он не годится на фронте?»

Недостатки, а иногда и просчёты в работе Ставки и Генштаба мы тяжело переживали. Но нужно сказать, что все они устранялись относительно быстро.

Постепенно под давлением обстоятельств хода войны стиль работы Ставки совершенствуется, и примерно с сентября 1942 года Сталин заметно изменяет свое отношение к Генштабу, начинает по-настоящему опираться на него. С тех пор все крупные вопросы оперативно-стратегического содержания стали решаться непременно при участии аппарата Генштаба, начальников служб Наркомата обороны и командующих фронтами» (268 – 269).

На Верхнем Дону

«В начале 1943 года личный состав сухопутных сил, ВВС и Флота впервые надел погоны, ставшие символом почётного солдатского и матросского долга советских воинов перед Родиной.

Погоны ввели по предложению И. В. Сталина. Когда принималось решение о введении погон, он попросил начальника тыла генерала А. В. Хрулёва показать погоны старой русской армии. Разглядывая их, Сталин, помню, обратился ко мне:

– Товарищ Василевский, покажите, какие погоны вы носили в старое время.

Должен, к слову, заметить, что и ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского и Нахимова были учреждены также по предложению Верховного Главнокомандующего. В его кабинете в годы войны висели портреты прославленных русских полководцев Суворова и Кутузова» (273 – 274).

«Г. К. Жуков и я ежедневно информировали И. В. Сталина о проделанном нами за день. Наши ежедневные, в течение долгих месяцев доклады Верховному хранятся в архивах. По ним легко проследить, что делали представители Ставки на фронте, как менялась обстановка, какие, в зависимости от этого, принимались меры, и даже лаконичные характеристики людям» (280).

«18 января стал Маршалом Советского Союза Г. К. Жуков. А 16 февраля 1943 года был опубликован крайне неожиданный

для меня Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении и мне воинского звания «Маршал Советского Союза». Он был внезапен для меня хотя бы уже потому, что звание генерала армии я получил лишь месяцем раньше. Откровенно говоря, такую оценку моего труда по линии ГКО, Президиума Верховного Совета и Верховного Главнокомандования я считал чрезмерно высокой» (293).

Освобождение Донбасса

«Рано утром 17 августа, находясь на передовом КП 46-й армии, я получил от И. В. Сталина следующий документ: «Маршалу Василевскому. Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки. Я уже давно обязал Вас как уполномоченного Ставки, обязательно присылать в Ставку к исходу каждого дня операции специальные донесения. Вы почти каждый раз забывали об этой своей обязанности и не присылали в Ставку донесений.

16 августа является первым днем важной операции на Юго-Западном фронте, где Вы состоите уполномоченным Ставки. И вот Вы опять изволили забыть о своем долге перед Ставкой и не присылаете в Ставку донесений.

Последний раз предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта. И. Сталин».

Эта телеграмма потрясла меня. За все годы военной службы я не получал ни одного даже мелкого замечания или упрёка в свой адрес. Вся моя вина в данном случае состояла в том, что 16 августа, находясь в войсках армии В. В. Глаголева в качестве представителя Ставки, я действительно на несколько часов задержал очередное донесение. На протяжении всей своей работы с И. В. Сталиным, особенно в период Великой Отечественной войны, я неизменно чувствовал его внимание, я бы даже

сказал, чрезмерную заботу, как мне казалось, далеко мной незаслуженные.

Что же произошло? По возвращении на КП фронта я тотчас связался по телефону со своим первым заместителем по Генштабу А. И. Антоновым. Чувствовалось, что тот был тоже взволнован происшествием и стремился всячески успокоить меня. Он сказал, что моё донесение, за которое на меня обрушился Сталин, было Генштабом получено и доложено в Ставку. Однако это было уже после того, как мне направили послание Сталина. Антонов, успокаивая меня, добавил, что получил указание Сталина никого с этим письмом не знакомить и хранить его у себя. Доложил он мне также и то, что слабое развёртывание наступления на Воронежском, Степном и Юго-Западном фронтах очень беспокоило Верховного. Не получив донесения, Сталин попытался связаться со мной по телефону, но и это не удалось сделать. И тогда он продиктовал Антонову процитированный выше документ¹.

Добавлю лишь, что Сталин был так категоричен не только в отношении меня. Подобную дисциплину он требовал от каждого представителя Ставки. Нам было разрешено передвигаться по своему усмотрению только в пределах фронтов, координировать действия которых мы были обязаны. Для выезда на другие нужна была специальная санкция Верховного. Считаю, что отсутствие какой-либо снисходительности к представителю Ставки было оправдано интересами оперативного руководства вооружённой борьбой. Верховный Главнокомандующий очень внимательно следил за ходом фронтовых событий, быстро реагировал на все изменения в них и твёрдо держал управление войсками в своих руках» (335 – 336).

---

¹ Данный документ опубликован в документе № 84 второй главы книги и в 18-м томе сочинений И. В. Сталина. В нём есть несколько фраз, не воспроизведённых А. М. Василевским в своих мемуарах. Вот это место: «Вы не можете ссылаться на недостаток времени, так как маршал Жуков работает на фронте не меньше Вас и все же ежедневно присылает в Ставку донесения. Разница между Вами и Жуковым состоит в том, что он дисциплинирован и не лишен чувства долга перед Ставкой. Тогда как Вы мало дисциплинированы и забываете часто о своем долге перед Ставкой».

На правом берегу Днепра

«Мы с Жуковым ещё несколько дней работали в Генштабе. Ежедневно бывали у Сталина, уточняли детали плана и директивы фронтам.

Как только Верховный Главнокомандующий утвердил директивы, мы вернулись по его указанию на те же фронты, откуда прибыли. И. В. Сталин не любил, когда мы «засиживались» в столице. Он полагал, что для руководства повседневной работой в Генштабе и Наркомате обороны людей достаточно. А место его заместителей и начальника Генштаба – в войсках, чтобы там, прямо на месте, претворять в жизнь замыслы Ставки, согласовывать боевую работу фронтов и помогать им. Стоило мне или Г. К. Жукову ненадолго задержаться в Москве, как он спрашивал:

– Куда поедете теперь? – и добавлял: – Выбирайте сами, на какой фронт отправитесь. Иногда сразу давал соответствующее указание» (362).

«Однако было ясно, что собственными силами мы не могли захватить Никопольский плацдарм. Если мы будем продолжать боевые действия таким же образом, понесём неоправданные потери, а задачу всё же не решим. Нужно было подключить 2-й Украинский фронт, провести перегруппировку войск, пополнить Ф. И. Толбухина резервами. Посоветовался с Фёдором Ивановичем, он поддержал меня, и я решил позвонить в Ставку с его КП. И. В. Сталин не согласился со мной, упрекая нас в неумении организовать действия войск и управление боевыми действиями. Мне не оставалось ничего, как резко настаивать на своём мнении. Повышенный тон И. В. Сталина непроизвольно толкал на такой же ответный. Сталин бросил трубку.

Стоявший рядом со мной и всё слышавший Фёдор Иванович сказал, улыбаясь:

– Ну, знаешь, Александр Михайлович, я от страха чуть под лавку не залез.

Всё же после этих переговоров 3-й Украинский фронт, игравший при проведении Никопольско-Криворожской операции основную роль, получил от 2-го Украинского фронта 37-ю ар-

мию генерал-лейтенанта М. Н. Шарохина и из резерва Ставки – 31-й гвардейский стрелковый корпус, а от 4-го Украинского фронта – 4-й гвардейский механизированный корпус» (371 – 372).

Разгром крымской группировки врага

«В ночь на 29 апреля по всем этим планам у меня состоялся длительный разговор с Верховным Главнокомандующим. Намечаемый оперативный замысел и группировка сил никаких сомнений у него не вызывали и существенных поправок не потребовали. Но зато, когда речь зашла о новой отсрочке наступления, Верховный вышел из равновесия. Разговор приобрёл довольно острый характер. Но я не отступал от своего и в результате получил разрешение, если потребуется, 5 мая начать наступательные действия 2-й гвардейской армии на вспомогательном направлении, а 7 мая – генеральный штурм Севастопольского укрепрайона усилиями всех войск фронта, Черноморского флота и партизан» (408).

Перед Белорусской операцией

«В течение марта и апреля замысел летней кампании неоднократно обсуждался и уточнялся у Верховного Главнокомандующего. Г. К. Жукова и меня несколько раз вызывали в Москву. Много раз Верховный Главнокомандующий говорил с нами об отдельных деталях по телефону. При этом Сталин нередко ссылался на свои переговоры по этим вопросам с командующими войсками фронтов, особенно с К. К. Рокоссовским. Когда шли операции по освобождению Правобережной Украины и Крыма, Сталин напоминал мне о необходимости во что бы то ни стало закончить их в апреле, чтобы в мае полностью переключиться на подготовку Белорусской операции.

В начале апреля в одном из разговоров он сообщил мне, что склонен, вопреки возражениям командующего Ленинградским

фронтом Л. А. Говорова, снова разделить этот фронт на два, оставить за Ленинградским фронтом к югу от Финского залива нарвское направление (примерно до Гдова), а южнее, на псковско-валгском направлении, создать 3-й Прибалтийский фронт, передав ему из Ленинградского 3 армии. Тогда же он мне поставил и другой вопрос, который обсуждался в Ставке, – о разделении Западного фронта, о чём я уже говорил выше. Словом, Верховный постоянно обращал наше внимание на подготовку этой операции. Заранее был решён вопрос и о назначении командующих Белорусскими фронтами.

Помню, Сталин спросил меня, кого я бы мог рекомендовать на должность командующего 3-м Белорусским фронтом. Я сказал, что по всем вопросам, связанным с Белорусской операцией, мы неоднократно говорили с Антоновым. В качестве командующего 3-м Белорусским фронтом я порекомендовал кандидатуру генерал-полковника И. Д. Черняховского.

Помню и другую беседу того времени. 4-й Украинский фронт готовился тогда к штурму Сапун-горы и взятию Севастополя. Сталин поинтересовался, какие войска этого фронта можно будет взять после освобождения Севастополя для усиления фронтов белорусского направления. По нашему с А. И. Антоновым мнению, фронтовое управление и 2 армии (2-ю гвардейскую и 51-ю) можно было вывести в резерв Ставки, причём обязательно на территорию Белоруссии. Из них одну разместить восточнее Витебска, для усиления правого крыла создаваемой там группировки.

Сталин не возражал и приказал мне ещё раз обсудить эти вопросы с Антоновым, после чего окончательно согласовать со Ставкой предложения Генерального штаба. Попросил также сообщить свои предложения о начальниках штабов создаваемых на белорусском направлении фронтов и наметить из состава войск 4-го Украинского фронта известный мне и наиболее опытный высший командный состав, который полезно будет использовать при проведении Белорусской операции...

В первой половине апреля 1944 года Генеральный штаб с разрешения Верховного Главнокомандующего запросил мне-

ние командующих соответствующими фронтами о летней кампании и проведении Белорусской операции...

20 мая разработанный Генштабом план Белорусской операции был представлен Верховному Главнокомандующему. Вскоре он был рассмотрен в Ставке с участием некоторых командующих и членов Военных советов фронтов. В ближайшие же дни Генштаб должен был представить уточнённый план на окончательное утверждение в Ставку. Вместе с Г. К. Жуковым и А. И. Антоновым я неоднократно бывал в те дни у Верховного Главнокомандующего. Каждый раз во время этих встреч мы возвращались к обсуждению деталей плана и проведения Белорусской операции, получившей кодовое название «Багратион»...

30 мая Ставка окончательно утвердила план операции «Багратион»... Утверждая 30 мая план Белорусской операции, Сталин, как это было уже не раз, заявил, что ближайшая задача Ставки – помочь командованию и войскам фронтов получше подготовиться и провести задуманную операцию, а ГКО и Генштаб обязаны принять меры к тому, чтобы своевременно и полностью обеспечить войска всем необходимым. Он предложил направить Г. К. Жукова и меня в Белоруссию в качестве представителей Ставки и спросил, на какие фронты мы хотели бы поехать. Мы оба ответили, что готовы работать там, где будет указано» (418 – 421).

«В ту же ночь в разговоре по телефону И. В. Сталин спросил меня, как он часто это делал, не смогу ли я без особого ущерба для выполнения задания прибыть на два-три дня в Москву. Я согласился и уже днём был в столице, а вечером 17 июня вместе с А. И. Антоновым встретился с И. В. Сталиным. Как выяснилось, основным вопросом, ради которого меня вызвали в Ставку, явились события на Севере...

Связавшись по телефону с командующим Ленинградским фронтом Л. А. Говоровым, И. В. Сталин выслушал его детальный доклад о ходе событий и подготовке к штурму и дал ему ряд советов и указаний. Удовлетворённый заверениями Говорова о том, что задача ускорить наступление будет решена его войсками в течение ближайшей недели, он пожелал Леониду Александровичу успеха...

В тот же вечер в Ставке был рассмотрен вопрос о проведении Карельским фронтом, с участием Онежской и Ладожской военных флотилий, Свирско-Петрозаводской операции в Южной Карелии. Сталин по телефону заслушал доклад командующего фронтом К. А. Мерецкова о готовности войск и подчеркнул, что благодаря успешным действиям войск Ленинградского фронта у Карельского фронта создались более благоприятные условия для выполнения задачи, и потребовал начать операцию не позже 21 июня...

Заслушав мой короткий доклад о ходе подготовки 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов к выполнению поставленных перед ними задач, Сталин остался доволен и особенно остановился на использовании 5-й гвардейской танковой армии на фронте у Черняховского...

В дни моего пребывания в Москве Г. К. Жуков попросил у Ставки разрешения начать операцию 1-го Белорусского фронта не 23, а 24 июня. Сталин спросил о моём мнении. Посоветовавшись по телефону с И. Д. Черняховским и И. Х. Баграмяном, я сказал, что считаю такое предложение для фронтов нашего направления целесообразным, поскольку оно позволяет в ночь на 23 июня, перед началом операции 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, использовать здесь Авиацию дальнего действия, направленную к Рокоссовскому. Сталин согласился с этим и добавил, что мы с Черняховским упускаем из виду ещё одну выгодную для нас деталь: 3-й Белорусский фронт выигрывает в этом случае лишние сутки. Он обещал сообщить мне окончательное решение после разговора с Жуковым» (433 – 434).

Весной 45-го в Восточной Пруссии

«Приняв рекомендацию отправиться на работу в Восточную Пруссию, я попросил освободить меня от должности начальника Генерального штаба, мотивируя это тем, что с 1943 года большую часть времени нахожусь непосредственно на фронте, выполняя задания Ставки, в Москве бываю лишь по вызо-

вам. Я высказался за то, чтобы утвердить в этой должности фактически исполняющего её моего первого заместителя А. И. Антонова, оставив за мной лишь должность заместителя наркома обороны. Помню, Сталин с удивлением спросил:

– А разве вас не обидит такое решение?

Услышав мой ответ, он обратился к находившемуся там же Антонову и поинтересовался, как он относится к моему предложению. Алексей Иннокентьевич сказал, что не разделяет его. Сталин пообещал подумать, а пока подписал директиву Ставки, согласно которой я, как её представитель, обязан был взять на себя с 22 февраля руководство боевыми действиями 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. В заключении Сталин спросил, когда я смогу отправиться на фронт. Я назвал следующий день. Верховный разрешил мне дня два побыть с семьей, сходить в театр, а 19-го вечером накануне отъезда просил вновь зайти к нему.

Разговор происходил ночью. А днём 18 февраля пришло известие, что в районе города Мельзак смертельно ранен М. Д. Черняховский... Я узнал о смерти Ивана Даниловича, находясь в Большом театре. Во время спектакля ко мне тихо подошёл мой адъютант П. Г. Копылов и сказал, что меня просит к телефону Верховный Главнокомандующий. Он-то и сообщил мне эту горестную весть и сказал, что Ставка намерена поставить меня во главе 3-го Белорусского фронта» (484).

На Дальнем Востоке

«Я регулярно информировал Верховного Главнокомандующего о ходе подготовки к боевым действиям, а потом непосредственно о развернувшейся борьбе с японскими войсками. Наша телефонная связь работала безотказно. Накануне наступления я позвонил ему с целью доложить о готовности советских войск начать боевые действия. Но его помощник ответил, что товарищ Сталин смотрит кинофильм, и попросил перезвонить попозже, что я и сделал. Но в этой связи я хочу отметить, что И. В. Сталин любил смотреть кинокартины и смотрел их посто-

янно. Едва ли какая-либо из вновь появившаяся на экранах кинокартин, не говоря уже о военных, проходила мимо его внимания. Он интересовался сценариями кинокартин по наиболее крупным проблемам истории войны. И. В. Сталин, насколько я знаю, также проявлял живой интерес к театрам и нередко бывал на их спектаклях. А в отдельных случаях подсказывал тему, как, к примеру, пьесы А. Корнейчука «Фронт». Спектакль же этот он смотрел трижды и мне советовал сходить на него» (514).

Послесловие

«Огромная заслуга Коммунистической партии состоит в том, что она сумела в ходе войны выдвинуть и воспитать кадры советских военачальников, которым оказалось по плечу руководство войсками фронтов и армий. В книге я приводил слова И. В. Сталина о том, что «у нас нет своих Гинденбургов», то есть полководцев. Эти слова были сказаны в полемике весной 1942 года, когда наши войска потерпели неудачу на юге. И. В. Сталин считал, что у нас есть свои отличные полководцы, и гордился ими. Несомненно и то, что наши командующие решали задачи, куда сложнее и труднее и с большим блеском, чем это делал упомянутый немецкий генерал в первую мировую войну» (528).

«Кое-кто стремится отождествить твёрдость характера полководца с грубостью. Проявление фактов грубости со стороны отдельных военачальников иногда встречалось, но, думается, нельзя путать эти два понятия. Я не считаю грубость признаком характера полководца, тем более элементом руководства войсками. Всё дело, на мой взгляд, в умении военачальника управлять собой.

Как-то я прибыл с фронта в Ставку. Дела на фронте шли хорошо. Верховный Главнокомандующий был доволен представителями Ставки. Помню, обращая ко мне, он сказал:

– Товарищ Василевский, вы вот такой массой войск руководите и у вас это неплохо получается, а сами, наверное, и мухи никогда не обидели.

Это была шутка. Но, скажу откровенно, что не всегда легко было оставаться спокойным и не позволить себе повыситься голоса. Но... сожмёшь, бывало, до боли кулаки и смолчишь, удержишься от ругани и окрика. Умение вести себя в отношении подчинённых с достоинством – неперемнное качество советского военачальника...

Направляя представителей Ставки на фронты, Верховный Главнокомандующий обычно говорил: «Решение принято, операция спланирована, директивы фронтам даны, задачи поставлены и теперь перед Ставкой встаёт основная задача – помочь командованию и войскам фронтов правильно понять поставленные перед ними задачи, хорошо подготовиться и успешно выполнить их. И это обязаны будете сделать вы, как ответственные представители Ставки».

Не лишним будет вновь подчеркнуть, что Ставка Верховного Главнокомандования не только помогала фронтам, но зачастую и учила их искусству побеждать... Позволю себе привести здесь ещё один документ, свидетельствующий об этом. Он был направлен в адрес командующих фронтами в период подготовки Сталинградского контрнаступления. В нём говорилось:

«При проведении наступательных операций командующие фронтами и армиями иногда смотрят на установленные для них разграничительные линии как на забор и как на перегородку, которые не могут нарушаться, хотя бы этого требовали интересы дела и меняющаяся в ходе операции обстановка.

В результате наши армии при наступлении идут вперёд прямо перед собой, в пределах своих разграничительных линий, не обращая внимания на своих соседей, без маневра, который вызывается обстановкой, без помощи друг другу и тем облегчают манёвр противнику и представляют ему возможности бить нас по частям.

Ставка разъясняет, что разграничительные линии определяют лишь ответственность командиров за определённый участок или полосу местности, в которых выполняется ими полученная боевая задача, но их нельзя рассматривать как неизменные и непреходимые перегородки для армий. В ходе опе-

раций обстановка часто меняется. Командующий обязан быстро и правильно реагировать на это изменение, обязан маневрировать своими соединениями или армией, не считаясь с установленными для него разграничительными линиями.

Ставка Верховного Главного Командования, разъясняя это, разрешает и предоставляет право командующим фронтами менять в ходе операций разграничительные линии между армиями фронта, менять направление удара отдельных армий в зависимости от обстановки с тем, чтобы впоследствии сообщить об этом Ставке.

Командующим фронтами немедленно разъяснить эти указания всем командующим армиями.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Василевский».

... Помню, как трудно осваивал наступательные действия командующий Северо-Кавказским фронтом И. Е. Петров. Он умело руководил оборонительными действиями Приморской армии под Севастополем, показал знание оперативного искусства и личное мужество. Но, встав во главе наступающего фронта, он подрастерялся, и мы почувствовали перебои в действиях войск, и кое-кто уже внёс предложение об его освобождении. Но Верховный Главнокомандующий ответил:

– Петрова нужно не освобождать от работы, а научить вести наступление. Учтите, что он ни разу в жизни не наступал.

Прошло некоторое время, и И. Е. Петров стал неплохо проводить наступательные операции» (531 – 537).

P. S.

В 1975 год мемуары А. М. Василевского были переизданы. В них появились некоторые добавления. Одно из них, касающееся полководческого таланта И. В. Сталина, заслуживает внимания.

«По моему глубокому убеждению, И. В. Сталин, особенно во второй половине Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми

военными усилиями страны на основе линии партии и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне. Работать с ним было интересно и вместе с тем неимоверно трудно, особенно в первый период войны. Он остался в моей памяти суровым, волевым военным руководителем, вместе с тем не лишённым и личного обаяния...

Думаю, Сталин в период стратегического наступления Советских Вооружённых Сил проявил все основные качества советского полководца. Он умело руководил действиями фронтов, и всё советское военное искусство за годы войны показало силу, творческий характер, было значительно выше, чем военное искусство хваленной на Западе немецко-фашистской военной школы...

И. В. Сталин прочно вошёл в военную историю. Его несомненная заслуга в том, что под его непосредственным руководством как Верховного Главнокомандующего советские вооружённые силы выстояли в оборонительных кампаниях и блестяще провели все наступательные операции. Но он, насколько я мог его наблюдать, никогда не говорил о своих заслугах» (641, 544, 551).

РОКОССОВСКИЙ Константин Константинович (1896 – 1968).

Советский военный деятель и полководец, Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), кавалер ордена «Победа». Маршал Польши. С ноября 1940 года – командующий 9-м механизированным корпусом, с июля 1941 года – командующий 16-й армией. Командующий войсками фронтов: с июля 1942 года – Брянским, с сентября этого же года – Донским,

с февраля 1943 года – Центральным, с октября этого же года –

Белорусским, с февраля 1944 года – 1-м Белорусским, с ноября этого же года – 2-м Белорусским.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 18 раз.

К. К. Рокоссовский. Солдатский долг. – М., 1968.

Отступать некуда

«Мне запомнился разговор, происходивший в моём присутствии между Г. К. Жуковым и И. В. Сталиным. Это было чуть позже, уже зимой. Сталин поручил Жукову провести небольшую операцию, кажется в районе станции Мга, чтобы чем-то облегчить положение ленинградцев. Жуков доказывал, что необходима крупная операция, только тогда цель будет достигнута. Сталин ответил:

– Всё это хорошо, товарищ Жуков, но у нас нет средств, с этим надо считаться.

Жуков стоял на своём:

– Иначе ничего не выйдет. Одного желания мало.

Сталин не скрывал своего раздражения, но Жуков твёрдо стоял на своём. Наконец Сталин сказал:

– Пойдите, товарищ Жуков, подумайте, вы пока свободны.

Мне понравилась прямота Георгия Константиновича. Но когда мы вышли, я сказал, что, по-моему, не следовало бы так резко разговаривать с Верховным Главнокомандующим. Жуков ответил:

– У нас ещё не такое бывает.

Он был прав тогда: одного желания мало для боевого успеха. Но во время боёв под Москвой Георгий Константинович часто сам забывал об этом.

Высокая требовательность – необходимая и важнейшая черта военачальника. Но железная воля у него всегда должна сочетаться с чуткостью к подчинённым, умением опираться на их ум и инициативу. Наш командующий в те тяжёлые дни не все-

гда следовал этому правилу. Бывал он и несправедлив, как говорят, под горячую руку.

Спустя несколько дней после одного из бурных разговоров с командующим фронтом я ночью вернулся с истринской позиции, где шёл жаркий бой. Дежурный доложил, что командарма вызывает к ВЧ Сталин.

Противник в то время потеснил опять наши части. Незначительно потеснил, но всё же... Словом, идя к аппарату, я представлял, под впечатлением разговора с Жуковым, какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, приготовился к худшему.

Взял разговорную трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия. Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчёркивалось доверие к командарму. В заключение разговора Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, он сказал, что понимает это:

– Прошу продержаться ещё некоторое время, мы вам поможем...

Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень много для тех, кому оно уделялось. А тёплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность. Не говорю уже, что к утру прибыла в армию и обещанная помощь – полк «катюш», два противотанковых полка, четыре роты с противотанковыми ружьями и три батальона танков. Да ещё Сталин прислал свыше 2 тысяч москвичей на пополнение» (92 – 93).

«Ночью – было это в конце ноября – меня вызвал к ВЧ в Крюково Верховный Главнокомандующий. Он спросил, известно ли мне, что в районе Красной Поляны появились части противника, и какие принимаются меры, чтобы их не допустить в этот пункт. Сталин особенно подчеркнул, что из Красной Поляны фашисты могут начать обстрел столицы крупнокалиберной

артиллерией. Я доложил, что знаю о выдвигании передовых немецких частей севернее Красной Поляны и мы подтянули сюда силы с других участков. Верховный Главнокомандующий информировал меня, что Ставка распорядилась об усилении этого участка и войсками Московской зоны обороны» (96).

Памятные уроки

«В начале июля меня вызвал к ВЧ Г. К. Жуков. Он спросил, справится ли с должностью командарма Малинин. Недоумевая, я ответил утвердительно. Тогда Жуков сказал, что Ставка намерена назначить меня командующим Брянским фронтом...

В Ставке я был тепло принят Верховным Главнокомандующим. Он в общих чертах познакомил меня с положением на воронежском направлении, а после этого сказал, что если у меня имеются на примете дельные работники, то он поможет мне их заполучить для укомплектования штаба и управления Брянского фронта. В то время часть войск и аппарата управления Брянского фронта передавались новому – Воронежскому фронту, который должен был встать между Брянским и Юго-Западным. Я назвал М. С. Малинина, В. И. Казакова, Г. Н. Орла и П. Я. Максименко.

Сталин тут же отдал командующему Западным фронтом распоряжение откомандировать этих товарищей. Он пожелал мне успеха на новой должности, велел не задерживаться долго в Генеральном штабе, а быстрее отправляться на место, потому что обстановка под Воронежем сложилась весьма серьёзная...

Кончив дела, я хотел подняться, но Сталин сказал:

– Подождите, посидите.

Он позвонил Поскребышеву и попросил пригласить к нему генерала, только что отстранённого от командования фронтом. И далее произошёл такой диалог:

– Вы жалуетесь, что мы несправедливо вас наказали?

– Да. Дело в том, что мне мешал командовать представителем Центра.

- Чем же он вам мешал?
  - Он вмешивался в мои распоряжения, устраивал совещания, когда нужно было действовать, а не совещаться, давал противоречивые указания... Вообще подменял командующего.
  - Так. Значит, он вам мешал. Но командовали фронтом вы?
  - Да я...
  - Это вам партия и правительство доверили фронт... ВЧ у вас было?
  - Было.
  - Почему же вы не доложили хотя бы раз, что вам мешают командовать?
  - Не осмелился жаловаться на вашего представителя.
  - Вот за то, что не осмелились снять трубку и позвонить, а в результате провалили операцию, мы вас и наказали.
- Я вышел из кабинета Верховного Главнокомандующего с мыслью, что мне, человеку, недавно принявшего фронт, был дан предостерегающий урок. Поверьте, я постарался его усвоить» (128 – 130).

Брянский фронт

«Во второй половине августа меня внезапно вызвали в Ставку. У Сталина я застал и нашего левого соседа Н. Ф. Ватутина. Рассматривался вопрос об освобождении Воронежа. Ватутин предлагал наступать всеми силами Воронежского фронта непосредственно на город. Мы должны были помогать ему, срывая противника на западном берегу Дона активными действиями левобланговой 38-й армии. Я знал, что Ватутин уже не раз пытался взять Воронеж лобовой атакой. Но ничего не получалось. Противник прочно укрепился, а нашим войскам, наступавшим с востока, прежде чем штурмовать город, надо было форсировать реки Дон и Воронеж.

Я предложил иной вариант решения задачи: основной удар нанести не с восточного, а западного берега Дона, используя удачное положение 38-й армии, которая нависает над противником севернее Воронежа. Для этого надо только перегруппи-

ровать сюда побольше сил, причём по возможности скрытно...

Сталин утвердил предложение Ватутина, обещав при этом усилить Воронежский фронт дополнительными соединениями из резерва Ставки, а также гвардейскими миномётными полками, вооружёнными реактивными установками М-31 с минами большой разрушительной мощности.

На этом визит у Сталина закончился. Выйдя в соседнюю комнату, мы с Ватутиным обговорили все вопросы, связанные с действиями 38-й армии, которая на время операции передавалась Воронежскому фронту, и разъехались каждый к себе» (137).

«К этому времени обстановка на сталинградском направлении резко осложнилась. Противник форсировал Дон, вышел в междуречье Волги и Дона и завязал бои в самом Сталинграде.

Примерно во второй половине августа мне довелось дважды разговаривать по ВЧ со Сталиным. Разговоры сводились к тому, что под Сталинградом тяжело и нашему фронту следовало бы выделить часть войск для усиления этого направления. Я отвечал, что наиболее существенной помощью была бы отправка туда танковых корпусов. Сталин охотно соглашался с этим. В срочном порядке мы отправили к Волге танковые корпуса – сначала М. Е. Каткуова, а затем П. А. Ротмистрова. Обычно в конце каждого разговора Сталин просил подумать, что бы мы ещё могли сделать в помощь защитникам Сталинграда.

В сентябре я опять был вызван к ВЧ и уже заранее подготовил ответ, что могу отправить последний оставшийся на фронте 16-й танковый корпус (весьма слабый), но к моему удивлению Сталин ничего не потребовал, а стал интересоваться делами на нашем фронте и после краткого моего доклада о полном затишье задал вопрос: не скучно ли мне здесь в связи с такой обстановкой? Получив утвердительный ответ, он велел мне прибыть в Москву.

В совершенном неведении о причинах вызова, захватив на всякий случай материал о состоянии войск, я на следующий день на машине отправился в столицу.

В Ставке меня принял генерал армии Г. К. Жуков. Он в общих чертах ознакомил с обстановкой, сложившейся в районе Ста-

линграда, а затем с задачей, которая на меня возлагалась. Предполагалось сосредоточить сильную группировку наших войск (не менее трёх общевойсковых армий и несколько танковых корпусов) на фланге противника, прорвавшегося в междуречье Волги и Дона, с тем, чтобы нанести контрудар примерно в районе Серафимовича в южном и юго-восточном направлениях. Смелая и многообещающая идея!

Мне поручалось возглавить эту группировку. В моё распоряжение прибыли генералы Козлов и Голубев, которые назначались командующими армиями. Третья уже находилась в районе, где должно было начаться сосредоточение.

Получив задачу, я уже в Москве предпринял первые шаги. Уточнив, какие войска усиления нам будут приданы, согласовал вопрос о командных кадрах. Начальником штаба был назначен Малинин. Вместо Козлова я попросил поставить на армию генерала Батова. Но не успели мы как следует приступить к делу, меня срочно вызвал Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что в связи с тяжёлым положением – врагу в некоторых местах удалось прорваться к Волге – наша операция отменяется, а предназначавшиеся для неё войска направляются под Сталинград. Мне следует вылететь туда же и принять командование Сталинградским фронтом.

– Остальные указания получите на месте от моего заместителя Жукова, который тоже вылетел под Сталинград.

Вышел я от Верховного с невесёлыми мыслями. Опять не удалось осуществить правильно задуманный контрудар. Единственным утешением была мысль, что меня посылают туда, где сейчас идут напряжённые бои, а не возвращают на спокойный участок» (138 – 140).

Тиски сомкнулись

«Побывав на различных участках, я убедился, что без специальной, серьёзной подготовки к наступлению на успех надеяться нельзя. При очередном разговоре по ВЧ я счёл своим

долгом доложить об этом Сталину. Затронул вопрос и о том, что целесообразнее было бы операцию по ликвидации окружённой группировки противника поручить одному фронту – Сталинградскому или Донскому – с подчинением ему всех войск, действовавших под Сталинградом. Сталин не дал определённого ответа» (162).

«Утром 12 декабря на котельниковском направлении начались бои. Противник незначительно потеснил части 51-й армии генерала Н. И. Труфанова, действовавшей на внешнем фронте окружения. Командующий Сталинградским фронтом генерал А. И. Ерёменко, опасаясь, как бы враг не прорвался к своим окружённым войскам, обратился в Ставку с просьбой передать ему прибывавшую под Сталинград 2-ю гвардейскую армию для использования её против группы Манштейна.

Переговоры на эту тему А. М. Василевский вёл по ВЧ в моём присутствии. Передавая мне трубку, он предупредил, что решается вопрос о передаче прямо с похода 2-й гвардейской армии в Сталинградский фронт. В трубке послышался голос Сталина. Он спросил меня, как я отношусь к такому предложению. Я ответил отрицательно. Тогда Сталин продолжил переговоры с Василевским.

Представитель Ставки настойчиво доказывал необходимость передачи армии Малиновского Сталинградскому фронту, так как Ерёменко сомневается в возможности имеющимися силами отразить наступление противника. После этого тут же по ВЧ Сталин сообщил мне, что он согласен с доводами Василевского, что моё решение разделаться сначала с окружённой группировкой, используя для этого 2-ю гвардейскую армию, смелое и заслуживает внимания, но в сложившейся обстановке оно слишком рискованное, поэтому я должен армию Малиновского, не задерживая, спешно направить под Котельниково в распоряжение Ерёменко.

Выслушав моё утверждение, что без армии Малиновского войска Донского фронта не смогут ликвидировать окружённого противника, Сталин согласился временно приостановить эту операцию, пообещав подкрепить войска фронта дополнитель-

ными силами и средствами. И добавил, что для оказания нам помощи в усилении артиллерией и боеприпасами пришлёт командующего артиллерией Красной Армии генерал Н. Н. Воронова» (166 – 167).

Конец вражеской группировки

«... Я сказал ему: приказываю (командующему 65-й армии генералу П. И. Батову. – А. С.) прекратить наступление, отвести войска в исходное положение и перейти к обороне, ведя силовую разведку, с тем, чтобы держать противника в напряжении.

Конечно, за такое самовольство мне могло крепко влететь. И я уже привык в подобных случаях обращаться непосредственно к Сталину: чаще всего он утверждал решение командующего фронтом, если тот приводил веские доводы и умел проявить настойчивость и доказательство своей правоты. Так было и в данном случае. Сталин, выслушав меня внимательно, вначале слегка вспылал, а затем согласился с моим решением. Это помогло нам сберечь силы, технику и боеприпасы для решающей битвы...

Новый год мы встречали в дружной товарищеской обстановке... В этом дружеском разговоре как-то был затронут вопрос о том, что история помнит много случаев, когда врагу, попавшему в тяжёлое положение, предъявляется ультиматум для сдачи. В тот вечер никто не придавал серьёзного значения этой идее. Но на следующий день у меня возникла мысль посоветоваться с Генштабом: не попробовать ли и нам применить древний рыцарский обычай?

Насколько мне память не изменяет, я переговорил об этом по ВЧ с генералом Антоновым, замещавшим в Москве начальника Генерального штаба. Он пообещал посоветоваться с руководством и сообщить о результатах, заметив, что не мешало бы набросать на всякий случай текст ультиматума.

О своём разговоре с Антоновым я сообщил Воронову, Новикову, Голованову, Малинину, Галаджеву и другим товарищам.

У всех это вызвало большой интерес. Николай Николаевич Воронов тоже немедленно связался с Москвой. Необходимых материалов под рукой не было. Стали вспоминать события далёкой истории – осады замков, крепостей и городов. Общими усилиями текст ультиматума был составлен. Вскоре позвонили из Ставки, сообщили, что предложение понравилось Сталину, и затребовали срочно передать наш проект. Подготовленный нами текст с незначительными изменениями был утверждён» (175 – 177).

«4 февраля по распоряжению Ставки меня и Воронова вызвали в Москву. Перелёт до Москвы совершали днём. Приземлились на Центральном аэродроме. Во время подруливания самолёта к месту высадки меня удивил и несколько даже насторожил вид встречающих нас генералов и офицеров: на их плечах золотом сияли погоны.

– Смотрите куда мы попали? – сказа я Николаю Николаевичу.

Он тоже ничего не мог понять. Но вот мы разглядели знакомые лица. Всё разъяснилось: у нас в Красной Армии были введены погоны, о чём мы до этого не знали.

В тот же день мы направились в Кремль и были приняты Сталиным. Завидев нас, он быстрыми шагами приблизился и, не дав нам по-уставному доложить о прибытии, стал пожимать нам руки, поздравляя с успешным окончанием операции по ликвидации вражеской группировки. Чувствовалось, что он доволен ходом событий. Беседовали мы долго. Сталин высказал некоторые соображения о будущем развитии боевых действий.

Напутствуемые пожеланиями новых успехов, мы оставили его кабинет. Не могу умолчать о том, что Сталин в нужные моменты умел обворожить собеседника теплотой и вниманием и заставить надолго запомнить каждую встречу с ним» (192)¹.

---

¹ В «Журнале посещений И. В. Сталина в его кремлёвском кабинете» зафиксировано, что в 23 часа 15 минут в кабинет Верховного Главнокомандующего вошли Г. К. Жуков, Н. Н. Воронов и К. К. Рокоссовский. Все трое вышли из кабинета в 01. 35, то есть находились там 2 часа 25 минут.

Бросок за Днепр

«5 октября Ставка приняла решение о передаче 13-й армии Пухова и 60-й Черняховского с занимаемыми ими участками Воронежскому фронту. В разговоре со мной по ВЧ Сталин сказал, что Центральный фронт свою задачу выполнил. Теперь наш фронт переименовывался в Белорусский и на него возлагались новые задачи» (237).

На белорусской земле

«Из Москвы позвонил генерал А. И Антонов, сказал, что Ставка интересуется моим мнением: следует ли сейчас производить салют в честь войск фронта, форсировавших Днепр?

Я ответил, что, по-моему, с салютом надо подождать: незачем раньше времени настораживать гитлеровское командование. А вот об ударе на Киев не мешало бы ещё раз подумать. Антонов порекомендовал мне доложить свои соображения непосредственно Верховному Главнокомандующему. Я тут же это сделал. Сталин ответил, что вопрос о действиях войск на киевском направлении, как известно, уже решён и пересматривать его поздно. Относительно фронтовых средств – они остаются в нашем распоряжении, а Пухову и Черняховскому оставить лишь штатные средства, забота об этих армиях с момента их передачи возлагается на Воронежский фронт. Что же касается салюта, то я прав, лучше будет его немного отложить» (240).

«Меня вызвал к аппарату Сталин. Спросил, нет ли у меня на примете хорошего командарма, который мог бы возглавить армию под Ленинградом. И подчеркнул, что я, по-видимому, понимаю, как это важно. Не задумываясь, я назвал фамилию генерала И. И. Федюнинского. Сталин, поблагодарив меня, приказал немедленно направить Ивана Ивановича самолётом в Москву» (250).

Оба удара главные

«В марте Верховный Главнокомандующий пригласил меня к аппарату ВЧ, в общих чертах ориентировал относительно планируемой крупной операции и той роли, которую предстояло играть в ней 1-му Белорусскому фронту. Затем Сталин поинтересовался моим мнением. При разработке операции он и раньше прибегал к таким вот беседам с командующими фронтами. Для нас – сужу по себе – это имело большое значение» (257).

«Окончательно план наступления отработывался в Ставке 22 и 23 мая. Наши соображения о наступлении войск левого крыла фронта на люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подверглось критике. Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар – с плацдарма на Днепре (район Рогачева), находившегося в руках 3-й армии. Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого «продумывания» приходилось с новой силой отстаивать своё решение. Убедившись, что я твёрдо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его предлагали» (260).

Разгром

«Нельзя обойти молчанием и того обстоятельства, что на протяжении всей Белорусской операции Ставка очень внимательно относилась к нашим предложениям и просьбам, поддерживала любое полезное начинание. Всё это способствовало успеху операции» (282).

Варшава

«В этот период со мной беседовал по ВЧ Сталин. Я доложил обстановку на фронте и обо всём, что связано с Варшавой. Ста-

лин спросил, в состоянии ли войска фронта предпринять сейчас операцию по освобождению Варшавы. Получив от меня отрицательный ответ, он попросил оказать восставшим возможную помощь, облегчить их положение. Мои предложения, чем и как будем помогать, он утвердил» (291).

В пределы Германии

«Войска 70-й и 47-й армий безрезультатно атаковали плацдарм, несли потери, расходовали большое количество боеприпасов, а выбить противника никак не могли...

Я приказал подать сигнал об отмене атаки, а по телефону приказал генералам Гусеву и Попову прекратить наступление. Вернувшись на фронтовой КП, связался с Москвой. Доложил о моём решении прекратить наступление. Сталин ответил не сразу, попросил немного подождать. Вскоре он снова вызвал меня к ВЧ. Сказал, что с предложением согласен. Приказал наступление прекратить, а войскам фронта перейти к прочной обороне и приступить к подготовке новой наступательной операции» (295).

«Уже был вечер. Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что, не подумав, я тут же спросил:

– За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трёх фронтов – 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский назначен Г. К. Жуков.

– Как вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная. По-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и достойных генералов. Жуков таким и является. Сталин сказал, что доволен таким ответом, а затем в тёплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами:

– Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков.

Заканчивая разговор, Сталин заявил, что не будет возражать, если я возьму с собой на новое место тех работников штаба и управления, с которыми сработался за долгое время войны. Поблагодарив за заботу, я сказал, что надеюсь и на новом месте встретить способных сотрудников и хороших товарищей. Сталин ответил коротко:

– Вот за это благодарю!» (298).

«Задачу ставил лично Верховный Главнокомандующий. Нам предстояло наступать на северо-запад. Сталин предупредил, чтобы мы не обращали внимания на восточно-прусскую группировку противника: её разгром возлагается всецело на 3-й Белорусский фронт... Особо предупреждалось о самом тесном взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом. Мне запомнилась даже такая деталь: когда Сталин рассматривал нашу карту, он собственноручно красным карандашом вывел стрелу, направленную во фланг противнику. И тут же пояснил:

– Так вы поможете Жукову, если замедлится наступление войск 1-го Белорусского фронта.

В последующей беседе со мной Сталин ещё раз подчеркнул, что назначаюсь я не на второстепенное, а на важнейшее направление, и высказал предположение, что именно трём фронтам – 1-му и 2-му Белорусским и 1-му Украинскому предстоит закончить войну на Западе» (299).

«Ни трудности ни опасности не смущали их. Но мы-то обязаны были думать, как уберечь этих замечательных людей. Обидно и горько терять солдат в начале войны. Но трижды обидней и горше терять их на пороге победы, терять героев, которые прошли через страшные испытания, тысячи километров прошагали под огнём, три с половиной года рисковали жизнью, чтобы своими руками завоевать родной стране мир... Командиры и политработники получили категорический наказ: добиваться выполнения задачи с минимальными потерями, беречь каждого человека!» (303).

Восточная Померания

«А положение у нас на левом крыле создавалось тревожное. По мере продвижения войск к северу всё больше оголялся наш левый фланг: ведь сосед справа – 1-й Белорусский фронт оставался на месте... Я сообщил об этом в Ставку. Вскоре меня к ВЧ вызвал Верховный Главнокомандующий. Я доложил ему обстановку на нашем фронте и положение, складывающееся на левом крыле. Сталин спросил:

– Что, Жуков хитрит?

Я ответил, что не думаю, чтобы он хитрил, но что его войска не наступают и этим создаётся угроза на обнажённом нашем фланге, я могу подтвердить. Для обеспечения фланга у нас сейчас сил нет, резерв весь исчерпан. Поэтому прошу усилить фронт войсками или обязать 1-й Белорусский быстрее перейти в наступление. Рассказал я и о положении в районе Ной-Штеттина.

– А войска вашего фронта не смогут занять Ной-Штеттин? Если вы это сделаете, в вашу честь будет дан салют

Я ответил, что попытаемся взять этот город. Но в дальнейшем это не изменит положения. Сталин обещал поторопить 1-й Белорусский с началом наступления. На этом наш разговор закончился. По всему чувствовалось, что Верховный Главнокомандующий доволен ходом событий... Обещанный Сталиным салют за овладение Ной-Штеттеном был произведён» (334 – 335).

ШТЕМЕНКО Сергей Матвеевич (1907 – 1976).

Видный военный деятель, генерал армии. В годы Великой отечественной войны – начальник Кавказского направления, занимал ряд руководящих должностей в Генеральном штабе: заместитель начальника, а с мая 1943 года и до окончания войны начальник Оперативного управления ГШ КА.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 149 раз.

С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. – М., 1968.

В дни огорчений и надежд

«Вскоре мы отказались от этого (от помещения для Генштаба на станции метро «Белорусская». – А. С.) и переехали в здание на улице имени С. М. Кирова. Станция метро «Кировская» тоже была полностью в нашем распоряжении. Поезда здесь уже не останавливались. Перрон, на котором мы расположились, отгораживался от путей высокой фанерной стеной. В одном его углу – узел связи, в другом – кабинет для Сталина, а в середине – шеренга столиков, за которыми работали мы. Место начальника Генштаба – рядом с кабинетом Верховного...

И. В. Сталин в свой подземный кабинет ни разу не спустился, но изредка бывал в отведённом ему флигельке во дворе занятого под Генштаб большого дома на улице Кирова. Там он работал и принимал доклады» (35, 41).

«С обороной Закавказья у меня тесно связаны воспоминания о первой поездке с докладом в Ставку. Было это так.

Однажды ночью из Кремля позвонил Ф. Е. Боков и приказал полковнику К. Ф. Васильченко и мне явиться туда же со своими рабочими картами. Поехали на присланной за нами машине. В Кремле нас встретил незнакомый мне подполковник и провёл на второй этаж в приёмную Сталина. Оба мы волновались, понимая, что будут спрашивать о положении дел на наших направлениях. Через несколько минут последовал вызов в кабинет Верховного Главнокомандующего. Там, за большим столом у стены, сидели Молотов, Маленков, Микоян. С противоположной стороны стола находились Ф. Е. Боков, только что назначенный начальником Оперуправления П. И. Бодин и Я. Н. Федоренко. Сталин ходил по комнате. Мы представились.

– Можете доложить обстановку под Сталинградом и на юге? – спросил нас Сталин.

– Так точно, – ответили мы дуэтом.

Первым начал свой доклад по Сталинграду К. Ф. Васильченко. Верховный Главнокомандующий интересовался положением и состоянием войск, кто на какой рубеж отходит, кому переподчиняются отходящие войска, где расположены вторые эшелоны, где резервы, каково материальное обеспечение. Васильченко всё знал и доложил блестяще.

Затем дошла очередь до меня. Я развернул свою карту и доложил, какие войска занимают оборону по Тереку, что можно посадить туда ещё, как прикрыть направление на Баку и Военно-Грузинскую дорогу. Не умолчал о слабом прикрытии перевалов через Главный Кавказский хребет, об опасности на новороссийском и туапсинском направлениях, о необходимости ускорить строительство оборонительных рубежей.

Сталин выслушал меня не перебивая. Вопросы начались лишь после того, как я смолк.

– Какие ещё есть войска в Закавказье?

Я доложил.

– Можно ли что перебросить из Средней Азии?

– Восемьдесят третью горнострелковую дивизию под командованием генерал-майора Лучинского, – ответил я и тут же

добавил: – Её лучше поставить на туапсинское направление. Можно взять и ещё одну дивизию.

– Что можно взять из Ирана? – спросил Верховный.

– Не больше одной-двух дивизий, – и я пояснил почему.

– Обратите особое внимание на бакинское направление, – сказал Сталин, обращаясь к П. И. Бодину.

Верховный Главнокомандующий держал себя очень просто. Первоначальная скованность постепенно оставила нас. Под конец доклада и Васильченко, и я чувствовали себя вполне свободно.

– Этих полковников надо будет взять с собой, когда поедете, – сказал Верховный, ни к кому не обращаясь.

На том всё и кончилось: нас отпустили» (56 – 57).

На переломе

«4 января в 13 часов 30 минут в генштаб позвонил Сталин.

– Запишите и передайте во фронт, – сказал он мне и стал диктовать директиву. Говорил медленно, обдумывая, видимо, формулировки:

«Первое. Противник отходит с Северного Кавказа, сжигая склады и взрывая дороги. Северная группа Масленникова превращается в резервную группу, имеющую задачу лёгкого преследования. Нам невыгодно выталкивать противника с Северного Кавказа. Нам выгоднее задержать его с тем, чтобы ударом со стороны Черноморской группы осуществить его окружение. В силу этого центр тяжести операций Закавказского фронта перемещается в район Черноморской группы, чего не понимают ни Масленников, ни Петров.

Второе. Немедленно погрузите 3-й стрелковый корпус из района Северной группы и ускоренным темпом двигайте в район Черноморской группы. Масленников может пустить в дело 58-ю армию, которая болтается у него в резерве и которая в обстановке нашего успешного наступления могла бы принести большую пользу.

Первая задача Черноморской группы – выйти на Тихорецкую и помешать таким образом противнику вывезти технику на запад. В этом деле вам будет помогать 51-я армия и, возможно, 28-я армия.

Вторая и главная ваша задача состоит в том, чтобы выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Батайск и Азов, влезть в Ростов с востока и закупорить таким образом северо-кавказскую группу противника с целью взять его в плен или уничтожить. В этом деле вам будет помогать левый фланг Южного фронта Ерёменко, который имеет задачей выйти севернее Ростова...»

Тут Сталин сделал довольно значительную паузу, а затем продолжал:

– Третье. Прикажите Петрову, чтобы он начал своё наступление в срок, не оттягивая этого дела ни на час, не дожидаясь подхода всех резервов. Петров всё время оборонялся, и у него нет большого опыта по наступлению. Растолкуйте ему, что он должен перестроиться на наступательный лад, что он должен дорожить каждым днём, каждым часом».

Под конец Верховный добавил пункт, требовавший немедленного выезда командования фронта в район действий Черноморской группы. Таким образом, вторично было подтверждено, что главные усилия Закавказского фронта должны концентрироваться именно здесь.

Теперь уже не прогнозы, а сама обстановка подсказывала этот наиболее разумный способ действий» (68 – 69).

«Следует заметить, что как раз в день отправки наших рекомендаций на правом фланге Северной группы опять нарушилась связь с танковыми и кавалерийскими частями. Точного их положения штабы не знали. Прочитав итоговое боевое донесение за 7 января по Закавказскому фронту, Сталин в 3 часа 55 минут 8 января опять продиктовал для передачи И. И. Масленникову и в копии И. В. Тюленеву гневную телеграмму:

«... Вы оторвались от своих войск и потеряли связь с ними. Не исключено, что при таком отсутствии порядка и связи в составе Северной группы ваши подвижные части попадут в окру-

жение... Такое положение нетерпимо. Обязываю вас восстановить связь с подвижными частями Северной группы и регулярно, два раза в день сообщать в Генштаб о положении дел на вашем фронте. Личная ответственность за вами...» (72).

«Детально разобравшись в обстановке, сложившейся на Северном Кавказе, Генеральный штаб 17 апреля доложил свои выводы Верховному Главнокомандующему вместе с планом возможного использования сил и средств, имеющихся на Северо-Кавказском фронте и прибывающих туда в ближайшее время. И. В. Сталин посоветовался с Г. К. Жуковым, недавно прибывшим из-под Белгорода. Тот не исключил намерений немецкого командования использовать 17-ю армию, засевшую на Тамани, в наступательных операциях весной и летом 1943 года. Он считал целесообразным поскорее ликвидировать таманский плацдарм, отбросив противника в Крым

Поразмыслив над этим, Верховный сказал Жукову:

– Неплохо бы вам лично разобраться во всём на месте. Последнее время у Масленникова что-то не ладится. Усилия фронта ощутимых результатов не дают... Возьмите с собой от Генштаба Штеменко и побывайте там сами.

Тогда же Верховный разрешил использовать в боях на Тамани особую дивизию НКВД из резерва Ставки» (83 – 84).

Вторая военная зима

«Длительное время Генеральный штаб лишён был возможности предложить радикальное решение относительно этих двух выступов... Но с разгромом противника под Воронежем и Курском дело существенно менялось. Севернее Курска у противника на большом протяжении обнажился фланг, ранее обеспечивавшийся группой «Б». С тех пор как эта группа перестала существовать, уже не исключался охват фланга и выход советских войск на тылы орловской и брянской группировок противника...

В ночь на 6 февраля Ставка поставила К. К. Рокоссовскому задачу перебазироваться в район севернее Курска, развер-

нуть свои войска между Брянским и Воронежским фронтами и с 15 числа наступать в направлении Рославль, Смоленск. К этому моменту... оборону группы армий «Центр» уже должны были прорвать Западный и Брянский фронты. Опираясь на их успехи, войскам К. К. Рокоссовского предстояло рвануться вперёд, захватить Рославль, Смоленск и частью сил Оршу, создавая для противника обстановку, близкую к окружению...

И. В. Сталин лично контролировал подготовку операции. И когда командующий Брянским фронтом заикнулся было относительно отсрочки начала боевых действий на один день, Верховный резко отчитал его.

С Рокоссовским он был милостивее. Может быть потому, что сам видел, с какими трудностями сопряжена переброска войск из-под Сталинграда. Железные дороги явно подводили Константина Константиновича, и он просил Ставку отложить начало наступления Центрального фронта с 15 на 24 февраля. Сталин согласился» (106 – 107).

Дела и люди Генерального штаба

«И. В. Сталин установил порядок круглосуточной работы Генштаба и лично регламентировал время его руководящего состава. Например, заместителю начальника Генштаба, на пост которого в декабре 1942 года прибыл А. И. Антонов, полагалось находиться при исполнении своих обязанностей по 17 – 18 часов в сутки. На отдых ему отводилось время с 5 – 6 часов утра до 12 дня. А мне, занимавшему с мая 1943 года должность начальника Оперативного управления, отдыхать разрешалось с 14 до 18 – 19 часов. Точно также были расписаны часы работы и отдыха для всех других руководящих работников.

Доклады Верховному Главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки. Первый из них имел место в 10 – 11 часов дня, обычно по телефону. Это выпадало на мою долю. Вечером, в 16 – 17 часов, докладывал заместитель начальника Генштаба. А ночью мы ехали в Ставку с итоговым докладом за

сутки. Перед тем подготавливалась обстановка на картах масштаба 1:200 000 отдельно по каждому фронту с показом положения наших войск до дивизии, а в иных случаях до полка.

Даже досконально зная, где что произошло в течение суток, мы всё равно перед каждой поездкой 2 – 3 часа тщательно разбирались в обстановке... Все материалы, требовавшие решения Верховного Главнокомандования, заранее сортировались и раскладывались по трём разноцветным папкам. В красную папку попадали документы первостепенной важности, докладывавшиеся в первую очередь; это в основном приказы, директивы, распоряжения, планы распределения вооружения действующим войскам и резервам. Синяя папка предназначалась для бумаг второй очереди; обычно в неё шли различного рода просьбы. Содержимое же зелёной папки составляли представления к званиям и наградам, предложения и приказы о перемещениях и назначениях должностных лиц.

Документы из красной папки докладывались обязательно полностью и тут же получали ход. Из синей они извлекались выборочно «по мере возможности», но, как правило, ежедневно. Зелёная папка докладывалась только при благоприятной обстановке. Иногда нам не приходилось раскрывать её по три-четыре дня. Мы старались правильно определить ситуацию, позволявшую доложить тот или иной вопрос, и почти никогда не ошибались. Вскоре Сталин раскусил нашу нехитрую механику. Иногда он сам предупреждал:

– Сегодня рассмотрим только важные документы.

А в другой раз говорил:

– Ну, а теперь давайте и вашу зелёную.

Справедливости ради должен заметить, что И. В. Сталин очень высоко ценил работников Генерального штаба и направлял их на самые ответственные посты в действующую армию...

Вопреки установившимся канонам Сталин считал, что хороший штабист никогда не подведёт и на командной работе, но для того чтобы быть полноценным штабным работником, надо знать жизнь войск. А потому всех нас без исключения командировали на фронты очень часто и порой на продолжительное

время. Такая практика в некоторых случаях заметно ослабляла состав Генерального штаба, создавала дополнительные трудности в его повседневной работе. Однако у Верховного Главнокомандующего и на сей счёт существовала своя, твердо установившаяся точка зрения: он полагал и, очевидно, не без основания, что «на месте Генштаб всегда как-нибудь выкрутится», а войсковая практика в боевых условиях полезна каждому из нас.

В тоже время мы всегда чувствовали его заботу об авторитете Генштаба. При докладах в Ставке командующих фронтами И. В. Сталин непременно спрашивал: «Каково мнение Генштаба?» или: «Рассматривал ли этот вопрос Генштаб?» И Генштаб всегда излагал своё мнение. Во многих случаях оно не отличалось от мнения командующих фронтами, но, коль его спрашивали, надо было докладывать.

Верховный не терпел даже малейшего вранья или приукрашивания действительности и жестоко карал тех, кто попадался на этом. Хорошо помню, как в ноябре 1943 года был снят с должности начальник штаба 1-го Украинского фронта за то, что не донёс о захвате противником одного важного населённого пункта в надежде, что его удастся вернуть...

Доклады Генерального штаба в Ставке имели свой строгий порядок. После вызова по телефону мы садились в автомашину и по пустынной Москве направлялись в Кремль или на «Ближнюю» – кунцевскую дачу Сталина. В Кремль въезжали всегда через Боровицкие ворота и, обогнув здание Верховного Совета СССР по Ивановской площади, сворачивали в так называемый «уголок», где находились квартира и рабочий кабинет И. В. Сталина. Через кабинет Поскребышева входили в небольшое помещение начальника личной охраны Верховного Главнокомандующего и, наконец, попадали к нему самому.

В левой части кабинета со сводчатым потолком и обшитыми светлым дубом стенами стоял длинный прямоугольный стол. На нём мы развешивали карты и по ним докладывали за каждый фронт в отдельности, начиная с того, где в данный момент происходили главные события. Никакими предварительными

записями не пользовались. Обстановку знали на память, и она была отражена на карте.

За торцом стола, в углу, стоял большой глобус. Должен заметить, однако, за сотни раз посещения этого кабинета мне никогда не довелось видеть, чтобы им пользовались при рассмотрении оперативных вопросов. Разговоры о руководстве действиями фронтов по глобусу совершенно беспочвенны....

Члены Политбюро садились обычно вдоль стола у стены лицом к нам, военным, и к большим портретам Суворова и Кутузова, висевшим на противоположной стороне кабинета. Сталин слушал доклад, прохаживаясь у стола с нашей стороны. Изредка подходил к своему письменному столу, стоявшему в глубине кабинета справа, брал две папиросы «Герцеговина Флор», разрывал и набивал табаком трубку. Правее письменного стола на особой подставке белела под стеклом гипсовая посмертная маска В. И. Ленина...

Установленный Сталиным жёсткий порядок работы Генштаба никто не мог изменить... Должен сказать, что режим военного времени оставался в Генштабе почти неизменным вплоть до смерти Сталина: мы по-прежнему заканчивали свой трудовой день в 3 – 4 часа утра, а к 10 – 11 часам дня обязаны были опять являться на службу» (114 – 119).

«Оперативное управление было связано с Верховным Главнокомандующим особым прямым телефоном. Когда-то такого телефона не было, и Сталин звонил по общему. Но случилось так, что однажды он не получил немедленного ответа – номер оказался занятым. Через несколько минут начальник управления выслушал соответствующее внушение и получил приказание: «Сказать кому следует, чтобы поставили особый телефон. Так у нас появился ещё один аппарат со шнуром почти в 10 метров длиной; это было очень удобно при докладах обстановки по картам.

Между 10 и 11 часами, редко чуть позже, Верховный сам звонил к нам. Иногда здоровался, а чаще прямо спрашивал:

– Что нового?

Начальник Оперативного управления докладывал обстановку, переходя от стола к столу с телефонной трубкой у уха. Во

всех случаях доклад начинался с фронта, где боевые действия носили наиболее напряжённый характер, и, как правило, с самого острого участка. Обстановка излагалась последовательно, за каждый фронт в отдельности в произвольной форме.

Если нашим войскам сопутствовали успехи, доклад обычно не прерывался. По телефону были слышны лишь редкое покашливание да чмокание губами, характерное для курильщика, сосущего трубку.

Пропускать в докладе какую-то армию, если даже в её полосе за ночь на произошло ничего важного, Сталин не позволял. Он тотчас же перебивал докладчика вопросом:

– А у Казакова что?

Иногда в ходе доклада Верховный Главнокомандующий давал какие-то указания для передачи на фронт. Оно повторялось вслух, и один из заместителей начальника управления тут же записывал всё дословно, а затем оформлял в виде распоряжения или директивы.

Около полудня начальник Оперативного шёл к начальнику Генерального штаба. В кабинете последнего имелся такой же, как у нас, комплект карт, и к этому времени на них была нанесена самая полная и новейшая обстановка. Оставалось только сообщить, как прошёл доклад Верховному, какие от него получены указания и представить на подпись подготовленные распоряжения войскам.

Такой несколько необычный порядок докладов – сначала Верховному Главнокомандующему, а затем уже начальнику Генерального штаба – был определён лично Сталиным. Делалось так, потому что по распорядку нашей работы в 10 – 11 начальник Генштаба ещё отдыхал...

Когда на фронтах дела шли хорошо, доклад обычно проходил быстрее, но после него Сталин иногда приглашал нас посмотреть кинокартину, преимущественно фронтовую хронику. Нам было не до того. В управлении ожидала работа без конца и края. Но отказываться не осмеливались. Я сидел в кресле, обнимая портфель с оперативными картами. Особенно долго засиживались, если у Сталина были какие-нибудь иностран-

ные гости. Им-то он обязательно показывал кинокадры о событиях на фронтах, причем и те, которые мы успели просмотреть раньше» (134 – 137).

Поездка в Тегеран

«Днём 24 ноября 1943 года А. И. Антонов сказал мне:

– Будьте готовы к отъезду. Возьмите карты всех фронтов и приватите шифровальщика. Куда и когда поедете, узнаете позже...

Проделав несколько замысловатых поворотов после Кунцева, мы наконец выехали к железной дороге на какую-то незнакомую мне воинскую платформу. На путях темнел поезд. Сопровождающий подвёл меня к одному из вагонов и коротко бросил:

– Поедете здесь.

В вагоне кроме меня никого не было. Проводник показал купе. Мелькнуло предположение: «Видимо, мне предстоит сопровождать на фронт кого-то из Ставки».

Вскоре за окном послышался скрип снега под ногами. В вагон вошли К. Е Ворошилов и ещё два человека. Климент Ефремович поздоровался и сказал:

– К вам явится комендант поезда. Скажите ему где и на какое время нужно будет сделать остановку поезда, чтобы к одиннадцати часам собрать данные об обстановке по всем фронтам и доложить их товарищу Сталину. В последующем будете докладывать, как в Москве, три раза в сутки...

Поезд тронулся. В вагоне я опять остался один. Потом появился комендант и сообщил, что едем мы по маршруту на Сталинград. Договорились с ним быстро: в 9 часов 40 минут будет Мичуринск, там следует остановиться на полчаса и немедленно подключить линию телефона ВЧ.

– Всё будет сделано, – заверил комендант и удалился.

Я посидел немного, погасив свет. За окном мелькали телеграфные столбы, проплывали тёмные перелески и заснеженные пригорки. Изредка виднелись неясные силуэты селений. Начались размышления: «Зачем едем в Сталинград? Что мы

там будем делать, когда война уже идёт за Днепром?.. Очевидно цель поездки не Сталинград...»

Засыпал я в те годы мгновенно. А проснулся, когда сквозь окно пробивался ненастный день. Часы показывали 8. Прошёл по вагону. Охрана в тамбуре и проводник бодрствовали.

Захватив портфель, я перешёл в салон, где стоял телефон ВЧ. Разостлал на столе карты. По прибытии в Мичуринск сразу же соединился с А. А. Грызловым. Он, как всегда, был наготове. Получив от него все необходимые данные, нанёс обстановку на карты.

Около 10 часов в салон зашёл Климент Ефремович. Оказывается я разбудил его своими разговорами по ВЧ.

– Ну и громко же вы кричите, – посетовал он. – Что там на войне?..

В 11 часов начальник охраны Сталина генерал-лейтенант Власик пригласил Ворошилова в салон Верховного Главнокомандующего. Я остался у себя, предупредив Власика, что готов доложить обстановку. Минут через пять за мной пришли.

Кроме Сталина и Ворошилова в салоне находился Молотов. Верховный спросил, есть ли что нового на фронте. Нового было немного, и меня вскоре отпустили...

Когда меня вновь потребовали к Сталину, я застал у него тех же лиц. Все сидели за накрытым к обеду столом. Обстановку я докладывал по миллионке. Затем передал Верховному несколько просьб и предложений с фронтов, полученных через А. И. Антонова. Сталин разрешил все просьбы, утвердил предложения и пригласил меня обедать. Обедали часа полтора. Разговор всё время шёл о какой-то предстоящей конференции с участием Рузвельта и Черчилля. Мне о ней ничего не было известно.

Минула ночь. Настал новый день. Заведённый порядок остался неизменным. Три раза ходил на доклад в вагон Сталина. Проехали Кизляр, Махачкалу. К вечеру прибыли в Баку. Здесь все, кроме меня, сели по машинам и куда-то уехали. Я ночевал в поезде. В 7 часов утра за мной заехали, и мы отправились на аэродром.

На лётном поле стояло несколько самолётов Си-47. У одного из них прогуливались командующий ВВС А. А. Новиков и ко-

манdüющий авиацией дальнего действия А. Е. Голованов. У другого самолёта я заметил знакомого мне лётчика В. Г. Грачёва. В 8 часов на аэродром прибыл И. В. Сталин. Новиков доложил ему, что для немедленного вылета подготовлены два самолёта: один из них поведёт генерал-полковник Голованов, второй – полковник Грачёв. Через полчаса пойдут ещё две машины с группой сотрудников Наркоминдела.

А. А. Новиков пригласил Верховного Главнокомандующего в самолёт Голованова. Тот сначала, казалось, принял это приглашение, но, сделав несколько шагов, вдруг остановился.

– Генерал-полковники редко водят самолёты, – сказал Сталин, – мы лучше полетим с полковником.

И повернулся в сторону Грачёва. Молотов и Ворошилов последовали за ним.

– Штеменко тоже полетит с нами, в пути доложит обстановку, – сказал Сталин, уже поднимаясь по трапу. Я не заставил себя ждать. Во втором самолёте полетели А. Я. Вышинский, несколько сотрудников Наркоминдела и охрана.

Только на аэродроме мне стало известно, что летим мы в Тегеран. Сопровождали нас три девятки истребителей: две – по бокам, одна – впереди и выше. Я доложил о положении на фронтах...» (190 – 194).

«Меня с шифровальщиком разместили на 1-м этаже того же дома, где жил Сталин и другие члены делегации. Отвели маленькую комнату с одним окном. Рядом был телеграф. Вечером Сталин, отправляясь на прогулку в парк, поинтересовался, в каких условиях мы работаем. Наша комната не понравилась ему.

– Где же здесь разложить карты? И почему так темно? Нельзя ли устроить их где-то получше?..

Результаты визита сказались немедленно. Нам тут же отвели большую и светлую веранду, принесли три стола, переставили на новое место аппарат ВЧ» (194).

«На протяжении всего срока работы конференции я занимался своим делом: регулярно три раза в день собирал по телефону ВЧ сведения об обстановке на фронтах и докладывал их Сталину. Как правило, доклады мои слушались утром и пос-

ле заседания глав правительств (а заседали они обычно по вечерам).

Почти ежедневно А. И. Антонов передавал мне проекты распоряжений, которые необходимо было скрепить подписью Верховного Главнокомандующего. После того как Сталин подписывал их, я сообщал об этом в Москву, а подлинники документов собирал в железный ящик, хранившийся у шифровальщика.

Один или два раза Сталин сам разговаривал с Антоновым. Был также случай, когда он лично связывался с Ватутиным и Рокоссовским и выяснял у них возможности ликвидировать контрнаступление противника под Киевом. Особенно его интересовало мнение Рокоссовского, фронт которого должен был оказать содействие фронту Ватутина на мозырском направлении» (196 – 197).

В Крыму

«К тому времени я уже отлично знал работу Ставки и отношение её членов, особенно И. В. Сталина, к порядку решения важных вопросов. На моей памяти бывали случаи, когда в Ставку поступали документы за многими подписями. Верховный Главнокомандующий резко критиковал их, усматривая в таких действиях нежелание единоначальника или Военного совета взять на себя ответственность за принятое решение или, что ещё хуже, их неверие в правильность собственных предложений.

– Вот и собирают подписи, – говорил он, – чтобы убедить самих себя и нас.

Верховный требовал, чтобы, все представляемые в Ставку документы подписывали командующий и начальник штаба, а наиболее важные (например, ежедневные итоговые донесения и планы операций) скреплялись бы тремя подписями: к первым двум добавлялась ещё подпись члена Военного совета» (213).

«Из резерва Ставки И. Е. Петрову была передана 9-я Краснознаменная пластунская дивизия, сформированная из кубанских и терских казаков... Пластунская дивизия всем своим видом радовала глаз. Подразделения – полнокровные. Бойцы –

молодец к молодцу. Много храбрых стариков добровольцев с Георгиевскими крестами на груди. Одеты все с иголки в бешметы и кубанки.

Формировалась она по инициативе И. В. Сталина и под его личным наблюдением. Он вызывал к себе П. И. Метельникова, слушал его доклад о ходе формирования. Использовать пластунов можно было только с разрешения Ставки» (215).

«Багратион»

«Генеральный штаб предложил Ставке разделить Западный фронт на два и тем приблизить управление к войскам, сделать его более действенным. Одновременно предлагалось усилить оба новых фронта резервами.

Верховный Главнокомандующий запросил на этот счёт мнение ряда командующих фронтами и с некоторыми из них имел личный разговор по ВЧ. Такая беседа состоялась, в частности, с командующим Белорусским (впоследствии 1-м Белорусским) фронтом генералом армии К. К. Рокоссовским, войска которого находились на бобруйском направлении» (227).

«Оборона рассматривалась Генеральным штабом не как самоцель, а как вынужденная мера, которая позволит нам хорошо подготовиться к решительному наступлению. Предполагалось также, что переход к обороне на всём советско-германском фронте в сочетании с оперативной маскировкой дезорганизует противника относительно истинных намерений советского командования.

В середине апреля, при первом докладе этого предложения в Ставке, И. В. Сталин с ним не согласился. Он был настроен продолжать наступательные действия.

– Подумаем ещё, – сказал Верховный, хотя отлично знал, что многие командующие фронтами возражают против частных операций, как правило, мало успешных.

Только на следующий день И. В. Сталин дал согласие перейти к обороне на северо-западном и западном направлениях. Ди-

рективы на сей счёт были отданы 17 и 19 апреля. В отношении же остальных фронтов Верховный Главнокомандующий приказал не спешить и, как он выразился, «переводить их в оборону постепенно», по мере приостановки наступления» (229 – 230).

«К 14 мая разработка Белорусской операции закончилась. Всё было сведено в единый план и оформлено в виде короткого текста и карты... Много размышляли, как назвать этот план, но до самого момента представления Верховному Главнокомандующему он так и не получил никакого наименования. И. В. Сталин предложил именовать его «Багратионом» в честь выдающегося нашего соотечественника, прославившего русское оружие в борьбе против иноземных захватчиков в 1812 году» (236).

«Доклады представителей Савки насторожили И. В. Сталина. Верховный Главнокомандующий запросил фронты, смогут они начать операцию в срок. А. М. Василевский ответил ему без обиняков: «Окончательный срок начала всецело зависит от работы железных дорог; мы со своей стороны сделали и делаем всё, чтобы выдержать установленные вами сроки».

Сталин, как видно, сумел воздействовать на транспортников. Не удовлетворявший фронты план железнодорожных перевозок был пересмотрен. Транспорт заработал, наконец, в более высоком темпе. Сосредоточение войск ускорилося. Однако срок начала операции пришлось всё же перенести с 19 на 23 июня» (259).

На прибалтийских фронтах

«И. В. Сталин очень пристально следил тогда за событиями на подступах к Прибалтике. Антонову и мне чаще обычного приходилось ездить к нему с докладом на «Ближнюю дачу». Однажды мы попали туда как раз в обеденное время (обедал Сталин в 9 – 10 часов вечера, а иногда и позже). Верховный быстро решил все вопросы и пригласил нас в свою столовую. Такое случалось не раз, и память моя зафиксировала некоторые любопытные детали...

Разговор во время обеда носил преимущественно деловой характер, касался тех же вопросов войны, работы промышленности и сельского хозяйства. Говорил больше Сталин. А остальные лишь отвечали на его вопросы. Только в редких случаях он позволял себе затрагивать какие-то отвлечённые темы.

Позже, уже в бытность мою начальником Генерального штаба, мне приходилось бывать за обеденным столом у Сталина не только в Москве, но и на юге, куда мы вызывались с докладами во время его отдыха. Неофициальный застольный ритуал оставался там точно таким же» (268).

«Командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков очень хотел при докладе плана операции (Свирско-Петрозаводской. – А. С.) в Ставке наглядно показать И. В. Сталину, какой сильный укрепленный район противника придётся сокрушать. С этой целью он привёз в Москву искусно выполненный макет местности и панорамные аэрофотоснимки. Так, думалось Кириллу Афанасьевичу, легко будет объяснить, какие тяжёлые предстоят бои, и выпросить у Верховного дополнительные силы, побольше материальных средств.

Мы, хорошо уже изучившие характер И. В. Сталина, пытались убедить Мерецкова, что тащить эти материалы в Кремль не следует: Верховный не любил лишних атрибутов и терпеть не мог прогнозов за противника. Член Военного совета фронта генерал-лейтенант Т. Ф. Штыков был на нашей стороне. Однако командующий не согласился.

В Ставке Кирилл Афанасьевич усугубил эту ошибку: свой макет и фотографии он стал демонстрировать до изложения сути плана операции. И. В. Сталин слушал его, прохаживаясь, по обыкновению, вдоль стола. Потом вдруг остановился и резко прервал Мерецкова:

– Что вы нас пугаете своими игрушками? Противник, по-видимому, загипнотизировал вас своей обороной... У меня возникает сомнение, можете ли вы после этого выполнить поставленную задачу.

И тут Мерецков подлил масла в огонь: отложив «игрушки» в сторону, он сразу же стал просить тяжёлые танковые полки и

артиллерию прорыва. Это уже совсем взвинтило Сталина. Последовала новая резкая реплика:

– Думаете, напугали и мы откроем вам кошель?.. А мы не из пугливых.

Верховный не дал командующему закончить доклад и приказал Генеральному штабу ещё раз разобраться с планом предстоящей операции и определить необходимые для неё силы и средства. На другой день тот же план докладывался вторично, но уже в обычном порядке. Сталин не перебивал, почти не сделал замечаний и даже дал некоторые дополнительные средства для прорыва обороны противника. А когда мы уходили из его кабинета, напутствовал Мерецкова такими словами:

– Желаю вам удачи! Сами напугайте противника, а не поддавайтесь ему...» (280 – 281).

«6 июля Верховный Главнокомандующий отдал 3-му Прибалтийскому фронту директиву на предстоящую операцию. А примерно через два дня после этого, при очередном нашем докладе в Ставке, мы услышали от Сталина следующее:

– Никто ни разу не был у Масленникова. Командующий это молодой, штаб там тоже молод, и, значит, опыта у них пока недостаточно. Надо было бы посмотреть на месте, как идут дела, помочь им спланировать и подготовить операцию по овладению Псковом и Островом. Я думаю, пусть туда поедет Штеменко. Справитесь? – повернулся Верховный ко мне.

– Постараюсь, товарищ Сталин.

– Возьмите с собой опытных артиллериста и авиатора. Танков у этого фронта мало, танкист не потребуется.

С минуту подумав, Сталин добавил:

– Хорошо, если бы с вами поехали Яковлев и Ворожейкин.

Так получил я благословение на первую самостоятельную поездку в качестве представителя Ставки» (282).

«К Мемельской операции И. В. Сталин проявил повышенное внимание. Он лично вёл переговоры с А. М. Василевским по всем вопросам, связанным с нею: определял состав потребных сил, порядок перегруппировок, заботился о скрытности маневра. Существовали сомнения в отношении её внезапности. Однако,

взвесив все данные, какими располагал Генеральный штаб, Ставка сочла момент вполне благоприятным... И. В. Сталин лично ориентировал А. М. Василевского и И. Х. Баграмяна, что уничтожение неприятельских войск, отрезанных между Восточной Пруссией и Ригой, будет проводиться силами двух взаимодействующих фронтов – 1-го и 2-го Прибалтийских» (297).

Последняя кампания

«Через несколько дней Верховный Главнокомандующий определил, что войска, которые будут брать столицу Германии Берлин, возглавит его первый заместитель Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. 16 ноября 1944 года Георгий Константинович был назначен на пост командующего 1-м Белорусским фронтом. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский перемещался отсюда на 2-й Белорусский фронт и сменял там Г. Ф. Захарова. Сталин лично известил их об этом по телефону.

Координацию действий всех четырёх фронтов на берлинском направлении Верховный Главнокомандующий взял на себя» (313).

«15 февраля Верховный Главнокомандующий потребовал от Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского доложить соображения относительно дальнейших действий. Рокоссовский предложил развернуть до 24 февраля резервную 19-ю армию и 3-й гвардейский танковый корпус на левом крыле 2-го Белорусского фронта, с тем, чтобы нанести отсюда сосредоточенный удар в направлении Кезлина, выйти на побережье Балтийского моря, разрезав померанскую группировку противника и облегчив там самым её последующее уничтожение.

Жуков намеревался силами правого крыла 1-го Белорусского фронта отбросить противника, перерезать его коммуникации на запад и тем помочь своему соседу быстрее выдвинуться к Штеттину. Начать эту операцию намечалось 19 февраля.

И. В. Сталин с предложением командующих согласился, и фронты приступили к практической подготовке задуманных операций» (325).

«У нас в Генеральном штабе к тому времени были уже разработаны все основные соображения по Берлинской операции... как только обнаружались первые симптомы поползновений союзников на Берлин, последовал немедленный вызов в Москву Г. К. Жукова и И. С. Конева.

31 марта Генеральный штаб рассмотрел совместно с ними замысел дальнейших действий фронтов. Маршал Конев очень разволновался при этом по поводу разграничительной линии с 1-м Белорусским фронтом, ведь она не давала ему возможности для удара по Берлину. Никто, однако, в Генштабе не смог снять это препятствие.

На следующий день 1 апреля 1945 года Берлинская операция обсуждалась в Ставке. Было подробно доложено об обстановке на фронтах, о действиях союзников, их замыслах. Сталин сделал отсюда вывод, что Берлин мы должны взять в кратчайший срок; начинать операцию нужно не позже 16 апреля и всё закончить в течение 12 – 15 дней. Командующие фронтами с этим согласились и заверили Ставку, что войска будут готовы вовремя.

Начальник Генерального штаба счёл необходимым ещё раз обратить внимание Верховного Главнокомандующего на разграничительную линию между фронтами. Было подчёркнуто, что она фактически исключает непосредственное участие в боях за Берлин войск 1-го Украинского фронта, а это может отрицательно сказаться на сроках выполнения задач. Маршал Конев высказался в том же духе. Он доказывал целесообразность нацелить часть сил 1-го Украинского фронта, особенно танковые армии, на юго-западную окраину Берлина.

Сталин пошёл на компромисс: он не отказался полностью от своей идеи, но и не отверг начисто соображений И. С. Конева, поддержанных Генштабом. На карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разгранлинии, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довёл её до населённого пункта Люббен (в 60 километрах к юго-востоку от столицы) и оборвал.

– Кто первый ворвётся, тот пусть и берёт Берлин, – заявил он нам потом.

Генштаб был доволен таким оборотом дела. Эта проклятая разгранлиния не давала нам покоя более двух месяцев. Не возражал и маршал Конев. В тот же день Сталин подписал директиву командующему войсками 1-го Белорусского фронта об операции по овладению Берлином и выходе до конца месяца на Эльбу» (329 – 330).

Разгром Квантунской армии

«Только на исходе сентября 1944 года, после очередного доклада в Ставке, мы получили от Верховного задание подготовить расчёты по сосредоточению и обеспечению войск на Дальнем Востоке.

– Скоро, видимо, потребуется, – заключил Сталин этот короткий и как бы мимолётный разговор.

Такие расчёты в начале октября были сделаны, а в середине того же месяца Сталин впервые воспользовался ими при переговорах с Черчиллем и Иденом, прибывшими в Москву.

Мне лично в тот раз довелось видеть премьер-министра Великобритании лишь однажды. Случилось это вечером, когда мы с генералом А. И. Антоновым явились на обычный доклад в Ставку. Ещё в приёмной нас предупредили, что у Сталина Черчилль и что Верховный распорядился, чтобы мы заходили, как только прибудем.

Черчилль со Сталиным сидели в креслах друг против друга и оба нещадно дымили: один – толстой сигарой, другой – неизменной трубкой. За письменным столом расположился переводчик.

Сталин представил нас и сказал, что господин Черчилль хочет послушать доклад об обстановке на фронтах. Антонов сделал такой доклад, но с некоторыми отступлениями от порядка, принятого в Ставке... Черчилль подошёл к столу, внимательно рассмотрел разложенные на нём карты и задал только один вопрос: сколько войск у немцев против Эйзенхауэра. Алексей Иннокентьевич ответил.

После этого нас отпустили, но мы остались в соседней комнате в надежде, что Черчилль скоро уедет и нам удастся доложить на подпись Верховному некоторые неотложные документы. Минут через двадцать такая возможность действительно представилась. Перед нашим уходом Сталин вызвал Поскребышева и распорядился:

– Виски и сигары, которые подарил мне Черчилль, отдайте военным. – Затем, обращаясь к нам, добавил: – Попробуйте, наверно, это неплохо.

Когда мы садились в машину, ящик с виски и коробка сигар находились уже там» (334 – 335).

Победителям и героям

«Салюты с энтузиазмом были восприняты не только населением столицы, но и войсками действующей армии. По несколько раз в день нам звонили с фронтов и требовали салютов чуть ли не за каждый взятый населённый пункт. Возникла необходимость провести какую-то градацию... В дальнейшем Генштаб разработал, а Верховный Главнокомандующий утвердил три категории салютов: 1-я категория – 24 залпа из 324 орудий, 2-я – 20 залпов из 224 орудий, 3-я – 12 залпов из 124 орудий. Разрешение на каждый салют давалось лично Верховным... Приказ готовился Оперативным управлением, причём вступительная его часть, характеризовавшая действия войск, или, как мы тогда говорил «шапка» приказа, обязательно докладывалась Верховному Главнокомандующему. Обычно это делалось по телефону, и так же согласовывалась категория салюта... Поправлялись «шапки» только изредка, чаще всего с исторических позиций. Например, в приказ от 27 января 1945 года, отдававшийся по случаю прорыва обороны противника в районе Мазурских озёр, Верховный добавил фразу: «считавшейся у немцев со времён первой мировой войны непреступной системой обороны». Тем самым подчёркивалась значимость одержанной победы» (384 – 385).

«Приказы писались очень тщательно. Верховный Главнокомандующий сам следил за этим и не прощал оплошностей. Однажды он распорядился, чтобы при упоминании городов, когда-то переименованных, обязательно писалось в скобках старое название, например: Тарту (Юрьев, Дерпт)...

С Верховным мы имели принципиальную договорённость буквально по всем деталям благодарственного приказа. И всё-таки из-за спешки при подготовке текста оплошности иногда встречались. Помню, в частности, такой случай. Однажды во время нашего доклада в Ставке позвонил Конев и сообщил прямо Сталину об освобождении какого-то крупного населённого пункта. Было уже около 22 часов, но Верховный Главнокомандующий распорядился дать салют в тот же день. На все приготовления у нас оставалось не более часа.

Я тут же написал «шапку» приказа. Она была утверждена. После этого из соседней комнаты, где стояли телефоны, позвонил сначала Грызлову о немедленной передаче мне нумерации войск и фамилии командиров, затем на радио Пузину – о предстоящей передаче приказа и, наконец, коменданту города – о салюте. «Шапку» занёс машинисткам и сел монтировать остальную часть приказа, пользуясь своей рабочей картой и имевшимся у меня списком командиров. Примерно через полчаса мы с Грызловым сверили наши данные, я опять пошёл в машбюро, продиктовал недостающую часть текста, отослал приказ на радио и, вернувшись в кабинет Верховного, доложил, что всё готово, в 23 часа салют будет.

– Послушаем, – сказал Сталин и включил неказистый круглый динамик на своём письменном столе.

По радио приказ всегда читался с таким расчётом, чтобы не более чем через минуту по окончании чтения грохотал салют. Так было и на этот раз. Своим торжественным неповторимым голосом Ю. Б. Левитан начал:

– Командующему 1-м Украинским фронтом! Войска 1-го Украинского фронта в результате...

В этот миг Сталин вдруг закричал:

– Почему Левитан пропустил фамилию Конева? Дайте мне текст! В тексте фамилия Конева отсутствовала. И виноват в этом был я: когда готовил «шапку», заголовок написал сокращённо – «Ком 1УФ», упустив, что имею дело не с генштабовскими машинистками. У нас, в Генеральном штабе, они сами развёртывали заголовки.

Сталин страшно рассердился:

– Почему пропустили фамилию командующего? – спросил он, в упор разглядывая меня. – Что это за безымянный приказ?.. Что у вас на плечах?

Я промолчал.

– Остановит передачу и прочитать всё заново! – приказал Верховный.

Я бросился к телефону. Предупредил КП не давать залпов по окончании чтения приказа. Потом позвонил на радиостанцию, где Левитан уже кончал читать, и попросил, чтобы он повторил всё сначала, но обязательно назвал бы фамилию Конева.

Левитан почти без паузы начал читать приказ вторично, а я опять позвонил на КП и распорядился, чтобы давали теперь салют, как полагается. Всё это происходило на глазах Верховного Главнокомандующего. Он, казалось, следил за каждым моим движением и, когда мне удалось, наконец, исправить свою ошибку, сердито бросил:

– Можете идти...

Два дня я не ездил в Ставку, и по утрам Верховный не звонил мне, как обычно. Все вопросы, касающиеся Генштаба, он решал теперь только с Антоновым.

На третий день, когда А. И. Антонов поехал с очередным докладом в Ставку, поступило сообщение об освобождении войсками 2-го Украинского фронта какого-то крупного населённого пункта. Мы, как обычно, спешно подготовили шапку благодарственного приказа. Я позвонил Поскребышеву и попросил доложить её Антонову. И почти тотчас же мне позвонил Алексей Иннокентьевич:

– Приезжайте с приказом сами...

Через несколько минут я входил в кабинет Верховного.

– Читайте, – приказал он. – Фамилию не пропустили?

Я прочитал и получил разрешение передать приказ в эфир. Стой поры опять всё пошло по-прежнему.

«Салютные приказы», как мы их называли, день ото дня доставляли нам всё больше хлопот. Мы едва успевали писать их. Иногда бывало так, что в радиостанцию приказ доставлялся частями. Ю. Б. Левитан читал вторую страницу, а третью ещё везли ему. Но и Левитан, и мы как-то выходили из положения. Всё заканчивалось хорошо, и вдруг – новая осечка.

Произошла она в самом конце войны, когда дали уже салют за взятие Берлина. В приказе по этому случаю не упомянули фамилию генерал В. В. Новикова. То ли штаб фронта не назвал его, то ли ошиблись мы в Генштабе, но объективно получилось так, что 7-й танковый корпус вроде бы непричастен к овладению столицей Германии. На следующий день В. В. Новиков прислал телеграмму на имя Верховного Главнокомандующего, высказал в ней своё возмущение.

Верховный Главнокомандующий очень бранился. Употребил по нашему адресу несколько нелестных эпитетов. Высказал предположение, что Генштаб, видимо, пропускал фамилии и других командиров. А в конечном счёте последовало распоряжение: издать для Новикова отдельный приказ, переслать ему лично, но по радио не передавать и виновных наказать. 4 мая Сталин сам подписал этот приказ за № 11080. В нём говорилось:

«7 гв. танковый корпус генерал-майора танковых войск Новикова, как ошибочно не попавший в приказе Верховного Главнокомандующего в список соединений, участвовавших в овладении Берлином, дополнительно включить в приказ и представить части корпуса к присвоению наименования Берлинских и к награждению орденами».

В. В. Новиков, видимо, был удовлетворён. Но нам это принесло неприятности – наказали нескольких человек» (388 – 392).

«Через несколько дней после подписания победного приказа Верховный Главнокомандующий приказал нам продумать и доложить ему наши соображения о параде в ознаменование победы над гитлеровской Германией.

– Нужно подготовить и провести особый парад, – сказал он. – Пусть в нём будут участвовать представители всех фронтов и всех родов войск. Хорошо бы также, по русскому обычаю, отметить победу за столом, устроить в Кремле торжественный обед. Пригласим на него командующих войсками фронтов и других военных по предложению Генштаба. Обед не будем откладывать; чтобы его подготовить, хватит дней десять – двенадцать...

24 мая, как раз в день торжественного обеда, мы доложили всё это Сталину. Наши предложения он принял, но по срокам подготовки не согласился.

– Парад провести ровно через месяц – двадцать четвёртого июня, – распорядился Верховный и далее продолжил примерно так: – Война ещё не закончилась, а Генштаб уже на мирный лад перестроился. Потрудитесь управиться в указанное время. И вот что ещё – на парад надо вынести гитлеровские знамёна и с позором повергнуть их к ногам победителей. Подумайте, как это сделать... А кто будет командовать парадом и принимать его?

Мы промолчали, зная наверняка, что он уже решил этот вопрос и спрашивает нас так, для проформы. К тому времени мы уже до тонкостей изучили порядки в Ставке и редко ошибались в своих предположениях. Не ошиблись и на сей раз. После небольшой паузы Верховный объявил:

– Принимать парад будет Жуков, а командовать – Рокоссовский» (394 – 395).

С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. – М., 1973.

Ещё раз о делах и людях Генерального штаба

«В 1942 г., когда отдел прочно стал на ноги и приобрёл некоторый опыт работы, по указанию И. В. Сталина был разработан проект Боевого устава пехоты. Разрабатывался он

по его же указанию своеобразно. В Москве были сделаны первоначальные наброски устава, затем несколько групп командиров выехали на фронты. И там при участии специально выделенных наиболее способных и опытных командиров рот, батальонов и полков проект устава был окончательно написан.

Для рассмотрения проекта устава в центре была создана особая комиссия, которая ещё раз его просмотрела и внесла свои последние поправки. Затем устав в течение двух дней рассматривался на заседании Ставки с приглашением с фронтов командиров разных степеней – от роты до дивизии включительно. Только после этого 9 ноября 1942 г. нарком обороны утвердил устав и ввёл его в действие

И. В. Сталин понимал, как важно развивать инициативу командного состава, его умение правильно принимать решение в любой, в том числе и самой сложной обстановке, какую ни один устав предусмотреть не в состоянии. Поэтому в своём приказе, вводящем устав в действие, он внёс пункт 4, дающий возможность боевого творчества и широкой инициативы командиров. В нём было записано: «Указания устава надлежит изменять строго сообразуясь с обстановкой».

Метод разработки уставов с привлечением опытных командиров из войск и специалистов, которые давали весьма ценные рекомендации, прочно укрепился и применяется по сей день. Хотя и не все уставы рассматривались в Ставке, но докладывали о них обязательно.

В этой связи позволю себе рассказать читателям об одном поучительном эпизоде. Как-то в начале декабря 1944 г. при очередном докладе обстановки Верховный Главнокомандующий спросил, как работает новое управление по изучению опыта войны. А. И. Антонов доложил, что работает, дескать, нормально, люди стараются и часто бывают на фронтах, сборники мы вам представляем.

– А по-моему, – заметил И. В. Сталин, – работает оно плохо, а вы за ними не следите. Известно ли Генштабу и управлению, что в этом году изданы два артиллерийских устава – и оба с

серьёзными нарушениями установленных правил и порядка в этом деле?

Мы с Антоновым переглянулись. Я ничего не знал и решил молчать. Антонов тоже замялся. Тогда Верховный Главнокомандующий, не дожидаясь ответа, потребовал тщательно разобраться, всё проверить и через два дня ему доложить.

Оказалось, что без ведома Ставки командующим артиллерии Красной Армии маршалом артиллерии Н. Н. Вороновым были разработаны и представлены на утверждение два устава: 29 мая 1944 г. – Боевой устав зенитной артиллерии, а 18 октября того же года – Боевой устав артиллерии Красной Армии. Оба устава были утверждены Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым.

В назначенный день наш доклад по обстановке на фронтах и по «делу об уставах» начался сразу после заседания Политбюро. И. В. Сталин долго ходил по кабинету и, обращаясь к членам Политбюро, сказал:

– Надо по этому случаю издать приказ. Генштабу, наверное, неудобно писать про двух больших начальников, поэтому мы сами напишем.

29 мая 1944 года, – начал диктовать И. В. Сталин, – Главным маршалом артиллерии тов. Вороновым был представлен на утверждение зам. Наркома маршала Жукова без предварительного одобрения со стороны Ставки Верховного Главнокомандования Боевой устав зенитной артиллерии Красной Армии (две части).

Затем, посмотрев в уставы, лежащие у него на столе, продолжил:

– 18 октября 1944 года, также без представления и без доклада Ставке Верховного Главнокомандования, тов. Вороновым был внесён на утверждение маршала Жукова Боевой устав артиллерии Красной Армии.

Маршалом Жуковым без достаточной проверки, без вызова и опроса людей с фронта и без доклада Ставке указанные уставы были утверждены и введены в действие.

Немного помедлив, Сталин продолжал:

– Проверка показала, что эти уставы в связи с поспешностью, допущенной при их утверждении, имеют серьёзные пробелы, они не учитывают ряда новых систем орудий и не увязаны с планом принятия уставов артиллерии Красной Армии.

Нужно сказать, что Верховный Главнокомандующий обычно пояснял причину, которая вызывает необходимость того или иного приказа. Так он поступил и сейчас:

– Народный комиссариат обороны исходит из того, что устав – это не приказ, имеющий силу на короткий срок. Устав – это свод законов для Красной Армии на годы. Поэтому требуется перед утверждением устава тщательная его проверка с вызовом товарищей с фронта. В таком порядке был утверждён Боевой устав пехоты. В таком же порядке надо было вести работу при представлении на утверждение и этих уставов, чтобы не допустить ошибок и чтобы попусту не наказывать потом военнослужащих из-за нарушения дефектных уставов. Приходится установить, что тов. Воронов пренебрег этим методом выработки и представления на утверждение уставов, а маршал Жуков забыл о нём...

Теперь наступила очередь заключительной части приказа. Все присутствующие внимательно слушали. И. В. Сталин ровно произнёс:

– В связи с этим... – И затем, чуть помедлив, словно подчёркивая смысл, продиктовал: – Первое. Отменяю, – опять посмотрел в уставы, где были проставлены номера приказов, – приказы № 76 и 77 от 29 мая 1944 года и 209 от 18 октября 1944 года заместителя Наркома обороны СССР маршала Жукова об утверждении и введении в действие Боевого устава зенитной артиллерии и Боевого устава артиллерии Красной Армии.

Второе. Ставлю на вид Главному маршалу артиллерии товарищу Воронову несерьёзное отношение к вопросу об уставах артиллерии.

Третье. Обязываю маршала Жукова впредь не допускать торопливости при решении серьёзных вопросов.

П р и к а з ы в а ю.

Для просмотра и проверки указанных выше уставов образовать комиссии:

а) по просмотру и проверке Боевого устава зенитной артиллерии;

б) комиссию по просмотру и проверке Боевого устава артиллерии.

Заместителю Народного комиссара обороны СССР товарищу Булганину определить состав комиссий и представить мне на утверждение.

Настоящий приказ разослать всем командующим фронтами (округами), армиями, начальникам главных и центральных управлений и командующим родов войск Наркомата обороны СССР...

Мы, да и все другие, кого это касается, запомнили этот урок навсегда» (18 – 21).

Освобождение Румынии

«После разгрома противника, окружённого под Яссами и Кишинёвом, Генштаб пустил в ход свою синюю папку, где находились обычно дела не столь спешные, но, как и другие, важные, в том числе представления к наградам и воинским званиям. Блестящая победа, одержанная 2-м и 3-м Украинскими фронтами, давала к тому повод. При рассмотрении этого вопроса И. В. Сталин сказал, что Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин достойны высшего воинского звания – Маршал Советского Союза.

– К тому же при восстановлении государственной границы СССР командующим фронтами это звание нужно присваивать, – добавил Верховный Главнокомандующий. Он был очень доволен успехами фронтов...

Бывали и другие случаи присвоения высоких воинских званий – прямо скажем, необычные. 16 ноября 1943 г. командующий 11-й гвардейской армией генерал-полковник И. Х. Баграмян по приказу И. В. Сталина был вызван в Москву. Явившись к А. И. Антонову, Иван Христофорович, конечно, поинтересовался причиной вызова.

– «Хозяин» не любит вперёд выкладывать свои мысли, по-едем в Ставку – узнаешь, – ответил Алексей Иннокентьевич.

На следующую ночь в урочный час доклада обстановки на фронтах Верховному Главнокомандующему мы втроем – Антонов, Баграмян и я – поехали к Сталину. В то время советские войска вели широкое наступление на всём фронте от Финского залива до Чёрного моря. В Прибалтике, однако, успехи достигались медленно, противник, ожесточённо сопротивляясь, сумел создать там равновесие сил. И. В. Сталин был один и в хорошем настроении.

– Что нового? – спросил он Антонова.

– По сравнению дневным докладом существенных изменений в обстановке не произошло, – доложил Алексей Иннокентьевич.

И. В. Сталин кивнул головой и обратился к Баграмяну.

– На прибалтийских фронтах дела у нас идут неважно, – сказал он, – наступление там затормозилось. Нельзя наступать везде, как иногда думают некоторые.

После небольшой паузы он продолжал:

– Поэтому мы предпринимаем сейчас ряд мер, чтобы выправить положение. Усиливаем 1-й Прибалтийский фронт за счёт соседа справа. Но этого, очевидно, мало. Ваша армия сильная и неплохо зарекомендовала себя. Думаем и её отдать Ерёменко...

Он опять помолчал и только затем, обращаясь к Ивану Христофоровичу, закончил мысль:

– А вас хотим назначить командующим фронтом вместо него. Как вы на это смотрите?

Иван Христофорович немного растерялся и, чуть помедлив, промолвил:

– Благодарю за доверие, товарищ Сталин, постараюсь его оправдать.

– Ну вот и хорошо. А на армию вместо вас поставим тоже опытного командующего – Чибисова. – И, не торопясь, Сталин пошёл к столу набивать трубку.

– А зовут его Никандр, что значит «герой-победитель», – воспользовавшись паузой, сказал А. И. Антонов о Чибисове.

Попыхтев несколько раз трубкой, пока табак разгорался, И. В. Сталин обернулся к молчавшему Баграмяну.

– Что же вы молчите? – сказал он. – Или имеете что против Чибисова?

И. Х. Баграмян еще более смутился, но потом ответил:

– Нет, товарищ Сталин, что вы, ничего не имею... Это опытный командир. Когда он был генерал-лейтенантом, я был всего-навсего полковником. А теперь Чибисов уже генерал-полковник и Герой Советского Союза. Я буду с ним чувствовать себя как-то неудобно... Нельзя ли командармом назначить кого-нибудь другого, ну, например, генерал-лейтенанта Галицкого?

И. В. Сталин внимательно посмотрел на И. Х. Баграмяна.

– Будь по-вашему... Подготовьте директиву о назначении Баграмяна и Галицкого, – коротко бросил он нам и, подойдя к торцу стола, нажал кнопку. Вошёл А. Н. Поскребышев.

– Подготовьте постановление Совнаркома о присвоении звания генерала армии Баграмяну, – сказал ему Сталин.

Поскребышев сделал заметку в блокноте, но не ушёл, зная манеру И. В. Сталина отдавать распоряжения не спеша. И. В. Сталин опять помолчал и снова отправился к письменному столу, чтобы разжечь потухшую трубку.

– А Штеменко не легче будет работать, если мы ему присвоим звание генерал-полковника? – раскурив трубку, спросил он Антонова.

– Конечно, легче, товарищ Сталин, – ответил тот, – ведь ему приходится иметь дело даже с маршалами и он часто бывает на фронтах.

– По-моему, надо ещё Говорову присвоить звание генерала армии. Ему в Ленинграде тоже нелегко.

Мы промолчали.

– Подготовьте постановление на всех троих, – сказал Верховный Главнокомандующий Поскребышеву.

Тот кивнул и теперь уже исчез за дверью.

– Поздравляю Вас! – обращаясь ко мне и Баграмяну, продолжил И. В. Сталин. – Ну а теперь – досвидания: у нас сейчас заседание ГОКО.

По приезде в Генштаб зашли к Антонову.

– Давайте по этому случаю поужинаем вместе, – предложил он нам.

Мы прошли в комнату за кабинетом, где Алексей Иннокентьевич обычно отдыхал. Он тут же снял погоны генерала армии со своего второго кителя, висевшего в шкафу, и вручил их Ивану Христофоровичу, а Баграмян снял свои погоны и дал их мне. Надев погоны и облачившись в кителя, мы сели ужинать. У Алексея Иннокентьевича нашлась даже бутылка сухого вина» (151 – 154).

Слово о штабах

«Вот пример, к чему может привести небрежная работа штабника. Как-то в одном из итоговых донесений за день, полученных с Воронежского фронта, было написано, что в результате успешной контратаки наших войск захвачено 100 орудий противника. Это донесение было принято по телеграфу начальником направления, перепечатано на машинке, заверено и, как положено, представлено в Ставку. Утром И. В. Сталин по телефону спросил меня:

– Захвачены ли вместе с орудиями снаряды?

Я не знал. Он сказал:

– Поинтересуйтесь и доложите.

Срочно связался с начальником штаба фронта. Он тоже не знал и обещал немедленно выяснить и позвонить. А время шло. Часа через два Верховный Главнокомандующий позвонил снова и добавил:

– Если есть снаряды, то можно из захваченных фронтом орудий сформировать чуть ли не двадцать батарей. Так или нет?

Подтверждаю, что так. А он спрашивает:

– Не удалось выяснить, сколько снарядов?

– Пока нет, – отвечаю.

Он бросил трубку, явно, чувствую, недовольный. Опять связался начальником штаба фронта. На этот раз от него узнаю,

что захвачено не 100, а всего 10 орудий, из них 6 разбитых и только 4 исправных; кто донёс и почему так произошло – штаб разбирается.

Скандал был налицо. Я немедленно пошёл к А. И. Антонову и доложил ему о последнем разговоре с начальником штаба.

– Ну, будет буря, – сказал Алексей Иннокентьевич. – Давайте сами звонить Сталину не станем: лучше доложим лично вечером. А если уж спросит – придется отвечать как есть...

До вечера звонка не было, а при очередном докладе в Кремле Верховный Главнокомандующий сам напомнил об этих злополучных орудиях. Как и предполагали, была буря: нам пришлось выслушать в свой адрес и по поводу штабов вообще очень много разных весьма выразительных слов о безответственности, халатности в работе, ротозействе, головотяпстве, отсутствии контроля. В конце концов А. И. Антонову было приказано лично дело расследовать и о виновных в искажении доложить.

Выяснилось, что в донесении Военного совета фронта было написано 10 орудий, а когда передавали по аппарату «Бодо», то телеграфисты цифру исказили и передали 100. Алексей Иннокентьевич доложил об этом и сказал, что приняты строгие меры контроля с целью не допускать впредь таких ошибок. Виновных не назвал.

Сталин посопел трубкой, прошёлся вдоль стола с картами и сказал:

– Девчонок с телеграфа надо, конечно, предупредить, чтобы были внимательней... Но что с них возьмёшь: они в содержании телеграмм не разбираются. А вот оператор, который принимал донесение, обязан был проверить подлинность цифры. Это ведь не две пушки, и не каждый день мы захватываем сразу такое количество орудий, а, пожалуй, первый раз с начала войны...

Он долго ещё говорил на эту тему, а затем спросил у меня:

– А кто принимал донесение из операторов?

Я ответил, что у аппарата был сам начальник направления.

– Вот его и снять! Назначить на менее ответственную работу, а не в Генштабе» (289 – 291).

« Сам И. В. Сталин выезжал на фронт лишь в начале августа 1943 года. Тогда шла подготовка Смоленской наступательной операции силами Калининского и Западного фронтов. Утром 5 августа И. В. Сталин был в селе Хорошево под Ржевом, где на КП Калининского фронта встретился с его командующим генералом А. И. Ерёменко... В этот день были освобождены Орёл и Белгород. Сталин с фронта звонил в Генштаб, попал как раз на меня и приказал готовить благодарственный приказ. «Как вернуться, – сказал он, – приезжайте с Антоновым в Ставку, решим, как отметить эту победу».

Чаще выезжать на фронты Верховный Главнокомандующий, на наш взгляд, и не мог. Было бы непростительным легкомыслием хоть на время оставлять общее руководство и решать частную задачу на каком-то одном фронте.

Верховный Главнокомандующий выезжал также на Тегеранскую, Ялтинскую и Потсдамскую конференции. Но при этом он никому не передавал руководство боевыми действиями на фронтах. Нам представляется, что в суровых условиях войны это было правильным решением, и всегда Верховный Главнокомандующий был тесно связан с действительностью войны. Питали его живыми фактами другие лица, с которых он жёстко требовал и не давал засиживаться в Москве.

Вместе с тем И. В. Сталин считал, что теоретически подготовленные штабные командиры должны постоянно пополнять ряды практиков» (314 – 315).

Направление второстепенное

«В конце марта 1944 г., когда Генштаб развернул работу над планами операций на северном фланге советско-германского фронта, в Москве стояли погожие весенние дни... Работы, понятно, было по горло, и нам не удавалось даже вдохнуть живительный воздух весны полной грудью. Я был счастливее моих

товарищей, поскольку каждый день с А. И. Антоновым совершал недолгие поездки на автомашине в Кремль да более продолжительные – на «ближнюю» дачу И. В. Сталина в Кунцево.

Выезжать к Верховному Главнокомандующему мне приходилось иногда и в одиночку, поскольку И. В. Сталин нередко интересовался состоянием работы над той или иной операцией или требовалось срочно заменить карты, которые лежали у него на столе.

Вот так было и в конце марта. А. И. Антонов передал мне приказание И. В. Сталина через три часа прибыть на «ближнюю». «Хозяин» хочет ещё раз посмотреть карты с замыслом операций на северном фланге, – добавил он, – свезите их ему». Я собрал нужные материалы, внимательно просмотрел их и к назначенному времени отправился в Кунцево. По пути ещё раз продумал соображения Генштаба, которые Верховный Главнокомандующий в основном уже одобрил» (382).

«Прихожая была пуста. Стояла глубокая тишина. Я открыл дверь в столовую. Никого... Потоптался на месте, кашлянул в кулак, чтобы привлечь к себе внимание обитателей дома. Опять никого... Вот тебе и вызов для доклада! Не было ещё случая, чтобы И. В. Сталин не принимал человека, если вызывал к себе.

Неожиданно открылась дверь направо, ведшая в коридор, и появилась фигура в овечьем тулупе до пят с высоко поднятым воротником. Из-под полы тулупа виднелись поднятые вверх носы больших чёрных валенок, подшитых толстым войлоком. Фигура, от которой исходил крепкий запах леса, хлопнула рукавами тулупа и сказала голосом И. В. Сталина: «Сейчас, товарищ Штеменко, пройдите в кабинет. Я буду через минуту...»

Теперь всё стало ясно: Сталин имел обыкновение отдыхать в зимние дни на веранде. Он лежал там в валенках, меховой шапке-ушанке, плотно завернувшись в широкий овчинный тулуп. Оказывается я попал в такое время.

Вскоре Верховный Главнокомандующий в привычном сером костюме военного покроя, в мягких сапогах и с неизменной трубкой в руке уже слушал мой доклад. Просмотрев карты, он задал несколько вопросов относительно условий ма-

нёвра войсками и материальными средствами на северном фланге советско-германского фронта. Я ответил, не забывая, что И. В. Сталин хорошо знает театр ещё со времени советско-финской войны.

Верховный Главнокомандующий не перебивал, а потом, прохаживаясь по кабинету, стал рассуждать о последовательности операций советских войск. Я записывал в рабочую тетрадь смысл его рассуждений, который сводился к тому, что если Ленинградскому фронту предстояло провести несколько одно-временных операций на Карельском перешейке, то Карельскому фронту на огромных пространствах севера придётся проводить две такие операции, причём последовательно: против финнов, потом – против немецко-фашистских войск.

И. В. Сталин подошёл к камину, подбросил несколько поленьев в уже угасающее пламя. Затем он сказал, что нам, однако, нельзя ни в коем случае ослаблять северный участок Карельского фронта против 20-й Лапландской армии немцев. Нужно держать там наши войска в полной готовности к немедленному удару. Не давая врагу возможности сманеврировать чем-либо на юг. Теперь, на данной стадии войны, советское Верховное Главнокомандование может себе позволить такое резервирование сил. Мы в состоянии накопить войска и материальные средства, необходимые для успеха намеченной операции против финнов, другими путями, тем более, что в условиях бездорожья на северной местности любой манёвр является далеко не простым делом. К тому же и финны теперь уже не те, что ранее: они подорваны во всех отношениях и ищут мира» (385 – 386).

На последних рубежах в Европе

«После того как 16 апреля три наших фронта двинулись в наступление на столицу фашистской Германии, в руки командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Г. К. Жукова попали показания пленного о том, что противник получил задачу

решительно не уступать русским и биться до последнего человека, если даже в тыл немецких частей подойдут американские войска. Командующий доложил столь необычные сведения телеграммой И. В. Сталину. Об этом, конечно, немедленно узнал и Генштаб.

В то время доклады в Кремле по обстановке Берлинской операции приходилось делать по несколько раз в течение дня. Так было и 17 апреля, когда мы с А. И. Антоновым прибыли в Ставку с хорошими известиями об успешном штурме Зееловских высот. По ходу дела затронули и сообщение командующего фронтом.

– Нужно ответить товарищу Жукову, – сказал И. В. Сталин, – что ему, возможно, не всё известно о переговорах Гитлера с союзниками...

Он подождал некоторое время и, заметив, что Алексей Иннокентьевич и я приготовились записывать, продиктовал короткую телеграмму на 1-й Белорусский фронт. Указав, что получил сообщение Жукова, он продолжал: «Не обращайтесь на показания пленного немца. Гитлер плетёт паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину нужно разрубить путём взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать и мы это должны сделать» (418).

«Вскоре нас вызвали в Кремль... В кабинете И. В. Сталина кроме него самого мы застали членов правительства. Верховный Главнокомандующий, как обычно, медленно прохаживался вдоль ковровой дорожки. Весь вид его выражал крайнее неудовлетворение. То же мы заметили и на лицах присутствующих. Обсуждалась капитуляция в Реймсе. Верховный Главнокомандующий подводил итоги, размышляя вслух.

Он заметил, что союзники организовали одностороннее соглашение с правительством Денница. Такое соглашение больше похоже на нехороший сговор. Кроме генерала И. А. Сусларова, никто из государственных лиц СССР в Реймсе не присутствовал. Выходит, что перед нашей страной капитуляция не происходит, и это тогда, когда именно мы больше всего потер-

пели от гитлеровского нашествия и вложили наибольший вклад в дело победы, сломав хребет фашистскому зверю. От такой «капитуляции» можно ожидать плохих последствий.

– Договор, подписанный союзниками в Реймсе, – продолжал И. В. Сталин, – нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический факт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия: в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции. Пусть её подпишет кто-то из главарей бывшего фашистского государства или целая группа нацистов, ответственных за все их злодеяния перед человечеством...

По ходу разговора мы с Антоновым поняли, что И. В. Сталин и В. М. Молотов уже договорились с представителями союзников считать процедуру в Реймсе предварительной капитуляцией. Союзники согласились и с тем, что дело откладывать не следует, и назначили подписание акта о капитуляции по всей форме в Берлине на 8 мая.

Попутно было решено уполномочить Г. К. Жукова, как заместителя Верховного Главнокомандующего, подписать от имени СССР протокол о безоговорочной капитуляции Германии и назначить его на последующее время главнокомандующим в советской зоне оккупации» (441 – 442).

Размышление о труде полководческом

«И мне хотелось бы в данной главе, да простят меня читатели за вторичное отступление от исторических событий, использовать его, чтобы порассуждать о труде, уме, воле и других качествах полководца...

Итак, кто же такой полководец?

Русская военная энциклопедия времён первой мировой войны даёт такое определение: «Военный начальник, стоящий во главе крупного отряда войск, предназначенного для самостоя-

тельных и широких операций. Хотя это понятие и не имеет определённого содержания и невозможно установить точной границы, за которой военный начальник приобретает или теряет звание полководца, тем не менее, наличность стратегических действий в деятельности военного начальника является обязательным условием для придания ей характера полководчества...»

Большая Советская Энциклопедия: «Полководец – военный деятель, военачальник, руководящий вооружёнными силами государства или крупными оперативно-стратегическими объединениями войск, владеющий искусством подготовки и осуществления стратегических операций и творчески использующий опыт боевых действий для развития военного искусства. Значение полководца определяется его способностью найти и применить в определённой исторической обстановке такие способы ведения войны и военных действий, которые приводят к победе».

Из этих определений явствует, что полководец – это не должность и не чин. Полководцем становится тот военачальник, личные качества которого позволяют войскам под его руководством содействовать подвиги, одержать большие успехи и сделать заметный вклад в общую победу. Каждый полководец вносит что-то своё, присущее его характеру, дарованию, знаниям и опыту, в организацию и ведение сражений, операций и боёв...

Какие же качества необходимы полководцу? На этот счёт в разные времена давался и разный ответ. Однако всегда отмечалось, что ему присущи выдающийся ум, высокая общая эрудиция и хорошее знание военного дела, железная воля, решительность, упорство в достижении цели. Назывались также способность к разумному риску, развитое чувство предвидения, интуиция, научная фантазия, умение найти главное в цепи событий и быстро ориентироваться в них, особенно в момент принятия решения.

Естественно, полководцу нужны хорошая память, высокая работоспособность, обладание высокими моральными качествами. Огромное значение имеет авторитет полководца в

массах и способность его повести массы за собой. Нам кажется, что умение слушать других и доступность также являются качествами полководца» (451 – 454).

«Надо быть постоянно в курсе положения дел соседей, иначе можно упустить успех или провалить операцию, проиграть сражение или бой... В 1942 году мне пришлось иметь непосредственное отношение к операциям на кавказском направлении и лично наблюдать за тем, как Верховный Главнокомандующий в интересах разгрома противника на южном фланге советско-германского фронта систематически информировал командующего Закавказским фронтом генерала армии И. В. Тюленева и командующего Северной группой войск этого фронта генерала И. И. Масленникова о наших успехах под Сталинградом и о состоянии противника, требовал от них предельного напряжения сил.

А когда 11 декабря 1942 г. было замечено, что враг перебросил часть своих сил на север и ослабил себя на Северном Кавказе, И. В. Сталин отправил за Закавказье телеграмму: «Самовольный отход противника на северный берег Терека нельзя считать случайностью, – писал он. – Создалась, таким образом, благоприятная обстановка для наступления всех наших войск. Ваша задача состоит в том, чтобы не упускать момента и действовать посмелее» (461 – 462).

«И. В. Сталин на протяжении всей войны являлся Председателем Государственного Комитета Оборона и Верховным Главнокомандующим Вооружёнными Силами СССР. На этих постах проявились его высокие качества военного деятеля. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» характеризует его как человека, который владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов, руководил ими с полным сознанием дела, хорошо разбирался и в больших стратегических вопросах. Он отмечает природный ум Сталина, богатую интуицию, умение найти главное звено в стратегической обстановке. «Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим», – заключает Г. К. Жуков характеристику И. В. Сталина» (479).

«Продолжая эту мысль, добавим, что советские полководцы и гражданской и Великой Отечественной войн всегда пользовались любовью масс, большим уважением народа. Самым огромным авторитетом обладал И. В. Сталин. Это следует отнести в первую очередь за счёт признания заслуг Коммунистической партии, во главе которой он стоял.

Авторитет Сталина и уважение к нему народа были созданы партией и, конечно, подкреплялись личными качествами этого человека. В том, что авторитет в последние годы жизни Сталина принял уродливые формы культа личности, повинен, разумеется, сам Сталин. Хотя он и делал попытки протестовать против прославления его персоны, но они были недостаточны и не очень убедительными.

Например, в ответе И. В. Сталина на письмо видного советского военного историка полковника Е. Разина было такое замечание: «Резут слух дифирамбы в честь Сталина, – просто неловко читать».

Небезынтересен и другой эпизод, свидетелем которого был автор. Как-то, прибыв на доклад в Кремль, мы с А. И. Антоновым встретили в приёмной Сталина главного интенданта Красной Армии генерал-полковника П. И. Драчёва. Он был одет в пышную военную форму неизвестного нам покроя. Мундир был шит по модели времени Кутузова, с высоким стоячим воротником. Брюки же выглядели по-современному, но блистали позолоченными лампасами. Когда, удивлённые столь опереточным нарядом, мы остановились и посмотрели на странный костюм, Драчёв тихо сказал нам: «Новая форма для Генералиссимуса...»

В кабинете у Сталина находились члены Политбюро. Докладывал начальник тыла генерал армии А. В. Хрулёв. Закончив доклад, он попросил разрешения показать присутствующим новую военную форму. И. В. Сталин был в отличном настроении и сказал: «Давайте, вот и Генштаб посмотрит».

Дали знак в приёмную. Вошёл П. И. Драчёв. И. В. Сталин окинул его беглым взглядом и помрачнел. Видимо, он догадался, что это за форма.

– Кого это вы собираетесь так одевать? – спросил он А. В. Хрулёва, слегка кивнув головой в направлении главного интенданта.

– Это предполагаемая форма для Генералиссимуса, – ответил А. В. Хрулёв.

– Для кого? – переспросил Сталин.

– Для вас, товарищ Сталин...

Верховный Главнокомандующий велел Драчёву удалиться, а сам, не стесняясь присутствующих, разразился длинной и гневной тирадой. Он протестовал против особого возвышения его личности, говорил, что это неумно, что никак не ожидал этого от начальника тыла.

Кончилась эта затея тем, что формы Генералиссимуса так и не было создано. И. В. Сталин до конца дней своих носил маршальскую форму, как и все остальные маршалы.

Ещё раз, уже после войны, на заседании Высшего военного Совета, председателем которого был И. В. Сталин, а секретарём довелось быть мне, всем присутствующим пришлось выслушать выступление Сталина по вопросу скромности руководителей и недопустимости зазнайства и мании величия: на этом заседании рассматривалось письмо, поступившее на одного из видных военачальников.

Таким образом, И. В. Сталин, хотя и неоднократно высказывался как письменно, так и устно против зазнайства, отрыва руководителей от масс, нескромности, сам тем не менее решительно не пресекал непомерное возвеличивание своей личности» (499 – 500).

Вместо заключения

«Уже после войны, в один из летних дней 1949 г., на «ближней» даче у Сталина должен был обсуждаться вопрос укрепления противовоздушной обороны страны. Министр – А. М. Василевский – был в отпуске, и на заседание поехали В. Д. Соколовский, который оставался за министра, и автор этих строк,

бывший тогда начальником Генерального штаба... В ходе разговора И. В. Сталин вдруг спросил:

– А как думает молодой начальник Генерального штаба, почему мы разбили фашистскую Германию и принудили её капитулировать?..

Терпеливо выслушав меня до конца, И. В. Сталин заметил:

– Всё, что вы сказали верно и важно, но не исчерпывает всего объема вопроса. Какая у нас была самая большая численность армии во время войны?

– Одиннадцать миллионов человек с небольшим

– А какой это будет процент к численности населения?

Быстро прикинув в уме численность перед войной населения – 194 млн., я ответил: около 6 процентов.

– Правильно. Но это опять-таки не всё. Нужно учесть и наши потери в вооружённых силах, потому что убитые и погибшие от ран люди тоже входили в численность армии.

Учили и это.

– А теперь, – продолжал Сталин, – давайте подсчитаем, как обстояло дело у Гитлера, имевшего с потерями более чем 13-миллионную армию при численности населения в 80 миллионов человек.

Подсчитали. Оказалось – больше 16 процентов.

– Такой высокий процент мобилизации – это или незнание объективных закономерностей ведения войны, или авантюризм. Скорее, последнее, – заключил Сталин. – Опыт истории, общие законы ведения войны учат, что ни одно государство не выдержит столь большого напряжения: некому будет работать на заводах и фабриках, растить хлеб, обеспечивать народ и снабжать армию всем необходимым. Гитлеровский генералитет, воспитанный на догмах Клаузевица и Мольтке, не мог или не хотел понять этого. В результате гитлеровцы надорвали свою страну. И это несмотря на то, что в Германии работали сотни тысяч людей, вывезенных из других стран.

Немецкие правители дважды ввергали Германию в войну и оба раза терпели поражение, – продолжал Сталин, шагая по балкону. – Подрыв жизнеспособности страны в первой и вто-

рой мировых войнах был одной из причин их краха... А какой, между прочим, процент населения был призван кайзером в первую мировую войну, не помните?

Все промолчали. Сталин отправился в комнату и через несколько минут вышел с какой-то книгой. Он полистал её, нашёл нужное место и сказал:

– Вот, девятнадцать с половиной процентов населения, которое составляло в 1918 году 67 миллионов 800 тысяч.

Он захлопнул книгу и, снова обращаясь ко мне, сказал примерно следующее:

– Второе, о чём вы упомянули немного однобоко, – это о наших замечательных кадрах руководителей. Нужно казать, что они у нас были не только на фронте, но и в тылу. Нельзя забывать, что объективные возможности составляют лишь предпосылки победы. Они очень важны, но сами по себе не могут обеспечить разгром врага, если их не привести в действие и не использовать организованно. Роль организатора и руководителя принадлежит партии, только ей. Война – суровое испытание. Она выдвигает сильных, смелых, талантливых людей. Одарённый человек покажет себя в войне за несколько месяцев, на что в мирное время нужны годы. У нас в первые же месяцы войны проявили себя замечательные военачальники, которые в горниле войны приобрели опыт и стали настоящими полководцами.

И он начал на память перечислять фамилии командующих фронтами, армиями, партизанских вожakov.

– А в тылу? Разве смогли бы сделать другие руководители то, что сделали большевики? Вырвать из-под носа неприятеля целые фабрики, заводы, перевести их на голые места в Поволжье, за Урал, в Сибирь и в невероятно тяжёлых условиях в короткое время наладить производство и давать всё необходимое фронту! У нас выдвинулись свои генералы и маршалы от нефти, металлургии и транспорта, машиностроения и сельского хозяйства. Наконец, есть полководцы науки. О них тоже нельзя не сказать...

Не торопясь без запинки, он стал называть фамилии учёных, деятелей промышленности, сельского хозяйства. Потом, помолчав некоторое время, добавил:

– На Гитлера работали сотни тысяч людей, вывезенных в Германию и превращённых, по существу, в рабов. И всё-таки он не смог в достатке обеспечить свою армию. А наш народ сделал невозможное, совершил великий подвиг. Таков был итог работы коммунистов по строительству Советского государства и воспитанию нового человека... Вот вам и ещё одна причина нашей победы!» (504 – 508).

Вот что писали о военной деятельности И. В. Сталина авторы четырёх самых популярных в советское время мемуаров. Из этих книг я выбрал в основном всё.

Однако есть ещё один мемуарист, воспоминания которого хочу также дать практически полностью. Речь идёт о Главном маршале авиации А. Е. Голованове. Почему мной он отделён от той четвёрки военачальников, с воспоминаниями которых читатель уже познакомился? Дело в том, что Александр Евгеньевич подготовил рукопись к изданию ещё в советское время, но книга вышла лишь в 2004 году. И хотя её тираж по нынешним временам достаточно солидный, 7000 экземпляров, однако разошёлся он практически среди ветеранов и личного состава Дальней авиации. В годы войны Авиацией дальнего действия командовал Голованов, а руководил её боевой работой Сталин. По этой причине Голованов бывал в кабинете Верховного Главнокомандующего достаточно часто. В своих мемуарах ему было что сказать.

Воспоминания Голованова, в отличие от предыдущих четырёх военачальников, хочу сгруппировать тематически. Правда, следует оговориться: иногда очень трудно определить, к какому разделу отнести тот или иной головановский факт, ибо он одинаково подходит и к одному из них и к другому. Но не будем строги.

И ещё одна оговорка. Данная выборка фактов и суждений из воспоминаний Голованова о Верховном Главнокомандующем мной уже опубликована. Она помещена в вышедшей в 2010 году книге «Эхо победы в наших сердцах – 2». Тираж её мал. Этим фактом повтор материала в данной книге и оправдан.

А. Е. Голованов. Дальняя бомбардировочная. – М., 2004.

ГОЛОВАНОВ Александр Евгеньевич (1904 – 1975).

Советский военачальник, Главный маршал авиации. В годы Великой Отечественной войны командовал Авиацией дальнего действия.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 69 раз.

«Он проходит в моём повествовании, если можно так выразиться, красной нитью, однако здесь нет ничего удивительного, по-

скольку у меня не было каких-либо других руководителей, кроме него, я бы даже подчеркнул, кроме лично него...ибо всё, что делалось АДД, исходило непосредственно от него. Прямое и непосредственное общение с И. В. Сталиным дало мне возможность длительное время наблюдать за его деятельностью, его стилем работы, наблюдать за тем, как он общался с людьми, за его стремлением, как это ни покажется странным, вникать даже в мелочи, в детали того вопроса, который его интересует» (569).

Отношение к людям

« – Вы, товарищ Голованов, должны написать письмо товарищу Сталину

Я был поражён. Сначала даже подумал, что ослышался.

– Товарищу Сталину?!

– Да, ему, – спокойно ответил Смушкевич.

...Пропросту говоря, я был ошарашен. Писать такие записки, да ещё Сталину! Кто меня там знает? Этак можно сойти за бахвала и наглеца» (26).

«Здравствуйте, – сказал Сталин с характерным грузинским акцентом, подходя ко мне и протягивая руку. – Мы видим, что вы действительно настоящий лётчик, раз прилетели в такую погоду. Мы вот здесь, – он обвёл присутствующих рукой, – ознакомились с вашей запиской, навели о вас справки, что вы за человек. Предложение ваше считаем заслуживающим внимания, а вас считаем подходящим человеком для его выполнения.

Я молчал. Эта совершенно неожиданная встреча всего лишь через несколько считанных дней после того, как я написал записку, ошеломила меня. Конечно, я знал, что на всякое обращение должен быть какой-то ответ, но такой быстрой реакции, да ещё лично самого адресата, даже представить не мог. Впоследствии оказалось, что такому стилю работы следовали все руководящие товарищи.

...Ушёл я от Сталина как во сне. Всё решилось так быстро и так просто... Я пытался разобраться в своих противоречивых чувствах к Сталину. В моём воображении он был воистину стальным человеком, без души и сердца, который, не останавливаясь ни перед чем, проводил политику индустриализации и коллективизации... Вместе с тем мне казалось, что, сметая с нашего пути всё мешающее и сопротивляющееся, Сталин не замечает, как при этом страдает много и таких людей, в верности которых нельзя было сомневаться... Вспоминалась и моя единственная сестра... Её муж был оклеветан и расстрелян как «враг народа». Сестра с детьми влачила жалкое существование... Вспомнился и покосившийся на всю жизнь рот моей жены, которую допрашивали в «органах».

...Нити всех бед, как я тогда считал, тянулись к Сталину... Сейчас же я увидел человека, который совсем не соответствовал моему представлению о нём. Наоборот, мне показалось, что это человек, с которым можно говорить, который интересуется твоим мнением, а главное, думает о том же, о чём думаешь и ты, и сам помогает некоторым, вроде меня, выйти из, казалось бы, безвыходного положения, сам подсказывает тебе мысли, которые ты ищешь и не можешь найти» (36 – 38).

«...изучив того или иного человека и убедившись в его знаниях и способностях, он доверял таким людям, я бы сказал, безгранично. Но, как говорится, не дай бог, чтобы такие люди проявили себя где-то с плохой стороны. Сталин таких вещей не прощал никому» (569).

«Сталин часто звонил по телефону и справлялся о делах. Весьма нередко он спрашивал также и о здоровье, и о семье: «Есть ли у вас всё, не нужно ли чем-либо помочь семье?». Строгий спрос по работе и одновременно забота о человеке были у него неразрывны, они сочетались в нём так естественно, как две части одного целого, и очень ценились всеми близко соприкасавшимися с ним людьми. После таких разговоров как-то забывались тяготы и невзгоды. Вы чувствовали, что с вами говорит не только вершитель судеб, но и просто человек» (111).

«– Сколько жалованья вы получаете?

– Постановлением Совнаркома мне, как шеф-пилоту Аэрофлота, определено четыре тысячи рублей в месяц, – несколько озадаченно ответил я.

– А сколько получает командир авиационного полка? – спросил Сталин, обращаясь к наркому обороны Маршалу Советского Союза Тимошенко.

– У нас такого оклада и нарком не получает. Командир полка получает у нас тысячу шестьсот рублей.

Стало тихо.

– А сколько же вы вообще зарабатываете? – спросил Сталин. Разговор принимал неприятный для меня оборот.

– Товарищ Сталин, я за деньгами не гонялся и не гоняюсь. Положено тысячу шестьсот рублей – буду получать такой оклад.

– А всё-таки, сколько вы зарабатываете?

– Много, – ответил я несколько повышенным тоном и умолк.

...Я почувствовал, что мой ответ воспринят присутствующими неблагоприятно. Сталин ходил молча, покуривая трубку. Поравнявшись со мной, он остановился и спокойно сказал:

– Ну, вот что, вы, как командир полка, будете находиться на казённых харчах, вас будут задаром обувать и обувать, у вас

будет казённая квартира. При всём этом, видимо, целесообразно оставить вам получаемое жалование. Зачем обижать человека, если он идёт на ответственную, серьёзную работу? Как товарищи? – обратился он к присутствующим...

Позже я узнал, что дело было не во мне, что у Сталина было в обычае не только спрашивать с людей, но и заботиться о них» (44).

«– Сколько получает директор завода?

Ему назвали сумму.

– А замнаркома?

Оказалось, намного больше.

– Семья у него есть?

Последовал утвердительный ответ.

– Как же вы его будете посылать директором завода и снижать его зарплату, если он хороший работник?

– Он коммунист и обязан выполнять решения.

– Мы все не эсеры, – заметил Сталин...

Наступила длительная пауза. Наконец Сталин заговорил:

– Вот у нас есть некоторые господа коммунисты, которые решают вопросы так: раз ты коммунист, куда бы тебя ни послали, что бы с тобой ни делали, кричи «ура» и голосуй за Советскую власть. Конечно, каждый коммунист выполнит любое решение партии и пойдёт туда, куда его посылают. Но и партия должна поступать разумно. Вряд ли тот или иной коммунист будет кричать «ура», если вы бросите его на прорыв и за это сократите ему жалование в два раза, хотя он вам об этом, возможно, ничего и не скажет. Откуда вы взяли, что мы имеем право так поступать с людьми? Видимо, если мы действительно хотим поправить дело, целесообразно все блага, которые он получает здесь, оставить его семье, а его послать на завод, и пусть там работает на жалованье директора завода. Поставит завод на ноги – вернётся обратно. Думается при таком решении и дело двинется, и энергии у человека будет больше» (46).

«Вскоре я был на докладе у Сталина и в конце на вопрос: «Что у вас нового? – рассказал о моей встрече с Водопьяно-

вым, который до сих пор носит уже давно не существующее звание «комбрига».

– Что вы предлагаете? – спросил Сталин.

– Присвоить ему, товарищ Сталин, звание генерал-майора авиации.

– Но ведь он сейчас летает командиром корабля?!

– Да, товарищ Сталин, и хорошо летает. Да и за спиной у него немало, как вы знаете, всяких хороших дел! Я просил бы присвоить ему звание генерала. Он заслужил его.

Походив немного, Сталин сказал:

– Хорошо, давайте представление» (73 – 74).

«Получая в Ставке очередные задания, я зашатался, и если бы не Г. М. Маленков и Б. М. Шапошников, поддержавшие и посадившие меня на рядом стоящий стул, наверное, упал бы. Попытался встать – и не смог. Сталин быстро подошёл к буфету, налил что-то в стакан, подал мне.

– Пей!

Не переводя дух, махнул я содержимое стакана и, лишь вздохнув, по спазме в горле понял, что это – очень крепкое спиртное.

– Когда спал? – спросил Сталин.

Ответить на этот вопрос я не смог, потому что сам уже не помнил, когда...

Довольно продолжительное время я испытывал чувство неловкости и какой-то вины. Надо же было произойти такому, да ещё где! Однако при последующих моих посещениях Ставки все держались так, будто ничего не случилось. Лишь несколько дней спустя Сталин мимоходом сказал, что нужно планировать боевую работу так, чтобы личный состав отдыхал» (88).

«К людям, которые работали с ним, Сталин был очень внимателен, он считался с тем, что на войне может быть всякое. Известно, что И. С. Конев вследствие неудач на фронте (речь идёт о сорок первом и сорок втором годах) дважды оказывался под угрозой суда и сурового приговора. И оба раза Сталин брал его под защиту, видя, что на войне иногда складывается такая обстановка, когда один человек, будь он даже семи пядей во лбу, лично сделать ничего не может» (106).

«Вечером я пришёл на квартиру к И. В. Сталину, рассказал ему о полученном письме, а заодно и о своей иркутской истории...

– Вы хорошо знаете этого Мансветова?

– Я не только хорошо его знаю, но ручаюсь за него и прошу разрешить забрать его к нам в АДД.

– Ну что же, если вы уверены в нём и ручаетесь за него, мы сейчас попросим направить его к вам.

Он подошёл к телефону, набрал номер.

– У меня Голованов. Ходатайствует за своего командира отряда. Считаю, просьбу его следует рассмотреть, зря человек просить не будет.

На этом мы и распростились... Приехал я к себе в штаб. Мне сказали, что дважды уже звонили от Берия и чтобы я сейчас же ему позвонил.

– Что это там у тебя приятель сидит?! – грубо спросил меня Берия, как только я с ним соединился.

Я понял, что он был недоволен моим непосредственным обращением к Сталину. Я рассказал о сути дела и сообщил, где находится Мансветов. Через некоторое время мне позвонил Берия и сказал, что Мансветов скоро прибудет ко мне, и чтобы я написал документ с просьбой о его освобождении и направлении в моё распоряжение. Впредь, дал указание Берия, по этим вопросам беспокоить Сталина не нужно, а если что-либо возникнет, обращаться непосредственно к нему, чем я и не преминул в дальнейшем воспользоваться...

Впоследствии мне удалось договориться и о том, что все сбитые лётчики и все члены наших боевых экипажей, попавшие теми или иными путями снова на нашу территорию, будут немедленно возвращаться в АДД, минуя всякие места проверки. Так всю войну и делалось» (107 – 108).

«Все вопросы были решены, но я не уходил.

– Вы что-то хотите у меня спросить?

– Товарищ Сталин, за что сидит Туполев?

Вопрос был неожиданным. Воцарилось довольно длительное молчание. Сталин, видимо, размышлял.

– Говорят, что он не то английский, не то американский шпион... – Тон ответа был необычен, не было в нём ни твёрдости, ни уверенности.

– Неужели вы этому верите, товарищ Сталин?! – вырвалось у меня.

– А ты веришь?! – переходя на «ты» и приблизившись ко мне вплотную, спросил он.

– Нет, не верю, – решительно ответил я.

– И я не верю! – вдруг ответил Сталин.

Такого ответа я не ожидал и стоял в глубочайшем изумлении.

– Всего хорошего, – подняв руку, сказал Сталин. Это значит, что на сегодня разговор со мной окончен.

Я вышел. Многое я передумал по дороге в свой штаб... Через некоторое время я узнал об освобождении Андрея Николаевича, чему был несказанно рад. Разговоров на эту тему со Сталиным больше никогда не было» (109).

«Разобравшись во всех деталях, Верховный Главнокомандующий спросил, что, по советским законам, можно сделать для лётчика. Ему сказали: можно только взять его на поруки до суда. Сталин написал заявление в Президиум Верховного Совета с просьбой отдать лётчика на поруки. Просьбу удовлетворили, лётчика освободили, и ему было сказано, что его взял на поруки товарищ Сталин. Лётчик вернулся в свою часть, героически сражался и погиб в воздушном бою.

Сталин нередко говорил, что готов мириться со многими недостатками в человеке, лишь бы голова у него была на плечах. Вспоминается такой случай: Верховный Главнокомандующий был недоволен работой Главного штаба ВМФ и считал, что для пользы дела нужно заменить его начальника. Рекомендовали на эту должность адмирала Исакова. Наркомом Военно-Морского флота тогда был Н. Г. Кузнецов, который согласился с кандидатурой, но заметил, что Исакову трудно будет работать, так как ему ампутировали ногу.

– Я думаю, что лучше работать с человеком без ноги, чем с человеком без головы, – сказал Сталин. На этом и порешили» (110).

«Сталин очень не любил, чтобы товарищи, занимающие большие государственные посты, особенно политические, чем-то особенно выделялись среди окружающих. Так, например, узнав, что члены Военных советов фронтов Н. А. Булганин и А. З Мехлис завели себе обслуживающий персонал и личных поваров, снял их с занимаемых постов на этих фронтах...

Вся жизнь Сталина, которую мне довелось наблюдать в течение ряда лет, заключалась в работе. Где бы он ни был – дома, на работе или на отдыхе, – работа, работа и работа. Везде и всюду работа. Везде и всюду дела и люди, люди и люди. Рабочие и учёные, маршалы и солдаты...Огромное число людей побывало у Сталина! Видимо, поэтому он знал дела лучше других руководителей. Непосредственное общение с людьми, умение устанавливать с ними контакт, заставить их говорить свободно, своими словами и мыслями, а не по трафарету, давало ему возможность вникать во все детали» (112).

«Сталин всегда, когда к нему приходили домой, встречал и пытался помочь раздеться, а при уходе гостя, если вы были один, провожал и помогал одеться. Я всегда почему-то чувствовал себя при этом страшно неловко и всегда, входя в дом, на ходу снимал шинель или фуражку. Уходя, также старался быстрее выйти из комнаты и одеться до того, как подойдёт Сталин» (107).

«Как всегда ночью позвонил Сталин, спросил, как идут дела. Я доложил, что экипажи в районе Кенигсберга встретили грозу, бомбят запасные цели и возвращаются на свои аэродромы.

– Как же метеорологи не предусмотрели этих грозовых явлений?

– Метеорологи, товарищ Сталин, предсказывали грозы.

– Так кто же тогда послал самолёты? За это нужно привлечь к ответственности.

– Приказ на вылет самолётов дал я и допустил ошибку. Больше в этом никто не виноват.

Последовала длительная пауза.

– И часто вы даёте приказание на вылет самолётов, когда синоптики считают погоду нелётной? – спросил Сталин.

– Думаю, товарищ Сталин, что не ошибусь, если скажу – восемь раз из десяти.

– Вот как?! А сколько экипажей вы сейчас не досчитываетесь?

– Пока десяти.

– У вас есть уверенность, что они придут на свои аэродромы?

– Нет, такой уверенности нет.

– Это серьёзный вопрос, и нам надо в этом разобраться. – В трубке раздались частые гудки. Невесёлый разговор был окончен» (221).

« – А какие выводы вы сделали для себя?

– Мною даны указания довести до каждого экипажа категорическое запрещение входить в грозовую облачность, при встрече с ней обходить её, а если это невозможно, возвращаться или же бомбить запасные цели, они даются всякий раз...

– Вы считаете, этих мероприятий достаточно?

– Да, товарищ Сталин, считаю, что вполне достаточно. Лётный состав у нас дисциплинированный.

– Вы и впредь думаете принимать свои решения так же, как принимали их раньше?

– Да, товарищ Сталин.

Разговор был закончен» (222).

«... За столом Георгий Константинович обратился к своему бывшему сослуживцу и попросил рассказать о его приключениях в бытность военного атташе в гитлеровской Германии. И вот что рассказал нам генерал П.

...Квартиру, где он жил, убирала привлекательная немка. Шло время, и в один прекрасный день ему позвонили из генерального штаба немецкой армии и попросили приёма... Явившийся оказался капитаном немецкой армии, который без всяких обиняков предложил генералу работать на немецкую военную разведку. В первый момент генерал был несколько озадачен нахальством немецкого офицера, а затем предложил капитану покинуть помещение. Ничтоже сумнявшеся капитан встал, бросил запечатанный пакет на стол и, сказав: «Ознакомьтесь с содержанием, а я вам ещё позвоню», – ушёл. Вскрыв пакет, генерал был ошеломлён. В пакете была серия фотогра-

фий, запечатлевших его со знакомой нам немкой. Ошибки быть не могло. И какие же это были фотографии!..

Начальник, взяв фотографии и посмотрев на них, на какое-то время лишился дара речи. Через некоторое время он сказал: «Хорош, нечего сказать!»...Ему предложили выйти и подождать в коридоре. Вскоре явилась и охрана. Прошёл день, а затем и вечер. Никто ему не приносил ни попить, ни поесть. Менялась лишь охрана. Ночью за ним пришли незнакомые люди и предложили следовать за ними. «Ну, вот и всё», – подумал генерал.

Куда его везли, он не обратил внимания, но когда вылезал из машины, увидел, что двери здания не похожи на тюрьму. Несколькими минутами позже он оказался в кабинете, и к нему навстречу шёл Сталин: «Спасибо вам за вашу честность. Отправляйтесь в Берлин и продолжайте работать. Мы верим вам. Всего хорошего»...

Эпизод мне кажется поучительным. Как уже упоминалось выше, людей, допустивших ту или иную ошибку, но переживших и признавших её, как бы не тяжела была эта ошибка, Сталин никогда не стремился наказать... На меня рассказ этот произвёл впечатление, в первую очередь, силой того решения, которое было принято Сталиным» (263).

«Под утро 1 января 1943 мне позвонил Верховный и сообщил, что Указы на представленную к наградам группу личного состава АДД подписаны и что он поздравляет первого в АДД дважды Героя Советского Союза А. И. Молодчего и других лётчиков, которым в первый раз присвоено это высокое звание, а также весь личный состав АДД с Новым годом и желает всем дальнейших успехов в боевой работе» (271).

«При моём появлении Сталин, как обычно, посмотрел на часы, стоящие в углу, вынул свои и, показывая их мне, задал один-единственный вопрос:

– Что случилось?

Видимо, зная мою точность и пунктуальность во всех делах, он и сам был удивлён моим опозданием, считая, что произошло что-то необычное.

Коротко доложил я ему о происшедшем, ещё не зная, как он на это будет реагировать. Честно говоря, ведь случай-то был безобразный! Немного походив, Верховный спросил:

– Что же вы думаете делать со своим шеф-пилотом?

Такого вопроса, прямо сказать, я не ожидал. Докладил о принятом мной решении и уже отданных на сей счёт указаний.

– А давно вы с ним летаете?

– С Халхин-Гола, товарищ Сталин, – ответил я.

– И часто он у вас проделывает подобные вещи?

– В том-то и дело, товарищ Сталин, что за все годы совместной работы это – первый случай. Я никогда и мысли не допускал, что с ним может быть что-либо подобное.

– Вы с ним уже говорили?

– Нет, товарищ Сталин, не говорил. Какой же тут может быть разговор?!

– А вы не поторопились со своим решением? Как-никак не первую войну вместе.

Высказанное Сталиным озадачило меня. Подумав немного, я ответил:

– Это верно, товарищ Сталин, однако порядок есть порядок и никому не позволено его нарушать, да тем более так, как это сделал Вагапов. Да и наказание-то ему невелико, учитывая его проступок.

– Ну что же, вам виднее, – заключил Верховный и перешёл к вопросам, по которым я был вызван.

Однако дело этим не кончилось, время от времени Сталин спрашивал, где находится сейчас Вагапов, который через несколько месяцев был возвращён всё же на свою старую должность» (307 – 308).

«Однако, против ожиданий, Сталин, видимо уже проинформированный о том, где «пропадал» Попов, вместо того, чтобы воздать ему по заслугам, рассказал нам такой случай из Гражданской войны. В то время Троцкий потребовал снять с должности одного командира дивизии на Петроградском фронте, обвиняя его в пьянстве. Владимир Ильич поручил Сталину при его поездке в тот район разобраться с этим командиром дивизии и

о результатах доложить ему. Сталин, прибыв в дивизию, вызвал к себе командиров частей... Присутствующие запротестовали и заявили, что вовсе он не пьяница, а пьёт только тогда, когда нет боевых действий – от безделья... Было решено оставить командира дивизии на месте, причём Владимир Ильич сказал, что нужно позаботиться о том, чтобы так загрузить этого комдива работой, чтобы у него не оставалось свободного времени для безделья... Сталин нередко говорил, что можно мириться со многими недостатками человека, лишь бы голова была на плечах.

– С недостатками бороться можно и исправить их можно, новой же головы человеку не поставишь...

Но поступал так Сталин лишь тогда, когда не затрагивались интересы дела» (327 – 328).

«Разглядеть и использовать в человеке его лучшие качества не каждый, конечно, сможет. Для Сталина всегда важна была суть вопроса, так сказать, без обёртки. Помнится мне, как генерал Ф. А. Астахов, будучи назначен начальником Гражданского воздушного флота, несколько месяцев скрывал, что он, выходя из окружения, зарыл в землю свой партийный билет. Платя ежемесячно партвзносы, он ссылался на то, что забыл партбилет дома. Спустя несколько месяцев дошло это до А. С. Щербакова, который входил в состав Политбюро. Установили истину, и Щербаков, докладывая об этом Сталину, поставил вопрос о пребывании Астахова в партии и на посту начальника ГВФ. Сталин долго ходил, покуривая трубку, и не торопился с ответом. Наконец, подойдя к Щербакову, он спросил: «А вы чтобы сделали на месте Астахова?!» Не получив ответа, Сталин продолжал: «Плохо не то, что Астахов закопал свой партбилет, а плохо то, что побоялся об этом сказать. В этом суть».

Астахов продолжал работать, но несколько лет спустя был снят со своего поста, и, несмотря на большое количество ходатаев, так работы больше и не получил. Пословица: «Кто старое помянет, тому глаз вон», – всегда дополнялась Сталиным: «А кто старое забудет, тому оба долой» (328 – 329).

«Приехав рано утром и приведя себя в порядок, зная, что в ранний час вряд ли кто мной будет интересоваться, я решил

съездить навестить свою жену. У нас родилась дочка, но видеть мне её ещё не довелось. Уезжая из штаба, я оставил номер телефона, сказав офицеру Евгению Усачёву, чтобы сейчас же меня вызвал, если спросят... Каково же было моё удивление, когда Усачёв доложил, что меня уже давно спрашивают. Зная, кто мог мне звонить, я только спросил:

- Как же вы могли об этом не сообщить?
- Мне было запрещено, – последовал ответ.
- Кто же мог вам запретить?!
- Товарищ Сталин.

Оказывается, в десятом часу позвонил Верховный и спросил, приехал ли я. На утвердительный ответ он спросил, где я. Усачёв рассказал, где я нахожусь, и какие указания он имеет. Сталин спросил:

- Как ваша фамилия?
- Усачёв.

Поинтересовавшись, какую должность он занимает, Верховный сказал:

– Вот что, товарищ Усачёв, Голованову вы не звоните и его не беспокойте, пока он сам не приедет или не позвонит. Невыполнение этих указаний повлечёт отстранение вас от должности. Когда Голованов появится, передайте, чтобы мне позвонил. Всё ясно?

- Так точно, товарищ Сталин, всё ясно!

Приехал на дачу, собираясь сразу извиниться за свою оплошность. Однако когда я вошёл в комнату, то увидел улыбающегося Сталина и рядом Молотова.

- Ну, с кем вас поздравить?
- С дочкой, товарищ Сталин.
- Она ведь у вас не первая? Ну, ничего, люди сейчас нам нужны. Как назвали?
- Вероникой.
- Это что же за имя?
- Это греческое имя, товарищ Сталин. В переводе на русский язык – приносящая победу, – ответил я.
- Это совсем хорошо. Поздравляем вас» (348 – 349).

«Здесь мне хотелось бы рассказать о малоизвестном факте, частном случае, который показывает, как подчас на первый взгляд незначительное явление может иметь значительные последствия.

По прибытии глав трёх держав в Тегеран шах Ирана попросил аудиенцию у Черчилля и Рузвельта для приветствия гостей. Прибыв в английское посольство, он довольно долго прождал, пока вышел к нему Черчилль. Ожидание Рузвельта было менее долгим и, наконец, раздался телефонный звонок в наше посольство с вопросом, когда его превосходительство Сталин может принять шаха Ирана. В посольстве попросили обождать, чтобы согласовать время визита. Довольно быстро был получен ответ, который гласил: «Глава советской делегации спрашивает, когда шах Ирана найдёт время и сможет его принять?»

Звонивший в посольство несколько растерянным голосом сказал, что его не так поняли, что шах Ирана спрашивает, когда он может приехать к Сталину. Однако последовал ответ, что его поняли правильно, и Сталин именно спрашивает о том, когда шах Ирана может его принять. Звонивший сказал, что должен об этом доложить шаху.

Через некоторое время последовал звонок, и посольству сообщили, что если правильно поняли, и И. В. Сталин действительно хочет навестить шаха Ирана, то шах будет его ждать в такое-то время.

В точно в назначенный час товарищ Сталин был у шаха Ирана, приветствовал его и имел с ним продолжительную беседу, чем подчеркнул, что всякий гость должен отдать дань признания хозяину, посетить его и отблагодарить за оказанное гостеприимство... Поистине, казалось бы, незначительный случай, а по сути дела – политика, и немалая» (364 – 365).

«Не совсем обычен был вопрос, чем отметить Виктора Грачёва... Необычен вопрос был потому, что в делах, касающихся лично его, Сталин был весьма щепетилен, делать тут что-либо без него нечего было и думать. С одной стороны, мне хотелось как-то особенно отметить лётчика, чтобы у него навсегда осталась память об этом полёте, а с другой – я знал, что Сталин ни

за что не согласится на неоправданное награждение. Сам решать этот вопрос он также не стал бы. После некоторых размышлений я включил Грачёва в указ о награждении орденом Суворова 1-й степени. Исходил я из того, что по своей службе такого ордена он получить не может, так как не относится к высшему руководящему составу, с другой стороны – такой полёт необычен и должен оставить память о себе.

Как я и ожидал, как только начался доклад о награждении и появился на столе заготовленный материал, Сталин сразу спросил:

– Посмотрим, к какой награде вы представляете Грачёва?

По его тону явно чувствовалось, что он приготовился, можно сказать, к жёсткой обороне. Когда мной была названа награда, Сталин был удивлён, совершенно не ожидая такого представления. На его вопрос, почему именно такой наградой предлагается отметить лётчика, я изложил свои мысли. Подумав, Сталин спросил:

– У вас нет никаких сомнений в вашем представлении?

– И сомнений никаких нет и настоятельно прошу утвердить это представление, – ответил я.

Вопросов больше не последовало, и представления были подписаны» (367 – 368).

«Лёжа сейчас в госпитале, я вспомнил, как ещё в 1942 году Сталин говорил со мной о том, что он имеет сведения о моей круглосуточной работе практически без отдыха и без сна. Это, сказал Сталин, не может хорошо кончиться. Долго так человек работать не может. Затем Верховный сказал, что здоровье людей, находящихся на большой, ответственной работе, им не принадлежит, что оно является казённой собственностью и распоряжаться им, то есть здоровьем, может только государство. А так как я распоряжаться своим здоровьем сам не могу, то ко мне придётся представить охрану, которая и будет регулировать мою работу и отдых...

Как-то позвонил Сталин и поинтересовался, каково состояние моего здоровья. Я ответил, что здоровьем похвастаться не могу, а лекарства, которые мне приписывают, видимого улучшения не дают. Помолчав немного, Верховный сказал:

– Вот что. Врачи, я вижу, вам помочь не могут. Я знаю, вы человек непьющий. Заведите у себя на работе и дома водку. Когда почувствуете себя плохо, налейте водки и сколько можете, выпейте. Я думаю, что это должно вам помочь. О результатах позвоните мне. Всего хорошего...

Недели через две позвонил Верховный и спросил, как моё здоровье. Я рассказал ему об удивительных, с моей точки зрения, результатах приёма водки.

– Каких только специалистов не приглашали, товарищ Сталин, вплоть до светил, и сделать они ничего не смогли. А простая водка справилась с тем, с чем не могли справиться учёные! – закончил я.

– А почему вы мне не позвонили и сами не рассказали об этом? – спросил он.

Ответа с моей стороны не последовало. Лезть, а более литературно выражаясь, обращаться к Сталину с личными делами, хотя и с его разрешения, я считал, да и сейчас считаю, невозможным, а если более точно выразиться, неприличным. Молчание длилось довольно долго.

– Вот что – наконец услышал я голос Сталина, – имейте в виду, что водка будет вам помогать до тех пор, пока будете пользоваться ею как лекарством. Если вы начнёте пить водку, то можете поставить крест на своём лечении. Я хочу предупредить вас об этой возможной опасности.

В трубке послышались частые гудки, разговор был закончен» (452 – 454).

О личной жизни и личных качествах И. В. Сталина

«Было бы наивным утверждать, что И. В. Сталин имел только положительные качества. Даже он сам, эти слова приведены мной в повествовании, говорил, что люди в Сталине видят только одно хорошее, но таких людей на свете нет» (569 – 570).

«Личная жизнь Сталина сложилась, как известно, неудачно. Жена его застрелилась, и он с детьми остался один. Новой се-

мьи у него не получилось, а дети как-то около отца не прижились. Сын Василий представлял из себя морального уродца и впитал в себя столько плохого, что хватило бы, на мой взгляд, на тысячу подлецов. Отец, конечно, знал не всё, но и за то, что знал, рассчитывался с ним сполна – снимал с должностей и т. д. Василий трепетал перед отцом и боялся его, как говорят, пуще огня, но оставался неизменно подлым человеком, становясь из года в год всё хуже и хуже...Отец чувствовал это и страшно переживал» (112 – 113).

«Сталин, общаясь с огромным количеством людей, по сути дела был одинок. Его личная жизнь была серой, бесцветной, и, видимо, это потому, что той личной жизни, которая существует в нашем понятии, у него не было. Всегда с людьми, всегда в работе» (113).

«Скромность его жилья соответствовала скромности квартир В. И. Ленина. Хотелось бы сказать и о быте Верховного, который мне довелось наблюдать. Этот быт был также весьма скромным. Сталин владел лишь тем, что было на нём. Никаких гардеробов у него не существовало. Вся его жизнь, которую мне довелось видеть, заключалась почти в постоянном общении с людьми. Его явной слабостью было кино...Видимо, в просмотре особо полюбившихся ему кинокартин Сталин находил свой отдых» (112).

«Сняв трубку, я услышал голос Сталина. Поинтересовавшись, как идут дела, он сказал:

– Приведите себя в порядок, наденьте все ваши ордена и через час приезжайте.

Раздались частые гудки. И прежде случалось, что Сталин, позвонив и поздоровавшись, давал те или иные указания, после чего сразу клал трубку. Это было уже привычно. Верховный имел обыкновение без всяких предисловий сразу приступить к тому или иному вопросу. А вот указаний надеть ордена и привести себя в порядок за год совместной работы я ещё ни разу не получал...

Тосты следовали один за другим. Сталин и Черчилль пили ровень. Я уже слышал, что Черчилль способен поглощать боль-

шое количество горячительных напитков, но таких способностей за Сталиным не водилось. Что-то будет?! Почему, и сам не знаю, мною овладела тревога...

Тосты продолжались. Черчилль на глазах пьянел, в поведении же Сталина ничего не менялось... Судя по всему Черчилль начал говорить что-то лишнее, так как Брук, стараясь делать это как можно незаметнее, то и дело тянул Черчилля за рукав. Сталин же, взяв инициативу в свои руки, подливал коньяк собеседнику и себе, чокался и вместе с Черчиллем осушал рюмки, продолжая непринуждённо вести, как видно, весьма интересовавшую его беседу.

Встреча подошла к концу. Все встали. Распрощавшись, Черчилль покинул комнату, поддерживаемый под руки. Остальные тоже стали расходиться, а я стоял как замороженный и смотрел на Сталина. Конечно, он видел, что я всё время наблюдал за ним. Подошёл ко мне и добрым хорошим голосом сказал: «Не бойся, России я не пропью. А вот Черчилль будет завтра метаться, когда ему скажут, что он тут наболтал...» Немного подумав, Сталин продолжил: «Когда делаются большие государственные дела, любой напиток должен казаться тебе водой, и ты всегда будешь на высоте. Всего хорошего». – И он твёрдой, неторопливой походкой вышел из комнаты» (215 – 217).

«Известно – чем больший пост занимает тот или иной человек, тем проще и легче ему получать награды. Мне хотелось бы здесь рассказать, как И. В. Сталин был награждён орденом Суворова 1-й степени.

Поздней осенью 1943 года приехал ко мне в штаб генерал-полковник Ефим Иванович Смирнов (начальник Главного военно-медицинского управления. – А. С.) и привёз обращение командующих в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой наградить товарища Сталина орденом Суворова. В обращении перечислялись заслуги Верховного перед Советским государством в ведении войны против фашистских захватчиков.

Я спросил, почему я, командующий, подчинённый непосредственно Ставке, должен подписывать представление на своего

руководителя, ведь так не бывает. Ефим Иванович ответил, что выполняет поручение и что только по ходатайству командующих Сталин согласится принять этот орден. Подписей под представлением ещё не было. Считая неудобным подписывать первым такое представление, я обратил на это внимание Смирнова. Он сказал: «Решили начать с тебя».

Конечно, это представление я подписал от чистого сердца. Но это для меня был и предметный урок: чем выше занимает должность тот или иной человек, тем щепетильней должен он быть в отношении различных почестей и наград.

В начале ноября 1943 года был опубликован указ о награждении И. В. Сталина, где было сказано: «За правильное руководство операциями Красной Армии в Отечественной войне против немецких захватчиков и достигнутые успехи наградить...»

Я больше чем уверен, что редакция этого указа не прошла мимо Сталина. Об этом говорит лаконичность и скупость формулировки. В вопросах, касающихся лично себя, Сталин был весьма строг» (379).

«Я лично поражался не только точности и краткости его формулировок, но и тому, как он мог воспроизводить почти слово в слово то, о чём говорил раньше. Так, например, его речь, плохо записанная на плёнку во время парада на Красной площади 7 ноября 1941 года, была малоразборчива, и он повторил её в Кремле для новой записи по памяти, можно сказать, слово в слово. Только ли феноменальная память здесь или проявилось такое качество Сталина, как ясное, отчётливое представление о том, что надо высказать, и нет больше иных, более точных и конкретных слов?!» (457).

«Кроме случая с Берия, описанного мной, больше ни разу не довелось мне видеть Верховного в состоянии гнева или в таком состоянии, когда бы он ни мог держать себя в руках. Вполне возможно, что другие товарищи с этим сталкивались, раз они об этом сами пишут. Лично со мной Сталин никогда не разговаривал в грубой форме. Однако весьма неприятные разговоры имели место. Дважды за время войны подавал я ему записки с просьбой об освобождении от занимаемой должнос-

ти. Причиной подачи таких записок были необъективные, неправильные суждения о результатах боевой деятельности АДД... Подача таких записок не вызвала какого-либо изменения в отношении ко мне Сталина...Этим я хочу подчеркнуть, что Сталин обращал внимание на существо и мало реагировал на форму изложения» (570).

«Работать со Сталиным, прямо надо сказать, было и не просто, и не легко. Обладая самыми широкими познаниями, он не терпел общих докладов, общих формулировок. Ответы на все поставленные вопросы должны были быть конкретны, предельно кратки и ясны. Туманных, неясных ответов он не признавал и, если такие ответы были, не стесняясь, указывал на незнание дела тем товарищем, который такие ответы давал. Мне ни разу не довелось наблюдать, чтобы для этого он подыскивал какие-либо формулировки, и в то же время мне ни разу не довелось быть свидетелем, чтобы он кого-либо унижил или оскорбил. Он мог прямо, без всякого стеснения заявить тому или иному товарищу о его неспособности, но никогда в таких высказываниях не было ничего унижительного или оскорбительного. Была констатация факта. Способность говорить с людьми без всяких обиняков, говоря прямо в глаза то, что он хочет сказать, то, что он думает о человеке, не могло не вызвать у последнего чувство обиды или унижения. Это было особой, отличительной чертой Сталина» (570 – 571).

Компетентность

«Армия или корпус, – сказал он, – задавят человека портянками и всякими видами обеспечения и снабжения, а нам нужны люди, организованные в части и соединения, способные летать в любых условиях. И сразу армию или корпус не создашь. Видимо было бы целесообразнее начать с малого, например, с полка, но не отдавать его на откуп в состав округа или дивизии. Его нужно непосредственно подчинить центру, внимательно следить за его деятельностью и помогать ему.

Я с удивлением и радостью слушал, что говорит Сталин. Он высказал и предложил то лучшее, до чего я сам, может быть, не додумался бы...Поглядев на меня, Сталин опять улыбнулся: мой явно радостный вид, который я не мог скрыть, говорил сам за себя.

– В этом полку нужно сосредоточить хорошие кадры и примерно через полгода развернуть его в дивизию, а через год – в корпус, через два – в армию. Ну, а вы как, согласны с этим? – подходя ко мне, спросил Сталин.

– Полностью, товарищ Сталин!

– Ну, вот вы и заговорили, – он опять улыбнулся. – Кончайте ваше вольное казачество, бросайте ваши полёты, займитесь организацией, дайте нам ваши предложения, и побыстрее. Мы вас скоро вызовем. До свидания.

...Больше всего меня поразила его осведомлённость в вопросах авиации» (36, 38).

«– Ну а кто же, по-вашему, будет заниматься прокладкой маршрута, бомбометанием, связью?

Я понял, что веду разговор с человеком, который прекрасно разбирается в лётных делах и знает, что к чему.

...Было очевидно, что вопрос о формировании полка мной до конца не продуман. Увлёкшись одной, как мне думалось, главной стороной организации полка, совсем забыл о других, не менее важных.

Простота обращения Сталина ещё к концу первой встречи с ним сняла у меня внутреннее напряжение. И сейчас тон его разговора не был тоном наставника, который знает больше тебя. Он как бы вслух высказывал свои мысли и советовался со мной. ...Слушая Сталина, я понял, что он высказывает мысли, возникшие у него не только что, а значительно раньше нашего разговора» (40).

«Хочется ещё раз подчеркнуть, что Сталин всегда решал дела в пользу тех людей, которые имели личный опыт и знания в обсуждаемых вопросах, и являлись специалистами своего дела...Неоднократно довелось мне слышать от Сталина и о том, что советы некомпетентных людей – опасные советы» (173).

«Непосредственно общаясь со Сталиным на протяжении почти целого года, я видел его в самые различные моменты, и теперь пытался угадать по выражению его лица, сколь серьёзное положение создалось и как он на это реагирует. Было очевидно, что мысли его не относятся к постановке задач для АДД.

Передо мной был уже не тот Сталин, которого я видел в октябре 1941 года, но полное отсутствие людей в кабинете и тишина невольно воскресили в памяти октябрь 41-го, прорыв немцев под Вязьмой, так его тогда ошеломивший. В прошлом году было видно, что Сталин ищет какое-то решение, что ему явно нужны люди, способные помочь разобраться в военной обстановке, чем он ещё, видимо, тогда полностью не владел, хотя твёрдость и решительность не покидали его и в те минуты, когда многим казалось, что всё вокруг рушится.

Сейчас это был уже другой Сталин. Это был Верховный Главнокомандующий, который решительно вмешивался, когда нужно, в практические военные вопросы, подводя под них и теоретическую базу, как это было, например, с организацией артиллерийского наступления, с созданием мощных резервов, способных влиять на ход войны, и ряда других вопросов.

Постоянно бывая в Ставке, я не раз слышал высказывания Сталина о способах ведения войны. Надо сказать, что Сталин хорошо знал историю выдающихся походов и войн...Особое место Сталин отводил военной доктрине Наполеона, главным образом потому, что Наполеон важнейшее значение придавал артиллерии. Выражение «артиллерия – бог войны» я слышал от Сталина всё чаще и чаще. И это были не только слова. Некоторые товарищи говорят, что из всех родов войск Сталин отдавал предпочтение авиации. Да, Сталин придавал авиации большое значение, но артиллерия была у него, если можно так выразиться, в не меньшем почёте...Быстро реагируя на опыт боевых операций и внимательно прислушиваясь к дельным соображениям и предложениям, Верховный Главнокомандующий пришёл к ряду выводов, которые были затем положены в основу нового Боевого устава пехоты, утверждённого в 1942 году...

Надо сказать, что Сталин быстро разбирался в причинах неудач тех или иных боевых операций. Так, например, в мае, в связи с неудачами, которые потерпели наши войска на Керченском перешейке, он дал весьма точный анализ причин, не встретивший никаких возражений со стороны знатоков военного дела, и по заслугам наказал виновных...

Сейчас, глядя на Сталина и дожидаясь, когда он обернётся ко мне, я думал, что теперь вряд ли его можно ошеломить, заставить врасплох, однако случилось что-то весьма неприятное, неожиданное, и он, видимо, размышляет о том, как выйти из этого положения.

– Вот что, – наконец произнёс он, обращаясь ко мне. – Связь с Малиновским (в то время командующим Южным фронтом) у нас потеряна. Немец повернул на юг. Я думаю, не получив успеха под Воронежем, он пойдёт сейчас на Сталинград. Кавказ ему ничего не даст, он там не решит исхода войны. Ключи от Москвы он хочет найти в Сталинграде. Я думаю там, на этом направлении будет решаться сейчас судьба войны.

Так вот о чём думал Верховный!... Относительно того, на каком направлении будут развиваться решающие события войны, существовали самые различные мнения. В частности, некоторые предполагали, что противник пойдёт на Кавказ с целью отрезать Баку с его нефтеносными районами. Но, как увидим дальше, именно Сталин верно определил направление главного удара верховного командования немецкой армии, и это послужило Ставке отправной точкой для проведения соответствующих мероприятий.

– Я прошу вас направить все имеющиеся сейчас силы на уничтожение переправ противника в районе станции Константиновской и сообщить мне, когда вылетят самолёты, – приказал Сталин.

Через два часа я доложил Верховному, что самолёты в воздухе» (208 – 212).

«Работоспособность Сталина во время войны была феноменальная, а ведь он уже был не молодым человеком, ему было

за шестьдесят. Память у него была редкостная, познания в любой области, с которой он соприкасался, удивительны. Я, Лётчик, во время войны считал себя вполне грамотным человеком во всём, что касается авиации, и должен сказать, что, разговаривая со Сталиным по специальным авиационным вопросам, каждый раз видел перед собой собеседника, который, хорошо разбирался в них, не хуже меня. Такое же чувство испытывали и другие товарищи, с которыми приходилось беседовать на эту тему – артиллеристы, танкисты, работники промышленности, конструкторы.

Так, например, Н. Н. Воронов, впоследствии Главный маршал артиллерии, являлся к Сталину с записной книжкой... Докладывая, он предварительно заглядывал в эту книжку, однако не раз бывали случаи, когда Верховный Главнокомандующий, зная все эти данные на память, поправлял его, и Николаю Николаевичу приходилось извиняться» (102 – 103).

«5 или 6 декабря (1943 года. – А. С.) мне позвонил Сталин и попросил приехать к нему на дачу. Явившись туда, я увидел, что ходит он в накинутаой на плечи шинели. Был он один. Поздоровавшись, Верховный сказал, что, видимо, простудился и опасается, как бы не заболеть воспалением лёгких, ибо всегда тяжело переносит это заболевание. Походив немного, он неожиданно заговорил о себе.

– Я знаю, – начал он, – что когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. – И, походив немного, продолжал: – Но я уверен, что ветер истории всё это развеет...

Нужно сказать прямо, я был удивлён. В то время мне, да, думаю, не только мне, не представлялось вероятным, что кто-либо может сказать о Сталине плохое. Во время войны всё связывалось с его именем, и это имело явно видимые основания. Первоначальные успехи немцев были локализованы. Гитлеровские армии были разбиты под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге. Мы одерживали победы одну за другой, монолитность армии и народа была очевидна, и стремление стереть врага с лица земли было единодушно. Чётко и беспере-

бойно работала вся машина государства. При игре оркестра без дирижёра, а в понятии управления государством – без твёрдого руководства, государственная машина так работать, естественно, не могла бы. Чёткая работа этой машины также всегда связывалась с его именем. Поэтому мне показалось, что Сталин действительно заболел» (366).

Мысли И. В. Сталина о возможной войне с Германией.

«Понял я и то, что мысли его сосредоточены на неминуемой грядущей войне с фашистской Германией, что пакт пактом, а мы готовимся к обороне...Всё это для меня было открытием» (38 – 39).

« – Вам, как и всякому военному, нужно твёрдо знать, для чего, для каких операций вы будете готовить кадры, поэтому я хочу кое-что вам сказать.

Он подошёл к карте. Я последовал за ним.

– Вот видите, сколько тут наших противников, – указывая на западную часть карты, сказал Сталин. – Но нужно знать, кто из них на сегодня опаснее и с кем нам в первую очередь придётся воевать. Обстановка такова, что ни Франция, ни Англия с нами сейчас воевать не будут. С нами будет воевать Германия, и это нужно твёрдо помнить. Поэтому всю подготовку вам следует сосредоточить на изучении военно-промышленных объектов и крупных баз, расположенных в Германии, – это будут главные объекты для вас. Это основная задача, которая сейчас перед вами ставится.

Уверенный, спокойный тон Сталина как бы подчёркивал, что будет именно так, а не иначе. О договоре, заключённом с Германией, не было сказано ни слова...

За несколько посещений Кремля я увидел, какая огромная и интенсивная работа ведётся партией и правительством по перевооружению нашей армии под прямым и непосредственным руководством Сталина и с какой быстротой претворяются в жизнь все решения Кремля» (46).

Только ли Сталин виновен в просчётах накануне войны

«Почему войска не были приведены в боевую готовность, хотя уже накануне стало очевидно, что завтра может грянуть война и, как известно, были отданы на сей счёт определённые указания? Кто виноват в том, что эти, хотя и запоздалые, указания, пусть оставлявшие на подготовку самые что ни на есть считанные часы, не были сразу доведены до войск? По укоренившейся за многие годы версии, всё как будто упирается в Сталина, а так ли это? Ведь, как известно, после полученных из Москвы распоряжений Военно-Морской Флот был приведён в боевую готовность до наступления регулярных войск фашистской Германии. Является ли один Сталин виной этой, надо прямо сказать, катастрофы?» (51).

«Хоть мы и готовились к вооружённому столкновению с гитлеровской Германией, хоть и знали, что Германия, а не кто другой, будет нашим противником на ближайшее время, нападение немецких войск явилось для руководства нашей страны трагически неожиданным. Не по самой возможности нападения, а по времени. Вся армия, в том числе и авиация, находилась в стадии полного перевооружения и перестройки... Просчёт этот явился следствием и того, что руководители всех степеней считали, что «наверху» всё знают и обо всём думают. Настойчивых убеждённых мнений о наличии конкретных доказательств готовящегося удара не высказывалось, хотя, как известно, данных об этом было более чем достаточно. Руководители же, кои несли за это прямую ответственность, не верили получаемым данным (например, командующий Западным Особым округом генерал армии Павлов) и успокаивали Москву ссылками на личные рекогносцировки» (113).

«...всякое решение на войне является обоснованным, если оно приносит ожидаемые результаты, и недостаточно обоснованным, если желаемых результатов не достигнуто. Но на такие решения способны только те, кто предвидит, чувствует течение, ход событий кампании или войны в целом. Знатоками психологии ведения войны каждый в своё время были, как мне

представляется, Александр Македонский, Александр Невский, Дмитрий Донской, а в более позднее время – Суворов, Кутузов, Наполеон и в эпоху XX века, конечно, Сталин.

Совершенно ясно, что пословица «один в поле не воин» относится к каждому из перечисленных выше. Все они имели достойных полководцев... Однако решение вопросов ведения войны и вся ответственность за эти решения лежала и лежит на плечах основных руководителей. Так, всю ответственность за внезапность, неожиданное по времени нападение Гитлера на нашу Страну и за его первоначальные результаты мы возлагаем на Сталина, и это естественно, ибо он стоял во главе государства, хотя к этому имеют прямое отношение и Тимошенко – как нарком обороны, и Жуков – как начальник Генерального штаба, и ряд других товарищей. Но к ним, как известно, каких-либо особых претензий не предъявляется. Точно также правомерно и стратегические, имеющие мировое значение победы относить тоже на счёт этих людей, которые стояли во главе тех или иных кампаний или войн в целом» (295).

«...мы упустили непосредственную подготовку Гитлера к войне с СССР, не веря имевшейся информации, получаемой как из-за кордона, так и от наших войсковых разведок, о том, что идёт сосредоточение немецких войск в непосредственной близости от наших границ именно для нападения на нас, а не с какими-либо иными целями. Кто же в этом виноват?

Главным лицом, которое несёт ответственность за этот непростительный просчёт, считается В. И. Сталин, и это совершенно правильно, поскольку он был фактическим руководителем нашего государства, нашей партии, наших Вооружённых Сил. Он и сам указывал на свой просчёт в этом вопросе на встрече с Рузвельтом и Черчиллем в Тегеране, не предъявляя в этом каких-либо претензий к другим лицам» (551 – 552).

«Однако хотя Сталин и несёт в первую очередь за это ответственность, его действия являлись результатом той информации, которой он пользовался и на основании которой делались выводы и принимались решения. Мы с вами из книги Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» знаем, что, скажем, на-

чальник Главного разведывательного управления Красной Армии генерал Ф. И. Голиков, да и не только он один, донося Сталину о сосредоточении гитлеровских войск, настаивал на том, что сообщения эти провокационные» (552).

«...руководству страны представлялись материалы, получаемые из-за границы, с комментариями, которые сводили на нет правдивость этих сведений. Нет ни одного документа, представленного в правительство Генеральным штабом или наркомом обороны, где были бы изложены получаемые от наших товарищей из-за кордона сведения о готовящейся войне, подтверждённые непосредственными данными о концентрации немецких войск вблизи наших границ, где бы делались выводы о готовившемся нападении и вносились бы соответствующие предложения» (553).

«Одной из причин, способствовавших такому положению, явилась, с моей точки зрения, замена опытного начальника Генерального штаба Бориса Михайловича Шапошникова другими товарищами – сначала К. А. Мерецковым, а потом Г. К. Жуковым. Это была одна из серьёзных ошибок И. В. Сталина. Заменить человека, мыслящего масштабами государства, отлично знающего положение и состояние Красной Армии, готовящего длительный период времени всё необходимое для возможной в недалёком будущем войны, отлично знающего международное положение и место Советского Союза в нём, находящегося в курсе подготавливаемого гитлеровцами похода на Восток, прекрасно разбирающегося в политике, – явление, надо прямо сказать, малопонятное, не логичное. Мы стояли на грани войны, и такое явление, зная уже достаточно хорошо стиль и методы работы Сталина, я бы назвал необъяснимым» (554).

Собирался ли Сталин покинуть Москву

«Сталин, не торопясь, подошёл к аппарату и поднял трубку. При разговоре он никогда не держал трубку близко к уху, а держал её на расстоянии, так как громкость звука в аппарате была

усиленная. Находящийся неподалеку человек свободно слышал разговор. Звонил корпусной комиссар Степанов – член Военного совета ВВС. Он доложил Сталину, что находится в Петрушково (здесь, немного западнее Москвы, находился штаб Западного фронта).

– Ну, как у вас там дела? – спросил Сталин.

– Командование ставит вопрос, что штаб фронта очень близок от переднего края обороны. Нужно штаб фронта вывести на восток за Москву, а КП организовать на восточной окраине Москвы!

Воцарилось довольно длительное молчание...

– Товарищ Степанов, спросите товарищей – лопаты у них есть? – спросил спокойно Сталин...

Довольно быстро Степанов доложил:

– Лопаты, товарищ Сталин, есть!

– Передайте товарищам, пусть берут лопаты и копают себе могилы. Штаб фронта останется в Петрушково, а я останусь в Москве. До свидания.

Не торопясь, Сталин положил трубку. Он даже не спросил, какие товарищи, кто именно ставит эти вопросы. Сталин продолжил прерванный разговор» (80).

О стиле работы Верховного Главнокомандующего

«Он сидел на стуле, что было необычно, на столе стояла нетронутая остывшая еда. Сталин молчал. В том, что он слышал и видел, как я вошёл, сомнений не было, напоминать о себе я счёл бестактным. Мелькнула мысль: что-то случилось, страшное непоправимое, но что? Таким мне Сталина видеть не доводилось. Тишина давила.

– У нас большая беда, большое горе, – услышал я, наконец, тихий, но чёткий голос Сталина. – Немец прорвал оборону под Вязьмой, окружено шестнадцать наших дивизий.

После некоторой паузы, то ли спрашивая меня, то ли обращаясь к себе, Сталин также тихо сказал:

– Что будем делать? Что будем делать?!

Видимо, происшедшее ошеломило его. Потом он поднял голову, посмотрел на меня. Никогда ни прежде, ни после этого мне не приходилось видеть человеческого лица с выражением такой страшной душевной муки. Мы встретились с ним и разговаривали не более двух дней тому назад, но за эти два дня он сильно осунулся...Вошёл Поскребышев, доложил, что прибыл Борис Михайлович Шапошников...Сталин встал, сказал чтобы входил. На лице его не осталось и следа от только что пережитых чувств. Начались доклады» (78).

«От Сталина надо было ждать звонка в любое время суток. Звонил, как правило, он сам или его помощник А. Н. Поскребышев...Если Сталин звонил сам, то обычно он здоровался, спрашивался о делах и, если нужно было, чтобы вы лично к нему явились, никогда не говорил: «Вы мне нужны, приезжайте», – или что-нибудь в этом роде. Он всегда спрашивал: «Можете вы ко мне приехать?» – и, получив утвердительный ответ, говорил: «Пожалуйста, приезжайте» (101).

«При одном из очередных посещений Ставки я доложил Сталину о проделанной дивизией работе и, закончив доклад, ожидал, что сейчас будет поставлена новая задача. Сталин, не топясь, ходил по кабинету, покуривая трубку.

– Скажите, – подойдя ко мне, спросил он, – вы больше ничего не надумали о возможностях расширения вашей деятельности?

Без всяких обиняков рассказал я Сталину всё о чём думал. Говорить мне с ним было легко, так как он, как я уже упоминал раньше, никогда не прерывал человека, излагающего свои мысли по интересующему его вопросу» (135 – 136).

«– Ну, как, вы не возражаете, если мы немного поправим и расширим ваши же соображения?

– Возразить тут, товарищ Сталин, нечему. Но как практически всё это осуществить, над этим нужно как следует подумать. Так сразу всего не решишь, – ответил я.

– Серьёзные вопросы никогда сразу не решаются, – последовал ответ. – Будет издано специальное постановление о со-

здании АДД, в составлении его и вы примете участие. Что же касается специальных авиационных вопросов, то вы по ним и внесёте свои предложения.

– Тогда разрешите мне встретиться с лицом, которое встанет во главе этого дела. Я доложу ему все соображения, которые у меня имеются, и, если он будет согласен, внесём вам на утверждение.

– А мы с этим лицом и ведём сейчас разговоры, – услышал я в ответ.

– Вы имеете в виду меня, товарищ Сталин?! – изумившись, спросил я.

– Да, именно вас.

– Разрешите, товарищ Сталин, подумать, – после длительного молчания сказал я.

– Бойтесь? – Сталин как будто читал мои мысли.

Я вспыхнул, почувствовал, как кровь бросилась в лицо.

– Я никогда не был трусом, товарищ Сталин!

– Это нам давно известно, – последовал спокойный ответ. Но нужно уметь держать себя в руках. Мы за вас подумали, и время на это вам тратить нечего. Вы лучше подумайте над тем, как всё это практически осуществить. Не торопитесь, посоветуйтесь, с кем найдёте нужным, и через пару дней дайте свои соображения» (149 – 150).

«У Сталина можно было столкнуться с любым вопросом, конечно, входящим в круг ваших обязанностей и вашей компетенции, и вы обязаны были дать исчерпывающий ответ. Если вы оказались не готовы к ответу, вам давали время уточнить необходимые цифры, факты, даты, детали по телефону прямо из приёмной. Если же оказывалось, что вы затрудняетесь ответить по основным вопросам вашей деятельности, касающимся боевой работы подчинённых вам частей и соединений, материальной части, командного состава и так далее, которые вы обязаны знать по занимаемой должности, вам прямо говорили, что вы не занимаетесь своим делом, не знаете его и, если так пойдёт дальше, делать вам на этом посту нечего. Так, незнание обстановки, возможностей своих войск и противника

показал Маршал Советского Союза Г. И. Кулик, разжалованный в 1942 году до звания генерал-майора» (101).

«Контроль за исполнением даваемых поручений был абсолютен. Каждый знал, что его обязательно спросят, и не раз, о том, как выполняется полученное задание. Выполнение различных постановлений и решений начинали немедленно, не ожидая их оформления. Дорожили каждым часом, зная, что никаких скидок на всякие там обстоятельства не будет. Все вопросы обсуждались предварительно, исполнитель, как правило, присутствовал здесь же.

На мой взгляд характерной чертой Сталина была его паразитическая требовательность к себе и другим...Каждый также знал, что ответит сполна, несмотря ни на какие заслуги, если он мог что-либо сделать, но не сделал. Всяческие отговорки, которые у нас, к сожалению, всегда находятся, для Сталина не имели никакого значения. Если же человек в чём-то ошибся, но пришёл и сам сказал прямо обо всём, как бы тяжелы ни были последствия ошибки, никогда за этим не следовало наказание. Но горе было тому, кто брался что-то сделать и не делал, а пускался во всякого рода объяснения. Такой человек сразу лишался своего поста. Болтунов Сталин не терпел. Не раз слышал я от него, что человек, который не держит своего слова, не имеет лица. О таких людях он говорил с презрением. И наоборот, хозяева своего слова пользовались его уважением. Он заботился о них, заботился об их семьях, хотя никогда об этом не говорил и этого не подчёркивал. Он мог работать круглые сутки и требовал работы от других. Кто выдерживал, тот работал. Кто не выдерживал, – уходил» (102).

«У Сталина была какая-то удивительная способность находить слабые места в любом деле. Я видел Сталина и общался с ним не один день и не один год и должен сказать, что всё в его поведении было естественно. Иной раз я спорил с ним, доказывая своё, а спустя некоторое время, пусть через год, через два, убеждался: да, он тогда был прав, а не я. Сталин давал мне возможность самому убедиться в ошибочности своих заключений, и я бы сказал, что такой метод педагогики был весьма эффективен» (103).

«Слово Верховного Главнокомандующего было нерушимо. Обсудив с ним тот или иной вопрос, вы смело выполняли порученное дело. Никому и в голову не могло прийти, что ему потом скажут: мол, ты не так понял. А решались, как известно, вопросы огромной важности. Словесно же, то есть в устной форме, отдавались распоряжения о боевых вылетах, объектах бомбометания, боевых порядках и так далее, которые потом оформлялись боевыми приказами. И я не помню случая, что бы кто-то что-то перепутал или выполнил не так, как нужно. Ответственность за порученное дело была столь высока, что чёткость и точность выполнения были обеспечены. Я видел точность Сталина даже в мелочах. Если вы поставили перед ним те или иные вопросы и он сказал, что подумает и позвонит вам, можете не сомневаться: пройдёт час, день, неделя, но звонок последует, и вы получите ответ.

Как-то на первых парах, ещё не зная стиля работы Сталина, я напомнил ему о необходимости рассмотреть вопрос о целесообразности применения дизелей для дальних полётов...

– Вы мне об этом уже говорили, – несколько удивлённо ответил Сталин, – и я обещал вам этот вопрос рассмотреть. Имейте терпение. Есть более важные дела.

Прошло довольно много времени, и я собрался было ещё раз напомнить, но при очередном разговоре по телефону Сталин сказал:

– Приезжайте, дошла очередь и до ваших дизелей.

...Я довольно скоро увидел, что Сталин не любит многословия, требует краткого изложения самой сути дела. Длинных речей он терпеть не мог и сам таких речей никогда не произносил. Его замечания или высказывания были предельно кратки, абсолютно ясны. Бумаги он читал с карандашом в руках, исправлял орфографические ошибки, ставил знаки препинания, а бумаги «особо выдающиеся» отправлял назад автору. Мы каждый день представляли в Ставку боевое донесение нашей деятельности и, прежде чем подписать их, по несколько раз читали, а словарь Ушакова был у нас настольной книгой» (104).

«Письменные документы, подлежащие опубликованию в виде постановлений, решений, отрабатывались с особой тщательностью, помногу раз обсуждались и лишь после многократных чтений, поправок, критических замечаний отпечатывались начисто и подписывались. Сталин по поводу таких документов говорил: «Думай день, мало – неделю, мало – месяц, мало – год. Но, подумав и издав, не вздумай отменять».

Если вы обратите внимание на документы, которые подписывались в то время, увидите, что Сталин, хотя и являлся главой правительства и Генеральным секретарём нашей партии, в зависимости от содержания документа скромно довольствовался иногда и третьим местом, ставя свою подпись под ним.

Слово «я» в деловом лексиконе Сталина отсутствовало. Этим словом он пользовался, лишь рассказывая лично о себе. Таких выражений, как «я дал указание», «я решил» и тому подобное, вообще не существовало, хотя все мы знаем, какой вес имел Сталин и что именно он, а не кто другой, в те времена мог изъясняться от первого лица. Везде и всегда у него было «мы».

Мне запомнилась характерная особенность в обращении к Верховному Главнокомандующему. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь обращался к нему, называя его воинское звание или должность. Обращаясь, все говорили: «Товарищ Сталин». Эти слова всегда произносились и в ответах на его вопросы. Отвечавшие говорили: «Да, товарищ Сталин», «Могу, товарищ Сталин», «Нет, товарищ Сталин»... Мне пришлось слышать, как один из присутствующих назвал Верховного Главнокомандующего по имени и отчеству, подчёркивая тем самым своё стремление быть более близким к нему, нежели другие. Сталин ничего, конечно, не сказал по этому поводу. Но своё явное недовольство весьма убедительно выразил жестом и мимикой. Документы, письма и другие деловые бумаги, направлявшиеся ему, как правило, имели короткий адрес: «ЦК ВКП (б). Товарищу Сталину» (105).

«Войдя в кабинет, я увидел там командующего ВВС генерала П. Ф. Жигарева, что-то горячо доказывавшего Сталину... Вслушавшись в разговор, я понял, что речь идёт о большом

количестве самолётов, стоящих на заводских аэродромах. Эти самолёты якобы были предъявлены военной приёмке, но не приняты, как тогда говорили «по бою», то есть были небоеспособны, имели различные технические дефекты. Генерал закончил свою речь словами:

– А Шахурин вам врёт, товарищ Сталин.

– Ну что же, вызовем Шахурина...

Через несколько минут явился А. И. Шахурин, поздоровался и остановился, вопросительно глядя на Сталина.

– Вот тут нас уверяют, – сказал Сталин, – что те семьсот самолётов, о которых вы мне говорили, стоят на аэродромах заводов не потому, что нет лётчиков, а потому, что они не готовы по бою, поэтому не принимаются военными представителями, и что лётчики в ожидании матчасти живут там месяцами.

– Это неправда, товарищ Сталин, – ответил Шахурин.

– Вот видите, как получается: Шахурин говорит, что есть самолёты, но нет лётчиков, а Жигарев говорит, что есть лётчики, но нет самолётов. Понимаете ли вы оба, что семьсот самолётов – это не семь самолётов? Вы же знаете, что фронт нуждается в них, а тут целая армия. Что же мы будем делать, кому из вас верить? – спросил Сталин.

Воцарилось молчание. Я с любопытством и изумлением следил за происходящим разговором: неужели ли это правда, что целых семьсот самолётов стоят на аэродромах заводов, пусть даже не готовых по бою (неисправных. – А. С.) или из-за отсутствия лётчиков? О таком количестве самолётов, находящихся на аэродромах заводов, мне слышать не приходилось. Я смотрел то на Шахурина, то на Жигарева. Кто же из них прав?..

Все присутствующие, в том числе и Сталин, замерли и стояли неподвижно...Никто, даже Шахурин, оказавшийся правым, не посмел продолжить разговор...Случай был беспрецедентным. Что-то сейчас будет? Я взглянул на Сталина. Он был бледен и смотрел широко открытыми глазами на Жигарева, видимо с трудом осмысливая происшедшее. Чувствовалось, его ошеломило не то, почему такое огромное число самолётов находится до сих пор ещё не на фронте, что ему было известно, неустанов-

ленны были лишь причины, а та убеждённая и уверенность, с которой генерал говорил неправду. Наконец, лицо Сталина порозовело, было видно, что он взял себя в руки. Обратившись к А. И. Шахурину и Н. П. Селезнёву, он поблагодарил их и распрощался. Я хотел последовать их примеру, но Сталин жестом остановил меня. Он медленно подошёл к генералу. Рука его стала подниматься. «Неужели ударит?» – мелькнула у меня мысль.

– Подлец! – с выражением глубочайшего презрения сказал Сталин и опустил руку. – Вон!

Быстрота, с которой удалился Павел Фёдорович, видимо, соответствовала его состоянию. Мы остались вдвоём. Сталин долго и молчаливо ходил по кабинету. Глядя на него, думал и я. Какую волю и самообладание надо иметь, как умел держать себя в руках этот изумительный человек, которого с каждым днём узнавал я всё больше и больше. Зачем он позвал меня и заставил присутствовать при только что происшедшем? Давал мне предметный урок? Может быть! Такие вещи остаются в памяти на всю жизнь...

– Вот и повоюй и поработай с таким человеком. Не знает даже, что творится в его же епархии! – наконец заговорил Сталин, прервав ход моих мыслей» (167 – 170).

«Войдя к Сталину и встретив его вопрошающий взгляд, я сразу доложил, что названные аэродромы не могут принять тяжёлые самолёты.

– Вы что шутите? – спросил Сталин. – Товарищи же говорят, что предложенные аэродромы годны для этих самолётов!

– Аэродромы, товарищ Сталин, для этих самолётов непригодны, – ответил я.

Все молчали.

– Вы хотите, чтобы караваны судов дошли до нас?

– Хочу, товарищ Сталин.

– Так в чём же дело?

– Дело в том, что на предложенные аэродромы такие самолёты сесть не могут, не смогут также с них и взлететь...

– Мы видим, вы просто не желаете бить фашистов? – услышал я.

Разговор принимал нехороший оборот. Таким тоном Сталин со мной ещё ни разу не разговаривал...

Ни к кому не обращаясь. Сталин сказал:

– Что же мы будем делать?

Ответа не последовало....

– Вы сами можете что-либо предложить? – услышал я голос Сталина, обращённый ко мне.

– Мне не совсем понятно, товарищ Сталин, почему всё упёрлось в тяжёлые корабли.

– У вас есть другие предложения? – спросил он.

– Я считаю, что поставленную задачу вполне можно решить самолётами Ил-4...

– Вы убеждены, что Ил-4 выполнят поставленную задачу?

– Да, убеждён. Они выполнят её лучше, чем тяжёлые корабли.

– Вы берёте на себя ответственность за это дело?

– Да, беру!

– Ну что же, тогда давайте так и решим, – заключил Сталин.

Ни единого возражения присутствующими не было высказано. Так закончился столь неприятно начатый разговор, предотвративший неоправданные потери» (176 – 178).

«Применение самолётов Ил-4 для уничтожения авиации противника на его аэродромах полностью себя оправдало. Нужно сказать, что Сталин в дальнейшем не раз вспоминал происшедший в период подготовки этой операции эпизод. Когда впоследствии командование АДД высказывало свои соображения по тому или иному вопросу, нас всегда внимательно выслушивали в Ставке, и эпизодов, подобных приведённому, не было. Когда же наше мнение противоречило другим предложениям, Сталин спрашивал, будет ли выполнено задание, и, получив утвердительный ответ, всегда соглашался с нашим мнением» (181, 182).

«Теперь нужно было принимать решение: подтвердить отданное раньше распоряжение или согласиться с внесённым предложением и отложить выполнение поставленной задачи на более позднее время.

Сталин по своему обыкновению прохаживался по кабинету и размышлял. А подумать было над чем. Ясно, что по каким-то ему одному известным причинам нужно было нанести удар по Берлину. Возможно, он дал по этому поводу какое-то обещание союзникам, а свои обещания, как известно, он всегда выполнял. Выслушав же наши доводы, Сталин не торопился с решением.

Общаясь со Сталиным, я уже давно заметил, его логичное, короткое и ясное изложение того или иного вопроса производило на него определённое впечатление, я бы даже сказал – влияние. И логики, и ясности в доложенных соображениях было достаточно для того, чтобы отчётливо представить себе создавшееся положение.

– Когда вы считаете возможным возобновить полёты на Берлин? – наконец спросил он.

Я назвал месяц и число.

– Это точно?

– Совершенно точно, товарищ Сталин, если не помешает погода.

Походив ещё немного, Сталин сказал:

– Ничего не поделаешь, придётся с вами согласиться.

Разговор был окончен.

Чтобы завершить разговор об этом эпизоде, должен сказать, что ровно в полночь названного мною в качестве возможного для бомбардирования Берлина числа позвонил Сталин. Поздоровавшись, он спросил, не забыл ли я, какое сегодня число. И, услышав, что группа самолётов в такое-то время вылетела на выполнение задания, полученного нами в июне, и через несколько минут начнётся бомбёжка Берлина, он пожелал нашим лётчикам удачи.

Контролировать исполнение принятых решений или отдельных распоряжений – было у Сталина правилом. Спрос за их выполнение был всегда строг» (182, 183).

«Верховный Главнокомандующий не только уделял пристальное внимание развитию авиации дальнего действия, но и повседневно наблюдал за её боевой работой, и это было

известно всем боевых экипажам, ибо, летая на дальние цели, в частности на Берлин – столицу фашистской Германии, а также на столицы её вассалов, каждый экипаж, выполнивший боевое задание, имел право с воздуха доносить об этом лично Сталину... Как правило, при наших полётах на дальние цели Сталин не уходил отдыхать, пока не сядет последний самолёт и не станет известно, сколько самолётов ещё не вернулось. Днём он всегда спрашивал, вернулся ли ещё кто-нибудь, и искренне радовался, когда наши потери были невелики, а также когда возвращался или обнаруживался тот или иной экипаж или лётчик, которых мы считали потерянными» (219 – 220).

«Как-то Сталин сказал мне, что Авиации дальнего действия нужно взять на себя планомерное обеспечение боевых действий партизан и что этот вопрос нужно включить в повседневную боевую деятельность АДД.

– Потребности партизан в помощи авиации будут большие, – продолжил он, – но полностью обеспечить все эти потребности, конечно, невозможно, ибо в ущерб основной деятельности АДД это делать нельзя. Держите нас всё время в курсе партизанских вопросов и, если будут возникать трудности, советуйтесь. Связь по всем делам держите с Ворошиловым и Пономаренко...

Будучи у Верховного и доложив об очередных результатах боевой работы АДД, я ждал указаний.

– А больше никаких полётов не было? – спросил Верховный.

– Нет, товарищ Сталин, не было.

– А вы ничего не забыли?

Быстро перебрал мысленно всё, что было доложено, я уверенно ответил:

– Нет, товарищ Сталин, ничего не забыл.

– А к Емлютину вы летали?

– Да, товарищ Сталин, туда летало два «Дугласа», отвезли соль. У Емлютина в отряде цинга. Товарищ Ворошилов просил забросить к ним соль, что мы и сделали.

– А почему же вы нам об этом ничего не сказали? Мы же условились с вами, что вы будете нам рассказывать всё, что касается вопросов обеспечения партизан.

– Я считал это мелочью и сам уже забыл об этом.

– На войне мелочей нет, а память у вас, как мы знаем, хорошая. Не следует забывать о таких вещах. Мы вам претензий не предъявляем. Раз в отряде такое дело, соль нужно было забросить, но мы хотим обо всём этом знать от вас. Могут быть и такие случаи, когда вас будут о чём-то просить, а мы вам не посоветуем выполнять эти просьбы.

Походив немного по кабинету, Верховный продолжал:

– Ну, к примеру, допустим, кто-либо из партизан попросит вас регулярно доставлять продовольствие на весь отряд. Будет ли это правильным?

Ещё не понимая, к чему клонится разговор, я молчал.

– Надо сказать, что всегда правильным это не будет, Почему? Потому что, если отряд, имея вооружение и боеприпасы, не может добыть себе продовольствие, – это не боевой отряд. Правилom может быть доставка в отряд боеприпасов и вооружения для ведения боевых операций. Доставка же продовольствия должна быть исключением и может быть допущена только тогда, когда население уже не может больше помочь партизанам и у них действительно нет возможности добыть пищу из-за отсутствия в этом районе продовольствия и у немцев. Партизанские отряды, которые могут существовать только на продовольственном обеспечении, доставляемом из Красной Армии, нам не нужны...

Теперь мне стало ясно, что Сталин, узнав от кого-то о доставке соли в отряд Емлютина, ждал от меня доклада об этом и, не услышав его, видимо, был обеспокоен тем, понимаю ли я задачи, стоящие перед партизанами...разговор на эту тему был закончен, и я сделал из него соответствующие выводы» (242 – 244).

«Сталин имел привычку советоваться по тому или иному вопросу с разными товарищами, дабы, имея ряд мнений, остановиться на более целесообразном. Между Сталиным и Жу-

ковым состоялся довольно длительный разговор по поводу окружённой группировки, точнее, о том, что делать дальше. После окончания разговора Георгий Константинович рассказал мне о его содержании и повторил, что он высказался за «Кольцо» (так оно и именовалось в дальнейшем) – быстрое наступление на запад с тем, чтобы отбросить нижнечирскую и котельничскую группировки противника от его войск, окружённых в районе Сталинграда, создать там плотный боевой порядок, чем пресечь возможную попытку их соединения. Что касается войск противника, находящихся в кольце окружения, их следует расчленивать и уничтожить по частям...В принципе за такое решение высказалось большинство, и оно было принято Сталиным» (260).

«Бывая у Верховного, нужно было весьма сжато докладывать о проделанной работе. С ним общалось очень много народа, поэтому он дорожил своим временем и не тратил его зря. В распределении своего рабочего дня, если можно так назвать время, затраченное на работу во время войны, когда по сути дела уже давно перемешались день и ночь, Сталин был пунктуален. Назначенное для докладов время точно выдерживалось. За всю войну мне помнится только один случай, когда, будучи вызванным к нему, я ждал в приёмной три или четыре минуты – Составление сводки Совинформбюро заняло у Верховного времени немного больше, чем предполагалось.

Обычно, когда я входил в кабинет, Сталин смотрел на большие часы, установленные в углу, или вынимал из кармана свои старинные серебряные часы «Павел Буре» с двумя крышками. Часы заводились ключиком, висевшем на цепочке. Молчаливый взгляд Верховного как бы подчёркивал проверку своевременности твоего прибытия. Не думаю, чтобы это касалось только лично меня. Строгость распределения времени чувствовалась во всём, начиная с требования совершенно краткого, но чёткого изложения вопроса, по которому вы пришли. Не могло быть и речи, чтобы кто-то мог нарушить этот порядок» (306).

«Если память не изменяет, было четыре часа утра, когда мне позвонил Сергей Кругликов, начальник оперативного управ-

ления НКВД, и сообщил, что в пять часов я должен быть на вокзале. Не успел поезд ещё остановиться, как я услышал свою фамилию и направился к вагону, откуда меня позвали. Прошёл я в салон, где кроме Сталина были Ворошилов, Молотов и Берия. Поздоровавшись, Сталин спросил, всё ли в порядке. Ответив утвердительно, я доложил, что погода, как говорится, по заказу. Кругом тихо, на всём маршруте безоблачно, болтанка отсутствует. Не часто можно дожидаться такой метеорологической обстановки.

Выслушав меня, Сталин сказал, что имеется в запасе день. В Тегеране нужно быть завтра, и поэтому он предлагает мне слетать туда и вечером вернуться обратно, а завтра вместе полетим в Тегеран. Так как это не было прямым приказанием, я возразил и доложил, что такой редкостной погоды больше не дождётся и нужно вылетать, чем скорее, тем лучше. Зачем подвергать себя возможным болтанкам или неустойчивой погоде, когда можно сегодня всего этого избежать? Наступила пауза. Сталин размышлял.

– Вы настаиваете на скорейшем вылете? – спросил он.

– Да, товарищ Сталин, настаиваю.

– Вы знаете, что вы, а никто иной, несёте личную ответственность за этот полёт?

– Да, товарищ Сталин, знаю, и именно поэтому настаиваю на скорейшем вылете.

– Ну, что же, – немного помедлив, сказал Сталин, – раз вы отвечаете за полёт и настаиваете на нём, придётся подчиниться» (354 – 355).

«Верховный Главнокомандующий, который нередко поднимал дух у тех или иных военачальников в 1941-м и 1942 годах, сейчас, наоборот, охлаждал пыл тех, у кого наши крупные победы несколько вскружили головы. Сталин говорил: недобитый враг – самый опасный враг, а мы его ещё не добились. Мы можем и должны радоваться нашим успехам, но преуменьшать силы врага мы не имеем права. Трудностей впереди у нас ещё много.

Вспоминая эти слова Сталина, скажу, что мне лично никогда не приходилось встречать человека, который в такой сте-

пени умел бы не только держать себя в руках и управлять своими чувствами, вливать в людей твёрдую уверенность в свои силы, в себя в самое тяжёлое время, но и умел бы сдерживаться сам и сдерживать людей от проявления длительной радости или торжества после достигнутых успехов и нацелить их на преодоление дальнейших трудностей...Это умение управлять людьми особенно было видно у Верховного в делах военных, фронтовых.

Ни один человек не может сказать, что он слышал от него такие слова, как: я решил, я приказал, я предложил. Таких слов в его лексиконе не существовало. Однако каждому, кто соприкасался с Верховным, было хорошо известно, что без его ведома, без его согласия, никто, нигде, никогда, никаких операций не проводил...Многое, очень многое исходило от самого Сталина. Обычно это начиналось со слов: «Вот тут товарищи предлагают...» И дальше шло изложение сути дела» (378 – 379).

«Верховный предложил Константину Константиновичу пойти в другую комнату и ещё раз подумать, прав ли он. Когда Рокоссовский был позван, он доложил, что своего мнения не изменил. Вторично ему было предложено пойти и ещё раз подумать. Когда он вторично был приглашён в кабинет Верховного, Рокоссовский знал, какие последствия могут последовать в случае неуспеха в выполнении его плана, и всё-таки, будучи уверенным в правильности своего предложения...он, как и в первый раз, решительно держался своей точки зрения. Верховному стало совершенно ясно, что только глубоко убеждённый в правильности своего предложения человек может так упорно настаивать на его выполнении. Предложение Константина Константиновича было принято, несмотря на неснятые возражения. Верховный, принимая предложение, сказал, что такая настойчивость командующего является гарантией успеха. И Рокоссовский оказался прав, что мы увидим из дальнейших событий.

...Весьма нередко последнее слово оставалось за тем, кто проводил в жизнь решение Ставки... «И не только с командующими фронтами имел непосредственную связь Верховный. Он

в любое время мог связаться с любым человеком и, независимо от докладов, вёл разговоры, можно сказать, напрямую с непосредственным исполнителем того или иного дела, мероприятия. Это очень хорошо знали мы все. Тем более такие разговоры бывали обязательно с теми товарищами, которые имели своё мнение, отличающееся от вносимого предложения. Каждому было известно, что в любое время можно обратиться к Верховному, если ты не согласен с проводимыми мероприятиями старших товарищей, зная, что каких-либо последствий от этого быть не может...

Было как-то само собой понятно, что каждый имеет право отстаивать своё мнение, свою точку зрения, не видя в этом каких-либо неблагоприятных намерений. Нередко, я бы усилил это – весьма нередко, обращавшиеся получали положительные решения по своим предложениям. И это совсем не являлось причиной нарушения нормальных отношений со своими, выше их стоящими по служебной лестнице, товарищами. Какое огромное преимущество имеет любой человек, стоящий в руководстве того или иного дела, когда докладывающий товарищ знает, что за неточным докладом того или иного вопроса может последовать немедленная проверка или по телефону, или вызовом того лица, о деятельности которого докладывается» (441 – 442).

«Когда тот закончил, Сталин, подойдя к нему, задал вопрос:

– Скажите, пожалуйста, вы слышали что-нибудь о фамилии Бугров?

– Нет, товарищ Сталин, такой фамилии я не слышал, – ответил Ефремов.

– Так я вам тогда скажу, – помолчав немного, сказал Верховный, – Бугров был известным на всю Волгу мукомолом. Все мельницы принадлежали ему. Только его мука продавалась в Поволжье. Ему принадлежал огромный флот пароходов и барж. Оборот его торговли определялся многими и многими миллионами золотых рублей. Он имел огромные прибыли...

У Бугрова были: он сам, его приказчик и бухгалтер, которому он платил 25 тысяч рублей в год. Кроме того, бухгалтер по-

лучал бесплатную квартиру и ездил на бугровских лошадях. Видимо, бухгалтер стоил таких денег. Зря платить ему Бугров не стал бы, умел сводить концы с концами. Вот и весь штат. Однако капиталист не будет тратить зря деньги, если это не вызывается крайней необходимостью, хотя деньги и являются его собственностью.

Немного помолчав, как бы раздумывая, Сталин продолжал:

– У нас с вами собственных денег нет, они принадлежат не нам с вами, а народу, и относиться поэтому к ним мы должны особо бережливо, зная, что распоряжаемся мы с вами не своим добром. Вот мы и просим вас, – обращаясь к наркому, продолжал Верховный, – посмотрите с этих позиций ваши предложения и дайте нам их на подпись» (522 – 523).

«...надо здесь сказать, что контроль за ходом отданных Верховным распоряжений и указаний был с его стороны повседневным, если не сказать – ежечасным, и спрос был суров. Я хочу здесь подчеркнуть, что не было ни одного товарища, несмотря на занимаемые должности, который бы мог, а сказать честнее, который посмел бы что-либо сделать на свой лад, на своё усмотрение, если он имел уже на сей счёт определённые указания.

Я хочу здесь засвидетельствовать и то, что ни одна операция, ни одно сколько-нибудь серьёзное мероприятие никогда и нигде не проводилось без санкции, без доклада Верховному. Он твёрдой рукой руководил проводимыми операциями фронтов, руководил работой своих заместителей и своих представителей Ставки на тех или иных фронтах, на тех или иных направлениях. Спрос со всех был одинаков, невзирая ни на чины, ни на занимаемую должность. Он, не стесняясь, указывал каждому на сделанные просчёты или ошибки и давал рекомендации или прямые указания, как их исправить. Это касалось и командующих фронтами и армиями, это касалось и начальника Генерального штаба А. М. Василевского и заместителя Верховного Главнокомандующего Г. К. Жукова.

Все решения, принимаемые Верховным, предварительно, как правило, обсуждались или оговаривались с большой груп-

пой товарищей, имевших отношение к принимаемому решению или знавших обсуждаемый вопрос. Все более или менее важные вопросы обсуждались и решались в присутствии членов Политбюро и Государственного Комитета Оборона. Напомню, что в ГКО была объединена вся советская исполнительная и законодательная власть и партийное руководство всей страны. Государственный Комитет Оборона был высшим органом, которому подчинялись все без исключения партийные и советские организации. Последнее слово в обсуждаемых вопросах принадлежало Верховному, но мне ни разу не довелось быть свидетелем, чтобы он противопоставлял свои мнения большинству, хотя по ряду вопросов с некоторыми военными товарищами не бывал согласен и решал вопросы в пользу интересов дела, за которое высказывалось большинство» (558 – 559).

«Авторитет И. В. Сталина в ходе Великой Отечественной войны был абсолютно заслужен и предельно высок как среди руководящих лиц Красной Армии, так и среди всех солдат и офицеров. Это неоспоримый факт, противопоставить которому никто ничего не может» (571).

«Думаю, что здесь нет необходимости убеждать кого-либо в том, что Сталин являлся истинным руководителем вооружённой борьбы советского народа против фашистских захватчиков. Его военный талант не сравним ни с чьим не только из наших военных деятелей, но и из военных и государственных деятелей капиталистических стран, в том числе и военных деятелей фашистской Германии. Некоторые товарищи говорят, что он был не силён в тактике. Я не знаю, о какой тактике ведётся речь. Если идёт речь о тактике мелких подразделений или о тактике ведения боя полком или дивизией, так такие знания, надо полагать, ему и не были нужны...Если же речь идёт о тактике в стратегии, где таковая тоже, как известно, имеется, то равного ему в этой тактике не было.

Кажется мне, что нет совсем никакой необходимости в том, чтобы доказывать, что Верховный не воевал по глобусу, хотя, как известно, война имела глобальное значение. Однако очевидно, это вещи разные. Если вы ознакомитесь с директивами

или указаниями Сталина, которые посылались командующим фронтам или представителям Ставки и которые сегодня уже не являются каким-либо секретом, то лично убедитесь, сколько военной мудрости, сколько предвидения вложено в них. Это доказывают результаты последующих действий, проведённых на основании таких указаний» (559).

«Длительное время работали с ним те, кто безупречно знал своё дело, умел его организовать и умел им руководить. Способных и умных людей он уважал, подчас не обращая внимания на серьёзные недостатки в их личных качествах, но, прямо скажу, бесцеремонно вмешивался в дело, если оно шло не так, как он считал нужным, уже не считаясь с тем, кто его проводит. Тогда он, не стесняясь, выражал со всей полнотой и ясностью своё мнение. Однако этим дело и кончалось, и работа шла своим чередом. Если же он убеждался в неспособности человека, время на разговоры с ним не тратил, а освобождал его от непосильной, с его точки зрения, должности» (571).

Вот мы и познакомились с мемуарами тех, кто, по сравнению с другими военачальниками, оставил самые объёмные воспоминания о Верховном Главнокомандующем. Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, С. М. Штеменко и А. Е. Голованов видели Сталина, сотни раз говорили с ним в кабинете, на дачах и по телефону. Они исполняли его приказы и приказания, вносили свои предложения и замечания при решении важнейших судьбоносных для ведения войны вопросов. Они рассказали то, что видели и слышали, без прикрас, не сглаживая острые моменты, не домысливая за него, как это делал Волкогонов. Всё это позволяло им давать оценки военной деятельности Сталина. И они их сделали: **полководец Иосиф Виссарионович Сталин был достойным Верховным Главнокомандующим.**

Однако будет несправедливо, если не представить здесь мнение о военной деятельности Сталина и других советских военачальников, а также «генералов» военного производства. Ограничусь наиболее главными их оценками и наиболее яркими эпизодами.

И. С. Конев. Записки командующего фронтом. – М., 1985.

КОНЕВ Иван Степанович
(1897 – 1973).

Видный военачальник, Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Кавалер ордена «Победа». В годы Великой Отечественной войны командовал армией, войсками Западного, Калининского, Северо-Западного, Степного, 2-го и 1-го Украинских фронтов.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 28 раз.

«23 ноября я доложил по ВЧ Верховному Главнокомандующему о сражениях за Днепром, о завоеванном большом стратегическом плацдарме, о том, что войска дерутся хорошо, имеют высокий боевой дух. Но, непрерывно находясь в боях около четырёх месяцев, бойцы физически устали, войскам требуется отдых и пополнение. Я просил разрешения временно перейти к обороне на занимаемом рубеже. И. В. Сталин высказал полное удовлетворение действиями войск фронта и согласился с моим предложением. Однако он поинтересовался моими ближайшими планами. Я кратко доложил ему, что войска фронта ещё проведут операции по захвату Чигирина, Александрии, железнодорожного узла Знаменки, завершат освобождение Черкасс и отбросят противника от Днепра по всей полосе фронта. И. В. Сталин одобрил этот план, и на этом разговор был закончен» (70).

«Как уже говорилось, окружённой группировке противника удалось прорваться в район Шендеровка, Ново-Буда на участке 27-й армии 1-го Украинского фронта. Ставка Верховного Главнокомандования в связи с прорывом войск противника про-

явила беспокойство. 12 февраля 1944 года около 12 часов меня по ВЧ вызвал Верховный Главнокомандующий.

Сталин, рассерженный, сказал, что вот мы огласили на весь мир, что в районе Корсунь-Шевченковского окружили крупную группировку противника, а в Ставке есть данные, что окружённая группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим, и спросил: «Что вы знаете об обстановке на фронте у соседа?»

По интонации его голоса, резкости, с которой он разговаривал, я понял, что Верховный Главнокомандующий встревожен, и, как видно, причина этого – чей-то не совсем точный доклад. Я доложил:

– Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окружённый противник не уйдёт. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в котёл, мною в район образовавшегося прорыва врага, были выдвинуты войска 5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно. Сталин спросил:

– Это вы сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией фронта.

Я ответил:

– Да, по своей, товарищ Сталин.

Сталин сказал:

– Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню.

Действительно, через 10 – 15 минут Сталин позвонил вновь:

– Нельзя ли войска, действующие против окружённой группировки, в том числе и 1-го Украинского фронта (27-ю армию), подчинить вам и возложить на вас руководство уничтожением окружённой группировки?

Такого предложения я не ожидал, но ответил без паузы:

– Товарищ Сталин, сейчас очень трудно провести переподчинение 27-й армии 1-го Украинского фронта мне. 27-я армия действует с обратной стороны кольца окружения, т. е. с противоположной стороны по отношению наших войск, с другого операционного направления. Весь тыл армии и связь её со шта-

бом 1-го Украинского фронта идут через Белую Церковь и Киев. Поэтому управлять армией мне будет очень трудно, сложно вести связь по окружности всего кольца через Кременчуг, Киев, Белую Церковь; пока в коридоре идёт бой, напрямую установить связь с 27-й армией невозможно. Армия очень слабая, растянута на широком фронте. Она не сможет удержать окружённого противника, тогда как на её правом фланге также создаётся угроза танкового удара противника с внешнего фронта окружения в направлении Лысянки.

На это Сталин сказал, что Ставка обяжет штаб 1-го Украинского фронта передавать все мои приказы и распоряжения 27-й армии и оставит её на снабжении в 1-м Украинском фронте. Я ответил, что в такой динамичной обстановке эта форма управления не обеспечит надёжность и быстроту передачи распоряжений. А сейчас требуется личное общение и связь накоротке. Все распоряжения будут идти с запозданием. Я попросил не передавать армию в состав нашего фронта.

– Хорошо, мы ещё посоветуемся в Ставке и с Генеральным штабом и тогда решим, – закончил разговор Сталин...

Здесь было бы уместно привести телеграмму И. В. Сталина Г. К. Жукову.

«Тов. Юрьеву.

Прорыв корсуньской группировки противника из района Стеблев в направлении Шандеровка произошёл потому, что:

слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена;

не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении в первую очередь Стеблевского выступа противника, откуда вероятнее всего можно было ожидать попыток его прорыва...

Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно, чтобы ликвидировать прорыв противника и ликвидировать корсуньскую его группировку... 12 февраля 1944 года. 16 часов 15 минут.

И. Сталин
Антонов».

12 февраля в 16 часов я получил по ВЧ важное решение Ставки, которой на меня возлагалась ответственность за разгром окружённой группировки» (108 – 110).

«После моего короткого доклада по телефону в Ставку о завершении сражения под Корсунь-Шевченковским И. В. Сталин сказал:

– Поздравляю с успехом. У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза. Как вы на это смотрите, не возражаете? Можно вас поздравить?

Я на это мог только ответить:

– Благодарю, товарищ Сталин.

Далее Сталин продолжал:

– Представьте отличившихся командиров к наградам. У нас также есть соображение ввести новое воинское звание маршала бронетанковых войск. Каково ваше мнение на сей счёт?

Я ответил, что отношусь к этому положительно, и доложил:

– Позвольте представить к этому новому званию маршала бронетанковых войск Павла Алексеевича Ротмистрова. Он отличился в этой операции.

Сталин сказал:

– Я – за. И думаю, что мы ещё присвоим такое звание товарищу Федоренко, начальнику бронетанковых войск.

Как известно указы Верховного Совета не заставили себя ждать»(128).

«В это время мне позвонил И. В. Сталин.

– Каковы ваши дальнейшие планы? – спросил он.

Я доложил, что, исходя из директив, поставленных фронту, основной удар буду наносить на Бельцы и Яссы, а затем поверну две общевойсковые и две танковые армии центра фронта для удара вдоль обоих берегов Днестра и для поддержки 3-го Украинского фронта.

– А что вы думаете в отношении Одессы? Ваше положение очень выгодное. Может быть, вы сумеете, по крайней мере с захватом станции Раздельная часть сил повернуть прямо на юг, на Одессу?

Я ответил И. В. Сталину, что, к сожалению, перегруппировать на этот фланг часть подвижных войск фронта не сумею,

танковые армии пришлось бы возвращать назад, да к тому же из-за тяжёлых условий местности и непролазной грязи по техническим причинам выбыло из строя много танков. Что касается действий 7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова, то я дал командарму указание поскорее форсировать Южный Буг и овладеть районом станции Раздельная, узлом железных дорог. Но так как у М. С. Шумилова никаких маневренных средств, кроме пехоты, не было, манёвр к югу от Раздельной ему выполнить не удалось.

Этот разговор, по существу, был как бы проверкой возможностей фронта. Верховный Главнокомандующий хотел выяснить мои планы по поводу дальнейших действий после выхода войск фронта к Днестру и захвата плацдармов на его западном берегу» (173 – 174).

«Выполнение задачи в соответствии с последней директивой Ставки было для фронта явно непосильно. Если у правого крыла возможности для наступления ещё были, то в центре из-за недостатка танков, боеприпасов, из-за растянутости тылов, отставания артиллерии, усталости войск операцию нужно было прекратить. Требовалась пауза.

В связи с этим, находясь в армии П. А. Ротмистрова на командном пункте в Румынии, где-то в районе Тыргул-Фрумос, я сообщил по ВЧ свои соображения И. В. Сталину. Я доложил, что войска фронта перевыполнили все задачи, прошли с боями 320 – 400 километров по сплошному бездорожью и в невероятно трудных условиях. Дальше активно выполнять задачи они не могут – устали, тылы растянулись; кроме того, сосед слева очень сильно отстаёт, а противник всё, что имеется перед его фронтом, перебрасывает против войск 2-го Украинского фронта. Необходима передышка. И предложил перейти к обороне. И. В. Сталин одобрил это предложение.

– Правильно, – сказал он. – Перейдите к обороне и приведите войска в порядок. О дальнейших задачах будут даны указания особо.

Ставка директивой от 6 мая 1944 года подтвердила переход к обороне» (185).

«В середине июня мы с членов Военного совета генерал-лейтенантом К. В. Крайнюковым вылетели в Москву для доклада Ставке плана предстоящей наступательной операции.

Как нам представлялось, это был обстоятельно подготовленный и продуманный план. Однако он вызвал возражения со стороны Верховного Главнокомандующего, считавшего нанесение фронтом двух ударов нецелесообразным. Он настаивал на отказе от двух ударов и рекомендовал наносить один удар – на львовском направлении, мотивируя это тем, что на ряде фронтов наибольший успех обеспечивался при нанесении только одного очень мощного удара.

Доводы И. В. Сталина были основаны на опыте других фронтов, однако в данном случае он не учёл обстановку и особенности нашего фронта, а также боевой опыт и подготовку командных кадров. Видимо, недооценивались также группировка противника и характер местности, позволявшие противнику широко использовать манёвр резервами...

Мы понимали, что фронт действует на самостоятельном стратегическом направлении; исходя из задач и ширины полосы фронта решение о нанесении двух ударов было вполне целесообразным и, я бы сказал, необходимым. Но И. В. Сталин настаивал на своём. Я же отстаивал нашу точку зрения, мотивируя тем, что один удар на львовском направлении даст противнику возможность широко маневрировать имеющимися у него в резерве танковыми и моторизованными дивизиями и другими резервами, а также привлечь для действий по нашей ударной группировке всю свою авиацию...

Мои доводы и проявленная настойчивость заставили И. В. Сталина в конце концов согласиться с нашим планом. Помню, как он сказал: «Уж очень вы упрямы. Хорошо, проводите свой план и выполняйте его под вашу ответственность». Такая реплика И. В. Сталина меня насторожила. Я понял, что это предупреждение об ответственности за возможный исход операции.

Скажу откровенно, в данном случае не упрямство владело мною, а убеждённость в своей правоте. ... Я ставил вопрос открыто и прямо и не мог, не имея права утаивать свои мысли,

приспособливаться к мнению Верховного, хотя оно и не совпало с моим мнением. Кстати, И. В. Сталин понимал людей, которые твёрдо и открыто отстаивали своё мнение в принципиальных вопросах» (207 – 208).

«Двенадцатого января 1945 года войска 1-го Украинского фронта, которыми мне выпала честь командовать, приступили к проведению Висло-Одерской стратегической наступательной операцией...

Я назвал 12 января, день начала операции, но, чтобы рассказать об этой операции действительно с самого начала, придётся вернуться на полтора месяца назад – к концу ноября 1944 года.

Тогда меня вызвали в Москву с планом операции, разработанным командованием фронта. Я доложил его в Ставке Верховного Главнокомандования И. В. Сталину в присутствии членов Государственного Комитета Обороны.

Я хорошо помню, как обстоятельно И. В. Сталин изучал этот план. Особенно внимательно он рассматривал на карте Силезский промышленный район. Здесь было огромное скопление предприятий, шахт с мощным оборудованием, расположенным на земле, различного вида промышленных построек. Всё это, вместе взятое, представляло очень большое препятствие для маневренных действий войск при наступлении.

Даже на карте масштабы Силезского района и его мощь выглядели внушительно. Сталин, как я прекрасно понял, подчёркивая это обстоятельство, показал пальцем на карту, обвёл этот район и сказал:

– Золото.

Сказано это было так, что, в сущности, не требовало дальнейших комментариев. Для меня, как командующего фронтом, уже и без того было ясно, что вопрос об освобождении Домбровско-Силезского промышленного района надо решать особому.

Надлежало принять все меры к предельно возможному сохранению его промышленного потенциала, тем более, что после освобождения эти исконно польские земли должны отойти к

Польше. И поэтому по нашему плану удары войск шли в обход этого района, севернее и южнее его. Однако не скрою, когда Сталин так веско, значительно сказал: «Золото», я подумал, что следует ещё более внимательно и глубоко изучить все возможности не только освобождения, но и спасения Домбровско-Силезского промышленного района» (307 – 308).

«1 апреля 1945 года в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и я. Сталин принял нас, как обычно, в Кремле, в своём большом кабинете с длинным столом и портретами Суворова и Кутузова на стене...

Едва мы успели поздороваться, Сталин задал вопрос:

– Известно ли вам как складывается обстановка?

Мы с Жуковым ответили, что по тем данным, которыми располагаем у себя на фронтах, обстановка нам известна. Сталин повернулся к Штеменко и сказал ему:

– Прочтите им телеграмму.

Штеменко прочёл вслух телеграмму, существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Красной Армии... Телеграмма заканчивалась тем, что, по всем данным, план взятия Берлина раньше Красной Армии рассматривается в штабе союзников, как вполне реальный и подготовка к его выполнению идёт вовсю.

После того как Штеменко дочитал до конца телеграмму, Сталин обратился к Жукову и ко мне:

– Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил:

– Берлин будем брать мы, и возьмём его раньше союзников.

– Вон какой вы, – слегка усмехнувшись, сказал Сталин и сразу в упор задал мне вопрос по существу: – А как вы сумеете создать для этого группировку? У вас главные силы находятся на вашем южном фланге, и вам, по-видимому, придётся производить большую перегруппировку.

Я ответил на это:

– Товарищ Сталин, можете быть спокойны: фронт проведёт все необходимые мероприятия, и группировка для наступления на берлинском направлении будет создана нами своевременно.

Вторым отвечал Жуков. Он доложил, что войска готовы взять Берлин. 1-й Белорусский фронт, густо насыщенный войсками и техникой, был к тому времени прямо нацелен на Берлин, и притом с кратчайшего расстояния. Выслушав нас, Сталин сказал:

– Хорошо. Необходимо вам обоим здесь, прямо в Москве, в Генштабе, подготовить свои планы и по мере готовности, через сутки-двое, доложить о них Ставке, чтобы вернуться к себе на фронты с уже утверждёнными планами на руках. – Верховный Главнокомандующий предупредил, что Берлин надо взять в кратчайший срок, поэтому время на подготовку операции весьма ограничено» (369 – 371).

«В ходе Берлинской операции дело сложилось так, что армии 1-го Украинского фронта не только содействовали взятию Берлина, но вместе с войсками 1-го Белорусского фронта непосредственно активно участвовали в его штурме...

Это впечатление усилилось, когда, утверждая состав группировок и направление ударов, Сталин стал отмечать карандашом по карте разграничительную линию между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. В проекте директив эта линия шла через Люббен и далее, несколько южнее Берлина. Ведя эту линию карандашом, Сталин вдруг оборвал её на городе Люббен, находившемся примерно в шестидесяти километрах к юго-востоку от Берлина. Оборвал и дальше не пошёл. Он ничего не сказал при этом, но, я думаю, и маршал Жуков тоже увидел в этом определённый смысл. Разграничительная линия была оборвана примерно там, куда мы должны были выйти к третьему дню операции. Далее (очевидно, смотря по обстановке) молчаливо предполагалась возможность проявления инициативы со стороны командования фронтов.

Для меня, во всяком случае, остановка разграничительной линии на Люббене означала, что стремительность прорыва, быстрота и маневренность действий на правом крыле нашего

фронта могут впоследствии создать обстановку, при которой окажется выгодным наш удар с юга на Берлин.

Был ли в этом обрыве разграничительной линии на Люббене негласный призыв к соревнованию фронтов? Допускаю такую возможность. Во всяком случае, не исключаю её. Это тем более можно допустить, если мысленно вернуться назад, к тому времени, и представить себе, чем тогда для нас был Берлин и какое страстное желание испытывали все, от солдата до генерала, увидеть этот город своими глазами, овладеть им силою своего оружия.

Разумеется, это было и моим страстным желанием. Не боюсь в этом признаться и сейчас. Было бы странно изображать себя в последние месяцы войны человеком, лишённым страстей. Напротив, все мы были тогда переполнены ими» (373 – 374).

«Я поговорил со штабом фронта, выслушал доклад нескольких командующих армиями, ещё раз переговорил с танкистами (они сообщили, что успешно продвигаются на запад от Шпрее) и, представив картину всего происходящего, позвонил по ВЧ в Ставку. Доложил И. В. Сталину о ходе наступления фронта, о переправе через Шпрее, о том, что танковые армии начали отрываться от общевойсковых и выдвигаться глубоко вперёд в северо-западном направлении...

Когда я уже заканчивал доклад, Сталин вдруг прервал меня и сказал:

– А дела у Жукова идут пока трудно. До сих пор прорывает оборону.

Сказав это, Сталин замолчал. Я тоже молчал и ждал, что будет дальше. Вдруг Сталин спросил:

– Нельзя ли, перебросив подвижные войска Жукова, пустить их через образовавшийся прорыв на участке вашего фронта на Берлин?

Выслушав вопрос Сталина, я доложил своё мнение:

– Товарищ Сталин, это займёт много времени и внесёт большое замешательство. Перебрасывать в осуществлённый нами прорыв танковые войска с 1-го Белорусского фронта нет необходимости. События у нас развиваются благоприятно, сил дос-

таточно, и мы в состоянии повернуть обе наши танковые армии на Берлин.

Сказав это, я уточнил направление, куда будут повернуты танковые армии, и назвал как ориентир Цоссен-городок в двадцати пяти километрах южнее Берлина, известный нам как место пребывания ставки немецко-фашистского генерального штаба.

– Вы по какой карте докладываете? – спросил Сталин.

– По двухсоттысячной.

После короткой паузы, во время которой он, очевидно, искал на карте Цессен, Сталин ответил:

– Очень хорошо. Вы знаете, что в Цессене ставка гитлеровского генерального штаба?

– Да, знаю.

– Очень хорошо, повторил он. – Я согласен. Поверните танковые армии на Берлин.

На этом разговор закончился» (393 – 394).

«Осмысливая теперь события тех дней, я прихожу к выводу, что в Берлинской операции наиболее ярко проявилась организующая и направляющая роль Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба.

И. В. Сталин внимательно выслушал соображения командующих фронтами, учитывая предложения Генштаба, определил замысел Берлинской операции, после чего поставил ясные оперативные задачи фронтам. На основе этих указаний командующие разработали планы операций, которые были рассмотрены и утверждены Ставкой. Верховный Главнокомандующий с присущей ему твёрдостью руководил Берлинской операцией, внимательно следил за её развитием, лично координировал действия 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, оказывал необходимую поддержку. Обладая большими знаниями в области стратегии и военной истории, он реалистически оценивал внешнеполитическую обстановку, планы и группировки противника, состояние экономики, возможности техники и вооружения, морально-политическое состояние войск. Характерной чертой стиля И. В. Сталина был учёт всех особенностей обстановки при планировании каждой операции» (465 – 466).

А И. Ерёмченко. На западном направлении. – М., 1959.

ЕРЁМЕНКО Андрей Иванович (1892 – 1970).

Советский полководец, Маршал советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1944). В годы Великой Отечественной войны командовал несколькими фронтами..

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 10 раз.

«Ночью я прибыл в Москву и вскоре был принят в Ставке Сталиным в присутствии других членов ГКО... Вместе со мной был принят бывший командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Кузнецов Ф. И. После того как мы представились присутствующим, Маршал Советского Союза Шапошников сделал краткий обзор положения на фронтах... После доклада маршала Шапошникова И. В. Сталин показал нам с Кузнецовым направления главных ударов врага на своей карте. Он повторил некоторые положения, высказанные Шапошниковым, и подчеркнул, что нужно остановить продвижение противника как на брянском направлении, так и в Крыму. Закончил Сталин неожиданным вопросом, обращённым ко мне:

– Куда бы вы желали поехать: на Брянский фронт или в Крым?

Я ответил, что готов ехать туда, куда он сочтёт нужным меня послать. Сталин пристально взглянул на меня, и в выражении его лица мелькнула неудовлетворённость. Стремясь получить более конкретный ответ, он спросил кратко:

– А всё-таки?

– Туда, – быстро сказал я, – где обстановка будет наиболее тяжёлой.

– Она одинаково сложна и трудна и в Крыму и под Брянском, – последовал ответ.

Стремясь выйти из этого своеобразного тупика, я сказал:

– Пошлите меня туда, где противник будет применять мотомехчасти, мне кажется, там я сумею принести больше пользы, так как сам командовал механизированными войсками и знаю их природу и тактику действий.

– Ну хорошо! – сказал Сталин удовлетворительно. И тут же обратился к Кузнецову, спрашивая о его намерениях.

Кузнецов ответил весьма кратко:

– Я солдат, товарищ Сталин, буду воевать там, куда меня направят.

– Солдат-то солдат, – несколько растянуто проговорил Сталин, – но у вас есть же какое-то своё мнение?

Кузнецов повторил:

– Я солдат, товарищ Сталин, и всегда готов служить и работать в любом месте, куда меня пошлют.

Тогда, снова обращаясь ко мне, Сталин объявил:

– Вы, товарищ Ерёменко, назначаетесь командующим Брянским фронтом. Завтра же выезжайте на место и немедленно организуйте фронт. На брянском направлении действует танковая группа Гудериана, там будут происходить тяжёлые бои. Так что ваши желания исполняются. Встретите там механизированные войска вашего «старого приятеля» Гудериана, повадки которого должны быть вам знакомы по Западному фронту.

Закончив со мной разговор, Сталин просил меня зайти к начальнику Главного политуправления Красной Армии товарищу Мехлису Л. З. и решить вопрос о кандидатуре члена Военного Совета фронта.

Товарищу Кузнецову было объявлено, что он назначается командующим Отдельной Приморской Армией. Приказы по этим решениям были подписаны тут же» (70 – 72).

«Кроме того, к 28 августа фронту была подчинена резервная авиационная группа Главного командования. Приведу здесь переговоры со Сталиным по этому вопросу.

«У аппарата Сталин. Здравствуйте! Я вызвал вас на две минуты. В районе Богодухова, северо-западнее Харькова, стоит резервная авиагруппа Главного Командования № 1. В группе четыре полка. Командир группы полковник Трифонов Д. М. Она в моём подчинении. Свяжитесь с командиром группы и передайте ему от меня, что он с его авиагруппой с сегодняшнего дня, то есть с 17 числа, переходит в ваше распоряжение. Вам что-нибудь известно об этой авиагруппе? У меня нет для вас никаких указаний. Вы сами знаете, что нужно делать. Пойду передам приказ командиру авиагруппы Трифонову, что он временно поступает в ваше подчинение. Желаю успеха. Всего хорошего».

«Здравствуйте, товарищ Сталин. Слушаю вас. Об этой группе я ничего не знаю. Сейчас установлю с ней связь через Генеральный штаб и самолётом, использую её на новгород-северском – стародубском направлении для того, чтобы совместно с авиацией фронта и контрударом наземных войск уничтожить стародубско-новгородскую группу противника, а завтра с утра шестью дивизиями наносу концентрический удар по Стародуб. Мне ясно всё насчёт авиации. Какие ещё будут указания? У меня вопросов нет. До свидания, товарищ Сталин» (88 – 89).

«Здесь меня ранило в правую ногу и правое плечо несколькими осколками авиационной бомбы. Я спасся чудом, так как самолёт пикировал очень близко. У крыльца домика лесника росла сосна, и я, наблюдая бой, стоял около неё. Авиабомба разорвалась метрах в трёх от сосны, но с противоположной стороны. Это спасло меня от гибели, так как сосна прикрыла меня. Взрывной волной и осколками меня сбilo с ног и сильно оглушило» (112).

«К тому времени, когда Армии Брянского фронта вышли из оперативного окружения и заняли оборону на новых рубежах, я находился уже в кремлёвской больнице, только что эвакуированной из Москвы в Куйбышев. Около 12 часов ночи 26 или 27 октября меня на тележке подвезли к телефону (я тогда не мог не только ходить, но и сидеть). Мне дали трубку, но не сказали, кто вызывает меня.

Я назвал себя: «Генерал-полковник Ерёменко». По первым же словам приветствия, произнесённым с характерным акцентом, я узнал Сталина. Его слова запомнились мне. Он сказал:

«Поздравляю вас, товарищ Ерёменко, с большими успехами. Войска вашего фронта, находясь в окружении, проявили высокую организованность, доблесть и мужество, и особенно похвально то, что, несмотря на абсолютное превосходство врага, в тягчайших условиях они проявляли инициативу и дрались с невиданной дерзостью. Армии не только вышли организованно на новые рубежи, но нанесли врагу чувствительный урон. Поздравляю вас с этим успехом, – повторил он снова. – Беспокою вас в этот час, зная, что вы ждёте известий о своих солдатах» (119 – 120).

«Наконец в Генеральном штабе было получено сообщение местных органов НКВД об аварии самолёта По-2, на борту которого находился генерал. Утром из Москвы пришла санитарная машина с врачом, а во второй половине дня 14 октября я уже лежал на операционном столе Центрального госпиталя...

Ночью 15 октября в госпитале меня навесил Сталин. Он расспросил меня о делах на фронте и обстоятельствах моего ранения и пожурил за то, что я не берегу себя. Прощаясь со мной, он приказал начальнику госпиталя отправить меня на следующий день самолётом в Куйбышев» (122)

«Моё лечение шло к концу. 23 декабря 1941 года я донёс в Ставку о выздоровлении и готовности приступить к служебным обязанностям. 24 декабря меня принял Верховный Главнокомандующий. Сталин задал мне совершенно неожиданный вопрос:

– Скажите, вы обидчивый, товарищ Ерёменко?

– Нет, не очень, – ответил я.

– Склянского вы знаете?

– Знаю.

– Так вот, будучи дважды наркомом, я подчинялся Склянскому – замнаркома. А вы не обидитесь, если мы назначим вас временно в подчинение товарищей, которые не так давно были вашими подчинёнными? – Он объяснил, что это решение вызвано необходимостью выполнения очень важной задачи, и он

считает для этого подходящей именно мою кандидатуру. Я ответил, что готов принять корпус или занять другую должность, если так сочтёт нужным партия, и если этим я принесу пользу Родине.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что создалась мощная ударная армия для выполнения значительной оперативной задачи, заключающейся в прорыве вражеского фронта на большую глубину с целью вбить клин между вражескими войсками, действовавшими на московском и ленинградском стратегических направлениях. Сталин пожелал мне успеха в предстоящих боях...» (127 – 128).

А. И. Ерёменко. Сталинград. – М., 1961.

«Сняв трубку прямого телефона, я доложил И. В. Сталину буквально следующее:

– Положение в Сталинграде тяжёлое, о чём я уже донёс вам. Нами принимаются все меры, чтобы отстоять Сталинград. Но у городского руководства, которое к нам обращалось, есть мнение о необходимости эвакуации ряда предприятий за Волгу и подготовки к взрыву ряда других. Мы с Никитой Сергеевичем этого мнения не разделяем.

Верховный Главнокомандующий ответил на это примерно так:

– Я не буду обсуждать этого вопроса. Следует понять, что если начнётся эвакуация и минирование заводов, то эти действия будут поняты как решение сдать Сталинград. Поэтому ГОКО запрещает подготовку к взрыву предприятий и их эвакуацию.

Все собравшиеся поняли ответ И. В. Сталина без моих объяснений» (139 – 140).

«Все эти соображения были немедленно (по ВЧ) доложены И. В. Сталину; мы просили назначить товарища Чуйкова командующим 62-й армией. И. В. Сталин, всегда относившийся к подбору кадров очень строго, спросил меня, достаточно ли хорошо я знаю товарища Чуйкова. Пришлось заверить Ставку, что товарищ Чуйков командованию фронта уже хорошо известен как военачальник, на которого вполне можно положиться, и что на-

значение его в данных условиях наиболее целесообразно. Товарищ Сталин согласился с нашим предложением» (178).

«Как-то в сентябре 1942 года, в конце одного из наших переговоров по ВЧ с И. В. Сталиным, я вернулся к вопросу, поднятому мной в Москве при моём назначении, к вопросу о подготовке контрнаступления. Переговоры, хотя и по ВЧ, велись, конечно, с соответствующими предосторожностями.

– Товарищ Сталин, – обратился я к Верховному Главнокомандующему, – не пора начать подготовку для «переселения». И на севере и на юге условия для этого созревают.

– Хорошо, товарищ Ерёмченко, – ответил И. В. Сталин, – подумаем над вопросом подготовки «переселения»

Из переговоров стало ясно, что и в Ставке также вынашивали план контрнаступления» (326).

А. А. Новиков. В небе Ленинграда. – М., 1970.

НОВИКОВ Александр Александрович (1900 – 1976).

Советский военачальник, Главный маршал авиации (1944), дважды Герой Советского Союза (1945, 1945). В годы Великой Отечественной войны командующий ВВС Ленинградского фронта, с февраля 1942 года – командующий ВВС Красной Армии.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 126 раз.

«У Рыбальченко я пробыл почти до конца суток. Свои дела закончил раньше, но в город не поехал, а задержался на КП: ждал звонка от Сталина. У него был свой порядок рабочего дня. В Кремле он появлялся только к вечеру, обычно после пяти ча-

сов, и работал до трёх-четырёх часов утра. Соответственно складывался и рабочий день всех остальных военных и гражданских руководителей. Пока Сталин находился в Кремле, нечего было и думать об отдыхе: в любую минуту можно было ожидать вызова к Верховному или телефонного звонка от него.

Вот я и сидел на КП Рыбальченко почти до полуночи, ожидая звонка из Москвы. За день утомился и вздремнул прямо за столом с картами. Очнулся от прикосновения руки адъютанта Л. Смирнова.

– Вас, товарищ Главный маршал, – услышался его голос. – Москва.

Сон будто рукой сняло.

– Здравствуйте, товарищ Новиков, – как всегда не спеша и чуть растягивая слова, произнёс Верховный. – Что у вас там делается?

Я коротко доложил об итогах двухсуточной работы авиации.

– Значит никаких претензий к лётчикам нет? – резюмировал услышанное Сталин. – Говорите и Говоров доволен? А как дивизия Скока?

Я ответил, что дивизия потерь не имеет, летает днём и работает отлично.

– А как Щербаков?

– Ил-4 тоже пускаем днём, прикрываем только зону, но вполне надёжно.

– Ага! – Сталин помолчал, должно быть, затягиваясь из трубки, и добавил: – Выходит опыт Курской дуги пригодился, а Голованов зря беспокоился. Желаю дальнейших успехов.

И Верховный положил трубку» (284).

«13 февраля меня срочно вызвали в Кремль. В кабинете у Сталина находился командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии маршал Н. Я. Федоренко. Верховный, сидя на диване, о чём-то беседовал с ним. Увидев меня, Сталин в знак приветствия приподнял над головой правую руку, встал, прошёлся вдоль стола, обернулся и, глядя мне в глаза, спросил:

– Скажите, товарищ Новиков, можно остановить танки авиацией?

Ещё собираясь в Кремль, я пытался доискаться до причины вызова к Верховному. Прежде, конечно, подумал о положении на фронте. Но там всё шло хорошо, во всяком случае, известные мне последние данные не вызывали беспокойства. Правда, на Украине, под Корсунь-Шевченковским, противник пытался выволить из окружения сильную группировку своих войск – десять с лишним дивизий. Однако, судя по сводкам, успеха эта попытка гитлеровцам не сулила. Кольцо окружения неумолимо сжималось, вся территория, занятая врагом, уже насквозь простреливалась нашей артиллерией, а советские лётчики наглухо закрыли «котёл» сверху. И я решил, что, наверное, Сталина волнуют какие-то вопросы, непосредственно связанные с авиацией вообще, безотносительно к её конкретным боевым действиям, и потому взял с собой начальника Главного управления обучения, формирования и боевой подготовки ВВС Красной Армии и авиарезервов РВГК генерала А. В. Никитина.

Вопрос Сталина хотя и был неожиданным, но не настолько, чтобы вызвать во мне замешательство. За два года работы и частых встреч с Верховным я присмотрелся к нему и потому тотчас сообразил, что вопрос этот не случаен. Обычно, когда он спрашивал вот так – в лоб, то ждал определённого ответа: «да» или «нет». При этом внимательно следил за человеком. Сталин был неплохим психологом, и скрыть от него в такой момент своё внутренне состояние было нелегко. Не раз я испытывал это на себе. Сам Сталин отличался решительностью и быстротой в суждениях, не переносил многословия, нечёткости и неопределённости в мыслях. Того же требовал и от других. Но определённая в ответах Сталину, да ещё в позитивном плане, ложилась тяжким грузом на плечи докладывающего. В случае неудачи не могло быть и речи ни о каких смягчающих обстоятельствах. Раз-другой споткнулся, не сдержал слова – жди неизменной сталинской фразы: «Такого работника мне не нужно. Уберите его».

Всё это тогда промелькнуло в моей голове. Конечно, танки можно остановить авиацией... Сталин же задал мне задачу со

всеми неизвестными, что, впрочем, было в его натуре. Он часто просто ставил человека перед фактом и ждал быстрого ответа. И в данном случае узнать у него, где именно, в какой срок и какие танки нужно остановить авиацией, не могло быть и речи. Во-первых, Верховный не любил, чтобы его спрашивали, он сам спрашивал; во-вторых, по тону Сталина я понял, что его интересуют не частности, хотя и весьма немаловажные для командования ВВС, а решение вопроса в принципе: можно или нет остановить танки самолётами? Понял я и то, что вопрос этот задан не из простого любопытства, что, вероятно, где-то сложилась очень неблагоприятная для нас обстановка, которая и вынудила Верховного вот так ребром поставить вопрос...

Я чувствовал, что Сталин чего-то недоговаривает, бережёт на последний момент, хочет сперва получить «добро» в принципе, а потом, когда отступить будет некуда, прикажет решить задачу в конкретной обстановке. Такой подход к делу: вначале психологически вынудить человека на положительный ответ и только потом раскрыть свои карты – был свойствен Сталину.

Секунды были отпущены мне на раздумья. Быстротечные и ещё более короткие потому, что протекали они под пристальным взглядом Сталина. Обычное благоразумие требовало дать вначале обтекаемый ответ. Но хитрить в таких серьёзных вещах – последнее дело, да и несолидно человеку в моём положении и звании уподобляться нерадивому школьнику, тянущему время до спасительного звонка. Если вражеские танки где-то необходимо остановить авиацией, они должны быть остановлены и будут остановлены. В конце концов, Сталин мог и не спрашивать, а просто приказать: остановить и всё. В том или другом случае расплачиваться за «битые горшки» всё равно мне. И я без колебания и твёрдо ответил, что остановить танки авиацией можно.

– Тогда завтра летите к Ватутину и примите меры, чтобы остановить танки, – живо, не скрывая своего удовлетворения таким ответом, произнёс Верховный. – А то на весь мир разрезвонили, что окружили курсунь-шевченковскую группировку, а до сих пор разделаться с ней не можем...

– Кстати, – выбивая трубку и стоя вполоборота ко мне, сказал в заключении Сталин, – Худяков мне там не нужен. Уберите его.

Да, вероятно, обстановка под Корсунь-Шевченковским на участке 1-го Украинского фронта быстро осложнилась, а начальник штаба ВВС Красной Армии генерал-полковник С. А. Худяков, посланный мною координировать боевые действия 2-й и 5-й воздушных армий, что-то недоучёл, чем и вызвал недовольство Верховного. Но генерал Худяков был способным военачальником, и я сказал:

– Худяков хорошо работает, товарищ Сталин, и я считаю своим долгом...

– Там он мне не нужен, – резко перебил меня Верховный. – Летите к Ватутину сами и останавливайте танки.

На том разговор был закончен» (289 – 290).

Н. Д. Яковлев. Об артиллерии и немного о себе. – М., 1984.

ЯКОВЛЕВ Николай Дмитриевич (1898 – 1972).

Советский военачальник, маршал артиллерии (1944). В годы Великой Отечественной войны начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 124 раза.

«...Начальник ГАУ нёс ответственность перед Ставкой за должное обеспечение армии вооружением и боеприпасами. Вот Верховный Главнокомандующий и счёл необходимым разъяснить мне её объём. Прохаживаясь по кабинету, он неторопливо говорил примерно следующее:

– У нас в армии много чинов. А вы, военные, привыкли и обязаны подчиняться старшим по званию. Как бы не получилось так, что всё, что у вас есть, растащат по частям. Поэтому впредь отпуск вооружения и боеприпасов производить только с моего ведома! – При этом Сталин, медленно поводя пальцев в воздухе, добавил: – Вы отвечаете перед нами за то, чтобы вооружение, поставляемое в войска, было по своим характеристикам не хуже, а лучше, чем у врага. Вы – заказчик. Кроме того, у вас есть квалифицированные военные инженеры, испытательные полигоны. Испытайте, дорабатывайте. Но давайте лучшее! Конечно, наркомы и конструкторы тоже отвечают за качество. Это само собой. Но окончательное заключение всё же ваше, ГАУ.

Вы отвечаете за выполнение промышленностью планов поставок, – продолжал далее И. В. Сталин. – Для этого у вас есть грамотная военная приёмка. Следовательно, если в промышленности появились признаки невыполнения утверждённого правительством плана, а вы вовремя через наркомов не приняли должных мер (а в случае, если и приняли, но это не помогло, а вы своевременно не обратились за помощью к правительству), значит, именно вы будете виноваты в срыве плана! Наркомы и директора заводов, конечно, тоже ответят. Но в первую очередь – вы, ГАУ, потому что оказались безвольным заказчиком.

Вы также отвечаете за правильность составления предложений по распределению фронтам вооружения и боеприпасов, за своевременную, после утверждения мною плана, их доставку. Перевозки осуществляет НКПС и Тыл Красной Армии. Но вы должны это постоянно контролировать и вовремя принимать меры к доставке фронтам транспортов в срок.

И хотя все эти разъяснения Сталина были адресованы, в общем-то, мне, начальнику ГАУ, но в кабинете также находились и члены Политбюро. И я понял (думаю, что не ошибся), что Верховный всё-таки в первую очередь говорил это им, членам ГКО.

Ну а я после таких указаний И. В. Сталина почувствовал себя куда свободнее во взаимоотношениях с любыми поставщика-

ми. Ведь члены ГКО тоже знали об упомянутых указаниях Верховного, поэтому, если возникала необходимость, принимали меры при первой возможности и помогали всем, чем могли» (69 – 70).

«Вспоминается и ещё один случай. В сентябре 1941 года теперь уже и не помню, какой обком прислал И. В. Сталину телеграмму, в котором сообщал, что в одну из кавалерийских дивизий поступили с артсклада шашки, на клинках которых была надпись: «За веру, царя и отечество». Верно, такие надписи были на клинках шашек, оставшихся нам ещё со времён первой мировой войны. Правда, на складах ГАУ они были предусмотрительно вытравлены. А вот на каком-то окружном артскладе подобные надписи своевременно не сняли. И теперь обком докладывал об этом самому Верховному.

Вызвав меня, Сталин спросил, что это за шашки. Я доложил (копию телеграммы я, естественно, получил), что шашки боевые. Но, конечно же я, как начальник ГАУ, виноват, коль скоро артсклад, который их выдал, не устранил надпись. Видимо, на это просто не было времени.

Выслушав меня, Сталин усмехнулся. А потом спросил:

– А скажите, товарищ Яковлев, можно ли этими шашками рубить врага?

– Конечно можно, товарищ Сталин! – ответил я.

Верховный, снова усмехнувшись, сказал:

– Ну и пусть рубят «за веру, царя и отечество», не жалко. Ну а вы... не обращайтесь внимания на телеграмму, товарищ Яковлев. – И тут же порвал её» (73).

«Слово Верховного было законом. В первый год войны я часто, почти каждый день вызывался в Ставку и убеждался в безукоснительном выполнении его указаний. В разговоре с ним можно было приводить доводы и обоснование своих предложений, можно было просить согласиться с тем, что можно выполнить, и не соглашаться, если Сталин иногда настаивал на невозможном».

«За время войны мною было хорошо усвоено: всё, что решил Верховный, никто уже изменить не сможет. Это – закон!

Но сказанное совершенно не значит, что со Сталиным нельзя было спорить. Напротив, он обладал завидным терпением, соглашался с разумными доводами. Но это – на стадии обсуждения того или иного вопроса. А когда же по нему уже принималось решение, никакие изменения не допускались.

Кстати, когда Сталин обращался к сидящему (я говорю о нас, военных, бывших в Ставке), то вставать не следовало. Верховный ещё очень не любил, когда говоривший не смотрел ему в глаза. Сам он говорил глуховато, а по телефону – тихо. В этом случае приходилось напрягать всё внимание.

Работу в Ставке отличала простота, большая интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, все разговоры – вполголоса. Помнится, когда И. В. Сталину было присвоено звание Маршала Советского Союза, его по-прежнему следовало именовать «товарищ Сталин». Он не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку, не терпел строевых подходов и отходов.

При всей своей строгости Сталин иногда давал нам уроки снисходительного отношения к небольшим человеческим слабостям. Особенно мне запомнился такой случай. Как-то раз нас, нескольких военных, в том числе и Н. Н. Воронова, задержали в кабинете Верховного дольше положенного. Сидим, решая свои вопросы. А тут как раз входит Поскребышев и докладывает, что такой-то генерал (не буду называть его фамилии, но скажу, что тогда он командовал на фронте крупным соединением) прибыл.

– Пусть войдёт, – сказал Сталин.

И каково же было наше изумление, когда в кабинет вошёл... не совсем твёрдо державшийся на ногах генерал! Он подошёл к столу и, вцепившись руками в его край, смертельно бледный, пробормотал, что явился по приказанию. Мы затаили дыхание. Что-то теперь будет с беднягой! Но Верховный молча поднялся, подошёл к генералу и мягко спросил:

– Вы как будто сейчас нездоровы?

– Да, – еле выдавил тот из пересохших губ

– Ну, тогда мы встретимся с вами завтра, – сказал Сталин и отпустил генерала...

Когда тот закрыл за собой дверь, И. В. Сталин заметил, ни к кому, собственно, не обращаясь:

– Товарищ сегодня получил орден за успешное проведение операции. Что будет вызван в Ставку, он, естественно, не знал. Ну и отметил на радостях свою награду. Так что особой вины в том, что он явился в таком состоянии, считаю, нет...

Да, таков был он, И. В. Сталин. Это во многом благодаря ему в партийно-политическом и государственном руководстве страной с первого дня войны и до последнего было нерушимое единство. Слово Верховного (а он же и Председатель ГКО, генеральный секретарь ЦК партии) было, повторяю, законом. Сталин не терпел, когда от него утаивали истинное положение дел» (74 –76).

«Даже «разносы» нас Верховным имели отеческий характер. Не могу не припомнить одну комическую сцену. Сталин, держа потухшую трубку в руке (первый признак дурного настроения), прохаживается перед нами, стоящими чуть не по стойке «мирно». Дело идёт о каких-то пустяках, но Верховный непреклонен, сурово смотрит перед собой на уровне груди высокого Воронова, и в поле его зрения попадают ордена начарта. Излив раздражение, Верховный возмущённо закончил «разнос»: «Зазнались, орденов нахватали!» – Последовала короткая пауза, после которой он, уже успокаиваясь, добавил: «Да ведь сам награждал!»

«Хорошо помню тот вечер в Ставке, когда пришло известие об окончательном разгроме группировки фашистских войск в районе Сталинграда. В кабинет И. В. Сталина вошёл А. Н. Поскребышев и доложил, что через несколько минут будут передавать приказ наркома обороны в связи с победой наших войск в Сталинграде.

В кабинете Сталина радиоприёмника не было – он находился в кабинете Поскребышева. Поэтому Верховный предложил Г. К. Жукову и мне, оказавшемуся в этот час в Ставке, пойти туда и послушать Левитана...

Слушая торжественный голос известного всей стране диктора, передававшего приказ, я краем глаза наблюдал за Стали-

ным. Расправив плечи и став как будто выше ростом, он, попыхая трубкой, гордо поглядывал то на Жукова, то на меня, не скрывая своего удовлетворения и гордости за блестящий успех наших войск.

Но особенно он подтянулся и приосанился в тот момент, когда Левитан начал читать раздел приказа о пленении гитлеровских генералов. И первым в этом списке шёл фельдмаршал Паулюс. Сталин даже хмыкнул многозначительно. Дескать, знай наших. Вон каких китов уже заставляем в плен сдаваться! То ли ещё будет!» (103).

«Я начал просить Сталина не передавать в ГАУ Главное бронетанковое управление. Но Верховный нахмурился и посоветовал:

– А вы всё-таки подумайте, товарищ Яковлев. Мы ещё вернёмся к этому вопросу.

...Через несколько дней И. В. Сталин вновь поинтересовался моим мнением насчёт включения в состав ГАУ Главного бронетанкового управления. Я стоял на своём. И получил повторный совет подумать. Второй совет!

... Как бы там ни было, но я и на третий вопрос Верховного ответил категорическим «нет». Правда, допустил некоторую негибкость: исчерпав все аргументы, в заключение просто сказал, что бронетанковая техника не наша система.

Сталин вдруг рассмеялся и, обращаясь к членам ГКО, сказал, показывая на меня трубкой:

– Вот вам и Бывалов!

Сначала я растерялся: что за Бывалов? Но тут же вспомнил фильм «Волга-Волга» и, набравшись смелости, заявил, что меня понимают совсем не так, я вовсе не Бывалов, а Яковлев, начальник ГАУ. А что стою на своём, для этого есть причины. Уверен, что нельзя нарушать в такое время уже поставленное дело. К тому же и бронетанковым войскам, думается, будет удобнее иметь в Москве одно ведомство, то есть своего командующего с техническим управлением.

На этом вопрос и был решён, хотя Сталин, чувствовалось, остался недоволен. Поэтому как не раз ещё и в войну, и в послевоенные годы поминал мне Бывалова» (157 – 158).

И. Х. Баграмян. Так начиналась война. – М., 2000.

БАГРАМЯН Иван Христофорович (1897 – 1982).

Советский военачальник, Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1944, 1977). В период Великой Отечественной войны командовал армией и фронтами.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 8 раз.

«Зная огромные полномочия и поистине железную властность Сталина, я был изумлён его манерой руководить. Он мог кратко командовать: «Отдать корпус!» – и точка. Но Сталин с большим тактом и терпением добивался, чтобы исполнитель сам пришёл к выводу о необходимости этого шага. Мне частенько впоследствии самому приходилось уже в роли командующего фронтом разговаривать с Верховным Главнокомандующим, и я убедился, что он умел прислушиваться к мнению подчинённых. Если исполнитель твёрдо стоял на своём и выдвигал для обоснования своей позиции весомые аргументы, Сталин почти всегда уступал» (402).

«Верховный Главнокомандующий, нередко в последние дни справлявшийся у Тимошенко о положении наших войск на ростовском направлении, вызвал его к аппарату. Узнав, что танковые атаки Клейста отражены с большими для него потерями, Сталин похвалил действия 9-й армии:

– А ведь, оказывается, Харитонов неплохой командарм. Хорошо, что не послушали некоторых товарищей, которые предлагали отстранить его от командования.

– Справедливо сказано, товарищ Сталин, – согласился главком. – Харитонов – разумный командарм, а умному человеку

даже ошибки идут на пользу. Я убеждён: подобного промаха он больше никогда не повторит.

Речь шла о том, что, когда Клейст двинул свои танки, Харитонов поспешил перенести свой командный пункт и из-за этого на время потерял управление войсками» (424).

И. Х Баграмян. Так мы шли к победе. – М., 1977.

«Вскоре выяснилось, что И. В. Сталин и Б. М. Шапошников примут нас во второй половине дня 27 марта (1942 года. – А. С.). Моё начальство рассудило, что основным докладчиком на приёме у Верховного Главнокомандующего должен быть я – начальник оперативной группы направления...

Развернув перед Верховным Главнокомандующим карту, я стал говорить о сложившейся на Юго-Западном направлении оперативно-стратегической обстановке и наших стратегических намерениях на лето.

Во время доклада Сталин несколько раз прерывал меня, задавая вопросы. Ответы на некоторые из них должны были, как я понял, не только помочь ему более отчётливо уяснить некоторые детали наших предложений, но и проверить, достаточно ли обоснованы наши выводы, а может быть, и то, насколько подготовлен докладчик к выполнению тех обязанностей, которые на него возложены.

Большинством же своих вопросов Верховный Главнокомандующий с большим тактом стремился, как мне показалось тогда, направить наши мысли в нужное русло и передать нам свои собственные взгляды на важнейшие вопросы тактики и оперативного искусства.

Когда при изложении доклада я коснулся вопросов боевого применения артиллерии в намечаемых нами на лето операциях, несколько неожиданно для меня последовал вопрос Сталина:

– А какой тип артиллерийской системы является наиболее распространённым в немецко-фашистской армии?

Я ответил, что основным типом в вермахте является 105-мм гаубица.

Сталин тут же указал на необходимость учесть то важное обстоятельство, что артиллерия, по существу, является стеновым хребтом каждой современной армии. Поэтому она должна быть массовой. Если немцы 105-мм гаубицу, универсальное по своему предназначению, а стало быть, и сложное по своему производству орудие, считают основной артиллерийской системой, то этим самым они лишают себя возможности массового производства артиллерийских орудий и снабжения ими в больших количествах своей армии. Ставка гитлеровцев на танковую артиллерию, стреляющую с коротких дистанций и часто с ходу, по меньшей мере ошибочна, ибо она не сможет выдержать соревнования в борьбе с массами нашей полевой и противотанковой артиллерии.

– В этом, – сказал И. В. Сталин, – гитлеровцы сильно просчитались, и за это им придется дорого расплачиваться.

В последующие годы войны мы неоднократно убеждались в глубокой справедливости этих указаний Верховного Главнокомандующего...

Сталин разъяснил нам, как надо использовать артиллерию при прорыве оборонительной полосы врага после того, как войска, взломав тактическую оборону, проникнут вглубь расположения противника. Верховный Главнокомандующий говорил, что у нас ошибочно принято в этот период сражения всю мощь артиллерийского огня направлять только вперед, в границах полосы наступления, и лишь отчасти привлекать силы артиллерии для огневого обеспечения флангов наступающих войск. Между тем для дальнейшего развития наступления вглубь расположения противника не менее важно расширить фронт прорыва обороны противника в стороны его флангов.

В тот памятный вечер, оставивший у меня неизгладимое впечатление, И. В. Сталин не раз по ходу доклада и в процессе его обсуждения также разъяснял нам, как наилучшим образом

использовать боевые свойства пехоты, танков, авиации в предстоящих летних операциях Красной Армии...

Из Кремля я вернулся весь во власти новых впечатлений. Я понял, что во главе наших Вооружённых Сил стоит не только выдающийся политический деятель современности, но также и хорошо подготовленный в вопросах военной теории и практики военачальник. Заснул я лишь перед рассветом» (57 – 61).

«Весь день 28 марта С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущёв и я посвятили разработке общего замысла Харьковской наступательной операции... Во время ужина Сталин искусно создавал непринуждённую, товарищескую обстановку. Его вниманием не был обойдён ни один из сидевших за столом, каждому он сумел сказать что-либо существенное и приятное либо в форме краткого тоста, либо остроумной реплики. Тосты произносились, главным образом, в честь сражавшихся войск. Сталин при этом показывал своё умение слушать других, тонко вызывая присутствующих на откровенный обмен мнениями, в ходе которого выяснились взгляды военачальников на развитие боевых событий, их оценки слабых и сильных сторон немецко-фашистских войск и их командования.

Сталин был верен своей привычке: мало сидел, почти всё время двигался вдоль стола, не расставаясь со своей трубкой. Он завязывал живые беседы то с одним, то с другим из присутствующих, охотно и подробно отвечал на заданные ему вопросы, вместе с тем всё это время не только был в курсе общей беседы, но и умело руководил ею.

Так, он с помощью фактов и цифр ярко охарактеризовал героические усилия партии и рабочего класса, благодаря которым в основном был закончен перевод промышленности на военные рельсы, налажен выпуск продукции, необходимой для фронта...

Когда в общей беседе наступила короткая пауза, Сталин достал из кармана кителя листок бумаги, исписанный мелким почерком. Подняв руку с трубкой, чтобы привлечь к себе внимание, он сказал, пряча в усах улыбку, что огласит сейчас один

весьма актуальный документ. Это было письмо запорожцев турецкому султану.

Каждая фраза злого, остроумного, пересыпанного солёными шутками послания вызывала громкий хохот присутствующих. Сталин тоже весело смеялся после прочтения тех мест, где сарказм запорожцев был особенно убийственным. Закончив чтение, он сказал, что Гитлер и его приспешники заслуживают ещё большего презрения, ненависти и осмеяния, чем кровавый турецкий султан и его сатрапы.

– Немецкие фашисты будут также позорно биты, как турецкие мамлюки во время Суворова, – закончил Сталин свой не совсем обычный экскурс в историю.

Вечер закончился, и у меня создалось впечатление, что он был организован не только для того, чтобы оказать внимание фронтовым военачальникам, но и с целью информировать их о ходе войны, о возросших возможностях нашей армии в связи с переходом экономики на военные рельсы.

Видимо, И. В. Сталин стремился ещё больше упрочить в каждом из нас веру в нашу конечную победу, показать, что наш враг достоин презрения и ненависти. Наверное, поэтому и прочёл Верховный Главнокомандующий письмо запорожцев турецкому султану» (61 – 64).

«Нетрудно понять всю остроту чувств, испытываемых мною в связи с предстоящей поездкой в Москву. Теперь встреча с Верховным Главнокомандующим не сулила ничего приятного, и это не могло не действовать на меня удручающе. На следующий день мы с членов Военного совета вылетели в Москву.

И. В. Сталин в присутствии других членов ГКО принял нас незамедлительно, внимательно выслушал, провёл с нашим участием обсуждение сложившейся на южном крыле советско-германского фронта трудного положения.

В отличие от других участников этого обсуждения, И. В. Сталин был спокоен, сдержан. Видно было, что все его мысли поглощены одним настойчивым желанием – предотвратить дальнейшее ухудшение обстановки на юге, помочь нашим войскам во что бы то ни стало отстоять занимаемые рубежи.

Конечно, Верховный мог бы серьёзно упрекнуть нас за допущенные ошибки, возложить на нас всю тяжесть ответственности за неудачу. Но Сталин, невзирая на случившееся, вёл себя с большим достоинством, проявляя завидную твёрдость и спокойствие.

В этой связи мне хочется, забегая вперёд, сказать, как неизменно спокойно вёл себя Верховный Главнокомандующий весной 1943 года, когда в Ставке обсуждался план Орловской наступательной операции, являвшейся составной частью битвы на Курской дуге. Как известно, до этого Красная Армия нанесла крупнейшее поражение немецко-фашистской армии под Сталинградом, далеко отбросила её войска на запад. Добившись значительного превосходства в силах над врагом, Ставка Верховного Главнокомандования готовила ставшую вскоре знаменитой Курскую битву. И тогда в столь благоприятно изменившихся в нашу пользу условиях никто из военачальников не заметил у Верховного Главнокомандующего никаких признаков самодовольства и преувеличения достигнутых побед.

Мне представляется, что железное самообладание, исключавшее всякую нервозность и неуверенность в руководстве боевыми действиями войск в ходе войны, было одной из самых примечательных черт И. В. Сталина и благотворно отражалось на его военно-политической и полководческой деятельности» (130 – 131).

«И. В. Сталин был в хорошем расположении духа, и беседа наша носила почти непринуждённый характер. Осведомившись о том, ознакомили ли меня с планами Ставки на белорусском направлении, Верховный заговорил о весьма положительной для нас общей ситуации на советско-германском фронте. При этом он сразу же отметил, что есть направления, где дела обстоят неважно. К числу таковых он отнёс 1-й Прибалтийский фронт, две армии которого после успеха под Невелем оказались в мешке с крайне узкой горловиной.

– По неясным для меня причинам, – продолжал Сталин, – войска Первого Прибалтийского не могут добиться перелома в обстановке и развития ранее достигнутого успеха в направ-

лении Городка и Витебска. А там мы можем изолировать две оперативно-стратегические группировки врага – северную и центральную, открыть себе ворота в Прибалтику и создать выгодные условия для освобождения всей Белоруссии. В Ставке обсуждался вопрос о смене командующего Первым Прибалтийским фронтом. Принято решение назначить вас на этот ответственный пост. – Говоря это, Верховный внимательно и, кажется, доброжелательно смотрел на меня, а затем спросил: – Как вы к этому относитесь, товарищ Баграмян?

Я ответил, что считаю такое назначение большой честью для себя и приложу все силы, чтобы оправдать доверие партии.

Слегка кивнув, И. В. Сталин продолжал:

– Успешно проведённая вами операция в районе Орла и Брянска убеждает в том, что новый пост будет вам по плечу.

Я поблагодарил Верховного Главнокомандующего за столь высокую оценку боевых действий 11-й гвардейской армии...

– Есть ли у вас пожелание, – обратился ко мне Сталин, – относительно кандидатуры на должность командарма одиннадцатой гвардейской? Мы здесь, в центре, подумали и пришли к выводу, что неплохо было бы на эту армию назначить опытного командующего – Героя Советского Союза генерал-полковника Чибисова. Как вы смотрите на это назначение?

Предложение кандидатуры Н. Е. Чибисова было для меня несколько неожиданным, и я не торопился с ответом, чтобы лучше его обдумать.

– Что же вы не отвечаете? – спросил Сталин. – Или имеете что-либо против Чибисова?

Собравшись с мыслями, я ответил, что если вопрос ещё не решён окончательно, то я порекомендовал бы другую кандидатуру. Чибисов, безусловно, опытный командующий. Однако надо иметь в виду, что, когда он после финской кампании стал генерал-лейтенантом, я был всего-навсего полковником. Чибисов об этом, конечно, знает, и это в какой-то мере может усложнить наши взаимоотношения.

– А у вас есть кто-нибудь на примете? – спросил Сталин, не теряя благодушного тона.

– Я предлагаю генерала Галицкого, нынешнего командарма третьей ударной.

– А вы давно его знаете? – снова спросил Сталин.

– Нет, – ответил я, – видел всего несколько раз, присутствуя на его докладах генералу Попову, но он произвёл на меня очень хорошее впечатление своей собранностью, твёрдостью, умением быстро вникать в боевую ситуацию, точно сориентироваться в ходе боевых событий. Вместе с тем этот генерал хорошо знаком с обстановкой в районе Невеля, так как именно его войска сыграли основную роль в овладении этим пунктом.

– Что ж, – ответил Верховный Главнокомандующий, – ваши доводы заслуживают внимания.

Сказав это, Сталин о чём-то задумался, раскуривая трубку, а затем энергично нажал на кнопку звонка. Сейчас же в кабинет вошёл Поскребышев.

– Подготовьте проект Постановления Совета Народных Комиссаров о присвоении товарищу Баграмяну звания генерала армии, – повернувшись к вошедшему, сказал Верховный и спросил: – Кто-то ещё из командующих фронтами ходит в генерал-полковниках?

– Командующий Ленинградским фронтом Говоров, – не задумываясь, ответил А. Н. Поскребышев.

– Включите в проект Постановления и товарища Говорова, – распорядился Сталин и обернулся к Алексею Иннокентьевичу: – Как вы думаете, товарищ Антонов, присвоение звания генерал-полковника товарищу Штеменко поможет ему в работе?

– Конечно, – ответил генерал Антонов.

Тогда вновь обращаясь к Поскребышеву, Верховный сказал:

– Включите в Проект постановления товарищей Баграмяна, Говорова и Штеменко.

Спустя десять минут документ был подписан, и Сталин сердечно поздравил меня и С. М. Штеменко с новыми высокими воинскими званиями и моим назначением на пост командующего фронтом, пожелал успехов в проведении предстоящей операции» (261 – 264).

«Не оставляли нас без внимания Генеральный штаб и Верховный Главнокомандующий. Часто приходилось докладывать о ходе подготовки операции и встречающихся трудностях маршалу Василевскому и генералу Антонову, а несколько позже пришлось держать ответ и перед Сталиным.

Верховный Главнокомандующий, зная, что нашим войскам предстоит преодолеть Западную Двину, в разговоре по телефону поинтересовался прежде всего ходом подготовки войск к решению этой задачи. Я доложил ему, что мы использовали богатый опыт боёв на Днепре и других крупных реках и дали войскам необходимые указания по организации форсирования Западной Двины с широким использованием как подручных, так и штатных переправочных средств.

Выслушав меня, И. В. Сталин потребовал от нас особенно тесно взаимодействовать в ходе форсирования Западной Двины с партизанами. В заключении он, подчёркивая каждое слово, сказал:

– Накануне наступления объявите всем воинам вашего фронта, что те, кто первыми форсирует Западную Двину и удержат плацдарм на ней, будут представлены к званию Героя Советского Союза.

Мы строго выполнили указания Верховного Главнокомандующего» (309).

«Ставка придавала важное значение результатам боёв на Западной Двине. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин дважды звонил мне и спрашивался о ходе форсирования реки. Когда я доложил, что на другом берегу Западной Двины ведут бой уже семь стрелковых дивизий и часть сил нашего танкового корпуса, Сталин с присущей ему лаконичностью сказал:

– Хорошо, так и действуйте дальше. Спасибо.

На следующий день Москва салютовала освободителям Витебска, в том числе и войскам нашего фронта. Это был первый за 1944 год победный салют в честь войск 1-го Прибалтийского фронта, и всех воинов это известие очень воодушевило» (329 – 330).

Н. С. Скрипко. По целям ближним и дальним. – М., 1981.

СКРИПКО Николай Семёнович (1902 – 1987).

Советский военачальник, маршал авиации (1944). В годы Великой Отечественной войны командующий ВВС 5-й армии, заместитель командующего ВВС Юго-Западного фронта. С марта 1942 года – заместитель командующего АДД.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 12 раз.

«Александр Евгеньевич напомнил, что во время его вылетов в авиасоединения и в районы боевых действий мне, как первому заместителю командующего АДД, возможно, придётся встречаться с руководством Ставки.

– Имейте в виду, – предупредил Голованов, – в любое время дня и ночи вас может вызвать Верховный Главнокомандующий и поставить АДД новые боевые задачи.

Александр Евгеньевич особо предупредил, что Сталину надлежит докладывать исключительно точно, не приукрашивая действительности.

– Если не знаете что-либо, не в состоянии выполнить, что он требует, откровенно доложите об этом. А если наобещаете и не выполните – придётся крепко отвечать» (158 – 159).

«В двадцатых числах марта 1942 года Голованов был болен, я находился на командном пункте, и вдруг зазвонил кремлёвский телефон. Сняв трубку, я назвал свою фамилию и услышал голос Сталина. Он спросил:

– Где Голованов?

Я доложил, что Голованову врачи предписали постельный режим.

– Тогда вы приезжайте ко мне к десяти частям вечера.

В соответствии с принятым в войсках порядком я попросил разрешения взять с собой начальника штаба АДД Шевелёва. Сталин помолчал, потом словно нехотя, явно недовольным тоном произнёс:

– Хорошо, берите.

Нет, Верховный Главнокомандующий ничего не имел против Марка Ивановича Шевелёва, но, как я потом узнал, он не терпел, когда ответственные лица приходили к нему с помощниками, игравшими роль справочников. Сталин требовал, чтобы руководители досконально знали порученное им дело и всегда сами могли дать исчерпывающий ответ на любой вопрос. При вызове к Сталину нам обычно не говорилось, по какому вопросу вызывают, и я старался припомнить все рекомендации генерала Голованова, которые он мне давал после посещения Ставки: взял карту с оперативной обстановкой, справку о боевом составе частей и соединений АДД по состоянию на 9. 00 текущего дня.

За десять минут до назначенного срока мы с Шевелёвым прибыли в Кремль и прошли в комнату ожидания. Вместе с нами вызова ждали ещё двое в штатской одежде.

Просматриваю – в который уже раз – справку о боевом составе наших частей и соединений.

– Входите, – пригласил появившийся в дверях А. Н. Поскребышев, секретарь Сталина.

Его комната оказалась проходной. Встав за конторку, Поскребышев показал рукой на следующую дверь. Вновь проходная комната. За столом сидел генерал-лейтенант, который в свою очередь молча указал ещё на одну приоткрытую дверь.

Вошли в просторный кабинет. В помещении никого. Остановились у дверей и ждём. С вполне понятным интересом осматриваем кабинет Верховного. Окна закрыты тяжёлыми шторами. На стене портреты Маркса и Энгельса. Далее хорошо знакомая фотография Ленина, читающего газету «Правда». На противоположной стене – портреты выдающихся русских полководцев Суворова, Кутузова и, если память мне не изменяет, Александра Невского.

В левой части кабинета вдоль стены протянулся длинный прямоугольный стол, покрытый зелёным сукном, обставленный

стульями. Перпендикулярно ему, в самой глубине, – письменный стол Сталина. Строгая, деловая обстановка.

Примерно через минуту раскрылась дверь, расположенная в глубине кабинета, и появился Сталин. Кивком головы он пригласил сесть за большой стол и спросил:

– Что с Головановым?

– По-видимому, простудился, – коротко ответил я.

– Это плохо, что себя не бережёт. Мы – люди казённые. Здоровье, следовательно, тоже вещь казённая. – И назидательно заключил: – Казённую вещь беречь надо. – Эти слова Сталин произнёс негромко. Слово размышляя вслух. Затем, приблизившись к нам, он коротко сказал: – Теперь о деле, по поводу которого я вас вызвал. Немцы перебрасывают войска на Западное и Северо-Западное направления. АДД должна нарушить перевозки. Для этого надо вывести из строя железнодорожные узлы Витебска, Смоленска, Орла и Брянска.

Я сделал пометки на карте и, встав, повторил, не склоняя наименований железнодорожных узлов:

– Витебск, Смоленск, Орёл, Брянск...

Сталин, начавший, по обыкновению своему, прохаживать по кабинету, вдруг резко остановился и повернулся к нам:

– Почему вы так говорите? «Брянск» вместо «Брянска»?..

Я доложил, что так требует «Наставление по службе штабов». Во избежание перепутывания положено не склонять названия населённых пунктов, а именовать их, как написано на карте.

– У вас, военных, всё не как у людей, – нахмурился Сталин. – Грамматические правила устанавливаются для всех, а не для отдельных категорий.

Я невольно смутился. Смотрю, Марк Иванович тоже опустил глаза. И вместе с тем мы не чувствовали себя виноватыми, ибо действовали по-уставному. Впрочем, Сталин был в чём-то прав. Мне стало понятно, почему генерал Голованов так много внимания уделил отработке посылаемых в Ставку документов» (159 – 161).

«После рассвета раздался телефонный звонок. Верховный Главнокомандующий спросил, каковы результаты нашей боевой деятельности.

Я доложил, какие цели мы бомбардировали за ночь, где сбрасывали грузы, сообщил, что с задания не вернулось четыре экипажа и мы потеряли дорогостоящую авиационную технику, которой в то время не хватало. Сталин, выслушав меня, озабоченно произнёс:

– Нужно беречь лётчиков, много их мы теряем...

О том, что АДД лишилась за ночь трёх бомбардировщиков и одного четырёхмоторного корабля Пе-8, Верховный Главнокомандующий не сказал ни слова. И во время войны, когда людские потери неизбежны, продолжал действовать известный всем авиаторам, всем советским людям лозунг партии: человек для нас дороже любой машины, дороже всего!» (167).

«Вечером 12 мая я находился в штабе и, когда раздался звонок ВЧ, снял трубку. Звонил Верховный Главнокомандующий.

– Мы тут посоветовались и решили подчинить вам всю авиацию Крымского фронта. Надо в кратчайший срок организовать её действия.

Я ответил, что задача ясна.

– Хорошо, – заключил Сталин, – действуй! Приказ передадим по телеграфу.

Буквально через несколько минут узел связи принял текст директивы Ставки, излагающей суть всего сказанного Верховным Главнокомандующим» (169 – 170).

«Узнав об этом происшествии, Верховный Главнокомандующий сделал серьёзное внушение командованию АДД, потребовав улучшить метеорологическое обеспечение полётов.

– Нам дорога жизнь каждого лётчика, – заметил Сталин. – Рисковать надо разумно, воевать разумно.

Это было сказано не ради красного словца. Сталин придерживался именно такого правила. Вспоминается случай, связанный с подготовкой налётов авиации дальнего действия на Берлин. Нам была поставлена задача в июне нанести массированные удары по столице фашистской Германии. Генерал Голованов откровенно доложил Верховному Главнокомандующему, что такие полёты будут сопряжены с большими для нас потерями. В июне, как известно, самые короткие ночи в году. На обратном пути от дальних целей, когда начнётся рассвет, бомбардировщики неизбежно

будут перехвачены истребителями противника, активно действовавшими над линией фронта. АДД не имела ночных дальних истребителей, которые могли бы прикрывать бомбардировщиков на всём протяжении маршрута. И, как ни заманчиво было ударить по Берлину в июне 1942 года, в канун первой годовщины войны, Верховный Главнокомандующий отказался от своего намерения и разрешил перенести налёты на фашистскую столицу на более позднее и благоприятное для нас время» (203 – 204).

«Экипаж Героя Советского Союза А. И. Молодчего послал по радио Верховному Главнокомандующему боевой рапорт о том, что бомбометание по Берлину произведено и самолёт следует на свой аэродром.

Вслед за ним радировал экипаж гвардии капитана М. В. Симонова: «Москва, Кремль, товарищу Сталину. Нахожусь над Берлином». Радиограммы такого же содержания направили другие командиры кораблей. Ответ Москвы, что Верховный Главнокомандующий благодарить экипажи за ратные дела, воодушевлял лётчиков на подвиги» (208).

Д. Ф. Устинов. Во имя победы. Записки наркома вооружений. – М., 1988.

УСТИНОВ Дмитрий Фёдорович (1908 – 1984).

Советский государственный, партийный и военный деятель, Маршал Советского Союза (1976). Дважды Герой Социалистического Труда (1942, 1961), Герой Советского Союза (1978). В годы Великой Отечественной войны нарком вооружения.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 19 раз.

«После XVIII съезда партии мне довелось не раз видеть и слышать И. В. Сталина, а впоследствии и работать под его непосредственным руководством в течение десяти с лишним лет, в том числе и всю Великую Отечественную войну. Сталин пользовался большим авторитетом у советских людей. Они знали его как активного борца за победу социализма, доверяли ему...

Что касается И. В. Сталина, то должен сказать, что именно во время войны отрицательные черты его характера были ослаблены, а сильные стороны его личности проявились наиболее полно.

Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом. Понимая всю сложность и многогранность вопросов руководства войной, он много доверял членам Политбюро ЦК, ГКО, руководителям наркоматов, сумел наладить безупречно чёткую, согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений.

При всей своей властности, суровости, я бы сказал жёсткости, он живо откликнулся на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Во всяком случае, насколько я помню, как правило, он не упреждал присутствующих своим выводом, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешённо, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далёк от предмета разговора, думает о чём-то своём. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивающая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло.

Иногда Сталин прерывал доклад неожиданным вопросом, обращённым к кому-нибудь из присутствующих: «А что вы думаете по этому вопросу?» или «А как вы относитесь к такому предложению?» Причём характерный акцент делался именно на слове «вы». Сталин смотрел на того, кого спрашивал, пристально и требовательно, никогда не торопил с ответом. Вместе с тем все знали, что чересчур медлить нельзя. Отвечать же нужно не только по существу, но и однозначно. Сталин уловок и дипломатичес-

ких хитростей не терпел. Да и за самим вопросом всегда стояло нечто большее, чем просто ожидание того или иного ответа...

Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и ёмкой памятью, И. В. Сталин в деталях помнил всё, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал. Он поимённо знал практически всех руководителей экономики и Вооружённых Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовывать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное. Свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, чётко, лаконично, с неумолимой логикой. Лишних слов не говорил и не любил их» (90 – 92).

«В середине июля 1941 года меня вызвал И. В. Сталин. Выглядел он очень усталым. Белки глаз заметно отливали желтизной, виски густо посеребрила седина.

Он сказал, что обстановка на фронте трудна... В результате бомбовых ударов врага по предприятиям нарушается производство некоторых видов вооружения. Поэтому возникла насущная необходимость в его дублировании. В частности, Сталин прямо поставил вопрос о строительстве завода-дублёра по производству 20-мм авиапушек, предложил посоветоваться с Госпланом и согласованные соображения доложить ему... Вскоре было принято постановление ЦК партии и Совнаркома по этому вопросу... Вскоре строительство развернулось широким фронтом. Ежедневно на строительной площадке работало более пяти тысяч человек... С оборудованием дела обстояли хуже. Подсчёты показывали, что новому заводу потребуется около полутора тысяч станков. Где их взять?

Об этом я доложил Сталину в очередной раз. Он выразил удовлетворение темпами стройки и спросил:

– А какой выход со станками предлагаете вы?

– Нужно загрузить станкостроительные заводы по их прямому назначению. Не давать им посторонних заказов, пока они полностью не удовлетворят потребности оборонных заводов в станках.

Сталин тут же позвонил А. И. Микояну.

– Товарищ Микоян, – сказал он, – вот тут мы с товарищем Устиновым решаем вопрос о пуске очень нужного завода. Дело упирается в станки. Их нет. Прошу вас внимательно изучить этот вопрос и доложить о решении вместе с планом на четвёртый квартал...

– Станки вы получите, – сказал он, переговорив с А. И. Микояном. – А сколько вы рассчитываете давать пушек в месяц?

– Две тысячи, товарищ Сталин.

– Сегодня, я думаю, с этим можно согласиться. Но производство нужно обязательно наращивать. Наши возможности по выпуску самолётов растут.

Представленный мною проект постановления ГКО Сталин оставил у себя. На следующий день проект был утверждён. А уже в третьем квартале 1941 года новый завод начал выпускать продукцию» (154 – 156).

«30 июля мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

– В Государственный Комитет Обороны поступил доклад маршала Кулика о том, что для обеспечения артиллерийским вооружением вновь формируемых в первой половине августа стрелковых дивизий недостаёт триста тридцать 45-мм противотанковых пушек и двести 76-мм. Кулик пишет, что их можно получить только за счёт увеличения поставок от промышленности. Других ресурсов нет.

Сталин умолк. В телефонной трубке было слышно его дыхание. Я терпеливо ждал, зная, что подобные паузы он делал нередко, обдумывая возникшую у него в связи со сказанным какую-либо новую мысль. И действительно, Сталин продолжил:

– Совсем недавно Кулик, да и Тимошенко докладывали мне совсем другое. Заверяли, что у нас орудий именно этих калибров хватит с избытком. Просили прекратить их производство... Но за это спрос с них. Вам, товарищ Устинов, нужно тщательно взвесить ваши возможности по увеличению поставок этих пушек в армию. Сделайте это срочно и доложите мне лично...

Подготовив необходимые материалы, я отправился на улицу Кирова... После обычного приветствия Сталин сказал:

– Ну что же, товарищи, послушаем наркома вооружения, что он может доложить по противотанковой артиллерии.

– Промышленность вооружения, – начал я, – не сможет поставить войскам названное маршалом Куликом количество артиллерийских систем в указанный срок. Завод, который раньше выпускал 45-мм пушки, эвакуирован на восток. В пути ещё находится инструмент и оставшиеся после прекращения производства в январе этого года заготовки. На новом месте выпуск может начаться не раньше конца сентября... Я обосновал конкретные сроки ввода мощностей по производству 45-мм и 76-мм пушек на предприятиях наркомата и ориентировочные цифры наращивания общего их производства.

Выслушав меня, Сталин довольно долго молчал, а затем, ни к кому не обращаясь, сказал:

– Теперь ясно, что свёртывание перед войной налаженного производства орудий массового потребления ещё до полного освоения идущих им на смену образцов мы допустили серьёзную ошибку, можно сказать, непростительный просчёт. Определить, когда точно начнётся война, конечно, чрезвычайно трудно. Тем не менее, наше решение было недальновидным. Пожалуй, теперь не время искать виновников. Нашим войскам нужны противотанковые средства. Поэтому надо любой ценой обеспечить их выпуск в достаточном количестве. Это сейчас главная задача. Я прошу наркомат вооружения и Госплан каждый месяц представлять график ежедневного выпуска противотанковых орудий по заводам. За выполнением графика будем следить и спрашивать строго.

Мне не раз приходилось докладывать И. В. Сталину о выполнении графиков выпуска продукции. На их нарушения он реагировал иногда довольно резко. Когда, например, в сентябре один из уральских заводов не выполнил заказ на выпуск орудий, Сталин тут же дал телеграмму директору завода и парторгу ЦК, строжайше предупредил их об ответственности. Эта телеграмма всколыхнула весь завод, и случаев нарушения графика больше не было...

В ноябре Н. А. Вознесенский потребовал подготовить проект постановления на три месяца вперёд. Рассмотрение этого проекта на заседании ГКО мне особенно запомнилось.

Уже месяц столица была на осадном положении. Кровопролитные бои шли на ближних подступах к Москве. Продолжалась эвакуация предприятий. Сталин ещё больше осунулся и ссутулился. Прочитав проект, он сказал:

– В первом абзаце надо указать, что производство противотанковых орудий имеет исключительное, подчёркиваю, исключительное значение для нашей армии. Запишите. А поскольку это так, нужно, кроме того, записать, что на привлекаемых к производству пушек заводах должны ежемесячно выделяться дополнительные централизованные фонды для каждого работающего: муки – 10 килограммов; крупы и рыбы по 2 килограмма; сахара – 1 килограмм; табак – по 100 граммов. В закрытых столовых продавать по 200 граммов хлеба без карточек. – Он прошёлся по кабинету, раскуривая трубку, и снова неспеша продиктовал:

– Вменить в обязанность секретарям обкомов: Свердловского – Андрианову, Сталинградского – Чуюнову, Молотовского – Гусарову, Горьковского – Родионову, Удмуртского – Чекинову, Ярославского – Патоличеву – повседневно заниматься работой заводов, изготавливающих 45-миллиметровые противотанковые и 76- миллиметровые дивизионные пушки УСВ; оказывать всемерную помощь в выполнении указанного постановления и ежедекадно докладывать ГКО о ходе выполнения программы.

Сталин подошёл к столу, из-за моего плеча прочитал написанное и продолжил:

– Запишите ещё один пункт. ГКО предупреждает всех народных комиссаров и директоров заводов об исключительной ответственности за выполнение указанного постановления и за бесперебойное снабжение артиллерийских заводов наркомата вооружения и устанавливает, что невыполнение заказов для выпуска 45-мм и 76-мм пушек будет рассматриваться ГКО как государственное преступление.

Постановление было тут же перепечатано на машинке. Подписав его, Сталин сказал:

– Теперь принимайте меры к выполнению постановления. Докладывайте нам, как идёт его реализация» (160 – 163).

«Случилось это в начале июля, после одного из заседаний Государственного Комитета Обороны.

– Тимошенко и Кулик, – сказал Сталин, – обратились с просьбой срочно начать массовый выпуск противотанкового ружья Рукавишникова. – По тому, какой тяжёлый взгляд был брошен в мою сторону, чувствовалось, как он сильно раздражён. – Наши бойцы геройски дерутся с фашистскими танками, – продолжал Сталин, – применяя бутылки с горючей смесью и гранаты. Они вынуждены прибегать к таким средствам. Другого оружия ближнего боя у них нет. А оно могло быть! Могло, если бы наши военные в своё время более здраво подошли к оценке противотанкового ружья. Тогда они недооценили его возможности и переоценили броневую защиту немецких танков. Но сейчас мы знаем, что броня у большинства из них не превышает сорока миллиметров. Как раз для противотанкового ружья!

Сталин помолчал, потом обратился ко мне:

– Товарищ Устинов, скажите, можно ли начать выпуск противотанкового ружья Рукавишникова, и если можно, то сколько потребуется времени для налаживания производства?

– Выпуск ружья можно наладить, товарищ Сталин, – ответил я. – Но сейчас оно проходит окончательную доводку после испытаний. Одновременно ведётся подготовка технической документации и рабочих чертежей для массового производства на двух заводах. На это потребуется не меньше месяца.

– Учитывая важность задачи, – сказал Сталин, – поручите ещё одному, а для надёжности – двум конструкторам, пусть поработают так, чтобы в самое короткое время мы имели хорошее противотанковое ружьё» (170).

«В конце ноября 1942 года поздно ночью мне позвонил Сталин:

– Товарищ Устинов, как у вас обстоит дело с самоходной артиллерией?

– Идёт доработка 76-мм самоходных орудий после испытаний в войсках.

– И каковы перспективы?

– Пока ничего утешительного, необходимы серьёзные изменения в конструкции.

– Плохо, товарищ Устинов. Время не ждёт. Нам нужна самоходная артиллерия. Нужна безотлагательно. Это – оружие наступления. И если мы всерьёз намерены наступать, то нам надо иметь такое оружие. Иметь в достаточном количестве.

Сталин помолчал. Потом завершил разговор:

– Нам надо наладить производство самоходной артиллерии, – сказал Сталин. Мы вынуждены торопиться с её созданием по двум причинам. Во-первых, нашим войскам нужно подвижное и мощное оружие, способное в наступлении сопровождать танки и пехоту, уничтожать различные укрепления противника. Во-вторых, стало известно, что в Германии ведётся работа над созданием тяжёлых танков и штурмовых самоходных орудий. Значит мы должны иметь достаточно мощное орудие против них. Послушаем товарищей Малышева и Устинова» (181).

«Во второй половине декабря 1943 года И. В. Сталин вызвал в Кремль Малышева, Ванникова, Федоренко и меня. Поздоровавшись с нами, он указал на стулья, стоящие у длинного стола. После того как мы расселись, Сталин высказал неудовлетворение ходом разработки и установки на танк Т-34 85-мм пушки. Мы и сами знали, что дела идут неважно. И, тем не менее, резкая оценка, которую нам давал Сталин, была крайне неприятна...

Вопросы нам Сталин не задавал. Пройдя несколько раз по кабинету, он подошёл к своему столу, взял с него какие-то листы и, повернувшись к нам, стал читать их вслух. Это оказалось письмо командира одной из дивизий действующей армии. И. В. Сталин особо выделил из этого письма то место, где сообщалось, что установленные на танках 45-мм и даже 76-мм пушки неэффективны для борьбы с танками противника, особенно с последними модификациями «тигров».

«Тигры» практически нельзя бить в лоб, – писал командир, – приходится пропускать их через себя и стрелять в корму или вести огонь по танкам противника,двигающимся на соседей, то есть по борту. На танк Т-34 нужна более мощная пушка».

Следует отметить, что Сталин всегда внимательно относился к просьбам с фронта и принимал самые решительные меры

по их удовлетворению. И на этот раз, закончив читать письмо, Сталин коротко бросил:

– 85-мм пушка должна быть установлена на танк Т-34. С начала следующего года выпускать его только с этой пушкой!

Сталин ещё раз прошёлся по кабинету и сказал:

– Отправляйтесь немедленно на завод. Для вас на Ярославском вокзале заказан вагон. Он будет прицеплен к очередному отходящему поезду. Не теряйте времени.

Мы вышли из кабинета...

Через неделю образцы 85-мм пушки были доработаны и прошли испытания» (247 – 248).

К. А. Мерецков. На службе народу. – М., 1988.

МЕРЕЦКОВ Кирилл Афанасьевич (1897 – 1968).

Советский военачальник, Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1940), кавалер ордена «Победа». В годы Великой Отечественной войны командовал войсками ряда армий и фронтов.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 24 раза.

«Сотни раз с тех пор беседовал я со Сталиным и в похожей и в иной обстановке, но, конечно, в тот момент о будущем я не мог и подзревать. Кто бы мог подумать, что наступит время, когда мне доведётся в качестве начальника Генштаба, заместителя наркома обороны и командующего фронтами разговаривать с этим же человеком – Генеральным секретарём ЦК нашей партии, Председателем Совета Народных Комиссаров и Верховным Главнокомандующим! Однажды уже после Великой Отечественной

войны, Сталин спросил меня: «Товарищ Мерецков, а с какого времени мы, собственно говоря, знакомы?» Я напомнил ему о поезде Москва – Харьков и о майской беседе 1920 года» (48).

«За время работы в Наркомате обороны и в годы Великой Отечественной войны мне приходилось встречаться с И. В. Сталиным десятки раз. Я не вёл записей этих встреч, но стоит напомнить мне о каком-то конкретном случае, как тут же в памяти всплывает и что было сказано, и какими сопровождалось комментариями, и как на это реагировали окружающие. Психологически это легко объяснимо. Все встречи с И. В. Сталиным проходили для меня (и, вероятно, не только для меня) при особой внутренней собранности, вызванной сознанием важности дела и чувством высокой ответственности.

Во время официальных заседаний И. В. Сталин обращался ко мне, как правило, «товарищ Мерецков», реже – «Кирилл Афанасьевич». При неофициальных встречах он почему-то называл меня «ярославцем» или «хитрым ярославцем». Так, например, он называл меня с улыбкой, когда ему нравилось внесённое мной предложение по важному вопросу или, сердясь, когда я не соглашался с его мнением.

В годы войны во время моих докладов Верховному Главнокомандующему о положении на фронте или при обсуждении новых заданий иногда присутствовали А. М. Василевский, Б. М. Шапошников, несколько реже – Г. К. Жуков, А. И. Антонов, Г. М. Маленков, К. Е. Ворошилов, ещё реже – другие члены Политбюро или военачальники.

Нередко же беседа велась с глазу на глаз. Это не значит, что предварительно Сталин не обсуждал данный вопрос с членами Государственного Комитета Обороны или сотрудниками Ставки. Не значит это, конечно, что и с другими командармами и командующими фронтами Сталин беседовал лишь наедине. Что касается меня, то (я говорю так, как было в действительности) многие оперативные задания в годы войны я получал непосредственно от И. В. Сталина во время беседы вдвоём.

Такая беседа состоялась и 17 сентября. Я обстоятельно доложил о положении на Северо-Западном фронте и о своих за-

мыслах, которые вынашивал в последнее время. И. В. Сталин заметил:

– Это хорошо, что положение стабилизировалось. Я вижу, вы вошли уже в курс дела. Хотим дать вам ответственное задание. Не возражаете?

Возражений, конечно, не последовало. Мне было приказано немедленно выехать на Ладожско-Онежский перешеек, в 7-ю армию Карельского фронта, которая с боями отступала на юг, к Свири, помочь наладить оборону, ни в коем случае не допустить прорыва финнов к Волхову на соединение с немцами...

– Посмотрите, как идут дела у Гореленко. Вы знаете войска этой армии, её командиров, а они знают вас. Помогите советом. Если этого будет мало, разрешаю вступить в командование. Приказываю любым способом финнов остановить!» (213 – 215).

«Жизнь, боевая практика учат тому, что невозможно распланировать весь ход событий до конца. Важно было наметить общее русло действий, а конкретные детали представить вниманию нижестоящих командиров, не сковывая заранее их инициативу. В большинстве случаев И. В. Сталин так и поступал, отходя от этой традиции только тогда, когда речь шла о каких-либо политических последствиях, или по экономическим соображениям, или когда его память подсказывала ему, что в прошлом он уже сталкивался с подобной обстановкой.

Не скажу, что я всегда соглашался с тем, как И. В. Сталин решал вопросы, тем более что нам приходилось спорить, насколько это было для меня возможно в рамках субординации, и по малым, и по крупным проблемам. Но неверно упрекать его в отсутствии интереса к деталям. Это просто не соответствует действительности. Даже в стратегических военных вопросах И. В. Сталин не руководствовался ориентировкой «по глобусу». Тем более смешно это говорить применительно к вопросам тактическим, а они его тоже интересовали, и немало.

Характерно для Сталина, что он снова вызвал командующего фронтом в Москву, узнав о частичных изменениях в намечавшейся операции. Такие вызовы случались нередко. Сталин предпочитал общаться с людьми, когда это было возможно,

лично. Мне представляется, что делал он это по трём причинам. Во-первых, в ходе личной беседы можно лучше ознакомиться с делом. Во-вторых, Сталин любил проверять людей и составлял себе мнение о них из таких встреч. В-третьих, Сталин, когда он хотел этого, умел учиться у других.

В годы войны это качество проявлялось в нём чаще. Думаю, что командующие фронтами, сотрудники Ставки, Генштаба и другие военные работники много научили Верховного Главнокомандующего с точки зрения проблем современной войны. Соответственно, очень многому научились у него и они, особенно в вопросах общегосударственных, экономических и политических. Относится это и ко мне. Я считаю, что каждая поездка в Ставку чем-то меня обогащала, а каждое очередное свидание с руководителями партии и государства расширяло мой кругозор и было для меня весьма поучительным и полезным» (366 – 367).

«Направляясь в Кремль, я захватил с собой рельефную карту Ладожско-Онежского перешейка и в Ставке, оперируя данными разведки о силах противника, начал показывать, как трудно будет там действовать войскам. И. В. Сталин не любил, когда ему говорили, что враг будет поступать так-то и так-то. Нередко он при этом иронически спрашивал: «А вы откуда знаете? Вас противник персонально информирует?» Ответственные работники Генштаба, давние мои сослуживцы, напомнили мне об этом и тщетно отговаривали от замысла, в который я их посвятил. Получилось именно так, как они предсказывали. Верховный Главнокомандующий усмотрел в моих словах попытку вытянуть лишние резервы и не дал таковых. Правда, по вторичному докладу сотрудников Ставки он пересмотрел своё решение, и резервы прибыли.

После окончания операции я нарочно прислал в Ставку фотографии укреплений, прорванных нашими войсками на перешейке, с просьбой показать их Сталину. Но позднее я узнал, что этот альбом так и не дошёл до Верховного Главнокомандующего» (363 – 364).

«9 июня (1944 года. – А. С.) мы с Т. Ф. Штыковым были вызваны в Кремль. И. В. Сталин сказал нам, что ленинградцы должны прорвать линию финской обороны, но им необходимо

помочь... Когда я обо всём этом доложил, И. В. Сталин сказал: «У вас один стрелковый корпус уже имеется, два мы дадим вам дополнительно, дадим и артиллерийскую дивизию. Что касается авиационной дивизии, то маршал авиации Новиков получил указание сделать авиацией Ленинградского фронта один-два вылета на расположенные перед вами финские позиции. Он будет прислан к вам для согласования».

Тут я стал настойчиво просить ещё стрелковый корпус для развития прорыва. Однако А. М. Василевский и Г. К. Жуков категорически возражали. Обсуждение прекратилось. Вскоре А. М. Василевский и Г. К. Жуков ушли, а меня и Т. Ф. Штыкова И. В. Сталин пригласил посмотреть салют в честь Ленинградского фронта. Когда после салюта мы прощались, Верховный Главнокомандующий сказал мне на ухо: «Я дополнительно выделю вам тот стрелковой корпус, который вы просили» (364 – 365).

В. И. Чуйков. От Сталинграда до Берлина. – М., 1985.

ЧУЙКОВ Василий Иванович
(1900 – 1982).

Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В Великую Отечественную войну командовал рядом армий.

«Почти через десять лет после окончания Сталинградской битвы, летом 1952 года, мне довелось обменяться мнениями о тех событиях со Сталиным. Было это так. Я отдыхал в Сочи. После обеда раз-

дался телефонный звонок.

– Это вы, товарищ Чуйков?

– Да, это я. С кем имею честь разговаривать?

– Говорит Поскребышев. Соединяю вас с товарищем Сталиным. От неожиданности я растерялся. Вскоре услышал негромкий и спокойный голос со знакомым каждому грузинским акцентом. Сталин спросил:

– Как отдыхаете, товарищ Чуйков, как себя чувствуете?
– Отдыхаю хорошо, чувствую себя прекрасно, – ответил я.
– Вы могли бы приехать ко мне? – спросил Сталин.
– Как прикажите, товарищ Сталин! Я готов приехать в любую минуту.

– Сейчас за вами приедет машина. Приезжайте! Только не понимайте это как приказ!

На сборы у меня ушло не более десяти минут. Подошла машина. Ехали мы недолго. Сталин встретил меня у подъезда. Я вышел из машины и, подойдя к Сталину, отрапортовал:

– Товарищ Сталин, по вашему приказанию прибыл!
– Зачем же так официально?! Давайте проще!
– Хорошо, товарищ Сталин. Но это у меня по привычке.

Сталин улыбнулся в усы.

– Если по привычке, то я тут ни при чём!

Мы прошли в большую комнату, в бильярдную. Сталин начал меня расспрашивать о положении в Германской Демократической Республике. В ту пору я был Главнокомандующим Группой советских войск и председателем Советской Контрольной комиссии в Германии.

Ужин был собран на открытой веранде. Непринуждённая обстановка за столом располагала к откровенности. Я спокойно отвечал на все вопросы, которые возникли у Сталина. Он вспомнил о Сталинградской битве и вдруг спросил:

– Скажите, товарищ Чуйков, как вы думаете, можно ли было нам в декабре сорок второго года пропустить в Сталинград группу Манштейна и там её захлопнуть вместе с Паулюсом?

Мне приходилось думать о такой возможности в дни Сталинградского сражения. Мы не могли не принимать в расчёт возможности прорыва войск Манштейна к Паулюсу, то есть возможности деблокировки окружённых частей. Скажем прямо, полной уверенности у нас, сталинградцев, о том, что танковый

клин Гота не протаранит фронт внешнего обвода нашего окружения, не было. Могла позже пробиться к Сталинграду группа армий «Дон». Не исключено, что деблокировав армию Паулюса, противник не дал бы нам возможности захлопнуть за ним дверь.

Одно мы тогда знали чётко, что собственно окружение, полное окружение не так часто бывало и не так часто повторяется в военной истории. Мы отчётливо тогда понимали, что рисковать – выпускать из Сталинграда немецкую армию – мы не могли.

Могло ли случиться так, что, прорвавшись в Сталинград, Манштейн мог влить окружённым силы и надежды на спасение, на выход вместе с деблокирующей группировкой из окружения? Это сковало бы ещё надолго наши силы вокруг Сталинграда. Уничтожение такой крупной группировки отчаявшихся людей дело нелёгкое и затяжное.

В духе этих размышлений я и ответил Сталину.

Сталин вздохнул и задумался. Тихо проговорил:

– Это было очень рискованно. Рисковать нельзя было. Народ очень ждал победы!

Он встал, прошелся по веранде, остановился. Раскурил трубку, вдруг спросил:

– Скажите, товарищ Чуйков, что такое окружение противника?

Слишком уж нарочито простым показался мне вопрос. Я искал за ним какой-то скрытый смысл, но Сталин не ждал моего ответа. Он сам отвечал, развивая свою мысль:

– Если окружен трус и паникёр – он тут же бросит оружие, даже не удовлетворившись, есть ли выход из окружения. Если окружён отчаявшийся враг – он будет отбиваться до последнего. История войн знает очень мало примеров полного окружения противника. Многие полководцы пытались провести полное окружение противника. Почему же это им не удавалось? Им это не удавалось потому же, почему Кутузову не удалось окружить Наполеона.

Царь Александр требовал от Кутузова, чтобы он окружил, отрезал французские войска. Кутузов этого сделать не мог только потому, что бегство французов было стремительнее движе-

ния за ними Кутузова. Мне во время войны после Сталинграда не раз представлялись проекты окружения немецких войск. На меня, наверное, даже обижались, когда я отклонял такие проекты. Товарищи, предлагавшие операции по окружению противника, часто не принимали в расчёт такие моменты.

Первое. Немецкое командование после Сталинграда не желало ждать, когда мы ударим по флангам той или иной группировки, сведём кольцо окружения, и торопливо выводило войска из-под опасности окружения, очищая при этом нашу территорию. Второе. Памятуя о Сталинграде, немецкие солдаты не желали попадать в окружение. Если солдат не захочет попасть в окружение, он всегда сумеет вырваться из любого котла или заблаговременно отступить. Лишь только намечалось окружение, немецкие солдаты покидали позиции и отступали, опять же очищая нашу территорию. Это совпадало с нашей главной задачей – изгнать врага с нашей земли.

Разговор наш окончился в первом часу ночи. Сталин проводил меня до выхода. Мы распрощались» (337 – 340).

Д. А. Журавлёв. Огневой щит Москвы. – М., 1988.

ЖУРАВЛЁВ Даниил Арсентьевич (1900 – 1974).

Генерал-полковник артиллерии. В Великую отечественную войну командующий Московским фронтом, Особой московской армией и Западным фронтом ПВО.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 14 раз.

«21 июля (1941 года. – А. С.) меня предупредили: «Сегодня начальник Генерального штаба про-

ведёт с руководством 1-го корпуса ПВО и 6-го авиационного истребительного корпуса игру на картах. Вам и авиаторам необходимо подготовить оперативные карты»... Часов в пять вечера нас пригласили в особнячок, находившийся во дворе, рядом со зданием штаба корпуса, и проводили в кабинет Верховного Главнокомандующего. Входили мы туда довольно робко. Личность И. В. Сталина в то время была окружена ореолом исключительности и, я бы сказал, некоторой таинственности. Каждое его слово воспринималось как непререкаемая истина.

До этого мне доводилось видеть И. В. Сталина только в президиуме, когда приходилось участвовать в заседаниях сессии Верховного Совета РСФСР, а близко – всего однажды, во время работы XVIII съезда партии, делегатом которого мне посчастливилось быть. Теперь же предстояло не только видеть его, но и держать перед ним экзамен...

Наконец всё было готово.

– Покажите нам, как вы будете отражать массированный дневной налёт авиации противника на Москву, – обратился к нам Сталин. А потом кивнул в сторону Громадина: – можно начинать.

Игра длилась часа полтора... Пока мы «воевали», И. В. Сталин медленно прохаживался по комнате, наблюдая за тем, как складывается обстановка на наших картах. Когда программа игры была исчерпана, Верховный Главнокомандующий ограничился лишь несколькими замечаниями. Коротко подвёл итоги начальник Генерального штаба Г. К. Жуков. Из его слов было ясно, что в основном со своей задачей мы справились.

Затем нам разрешили свернуть карты, и И. В. Сталин сказал:

– Завтра вы нам покажете отражение ночного налёта.

Однако второй игре на картах не суждено было состояться ни на следующий день, ни позже. Всего через несколько часов нам пришлось отражать налёт на столицу не условного, а вполне реального противника.

Тот факт, что Государственный Комитет Обороны нашёл возможным заняться проверкой готовности противовоздушной обороны Москвы, весьма характерен. Руководители партии и правительства придавали огромное значение защите столи-

цы. По всей вероятности, они располагали данными о готовящихся массированных налётах авиации противника на Москву и решили лично убедиться, как готова столица к отражению этих ударов» (40 – 42).

«Как-то в начале 1942 года меня пригласил к себе Александр Сергеевич Щербаков. После обычных вопросов о состоянии наших дел, о воздушной обстановке он вдруг задал вопрос, который поставил меня в тупик:

– Скажите, товарищ Журавлёв, как вы посмотрите на то, что в ваши войска мы пошлём служить женщин? Учтите, что речь идёт не об отдельных добровольцах, а о тысячах людей... Сейчас от них в партийные и комсомольские организации и непосредственно на имя товарища Сталина поступает множество заявлений...

Словом, было ясно, что Центральный Комитет ВКП (б) и Советское правительство придают очень большое значение данной проблеме и, несмотря на напряжённость военной обстановки, стремятся сделать всё, чтобы девушки-добровольцы почувствовали себя полноправными воинами.

В этом меня убедил и разговор с И. В. Сталиным, происшедший в его кремлёвском кабинете позже, когда девушки уже прибыли к нам и заняли своё место в боевом строю. Сталин интересовался, как в войсках восприняли приход женского пополнения, как девушки чувствуют себя в новой обстановке. Я уже располагал тогда данными, что они очень быстро освоились в армейской среде, с большим желанием начали изучать военные специальности, что воины-мужчины относятся к ним с заботой и уважением.

Верховный Главнокомандующий остался очень доволен этим сообщением. Слушая мой рассказ, он, по своему обыкновению, прохаживался по кабинету, мягко ступая по полу, попыхая неизменной трубкой, и удовлетворительно кивал головой» (125 – 126).

«Однажды поздно вечером мне доложили: «Вас вызывает к телефону Верховный Главнокомандующий». В трубке я услышал, как всегда, спокойный голос И. В. Сталина:

– Товарищ Журавлёв, прошу вас выделить три истребительных полка для Сталинграда. Самолеты мы вам компенсируем. Беру их под свою личную ответственность, взаимы...

Нужно ли говорить, что были немедленно приняты меры для отбора лучших лётчиков и исправных самолётов. К утру экипажи уже находились на аэродромах близ Сталинграда и вскоре приняли участие в ожесточённых воздушных сражениях.

И. В. Сталин сдержал своё слово. Ровно через три дня мы получили с завода новейшие истребители вместо тех, что были взяты у нас «взаимы». Этот факт убедительно свидетельствует о том, какое большое значение руководители партии и правительства придавали противовоздушной обороне столицы. Даже в дни самых напряжённых боёв под Сталинградом правительство не считало возможным ослабить ПВО Москвы» (164 – 165).

«Вопросы противовоздушной обороны столицы в годы войны, и особенно в первый её период, были столь важны и актуальны, что решением их занимались непосредственно Центральный Комитет партии, правительство, Государственный Комитет Обороны. Генералу М. С. Громадину и мне приходилось постоянно выполнять различные распоряжения руководителей партии и правительства, отданные непосредственно или через начальника Генерального штаба. Чаще всего это были распоряжения И. В. Сталина. Я ежедневно информировал его о результатах боевой работы наших войск, нередко обращался с различными вопросами...

Мне приходилось присутствовать на ряде совещаний в кабинете Верховного Главнокомандующего. Были они и многочисленными и узкими, с участием двух – трёх человек. Каждый раз я убеждался, насколько глубоко Сталин вникал в вопросы, которые ему приходилось решать. В некоторых случаях он не торопился высказывать своё мнение и окончательно решение принимал лишь после специальных консультаций. Но нередко И. В. Сталин сразу же принимал определённое решение» (184 – 185).

М. Е Катуков. На острие главного удара. – М., 1985.

КАТУКОВ Михаил Ефимович
(1900 – 1976).

Советский военачальник, маршал бронетанковых войск (1959), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В годы Великой Отечественной войны командовал танковыми соединениями и 1-й гвардейской танковой армией.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 2 раза.

«16 октября (1941 года. – А. С.) меня вызвали в штаб 50-й армии и предупредили, что я буду говорить с Верховным Главнокомандующим. До этого мне ещё ни разу не приходилось говорить со Сталиным, и, признав, прижав трубку ВЧ к уху и прислушиваясь к ровному гудению аппарата, я волновался.

– Здравствуйте, товарищ Катуков, – раздался в трубке хорошо знакомый голос с характерным кавказским акцентом.

Осведомившись о боеспособности бригады, Сталин сказал:

– Вам надлежит немедленно погрузиться в эшелоны, чтобы как можно быстрее прибыть в район Кубинки. Будете защищать Москву со стороны Минского шоссе.

Я доложил, что перебрасывать бригаду поездами в сложившихся условиях нецелесообразно. Грузиться с подсветкой нельзя: в воздухе непрерывно висят немецкие бомбардировщики. Чуть мелькнёт огонёк – тут же налетают. А при погрузке в темноте, танки могут свалиться с платформы.

– Прошу вашего разрешения идти к Москве своим ходом.

– А как же с моторесурсом? Ведь надо будет пройти триста шестьдесят километров...

– Это не много, – ответил я. – Для ведения боевых действий моторесурсов хватит с избытком.

– Ну, раз вы ручаетесь, двигайтесь своим ходом» (60).

«Тогда казалось, что нас не понимают, что Ставка и Генштаб не хотят войти в наше положение. Только потом мы поняли, что у Верховного Главнокомандования были участки, где положение было ещё более критическим. Например, под Воронежем. Совершенно очевидно: всё внимание Ставки и Генштаба было приковано к этому направлению. Но и за боями на нашем участке фронта Ставка и Верховный Главнокомандующий следили довольно пристально. Об этом, в частности, свидетельствуют документы, которые приводит в своих воспоминаниях генерал армии М. И. Казаков, бывший в то время начальником штаба Брянского фронта:

«В ночь на 30 июня командующего фронтом тов. Голикова вызвал к прямому проводу Сталин.

– Нас беспокоят две вещи, – сказал он. – Во-первых, слабая обеспеченность вашего фронта на реке Кшень и в районе северо-восточнее Тим. Мы считаемся с этой опасностью потому, что противник может при случае ударить по тылам 40-й армии и окружить наши части. Во-вторых, нас беспокоит слабая обеспеченность вашего фронта южнее города Ливны. Здесь противник может при случае ударить на север и пойти по тылам 13-й армии. В этом районе у вас будет действовать Катук (1-й тк), но во втором эшелоне у Катук нет сколько-нибудь серьёзных сил. Считаете ли вы обе опасности реальными, и как вы думаете рассчитаться с нами?» (160 – 161).

«Теперь, когда рассматриваешь документы, ясно, что Ставка была недовольна тем, как командование Брянским фронтом использовало танковые корпуса. По поручению И. В. Сталина начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский передал командующему фронтом: «Некоторые из танковых корпусов перестали быть танковыми и перешли на методы боевых действий пехоты. Примеры: Катук (1-й тк) вместо быстрого уничтожения пехоты противника в течение суток занимался окружением двух полков, и вы, по-видимому, это поощряете» (162 – 163).

«Вскоре я получил приказ: 17 сентября явиться в Кремль на приём к Верховному Главнокомандующему...

Нужно ли говорить, что к встрече с Верховным Главнокомандующим я готовился с большим волнением. Тем более, что до сих пор со Сталиным никогда не встречался. Всё моё знакомство с ним сводилось к непродолжительному разговору по ВЧ после прошлогодних боёв на мценских рубежах...

Возможно, нынешнему читателю непонятно это волнение. Но тогда для нас, фронтовиков, имя Сталина было окружено безграничным уважением. С этим именем связывалось всё самое священное – Родина, вера в победу, вера в мудрость и стойкость нашего народа, в партию.

Поскребышев ввёл меня в комнату, то ли в приёмную, то ли столовую, и на минуту-другую оставил одного. Я было приготовился доложить Верховному по всей форме, по-военному, но неожиданно открылась боковая дверь, и я услышал голос Сталина:

– Здравствуёте, товарищ Катук! Заходите ко мне.

Я только и успел сказать:

– Здравствуйте, товарищ Сталин. – А подготовленный в мыслях доклад из головы вылетел.

Вслед за Сталиным я прошёл в его кабинет. Пожав мне руку, Верховный предложил:

– Садитесь и курите. На меня не смотрите, я сидеть не люблю.

Тут же достал из кармана коробку папирос «Герцеговина Флор». Вынул из неё две штуки, отломил от них табак и, высыпав его в трубку, закурил.

– Что же не закуриваете? – спросил он меня, прохаживаясь по комнате.

То ли от волнения, то ли ещё почему, но курить не хотелось. А Сталин, выпустив облако дыма, продолжал:

– Курить не хотите, тогда рассказывайте по порядку, как у вас, у вашего корпуса дела на фронте? Как воюет мотопехота и как наши танки.

Как можно короче я рассказал о последних боевых событиях на Брянском фронте, о действиях наших танкистов и пехотинцев. А Сталин, вышагивая по кабинету, задаёт мне ещё вопрос:

– Как считаете, хороши наши танки или нет? Говорите прямо, без обиняков.

Отвечаю, что танки Т-34 полностью оправдали себя в боях и что мы возлагаем на них большие надежды. А вот тяжёлые танки КВ и боевые машины Т-60 и Т-70 в войсках не любят.

Сталин на минуту остановился, вопросительно изогнув бровь:

– По какой причине?

– КВ, товарищ Сталин, очень тяжелы, неповоротливы, а значит, и неманевренны. Препятствия они преодолевают с трудом. А вот тридцатьчетверкам всё нипочём. К тому же КВ ломают мосты и вообще приносят много лишних хлопот. А на вооружении у КВ такая же семидесятишестимиллиметровая пушка, что и на тридцатьчетверке. Так, спрашивается, какие боевые преимущества даёт нам тяжёлый танк? Вот если бы у КВ пушка была посильнее, калибром побольше, тогда другое дело. Можно бы, пожалуй, мириться и с его тяжестью, и с другими конструктивными недостатками.

Раскритиковал я и лёгкий танк Т-60. У него на вооружении пусть автоматическая, но всего лишь 20-мм пушка. Серьёзной борьбы с бронетанковыми силами врага эта машина вести не может. К тому же у него мал клиренс, и совершать на нём марши, ходить в атаку по снегу и грязи – мёртвое дело. В подмосковных боях нам пришлось эти танки таскать на буксире.

Лёгкий танк Т-70 имеет более солидную броневую защиту, вооружён 45-мм пушкой, на нём установлены два автомобильных двигателя. Но он только начал поступать на вооружение и пока ничем особенным себя не проявил.

– Одна канитель с ними, товарищ Сталин, – заключил я.

Верховный слушал внимательно, не перебивал. Но когда я изложил свою точку зрения о всех танках, находившихся у нас на вооружении, он, выдержав длинную паузу, неожиданно начал мне доказывать, что я напрасно так резко обрушился на КВ, Т-60 и Т-70, что они неплохие машины и, возможно, мы, танкисты, просто недооцениваем их.

Слушая Сталина, я, разумеется, волновался, но всё же решил не сдаваться. Привёл ряд боевых примеров, подтвержда-

ющих, что КВ, Т-60 и Т-70 не оправдывают себя на поле боя. И ещё раз повторил:

– Пусть вооружат танки, хотя бы те же тяжёлые, более мощной пушкой, тогда они нам пригодятся.

Уже потому, что Сталин особенно интересовался, чем хороши и чем плохи по своим тактико-техническим свойствам наши танки, я понял, что Верховный Главнокомандующий хочет досконально, до самой, что называется, глубины, разобраться в сильных и слабых сторонах нашей бронетанковой техники сорок второго года. Нетрудно было догадаться, что его вопросы непосредственно связаны с неудачными боями летом и осенью сорок второго. Сталин пытался найти причину этих неудач.

Доложил я также Верховному о нехватке радиостанций в танковых войсках. На первом этапе войны радиостанции имелись только на командирских машинах, а на линейных их не было. Что немало затрудняло управление боем. Положение почти не изменилось и в сорок втором году. Пожаловался также, что большую нужду испытываем в телефонном кабеле.

– Подождите, товарищ Катюков, – сказал Сталин, – скоро и с рациями, и с телефонным кабелем дело поправится.

И опять Верховный шагнул по комнате из конца в конец. В тишине слышно было, как поскрипывают его сапоги. Раскурив во второй или в третий раз трубку, он спросил, как на фронте награждают отличившихся в боях воинов орденами и медалями.

Что я мог ответить? Плохо обстояло дело с награждением людей, совершавших подчас беспримерные подвиги. А получалось так потому, что награждение производилось только Указами Президиума Верховного Совета СССР. Пока пересылали представление к награде по всем фронтовым инстанциям, пока попадало оно в Москву, потом в Указ, проходило очень много времени. Между тем бои шли непрерывно. И смотришь, иной отличившийся и представленный к награде человек или выбыл по ранению куда-то в тыловую госпиталь, или погиб в очередной схватке с врагом, или переведён в другое соединение. Придут, бывало награды, а вручать их некому.

– Вот если бы, товарищ Сталин, – предложил я, – дать права в этом отношении фронтам, армиям, соединениям...

– Подумаем, – сказал Иосиф Виссарионович и снова перевёл наш разговор на боевые дела, чисто танковые. Спросил: – Стреляют танкисты сходу?

Я ответил, что нет, не стреляют.

– Почему? – Верховный пристально посмотрел на меня.

– Меткость сходу плохая, и снаряды жалеем, – ответил я. – Ведь наши заявки на боеприпасы полностью не удовлетворяются.

Сталин остановился, посмотрел на меня в упор и заговорил чётко, разделяя паузами каждое слово:

– Скажите, товарищ Катук, пожалуйста, во время атаки бить по немецким батареям надо? И кому в первую очередь? Конечно, танкистам, которым вражеские пушки мешают продвигаться вперёд. Пусть даже ваши снаряды не попадают прямо в пушки противника, а рвутся неподалеку. Как в этой обстановке будут стрелять немцы?

– Конечно, меткость огня у противника снизится.

– Вот это и нужно, – подхватил Сталин. – Стреляйте сходу, снаряды дадим, теперь у нас будут снаряды.

Выдержав большую паузу, Верховный назвал несколько генералов и спросил, знаю ли я их. С большинством из названных я не был знаком и на фронте не встречался. А те немногие, которых я знал, были настоящие боевые военачальники и заслуживали только доброго слова.

И вот наступил решающий момент беседы, ради чего, видимо, и вызвал меня Верховный Главнокомандующий к себе.

– Вот что, товарищ Катук, – сказал Сталин, – вы назначаетесь командиром механизированного корпуса. Он будет куда посильнее танкового. А воевать поедете вот сюда...

И Верховный показал мне на карте, лежавшей на столе, один из районов Калининской области. Такое решение Сталина было для меня большой неожиданностью. Я поблагодарил Верховного за доверие, но сказал:

– Как же мне быть с первым танковым корпусом? Хотелось бы вывести его в ряды гвардейских и уж тогда...

Сталин только махнул рукой.

– Вы, товарищ Катук, не раз ещё будете гвардейцем, и не в этом сейчас дело.

Я взмолился:

– Товарищ Сталин, не так просто подготовить, научить войска. Большое для боя дело, когда тебя люди хорошо знают и ты их знаешь. В составе первого танкового корпуса находится первая гвардейская танковая бригада, с бойцами которой меня связывают узы самой крепкой боевой дружбы. Разве легко с ней расстаться! – И я попросил Верховного: – Включите войска первого танкового корпуса в новый, механизированный. Мы зло будем драться, не щадя жизни...

Стали усмехнулся, расправил сгибом указательного пальца усы.

– Ну что ж, напишите номера бригад первого танкового корпуса, которые хотите взять.

Я записал на листке 1-ю гвардейскую, 49-ю танковую и 1-ю мотострелковую бригады и передал записку Сталину. Он прочитал и покачал головой.

– Почему не хотите брать бригаду КВ?

Отвечаю, что с ней будет трудно воевать на болотах Калининской области. Видимо, это объяснение удовлетворило Верховного. Он взял телефонную трубку и вызвал к аппарату начальника Генерального штаба. Продиктовав номера, Сталин приказал:

– Эти бригады первого танкового корпуса перебросьте туда, где Катук будет формировать механизированный корпус, а в первый танковый корпус пошлите другие соединения.

Положив на рычаги телефонную трубку, Сталин обернулся ко мне и, прищурившись, спросил:

– Ну что, товарищ Катук, теперь довольны?

Поблагодарил я Верховного и обратился ещё с одной просьбой: нельзя ли перевести в формируемый механизированный корпус П. Г. Дынера, моего постоянного помощника по технической части, и М. Т. Никитина, бессменного начальника оперативного отдела.

– Хорошо, забирайте их с собой, – ответил Сталин и на прощание пожелал успеха новому механизированному корпусу в грядущих боях» (173 – 179).

«В Кремль на приём к Верховному Главнокомандующему пришёл, как был, в валенках, ватных брюках, солдатской гимнастёрке... Поздоровавшись, Верховный неожиданно спросил:

– Как, товарищ Катуков, справитесь, если мы вас поставим командовать танковой армией?

Я опешил, но молчать в его кабинете долго не полагалось. Поблагодарил за доверие и ответил, что надеюсь справиться.

– Вот, почитайте, – сказал Сталин, и взял со стола два документа, протянул их мне. Первый документ – Постановление Государственного Комитета Обороны от 4 января 1943 года. В нём говорилось о формировании 1-й танковой армии и о том, что меня назначают командовать её войсками. Из второго я узнал, что мне присвоено звание генерал-лейтенанта танковых войск.

– Кого мы дадим Катукову членом Военного совета армии? – спросил Сталин Щербакова.

Тот ответил, что Федоренко и Бирюков рекомендуют Попеля. Сталин ещё что-то спросил Щербакова. Говорили они вполголоса, о чём – я не слышал. Затем Верховный обратился ко мне:

– Как вы на это смотрите, Катуков?

Я ответил, что товарищ Попель – подходящая кандидатура.

– Ну, хорошо, на том и порешили, – сказал Сталин. Желаю вам, товарищ Катуков, успеха в боях. Надеюсь, что за боевые дела получите орден Суворова. Летите обратно. Все указания получите немедленно от товарища Федоренко» (192 – 193).

«Неожиданно нам пришлось испытать, что такое «резервные невзгоды». Прошло всего несколько дней, как мы переместились под Сумы, а тыловики фронта словно и забыли о существовании 1-й танковой. Внезапно перестали поступать горючее и смазочные материалы, а потом и продовольствие...

Затем собрал Военный совет армии, посоветовались и отправили Верховному Главнокомандующему телеграмму. Позднее Яков Николаевич Федоренко рассказывал мне, что, по-

лучив нашу телеграмму, Сталин вызвал его к себе. Верховный был в ярости.

– Как это называется? Наплевательство! Выжали из армии всё, что смогли, и выбросили её как негодную тряпку! А армии ещё воевать и воевать... Немедленно поправить дело и доложить мне!

Не прошло и четырёх часов после отправки телеграммы, а армейский телеграф уже выстукивал: «Вам занаряжены эшелоны с горючим...» (253).

П. А. Ротмистров. Стальная гвардия. – М., 1984.

РОТМИСТРОВ Павел Алексеевич (1901 – 1982).

Советский военачальник, Главный маршал бронетанковых войск (1962), Герой Советского Союза (1965). Во время Великой Отечественной войны командовал танковыми соединениями и 5-й гвардейской танковой армией.

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 4 раза.

«Вышел из кабинета заместителя наркома крайне расстроенным. «Ведь может быть так, – размышлял я, – что подпишут приказ о назначении на предложенную должность и иичего не останется, как подчиниться». И тут пришла мысль – написать письмо на имя И. В. Сталина. Тотчас же кратко изложил суть своей просьбы и принял меры по доставке письма в Кремль.

Через день меня снова вызвал Я. Н. Федоренко.

– А, явился челобитчик! Кто это тебя надоумил обратиться лично к товарищу Сталину? – грозно пробасил Яков Николае-

вич, но глаза его искрились весёлыми огоньками. Уже из того, что он начал разговор с дружеского «ты», можно было догадаться – моя просьба удовлетворена.

– Сам додумался, товарищ генерал-лейтенант» (57 – 58).

«Это была так называемая «ближняя» дача И. В. Сталина. Я не без трепета вошёл в вестибюль.

– Раздевайтесь и проходите в эту комнату, – показал рукой Поскребышев.

Я снял шинель, мельком оглядел себя в стоящем рядом трюмо и тихонько приоткрыл дверь, полагая, что она ведёт в приёмную. Однако за дверью почти столкнулся со Сталиным. Не успел ещё открыть рта, чтобы представиться, как Верховный протянул руку:

– Здравствуйте, товарищ Ротмистров, – проговорил он приглушённым голосом с заметным кавказским акцентом и жестом пригласил садиться. Я подошёл к указанному стулу у небольшого стола, но сесть не решился. Сталин заметил это и, улыбнувшись в седеющие усы, сказал:

– Садитесь, садитесь, не стесняйтесь... А мне полезно немного поразмяться...

Пришлось сесть.

– Как у вас дела в корпусе? Всем ли вы обеспечены? – спросил Сталин, прохаживаясь по комнате.

Я доложил, что всё идёт нормально, корпус готов к новым боям. Вот только малочисленность штаба и недостаток средств радиосвязи могут осложнить управление частями в бою.

– А вы кому-нибудь говорили об этом?

– Да, докладывал товарищу Федоренко.

Верховный с минуту помолчал и снова заговорил, чеканя каждую фразу:

– Я читал ваши статьи в «Правде» и «Красной звезде». Это хорошо, что вы делитесь боевым опытом, учите своих танкистов, как надо воевать, анализируете минувшие бои и высказываете свои взгляды о принципах применения крупных танковых соединений. – Верховный подошёл, пристально посмотрел на меня и вдруг перешёл на другую тему: – Русский солдат

всегда славился необычайной выносливостью, храбростью и отвагой. Суворов называл своих солдат чудо-богатырями. Он даже говорил: «Русские прусских всегда бивали». Наш красноармеец ещё сильнее старого русского солдата, поскольку защищает свою, народную власть, свое, Советское Отечество. И в этом я убедился ещё в годы гражданской войны. – Сталин опустил в кресло и продолжал: – Мне известно, что вам довелось преподавать в академии. Значит в военном отношении вы грамотный человек. Скажите мне, товарищ Ротмистров, честно и откровенно, как коммунист коммунисту, почему у нас столько неудач? Почему мы отступаем?

Вопрос был трудным. На него нельзя было дать однозначный ответ, тем более Верховному Главнокомандующему. Я задумался. Но Сталин не торопился с ответом. Склонившись, он облокотился на колено и, прищулив глаза, попыхивал трубкой.

– Товарищ Сталин, – собрался я наконец с мыслями, – могу доложить вам сугубо личное мнение, основанное на опыте боёв с фашистами. Конечно, наш красноармеец по своим морально-боевым качествам выше солдата царской армии и тем более немецкого. Но дело в том, что в этой войне столкнулись две различные по технической оснащённости армии.

Сталин встал и жестом велел продолжать.

– Почти все немецкие дивизии, даже пехотные, моторизованы. Они быстро передвигаются на автомашинах, бронетранспортёрах, мотоциклах, имея широкие возможности для манёвра. У нас стрелковая дивизия летом в лучшем случае, и то частично, следует на повозках, зимой – на санях. Используя высокую подвижность, противник легко обходит наши фланги, прорывается к нам в тыл, создаёт даже иногда видимость окружения, зная, что такая угроза психологически действует на войска. И второе. Немцы располагают превосходством в танках, тяжёлой артиллерии и авиации. К примеру, мы не смогли пробиться к Сталинграду с севера прежде всего потому, что гитлеровцы организовали мощную противотанковую оборону и буквально подавляли нас огнём тяжёлой артиллерии и с воздуха.

– Да, мы пока уступаем немцам по количеству и даже в некоторых видах по качеству боевой техники и вооружения, – тихо произнёс Сталин. – Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что в сорок третьем году наша промышленность догонит фашистскую Германию по выпуску самолётов, танков, орудий и миномётов, а может быть, и превзойдёт её в этом отношении не только количественно, но и качественно. Партия верит, что это сделает наш рабочий класс.

Беседа наша затянулась. Вдруг в комнату без стука вошёл Г. К. Жуков. Георгий Константинович поздоровался с И. В. Сталиным, потом протянул руку мне, окинув меня сурово-холодным взглядом.

– А мы тут с товарищем Ротмистровым хорошо побеседовали. Думаю, что не будем его больше задерживать, – сказал Сталин и, прощаясь, добавил: – Скоро развернутся большие события, в которых, возможно, примет участие и ваш корпус» (130 – 132).

«А. М. Василевский находился в штабе Донского фронта в посёлке Заварыкин. Я застал его явно чем-то расстроенным. Поздоровавшись, но не предложив мне сесть, он сказал:

– Звонил Верховный Главнокомандующий и выразил крайнее недовольство, больше того, возмущение, что мы вот уже в течение двух недель не можем ликвидировать плацдарм немцев в районе хутора Рычковский. Два корпуса – стрелковый и кавалерийский – пытались овладеть им, но безуспешно. Товарищ Сталин поручил возложить решение этой задачи на ваш корпус. Поэтому я и вызвал вас. Сколько вам потребуется времени для подготовки удара по Рычковскому?

– Не менее двух суток.

– Много. Противник может упредить ваш удар.

– Но, товарищ генерал, корпус ещё не завершил марша, и к тому же мне совершенно неизвестна обстановка в районе Рычковского.

Мой, очевидно, резковатый ответ вывел из равновесия обычно выдержанного и любезного Александра Михайловича.

– Вам приказано немедленно ликвидировать этот чёртов плацдарм лично товарищем Сталиным! Понимаете вы это? – повысил он голос и даже встал со стула.

– Прошу доложить товарищу Сталину, что мне нужно два дня, чтобы подготовиться к операции, – стоял я на своём.

Василевский посмотрел на меня так, как будто видел впервые, минуту подумал и уже спокойным тоном проговорил:

– Хорошо... Возвращайтесь в свой корпус и свяжитесь с командующим пятой ударной армией генералом Поповым, которому вы подчинены в оперативном отношении...

Александр Михайлович на этот раз был приветлив, сказал, что докладывал И. В. Сталину мою просьбу о предоставлении необходимого времени для подготовки к операции и получил на это разрешение» (135 – 138).

Ф. Е. Боков. Весна Победы. – М., 1979.

БОКОВ Фёдор Ефимович (1903 -).

Советский военный деятель, генерал-лейтенант. Во время Великой Отечественной войны – военный комиссар Генерального штаба, заместитель начальника ГШ по организационным вопросам, член Военных советов ряда фронтов.

«Начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский по поручению Ставки часто выезжал на фронты, где складывалась наиболее сложная обстановка, и мне приходилось его замещать, докладывать И. В. Сталину об оперативной обстановке на фронтах, о ходе подготовки некоторых операций, о резервах и многих других вопросах.

Вспомнилась первая поездка к Кремль на доклад к Верховному Главнокомандующему. В его кабинет мы вошли вместе с работником оперативного управления генерал-майором П. Г. Тихомировым. Сталин стоял у окна, потом пошёл нам на встречу. Мы представились. Верховный поздоровался с нами за руку, глядя прямо и пристально в глаза.

– Так вот какой вы, Боков. А лицо мне ваше знакомо. Где я мог его видеть? – спросил Сталин и пошёл к столу, приглашая туда же жестом и нас.

– На последнем предвоенном приёме выпускников академий здесь, в Кремле.

– Правильно. И я тоже вспомнил... Докладывайте, пожалуйста, что нового в обстановке на сталинградском направлении...

После доклада И. В. Сталин задержал меня и подробно расспросил об обстановке в Генштабе, его людях, их нуждах» (4).

«Снова зазвонил телефон. Говорил И. В. Сталин. Речь шла о необходимости выслать инспекционную группу на какой-то фронт. Я хотел выйти, чтобы не мешать разговору, но Александр Сергеевич (А. С. Щербаков. – А. С.) жестом показал, чтобы я снова сел, и вдруг неожиданно для меня сказал:

– Товарищ Сталин, у меня Боков. Только что хотел говорить с ним о его назначении, а он, узнав о создавшейся ситуации в Пятой ударной армии, изъявил желание быть там членом Военного совета.

Что ответил Щербакову Верховный, не знаю, только спустя минуту Александр Сергеевич протянул мне трубку:

– С вами будет говорить товарищ Сталин.

Несколько взбудораженный, я отрапортовал:

– У телефона генерал Боков. Слушаю вас, товарищ Сталин.

Послышался характерный гортанный голос. Как обычно, Сталин говорил короткими, чеканными фразами:

– Как здоровье? У вас ко мне просьб нет?

– Здоровье нормальное, просьб никаких.

– Это Щербаков вас сагитировал поехать в Пятую ударную или действительно сами захотели?

– Сам. Слышал, что она будет действовать на решающем направлении...

– Значит, сами? Что ж, не возражаю. Быстрее выезжайте. Скоро прибудет и новый командарм. Вашу работу в Генштабе помню. Побудете в армии – и мы вас поднимем. Желаю успехов!

– Благодарю. Постараюсь оправдать доверие.

– Вот и хорошо. До свидания!

Послышались прерывистые гудки, и я положил трубку на рычаг» (6 – 7).

«Однажды, в январе 1943 года, после доклада Верховному Главнокомандующему я открыл папку, в которой обычно были всякие неоперативные документы, предложения о новых назначениях, перемещениях, ходатайства о присвоении званий и список происшествий. О последних, если они не были из ряда вон выходящими, требующими немедленного решения, я старался докладывать лишь тогда, когда Верховный был не очень загружен. И. В. Сталин посмотрел на папку и спросил:

– Что ещё хотите доложить?

Я взял шифровку, положил на стол:

– Это представление командующего Южным фронтом генерала Ерёменко и члена Военного совета Хрущёва о снятии с должности командира 4-го гвардейского механизированного корпуса генерала Танасчишина. Его обвиняют в превышении власти. Мне трижды звонил, прося доложить вам, генерал Ерёменко и дважды – генерал Хрущёв.

– Это какой Танасчишин? – спросил И. В. Сталин. – В прошлом кавалерист?

– Да. Зовут его Трофим Иванович.

– Я его хорошо знаю. Боевой рубака... А как его корпус воюет?

– Очень хорошо. Под его командованием стал гвардейским.

– В чём же Танасчишина конкретно обвиняют?

Я доложил.

– Так... личных мотивов у него не было. Болел, значит, за выполнение боевого задания, но переусердствовал... – заме-

тил Верховный и поинтересовался: – А каково мнение Генштаба? Снимать его с корпуса или нет?

– Человек он действительно порывистый, горячий и поступил неправильно. Только генерал Танасчишин в корпусе на месте. Думается, достаточно ему на первый раз сделать строгое внушение.

И. В. Сталин на мгновение задумался, а потом, поднявшись, сказал:

– Снимать не будем. Передайте Ерёменко и Хрущёву, что Сталин взял Танасчишина на поруки.

Вернувшись в Генштаб, я связался по телефону ВЧ с генералом А. И. Ерёменко, дословно передал ему слова Верховного и попросил его сообщить об этом решении Н. С. Хрущёву. Чувствовалось, что Андрей Иванович был растерян.

– Спасибо, что позвонили, – сказал он после небольшой паузы. – А члену Военного совета, пожалуйста, сообщите об этом лично...

Я тут же соединился с Н. С. Хрущёвым. Он выслушал меня и тихо спросил:

– Может быть, вы не так доложили?

– Я доложил товарищу Сталину вашу шифровку. Если вы не согласны, можете сами ему позвонить.

– Нет, этого делать я не буду. Что ж, на поруки, так на поруки.

На следующий день, при очередном моём докладе в Ставке, Сталин с улыбкой спросил:

– Так вы говорили с Ерёменко и Хрущёвым? Удовлетворили они моё ходатайство или нет?

Я ответил в тон Верховному:

– Всё нормально. Ваше ходатайство удовлетворено, товарищ Сталин.

– Хорошо. Что ж, перейдём к рассмотрению положения на фронтах» (31-32).

«Наша беседа подходила к концу, когда позвонил Сталин. Он поинтересовался, нет ли новых сообщений с фронтов. Подробно сообщив последнюю сводку и ответив на вопросы, я сказал:

– Товарищ Сталин, прибывший с фронта генерал Ротмистров убедительно просит, чтобы вы его приняли.

– По какому вопросу?

Я кратко изложил суть дела.

– Согласен, – ответил Сталин после небольшой паузы. – Считаю, что этот вопрос пора решать. Я его приму сразу после доклада о положении на фронтах. Пригласите его ко мне.

Вечером мы приехали в Кремль... После моего доклада о положении на фронтах он задал несколько вопросов и отдал распоряжения, которые предстояло оформить в виде директив действующим фронтам, а потом подошёл к П. А. Ротмистрову и с улыбкой сказал:

– Ну расскажите, как вы громили Манштейна? Ваши телеграммы о выходе корпуса к Дону читал. Знаем, что танкисты отличились в боях...

Подбодренный таким обращением, Ротмистров докладывал спокойно, содержательно и аргументировано. Он оперировал примерами из опыта боевых действий 3-го гвардейского танкового корпуса, анализировал тактику противника в применении танков. На встречу с Верховным Павел Алексеевич пришёл подготовленным, разложил на большом столе несколько карт и схем. Все присутствующие заинтересованно слушали доклад о взаимодействии танкистов с общевойсковыми армиями, которые задержали, а затем отбросили назад войска Манштейна, рвавшие на выручку окружённой под Сталинградом группировке Паулюса.

Ответив на все вопросы Сталина, генерал Ротмистров коротко доложил о своём предложении: сформировать однородные по составу танковые объединения, не включая в них стрелковые дивизии, повысить подвижность артиллерии, тыла и штабов танковой армии. Обоснование этого предложения звучало убедительно...

Дискуссия в Кремле продолжалась около двух часов, П. А. Ротмистров предложил включить в танковую армию два танковых и один механизированный корпус, артиллерийский противотанковый полк, зенитно-артиллерийские части и соответствующие части обслуживания.

И. В. Сталин активно участвовал в беседе. Ему явно нравилась настойчивость и убеждённость П. А. Ротмистрова, обоснованность его ответов. Иногда Верховный возражал генералу, но не потому, что отрицал целесообразность предложенной структуры, а учитывая тогдашнюю нехватку автотранспорта, противотанковой и зенитной артиллерии. По всему чувствовалось, что доклад и само предложение П. А. Ротмистрова пришлись по душе Верховному Главнокомандующему.

Сталин отошёл к своему небольшому столу, заглянул в синий блокнот. Этот блокнот я хорошо знал. В нём Верховный записывал для себя наличные резервы живой силы и техники. Кстати говоря, когда в начале войны дело с резервами обстояло скверно, а их требовали все фронты, эта «карманная бухгалтерия» И. В. Сталина была секретом даже для Генштаба. Генерал Н. Д. Яковлев, ведавший вопросами распределения вооружения, докладывал о готовности продукции лишь И. В. Сталину, и когда тот сообщал нам о наличии некоторых резервов, то предупреждал:

– Об этом знать должны только присутствующие, не то командующие фронтами одолеют просьбами. А резервы нам так нужны...

Сталин долго рассматривал записи в блокноте, задумался, потом произнёс:

– А что, мысль здравая. Мы теперь танками побогаче, чем прежде. Их лобовая броня крепче, мощности и вооружение боевых машин не те, что в начале войны. Пожалуй, можно создать такие танковые армии. Только следует продумать их состав и организацию... – Внимательно посмотрев на Ротмистрова, Верховный спросил его:

– А вы сможете возглавить первую из них? Потянете?

– Как прикажете.

– Вот это солдатский ответ.

Верховный медленно отошёл в глубь кабинета, а потом снова спросил:

– А всё-таки потянете? Сил и знаний хватит?

Ротмистров промолчал, и Сталин ответил сам себе:

– Думаю, потянете.

Уже на следующий день, после моего очередного доклада о положении на фронтах, Верховный заметил:

– Мне, знаете ли, понравился Ротмистров. Его предложение мы, вероятно, примем. И пусть Ротмистров возглавит первую танковую армию» (66- 70).

«Однако мне почти не пришлось работать с А. В. Горбатовым. Уже спустя несколько дней в Карлсхорст приехал Г. К. Жуков, назначенный главнокомандующим Советской военной администрации в Германии. Поздоровавшись, Георгий Константинович сказал:

– Переезд штаба и генерала Горбатова – дело решённое, а вы остаётесь здесь, так как назначены членом Военного совета Советской военной администрации в Германии. Вот так!

Признаться, это известие было для меня полной неожиданностью. Всего несколько дней назад с руководством состоялся разговор о посылке меня на учёбу в Военную академию Генерального штаба. И вдруг новое решение.

– Таково указание Москвы, – объяснил Г. К. Жуков. – Вам предложено, не дожидаясь получения приказа, незамедлительно приступить к исполнению новых обязанностей. Всё ясно?

– В основном да, – ответил я с некоторой растерянностью...

Георгий Константинович попрощался и уехал. Принимая поздравления фронтовых товарищей, я смутно чувствовал, что не очень рад повышению в должности. Подумав, я нашёл причину – тоска, мучительная тоска по родине. А новая работа отодвигала возвращение в Москву на неопределённый срок. Невольно ловил себя на мысли: почему выбор пал именно на меня, когда вопрос об учёбе был предрешён? И вдруг вспомнил разговор по телефону с И. В. Сталиным из кабинета А. С. Щербакова в мае 1944 года. Как будто только вчера сказанная, всплыла фраза: «Побудете в армии – и мы вас поднимем». Я знал, что Верховный не забывает своих обещаний, но всё же сомневался. Разве мало бывает совпадений? Однако позже мне стало известно, что инициатива моего назначения исходила от

И. В. Сталина и я ещё раз убедился в его феноменальной памяти» (402 – 403).

А. Арзуманян. Адмирал. – М., 1980.

«По приказу Ставки Исаков едет на Дальний Восток. После нападения японцев на Пёрл-Харбор обстановка на Тихом океане продолжает оставаться тревожной. Это подтверждает давно высказанные оперативно-стратегические прогнозы Исакова, который подтвердил разгром американцев 7 декабря 1941 года в Пёрл-Харборе. Исаков запомнил слова И. В. Сталина, сказанные ему перед отъездом: «Вы уже немного повоевали, поезжайте и разбудите дремлющего Юмашева, тоже Ивана Степановича, чтобы нам тоже не устроили Пёрл-Харбор. Как говорят, аппетит приходит во время еды» (398).

«Несколько дней спустя (из рассказа А. И. Соколова, адъютанта командующего Закавказским фронтом генерала армии И. В. Тюленева. – А. С.) мы с командующим фронтом приехали в госпиталь, где находился Иван Степанович. Здесь мы узнали, что ампутация ноги неизбежна... Когда состояние Исакова снова ухудшилось, в Москву на имя Сталина была послана телеграмма: «Состояние Исакова чрезвычайно тяжёлое. Резкое ослабление сердечной деятельности. Пульс временами не прощупывается. Общая адинамия. Температура 37,2. Имеются явления газового сепсиса. Конечность ампутирована предельно высоко. Состояние раны удовлетворительное. Сознание сохраняется. Исход для жизни зависит от количества запасных сил...»

Вице-адмирал Н. М. Кулаков рассказывал мне, что, когда поступила правительственная телеграмма на имя Исакова, тот находился в совершенно безнадежном состоянии: около двух часов пульс едва прослушивался, казалось, раненого покинули последние силы. Он лежал в забытьи, с закрытыми глазами. И все же решили прочитать ему депешу. В полной тишине прозвучало: «Мужайтесь. Мнению специалистов, можете выздо-

роветь. Лучший миноносец Черноморского флота будет назван вашим именем. Сталин. Кузнецов». Большой открыл глаза. Это было похоже на чудо (437 – 438).

«В госпиталь рвётся друг Исакова Владимир Коккинаки. Прямое фронтовое начальство отказало ему в разрешении на полёт в Тбилиси к тяжелораненому Исакову. Сталин разрешил и вслед уходящему лётчику бросил фразу, которую тот запомнил на всю жизнь: «Вот это товарищ!» (443).

Казалось бы, можно было бы уже и сделать обобщение, но... Здесь уместно вспомнить крылатую фразу Ярослава Гашека: «Не было б войны, если бы не вмешался генштаб». Честно признаюсь: никакого подбора мемуаров при работе над книгой я не делал, использовал то, что имеется на книжных полках у себя дома, у друзей и областной библиотеке. И ещё одно признание: с книгами некоторых военных мемуаристов познакомился впервые. Вникая в их содержание, я радовался: все полководцы и военачальники в духе доброжелательности описали многочисленные свои встречи с Верховным Главнокомандующим, дали положительные оценки его военной деятельности в годы Великой Отечественной войны. Выстраивалась цепочка мнений разных людей о полководческой деятельности И. В. Сталина, созвучных моим историческим взглядам, моему представлению о нём. Но на этой ровной дороге пришлось споткнуться.

Книгу Главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова «На службе военной» я брал в руки с надеждой найти в ней дополнительные факты и оценки в духе тех, которые даны в уже обработанных мемуарах полководцев и военачальников. Ведь Николай Николаевич возглавлял такой вид вооружённых сил, который пользовался у Верховного Главнокомандующего особой симпатией. Но мои надежды рухнули при первом же упоминании Вороновым имени Сталина. Давайте познакомимся с иным, отличным от предыдущих, мнением одного из тех, кто в процессе войны многократно встречался с Верховным Главнокомандующим. Приведу лишь два из многочисленных таких мнений автора, но не могу не прокомментировать их.

Н. Н. Воронов. На службе военной. – М., 1963.

ВОРОНОВ Николай Николаевич (1899 – 1968).

Советский военный деятель, Главный маршал артиллерии (1944), Герой Советского Союза (1965). В годы Великой Отечественной войны занимал должности начальника Управления ПВО страны, начальника артиллерии Красной Армии – заместителя наркома обороны (с марта 1943 года – командующего артиллерией).

За время войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 109 раз.

«Я редко видел Сталина в первые дни войны. Был он в подавленном состоянии, нервный и неуравновешенный. Когда ставил задачи, требовал выполнения их в невероятно короткие сроки, не считаясь с реальными возможностями. В первые недели войны, по моему мнению, он неправильно представлял масштабы начавшейся войны и те силы и средства, которые действительно смогли бы остановить наступающего противника на широчайшем фронте от моря и до моря» (179).

А кому в стране не взвинтило нервы ошеломляющее известие о нападении фашистской Германии на Советский Союз? Может быть, только затаившемуся ненавистнику Советской власти. Все люди, начиная от простого рабочего, крестьянина и солдата и кончая любым деятелем государственного масштаба, в меру своей ответственности остро переживали это событие. А у Сталина эта мера ответственности была наивысшей. Не мог он, как и все, не переживать, не нервничать.

В отношении того, что он неправильно представлял в первые недели масштабы начавшейся войны. А кто их правильно представлял? Тимошенко, Жуков, Шапошников или сам Воронов? И

как можно было Сталину представлять эти масштабы, если сам Николай Николаевич на этой же странице книги сетует: «В то время в Ставку поступало много донесений с фронтов с явно завышенными данными о потерях противника. Может быть, это и ввело Сталина в заблуждение... В первые дни войны Генеральный штаб плохо знал обстановку на фронтах. Обычно каждый вечер его генералы докладывали работникам наркомата о ходе боевых действий. Эти сообщения были невыразительными, похожими одно на другое и редко отражали подлинную картину развернувшихся сражений... Работа Генерального штаба медленно перестраивалась на военный лад. Мы, работники управлений, особенно остро чувствовали это. Нервозность, неразбериха часто тормозили осуществление важных решений».

Как в условиях, когда нервозность и неразбериха были присущи Наркомату обороны и Генеральному штабу, при необъективной информации с фронтов, Сталин мог правильно представлять масштабы начавшейся войны? С тем, что так было, никто не спорит, это естественный процесс, порождённый внезапным, неожиданным для всех, нападением фашистской Германии. Иного хода событий и быть не могло. Только Воронову все эти свои замечания следовало бы выстраивать в логической последовательности, с употреблением приблизительно таких слов: «в такой обстановке Сталин не мог правильно оценить масштабы начавшейся войны, не мог не проявлять нервозности».

Но даже такой подход автора к оценке действительности и состояния Сталина был бы неверным. О том, что он объективно оценил масштабы войны уже к концу первой недели говорит Директива СНК СССР и ЦК ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 года над которой работали члены Политбюро, в том числе и Сталин. «В навязанной нам войне с фашистской Германией, решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение» – вот оценка масштабов войны, сформулированная в этом документе.

Эта оценка дана и в выступлении Сталина по радио 3 июля. Однако об этих документах Воронов даже не упоминает.

«3 августа ни с того ни с сего нас вызвали в Юхнов. От фронта это было уже далековато, и ехать нам пришлось порядочное время, хотя и гнали машины вовсю. Наконец добрались до красивой рощи, где среди деревьев приютились деревянные постройки. Нас встретил генерал и повёл к небольшому домику. Вошли в комнату – и увидели Сталина.

Казалось, намеренно выбрали самое неприглядное помещение. Посреди красовался убогий, наспех сколоченный деревянный стол, державшийся вместо ножек на двух крестовинах, скреплённых перекладной. Возле него две столь же грубые скамейки. На подоконнике стоял телефон, провода которого через форточку выходили на улицу. Генерал Камера мне шепнул:

– Ну и обстановка!

«Специально, чтобы на фронтную больше походила», – мелькнула мысль. Сталин прежде всего поинтересовался, далеко ли отсюда командный пункт фронта. Затем приказал познакомиться с обстановкой. Мы развернули карты и стали докладывать о противнике, о своих войсках. Соколовский стал было излагать замысел и задачи предстоящей наступательной операции, но Сталин его перебил:

– Детальями заниматься не будем. Западному фронту нужно к весне 1944 года подойти к Смоленску, основательно подготовиться, накопить силы и взять город. – Эта фраза была повторена дважды. По существу, на этом разговор был закончен.

Товарищи попытались пожаловаться, что Западный фронт не получил достаточного количества резервов и боевой техники.

– Всё, что сможем, дадим, – последовал ответ, – а не сможем – обходитесь тем, что имеете.

Мы тронулись в обратный путь. Многих удивлял этот секретный выезд Верховного в Юхнов. Зачем надо было ехать столько километров по дороге, развороченной танками и тракторами, местами ставшей непроезжей, и остановиться в городке, далеко отстоящем от фронта? Видеть он отсюда ничего не мог, ни с кем, кроме нас, здесь ни встречался. Связаться отсюда с фронтами было куда сложнее, чем из Москвы. Странная, ненужная поездка» (384 – 385).

Вот такая неблагоприятная оценка выезда Сталина в первых числах августа 1943 года для встречи с командующими двух фронтов с целью обсуждения плана подготовки проведения Смоленской наступательной операции. При этом и командующий Калининским фронтом А. И. Ерёменко и командующий Западным фронтом В. Д. Соколовский, у которых в этот выезд побывал Сталин, высказались по этому вопросу весьма положительно. Писали об этом также А. М. Василевский и С. М. Штеменко.

Этим я и ограничусь, ибо своё мнение по этому факту высказал, полемизируя с Волкогоновым. Вполне возможно, негативное суждение Волкогонова произошло из негативного мнения Воронова.

Однако не могу не сказать об одной нелепости в только что приведённой цитате. Спланированная в ходе Курской битвы Смоленская наступательная операция имела, хотя и приблизительные, но совершенно конкретные сроки своего завершения. Началась она через несколько дней после приезда Сталина к Соколовскому и Ерёменко, а именно 7 августа 1943 года. Завершилась, как известно, 2 октября этого же года. Мог ли Сталин ставить задачу Западному фронту подойти к Смоленску к весне 1944 года!?

Все остальные эпизоды встреч со Сталиным описаны с неизменным добавлением таких фраз: «с раздражением бросил трубку», «восторг мой омрачили слова Сталина», «Сталин не захотел даже слушать», «зная характер Сталина, я не спешил звонить в Ставку», «мне не хотелось попасть под удар», «как можно устанавливать такие сроки», «как часто Сталин принимал решения не по разумению, а по настроению».

Заметно бросается в глаза нежелание автора лишний раз назвать имя Сталина. Вот один из таких примеров: «Как-то поздно вечером на моём столе зазвонил кремлёвский телефон.

– Товарищ Воронов, Ставка только что приняла решение подчинить вам ПВО страны. Вашим заместителем будет Громадин. Вам ясно? Вопросов нет? Вот и хорошо».

Кто, кроме Сталина, мог сказать об этом командующему артиллерией? Конечно, только Верховный Главнокомандующий. Но Сталин так ни с кем не разговаривал и это красноречиво показано в тех воспоминаниях, которые здесь приведены.

Что и говорить, сгустил краски Николай Николаевич, сгустил! Познакомился я с его книгой, ещё раз посмотрел на дату её издания и сказал себе: «Да он просто «хрущевист».

Здесь как раз будет уместным познакомить читателя с воспоминаниями Маршала Советского А. И. Ерёменко, в которых описывается приезд к нему на Калининский фронт Верховного Главнокомандующего и их встреча 5 августа 1943 года.

А. И. Ерёменко. Смоленские ворота в Европу, или Три часа с И. В. Сталиным. Военно-исторический журнал. – 1993, № 12.

«Начало нашего наступления в районе Курского выступа, успешные действия войск на Западном, Брянском, Центральном и Воронежском фронтах создавали весьма благоприятные условия для наступательных действий на Калининском фронте. Намечалось провести ряд последовательных операций. По указанию Ставки Верховного Главнокомандования эти операции были серьёзно продуманы и обстоятельно разработаны ещё в июле...

Вопрос о проведении этих операций я доложил товарищу Сталину ещё в июле 1943 года. После его указаний были произведены доработки их планов. В первых числах августа товарищ Сталин принял решение выехать на Калининский фронт, чтобы на месте ещё более конкретно, более глубоко и обстоятельно разработать план и уточнить задачи для войск.

В одну из ночей, когда я как обычно подводил итоги боевого дня войск фронта, раздался звонок аппарата ВЧ. «Здравствуйте, товарищ Иванов», – услышал я хорошо знакомый голос, к которому привык за время командования фронтом и который легко узнавался по своеобразному акценту, голос Верховного Главнокомандующего. Сталин обратился ко мне, назвав мой псевдоним. «Здравия желаю, товарищ Семёнов!» ответил я, употребив псевдоним товарища Сталина для телефонных разговоров.

Товарищ Сталин задал мне несколько вопросов о положении дел на фронте. В пределах возможности разговоров по телефону я

ответил ему и доложил новые данные обстановки. В конце короткого разговора Иосиф Виссарионович сообщил о своём выезде на Калининский фронт, назначил срок, указал место и время встречи.

Жарким августовским утром на небольшой малоизвестной станции, до того ничем не примечательной, раздался короткий гудок паровоза и остановился поезд. Он состоял из десяти крытых товарных вагонов, в которых помещалась охрана, и одного пассажирского, в котором ехал товарищ Сталин.

В 9 часов утра 5 августа 1943 года в двух километрах от села Хорошево Калининской области меня встретил генерал из Ставки и проводил в село, где уже находился товарищ Сталин...

Во дворе меня встретил генерал для поручений. «Вас приглашает Верховный Главнокомандующий», – чётко сказал он мне, уступая дорогу. До этого я имел не одну встречу с товарищем Сталиным. Но когда услышал, что меня ожидает Верховный Главнокомандующий, как-то невольно заволновался...

Едва я переступил порог комнаты, как сразу же увидел Верховного Главнокомандующего товарища Сталина. Он ходил по комнате ровным, размеренным и спокойным шагом, серьёзный, несколько задумчивый, по-видимому, что-то обдумывая.

Я остановился и, твёрдо, по-военному приложив руку к головному убору, отдал рапорт: «Товарищ Верховный Главнокомандующий, войска Калининского фронта ведут бои на прежних позициях и согласно вашему приказу готовятся к новой наступательной операции».

Товарищ Сталин, ходивший до того по комнате, остановился посередине и принял от меня рапорт. «Здравствуйте, товарищ Ерёменко», – произнёс он мою фамилию с ударением на первом слого и подал мне руку. «Здравия желаю, товарищ Сталин!», – ответил я. Он улыбнулся как-то просто и тепло, приветливо потряс мою руку и, пристально глядя на меня, сказал:

– Вы, по-видимому, до сих пор обижаетесь на меня за то, что я не принял вашего предложения на последнем этапе Сталинградской битвы добить Паулюса. Обижаться не следует. Мы знаем, знает весь наш народ, что в Сталинградской битве вы командовали двумя фронтами и сыграли главную роль в разгро-

ме фашистской группировки под Сталинградом, а кто доколачивал привязанного зайца, это уже особой роли и не играет.

На эти, по сути дела, слова благодарности, я ответил:

– Сталинград – теперь уже история, а творец его – наш народ, партия и вы лично, товарищ Сталин. В этом месте Сталин вставил реплику: «Всё на Сталина валят, Сталин да Сталин. Это неправильно. Я, конечно, давал директивы, но вы же непосредственно там командовали и руководили этой битвой. Победил, безусловно, светский народ, во главе с великим русским народом, но им нужно было руководить». После этого приятного для меня разговора Иосиф Виссарионович задал мне несколько вопросов. Его интересовало, как ведёт себя противник, какие есть новые данные о нём, нет ли у него чего-то нового, как живут наши войска и как обстоит дело с их снабжением, в частности, с питанием.

Последний вопрос товарищ Сталин подчеркнул особо, так как он всегда проявляет исключительно большую заботу о питании войск, их обмундировании, вооружении и всех видах снабжения. Это для него было важно ещё и потому, что предыдущий командующий Калининским фронтом генерал М. А. Пуркаев был снят с должности как раз за то, что в войсках было плохо организовано питание и снабжение, а товарищ Д. С. Леонов, член Военного совета этого фронта, получил за то же самое выговор.

На все эти вопросы, а также многие другие я и дал исчерпывающие ответы. Товарищ Сталин остался ими доволен и произнёс: «Ну хорошо». А потом после некоторой паузы заметил: «Значит, дела выправились, так и нужно». «Так точно, товарищ Сталин», – ответил я. «Теперь перейдём к другим вопросам», – сказал он.

Я думал, что Верховный Главнокомандующий имеет в виду разговор о предстоящей Духовщинско-Смоленской операции, поэтому достал из портфеля карту с планами этой операции и, прикрепив её к стене, хотел, было уже докладывать, но товарищ Сталин остановил меня и заговорил о кадрах. Как известно, товарищ Сталин значительно повинен в истреблении военных кадров перед войной, что отразилось на боеспособности армии. Вот почему он, прежде чем начать заслушивать план предстоящей операции, перевёл разговор на тему о кадрах, чтобы прощупать меня,

узнать моё мнение. В ходе этого разговора товарищ Сталин неоднократно говорил о многих генералах, которые были освобождены из мест заключения перед самой войной и хорошо воевали.

«А кто виноват, – робко задал я вопрос Сталину, – что эти бедные, ни в чём неповинные люди были посажены?» – «Кто, кто... – раздражённо бросил Сталин. – Те, кто давал санкции на их арест, те, кто стоял тогда во главе армии». И тут же назвал товарищей Ворошилова, Будённого, Тимошенко. Они, по словам Сталина, были во многом повинны в истреблении военных кадров. Именно они оказались неподготовленными и к войне. Но самая плохая характеристика Сталиным была дана им за то, что они не защищали свои военные кадры. Собственно, я в этом разговоре больше слушал да отвечал на вопросы.

Сталин спрашивал меня, насколько хорошо я знаю того или иного маршала, генерала, освобождённого из-под ареста. Что касается маршалов, я дал уклончивый ответ, сказав, что знаю их плохо, издали. Партия создала им авторитет, и они почили на лаврах. Поэтому плохо показали себя в Великой Отечественной войне. Вот как говорит о них народ, я тоже придерживаюсь такого мнения. «Говорит народ правильно», – вставил реплику Сталин.

В отношении же освобождённых генералов, я сказал, что товарищи Горбатов, Рокоссовский, Юшкевич, Хлебников – все они во время войны, а некоторые и до неё были в моём подчинении и я даю им самую высокую оценку, так как это умные генералы, храбрые воины, преданные Родине. «Я согласен с вами, товарищ Ерёменко», – заметил Сталин...

Касаясь вопросов военного искусства, товарищ Сталин сказал, что умение анализировать обстановку – большое искусство, нужно всегда реально оценивать противника, чтобы добиться превосходства над ним в силах и средствах, иначе не будет успеха. Много раз останавливался на могуществе советской артиллерии, её особом значении в современной войне. Наряду с этим товарищ Сталин затрагивал и ряд других вопросов, например, о контрнаступлении.

После разговора о кадрах и об оперативном искусстве товарищ Сталин внимательно посмотрел на карту, которую полтора часа

назад я прикрепил к стене: «Ну, теперь докладывайте, как вы спланировали Смоленскую операцию, – сказал он и, улыбнувшись в усы, сехидцей добавил, – вы Смоленск сдавали, вам его и брать»...

Товарищ Сталин внимательно слушал меня и по ходу изложения доклада задавал вопросы. Например, когда я коснулся организации прорыва сильной обороны противника, он спросил:

– Сколько у вас орудий на километр фронта?

– Сто шестьдесят, товарищ Сталин.

– Мало, – после небольшой паузы заметил Верховный Главнокомандующий. – Надо не менее двухсот орудий на километр фронта. Артиллерия должна сопровождать пехоту огнём от рубежа до рубежа, прокладывая ей путь двойным валом, а для этого требуется до двухсот орудий на один километр. Особенно недопустимо отставание от пехоты артиллерии сопровождения. Нужно за счёт второстепенного направления усилить артиллерийскую плотность, – заключил товарищ Сталин...

При обсуждении третьего этапа операции товарищ Сталин обратил моё внимание на то, что я имел недостаточно сил для развития успеха. Он тут же подошёл к столу, на котором стоял телефонный аппарат, поднял трубку и произнёс: «Дайте 2 – 12». Я услышал, как знакомый голос ответил:

– Слушаю, товарищ Сталин.

– Товарищ Штеменко, прикажите, чтобы 3-й кавкорпус к 10 августа и одну общевойсковую армию к 20 августа перебросили в распоряжение товарища Ерёменко в район города Белого. Поняли?

– Так точно, товарищ Сталин.

Иосиф Виссарионович положил трубку и продолжал разбирать вопросы авиационного обеспечения. Он также нашёл, что у меня маловато бомбардировщиков и приказал помочь мне в этом вопросе. В конце моего доклада я попросил у товарища Сталина дополнительно один боекомплект тяжёлых снарядов. Товарищ Сталин по телефону отдал приказание товарищу Яковлеву отгрузить мне снаряды в первую очередь.

В течение всего доклада я стоял у карты, а товарищ Сталин – у стола. Ингода он делал несколько шагов по комнате и закури-

вал трубку. В конце доклада товарищ Сталин предложил мне сесть. Мне показалось нетактичным, если я буду сидеть, а он стоять, поэтому я продолжал стоять. Иосиф Виссарионович повторил предложение в более повелительном тоне, и я вынужден был, несколько смутившись, сесть. Наступила небольшая пауза. В это время открылась дверь комнаты и вошёл генерал для поручений, который сообщил важную новость:

– Нашими войсками взят Белгород!

– Очень хорошо, замечательно! – сказал товарищ Сталин.

Он чаще зашагал по комнате, видимо, что-то обдумывая, как бы сосредоточившись на особо важной мысли. Я молча сидел у стола и складывал карту с планом операции. Так прошло минуты три-четыре. Затем Иосиф Виссарионович произнёс:

– Как вы смотрите на то, чтобы дать салют в честь тех войск, которые взяли сегодня Орёл и Белгород?

Вопрос для меня оказался неожиданным, и я замялся с ответом. Сталин повторил вопрос. Теперь я уже понял смысл его слов и ответил, что, на мой взгляд, найдена новая замечательная форма благодарности войскам. После этого Сталин ещё более энергичнее зашагал по комнате, потом снова остановился и начал излагать свои мысли по этому вопросу. Они заключались в следующем. Войска почувствуют одобрение своих действий, признательность Родины. Салюты будут воодушевлять личный состав, звать его к новым подвигам. Фейерверки известят весь наш народ и мировую общественность о славных делах и подвигах воинов на фронте, вызовут гордость за свою армию и Отечество, вдохновят миллионы людей на трудовые подвиги.

Выслушав это, я сказал, что салюты в сложившейся ситуации сыграют большую роль в деле окончательной победы над фашизмом. Сталин ничего не ответил, только приятно улыбнулся, и видно было, что он страшно доволен своим решением. Подойдя к столу, взял трубку телефона и сказал:

– Молотова.

Сразу же последовал ответ.

– Вячеслав, ты слышал, что наши войска взяли Орёл и Белгород?

Выслушав ответ Молотова, товарищ Сталин продолжил.

– Так вот, я посоветовался с товарищем Ерёменко и решил дать салют в честь войск, взявших Орёл и Белгород, поэтому прикажи приготовить в Москве салют из 100 пушек, но без меня не давайте, чтобы не испортить этого мероприятия. Мы сейчас пообедаем, и я к вечеру приеду в Москву.

Так 5 августа 1943 года в 15 часов в небольшом домике села Хорошево родилась идея проведения салютов, которые до сих пор гремят по нашей стране в дни праздников. Как и распорядился Верховный Главнокомандующий, в 24 часа 5 августа в столице нашей Родины – Москве был дан первый салют доблестным войскам, освободившим Орёл и Белгород.

Наша встреча с Верховным Главнокомандующим продолжалась около трёх часов, но время пробежало незаметно, и казалось, что мы говорили всего несколько минут. На протяжении всей беседы в словах, выражениях и жестах товарища Сталина чувствовалась твёрдая уверенность и настойчивость. Временами, ближе к концу беседы, он несколько отвлёкся от обсуждаемых вопросов, много шутил...

В своих указаниях товарищ Сталин хорошо ориентировался в обстановке, в перспективах и ближайших задачах. Его оценки были необычайно кратки, ясны и глубоки, о многом, может быть, ещё не время писать и говорить. Встреча с товарищем Сталиным для меня была весьма полезной, она значительно расширила кругозор командующего фронтом...

Я попросил товарища Сталина сфотографироваться. Ещё мне хотелось запечатлеть на киноплёнке его пребывание на Калининском фронте, но он по скромности или другим соображениям, отказался. «Я обещаю, товарищ Ерёменко, – произнес Иосиф Виссарионович, выходя из домика, – что обязательно сфотографируюсь с вами, но в другой раз»...

Товарищ Сталин пригласил меня на обед, который состоялся в обычном пассажирском служебном вагоне с несколькими купе и небольшим салоном, просто, но со вкусом обставленным. Обед прошёл в оживлённой беседе. Товарищ Сталин, как всегда, держал себя очень просто, настроение у него было приподнятое, бодрое.

Я всматривался в лицо Верховного Главнокомандующего, вслушивался в его речь, замечания и шутки, и в сознании невольно возникали впечатления от других встреч, разговоров по телефону. И тогда я ощутил, насколько правдиво обрисован образ Сталина Анри Барбюсом.

Сталин произвёл на меня глубокое впечатление. В его образе отчетливо выделялась сила, здравый смысл, развитое чувство реальности, широта познаний, изумительная внутренняя собранность, тяга к ясности, неумолимая последовательность, быстрота и твёрдость решений, умение молниеносно ценить обстановку, ждать, не поддаваться искушению, хранить грозное терпение. Все эти качества покорили меня, как и каждого человека, кто с ним встречался.

После обеда Иосиф Виссарионович тепло распрощался со мной и подарил на прощание две бутылки цинандали. Эта встреча осталась в моей памяти, как самое яркое, незабываемое впечатление на всю жизнь.

До начала боевых действий оставалось 6 - 7 дней. Я немедленно собрал весь руководящий генеральский состав, подробно рассказал о приезде товарища Сталина и поставленных им задачах. Весть о приезде Верховного Главнокомандующего вскоре разнеслась по войскам фронта. Она произвела огромное впечатление, подняла моральное состояние и воодушевила всех на новые ратные подвиги. Приезд товарища Сталина, его работа на месте имели огромное значение для успеха боевых действий» (7 – 12).

Вот две различных оценки двух военачальников фактически по одному и тому же факту. Поразительно противоположная интерпретация!

Вот вы и познакомились, уважаемый читатель, с фактами и оценками руководящей военной деятельности Иосифа Виссарионовича Сталина в годы Великой Отечественной войны. Не правда ли, они весьма интересны. Они зафиксированы в мемуарах самых авторитетных и уважаемых военачальников советских Вооружённых Сил, руководителей производства военной продукции. Каждый из них практически на протяжении

всего периода войны по долгу службы имел многочисленные контакты с Верховным Главнокомандующим.

Всякое бывало в их взаимоотношениях. Часто они строились на совпадении взглядов по вопросам планирования тех или иных операций, по вопросам корректировки в процессе их осуществления. Не обходилось и без разногласий. Иногда им сопутствовал повышенный тон или бросание телефонной трубки. Иногда приходилось подчиняться, как говорится, вопреки своему мнению. Единоначалие есть единоначалие. Иногда настойчивость в отстаивании своей точки зрения заставляла Верховного Главнокомандующего капитулировать. Как бы там ни было, но то или иное принципиальное решение принималось коллегиально. И это хорошо показано практически каждым мемуаристом.

Хотелось бы подчеркнуть объективность авторов воспоминаний. Ведь практически почти у каждого, кто представлен мной, были личные мотивы в том или ином месте своих мемуаров высказать ряд недоброжелательных оценок военной деятельности Верховного Главнокомандующего.

Ведь именно при Сталине целых пять лет, с 1946 по 1951 годы, Жуков был понижен в должности и по сути дела находился в опале. Правда, вернулся он из «ссылки» на руководящие посты в Министерстве обороны тоже при жизни Сталина.

Как известно ещё до войны был репрессирован Рокоссовский. В ходе чистки командных кадров, служивших на Дальнем Востоке под командованием Блюхера, был арестован и он. Это 1937 год. А 22 марта 1940 года его дело было прекращено, и он был освобождён. Всё, что случилось с Константином Константиновичем – это далеко не жуковская опала. Мог пару раз и лягнуть в своих мемуарах Сталина как главного, по мнению многих, виновника репрессий. Но не сделал этого Константин Константинович. Более того, он в этом вопросе проявил свою высокую гражданскую позицию. Б. Соловьёв и В. Суходеев приводят в своей книге такие факты:

«К. К. Рокоссовского после Сталинградской битвы И. В. Сталин, как и Б. М. Шапошникова, называл только по имени и отчеству. Рассказывают, что на одном из приёмов после окончания войны Сталин спросил Рокоссовского:

– Вы не обижаетесь, что были репрессированы и немалое время провели в заключении?

Константин Константинович спокойно и просто ответил:

– Я веры в партию не потерял. Время было такое.

... После выступления с докладом о культе личности Хрущёв попросил Рокоссовского написать что-нибудь да почерней о Сталине. Константин Константинович без дипломатии ответил:

– Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой¹.

А вот что писал Феликс Чуев: «Во время следствия в 1938 году Рокоссовский ни на кого не показал, ни одного человека не арестовали по его «делу». За это особо уважали Константина Константиновича. В семье Рокоссовского мне говорили, что Сталин спрашивал Константина Константиновича:

– Там били?

– Били, товарищ Сталин.

– Сколько у нас ещё людей «чего изволите»... – сказал Сталин.

Он просил прощения у Рокоссовского. Возможно, это был единственный случай. Рокоссовский отсидел два с половиной года, причём без заключения в Шлиссельбургскую крепость, в так называемый «зверинец». «Дело» на него не получилось – пришлось выпустить. Вспомнил о нём «наверху», говорят, сам Сталин².

Не могу не привести здесь выдержку из книги И. Свистунова «Сказание о Рокоссовском», которая ярко характеризует весьма доброе отношение Верховного Главнокомандующего к полководцу. Факт, о котором пойдёт речь, Константином Константиновичем описан в его воспоминаниях. В книге же Свистунова приведены новые, весьма интересные детали.

«По завершении Сталинградской битвы К. К. Рокоссовский, в ту пору командующий войсками Донского фронта, вместе с представителем Ставки Н. Н. Вороновым был вызван в Москву. 4 февраля 1943 года, почти в полночь, они прямо с аэродрома прибыли в Кремль. На удивление, начиная от Спасских ворот и до кабинета И. В. Сталина, у них никто не проверял до-

---

¹ Соловьёв Б., Суходеев В. Полководец Сталин. – С. 197 – 198.

² Досье. – 2005, № 3 (37).

кументов. Охрана отдавала честь, а часовые приветствовали взятием винтовок в положение «на караул».

Рокоссовский потом вспоминал: «Остановились в нерешительности. В это время из противоположной двери, ведущей, как видно, во второй, маленький, кабинет, вышел Сталин. Увидел нас и бросился навстречу. Не пошёл, не поспешил, не зашагал, а побежал, как давно уже не бегал в свои 60 с лишним лет. Подбежав вплотную, Сталин схватил мою руку двумя руками, сжал её и, улыбаясь, с кавказским акцентом, который от волнения был заметней обычного, сказал: «Харашо, харашо, замечательно у вас получилось!»¹

Не минул ареста, причём дважды, и К. А. Мерецков, второй раз это произошло 24 июня 1941 года. Уже в сентябре по указанию Сталина он, вместе с другими командирами был освобождён. Переодетый прямо в тюрьме в военную форму, он в тот же день предстал перед Сталиным и получил должность командующего фронтом.

У Голованова был оклеветан и репрессирован муж сестры, в органах НКВД побывала его жена.

Следует сказать и о том, что в процессе совместной работы по руководству боевыми действиями и Жуков, и Василевский, и Штеменко за свои оплошности получали иногда от Верховного Главнокомандующего серьёзные внушения. Наглядным примером требовательности Сталина, невзирая на авторитеты, может служить красноречивый факт, приведённый в книге Василевского в отношении Л. З. Мехлиса и уже воспроизведённый мной. Коротко напомним суть. В период нашей неудачи в Крыму, там находился представитель Ставки Мехлис. Любимцем у Сталина он не был, но Верховный считался с его мнением, ценил его удивительную работоспособность и выдвигал на высокие должности. И, тем не менее, он Льва Захаровича отчитал, да как красиво! Да и сам Василевский в своей книге приводит весьма нелицеприятный сталинский документ в свой адрес. И Штеменко не стеснялся показать свои оплошности и реакцию на них Сталина. И Мерецков иногда попадал под жёсткую руку Верховного Главнокомандующего.

¹ *Свицкинов И.* Сказание о Рокоссовском. – М., 1976. – С. 155 – 156.

Подтверждением того, что для Сталина даже самые высокие армейские авторитеты не были вне критики, служит документ, который приводят в своей книге Б. Соловьёв и В. Суходеев. Он относится к периоду проведения Корсунь-Шевченковский наступательной операции и адресован Г. К. Жукову. Вот его содержание: «Должен указать Вам, что я возложил на Вас задачи координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, а между тем из сегодняшнего Вашего доклада видно, что, несмотря на всю остроту положения, Вы недостаточно осведомлены об обстановке: Вам неизвестно о занятии противником Хильки и Нова-Буда; Вы не знаете решения Конева об использовании 5 гв. кк. и танкового корпуса Ротмистрова с целью уничтожения противника, прорвавшегося на Шендеровку. Сил и средств на левом крыле 1-го УФ и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно для того, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить Корсуньскую группировку. Требую от Вас, чтобы Вы уделите исполнению этой задачи главное внимание»¹.

Все эти факты вполне могли послужить поводом авторам воспроизведённых мемуаров для выпячивания негативных сторон в военной деятельности Сталина. Однако эти военачальники не скатились до хрущёвского тьяканья из-под воротни и наглой волкогоновской лжи. Наоборот, все они приводят многочисленные свидетельства титанической работы Сталина на посту Верховного Главнокомандующего, многократно подчёркивают высокий уровень его компетенции и выдающийся вклад в достижение победы над врагом.

Подавая читателю отражённые в мемуарах факты личных контактов Жукова, Василевского, Рокоссовского, Штеменко и Голованова, да и других военачальников, с Верховным Главнокомандующим, я практически ничего не упустил. В связи с этим обвинить меня в отсечении фактов негативного плана нет никаких оснований. Собранные воедино, эти свидетельства больно кусаются, не правда ли?! Они не оставили камня на камне от инсинуаций Хрущёва. Они не оставили камня на камне от

---

¹ Соколов Б., Суходеев В. Полководец Сталин. – С. 111.

гор лжи, которые, подпитываясь хрущёвским враньём, сотворила целая свора современных мосек, твякающих на слона.

Более того, своими фактами авторы приведённых мемуаров будут и впрок быть неизбежно возникающих новых вокогоновых, лавровых, мерцаловых, сахаровых, со-лже-нициных, нечаемых и прочих, и прочих, и прочих. Их факты и аргументы в защиту военной деятельности Сталина на века (!), их из мемуаров не вырубить никаким топором лжи. Вообще-то приходится удивляться, как можно при наличии такого анхрущёвского заряда, сконцентрированного в приведённых воспоминаниях военачальников, лично встречавшихся и работавших под руководством Верховного Главнокомандующего, продолжать нагло врать. Ведь когда стряпал свою стряпню Волкогонов мемуары Жукова, Василевского, Рокоссовского и Штеменко были уже неоднократно переизданы. Предположить, что генерал-историк их не читал весьма трудно. Значит мнения маршалов, которые работали со Сталиным всю войну, для него не авторитет. Он святее Папы Римского.

Воспоминания Жукова, Василевского, Рокоссовского, Штеменко, Голованова и других военачальников, сыгравших выдающуюся роль в советской военной истории, опровергают хрущёвские и волкогоновские выдумки о некомпетентности Сталина как военного руководителя и якобы пагубность его руководства армией и страной. Достаточно вдуматься в факты, которые особенно отражены в воспоминаниях Василевского и Штеменко, чтобы понять насколько предметно Сталин руководил боевыми действиями Красной Армии. Речь идет о том, что он трижды в сутки заслушивал подробные доклады представителей Генерального штаба о положении на фронтах. Сталин знал по фамилиям не только командующих фронтами, но и армиями, корпусами и даже некоторых командиров дивизий. По вопросам ведения войны он постоянно вступал с ними в контакт, прислушивался к их мнению.

Подробные зарисовки, отражающие деловую обстановку в кремлёвском кабинете Верховного Главнокомандующего, манеру Сталина говорить и слушать, вести дискуссии, факты по-

вседневного руководства фронтами, целеустремлённость, жёсткий контроль за исполнением принятых решений, феноменальную память, доскональное знание обстановки на всём советско-германском фронте, терпимость и внимание к мнению других людей – всё это судебный приговор антисталинистам всех мастей, рангов и уровней. В том числе и тем хулителям военной деятельности Сталина, о которых мне пришлось говорить в данном разделе книги и которые пыжались доказать, что Сталин не был полководцем.

Давайте ещё раз обратимся к мнению Жукова. Выступая 24 июня 1945 года на Параде Победы после принятия рапорта от маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского и объезда войск, он выступил с короткой приветственной речью. Завершил он её такими словами: «Красная Армия под водительством своего гениального полководца маршала Сталина наголову разбила гитлеровскую армию и водрузила знамя победы над Берлином. Мы победили потому, что нас вёл к победе великий вождь и гениальный полководец (выделено мной. – А. С.) Маршал Советского Союза Сталин!»

На основе воспроизведённых воспоминаний советских полководцев и военачальников можно сделать следующий вывод:

Мы победили не вопреки Сталину, а благодаря ему, его полководческому таланту. Вот тот вердикт, который вынесли те, кто вместе с ним добывал нашу Великую Победу. Могут спросить, а победили бы мы, не будь Сталина? Без всякого сомнения! Только значительно позже и с гораздо большими материальными и людскими потерями.

Подтвердим этот вывод на примере самой продуманной, оригинальной в своём замысле и блестяще проведённой стратегической операции периода Великой Отечественной войны – Курской битвы. Именно в ходе этого грандиозного сражения, поражение в котором поставило фашистскую Германию перед катастрофой, ярко проявился полководческий талант Сталина. Чтобы убедиться в этом, уважаемый читатель, Вам следует познакомиться с содержанием последующих двух глав книги.

Глава вторая

Пусть говорят документы

В 1997 году в издательстве «Терра» вышло два сборника документов из серии «Русский архив» – Т. 15 (4 – 3) и Т. 15 (4 – 5). Первый из них под названием «Прелюдия Курской битвы» охватывает период с 6 декабря 1942 года по 25 апреля 1943 года. Второй том под названием «Курская битва» содержит документы и материалы с 27 марта по 23 августа 1943 года, то есть охватывает период подготовки и проведения самой битвы.

В перечисленные издания вошли рассекреченные в 1990 году документы и материалы, отражающие события на южном крыле советско-германского фронта в обозначенные периоды. Подавляющее большинство из них впервые опубликовано в открытой печати. Они в значительной степени расширили наше документальное представление об одном из наиболее значительных событий Великой Отечественной войны – Курской битве.

Тираж сборников настолько мал (1000 экземпляров каждый), что до широкого круга читателей они не дошли. Их нет даже в Белгородской государственной универсальной научной библиотеке. Можно смело сказать, что общественность Белгородской области с данными сборниками незнакома. Вполне возможно, автор данной книги является единственным обладателем этого уникального издания.

Знакомство с документами сборников позволяет судить об огромной работе всего советского народа, его армии, всех высших государственных и военных структур, командующих фронтами и армиями, командиров соединений и частей всех видов и родов Вооружённых Сил СССР. Документы сборников

позволяют также непредвзято оценить титанический труд Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина в деле подготовки и проведения Курской битвы, ещё и ещё раз убедиться в его полководческом даровании.

Структурное построение сборников практически одинаково. В первой их части помещены документы Верховного Главнокомандования – директивы, приказы, распоряжения и указания Верховного Главнокомандующего, Ставки ВГК, Государственного Комитета обороны и Генерального штаба, связанные с подготовкой и ведением боевых действий, обеспечением войск и т. п. Всего в сборниках таких документов 154. В данную книгу вошли те, которые были подписаны лично И. В. Сталиным или совместно с кем-либо из представителей Ставки.

В соответствии с этим из сборника «Прелюдия Курской битвы» извлечены все документы из первого раздела и документы, представляющие боевую деятельность Воронежского фронта. Она, как известно, протекала в основном по территории Курской области. Несомненный интерес у читателей вызовет содержание листовок Главного политического управления РККА, которые разбрасывались в оперативном тылу противника. Их семь, все они внесены в книгу.

Из первого раздела сборника «Курская битва» извлечены все документы за подписью И. В. Сталина, а из второго – донесения на его имя от командующих всех фронтов, принимавших участие в Курской битве.

Такой подбор документов преследует одну единственную цель, а именно: показать личную роль Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина в деле подготовки стратегической наступательной операции под Курском и её руководстве в ходе самого сражения.

На основе документов, сконцентрированных в данной главе, пусть сам читатель судит о том, был ли И. В. Сталин полководцем или нет, добились ли мы победы в ходе Курской битвы благодаря его руководству, или эта победа пришла к нам вопреки ему.

Детали археографической обработки документов воспроизведут из Предисловия к сборнику «Курская битва». «...в полном объёме представлены документы Ставки ВГК и Генерального штаба, приказы, распоряжения командующих войсками фронтов, относящихся к руководству войсками... В документах в основном сохранены стилистические особенности того времени, принятые в военной документации и лексике сокращения... Орфографические и синтаксические ошибки, не меняющие смыслового значения документа, исправлены без оговорок. Предложения, которые можно толковать по-разному, оставлены без изменения с соответствующей оговоркой в подстрочных примечаниях. Пропущенные в тексте документов и восстановленные составителями слова и группы букв заключены в квадратные скобки.

К каждому документу сборника дан контрольно-справочный аппарат, в котором указаны название архива, где хранится документ, номер фонда, описи, дела и листа.

В примечаниях по содержанию документов даны дополнительные сведения о фактах, событиях, лицах, отсылки к документам, которые помогут исследователю получить дополнительные данные».

Мне остаётся только объяснить читателям, почему понадобилось в книгу, в названии которой очерчены её временные рамки конкретным сражением, вводить документы из сборника «Прелюдия Курской битвы».

Когда в процессе сражения под Сталинградом Верховному Главнокомандованию Красной Армии стало понятно, что участь окружённой группировки противника в основном предрешена, Ставка спланировала проведение ряда наступательных операций на южном крыле советско-германского фронта. В ходе их осуществления предполагалось разгромить войска противника в Донбассе, на харьковском и орловско-брянском направлениях.

На харьковском направлении с целью ликвидации немецкой группировки армий «Б» советским войскам предстояло провести Воронежско-Харьковскую стратегическую операцию. Сама она состояла из трёх самостоятельных операций – Острогожско-Россошанской, Воронежско-Касторненской и Харьковской.

В предисловии к сборнику отмечено, что подготовка к Воронежско-Харьковской стратегической операции «началась ещё, когда генерал К. С. Москаленко, в ноябре 1942 года командующий 40-й армией, обратился к Сталину с предложением о проведении операции с целью разгрома вражеской группировки на Верхнем Дону. Однако события в районе Сталинграда не позволили этого сделать. И только 21 декабря Ставка поставила задачу Воронежскому фронту подготовить и провести такую операцию. Успешное её проведение создавало условия для развития наступления на харьковском направлении и в Донбассе».

12 января по указанию командующего Воронежским фронтом генерала Ф. И. Голикова была проведена успешная разведка боем. На следующий день генерал Москаленко ввёл в бой главные силы своей армии. Так началась Острогожско-Россошанская операция. Через пять дней группировка противника в составе тринадцати дивизий оказалась окружённой. Понадобилось ещё десять дней, чтобы её уничтожить.

Как только в ходе проведения Острогожско-Россошанской операции противник оказался в окружении, представитель Ставки Василевский и командующий Воронежским фронтом Голиков направили Сталину свои соображения о проведении Воронежско-Касторненской операции. Она началась 24 января и успешно завершилась 18 февраля 1943 года. В ходе операции было разгромлено около 11 дивизий противника, советские войска, продвинувшись в глубину до 240 км, освободили большую часть Курской и Воронежской областей.

Успешное проведение двух операций создали благоприятные условия для проведения Харьковской наступательной операции, под условным наименованием «Звезда». Как известно она оказалась неудачной. Имея превосходство в силах и средствах, противник перешёл в контрнаступление и овладел Харьковом, а затем и Белгородом. Выдвинутые Ставкой в район Белгорода 21-я, 64-я и 1-я резервные танковые армии приостановили дальнейшее продвижение врага. Войска Воронежского фронта закрепились на рубеже Сенная, Гостищево и да-

лее по левому берегу реки Северский Донец. Так образовался южный фас Курского выступа.

На западном направлении наступление войск Брянского и Западного фронтов тоже не привело к значительному успеху. В ходе тяжёлых боёв советским войскам удалось лишь вклиниться в оборону противника от десяти до шестидесяти километров. Так в середине марта 1943 года образовался северный фас Курского выступа. Южный и северный фасы в районе Курска и образовали дугу.

Именно по этой причине в книгу включены документы из сборника «Прелюдия Курской битвы». Знакомство с ними позволит читателям, в первую очередь тем, кто в настоящее время проживает на территории Курской, Орловской и Белгородской областей, более предметно уяснить обстановку на советско-германском фронте к лету 1943 года, понять как и в результате каких боевых действий образовалась так называемая Курская дуга.

Итак, слово документам из сборника «Прелюдия Курской битвы» и «Курская битва».

ПРЕЛЮДИЯ КУРСКОЙ БИТВЫ

Документы Верховного Главнокомандования

№1

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30000 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА И ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАЦИИ «ДОН»

1 января 1943 г.

Ставка Верховного Главнокомандования представленный вами план утверждает.

В план внести следующие дополнения:

1. Частью сил нанести удар из района Пролетарская, Сальск на Тихорецкая с задачей захватить железнодорожный узел Тихорецкая и отрезать силы противника при отходе их на Ростов.

2. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает силами подвижных частей овладеть:

- Цымлянская – 2 января;
- Константиновская – к исходу 4 января и ни в коем случае не позже 5 января;
- Шахты, Новочеркасск – 7 января;
- Сальск – 5 января;
- Тихорецк – 15-16 января.

3. Организацию взаимодействия Южного и Юго-Западного фронтов осуществлять тов. Михайлову.

4. Настоящую операцию в телефонных и телеграфных переговорах и переписке именовать «Дон».

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 3.

№2

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30005 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА НА ФОРСИРОВАНИЕ р. ДОН И РАЗИТИЕ НАСТУПЛЕНИЯ НА г. ШАХТЫ

6 января 1943 г. 15 ч 10 мин

Первое. Обязываю вас незамедлительно установить связь с Москвой по «ВЧ». Личная ответственность за Вами. Исполнение донести.

Второе. Необходимо немедленно подкрепить корпус Ротмистрова пехотными частями и, если есть возможность, также кавалерийскими частями.

Третье. Прикажите Ротмистрову перейти на западный берег Дона, заняв Раздорскую, обеспечить переправу и потом вместе с подошедшими частями двинуться в район Шахты.

Четвертое. Получение директивы и меры исполнения сообщите незамедлительно.

ВАСИЛЬЕВ

Передано по телефону тов. Сталиным

БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 18.

№3
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГКО № 2779/СС КОМАНДУЮЩИМ
ВОЙСКАМИ ФРОНТОВ О ПОРЯДКЕ ПОПОЛНЕНИЯ
ЧАСТЕЙ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ БЫВШИМИ
ВОЕННОСЛУЖАМИЦМИ КРАСНОЙ АРМИИ,
НАХОДИВШИМИСЯ В ПЛЕНУ И ОКРУЖЕНИИ

21 января 1943 г.

В частичное изменение Постановления ГКО № 1069/СС от 27.12.1942 г. ГКО постановляет:

1. Разрешить командующим [войсками] фронтов использовать для пополнения частей действующей армии бывших военнослужащих, находившихся в плену и в окружении противника, после надлежащей их фильтрации на месте армейских и фронтовых сборно-пересыльных пунктах.

2. Предложить НКВД СССР выделить необходимое количество работников особых отделов для проведения фильтрации на сборно-пересыльных пунктах армий и фронтов военнослужащих КА, находившихся в плену и в окружении пр-ка, в целях выявления среди них изменников Родины, шпионов, предателей, а также сомнительных лиц.

3. Командующим [войсками] фронтов и армией организовать на сборно-пересыльных пунктах охрану, размещение, питание и санитарную обработку бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника.

Председатель ГКО И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 27777. Д. 107. Л. 97, 98.

№4
ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30023 КОМАНДУЮЩЕМУ
ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА И КОМАНДУЮЩЕМУ
2-й гв. АРМИЕЙ ОБ АКТИВИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЙ
3-го гв. ТАНКОВОГО КОРПУЦА В РАЙОНЕ г. БАТАЙСК

23 января 1943 г. 04 ч 35 мин

Прошу тов. Еременко настоящее распоряжение передать по прямому проводу тов. Малиновскому.

Получил сообщение о приказе Ротмистрова отвести части корпуса из района имени Ленина и имени ОГПУ [1]. Приказ Ротмистрова считаю неправильным и вредным для нашего дела. Прошу приказать Ротмистрову прочно занять оба района имени Ленина и имени ОГПУ, прервать жд линию на г. Батайск и изготовиться для срочного занятия г. Батайск.

Еременко и Малиновского прошу оказать Ротмистрову срочную помощь для осуществления указанной задачи.

Исполнение донести.

ВАСИЛЬЕВ

Передано по телефону товарищем Сталиным

БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 55.

№ 5
ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30025 КОМАНДУЮЩЕМУ
ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА НА ОСВОБОЖДЕНИЕ
ГОРОДОВ БАТАЙСК И АЗОВ, ОКРУЖЕНИЕ И УНИЧТОЖЕ-
НИЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

Копия: командующему 2-й гвардейской армией

23 января 1943 г. 06 ч 30 мин

Захват Батайска нашими войсками имеет большое историческое значение. Со взятием Батайска мы закупорим армии против-

ника на Северном Кавказе, не дадим выхода в район Ростова, Таганрога, Донбасса 24 немецким и румынским дивизиям.

Враг на Северном Кавказе должен быть окружен и уничтожен, так же как он окружен и уничтожен под Сталинградом.

Войскам Южного фронта необходимо отрезать 24 дивизии противника на Северном Кавказе от Ростова, а войска Черноморской группы Закавказского фронта, в свою очередь, закроют выход этим дивизиям противника на Таманский полуостров.

Главная роль принадлежит здесь Южному фронту, который должен совместно с Северной группой Закавказского фронта окружить и пленить или истребить войска противника на Северном Кавказе.

Основные силы Южного фронта, расположенные в районе р. Маныч и южнее р. Дон, необходимо немедленно двинуть на Батайск для захвата Батайска и Азова, для перехвата основных путей отхода противника и для окружения его отходящих частей с тем, чтобы вся техника противника осталась на месте.

Прошу принять настоящее указание для руководства и довести о мерах его исполнения.

И. СТАЛИН

Доложено по телефону товарищу Сталину и им утверждено

БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 59.

№6
ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
ПО СЛУЧАЮ УСПЕШНЫХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
СОВЕТСКИХ ВОЙСК

25 января 1943 г.

В результате двухмесячных наступательных боев Красная Армия прорвала на широком фронте оборону немецко-фашистских войск, разбила сто две дивизии противника, захватила более 200 тысяч пленных, 13 000 орудий и много другой техни-

ки и продвинулась вперед до 400 километров. Наши войска одержали серьезную победу. Наступление наших войск продолжается.

Поздравляю бойцов, командиров и политработников Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волховского, Ленинградского фронтов с победой над немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками – румынами, итальянцами и венграми под Сталинградом, на Дону, на Северном Кавказе, под Воронежем, в районе Великих Лук, южнее Ладожского озера.

Объявляю благодарность командованию и доблестным войскам, разгромившим гитлеровские армии на подступах Сталинграда, прорвавшим блокаду Ленинграда и освободившим от немецких оккупантов города – Кантемировка, Беловодск, Морозовск, Миллерово, Старобельск, Котельниково, Зимовники, Элиста, Сальск, Моздок, Нальчик, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь, Армавир, Валуйки, Россошь, Острогожск, Великие Луки, Шлиссельбург, Воронеж и многие другие города и тысячи населенных пунктов.

Вперед, на разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины!

Верховный главнокомандующий И. СТАЛИН
ЦАМО. Ф. 2. Оп. 11569. Д. 259. Л.1.

№7

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30027 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА О СРОКАХ НАЧАЛА ВОРОНЕЖСКО-АСТОРЕНСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Копия: А. М. Василевскому, Ф. И, Голикову

25 января 1943 г. 06 ч 50 мин

Откладывать операцию на 27 января нельзя.

Обязываю вас начать операцию 26 января утром.

И. СТАЛИН

Передано по телефону товарищем Сталиным

БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 68.

№8
ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30031
КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА
ОБ УЛУЧШЕНИИ УПРАВЛЕНИЯ И УСКОРЕНИИ
ТЕМПОВ НАСТУПЛЕНИЯ

26 января 1943 г. 23 ч 40 мин

Сопrotивление противника в результате успешных действий наших войск на Воронежском, правом крыле Юго-Западного, Донском, Северо-Кавказском фронтах сломлено. Оборона противника прорвана на широком фронте. Отсутствие глубоких резервов вынуждает врага вводить подходящие соединения [в бой] разрозненно и с ходу. Образовалось много пустых мест и участников, которые прикрываются отдельными небольшими отрядами. Правое крыло Юго-Западного фронта нависло над Донбассом, а захват Батайска приведет к изоляции закавказской группировки противника. Наступила благоприятная обстановка для окружения и уничтожения по частям донбасской, закавказской и черноморской группировок противника.

В этих условиях топтание на месте центра и левого крыла Южного фронта на батайском направлении, самовольное оставление группой Ротмистрова важнейших подступов к Батайску, сдача противнику без особого сопротивления плацдарма на южном берегу р. Дон и выявившаяся таким образом нерешительность командующего 2-й гв. Армией Малиновского дают возможность противнику выводить свои войска через Батайские ворота.

Управление войсками построено плохо. Штаб фронта, как правило, не знает обстановки, а Малиновский и его штаб самоустранились от управления боем на важнейшем направлении на Батайск.

Наступление частей 511-й и 28-й армий идет очень медленно и разбросанно, вне связи со 2-й гв. Армией.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Решительно улучшить управление войсками фронта.
2. Ускорить темп наступления 51-й и 28-й армией и 28.1.1943 г. выйти на рубеж Ольгинская, Батайск.
3. ВПУ 2-й гв. Армии и фронта немедленно приблизить к войскам.
4. Управление 2, 5 гв. мк и 3 гв. тк передать непосредственно тов. Малиновскому.
5. Получение подтвердить, исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 75, 76.

№ 9

ПРИКАЗ СТАВКИ ВГК № 46010 О НАЗНАЧЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ДЛЯ КООРДИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ АВИАЦИИ ЮЖНОГО И ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТОВ

27 января 1943 г.

Назначить начальника штаба ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта авиации Фалалеева Ф. Я. представителем Ставки ВГК для координации действий авиации Южного и Юго-Западного фронтов.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 14. Л. 3.

№ 10
ПРИКАЗ СТАВКИ ВГК № 46015 КОМАНДУЮЩИМ
ВОЙСАМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО, ЮЖНОГО
И СЕВЕРО-КАВКАЗСКИХ ФРОНТОВ О ВЫВОДЕ ЧАСТЕЙ
И СОЕДИНЕНИЙ В РЕЗЕРВ

29 января 1943 г. 23 ч 50 мин

Для создания постоянных резервов фронта и более планомерного проведения наступательных боевых действий Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С февраля месяца текущего года приступить к выводу в резерв фронтов стрелковых дивизий и стр[елковых] бригад для доукомплектования и отдыха, с последующим выводом их в бой и вывода в резерв на им место других, наиболее ослабленных стр[елковых] соединений.

2. Количество выводимых одновременно стр[елковых] дивизий и бригад и сроки их доукомплектования определять решением командующих [войсками] фронтов, исходя из оперативной обстановки и наличия ресурсов, необходимых для доукомплектования выводимых соединений.

3. В качестве людского пополнения для доукомплектования выводимых в резерв фронтов стр[елковых] соединений использовать пополнение, мобилизуемое в порядке приказа Ставки Верховного Главнокомандования № 089 от 9.02.1942 г. [1] районах, освобождаемых от противника, и маршевое пополнение, направляемое фронтам по плану Главупраформа КА.

4. Для контроля за выводом в резерв фронтов стр[елковых] дивизий и бригад и помощи со стороны Главных управлений в дообеспечении [их] недостающим вооружением и имуществом надлежит ежемесячно представлять в Генеральный штаб план вывода в резерв фронтов стр[елковых] дивизий и бригад.

План на февраль [месяц] представить к 3.02.1943 г.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 95, 96.

№ 11

ПРИКАЗ СТАВКИ ВГК № 076 ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ФРОНТОВ И ВОЕННЫХ ОКРУГОВ, КОМАНДУЮЩЕМУ 7-й ОТДЕЛЬНОЙ АРМИЕЙ О РЕОРГАНИЗАЦИИ ОРГАНОВ ВОЕННЫХ СООБЩЕНИЙ

31 января 1943 г.

В целях обеспечения правильного планирования, организации и осуществления всех видов воинских перевозок Ставка Верховного Главнокомандования *приказывает*:

1. Органы военных сообщений Красной Армии из подчинения управлений тыла изъять и передать в подчинение штабов:

– Центральное управление военных сообщений – начальнику Генерального штаба Красной Армии;

– Отделы военных сообщений фронтов, округов и армий – начальникам штабов фронтов, округов и армий.

2. На органы военных сообщений возложить:

а) руководство и контроль за подготовкой, организацией и выполнением всех видов воинских перевозок по железнодорожным и внутренним водным путям сообщения;

б) разработку и предъявление транспортным наркоматам планов и требований НКО по организации и обеспечению воинских перевозок по железнодорожным и внутренним водным путям сообщения и контроль за их выполнением;

в) разработку и предъявление транспортным наркоматам требований НКО по восстановлению, строительству и оборудованию новых железнодорожных и водных линий, по усилению пропускной и провозной способности, использованию существующих путей сообщения и контроль по выполнению этих требований, а также контроль за правильным использованием железнодорожных войск и запасов восстановительных материальных средств;

г) разработку и предъявление транспортным наркоматам требований Генерального штаба КА по восстановлению и устройству заграждений на железных дорогах и внутренних водных путях сообщения и контроль за производством этих работ;

д) руководство устройством, службой и специальной подготовкой органов, военно-учебных заведений и учреждений военных сообщений КА;

е) руководство подготовкой войск к переездам по железным дорогам и водным путям сообщения.

3. Возложить непосредственное руководство Центральным управлением военных сообщений в Генеральном штабе на генерал-лейтенанта тов. Карпоносова А. Г., назначив его заместителем начальника Генерального штаба.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 14. Л. 6, 7.

№ 12

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30041 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ ОРЛОВСКО-БРЯНСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

6 февраля 1943 г. 01 ч 40 мин

С целью быстрейшего окружения и разгрома орловско-брянской группировки противника Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С выводом 48-й и 13-й армий на линию Драсково, Малоархангельск, Фатеж 48-й армии наступать на Орел, охватывая его с юго-запада.

Навстречу этому удару подготовить наступление 61-й армии из района Белева в общем направлении через Волхов на Орел.

61-я армия с утра 8.02.1943 г. переходит в Ваше подчинение.

С выходом 48-й армии в район Змиевки перейти в наступление 3-й армии, нанося удар в общем направлении на Орел.

2. Одновременно с наступлением 48, 3, 61-й армий на Орел 13-й армии продолжать наступление на Карачев, Брянск с задачей создания 2-го кольца окружения противника и захвата гг. Брянск, Карачев.

Иметь в виду, что навстречу удару 13-й армии будет наступать из района Брынь, Завод в общем направлении через Жиздру 16-я армия Западного фронта.

3. Окружение и разгром орловской группировки противника силами 48, 3, 61-й армий завершить к 15-17 февраля 1943 г.

13-й армии во взаимодействии с 16-й армией Западного фронта захватить Брянск к 23-25 февраля 1943 г.

4. Иметь в виду, что левее – примерно с рубежа Фатеж, Льгов – развернутся войска генерал-полковника Рокоссовского и будут наступать в общем направлении на Севск, ст. Унеча.

5. Разграничительная линия с Западным фронтом с утра 8.02.1943 г. устанавливается: Козельск, Хвостовичи, Журиничи. Все [пункты] для Западного фронта. Разграничительная линия с войсками Рокоссовского будет указана дополнительно.

6. Свое решение донесите шифром по Бодо к 24.00 6.02.1943 г.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 177, 178.

№ 13

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30043 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА НА ВЫХОД В ТЫЛ РЖЕВСКО-ВЯЗЕМСКО-БРЯНСКОЙ ГРУППИРОВКЕ ПРОТИВНИКА

6 февраля 1943 г. 01 ч 40 мин

С целью дальнейшего развития успеха Брянского и Воронежского фронтов и выхода в тыл ржевско-вяземско-брянской группировке противника Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. К 12.02.1943 г. сосредоточить:

а) 2-ю танковую армию – в районе Долгое;

б) 2-й кав [алерийский] корпус с тремя лыжными бригадами [и] двумя танковыми полками – в районе Черемисиново;

в) 65-ю армию – в районе севернее Долгое, южнее Ливны. К исходу 14.02.1943 г. 2 ТА, 65 А, 2 кк вывести из района сосредоточения на рубеж развертывания Фатеж, Курск. Остальные части 21-й и 70-й армий, по мере их прибытия, сосредоточивать в районе Волово, Долгоруково, Ливны и направлять их вслед за наступающими войсками первого эшелона фронта.

2. С утра 15.02.1943 г. 2 ТА, 65 А и 16 ВА перейти в наступление в общем направлении Севск, ст. Унеча с ближайшей задачей перерезать железную дорогу Брянск – Гомель.

Конно-стрелковую группу Крюкова развернуть на левом крыле и направить ее через Новгород-Северский, Стар[ый] Быков, Могилев, где перепраиться на западный берег р. Днепр, обеспечить за собой переправы и выйти в район р. Орша.

Иметь в виду, что правее Вас будет наступать 13-я армия Брянского фронта и через Жиздру на Брянск перейдет в наступление 16-я армия Западного фронта.

3. С выходом армий фронта на линию Брянск, Гомель главный удар нанести через Климовичи, Хисловичи на Смоленск с задачей захватить район Смоленска и отрезать пути отхода ржевско-вяземской группировке противника. С выходом главных сил в район ст. Унеча захватить Гомель силами двух стр [елковых] дивизий и западный берег Днепра на участке Речица, Жлобин.

Одновременно с переходом в наступление Ваших войск с линии Брянск, Гомель на Смоленск перейдут в наступление: Западный фронт – на Рославль и далее на Смоленск; Калининский фронт – на Витебск, Орша, частью сил – на Смоленск, навстречу Вашему главному удару.

4. Разграничительные линии фронта будут указаны дополнительно. Иметь в виду, что левее фронта будет наступать 60-я армия Воронежского фронта в общем направлении Льгов, Глухов, Чернигов.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 181, 182.

№ 14

**ДИРЕКТИВА СТАВИ ВГК № 30045 КОМАНДУЮЩИМ
ВОЙСКАМИ ФОНТОВ И АРМИЙ О ЗАПРЕЩЕНИИ
ПОСЫЛКИ ДЕЛЕГАЦИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
НА ПРЕДПРИЯТИЯ И В УЧРЕЖДЕНИЯ**

12 февраля 1943 г. 04 ч 30 мин

За последнее время участились случаи, когда многие предприятия и учреждения приглашают делегации военнослужащих из частей действующей армии.

Легко понять, что если удовлетворить просьбы заводских организаций и учреждений, то это может привести к отрыву от непосредственной боевой работы большого числа командиров и красноармейцев, а железнодорожный транспорт будет перегружен.

Ставка Верховного Главнокомандования обязывает командующих фронтами и армиями не допускать выделения и посылку делегации военнослужащих на предприятия и учреждения, дабы не отвлекать красноармейцев, командиров и политработников от их боевой работы на фронте. О принятых мерах донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 197.

№ 15

**ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30048 КОКОМАНДУЮЩЕМУ
ВОЙСКАМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОБ УТВЕРЖДЕНИИ
ПЛАНА ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ**

17 февраля 1943 г.

Полученный сегодня Ставкой Ваш план операции утверждаю.

Прошу при этом учесть мои замечания о задачах 6-й армии, высказанные по телефону в разговоре с Вами по вопросу об операции «Скачок»

ВАСИЛЬЕВ

Передано по телефону товарищем Сталиным

БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. Л. 204.

№16

**ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30049 КОМАНДУЮЩИМ
ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО, ЦЕНТРАЛЬНОГО И ВОРОНЕЖСКОГО
ФРОНТОВ ОБ ИЗМЕНЕНИИ РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ЛИНИЙ**

17 февраля 1943 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

С 12 ч 00 мин 19 февраля 1943 г. установить между Брянским, Центральным и Воронежским фронтами следующие разграничения:

а) между Брянским и Центральным фронтами: Лебедянь, Верховье, (иск.) Дросково, ст. Поныри, Дмитровск-Орловский – все для Центрального фронта;

б) между Центральным и Воронежским фронтами: (иск.) Воронеж, Курск, Калиновка, Новгород-Северский, Добрянка, Речица – все для Центрального фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 205.

№ 17

**ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30053 КОМАНДУЮЩИМ
ВОЙСКАМИ ФРОНТОВ И АРМИЙ О НЕОБХОДИМОСТИ
СОХРАНЕНИЯ ЗАХВАЧЕННОГО У ПРОТИВНИКА
ПОДВИЖНОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СОСТАВА**

20 февраля 1943 г. 04 ч 00 мин

В ходе наступательных действий частями Красной Армии захвачены у противника десятки тысяч вагонов и сотни паровозов.

Ставка ВГК расценивает захват вагонов как дело большого и самого серьезного значения. Между тем фронты и армии этому важному вопросу не уделяют достаточного внимания и порой недооценивают его.

Ставка приказывает:

1. Командующим войсками фронтов и армий в процессе наступательных операций принять все необходимые меры по перехвату паровозов и вагонов у противника.

2. Захваченный подвижной железнодорожный состав – паровозы и вагоны немедленно отводить в тыл на 30-40 км с целью сохранения их от воздушных бомбардировок и артиллерийского обстрела.

3. Всемерно поощрять решительные действия бойцов и командиров по захвату железнодорожных парков, и отличившихся при захвате бойцов и командиров награждать орденами и медалями.

Верховное Главнокомандование рассматривает захват подвижного состава противника – паровозов и вагонов как равноценный захвату артиллерии и другого вооружения противника, так как такой захват приводит к потере маневренности, подвижности и понижению боеспособности врага.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

Доложено т. Сталину по телефону и им утверждено
БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д, 12. Л. 210, 211.

№18

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30055 ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ, КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ ОРЛОВСКО-КРОМСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНКА

23 февраля 1943 г. 23 ч 45 мин

Во изменение директивы № 30041 от 6.02.1943 г. [1] Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Поставить основной и ближайшей задачей перед Брянским фронтом разгром орловско-кромской группировки противника и захват г. Орел.

2. Освободить Брянский фронт от выполнения задачи по захвату Карачева и Брянска.

Ставка Верховного Главнокомандования
ВАСИЛЬЕВ

Передано по телефону тов. Сталиным
БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 217.

№ 19

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30059 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО И ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТОВ, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ ВГК А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ О ПЕРЕПОДЧИНЕНИИ 3-й ТАНКОВОЙ АРМИИ

28 февраля 1943 г. 04 ч 30 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 3 ТА Воронежского фронта, включая группу Соколова, с 22.00 28 февраля 1943 г. передать в состав войск Юго-Западного фронта.

2. Командующему войсками Юго-Западного фронта использовать 3 ТА и группу Соколова для нанесения флангового удара [по] наступающему противнику.

3. Командующему войсками Воронежского фронта до подхода войск из резерва Ставки перебросить несколько дивизий с других участков фронта и направить их на подкрепление левого фланга фронта.

4. Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

Доложено по телефону товарищу Сталину и им утверждено
БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Он. 11556. Д. 12. Л. 226.

№ 20

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 46061 УПОЛНОМОЧЕННОМУ СТАВКИ ВГК ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ КОСЯКИНУ НА ВЫВОД В РЕЗЕРВ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА И СОСРЕДОТОЧЕНИЕ В РАЙОНЕ КУПЯНСКА 62-й АРМИИ

28 февраля 1943 г. 17 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 62-ю армию в составе: шести стр[елковых] дивизий (27 гв., 39 гв., 24, 45, 99 и 284-я сд), 99 и 671 пап, 184, 565 и 536 иптап, 8 гв. оарадн, 5 и 9 гв. тп передислоцировать в район Купянска в резерв Юго-Западного фронта.

2. Передислокацию произвести по железной дороге. Время и порядок отправки – распоряжением начальника Генерального штаба.

3. Все стр[елковые] дивизии в новом районе дислокации доукомплектовать личным составом, лошадьми, оружием и имуществом – распоряжением начальников главных управлений НКО, доведя численность каждой дивизии, в т. ч. гвардейских, до 8000 человек.

Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

Доложено тов. Сталину по телефону и им утверждено
КАРПОНОСОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 233.

№ 21

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 46063 УПОЛНОМОЧЕННОМУ СТАВКИ ВГК ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ КОСЯКИНУ НА ПЕРЕДАЧУ В ВОРОНЕЖСКИЙ ФРОНТ И СОСРЕДОТОЧЕНИЕ В РАЙОНЕ ВАЛУЙКИ 64-й АРМИИ

28 февраля 1943 г. 17 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 64-ю армию в составе: шести стрелковых дивизий (15 гв., 36 гв., 29, 38, 204 и 422 сд), 156 и 1111 пап, 186, 493, 496 и 500 иптап, 838 орадн, 27 гв. тбр, 224 и 245 тп (последние два из Горького) передислоцировать в район Валуйки, в распоряжение командующего Воронежским фронтом.

2. Передислокацию произвести по железной дороге. Начало отправки 1 марта с. г. Перевозку армии в новый район дислокации закончить 15 марта с. г.

3. Доукомплектование всех стрелковых дивизий личным составом, лошадьми, оружием и имуществом начальникам Главных управлений НКО произвести в новых районах дислокации, доведя численность каждой дивизии, в т. ч. и гвардейских, до 8000 человек. Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

Доложено тов. Сталину по телефону и им утверждено
КАРПОНОСОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 235.

№ 22

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 46064 УПОЛНОМОЧЕННОМУ СТАВКИ ВГК ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ КОСЯКИНУ О ПЕРЕДАЧЕ В ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ И СОСРЕДОТОЧЕНИЕ В РАЙОНЕ СТАРОБЕЛЬСКА 66-й АРМИИ

1 марта 1943 г. 23 ч 00 мин

Во изменение директивы Ставки за № 46059 Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 66-ю армию в составе: 13 гв., 66 гв., 116, 226, 229 и 343 сд, 815 оарад направить в резерв Юго-Западного фронта в район Старобельска.

2. Отpravку армии произвести по жел. дороге. Погрузку соединений армий начать 12 марта. Перевозку закончить к 24 марта.

3. Доукомплектование дивизий 66-й армии недостающим личным и конским составом, оружием и имуществом произвести распоряжением начальников Главных управлений НКО в районе Старобельска, доведя численность каждой дивизии до 8000 человек.

Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 239.

№ 23
РАСПОРЯЖЕНИЕ СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩИМ
ВОЙСКАМИ ФРОНТОВ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ
ПРЕДСТАВЛЕНИИ В СТАВКУ КОПИЙ БОЕВЫХ
ПРИКАЗОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ

5 марта 1943 г.

Несмотря на неоднократные указания Ставки ВГК о присылке в Ставку копий всех боевых приказов и распоряжений фронтов по армиям, некоторые командующие [войсками] фронтов этого указания не выполняют. Они, видимо, не понимают, что присылка копий приказов и распоряжений фронта в Ставку, во-первых, дает Ставке возможность вовремя помочь фронту в выполнении его боевых задач и, во-вторых, облегчает фронту руководство армиями, так как армии и их штабы, зная, что приказы фронта получены Ставкой, будут более старательно выполнять указания фронта.

Ставка ВГК обязывает командующих [войсками] фронтов и начальников штабов, под их личную ответственность, копии всех боевых распоряжений и приказов, отдаваемых по армиям, незамедлительно присылать в Ставку шифром по Бодо.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 251.

№ 24
ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30067 КОМАНДУЮЩЕМУ
ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ
ДМИТРОВСКО-ОРЛОВСКОЙ ГРУППИРОВКИ
ПРОТИВНИКА

7 марта 1943 г. 21 ч 30 мин

Продвижение войск Центрального фронта задерживается из-за того, что Брянский фронт оказался не в состоянии разбить орловскую группировку войск противника, а силы противника на правом фланге Центрального фронта угрожают войскам Центрального фронта ударом во фланг и тыл.

Ставка считает, что продвижение войск Центрального фронта в сторону Рославля невозможно без предварительной ликвидации дмитровско-орловской группы войск противника.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Временно замедлить продвижение войск Центрального фронта в сторону Унеча, Почеп, организовав в северо-западном и западном направлениях разведку усиленными отрядами.

2. Повернуть войска армий генералов Батова, Тарасова и Чистякова с запада в северном и северо-восточном направлениях с задачей объединенными силами этих армий разбить дмитровско-орловскую группу войск противника, прервать железнодорожную линию между Брянском и Орлом где-либо вост. Карачева и помочь тем самым Брянскому фронту ликвидировать орловскую группу войск противника.

3. После выполнения этой задачи войскам Центрального фронта продолжать с новой силой, совместно с частями Брянского фронта, стремительное наступление в сторону г. Рославль.

4. К исполнению приступить немедленно.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

Доложено по телефону товарищу Сталину и им утверждено
БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 258-259.

№ 25

**РАСПОРЯЖЕНИЕ СТАВКИ ВГК ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВАСИЛЕВСКОМУ,
КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО
ФРОНТА О ПЕРЕПОДЧИНЕНИИ 3-го гв.
ТАНКОВОГО КОРПУСА И 5 гв. ТАНКОВОЙ АРМИИ**

8 марта 1943 г. 20 ч 30 мин

1. С 23.00 8.3.1943 г. 3 гв. тк передать в распоряжение маршала Василевского для использования его в целях обороны гор. Харьков.

2. Впоследствии, после подхода новых сил в район Харькова из резерва Ставки, танковую армию Ротмистрова передать в подчинение командующему Юго-Западным фронтом генералу армии Ватутину.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

Передано по телефону т. Боковым
БЕЛЮСОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 260.

№ 26

**ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ № 121
С ОБЪЯВЛЕНИЕМ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ И. В. СТАЛИНУ ЗВАНИЯ
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

11 марта 1943 г.

Объявляю Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 марта 1943 г. «О присвоении Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами СССР Сталину И. В. военного звания Маршала Советского Союза».

*Заместитель Народного комиссара обороны
генерал-майор РУМЯНЦЕВ*

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ
ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ СССР СТАЛИНУ И. В. ВОЕННОГО ЗВАНИЯ
МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами СССР Сталину Иосифу Виссарионовичу присвоить военное звание Маршала Советского Союза.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН

*Москва, Кремль.
6 марта 1943 года.*

ЦАМО. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 7. Л. 189.

№ 27
ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30070 ЧЛЕНУ ГКО
Г.М. МАЛЕНКОВУ, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ
А. И. АНТОНОВУ, КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ
ЗАПАДНОГО, БРЯНСКОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТОВ
О РАСФОРМИРОВАНИИ БРЯНСКОГО ФРОНТА

11 марта 1943 г. 01ч 30 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Брянский фронт с 12.3.1943 г. расформировать.
2. Войска Брянского фронта с 24.00 12.3.1943 г. передать:
  - а) В состав Западного фронта – 61-ю армию со всеми частями усиления и тыловыми частями.
  - б) В состав Центрального фронта – 3, 48 и 13-ю армии, 28 ск, 19 кк и все части усиления фронта.
3. Управление Брянского фронта с частями связи, тыловыми и дорожными частями вывести в резерв Ставки в район Воронежа.
4. С 24.00 12.3.1943 г. установить разграничительную линию между Западным и Центральным фронтами: Плавск, Медвеж-

ка, Верхняя Зароца, ст. Думчино, ст. Стальной Конь. Все пункты [включительно] для Центрального фронта.

5. Члену ГКО тов. Маленкову и представителю Ставки ВГК генерал-лейтенанту Антонову определить состав тыловых и дорожных [частей] и частей связи Брянского фронта, кои надлежит оставить в составе Центрального фронта.

Получение подтвердить, исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 267, 268.

№ 28

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30071 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА О СФОРМИРОВАНИИ РЕЗЕРВНОГО ФРОНТА

7 марта 1943 г. 01 ч 35 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 24 час 00 мин 13 марта 1943 г. сформировать Резервный фронт.

2. В состав Резервного фронта включить:

а) 2 рез. А в составе: 129, 235, 250, 348, 380 и 397-й стр. дивизий, передислоцируемую в район Елец, Липецк, Лебедянь;

б) 24 А в составе: 68 и 69 гв. сд, 84, 214, 233 и 252 сд, прибывающую в район Рамонь, Воронеж, Давыдовка;

в) 66 А в составе: 13 и 66 гв. сд, 116, 226, 299 и 343 сд, прибывающую в район Острогожск, Алексеевка;

г) 4 гв. тк – Касторное; 10 тк – Старый Оскол и 3 тк – Алексеевка.

3. Управление Брянского фронта переименовать в управление Резервного фронта.

4. Командующим войсками Резервного фронта назначить генерал-полковника Рейтера, начальником штаба Резервного фронта – генерал-лейтенанта Сандалова.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 269.

№ 29

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30072 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА СЕВЕРНЕЕ ХАРЬКОВА

Копия: А. М. Василевскому,
Ф. И. Голикову

11 марта 1943 г. 02 ч 00 мин

Выход южной группы противника сев. Харькова в район Качья Лопань создает тяжелое положение для Воронежского фронта и несет угрозу разрушения тылов всего Центрального фронта.

Противник имеет намерения выйти в сторону Белгорода, прорваться к Курску и соединиться с орловской группой немецких войск для выхода в тыл Центральному фронту.

Ставка решила выдвинуть танковую армию Катукова на встречу поднимающемуся на север противнику с задачей совместно с 21-й армией разгромить южную группу противника и ликвидировать создавшуюся угрозу для Центрального и Воронежского фронтов.

Ставка приказывает:

1. Немедленно выдвинуть 21-ю армию в сторону Курска с тем, чтобы не позднее 13.3.1943 г. армия выдвинулась южн. Курска, перехватила магистральное шоссе и начала ускоренное движение в сторону Обояни.

2. Оказать всяческое содействие танковой армии Катукова в деле выгрузки и быстрейшего продвижения вперед бок о бок с 21-й армией.

Ставка доводит до Вашего сведения, что как 21-я армия, так и танковая армия Катукова передаются с 13 марта с. г. в подчинение командующего Воронежским фронтом.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 270, 271.

№ 30

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 46069 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА НА ВЫВОД В РЕЗЕРВ СТАВКИ 4 гв., 10 И 3-го ТАНКОВЫХ КОРПУСОВ

Копии: командующему бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии
начальнику Генерального штаба

11 марта 1943 г. 03 ч 30 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Отправить по ж. д. в резерв Ставки на доукомплектование: 4 гв. Кантемировский тк и тылы 25 тк – в район Касторного; 10 тк – в район Ст[арого] Оскола; 3 тк – в район Алексеевки.

Станции погрузки донести в Ген [еральный] штаб 11 марта с. г.

2. Танковые корпуса отправить со всем имеющимся личным составом, автомашинами, вооружением и имуществом, не допуская никаких изъятий перед отправкой.

Исправные танки оставить в составе фронта.

3. Порядок и сроки отправки – по указанию начальника Генерального штаба.

4. Командующему бронетанковыми и механизированными войсками КА доукомплектовать в новых пунктах дислокации 4 гв. Кантемировский, 10 и 3 тк недостающим личным составом, танками, вооружением и остальными видами имущества.

5. Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 272, 273.

№ 31

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 46076 КОМАНДУЮЩЕМУ 5-й гв. ТАНКОВОЙ АРМИЕЙ НА СМЕНУ РАЙОНА СОСРЕДОТОЧЕНИЯ

Копия: командующему Юго-Западным фронтом

19 марта 1943 г. 04 ч 10 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

5 гв. ТА [в] составе 29 тк, 5 гв. мк и частей усиления [с] армейским управлением, всеми запасами боеприпасов, горючим и продовольствием к исходу 24.3 сосредоточиться в районе ст. Пухово, Рыбальчино, ст. Евдаково, Хрестики, Коломейцево. Для чего:

1. Выгруженные эшелоны армии в Миллерово и все остальные части, прибывающие в Миллерово, [с] подходом [их] немедленно грузить [на] жд [транспорт с] темпом 9 эш. в сутки и к исходу 24.3 выгрузить в районе ст. Пухово, ст. Евдаково.

2. Эшелоны армии, находящиеся на участке Лиски, Миллерово, немедленно повернуть и выгрузить на ст. Пухово, ст. Евдаково.

3. Все остальные эшелоны армии, не прошедшие Лиски, выгрузить на ст. Пухово, ст. Евдаково.

О ходе погрузки и выгрузки ежедневно доносить в Ген [еральный] штаб. Получение подтвердить, исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

Доложено по телефону т. Сталину и им утверждено
генерал-лейтенант КАРПОНОСОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 288.

№ 32

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК №30077 ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ РЕЙТЕРУ, КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ КУРСКОГО ФРОНТА

Копии: Г. К. Жукову
Г. М. Маленкову
А. М. Василевскому

19 марта 1943 г. 16 ч 50 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. К 24.00 23 марта образовать Курский фронт.

2. В состав Курского фронта включить: 60-ю и 38-ю армии, изъяв их из состава Воронежского фронта, со всеми частями усиления, тыловыми частями, учреждениями и транспортом.

В дальнейшем иметь в виду включение в состав фронта дополнительно одной армии.

3. Командующим войсками Курского фронта назначить генерал-полковника тов. Рейтера М. А., членом Военного совета фронта – генерал-майора танковых войск тов. Сусайкова И. З., начальником штаба фронта – генерал-лейтенанта тов. Сандалова Л. М.

4. Штаб Резервного фронта преобразовать в штаб Курского фронта, передислоцировав его в район Курска походом к 21 марта 1943 г.

5. Установить разграничительные линии:

а) Справа – между Центральным и Курским фронтами: Воронеж, Касторная, Курск, Новгород-Северский (Воронеж и Курск – включительно для Курского фронта).

б) Слева – между Курским и Воронежским фронтами – Бромля, Крас-нополье, Песчаное, далее по р. Псел, Казацкая, Стар[ый] Оскол (все – для Воронежского фронта).

6. Обеспечение Курского фронта частями связи, тыловыми учреждениями и транспортом произвести за счет Центрального и Воронежского фронтов.

Количество выделяемых частей определить: по частям связи – генерал-лейтенанту тов. Пересыпкину; по тыловым учреждениям и транспорту – генерал-полковнику Хрулеву.

7. Получение подтвердить, исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

Доложено по телефону товарищу Сталину и им утверждено
БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 286, 287.

№ 33

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30079 О ПЕРЕДАЧЕ 1-й ТАНКОВОЙ АРМИИ ИЗ РЕЗЕРВА СТАВКИ В РАСПОРЯЖЕНИЕ Г. К. ЖУКОВА

21 марта 1943 г. 01ч 15 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Передать 1 ТА с 21 марта 1943 г. из резерва Ставки в резерв Маршала Советского Союза тов. Жукова.

2. Разрешить маршалу Жукову использовать 1 ТА на Воронежском фронте по своему усмотрению в полном составе или по частям.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

Доложено товарищу Сталину и им утверждено
БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 298.

№ 34

ПРИКАЗ СТАВКИ ВГК № 0067 МАРШАЛАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЖУКОВУ И ВАСИЛЕВСКОМУ, ГЕНЕРАЛУ АРМИИ ВАТУТИНУ И ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ ГОЛИКОВУ О ДОЛЖНОСТНЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЯХ

22 марта 1943 г.

1. Генерала армии Ватутина Н. Ф. назначить командующим войсками Воронежского фронта, освободив его от должности командующего войсками Юго-Западного фронта.

2. Тов. Ватутину по сдаче дел Юго-Западного фронта тов. Малиновскому немедленно прибыть к новому месту назначения.

3. Генерал-полковника Голикова Ф. И. освободить от должности командующего войсками Воронежского фронта.

4. Тов. Голикову по сдаче дел фронта прибыть в распоряжение Ставки Верховного Главнокомандования.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

Доложено по телефону товарищу Сталину и им утверждено
БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 14. Л. 34.

№ 35

**ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30081 МАРШАЛАМ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЖУКОВУ И ВАСИЛЕВСКОМУ,
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ РЕЙТЕРУ, КОМАНДУЮЩИМ
ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТОВ
ОБ ОБРАЗОВАНИИ ОРЛОВСКОГО ФРОНТА**

24 марта 1943 г., 12 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Взамен Курского фронта, создание которого не вызывает еще военной обстановкой и который в силу настоящего приказа ликвидируется, образовать с 24.00 27 марта 1943 г. Орловский фронт.

2. В состав Орловского фронта передать: из состава Западного фронта – б1 А; из состава Центрального фронта – 3 А. Армии передать со всеми частями усиления, тыловыми учреждениями, транспортом и частями связи.

В дальнейшем иметь в виду включение в состав фронта дополнительно одной армии.

3. Назначить командующим войсками Орловского фронта генерал-полковника Рейтера М. А., членами Военного совета – генерал-лейтенанта танковых войск Сусайкова И. З., генерал-майора интендантской службы Шабалина С. И., начальником штаба – генерал-лейтенанта Сандалова Л. М.

4. Штаб Орловского фронта дислоцировать в районе Плавска.

5. Установить разграничительные линии:

а) Между Орловским и Западными фронтами: Алексин – Перемышль, Козельск, Ключсы, Белокамень, Жуково, Дурнево, Хвостовичи, Журиничи – все пункты включительно для Западного фронта.

б) Между Орловским и Центральными фронтами: Куркино, Ефремов, Михайловское, Верховье, Городище, Никольское, ст. Стишь – все пункты, за исключением Никольское, для Орловского фронта.

б. Части связи, тыловые учреждения и транспорт, предназ-

начавшиеся Курскому фронту, передать в полном составе Орловскому фронту.

7. Ответственность за оборону стыка Западного и Орловского фронтов возложить на командующего войсками Западного фронта, за оборону стыка Орловского и Центрального фронтов – на командующего [войсками] Орловского фронта.

8. Получение подтвердить, исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

Доложено по телефону товарищу Сталину и им утверждено

БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 301, 302.

№ 36

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30082 МАРШАЛАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЖУКОВУ И ВАСИЛЕВСКОМУ, ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ РЕЙТЕРУ, КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТОВ О ПЕРЕДАЧЕ 60-й И 38-й АРМИЙ И УСТАНОВЛЕНИИ НОВОЙ РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ МЕЖДУ ФРОНТАМИ

24 марта 1943 г. 12 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 60 А с 24.00 25.3 со всеми частями усиления, тыловыми и транспортными частями передать в состав войск Центрального фронта.

2. 38 А, со всеми частями усиления, тыловыми и транспортными средствами передать в состав войск Воронежского фронта.

3. С 24.00 25.3 установить разграничительную линию между Центральным и Воронежским фронтами: Старый Оскол, Дежовка, Верхний Реутец, Солдатское, ст. Локинская, ст. Коренево, Кролевец. Все пункты, за исключением Старого Оскола, включительно для Центрального фронта.

Ответственность за оборону стыка Центрального и Воронежского фронтов возложить на командующего войсками Центрального фронта.

4. Получение подтвердить, исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

Доложено по телефону товарищу Сталину и им утверждено
БОКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 303.

№ 37

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30085 МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЖУКОВУ, КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ОРЛОВСКОГО, ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТОВ О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ОРЛОВСКОГО ФРОНТА В БРЯНСКИЙ

28 марта 1943 г. 00 ч 30 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 24.00 28 марта 1943 г. Орловский фронт именовать Брянским фронтом.

2. Получение подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 307.

№ 38

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 46090 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА, НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА, КОМАНДУЮЩЕМУ БРОНЕТАНКОВЫМИ И МЕХАНИЗИРОВАННЫМИ ВОЙСКАМИ И НАЧАЛЬНИКУ ТЫЛА КРАСНОЙ АРМИИ О ДОУКОМПЛЕКТОВАНИИ 23, 2 ТАНКОВЫХ И 1-го гв. МЕХАНИЗИРОВАННОГО КОРПУСОВ

30 марта 1943 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 23 и 2 тк, 1 гв. мк оставить как отдельные единицы и доукомплектовать боевой материальной частью танков полностью по штатам, не соединяя их в танковую армию.

2. Командующему БТМВ КА на доукомплектование корпусов за счет резерва Ставки выделить в первую очередь и отправить: для 23 тк – 98 танков Т-34 и 70 танков Т-70 на ст. Купянск; для 2 тк – 98 танков Т-34 и 63 танка Т-70 на ст. Купянск; для 1 гв. мк – 131 танк Т-34 и 42 танка Т-70 на ст. Купянск.

3. Начальнику тыла КА обеспечить доставку танков в пункты дислокации корпусов в следующие сроки:

а) 23 тк – к 3.4.1943 г.;

б) 2 тк – к 18.4.1943 г.;

в) 1 гв. мк – к 15.4.1943 г.

4. Доукомплектование корпусов личным составом и вооружением произвести за счет ресурсов фронта.

5. Укомплектование корпусов закончить:

а) 23 тк – 5.4.1943 г.;

б) 2 тк – 20.4.1943 г.;

в) 1 гв. мк – 17.4.1943 г.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 315, 316.

Документы **Командоваия Воронежского Фронта**

№ 1

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК И КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ЗАМЫСЛЕ ОПЕРАЦИИ ПО ОВЛАДЕНИЮ РАЙОНОМ ХАРЬКОВ, БЕЛГОРОД

21 января 1943 г. 18 ч 00 мин

1. Выполняя Ваши указания, войска первого крыла Воронежского фронта (3-я танковая армия и 18 ск) после окончательной ликвидации группировки противника, окруженной в районе к запа-

ду от железной дороги Лиски – Россошь, своими главными силами к 25 января выйдут на рубеж Новый Оскол, Валуйки, Покровское. 3-я танковая армия будет готова к нанесению удара на Харьков к 28 января в составе двух танковых корпусов (12-й и 15-й), одной отдельной тбр, пяти стрелковых дивизий (48 гв., 62 гв., 160, 111, 184-я), 6-го гвардейского кавкорпуса (двухдивизионного состава с танковой бригадой). Дополнительно в состав армии несколько позднее подойдет еще одна стрелковая дивизия.

2. Считаю целесообразным главный удар 3-й танковой армии наносить в направлении Валуйки, Ольховатка, Печенеги, Чугуев, Мерефа с задачей обойти и взять Харьков с юго-запада. Главный удар наносить силами двух танковых корпусов, четырех сд, одной отдельной тбр по следующему плану: в первый день подвижными частями выйти на линию Ольховатка, на второй день – Печенеги, третий – Рогань, Введенское, четвертый – Мерефа, на пятый-шестой – овладение Харьковом с юго-запада. Стрелковые дивизии армии подойдут к Харькову (ориентировочно) на 8-9-й день.

Обеспечение операции с юга будет возложено на 6-й гв. кавкорпус в направлении Уразово, Двуречная, Шевченко, Андреевка, Алексеевское, ст. Беспаловка.

18 ск в составе трех сд, двух сбр с фронта – ст. Чернявка, (иск.) Валуйки – будет готов к наступлению 28 января с целью обеспечения удара 3-й танковой армии справа. Направление удара – Волоконовка, Волчанок, Непокрытое, Харьков.

3. Войска правого крыла фронта (60, 40-я армии) в составе одиннадцати сд, двух сбр, трех пехотных бригад, 4 тк, трех отдельных танковых бригад после окончания Воронежской операции будут готовы для наступления на Белгород, Харьков (главными силами) с рубежа реки Оскол 30 января.

38-я армия в составе четырех сд после окончательного завершения Воронежской операции будет в дальнейшем использоваться для обеспечения удара 60-й и 40-й армий со стороны Курска.

4. Подвижная группировка правого крыла фронта наносит удар в направлении Старый Оскол, Боброво-Дворское, Белгород, Уды, северо-западная и западная окраины Харькова.

Состав подвижной группировки: 4 тк, сводная группа из трех тбр, три лыжные бригады.

Главный удар стрелковых дивизий 60-й и 40-й армий (все-го десять сд и одна сбр) наносится с фронта Ястребовка, Казачек в общем направлении на Белгород, Харьков с расчетом выхода на северо-западную окраину Харькова на 9-10-й день.

С выходом стрелковых дивизий 60-й и 40-й армий на рубеж Марьино, Александровский, Алексеевка – 38-ю армию развернуть для удара в направлении Ивня с целью обеспечения операции фронта со стороны Курска.

5. Общей задачей предстоящей операции является овладение районом Белгород, Харьков и на 15-20-й день операции выход на рубеж Медвенское, Ракитное, Грайворон, Богодухов, Валки, ст. Власовка для дальнейших действий на Полтаву.

б. Необходимо:

а) Установить разгранлинии Воронежского фронта: с Брянским фронтом – Задонск, Касторное, Теплый Колодезь, Обоянь, Ворожба, из них первые два [пункта] для Воронежского, остальные – для Брянского фронта включительно; с Юго-Западным фронтом – Верхний Мамон, Покровское, Купянск, Шевченково, Змиев, Полтава (все пункты для ЮЗФ включительно).

б) Одновременно нанести удар левым крылом Брянского фронта в общем направлении на Курск с выходом на линию Курск, Обоянь.

в) Усилить Воронежский фронт одной артдивизией и одной дивизией РС.

г) В связи с тем, что выделенные фронту 100 танков «россыпью» идет на укомплектование только ЗТА, просим отпустить фронту дополнительно 100 танков «россыпью» для доукомплектования отдельных танковых бригад.

7. Просим рассмотреть и утвердить план.

МИХАЙЛОВ
ФИЛИППОВ
ФЕДотов
ИЛЬИН

№ 2
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 0028 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ В ПОЛОСЕ
ФРОНТА К НАЧАЛУ ВОРОНЕЖСКО-КАСТОРНЕНСКОЙ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

24 января 1943 г. 24 ч 00 мин

1. В течение прошедших суток войска фронта производили перегруппировку, ликвидировали остатки окруженного противника; частями 40 А с 13.00 24.1 перешли в наступление.

38-я армия. Войска армии обороняли прежние рубежи, производили перегруппировку.

60-я армия. Войска армии укрепляли занимаемые позиции, производили перегруппировку; на левом фланге отражали контратаки и разведпоиски противника.

Части 141 сд в 2.00 24.1 в районе Хмелевого Леса отразили контратаку противника силой до двух батальонов пехоты. Ночью подразделения дивизии отразили разведку противника в районе излучина реки Дон, юго-восточнее Юневка.

Подразделения 253 сбр вели бой за овладение Прокудино.

40-я армия. Войска армии производили перегруппировку, вели бой по окончательной ликвидации окруженной группы противника; с 13.00 24,1 ведут наступательные бои, продвигаясь в северном и северо-западном направлениях.

Части 129 сбр (с 6 ибр), 183 сд, 25 гв, сд и 309 сд, перейдя в наступление с 13.00, овладели Каменным Буераком, Фроловом и передовыми частями ведут бой на рубеже южная окраина Семидесятское, Скупой, северная окраина Бочаров, северная окраина Фролов, Пасечная, Логвиновка.

В районе вые. 236,2 захвачены пленные 199 пп 57 пд.

Части 4 тк, пройдя в 12.00 рубеж Лебяжье, сев. скаты выс. 231,9 (5 км сев.-зап. Лебяжье), продолжали наступать в северо-западном направлении.

Части 305 и 340 сд окончательно ликвидировали окруженного противника в районе Иловское, Подсередное, лес сев.-вост. Алексеевка, полностью очистили от противника Подсередное. В Колтуновке разгромлен гарнизон, захвачено 2000 пленных, 300 лошадей, 250 автомашин, свыше 300 повозок, склады с боеприпасами и с продовольствием, уничтожено свыше 200 солдат и офицеров противника.

18 ск. Части корпуса ликвидировали в отдельных пунктах мелкие группы противника и продолжали наступление в западном направлении.

3 ТА. Части армии продолжали совершать марш в назначенные районы, отражали попытки окруженного противника прорваться в направлении Малакеевки.

По предварительным данным, в районе Шелякино, Осадчий за 23 и 24.1 захвачено 1050 пленных.

6 гв. кк. Части корпуса сдавали оборонительную полосу в Валуйки, Уразово частям 184 сд.

2. Противник на левом фланге 60 А в течение ночи переходил в контратаку силой до двух батальонов пехоты при поддержке огня артиллерии и минометов, вел разведку; в полосе наступления частей 40 А оказывал сильное огневое сопротивление, отходя на новые рубежи.

Противник, окруженный в районе Шелякино, Осадчий, продолжал предпринимать попытки прорваться из окружения в направлении Малакеевки.

3. 25.1.1943 г. войска 38-й армии продолжают перегруппировку, части 60 и 40 А продолжают наступление согласно плану; части 18 ск и 3 ТА продолжают выдвижение на запад, ликвидируя оставшиеся в тылу окруженные части противника.

ФИЛИППОВ
ФЕДОТОВ
ИЛЬИН

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 428. Л. 83-85.

№ 3
ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О НАЧАЛЕ НАСТУПЛЕНИЯ С
ЦЕЛЬЮ ОКРУЖЕНИЯ И УНИЧТОЖЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ
ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

26 января 1943 г.

Докладываю, что войска Воронежского фронта, выполняя Ваш приказ, после проведенной перегруппировки 25 января перешли в наступление из района Ново-Солдатка, Истобное, Роговато-Погорелое в северо-западном направлении и из района Солдатское, Тербуны 2-е в южном направлении с задачей окружения и уничтожения воронежской группировки противника, состоящей из шести немецких и одной венгерской дивизий.

Войска 40-й армии и левое крыло 60-й армии в течение 25 и 26 января сломали сопротивление противника и, уничтожая и отбрасывая его, успешно продвигаются вперед.

За два дня на главном направлении войска продвинулись на 25-40 км, освободили до 60 населенных пунктов Воронежской области и вошли в пределы Курской области. В числе занятых пунктов станция и районный центр Горшечное, крупные населенные пункты: Нижнее-Гнилое, Старо-Меловое, Архангельское, Дмитриевка, Солдатское, Городище 1-е, Городище 2-е, Роговое.

На участке 38-й армии войска прорвали оборону противника и за один день 26.1 продвинулись на 8 километров.

Противник под угрозой полного окружения начал отход с рубежа реки Дон. Против наступающих наших войск с севера и юга противник оказывает сопротивление.

Количество пленных трофеев подсчитывается.

На других участках фронта продолжается успешное продвижение наших войск и ликвидация окруженных отдельных частей противника.

За период с 24 по 26 января пехота 18 ск и 3 ТА продвинулась на 45-50 км, освободила большое количество населенных пун-

ктов, в том числе районные центры Буденное, Никитовка и крупные населенные пункты: Николаевка, ст Полатовка и населенный пункт Полатовка, Большое Быково, Боровое, Болотово, Ново-Пузино, Фощеватое, Валуй.

Захвачено за тот же период до 1760 пленных.

Наступление наших войск успешно развивается.

ФИЛИППОВ
ИЛЬИН

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 301. Л. 55-56.

№ 4
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ЗАВЕРШЕНИИ
ОКРУЖЕНИЯ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ
СТАРЫЙ ОСКОЛ И ГОРШЕЧНОЕ

4 февраля 1943 г. 22 ч 00 мин

29 января 1943 г. войсками Воронежского фронта в районе Старый Оскол и Горшечное была окружена крупная группировка противника общей численностью до 20 000 чел. На протяжении последних дней нашими частями эта группировка была разобщена и подвергнута уничтожению. В результате боев из ее состава уничтожено около 5000 и взято в плен 8050 чел.

Все попытки окруженных прорвать кольцо наших войск потерпели крах. По показанию взятого в плен (со своим штабом) командира 3-го армейского корпуса венгров генерал-майора Штомма, в замкнутом кольце окружения осталось 5 тыс. солдат и офицеров. Тылы, обозы, автотранспорт этой группировки уничтожены.

Окруженные ощущают острый недостаток в боеприпасах и продовольствии. Имеется большое количество обмороженных. Захваченные трофеи подсчитываются.

За время наступления наших войск западнее Воронежа с 25 января по 4 февраля с г. только войсками Воронежского фронта взято в плен 22 000 солдат и офицеров противника.

ФИЛИППОВ
ФЕДОТОВ
ФЕДОРОВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 301. Л. 63-64.

№ 5
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 0048 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О БОЯХ ПО ОВЛАДЕНИЮ
КУРСКОМ И БЕЛГОРОДОМ

8 февраля 1943 г. 24 ч 00 мин

1. Войска фронта 8.2 главными силами продолжали наступление в западном и юго-западном направлениях, вели бой за овладение городами Курск и Белгород и отражали на отдельных участках контратаки противники, частью сил уничтожали окруженную в районах Сенное, Чепелки, Верхние Апочки и Покровка, Крутые Верхи, Мочаги группировку противника.

В 15.00 8.2.1943 г. нашими войсками занят г. Курск.

60-я армия. Войска армии 8.2.1943 г. вели напряженные бои за овладение г. Курск. Противник остатками 82 пд, 340 пд и вновь подошедшими из района Орла 4 тд (с 19 танками) оказывал упорное сопротивление, контратакуя силой до полка пехоты наши части из района г. Курск.

Войска армии к 15.00 8.2 овладели г. Курск.

Части армии овладели рядом населенных пунктов, в том числе Медвенское, Знаменкой, Кочегуровкой, перерезав шоссейную дорогу Курск – Обоянь.

С целью воспрепятствовать выходу из окружения противнику, прорвавшемуся через боевые порядки частей 38 А в район Плоское, фронтом на восток выброшен батальон 104 сбр. Прорвавшиеся группы противника подходили к Афанасьевке.

38-я армия. Части армии в течение дня вели упорные бои с окруженными группами противника в районах Сенное, Чепелки, Верхние Апочки и Покровка, Крутые Верхи, Мочаги.

Противник с дороги Старый Оскол – Тим в районе Останино часть колонны пехоты и обозов стремился повернуть на Нечаево, основными силами пробивался на Тим.

40-я армия. Войска армии правым крылом вели упорные бои за Белгород, левофланговыми частями вели успешное наступление в юго-зап. направлении.

Противник в районе Белгорода оказывал упорное сопротивление, на левом крыле препятствовал продвижению наших войск отдельными узлами сопротивления.

В течение 8.2 части армии овладели рядом населенных пунктов, в том числе Болоховец, Архангельское, Покровка, Ново-Троевка, Неклюдово, Б. Городище, Цепляевка 2-я, Репное, и ведут бои в сев. и сев.-зап. части Белгорода, за Никольское, Купино.

4 тк препятствовал окруженной группировке противника прорваться на Ястребовку, отбив все атаки противника и нанеся ему потери до 400 солдат и офицеров убитыми.

По дополнительным данным, частями 309 сд в районе Корочи взято в плен 200 солдат и офицеров противника, захвачено 13 орудий, 4 танка, 12 тыс. снарядов, 35 автомашин, 500 винтовок, склад с продовольствием.

Противник оставил на поле боя до 350 трупов.

69-я армия. Войска армии, преодолевая упорное сопротивление частей СС противника, продолжали наступление в общем направлении на Волчанок.

Противник на правом крыле армии оказывал сопротивление отдельными группами пехоты, против левого фланга переходил в неоднократные контратаки пехотой при поддержке танков.

Части армии в первой половине дня овладели населенными пунктами Терновая. Белянка, Черное, Бабышкино, Волков и вели упорные наступательные бои с пехотой и танками противника на рубеже Захаровка, Ивановка, Благодатное.

За время боев с 1 по 5.2 частями армии взято в плен 1500 солдат и офицеров и захвачены трофеи: пулеметов – 56, грузовых

автомашин – 88, орудий – 43, радиостанций – 2, мотоциклов – 6, бронемашин – 3, складов с боеприпасами – 1, муки – 90 т.

3 ТА. Войска армии продолжали вести наступательные бои, преодолевая упорное сопротивление противника в районе Приколотное, Подсередное. Противник на правом фланге армии оказывал упорное сопротивление, переходя а контратаки. На левом фланге частично отходил в западном направлении.

Стрелковые дивизии армии вели бои в районах Гогино, Приколотного, Великого Бурлука, южн. и вост. окраин Печенеги, Скрипки.

Танковые соединения: 15 тк – 52 мсбр ведет бой в Печенеги, 12 тк – в Малиновке.

6 гв. кк главными силами сосредоточен в районе Петровское, Пришиб-1, овладел Андреевкой и Червоным Донцом.

2 ВА уничтожала скопление танков и живой силы противника в районе Приколотное, Волков, Белый Колодезь, Ново-Александровка. Произведено 38 самолето-вылетов. Уничтожено 7 танков, 5 автомашин. Рассеяно и частично уничтожено до батальона пехоты противника.

2. Противник в течение 8.2.1943 г. окруженной группировкой в районе восточное Останино продолжал оказывать упорное сопротивление и контратаками пробивался в направлениях Тима и Нечаево.

На правом крыле 3 ТА противник переходил в неоднократные контратаки пехотой и танками. На остальном фронте оказывал сопротивление в отдельных узлах обороны.

В районе г. Курск оказывали сопротивление части 4 тп противника.

3. Войска фронта 9.2.1943 г. продолжают наступление в западном и юго-западном направлениях, уничтожая одновременно окруженную группировку противника в районе Останино и мотомехгруппу в районе Приколотного.

ФИЛИППОВ
ФЕДОТОВ
ПЕТРОВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 428. Л. 137-140.

№ 6
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 0054 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ НАСТУПЛЕНИЯ
ЧАСТЕЙ ФРОНТА НА ХАРЬКОВСКОМ И ДРУГИХ
НАПРАВЛЕНИЯХ

16 февраля 1943 г. 24 ч 00 мин

1. Войска фронта 16.2.1943 г., сосредоточив основные усилия для овладения г. Харьков, продолжали одновременно вести наступательные бои за Обоянь, Грайворон и Богодухов.

В результате пятидневных напряженных боев, разбив отборные части СС противника ударом с запада, востока и юго-востока, наши войска в первой половине дня овладели г. Харьков.

60-я армия. Войска армии в ночь на 16.2 приводили части в порядок, готовились к продолжению наступления; днем возобновили наступление в направлении Льгова.

Противник оказывал упорное огневое сопротивление наступлению наших частей.

До 16.00 16.2 части армии, отбивая контратаки подразделений пехоты противника с танками, продолжали вести бой на прежних рубежах.

38-я армия. Войска армии, передовыми частями уничтожая разрозненные мелкие группы пехоты противника, продолжали выдвигаться в юго-западном направлении.

К исходу 15.2 основные силы армии подходили к рубежу Котово, Бобрышево, Беленихино.

Более поздних сведений о положении частей не поступило.

40-я армия. Войска армии главными силами во взаимодействии с частями 69 А и 5 ТА вели уличные бои в западной и северо-западной части г. Харьков и, достигнув центра города, продолжали очищать его от мелких групп противника.

Части 25 гв. сд, 305, 340, 183, 100 сд и 5 гв. Сталинградского тк в первой половине дня овладели западной и северной частью города. Противник частями СС оказывал упорное сопротивление, пытаясь отойти в направлении Полтава и Люботин.

Часть сил армии (303,107 и 309 сд) вела бои за Обоянь, Грайворон и Богодухов на прежних рубежах.

69-я армия. Войска армии, преодолевая упорное огневое сопротивление на подступах к г. Харьков, в первой половине дня вели уличные бои в восточной части города и овладели ею.

Противник на подступах к г. Харьков оказывал упорное огневое сопротивление, с рассвета мелкими группами начал отход на г. Харьков и далее в направлении Полтава, Люботин.

По овладении восточной частью города войска армии сосредоточились в районах платформы Руднева, пос. Халтурина, ст. Левада, пос. Шевченко, пос. Ворошилова.

3 ТА. Войска армии основными силами во взаимодействии с частями 40-й и 69-й армий вели бои за захват юго-восточной части г. Харьков, частью сил (12 тк, 111 сд) уничтожали противника в районе Васищево, Боровое, препятствуя отходящей от Змиева группировке противника прорваться на г. Харьков.

В первой половине дня, ворвавшись в юго-восточную часть города, войска армии полностью овладели ею.

Оставив 62 гв. сд гарнизоном в г. Харьков, части армии выдвигались на рубеж Песочин, Коротич, Березовое, Южный.

6 гв. кк днем 16.2 из района Большой Гомольши выдвигался в направлении Соколово, Миргород.

Положение частей корпуса уточняется.

2. Противник на правом крыле фронта и гарнизонами в Обояни, Грайвороне и Богодухове оказывал упорное сопротивление наступающим нашим частям, в районе г. Харьков разбитые части СС пытались пробиваться на запад и юго-запад.

3. Войска фронта 17.2.1943 г. на левом крыле продолжают наступление; на правом крыле выходят на свои армейские направления в пределах новых разгранлиний: 60 А – наступает на Льгов; 38 А – выходит для наступления в направлении Сум; 69 А – на Ахтырку; 3 ТА – на Полтаву.

ФИЛИППОВ
ФЕДОТОВ
ПЕТРОВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 428. Л. 165-167.

№ 7
ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО
ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
ПЛАНА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК ФРОНТА

1 марта 1943 г.

До ликвидации наступления противника на Харьков в стыке Юго-Западного и Воронежского фронтов для обеспечения устойчивости Воронежского фронта прошу утвердить следующий план действий.

1. Фронту в основном перейти к временной обороне.

2. Наступательные действия ограничить целью захвата пунктов Льгов, станция Суджа.

3. Привести войска в порядок:

а) подтянуть и влить людское пополнение в дивизии, которые стали слишком малочисленны (три-пять тыс. человек);

б) подтянуть из глубокого тыла запасы вооружения, пополнить ими войска;

в) подтянуть склады и пополнить фронтовые войсковые запасы;

г) упорядочить санитарный тыл, подтянув санучреждения и эвакуировав массу раненых.

4. Оборону занять на сокращенном фронте, который и обеспечил бы относительно большую компактность расположения войск, позволил бы выделить армейские и фронтовой резервы, а именно, на рубеже Гряды, Льгов, ст. Суджа, Мирополье, станция Басы, Бишкинь, Олешня, Котельва, Большая Рублевка, Чутово, (иск.) Старая Ольховатка.

5. Сектор Старая Ольховатка, Кегичевка возложить на обеспечение частью сил Рыбалко.

6. После перегруппировки на этот рубеж частью сил 38 А овладеть г. Суджа, а частью сил 40 А – овладеть г. Сумы.

ГОЛИКОВ
ПИЛИПЕНКО

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 69. Л. 47-48.

№ 8
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 0568 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПРОРЫВЕ ПРОТИВНИКОМ
ОБРОНЫ И НАСТУПЛЕНИИ ЕГО НА ХАРЬКОВ

Копия: Михайлову (нас. пункт Валуйки)

7 марта 1943 г. 06 ч 15 мин

Противник, перейдя 6 марта в общее наступление на фронте армии Рыбалко и левого фланга армии Казакова общим числом до 300 танков, 5 дивизий и 300 самолетов, прорвав фронт в направлении Мерефа, Новая Водолага, Валки, обходит наши узлы сопротивления и развивает удар на Харьков.

1. Прошу срочно передать в мое распоряжение танковый корпус Баданова.

2. Передать хотя бы две сд, из числа подходящих в Район Чугуева.

3. Поддержать авиацией Фалалеева.

4. Помочь наступлением правого крыла Ватутина в направлении Андреевка, Староверовка.

ФИЛИППОВ
ФЕДОТОВ
СЕРГЕЕВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 301. Л. 109.

№ 9
ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ С АНАЛИЗОМ ОБСТАНОВКИ
В ПОЛОСЕ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА И ПЛАНОМ ДАЛЬ-
НЕЙШИХ ДЕЙСТВИЙ

15 марта 1943 г. 15 час 00 мин

1. Докладываю обстановку на Воронежском фронте к утру 15.3 и свои предложения по ней.

1. Наступление подвижной группы противника из района Борисовки, имевшей по показанию пленных задачей во второй половине 14.3 захватить Белгород и во взаимодействии с ударом из района Липцы на север окружить наши войска южнее Белгорода, остановлено. Корпус Вовченко, действовавший на Борисовку 14.3 своей 3 тбр и приданной 96 тбр, к исходу дня отбросил танки противника (до 65) в Борисовку и полуокружил последнюю. С утра 15.3 с подходом к Борисовке остальных двух тбр корпуса началась ликвидация этой группы противника.

Направления от Харькова на север по Белгородскому шоссе и северо-восточнее Харькова в обход Белгорода с востока прикрывает армия Казакова, усиленная корпусом Баданова (до 120 танков).

2. На фронте Чибисова и Черняховского изменений нет.

3. Армия Рыбалко в тяжелых условиях продолжает выход на восточный берег р. Сев[ерский] Донец на фронт Мартовая, Печенеги, Чугуев, Шалудьковка. Подробных данных о состоянии вышедших соединений сейчас не имею. Противник, преследуя Рыбалко, подошел к западной окраине Чугуева. Приняты меры не допустить противника к реке Сев[ерский] Донец, быстро собрать армию Рыбалко в районе Мартовая, Печенеги.

4. Армия Чистякова к утру 16.3 заканчивает сбор и развертывание на р. Псел в районе Обояни. По данным из Курска и Москвы, эшелоны Катукова 15.3 направляются на Курск, где сегодня и приступят к выгрузке.

II. Считаю целесообразным:

1. Армию Чистякова к утру 17.3 выдвинуть на рубеж Пены (15 км вост. Белое), Покровка, Гостищево и с этого рубежа 18-19.3 перейти в наступление в общем направлении через Борисовку, Золочев в обход Харькова, харьковской группировки противника с запада. С выходом армии южнее Борисовки – армию усилить корпусом Вовченко.

Выход [этой] армии на указанный рубеж прикрыть армией Москаленко, оставив в его распоряжении до 18.3 корпус Вовченко.

2. С выходом 21-й армии в район южнее Борисовки армию Москаленко уплотнить на фронте Краснополье, Головчино с задачей наступлением на Ахтырку обеспечивать фланг 21-й армии.

3. Одновременно армией Казакова, усиленной корпусом Баданова, нанести удар по Харькову с севера и северо-востока.

Общая цель операции – вырвать инициативу у противника сев. и сев.-зап. Харькова, разбить харьковскую группировку противника и тем самым, еще до подхода армии Катукова, ликвидировать угрозу наступления противника на север в тыл армиям Воронежского фронта или на восток.

4. Армию Рыбалко с 16.3 передать в состав Юго-Западного фронта, поставив перед фронтом задачу прочной обороны восточного берега р. Сев[ерский] Донец. Разграничительную линию с 22.00 15.3 между Воронежским и Юго-Западным фронтом установить: Волоконовка, Волчанок, Харьков, все [пункты] для Воронежского фронта включительно.

5. Армию Шумилова по мере прибытия дивизий подивизионно немедленно выдвигать на р. Сев[ерский] Донец на фронт Белгород, Волчанок. Одна из ее дивизий 15.3 уже выходит в район Волчанска. Дальнейшее использование армии – в зависимости от обстановки к моменту развертывания ее на р. Сев[ерский] Донец, наиболее вероятно между Москаленко и Чистяковым на усиление полтавского направления.

6. Армию Катукова по мере прибытия в Курск ее корпусов немедленно выдвигать и собирать в районе Обоянь, Медвенское. Ее сбор в этом районе прочно обеспечит как сумское, так и конотопское направление. После сбора считаю необходимым двинуть ее для развития наступления по совместной с Юго-Западным фронтом ликвидации противника в Донбассе.

7. Корпус Вовченко с захватом Харькова и с началом выдвижения на юг армии Катукова передать Юго-Западному фронту.

МИХАЙЛОВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 71. Л. 352-356.

№ 10
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 0640 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПЕРЕХОДЕ ПРОТИВНИКА
В НАСТУПЛЕНИЕ В ПОЛОСЕ 69-й АРМИИ И МЕРАХ
ПО ЕГО ОТРАЖЕНИЮ

18 марта 1943 г. 16 ч 15 мин

Противник крупными танковыми силами с 13.00 18.3 перешел в наступление для нанесения удара по армии Казакова со стороны Борисовки и с юга – от Липцы.

[В] 13.00 18.3 по донесению шт[аба] арм[ии] Казакова противник танками и мотопехотой прорвался к северу от Липцы и занял Бродок (18 км южнее Белгорода).

К этому же времени 100 танков с мотопехотой двигались от Борисовки на Орловку.

Приняты меры ударом всей наличной армии и танковых корпусов задержать противника, чтобы не допустить окружения армии Казакова и захвата Белгорода.

ФИЛИПОВ
ПЕТРОВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 301. Л. 154.

№ 11
ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАВКИ ВГК ВЕРХОВНОМУ
ГЛВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ
НА ВОРОНЕЖСКОМ ФРОНТЕ

20 марта 1943 г. 04 ч 45 мин

Докладываем обстановку у Филиппова к исходу 19.3.1943 г.

Личным посещением войск 19.3 установили, что 18.3 Белгородом противник овладел не с запада, а со стороны Борисовки, как об этом доносилось, а ударом с юга через армию Казакова. В течение сегодняшнего дня противник свои усилия направлял со сторны Борисовки на Томаровку и в 18.00 овладел

Томаровкой, Мощеное. На остальных направлениях ограничивался действиями мелких отрядов и вел огневой бой.

Войска Филиппова, выполняя приказ, организуют оборону на указанных во вчерашнем донесении рубежах.

Армия Чистякова полностью развернулась и заканчивает организацию обороны в огневом и инженерном отношении.

До сих пор скверно с управлением, особенно у Казакова. Казаков фактически войскам и не управляет, а о двух дивизиях (340-й и 107-й) совершенно не имеет данных.

Филиппов прибыл [в] Обоянь. Его штаб в процессе перехода.

Войска всех армий фронта в результате длительных непрерывных боев сильно истощены, малочисленны и не имеют артиллерии, минометов, ПТР и станковых пулеметов. Все это ГАУ занаряжено и находится в пути.

Войска армии Катукова и Шумилова по-прежнему поступают весьма медленно.

КОНСТАНТИНОВ
МИХАЙЛОВ
НИКИТИН

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 73. Л. 3-4.

№ 12

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАВКИ ВГК ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХАРАКТЕРЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ ВОЙСК ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ г. БЕЛГОРОД

21 марта 1943 г. 23 ч 35 мин

21.3 противник вел силовую разведку группами 10-15 танков при поддержке авиации из района Томаровки в северном и северо-западном направлениях, производил переброску пехоты и артиллерии из района Староселья в направлении Грайворона.

Севернее Белгорода противник сегодня активности не проявлял. Передовые отряды Чистякова вдоль Белгородского шоссе начали оттеснять противника на юг и достигли рубежа Шопино.

В районе Белгорода противник группой танков и автомат-
чиками в ночь на 21.3 переправился через реку Сев[ерский]
Донец и захватил Михайловку. Сейчас идет бой за очищение
от противника Михайловки.

В связи с пассивным действием противника севернее Бел-
города приказали Филиппову активизировать действия пере-
дových отрядов на участке Белгород, Томаровка. При благопри-
ятных условиях в ближайшие дни постараемся выйти на же-
лезную дорогу Томаровка – Белгород и захватить Белгород.

КОНСТАНТИНОВ
МИХАЙЛОВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 73. Л. 25

№ 13
ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ
НА ВОРОНЕЖСКОМ ФРОНТЕ

23 марта 1943 г. 02 ч 20 мин

За 22.3.43 г. изменений в положении войск Воронежского
фронта не произошло. Армии фронта продолжали укреплять
оборону и на отдельных направлениях отражали атаки танков
и пехоты [противника].

Боем и авиаразведкой определяются два района, в которых
противник группирует танковые части и пехоту, это район Бел-
город, Стрелецкое и район Томаровка, Драгунское. По доку-
ментам убитых, на Белгородском шоссе установлена дивизия
СС «Адольф Гитлер», на томаровском направлении были взя-
ты пленные танковой дивизии СС «Великая Германия».

Сегодня на участке армии Чистякова противник из района
Болховец, Драгунское (восточнее) силою в 20 танков, 5 броне-
машин, 600 чел. мотопехоты при поддержке 6 самоходных
орудий атаковал передовой отряд Чистякова в районе Казац-
кое, Марьевка. В результате боя, длившегося почти целый

день, противник потерял три танка, три бронемшины и до 100 чел. пехоты.

На всем фронте армии Москаленко противник вел наступление пехотой. В течение всего дня бой шел на линии передовых отрядов и противнику не удалось подвинуться к переднему краю обороны.

Личным выездом в 52 гв. сд установил, что 20.3 из Белгорода вдоль шоссе на Обянь противник наступал силами 45 танков, 15 бронемашин и до двух батальонов мотопехоты, но, встретив организованный огонь обороны 52 гв. сд и потеряв 13 танков и 5 бронемашин, отошел в район Оскочное, оставив перед краем обороны 87 трупов. По сведениям местных жителей противник с поля боя всю ночь вывозил трупы и подбитые танки. Очень хорошо накрыли мотопехоту противника наши РС.

КОНСТАНТИНОВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 73. Л. 48-50.

№ 14

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ НА ВОРОНЕЖСКОМ ФРОНТЕ

25 марта 1943 г. 06 ч 00 мин

25.3 противник перед войсками Воронежского фронта проводил силовую разведку в районе Солдатское и вел бой небольшими группами пехоты. По-прежнему противник удерживает западную половину Михайловки.

Армия Москаленко полностью перегруппировалась в свои новые границы и заняла оборону на рубеже Успенское (1 км сев. Краснополье), Покровка, Высокий, Красное, Ворсклица, Смирнов. Дивизии, выведенные для восстановления (161, 180 и 309-я), на 25.3 собрали и пополнили от 1800 до 2400 чел. В ближайшее время они будут доведены до 5 тыс. чел. каждая. По-прежнему у Москаленко плохо со станковыми пулеметами,

минометами и артиллерией в дивизиях. Принимаем меры поскорее вооружить эти дивизии.

Армия Чистякова сегодня начала выдвигание вперед на 6-7 км для занятия нового оборонительного рубежа на линии Дмитриевка, Приречное, Каменный Лог, Шопино, Петропавловка. Две его дивизии займут оборону в глубине, на рубеже Раков, Шепелевка, Яковлево, Тетеревино.

Армия Шумилова, включив в свой состав из армии Казакова 167, 160, 183 сд и 6 гв. кк, заняла оборону по вост. берегу реки Сев[ерский] Донец от Шишино до 1-го Советского (8 км юго-зап. Волчанска).

Армия Казакова – управление армии, 270, 305 и 340 сд выводятся в резерв фронта. Выводимые дивизии сейчас имеют в своем составе: 270 сд – 1112 чел., 305 сд – 1535 чел. и 107 сд – 456 чел. Эти дивизии имеют всего один станк. пулемет, 7 орудий и 7 минометов.

Крюченкин прибыл к Филиппову и 25.3. выехал для приема армии от Казакова. Я нахожусь у Филиппова.

КОНСТАНТИНОВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 73. Л. 101.

№ 15
ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПОТЕРЯХ В ЛИЧНОМ
СОСТАВЕ И ХОДЕ ИХ ВОСПОЛНЕНИЯ

27 марта 1943 г.

За период трехмесячных боев 69-я армия понесла большие потери. Некомплект семи стрелковых дивизий 69-й армии при укомплектовании их до 8 тыс. человек каждую составит 45 тыс. человек.

В декабре 1942 г. фронту было занаряжено 18 тыс. человек маршевого пополнения, из которого с февраля по настоящее время получено и влито в части 13 тыс. чел.

Все внутренние ресурсы использованы для восстановления соединений 40-й армии и трех дивизий, выделенных в резерв фронта.

Для восстановления выведенных в резерв дивизий 69-й армии просим Вас направить фронту в первой половине апреля 45 тыс. человек маршевого пополнения.

Командующий войсками Воронежского фронта
генерал-полковник ГОЛИКОВ

Члены Военного совета Воронежского фронта
генерал-лейтенант ХРУЩЕВ
генерал-лейтенант КУЗНЕЦОВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 73. Л. 180.

№ 16

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ УДАРЕ ПРОТИВНИКА И НЕОБХОДИМОСТИ УСИЛЕНИЯ ВОЙСК ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА

29 марта 1943 г. 19 ч 30 мин

По данным разведки, противник на харьковском направлении собирает авиацию. Есть сведения, что на это же направление подтягивается авиакорпус Рихтгофена. Я предполагаю, что противник собирает авиацию для массированного удара совместно с группой своих танковых дивизий по нашей группировке к северу от Белгорода.

Воронежский фронт имеет очень мало зенитных средств и к отражению массированного удара авиации противника не подготовлен. В армии Катукова никаких зенитных средств нет. Прошу для прикрытия армии Катукова и для Воронежского фронта перебросить две зенитные дивизии, одну через Курск, другую через Валуйки, Новый Оскол. Эти дивизии можно взять с Сев.-Зап. фронта.

КОНСТАНТИНОВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 73. Л. 210.

№ 17

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ С ОЦЕНКОЙ ПРОТИВОСТОЯЩЕЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА И ВОЗМОЖНЫХ ВАРИАНТАХ ЕЕ ДЕЙСТВИЙ

12 апреля 1943 г. 15 ч 30 мин

Перед Воронежским фронтом в настоящее время установлено:

1. Пехотных дивизий в первой линии – девять (26, 68, 323, 75, 255, 57, 332, 167-я и одна дивизия невыясненной нумерации). Эти дивизии занимают фронт Красно-Октябрьское, Большая Чернетчина, Краснополье, Казацкое. Дивизия неизвестной нумерации, по показаниям пленных, выдвигается к району Солдатское и должна заменить 332 пд. Эти данные подтверждаются.

Есть непроверенные данные, что во втором эшелоне имеются шесть пехотных дивизий. Положение их пока не установлено, и эти данные проверяются.

В районе Харькова, по данным радиоразведки, отмечается штаб венгерской дивизии, которая может быть выдвинута на второстепенное направление.

2. Танковых дивизий всего сейчас шесть («Великая Германия», «Адольф Гитлер», «Мертвая Голова», «Райх», 6-я и 11-я), из них три дивизии в первой линии и три дивизии («Великая Германия», 6-я и 11-я) во второй линии. По данным радиоразведки, штаб 17 тд переместился из Алексеевское в Тарновку, что говорит о выдвигении 17 тд на север.

По наличию сил противник имеет возможность дополнительно вывести в район Белгорода до трех тд с участка Юго-Западного фронта.

Таким образом, следует ожидать, что противник перед Воронежским фронтом сможет создать ударную группу силою до десяти танковых дивизий и не менее шести пехотных дивизий, всего до 1500 танков, сосредоточение которых следу-

ет ожидать в районе Борисовка, Белгород, Муром, Казачья Лопань.

Эта ударная группа может быть поддержана сильной авиацией, численностью примерно до 500 бомбардировщиков и не менее 300 истребителей.

Намерения противника – нанести концентрические удары: из района Белгорода на северо-восток и из района Орла на юго-восток с тем, чтобы окружить наши войска, находящиеся западнее линии Белгород, Курск. В дальнейшем следует ожидать удара противника в юго-восточном направлении во фланг и тыл Юго-Западному фронту с тем, чтобы затем действовать в северном направлении.

Однако не исключена возможность, что в этом году противник откажется от плана наступления на юго-восток и будет проводить другой план, а именно: после концентрических ударов из районов Белгорода и Орла он наметит наступление на северо-восток для обхода Москвы.

С этой возможностью следует считаться и соответственно готовить резервы.

Таким образом, перед Воронежским фронтом противник вероятнее всего будет наносить главный удар из района Борисовка, Белгород в направлении на Старый Оскол и частью сил на Обоянь, Курск. Вспомогательные удары следует ожидать в направлениях Волчанок, Новый Оскол и Суджа, Обоянь, Курск.

Для крупного наступления противник сейчас не готов еще. Начала наступления следует ожидать не ранее 20.4.1943 г., а вероятнее всего в первых числах мая.

Однако частных атак можно ожидать в любое время. Поэтому от наших войск требую постоянной самой высокой готовности.

ВАТУТИН
ХРУЩЕВ
КУЗНЕЦОВ
КОРЖЕНЕВИЧ

Листовки
Главного Политического Управления РККА

№ 1
ОБРАЩЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ К
НЕМЕЦКОМУ ГАРНИЗОНУ г. ХАРЬКОВ С ПРИЗЫВОМ
СЛОЖИТЬ ОРУЖИЕ

10 февраля 1943 г.
ПРОЧТИ И РАССКАЖИ ТОВАРИЩУ!

К немецкому гарнизону города Харьков

Немецкие офицеры и солдаты!

Наступление Красной Армии успешно продолжается. За последние 3 недели войска Красной Армии разгромили в районе Воронежа 24 дивизии противника.

Курск, Белгород, Короча, Шебекино, Изюм, Барвенково, Лисичанск, Краматорская – в наших руках. Харьков находится под ударами советских войск. Жалкие остатки разбитых на Дону немецких дивизий бегут на запад.

Ваша судьба предрешена: если вы будете оказывать сопротивление – вы будете уничтожены беспощадно. Охваченные со всех сторон железным кольцом вы имеете только один путь, чтобы спасти себе жизнь: сложить оружие и сдаться в плен.

Мы не выпустим вас из Харькова. Мы вас уничтожим, если вы будете оказывать сопротивление, и сохраним вам жизнь, если вы сложите оружие и сдадитесь в плен.

Не бойтесь плена. Свыше 320 000 ваших товарищей сдались нам в плен в последние 2 месяца. Среди них командующий 6-й немецкой армией – генерал-фельдмаршал Паулюс, 32 генерала и несколько тысяч офицеров.

Следуйте их примеру!

Складывайте оружие и сдавайтесь в плен.

Врага, сложившего оружие, мы больше не считаем врагом.

Спасайте свою жизнь, пока не поздно.

В плену вам гарантировано сохранение жизни, достаточное питание, теплое помещение и возвращение на родину после войны.

Командование Красной Армии
Пропуск
ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2847. Д. 119. Л. 220-221.

№ 2
ЛИСТОВКА № 2314 ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ РККА

3 января 1943 г.

12 марта 1942 г. на многолюдном собрании партии венгерского единства; премьер Каллаи заявил:

«В Венгрии никто голодать не будет...». «Продовольственные нормы достигли низшего предела и дальше снижать их нельзя».

18 марта 1942 г. премьер Каллаи в парламенте обещал, что «война скоро кончится. В первую очередь скоро и победоносно закончатся бои, которые касаются наших границ».

30 июня 1942 г. премьер Каллаи сказал корреспонденту немецкой газеты «Локаль Анцайгер»:

«После победоносных боев летом будет внесена ясность в положение Европы. Война закончится этим летом, и новое оформление Европы может начаться еще в этом году».

А 1 декабря правительство снизило хлебную норму до 150 граммов. В Венгрии официально введен голод.

С тех пор прошло 10 месяцев. С тех пор на русской земле погибло 100 000 гонимых, а обещанного конца войны не видно.

Прошло лето. Кончилась осень. Наступила зима. Красная Армия отбросила немцев от Сталинграда. Красная Армия разгромила немецкие, румынские и итальянские войска на Дону. Красная Армия победно наступает на центральном фронте. Не отсидаются у Воронежа и гонимые.

Венгерский премьер обманул страну и солдат. Не от Каллаи зависит конец войны. Не Гитлер будет оформлять Европу. Решать судьбы мира будут свободолюбивые народы англо-советско-американской коалиции.

Гонимые! Не ждите судьбы 175 000 немцев, румын и итальянцев, погибших за 6 недель боев у Сталинграда.

Следуйте примеру 137 650 солдат и офицеров, сдавшихся в плен Красной Армии.

Кончайте войну – сами. Высылайте ваших делегатов для переговоров о сдаче в плен. Только так вы выведете страну из войны.

Пропуск
на венгерском и русском языках
Прочти и передай товарищам!

№ 3
ЛИСТОВКА № 2431 ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ РККА

16 марта 1943 г.

К ПОЛЯКАМ-СОЛДАТАМ НЕМЕЦКОЙ АРМИИ

Братья-поляки!

Немцы загнали вас в свою армию для того, чтобы вашими руками, вашей кровью спасти себя от надвигающегося краха. Гитлер знает, как ненавидят его поляки. Если он призвал вас в армию, то только потому, что его людские резервы иссякают, что он должен заполнить поредевшие ряды своих войск.

В течение зимы Красная Армия нанесла гитлеровским бандам страшный удар. Она разгромила их под Сталинградом, выгнала с Кавказа, с Кубани, отбросила от Волги на 600 километров. За это время 700 тысяч солдат и офицеров гитлеровской армии погибли бесславной смертью, а 300 тысяч, убедившись в безнадежности своего положения, – сдались в плен.

Если немцы, поднимая дрожащие руки вверх, кричат во всю глотку: «русс, сдаюсь!», если гитлеровские генералы десятка-

ми сдаются в плен, то чего же ждете вы, поляки? Неужели вы разрешите, чтобы вас, как баранов, гнали на бойню?

Поляк! Вспомни свою семью, которая дома переживает страшный голод и нищету! Вспомни о сотнях тысяч своих земляков, вывезенных на каторжные работы в Германию! Вспомни героических борцов за независимость Польши, повешенных, расстрелянных и замученных в концентрационных лагерях и гестаповских застенках!

Солдаты-поляки! В ваших руках оружие. Поверните его против ваших угнетателей – немцев!

Мстите за кровь ваших братьев и сестер!

Мстите за все несчастья и за все унижения, каким вы подвергаетесь со стороны немецких офицеров и унтер-офицеров!

Сговаривайтесь и объединяйтесь! Переходите к нам группами и в одиночку!

Мы вас примем, как родных братьев.

После разгрома гитлеровских захватчиков вы вернетесь живыми и здоровыми домой, в свободную и независимую Польшу!

Прочти и передай товарищам!

№ 4

ЛИСТОВКА № 2448 ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РККА

30 марта 1943 г.

ЧТО СУЛИТ НЕМЦАМ ВЕСНА И ЛЕТО 1943 ГОДА?

Зимой 1941/42 г., после разгрома под Москвой, немецкая армия переживала тяжелый кризис. Гитлер ободрял солдат тем, что весной немецкая армия начнет по всему фронту наступление, которое приведет к окончательной победе. Но после потери 300 тысяч немцев под Москвой Гитлер уже не смог весной и летом 1942 г. наступать на всем фронте, как в 1941 г. Ценой крайнего напряжения всех сил, призвав в армию сотни

тысяч квалифицированных рабочих с военных заводов и набрав несколько десятков дивизий в Румынии, Венгрии и Италии, Гитлер смог начать наступление только на юге. Не считаясь с огромными потерями, Гитлер гнал свои армии в казачьи и кубанские степи и, наконец, пригнал их к Волге и в предгорья Кавказа на верную гибель.

Накануне новой зимы, в октябре 1942 г., в приказе по армии Гитлер подбадривал солдат, что «вторая русская зима застанет нас готовыми и лучше подготовленными... Русские не смогут уже в течение зимы 1942/43 г. ввести в бой такие силы, как в прошлую зимнюю кампанию». Но 19 ноября 1942 г. Красная Армия перешла в решительное наступление вначале на юге. Обескровленные немецкие войска у Волги, под Сталинградом и на Кавказе были уничтожены. В районе Сталинграда была окружена и уничтожена 330-тысячная немецкая армия, от которой в живых остались лишь сдавшиеся в плен 91 тысяча человек, в том числе свыше 2500 офицеров и 22 немецких генерала.

А вслед за тем Красная Армия перешла в наступление и на всех других участках фронта. Советские войска прорвали блокаду Ленинграда, отбросили немцев от Воронежа, заняли Курск, разгромили «Демянскую крепость» в районе озера Ильмень, овладели Великими Луками, Ржевом, Гжатском и Вязьмой. Только за первые три месяца зимнего наступления русских немцы потеряли 700 000 убитыми, свыше 300 000 пленными, 7000 танков, 4000 самолетов, 17 000 орудий, а итальянская, румынская и венгерская армии перестали существовать.

Красная Армия зимой 1942/43 г. не только ликвидировала все немецкие успехи лета 1942 г., но и отвоевала на всем фронте значительную часть территории, занятой немцами еще в 1941 г.

Следовательно, с каждым новым этапом войны немецкая армия становится все слабее, а Красная Армия – все сильнее.

Мощное наступление Красной Армии вынудило Гитлера перебросить на Украину с запада до 22 дивизий и тем самым поставить Германию перед лицом величайшей опасности при-

ближающегося второго фронта. За счет переброски этих дивизий Гитлеру удалось временно добиться на одном участке на Украине частичных успехов, занять снова некоторые населенные пункты и г. Харьков.

Однако эти успехи в районе Харькова не решают и не могут решить главного. Они не вернут сотен тысяч погибших немцев на юге и колоссальную материальную часть и вооружение, потерянные немцами во время отступления. Кроме того, немецким войскам, несмотря на чудовищные потери, так и не удалось перейти Северный Донец.

В районе же Орла попытки контрнаступления немцев провалились с треском. Еще в конце января русские войска прорвали в ряде мест немецкую линию обороны и завоевали значительную территорию в районе Курска и Орла. В середине марта немцы, намереваясь восстановить положение, предприняли контрнаступление, но никакого успеха не добились и понесли новые огромные потери.

Шумиха гитлеровцев, поднятая с связи с контрнаступлением в районе Харькова и Орла, имеет лишь чисто пропагандистское значение. Контрнаступления немцев, предпринятые на отдельных участках, уже выдохлись. А Красная Армия продолжает наносить удары по немцам и в районе Курска и Орла, и в районе Вязьмы и Ярцево, и в районе Брянска и Старой Руссы.

К весне 1943 г. германская армия, потеряв за зиму свыше 1 млн солдат, пришла в состояние еще более глубокого кризиса. Никакая «тотальная мобилизация» не может принести коренного улучшения, т. к. в результате многократных мобилизаций на военных заводах Германии уже почти не осталось мужчин, пригодных для фронта. На крупные пополнения за счет румын, венгров и итальянцев также рассчитывать не приходится.

Все это свидетельствует о том, что нынешняя весна и лето сулят немецкой армии не менее мрачные перспективы, чем осень и зима 1942/43 г. Эта листовка служит пропуском для перехода в плен.

Прочти и передай товарищам!

№ 5
ЛИСТОВКА «ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ»
СОВЕТСКОГО КОМАНДОВАНИЯ № 153/2
ДЛЯ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ

31 марта 1943 г.

Русское наступление продолжается. Красная Армия перешла Днепр. Как известно, в марте 1943 г. пали три немецкие крепости, которые гитлеровская пропаганда называла неприступными: «Демянская крепость», откуда генерал-майор Вернер летом 1942 г. обещал «нанести русским последний удар» после взятия Сталинграда, Ржев – «пистолет у виска Москвы» и, наконец, Вязьма. Наступление Красной Армии продолжается. Крупные части русских перешли Днепр в его верхнем течении. Бои идут сейчас в районе Дорогобужа и Духовщины, неуклонно приближаясь к Смоленску.

На подступах к Новороссийску. На Кубани войска Красной Армии за последнюю неделю заняли районные центры Петровская и Славянская и много других населенных пунктов.

24 марта советские войска овладели железнодорожной станцией Абинская (20 км северо-восточнее Новороссийска).

Тяжелые потери немцев на правом берегу Донца. Немецкие войска понесли в боях в районе Харькова на правом берегу Донца огромные потери. Дивизия СС «Райх» в январе 1943 г. была снова полностью укомплектована (состав этой дивизии за время войны обновлялся четыре раза). 1 февраля 1943 г. роты полка «Дойчланд» насчитывали по 240 человек. Через две недели в ротах полка оставалось по 15-25 солдат.

Показания пленных из многих других немецких частей в районе Харькова и на Донце дают такую же картину. Контрнаступление в районе Харьков, Белгород, Донбасс дорого обошлось гитлеровцам и, в конце концов, захлебнулось в немецкой крови.

Берлин под бомбами. В ночь на 28 марта английские бомбардировщики совершили очередной налет на Берлин. Налет продолжался 30 минут – с 22.00 до 22.30. Особенно большие пожары и взрывы возникли по обеим сторонам Шпрее. Налет на Берлин в

эту ночь был вдвое сильнее, чем самый крупный налет немцев на Лондон 17 апреля 1941 г., когда было сброшено 450 т бомб.

Английские налеты на города Германии в марте были втрое сильнее, чем в феврале. Ряд крупных налетов проходил при дневном свете.

Народы Европы против Гитлера. Партизанские бои в горах Савойи. Французская молодежь, скрывающаяся в горах Верхней Савойи от мобилизации в Германию, образовала вооруженные партизанские отряды. Крестьяне снабжают партизан продовольствием, самолеты союзников – вооружением. Партизанские отряды быстро растут. Они ведут ожесточенные бои с немецкими войсками. В районе Торопа партизаны обвалом преградили дорогу карательному отряду и забаррикадировали все дороги в горные долины.

От Нордкаппа до Балкан. Норвегия: в Тронхейме норвежцы бросили бомбу в немецкий пароход. Взрывом уничтожено много немецких солдат и офицеров. В районе Ставангера группа вооруженных норвежцев сожгла немецкий военный склад.

Югославия: в районе Гории, Вакуф, Прозор восьмидневные бои между партизанами и войсками оккупантов закончились победой партизан. Разбитые немецкие части отступают.

Греция: рабочие Афин объявили всеобщую забастовку. В районе Салоник греческие партизаны уничтожили химический завод, выполняющий гитлеровские заказы.

ЦАМО. Ф. 229. Оп. 590. Д. 161. Л. 515-516 (с об.).

№ 6
ЛИСТОВКА № 2464 ГЛАВНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РККА

10 апреля 1943 г.

ФРАНЦУЗЫ!

Почему вы находитесь так далеко от своей родины?

Почему вы в немецкой форме? Почему вы деретесь за бошей?

Немцы утверждают, что вы добровольцы. Они лгут. Они вас увели обманом или силой. Француз не может быть врагом русских. Француз не может быть союзником бошей.

Немцы грабят и опустошают Францию. Они расстреливают невинных заложников. Они уже расстреляли десятки тысяч человек. Они отнимают у французских ребят последний кусок хлеба. Они обрекли на голодную смерть более одного миллиона французских военнопленных. Они уводят тысячи молодых французских военнопленных в Германию. Почему это происходит?

Вся Франция теперь находится под гнетом. Формально нарушив соглашение о перемирии, – немцы силой ворвались в Тулон. Это они виновники потери вашего прекрасного военного флота.

Франция борется против немцев. Уже в Верхней Савойе тысячи смельчаков во французской форме под руководством французского генерала и французских офицеров подняли против захватчиков французское знамя. Скоро к ним на помощь придут миллионы людей, которые составляют мощные армии наших союзников.

Солдаты Франции, объединенные под командованием генералов де Голля и Жиро, высадутся во Франции. Они создадут армию в количестве более 400 000 человек под французским знаменем. А вас несколько тысяч человек с трудом наскребли под немецкое знамя.

Зачем вас немцы прислали сюда?

В глазах бошей вы не более как пушечное мясо. В России им досталось основательно. Под Сталинградом целая немецкая армия, знаменитая 6-я армия, которой они так гордились, подняла белый флаг. Две дюжины немецких генералов во главе с фельдмаршалом Паулюсом подняли руки вверх.

Где итальянцы, венгры, румыны – все эти союзники бошей? Некоторые спят в холодной степной земле, другие десятки тысяч находятся в плену. Вас сюда насильно приволокли, чтобы вы их заменили. Вы, французы, потомки героев Марны и Вердена, вы предназначены заменить макаронщиков. Немцы утверждают, что вы боретесь против коммунизма? Они утверждают, что русские хотели навязать свою политическую систему другим народам. Боши лгут. Единственная цель немцев – это

забрать наш хлеб и нашу нефть. Русские считают, что каждый народ должен управлять по своей воле. У себя на родине француз должен быть хозяином, а не бош. Мы хотим, чтобы Франция снова стала мощной и независимой страной.

Если вы подчинитесь приказу немцев, – это для вас неминуемая смерть. Мы уже убили немало наемников Гитлера. Для бошей и их прислужников у нас достаточно пуль, мин и снарядов.

Те, кто не перейдет на нашу сторону, могут распрощаться с жизнью. Им больше не видать Франции. Русская земля станет их последней обителью. Всякий француз, который добровольно перейдет на нашу сторону, будет нами рассматриваться не как враг, а как друг. Если ты далеко от фронта, разыщи партизан; ты найдешь их повсюду. Они тебя примут как друга. Они переведут тебя через линию фронта, в надежное место.

Если ты хочешь бороться за освобождение своей страны, ты можешь присоединиться к французской армии. В Москве ты найдешь генерала французской армии и военную французскую миссию. Французы – наши союзники. Через несколько дней ты сможешь оказаться вместе с французами.

Если ты не хочешь больше воевать, ты можешь остаться в СССР до конца войны. Ты найдешь там кров, питание и работу. Когда Франция будет освобождена от бошей, ты вернешься к своим родным.

Если ты хочешь совершить акт самоубийства над собой, оставайся с немцами и выполняй их приказы. Смерть и два метра земли тебе обеспечены.

Ты избереешь жизнь. Ты избереешь честь. Ты будешь голосовать за Францию.

Первому русскому, которого ты встретишь, – крикни «Франция!», для того, чтобы он тебя не принял за боша. «Франция» – это твой пропуск. Не теряй больше ни одного часа. Не забывай, что ты носишь немецкую форму и что русские могут принять тебя за боша. Переходи на нашу сторону. И да здравствует Франция!

Эта листовка служит пропуском для перехода в плен.

Прочти и передай товарищам!

№ 7
ЛИСТОВКА № 2480 ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ РККА

23 апреля 1943 г

БРАТЬЯ-ХОРВАТЫ!

Два года стонет ваша родина под гнетом ненавистных оккупантов. Немецко-итальянские и венгерские захватчики кровью залили наш цветущий край, превратили его в кладбище. Оккупанты десятками тысяч истребляют ваших отцов, матерей, жен и детей. В интересах исконного врага славян – немцев они принуждают вас проливать славянскую кровь.

Гитлер знает, что вы ненавидите немцев. Почему же он призвал вас в свою армию?

Немецкая армия получила от русских войск такой сокрушительный удар, от которого ей больше не оправиться. Красная Армия окружила и разгромила под Сталинградом 330-тысячную отборную гитлеровскую армию: она изгнала немцев из Кавказа, Дона и Кубани и отбросила их от Волги на 600 километров.

За время зимних боев немцы потеряли убитыми свыше 850 тысяч.

Красная Армия за зиму отвоевала 1/3 всей занятой немцами русской территории. Более 300 тысяч немецких солдат и офицеров сдались в плен. Только под Сталинградом пленена 91 тысяча немцев, в их числе 2500 офицеров и 22 немецких генерала во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Полностью разгромлены румынская, венгерская и итальянская экспедиционные армии в России.

Людские резервы Германии иссякают, ей нечем заполнить поредевшие ряды своих войск. Вот почему Гитлер погнал вас умирать за чужое вам, проигранное дело швабов.

Хорватский народ всегда питал симпатию к своим братьям-славянам – русским. И сегодня тысячи хорватских патриотов в партизанских отрядах с оружием в руках, так же как и русские, борются против немецких, итальянских и венгерских оккупантов за честь и свободу славян, за независимость своей родины.

Солдаты-хорваты! Будьте достойными сынами своего героического народа. Исполните ваш славянский долг. Порывайте с гитлеровской армией грабителей и убийц!

Мы знаем, что вы воюете насильно, что вы носите с отвращением немецкую форму. Переходите безбоязненно в плен. Мы примем вас не как врагов, а как друзей, ненавидящих, так же как и мы, немцев.

После разгрома гитлеровцев вы вернетесь живыми и здоровыми к себе на родину.

Эта листовка служит пропуском для сдачи в плен Красной Армии неограниченного количества хорватов, насильно мобилизованных в немецкую армию.

КУРСКАЯ БИТВА

Документы Верховного Главнокомандования

№ 1

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВКГ ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ВОЗМОЖНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВНИКА И СОВЕТСКИХ ВОЙСК ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1943 ГОДА

8 апреля 1943 г. 05 ч 30 мин

Докладываю свое мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период.

1. Противник, понеся большие потери в зимней кампании 1942/43 г., видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы.

Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 г. развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать

задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов с тем, чтобы, разгромив наши войска в этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

2. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13-15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока.

Вспомогательный удар с целью разрезания нашего фронта надо ожидать с запада из района Ворожбы, что между реками Сейм и Псел, на Курск с юго-запада. Этим наступлением противник будет стремиться разгромить и окружить наши 13, 70, 65, 38, 40 и 21-ю армии. Конечной целью этого этапа может быть выход противника на рубеж река Короча, Короча, Тим, река Тим, Дросково.

3. На втором этапе противник будет стремиться выйти во фланг и тыл Юго-Западному фронту в общем направлении на Валуйки, Уразово.

Навстречу этому удару противник может нанести удар из района Лисичанска в северном направлении на Сватово, Уразово:

На остальных участках противник будет стремиться выйти на линию Ливны, Касторное, Старый и Новый Оскол.

4. На третьем этапе после соответствующей перегруппировки противник, возможно, будет стремиться выйти на фронт Лиски, Воронеж, Елец и, прикрывшись в юго-восточном направлении, может организовать удар в обход Москвы с юго-востока через Ранненбург, Рязск, Рязань.

5. Следует ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота сейчас значительно

слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году.

В настоящее время перед Центральным и Воронежским фронтами противник имеет до 12 танковых дивизий и, подтянув с других участков 3-4 танковые дивизии, может бросить против нашей курской группировки до 15-16 танковых дивизий общей численности до 2500 танков.

б. Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению ПТО Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 полков иптап; все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны, Касторное, Ст[арый] Оскол. Часть полков желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника.

Я не знаком с окончательным расположением наших оперативных резервов, поэтому считаю целесообразным предложить расположить их в районе Ефремов, Ливны, Касторное, Новый Оскол, Валуйки, Россошь, Лиски, Воронеж, Елец. При этом главную массу резервов расположить в районе Елец, Воронеж. Более глубокие резервы расположить в районе Рязск, Ранненбург, Мичуринск, Тамбов.

В районе Тула, Сталиногорск необходимо иметь одну резервную армию.

Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей стороне, выбьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника.

КОНСТАНТИНОВ

ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 1691. Д. 233. Л. 283–287.

№ 2

ДИРЕКТИВА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ФРОНТОВ О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ИМИ СООБРАЖЕНИЙ ПО ОЦЕНКЕ ОБСТАНОВКИ

10 апреля 1943 г.

Прошу к 12.4.1943 г. сообщить вашу оценку противостоящего противника и возможные направления его действий.

АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 1691. Д. 14. Л. 132.

№ 3

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30103 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА О ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЫ

21 апреля 1943 г.

Копия:

Народному комиссару внутренних дел

В результате продвижения наших войск в период зимних операций 1942/43 г. требования директивы Ставки от 15.10.1942 г. № 170663 об установлении прифронтовой полосы на глубину 25 км, на которой воспрещается проживание и доступ в нее гражданского населения, оказались в ряде фронтов нарушенными.

Не все командующие фронтами своевременно приняли меры к созданию новой прифронтовой полосы, соответствующей изменившемуся положению фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Восстановить прифронтовую полосу согласно требованиям директивы Ставки № 170663 и к 10 мая с. г. закончить выселение в тыл за пределы 25 км полосы от ныне занимаемой линии фронта всего гражданского населения, в том числе из Малоархангельска, Понырей, Коренево, Дмитриев-Льговского и Льгова.

Тыловую границу прифронтовой полосы для Центрального фронта установить по линии Грязное, Вязоватое, Васьково, Вой-

ново, Топки, Хмелевая, Луковец, Горяиново, Ниж[нее] Смородное, Горки, Хлынино, Михайловка, Крупец, Кузнецовка, Арбузове, Шустове, Шерекино, Екатериновка, Погребки – все пункты для прифронтной полосы включительно.

2. Немедленно приступить к постройке в прифронтной полосе двух-трех войсковых оборонительных рубежей, следующих один за другим, и к приспособлению к обороне в этой полосе всех населенных пунктов.

Города и крупные населенные пункты в прифронтной полосе, из которых должно быть выселено все гражданское население, приспособить к обороне независимо от их удаления от линии фронта, руководствуясь указаниями, изложенными в директиве Ставки № 170663.

3. К выполнению настоящей директивы приступить немедленно. О принятых мерах и о намеченных к постройке рубежах донести к 25 апреля 1943 г.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 413-414.

№ 4

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30107 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО ВОЕННОГО ОКРУГА О БОЕВЫХ ЗАДАЧАХ И ОБУЧЕНИИ ВОЙСК

23 апреля 1943 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. На период доукомплектования войск Степного военного округа одновременно с задачами боевой подготовки возложить на войска округа следующие задачи:

а) На случай перехода противника в наступление ранее срока готовности войск округа иметь в виду прочно прикрыть направления:

1) Ливны, Елец, Ранненбург;

2) Шигры, Касторное, Воронеж;

3) Валуйки, Алексеевка, Лиски;

4) Ровеньки, Россошь, Павловск;

5) Старобельск, Кантемировка, Богучар и район Чертково, Миллерово. Командующему войсками округа организовать в соответствии с группировкой войск тщательное изучение командирами соединений и частей и их штабами этих направлений и возможных для развертывания рубежей.

б) Принять, изучить и подготовить к обороне рубеж по левому берегу р. Дон – Воейково, Лебединь, Задонск, Воронеж, Лиски, Павловск, Богучар.

Готовность рубежа – к 15 июня 1943 г.

в) Произвести рекогносцировку оборонительного рубежа по линии Ефремов, Измалково, Чернова, Борки, Избище, Репьевка, Алексеевка, Ровеньки, Беловодск, ст. Дяткино, Каменск на р. Сев[ерский] Донец с целью определить состояние имеющихся на нем оборонительных сооружений, правильность выбора этого рубежа в соответствии с условиями местности. Особое внимание обратить на использование командных высот с целью создания наиболее выгодных условий наблюдения и системы огня.

2. Войска, штабы и командиров соединений готовить главным образом к наступательному бою и операции, к прорыву оборонительной полосы противника, а также производству мощных контрударов нашими войсками, к быстрому закреплению захваченных рубежей, к отражению контрударов противника, к противодействию массированным ударам танков и авиации и к ночным действиям.

Особо тщательно обрабатывать вопросы управления войсками и взаимодействия родов войск на всех этапах боя и операции.

Серьезное внимание уделить обучению на двусторонних учениях разведке противника, имеющей своей целью вскрытие системы обороны и его группировки. Требовать обязательного непосредственного участия в разведке противника ответственных представителей штабов всех степеней до армейского и фронтового штаба включительно, особенно на важнейших направлениях.

Учения со штабами проводить, как правило, многодневные, непрерывные, со средствами связи и разведки.

Учения с войсками от батальона и выше также проводить в течение нескольких дней, отрабатывая ряд связанных между собой тем, всемерно приближая условия учебы и быта войск к боевой действительности.

Оборонительный бой и операцию отрабатывать практически в процессе подготовки оборонительных рубежей. Особо тщательно отрабатывать вопросы борьбы с танками и авиацией противника.

Гвардейские армии готовить к наступлению в условиях действий на направлении главного удара во взаимодействии с мощными средствами усиления. Обратит внимание на подготовку органов, частей и учреждений войскового и армейского тыла.

3. Представить начальнику Генерального штаба план оперативной подготовки к 9 мая и к 10 мая – результаты рекогносцировки рубежей, указанных в пунктах «б» и «в».

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12. Л. 426-428.

№ 5

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ №0328 ОБ УДАРАХ ВВС ПО ЖЕЛЕЗНЫМ И АВТОМОБИЛЬНЫМ ДОРОГАМ ПРОТИВНИКА

4 мая 1943 г.

Железнодорожные перевозки противника являются основным видом его коммуникаций, по которым он подвозит материально-технические средства и людские пополнения из своего глубокого тыла. Автотранспорт – основное средство подвоза и маневра в армейском и войсковом тылу. Поэтому борьба с железнодорожными перевозками противника и дезорганизация автомобильного подвоза во вражеском тылу должны стать ос-

новными и постоянными задачами нашей авиации. Боевая практика показывает, что с этими задачами наша авиация может успешно справиться. Например, 26.1.1943 г. 2 наших самолета Ил-2, пилотируемые гвардии лейтенантом Смирновым и гвардии младшим лейтенантом Слеповым, атаковали железнодорожный состав на станции Малороссийская. В результате этой атаки было взорвано 4 эшелона с боеприпасами. Путевое хозяйство станции Малороссийская [так] сильно было разрушено, что движение поездов через эту станцию не производилось на протяжении четырех суток. Бомбардировкой с воздуха в период с 2 по 11 января был поврежден железнодорожный мост через р. Кума у Канглы, это обстоятельство привело к тому, что противник на станции Минеральные Воды оставил большое количество подвижного состава и нам там достались богатые трофеи.

Приведенные примеры показывают, каких огромных результатов можно достигнуть, если организовать систематическое и непрерывное воздействие по вражеским железным дорогам. С таким же успехом поражаются и средства автомобильного транспорта ударами по автоколоннам. Можно причинить серьезный материальный ущерб врагу охотой за легковыми автомашинами, можно внести дезорганизацию в управление войсками противника и вывести из строя немало командного состава.

Приказываю:

1. Удары по железнодорожным составам, нападение на автоколонны противника и охоту за легковыми автомашинами в тылу у врага считать важнейшими задачами наших военно-воздушных сил в области дезорганизации подвоза у противника.

2. Борьбу с железнодорожными перевозками, особенно уничтожение паровозов и цистерн, нападение с воздуха на автоколонны и охоту за легковыми автомашинами во вражеском тылу поручить специально подготовленным и натренированным авиачастям, для этой цели на Западном, Брянском, Центральном, Воронежском, Юго-Западном и Южном фронтах в составе воздушных армий иметь по одному штурмовому, одному истребительному полку, а в воздушных армиях всех остальных фронтов иметь по одному штурмовому или истребительному полку.

3. Удары по поездам в пути наносить истребителями и штурмовиками на расстоянии до 100 или 150 км за линией фронта. Нанося удары по поездам, штурмовики, а также истребители огнем из пушек должны выводить из строя в первую очередь паровозы, а затем уже бомбами, реактивными снарядами из пушек и зажигательными пулями из пулеметов уничтожать и сжигать вагоны.

4. Нападение на автоколонны производить штурмовиками и истребителями с целью зажечь и уничтожить цистерны и грузовики, а также [для] охоты за легковыми автомашинами использовать истребители и отдельные экипажи штурмовиков, высылая их в свободный поиск на территорию противника.

5. Командующему ВВС представить в НКО проект решения о наградах и премиях для поощрения отличившихся летчиков по разрушению железнодорожных составов и автоколонн, а также по уничтожению штабных и связных легковых автомобилей.

6. Контроль за исполнением настоящего приказа возлагаю на командующего ВВС Красной Армии.

Народный Комиссар Обороны Маршал Советского Союза
И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 362. Оп. 6169. Д. 42. Л. 106-108.

№ 6

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30131 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО, БРЯНСКОГО, ЦЕНТРАЛЬНОГО, ВОРОНЕЖСКОГО, ЮГО-ЗАПАДНОГО И ЮЖНОГО ФРОНТОВ О СРОКАХ ВОЗМОЖНОГО НАСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВНИКА

20 мая 1943 г. 03 ч 30 мин

Копия:

командующему войсками Степного военного округа

По сведениям, полученным от агентурной разведки, немцы намечают начать наступление на нашем фронте в период 19-26 мая.

Приказываю: не ослаблять бдительности и боевой готовности войск; авиацию держать в полной готовности. Разведкой и захватом пленных вскрывать группировку противника и его действительные намерения.

И. СТАЛИН

ЦАМО Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 74.

№ 7

ИЗ ДОКЛАДА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ НА ЛЕВОМ КРЫЛЕ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

21 мая 1943 г.

1. В течение 19 и 20.5 совместно с тт. Соколовским и Булганиным проверил подготовку к операции 11-й гвардейской армии тов. Баграмяна. По сравнению с Брянским фронтом здесь проделана большая работа как по подготовке комсостава, так и войск в целом, остается лишь отработать отдельные детали и по получении распоряжения вывести войска в исходное положение. Слабо с танками и авиацией. Командованием фронта выделены для Баграмяна имеющиеся два танковых полка прорыва и четыре отдельные танковые бригады. На восстановление 1-го и 5-го танковых корпусов получено всего лишь 100 танков. Было бы крайне желательно к началу операции подкрепить еще двумя танковыми полками прорыва. В отношении авиации тов. Новиков сообщил, что решением Ставки последняя усиливается, но, к сожалению, лишь к 15.6, то есть, по-видимому, после начала операции.

2. Вечером 20.5 вернулся к Белову. Здесь а также у Колпакчи идет отработка задач и взаимодействия с командирами полков и батальонов на местности. Готовность войск фронта держивают слабое поступление боеприпасов и еще не прибывший к Белову 7-й артиллерийский корпус.

3. Считаю, что войска в целом будут готовы к занятию исходного положения 28 мая. На занятие исходного положения и на развертывание артиллерии потребуется до пяти суток.

4. Одновременно с подготовкой операции уделено исключительное внимание готовности нашей обороны и особенно на направлениях спас-деменском, жиздринском и белевском.

№ 8

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК № 2069 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ В ПОЛОСЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА

22 мая 1943 г. 04 ч 48 мин

Докладываю обстановку на 21.5.1943 г. на Центральном фронте.

1. На 21.5 всеми видами разведки установлено: в первой линии обороны противник перед Центральным фронтом имеет 15 пехотных дивизий; во второй линии и резерве – 13 дивизий, из них три танковые.

Кроме того, есть сведения о сосредоточении южнее Орла 2-й танковой дивизии и 36-й мотодивизии. Сведения об этих двух дивизиях требуют проверки.

4-я танковая дивизия противника, ранее находившаяся западнее Севска, куда-то переброшена. Кроме того, в районе Брянска и Карачева находятся три дивизии, из которых две танковые.

Следовательно, на 21.5 противник против Центрального фронта может действовать тридцатью тремя дивизиями, из них шестью – танковыми.

Инструментальной и визуальной разведкой фронта выявлено 800 орудий, главным образом 105- и 150-миллиметровых.

Основные силы артиллерии противник имеет против 13-й армии, левого фланга 48-й армии и правого фланга 70-й армии, то есть на участке Троено, Первое Поздеево. За этой главной артиллерийской группировкой на линии Змиевка, Красная Роща расположено до 600-700 танков. Причем главная масса сосредоточена восточнее реки Ока.

В районе Орел, Брянск, Смоленск противник сосредоточил 600-650 самолетов. Главную группировку авиации противник имеет в районе Орла.

В последние дни как на земле, так и в воздухе противник держит себя пассивно, ограничиваясь небольшой воздушной разведкой и редкими огневыми налетами.

На переднем крае и в глубине тактической обороны противник ведет окопные работы, особенно усиленно развивает свои оборонительные позиции перед фронтом 13-й армии и на участке Красная Слободка, Сеньково, где у него уже появилась вторая линия обороны за рекой Неручь. По данным наблюдения, противник создает на этом направлении третью линию обороны в 3-4 километрах севернее реки Неручь.

Пленные показывают, что немецкому командованию известно о нашей группировке южнее Орла и нашем готовящемся наступлении и немецкие части предупреждены об этом. Захваченные летчики показывают, что якобы немецкое командование само готовит наступление и что для этой цели стягивается авиация.

Я лично был на переднем крае 13-й армии, просматривал с разных точек оборону противника, наблюдал за его действиями, разговаривал с командирами дивизий 70-й и 13-й армий, с командующими Галаниным, Пуховым и Романенко и пришел к выводу, что непосредственной готовности к наступлению на переднем крае у противника нет.

Может быть, я ошибаюсь, может быть, противник очень искусно маскирует свои приготовления, но, анализируя расположение его танковых частей, недостаточную плотность пехотных соединений, отсутствие, группировок тяжелой артиллерии, а также разбросанность резервов, считаю, что противник до конца мая перейти в наступление не может.

2. Оборона 13-й и 70-й наших армий организована правильно и глубоко эшелонирована. Оборона 48-й армии организована жидко и с очень слабой артиллерийской плотностью, и если противник ударит по армии Романенко и вздумает обойти Малоархангельск с востока с целью обхода главной группировки Костина, то Романенко не сможет сдержать удара противника. Резервы же фронта расположены главным образом за Пуховым и Галаниным, они вовремя на помощь Романенко подоспеть не смогут.

Я считаю, Романенко надо усилить за счет резерва Ставки двумя стрелковыми дивизиями, тремя танковыми полками Т-34, двумя иптап и двумя минометными артиллерийскими полками РГК. Если это будет дано Романенко, то он сможет организовать хорошую оборону и, если будет нужно, может плотной группировкой перейти в наступление.

В обороне Пухова и Галанина и других армий фронта основные недостатки заключаются в отсутствии иптап. Фронт на сегодняшний день имеет иптап всего четыре, из них два без тяги находятся в тылах фронта.

Ввиду большого некомплекта 45-мм орудий в батальонах и полках противотанковая оборона первых эшелонов и переднего края организована слабо.

Считаю, Костину нужно как можно быстрее дать четыре полка иптап (с Романенко б), три полка самоходной 152-мм артиллерии.

3. Подготовка Костина к наступлению не закончена. Проработав этот вопрос на местности с Костиным и Пуховым, мы пришли к выводу о необходимости сдвинуть участок прорыва на два-три километра западнее намеченного участка Костиным, то есть до Архангельского включительно, и пустить в первом эшелоне один усиленный корпус с танковым корпусом западнее железной дороги.

С артиллерийской группировкой планируемый прорыв Костин сделать не сможет, так как противник значительно усилил и глубже эшелонировал свою оборону на этом направлении.

Для того чтобы сделать прорыв наверняка, Костину нужно еще перебросить один артиллерийский корпус.

Боеприпасов фронт имеет в среднем полтора боекомплекта.

Прошу обязать Яковлева в двухнедельный срок доставить фронту три боекомплекта основных калибров.

4. У Пухова сейчас имеется 12 дивизий, шесть из них объединены в два корпуса, шестью дивизиями Пухов командует сам. Для пользы дела прошу приказать срочно сформировать и перебросить для Пухова два корпусных управления, одно корпусное управление сформировать и перебросить для Галани-

на, у которого сейчас пять отдельных дивизий, кроме стрелкового корпуса.

Прошу вашего решения.

ЮРЬЕВ

№ 9

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30137 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ФРОНТОВ, КОМАНДУЮЩЕМУ ВВС КРАСНОЙ АРМИИ, КОМАНДУЮЩЕМУ ПВО ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ О СЛУЧАЯХ ИСКАЖЕНИЯ В ДОНЕСЕНИЯХ ИСТИННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ

9 июня 1943 г. 24 ч 00 мин

После отражения налета авиации немцев на Курск 2.6 в Генштаб поступили донесения о сбитых самолетах и захваченных в плен летчиках: от командующего Центральным фронтом о сбитых средствами фронта 50 самолетах и средствами ПВО ТС – 76 самолетах противника и от генерал-лейтенанта Громадина о сбитых средствами ПВО ТС – 86 самолетах.

Кроме того, генерал-лейтенант Громадин 3.6 донес о захвате в плен 42 немецких летчиков, а начальник штаба Воронежско-Борисоглебского дивизионного района ПВО полковник Гаврилов донес, что захвачен в плен 61 летчик.

Произведенной проверкой установлено, что сбито всего 123 самолета противника, а захвачено в плен только 5 немецких летчиков, из них 4 на Воронежском фронте в районе Обояни.

Таким образом, донесения о количестве сбитых самолетов немцев были представлены в основном правильные, а донесения о захваченных в плен немецких летчиках даны генерал-лейтенантом Громадиным и полковником Гавриловым, не проверенные и не соответствующие действительности.

Обращаю внимание командующего ПВО ТС генерал-лейтенанта Громадина на плохо организованный контроль и проверку получаемых им донесений.

Начальнику штаба Воронежско-Борисоглебского дивизионного района ПВО полковнику Гаврилову объявляю выговор за представление ложного донесения.

Ограничиваюсь этой мерой взыскания в отношении т. Гаврилова только потому, что учитываю его предшествующую хорошую работу.

Приказ объявить всем начальникам штабов фронтов, командующим и начальникам штабов воздушных армий и командующим и начальникам штабов зон и районов ПВО территории страны.

И.СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 106, 107.

№ 10
ПРИКАЗ СТАВКИ ВГК № 46194 О ФОРМИРОВАНИИ
4-й ТАНКОВОЙ АРМИИ

26 июня 1943 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказала:

1. К 1 июля 1943 г. окончить формирование в районе Москвы 4-й танковой армии с непосредственным подчинением ее Ставке Верховного Главнокомандования. Штаб армии – Кубинка.

2. Назначить: командующим 4-й танковой армией – генерал-лейтенанта танковых войск т. Баданова Василия Михайловича, освободив его от должности командира 2-го гв. танкового корпуса; заместителем командующего 4-й танковой армией – генерал-майора танковых войск т. Белова Евтихия Емельяновича, освободив его от должности зам [естителя] командующего 57-й армией; начальником штаба 4-й танковой армии – полковника Другова Павла Ильича, освободив его от должности начальника штаба 12-й армии.

3. В состав 4-й танковой армии включить:
управление армии, развернув его на базе управления 19-го кавалерийского корпуса;

6-й гв. Краснознаменный механизированный корпус;
11-й танковый корпус;

30-й Уральский добровольческий танковый корпус.

4. Дополнительно включить в состав 4-й танковой армии:

а) мотоциклетный полк и отдельный разведывательный бронетанковый батальон – распоряжением командующего бронетанковыми и механизированными войсками КА;

б) отдельный инженерный батальон – распоряжением начальника инженерных войск КА;

в) 118-й полк связи – распоряжением начальника главного управления связи КА;

г) два автобатальона подвоза – распоряжением начальника тыла КА;

д) тыловые части и учреждения по прилагаемому перечню – распоряжением начальника тыла КА и командующего бронетанковыми и механизированными войсками КА.

5. Начальникам главных управлений НКО, по указанию начальника Генерального штаба, к 1.7.1943 г. доукомплектовать управление 4-й танковой армии личным составом.

Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

Г. ЖУКОВ

А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 45. Л. 42.

№ 11

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30144 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО, БРЯНСКОГО, ЦЕНТРАЛЬНОГО, ВОРОНЕЖСКОГО, ЮГО-ЗАПАДНОГО И ЮЖНОГО ФРОНТОВ О ВОЗМОЖНОМ ПЕРЕХОДЕ ПРОТИВНИКА В НАСТУПЛЕНИЕ

2 июля 1943 г. 02 ч 10 мин

По имеющимся сведениям немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3-6 июля.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений.
2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника.
3. Об отданных распоряжениях донести.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ

И. СТАЛИН

А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11596. Д. 13. Л. 156.

№ 12

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПЛАНЕ ДЕЙСТВИЙ ЮГО-ЗАПАДНОГО И ЮЖНОГО ФРОНТОВ

7 июля 1943 г. 19 ч 15 мин

Сегодня при штабе Ватутина, без участия последнего, организовал встречу с Родионовым и Федоровым. Пришли к следующим решениям, которые докладываю на Ваше утверждение:

1. У Федорова: главный удар нанести силами 5-й ударной армии, в составе семи стрелковых дивизий, одной танковой бригады и одного линейного танкового полка (при артплотности в 100 орудий и минометов на 1 км фронта), с фронта Дмитриевка (сев. Куйбышево), (иск.) Куйбышево.

28-й армией в составе шести сд, одной тбр и одного линейного танкового полка (при 100 орудиях и минометах на 1 км фронта), с фронта (иск.) Куйбышево, Петрополье. Ширина фронта прорыва для каждой армии по 8-9 км.

Для развития прорыва за стыком этих армий иметь 2-ю гвардейскую армию в составе двух мехкорпусов и шести стрелковых дивизий.

Общее направление удара – Куйбышево, прямо на запад с обходом Сталино с юга.

Вспомогательный удар у Федорова нанести на фронте 51-й армии юго-западнее Ворошиловграда вдоль железной дороги на Дебальцево силами четырех сд, одной тбр и 100 орудий и минометов на 1 км фронта прорыва.

Обеспечение прорыва с юга со стороны Таганрога возложить на 44-ю армию, оставив в ее распоряжении четыре сд, из них одну в резерве.

2. У Родионова главный удар нанести силами 1-й и 8-й гвардейских армий из района Изюма прямо на юг западнее Краматорской, Константиновки в общем направлении на Ново-Экономическое, ст. Желанная, на соединение с ударом Федорова.

Для развития прорыва 1-й и 8-й гвардейскими армиями иметь танковый и механизированный корпуса фронта и 46-ю армию в составе шести дивизий.

Всего на этом направлении в составе указанных армий иметь двадцать три стрелковые дивизии, один танковый и один механизированный корпуса, три танковых полка прорыва, три линейных танковых полка, три артдивизии прорыва, девять полков РС М-13.

3. Указанные удары как у Федорова, так и у Родионова могут быть подготовлены к утру 15 июля, при условии, если начнут перегруппировку с вечера 8.7.

4. Взамен снимаемой из района Купянска 8-й гвардейской армии считаем необходимым одновременно выдвинуть сюда из района Сватово 12-ю армию, 46-ю армию (Глаголева) начать теперь же выдвигать в район сев. Изюма.

В то же время считал бы целесообразным выдвинуть в район Валуйки 47-ю армию, оставив ее в резерве Ставки.

5. Для проведения в жизнь указанных решений считаю необходимым дополнительно выделить Федорову и Родионову по одной истр [ебительной] авиационной дивизии, хотя бы по одной бригаде РС М-31, по два полка самоходной артиллерии, для Федорова два полка танков прорыва, довести боеприпасы того и другого до трех бк и в срочном порядке подвезти авиагорючее для Южного фронта (сейчас имеет две заправки).

6. Родионова и Федорова в 17 час 30 мин отправил обратно для немедленной постановки войскам предварительных распоряжений по перегруппировке и для разработки детальных планов. Перегруппировка начнется по дополнительному указанию от меня, после получения указаний от Вас.

7. Соотношение в силах позволяет полностью рассчитывать на успех.

АЛЕКСАНДРОВ

ЦАМО. Ф. 203. п. 2777. Д. 75. Л. 353-355.

№ 13

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 46196 О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ СТЕПНОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ВО ФРОНТ

9 июля 1943 г. 23 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 24.00 9 июля переименовать Степной военный округ в Степной фронт.

2. Включить в состав Степного фронта 27-ю армию с 4-м гв. танковым корпусом, 53-ю армию с 1-м мехкорпусом, 47-ю армию с 3-м гв. мехкорпусом, 4-ю гв. армию с 3-м гв. танковым корпусом, 52-ю армию, 3, 5, 7-й гвардейские кавкорпуса, 5-ю воздушную армию, все части усиления и тыловые части и учреждения Степного военного округа.

3. Армии фронта развернуть согласно устных указаний, данных Генеральным штабом.

4. Передвижения войск совершать только ночью.

5. Командный пункт Степного фронта с 12 июля иметь в районе Горяиново.

6. О ходе перегруппировки доносить ежедневно шифром.

Ставка Верховного Главнокомандования

И.СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 160.

№ 14

**ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 01815 КОМАНДУЮЩЕМУ
ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО ФРОНТА НА УНИЧТОЖЕНИЕ
ПРОРВАВШЕГОСЯ ПРОТИВНИКА**

12 июля 1943 г. 01 ч 15 мин

На белгородском направлении противник силою до 200 танков с пехотой потеснил части 69-й армии и, наступая в направлении Короча, к исходу 11.7 вышел в район Киселеве, Мазикино, Шейна.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1) уничтожить группировку противника,двигающуюся в направлении Короча и далее к р. Оскол, совместным ударом Рыжова с Обуховым с юго-востока и Соломатина с севера, для чего:

а) Рыжова с Обуховым к исходу 13.7 сосредоточить в районе Новый Оскол, Велико-Михайловка, Сидоровка, Булановка, Слоновка.

б) Соломатина из района Солнцево к утру 13.7 вывести в район Вязовое, Скородное, Боброво-Дворское.

2) О времени получения Вами настоящего приказа доложить по ВЧ Антонову.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

Передал лично т. Коневу 12.7.1943 г. в 1.45

АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11596. Д. 13. Л. 164.

№ 15

**ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О НАЧАЛЕ ОПЕРАЦИИ
«КУТУЗОВ»**

12 июля 1943 г.

1. После одного часа сорока пяти минут артиллерийской подготовки войска Василенко и Маркова перешли в наступление по плану «Кутузов».

2. Армия Баграмяна прорвала оборону противника на фронте 16 км и глубиной 9 км.

К 20 часам 12 июля стрелковыми соединениями вышла на рубеж выс. 221 (3 км западнее Глинная), Красный Октябрь, Никитское, сев. окраина Старица, Речица, Слободка.

Для развития прорыва Василенко ввел 5-й танковый корпус, который к 19 часам прошел рубеж Ручей Фомина.

Армия Баграмяна захватила свыше 700 человек пленных и трофеи, которые подсчитываются.

3. Армия Белова прорвала оборону противника шириной 10 км и глубиной 4 км и к 22 часам вышла на фронт 1 км западнее Карагшинка, овраг юго-восточнее Пальчиково, Кривцово, Фетишево, Лубны, Чегодаево, захватив 120 человек пленных и трофеи. 20-й танковый корпус Беловым к 20 часам переведен на западный берег реки Ока и завтра по овладению районом Хмелевая будет введен для развития прорыва.

4. Армии Горбатова и Колпакчи прорвали фронт обороны противника шириной 15 км и глубиной 5 км и к 20 часам вышли на рубеж северная окраина Измалково, полкилометра восточное Евтехов, Затишье, восточная окраина Лиски, юго-западная опушка рощи (2,5 км западнее Орловка), Репьевка.

На этом направлении 1-й танковый корпус в ночь на 13 июля перебрасывается на западный берег реки Зуша в район Ивань, Бол [ьшой] Малиновец, Стар[ое] Битьково и с овладением пехотой Евтехов, Грачевка завтра будет введен в прорыв с ближайшей задачей овладения районом Моховое.

5. Завтра с утра после тридцатиминутной артиллерийской подготовки продолжаем наступление по плану «Кутузов».

6. По данным пленных, с которыми я лично беседовал, проведенная нами силовая разведка накануне для наступления полностью подтвердила, что передовая траншея занималась только боевым охранением противника. Это дало нам возможность избежать напрасного расхода снарядов в период арт-подготовки.

Пленный также подтвердил, что метод проведения артподготовки, принятый в данном наступлении (усиление темпа огня при броске пехоты в атаку и при захвате переднего края оборонны), обеспечил внезапность атаки.

Пехота противника, привыкшая к тому, что броску в атаку нашей пехоты предшествовал наибольший темп огня, а потом перенес его в глубину, сегодня также ожидала нашего шаблонного переноса огня по глубине, отсиживалась в укрытиях и прозевала атаку нашей пехоты, благодаря чему мы очень быстро захватили передний край и имеем большое число пленных.

7. Артиллерия работала организованно и хорошо, корпуса прорыва оправдали себя полностью.

8. Авиация противника действовала по боевым порядкам главным образом наступающих частей армий Горбатова и Колпакчи, сделав 504 самолето-вылета.

Наша авиация на Брянском фронте сделала 598 самолето-вылетов. В воздушном боях и зенитной артиллерией Брянским фронтом сбит 51 самолет противника.

ЮРЬЕВ

ЦАМО. Ф. 48. Оп. 5. Д. 29. Л. 237-240.

№ 16

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 46198 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА О ВКЛЮЧЕНИИ В СОСТАВ ФРОНТА 5-го МЕХАНИЗИРОВАННОГО И 25-го ТАНКОВОГО КОРПУСОВ

12 июля 1943 г. 17 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 24 часов 12.7.1943 г. включить в состав войск Западного фронта:

5-й механизированный корпус Волкова, находящийся в районе Юхнова, и 25-й танковый корпус Аникушкина, находящийся в районе Мосальска.

2. О приеме названных корпусов донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 168.

№ 17

**ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30147 КОМАНДУЮЩИМ
ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО И ВОРОНЕЖКОГО ФРОНТОВ НА
ПЕРЕДАЧУ 27-й АРМИИ И 4-го ГВАРДЕЙСКОГО
ТАНКОВОГО КОРПУСА**

14 июля 1943 г. 11 ч 45 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

С 20 часов 14 июля передать в состав войск Воронежского фронта 27-ю армию т. Трофименко с 4-м танковым корпусом.

Командующему Воронежским фронтом использовать 27-ю армию и 4-й гв. танковый корпус на правом фланге 6-й гв. армии для нанесения удара по белгородской группировке противника, наступающей на Обоянь.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 167.

№ 18

**ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ
В РАЙОНЕ ПРОХОРОВКИ**

14 июля 1943 г.

Согласно Вашим личным указаниям, с вечера 9.7.1943 г. беспрерывно нахожусь в войсках Ротмистрова и Жадова на прохоровском и южном направлениях. До сегодняшнего дня вклю-

чительно противник продолжает на фронте Жадова и Ротмистрова массовые танковые атаки и контратаки против наступающих наших танковых частей. Ликвидация прорыва армии Крюченкина, создавшая 11.7 серьезную угрозу тылам главных сил армии Ротмистрова и корпусу Жадова, потребовала выделения двух мехбригад из 5-го гв. механизированного корпуса и отдельных частей Ротмистрова в район Шахово, Авдеевка, Александровская. Ликвидация же прорыва армии Жадова в районах Веселый, Васильевка, Петровка 12.7.1943 г. вынудила бросить туда остальные части 5-го гв. механизированного корпуса. То и другое в значительной мере ослабило силы основного удара Ротмистрова со стороны Прохоровки в юго-западном направлении. По наблюдениям за ходом происходящих боев и по показаниям пленных, делаю вывод, что противник, несмотря на огромные потери, как в людских силах, так и особенно в танках и авиации, все же не отказывается от мысли прорваться на Обоянь и далее на Курск, добиваясь этого какой угодно ценой. Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танков противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками.

В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60 % и 18-й корпус – до 30 % танков. Потери в 5-м гв. механизированном корпусе незначительны. Назавтра угроза прорыва танков противника с юга в район Шахово, Авдеевка, Александровка продолжает оставаться реальной. В течение ночи принимаю все меры к тому, чтобы вывести сюда весь 5-й гв. механизированный корпус, 32-ю мотобригаду и четыре полка иптап. Учитывая крупные танковые силы противника на прохоровском направлении, здесь на 14.7 главным силам Ротмистрова совместно со стрелковым корпусом Жадова поставлена ограниченная задача – разгромить противника в районе Сторожеевое, севернее Сторожеевое, совхоз «Комсомолец», выйти

на линию Грязное, Ясная Поляна и тем более прочно обеспечить прохоровское направление.

Не исключена здесь и завтра возможность встречного танкового сражения. Всего против Воронежского фронта продолжают действовать не менее одиннадцати танковых дивизий, систематически пополняемых танками. Опрошенные сегодня пленные показали, что 19-я танковая дивизия на сегодня имеет в строю около 70 танков, дивизия «Райх» – до 100 танков, хотя последняя после 5.7.1943 г. уже дважды пополнялась. Донесение задержал в связи с поздним прибытием с фронта. 2 час 47 мин 14 июля 1943 г. Из 5-й гвардейской танковой армии.

№ 19

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30148 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО ФРОНТА О СМЕНЕ РАЙОНА СОСРЕДОТОЧЕНИЯ 53-й АРМИИ

14 июля 1943 г. 16 ч 55 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

53-ю армию т. Манагарова к утру 16 июля перебросить походом в район Скородное, где развернуть ее совместно с его 1-м мехкорпусом.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 171.

№ 20

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30150 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО ФРОНТА ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОСТАВЕ ФРОНТА

16 июля 1943 г. 01 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 23.00 18 июля с. г. в состав Степного фронта включить:
69-ю армию Крюченкина и 7-ю гв. армию Шумилова со всеми средствами усиления и армейскими тыловыми частями и учреждениями, передав эти армии на занимаемых ими участках из состава Воронежского фронта.

2. С 23.00 18 июля с. г. из состава Степного фронта исключить:
52-ю армию Яковлева и 3, 5 и 7-й гв. кавалерийские корпуса, передав их в резерв Ставки Верховного Главнокомандования в районах настоящего их сосредоточения.

3. В результате произведенных перегруппировок в составе Степного фронта иметь:

69-ю армию Крюченкина с приданными средствами усиления;

7-ю гв. армию Шумилова с приданными средствами усиления;

53-ю армию Манагарова с 1 мк;

47-ю армию Козлова с 3 гв. мк;

4-ю гв. армию Кулика с 3 гв. тк.

Оперативное использование 4-й гв. а[рмии] Кулика только с разрешения Ставки Верховного Главнокомандования.

4. Штаб Степного фронта иметь в районе Нового Оскола, КП фронта – в районе Корочи.

5. Разграничительные линии для Степного фронта с 23.00 18.7 установить:

а) с Воронежским фронтом – Старый Оскол, Скородное, Дальний Дол-жик. Лучки (южные), все пункты за исключением Старый Оскол для Степного фронта включительно;

б) с Юго-Западным фронтом – Волоконовка, Волчанок, Харьков, все пункты для Степного фронта включительно.

б. Ответственность за стыки возложить:

а) между Воронежским и Степным фронтами – на командующего Воронежским фронтом, для чего последнему в районе Призрачного иметь 5-ю гв. танковую армию;

б) между Степным и Юго-Западным фронтами – на командующего Юго-Западным фронтом, которому иметь в районе Белый Колодезь, Вел [икий] Бурлук, Ольховатка 27 гв. ск.

7. Начальнику тыла Красной Армии т. Хрулеву к вечеру 18.7 обеспечить Степной фронт необходимыми тылами.

8. О получении настоящего приказа и о его исполнении донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 173 - 174.

№ 21
ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30151 КОМАНДУЮЩЕМУ
ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ
В СОСТАВЕ И ПОЛОЖЕНИИ ФРОНТА

16 июля 1943 г. 01 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 23.00 18 июля с. г. передать в состав Степного фронта 69-ю армию Крюченкина и 7-ю гв. армию Шумилова со всеми приданными им средствами усиления и армейскими тыловыми частями и учреждениями. Армии передать на занимаемых им участках.

2. Разграничительную линию между Воронежским и Степным фронтами с 23.00 18.7.1043 г. установить Старый Оскол, Скородное, Дальний Должик, Лучки (южные), все пункты за исключением Старый Оскол для Степного фронта включительно.

3. Ответственность за стык между Воронежским и Степным фронтами возложить на командующего Воронежским фронтом, для чего последнему в районе Призрачное иметь 5-ю гв. танк[овую] армию.

4. О получении и исполнении доложить.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 175.

№ 22
ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30152 КОМАНДУЮЩЕМУ
ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ
МЦЕНСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

20 июля 1943 г. 02 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Ближайшей задачей Брянского фронта иметь разгром мценской группировки противника и выход 3 А на р. Ока.

Для этого 3 гв. ТА Рыбалко с утра 20.7 нанести удар в направлении Протасове, Отрада, к исходу дня 20.7 перерезать шоссе и жел. дорогу Мценск-Орел и, развивая в течение 21.7 наступление на Мценск с юга, совместно с 3 А Горбатова завершить уничтожение мценской группировки противника и освободить город Мценск.

2. После выполнения этой задачи 3 [гв.] ТА Рыбалко направит на юг с целью перерезать жел. дорогу Моховое-Орел и содействовать 63 А Колпачки в выходе ее также на р. Ока.

3. В дальнейшем 3 [гв.] ТА Рыбалко перерезать жел. дорогу Орел-Курск в районе по решению командующего фронтом и при благоприятных условиях овладеть городом Орел.

Если овладение городом Орел не будет соответствовать обстановке, 3 [гв.] ТА Рыбалко двигаться дальше на запад в направлении Кромы.

4. О получении и отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 179.

№ 23
ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30153 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ
БРЯНСКОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТОВ КОМАНДУЮЩЕМУ 3-й
ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ АРМИЕЙ НА ИЗМЕНЕНИЕ В СОСТАВЕ
И ПОЛОЖЕНИИ ФРОНТОВ

26 июля 1943 г. 22 ч 15 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1) С 24 часов 26.7.1943 г. передать 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко из Брянского фронта в состав войск Центрального фронта.

2) Командующему Центральным фронтом использовать 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко на правом крыле фронта во взаимодействии с 48-й армией Романенко.

3) Разгранлинию между Брянским и Центральным фронтами с 24 часов 26.7.1943 г. установить: до Никольское – прежняя, далее Хомуты, Мешкова – оба пункта для Центрального фронта включительно.

4) Снабжение 3-й гвардейской танковой армии до 29.7 оставить за Брянским фронтом.

5) О получении и отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
Л. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11596. Д. 13. Л. 195.

№ 24

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30154 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО И БРЯНСКОГО ФРОНТОВ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОСТАВЕ ФРОНТОВ

28 июля 1943 г. 01ч 10 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 24 часов 29.7.1943 г. передать из состава Западного фронта 11-ю армию Федюнинского, 11-ю гв. армию Баграмяна, 4-ю танковую армию Баданова и 2-й гв. кавалерийский корпус Крюкова в состав войск Брянского фронта.

2. Названные армии и 2-й гв. корпус передать в полном составе со всеми имеющимися у них средствами усиления, армейскими тыловыми частями и учреждениями, средствами связи и наличными запасами.

3. Материально-техническое обеспечение и снабжение перчисленных армий до 5.8 оставить за Западным фронтом.

4. Разграничительную линию между Западным и Брянским фронтами с 24.00. 29.7 установить: Козельск, Чернышино, Шигры (17 км юго-восточнее Жиздра), Судимир, Любохна, Овстуг (35 км северо-западнее Брянск). Все пункты включительно для Брянского фронта.

5. Ответственность за обеспечение стыка между Западным и Брянским фронтами остается за командующим Западным фронтом.

6. О получении и отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ.

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11596. Д. 13. Л. 198.

№ 25

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30158 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА НА НСТУПЛЕНИЕ

1 августа 1943 г. 02 ч 15 мин.

За последнее время в связи с наступлением войск Брянского и левого крыла Западного фронтов противник значительно ослабил свою группировку, действующую перед Центральным фронтом, сняв с этого участка пять танковых дивизий, две мотодивизии и до двух-трех пехотных дивизий.

В то же время Центральный фронт значительно усилился танками, получив в свой состав 3 [гв.] ТА Рыбалко. Все это привело к улучшению положения войск фронта и создало благоприятные условия для решительных наступательных действий. Однако эти условия до сего времени командованием фронта использованы недостаточно.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Незамедлительно подготовить и нанести решительный удар силами 70-й армии и 2 ТА в общем направлении Чувардино, Красная Роща, Апальково. Одновременно 13-й армии прорвать оборону противника западнее Короськово, подгото-

вив условия для ввода в прорыв 3 [гв.] ТА к моменту ее сосредоточения.

2. К 4-5 августа закончить сосредоточение 3 [гв.] ТА в районе южнее Короськово с задачей развить успех 13-й армии и ударом в общем направлении на Кромы свернуть оборону противника по заданному берегу р. Ока и содействовать тем самым продвижению 48-й армии.

3. В дальнейшем иметь в виду действовать обеими танковыми армиями в обход Орла с запада, содействуя Брянскому фронту в разгроме орловской группировки противника и овладении г. Орел.

4. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
Л. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11596. Д. 13. Л. 214-215.

№ 26
ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ
№ Орг /2/1348 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ
МОСКОВСКОГО, ПРИВОЛЖСКОГО И СТАЛИНГРАДСКОГО
ВОЕННЫХ ОКРУГОВ О ФОРМИРОВАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ
ШТУРМОВЫХ СРЕЛКОВЫХ БАТАЛЬОНОВ

1 августа 1943 г.

Копии:
народному комиссару внутренних дел,
начальнику Главного политического управления Красной
Армии,
начальнику Главного управления кадров Красной Армии,
командующему артиллерией Красной Армии, начальнику
тыла Красной Армии,
начальнику Главного артиллерийского управления Красной
Армии,
начальнику финансового управления Красной Армии,

начальнику организационно-учетного управления Красной Армии

В целях предоставления возможности командно-начальствующему составу, находившемуся длительное время на территории, оккупированной противником, и не принимавшему участия в партизанских отрядах, с оружием в руках доказать свою преданность Родине приказываю:

1. Сформировать к 25 августа с. г. из контингентов командно-начальствующего состава, содержащегося в спецлагерях НКВД:

1-й и 2-й отдельные штурмовые стр[елковые] батальоны – в Московском военном округе, 3-й отдельный штурмовой стрелковый батальон – в Приволжском военном округе, 4-й отдельный штурмовой стрелковый батальон – в Сталинградском военном округе.

Формирование батальонов произвести по штату № 04/331, численностью 927 человек каждый.

Батальоны предназначаются для использования на наиболее активных участках фронта.

2. Укомплектование формируемых штурмовых стрелковых батальонов произвести:

а) должностей командиров батальонов, зам. командиров батальонов по политической части, начальников штабов, командиров рот – за счет лучшего, тщательно отобраного и хорошо подготовленного начальствующего состава, имеющего боевой опыт;

б) рядового, младшего начальствующего и остального начальствующего состава – за счет среднего и старшего начальствующего состава спецконтингентов, находящихся в Люберецком, Подольском, Рязанском и Угольном спецлагерях НКВД, – для батальонов, формируемых в МВО; Калачевском и Котлубанском спецлагерях НКВД – для батальона, формируемого в ПриВО; Сталинградском, Белокалитвенском, Георгиевском спецлагерях НКВД – для батальона, формируемого в Сталинградском военном округе.

Недостающий состав для штурмового стрелкового батальона, формируемого в ПриВО, выделить из Ханларского спецлагеря НКВД по заявке штаба округа в оргуправление Генерального штаба КА.

Назначение на должности начальствующего состава как младшего, так и среднего произвести после тщательного отбора командиров из спецконтингентов;

в) повозочных, кузнецов ковочных, портных, сапожников, поваров, шоферов – за счет спецконтингентов, находящихся в Люберецком, Подольском и Рязанском спецлагерях НКВД, – для батальонов, формируемых в МВО;

Калачевском и Котлубанском спецлагерях НКВД – для батальона, формируемого в ПриВО, и Сталинградском, Белокалитвенском, Георгиевском спецлагерях НКВД – для батальона, формируемого в Сталинградском военном округе.

3. Срок пребывания личного состава в отдельных штурмовых стрелковых батальонах установить два месяца участия в боях, либо до награждения орденом за проявленную доблесть в бою или до первого ранения, после чего личный состав при наличии хороших аттестаций может быть назначен в полевые войска на соответствующие должности командно-начальствующего состава.

4. Всему личному составу, назначенному из спецлагерей НКВД, установить форму одежды соответственно занимаемым ими должностям в штурмовом батальоне.

5. Личному составу батальонов установить оклады содержания по занимаемым в батальоне должностям.

6. Семьям личного состава, назначенного в батальоны из спецлагерей НКВД, предоставить все права и преимущества, определенные законом для семей начальствующего состава.

7. Начальникам главных управлений НКО к 25.8.1943 г. обеспечить формируемые батальоны необходимыми кадрами, материальной частью, вооружением, имуществом и транспортом.

8. Об исполнении донести.

Народный Комиссар Оборона Маршал Советского Союза И. Сталин
ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11566. Д. 13. Л. 210-212.

№ 27
ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК И
КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО ФРОНТА
ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА
РАЗВИТИЯ НАСТУПЛЕНИЯ НА БЕЛГОРОДСКО-
ХАРЬКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

6 августа 1943 г.

Докладываем:

В связи с успешным прорывом фронта противника и развитием наступления на белгородско-харьковском направлении операцию в дальнейшем будем проводить по следующему плану:

1. 53 А с корпусом Соломатина будет наступать вдоль белгородско-харьковского шоссе, нанося главный удар в направлении Дергачей.

Армия должна выйти на линию Ольшаны, Дергачи, сменив на этой линии части Жадова.

69 А наступает левее 53 А в направлении Черемошное. По достижении Черемошного 69 А, передав пару лучших дивизий Манагарову, сама остается во фронтовом резерве на доукомплектовании в районе Микояновка, Черемошное, Грязное.

69 А необходимо как можно быстрее подать пополнение – 20 тыс человек.

7 гв. А сейчас будет наступать из района Пушкарного на Бродок и далее на Бочковку, сворачивая фронт противника с севера на юг.

С рубежа Черемошное, Зиборовка 7-я гв. А будет наносить главный удар на Циркуны и выйдет на линию Черкасское, Лозовое, Циркуны, Ключкин.

Частью сил из района Зиборовки будет наступать на Муром и далее на Терновую для того, чтобы помочь 57-й армии форсировать р. Северский Донец в районе Рубежное, Стар[ый] Салтов.

2. 57 А Юго-Западного фронта желательно передать в подчинение Степного фронта и сейчас готовить удар 57 А с линии

Рубежное, Стар[ый] Салтов в общем направлении на Непокрытая и далее на совхоз им. Фрунзе. 57 А необходимо вывести на линию совхоз Кутузовка, совхоз им. Фрунзе, Рогань (северная).

Если 57 А будет оставаться в подчинении Юго-Западного фронта, то ее нужно обязать с подходом Шумилова в район Мурома перейти в наступление в вышеуказанном направлении.

3. Для проведения второго этапа, т. е. Харьковской операции, в состав Степного фронта необходимо передать 5-ю гв. танковую армию, которая выйдет в район Ольшаны, Старый Мерчик, Огульцы.

Харьковскую операцию ориентировочно предлагаем построить в следующем плане:

а) 53 А во взаимодействии с армией Ротмистрова будет охватывать Харьков с запада и юго-запада.

б) Армия Шумилова будет наступать с севера на юг с линии Циркуны, Дергачи.

в) 57 А будет наступать с востока с линии совхоз им. Фрунзе, Рогань, охватывая Харьков с юга.

г) 69 А (если она будет к этому времени пополнена) развернется в стыке между Жадовым и Манагаровым в районе Ольшан и будет наступать на юг для обеспечения Харьковской операции с юга.

69 А будет выходить на линию Снежков Кут, Минковка, Просяное, Новоселовка.

д) Левый фланг Воронежского фронта необходимо вывести на линию Отрада, Коломак, Снежков Кут.

Эту задачу должны выполнить армия Жадова и левый фланг 27-й армии. Армию Катуква желательно иметь в районе Ковяги, Алексеевка, Мурафа. Юго-Западному фронту необходимо нанести удар из района Замостья в общем направлении на Мерефу. наступая по обоим берегам р. Мжа, частью сил наступать через Чугуев на Основу, частью сил необходимо очистить от противника лес южнее Замостья и выйти на рубеж Новоселовка, Охочае, Верх[ний] Бишкин, Геевка.

4. Для проведения Харьковской операции необходимо кроме 20 тыс пополнения дать 15 тыс для пополнения дивизий 53-й и 7-й гвардейской армий, для доукомплектования танковых частей фронта дать 200 штук Т-34 и 100 Т-70, КВ – 35 штук. Перебросить четыре полка самоходной артиллерии и две инженерные бригады. Доукомплектовать ВВС фронта штурмовиками, истребителями и бомбардировщиками в количестве: истребителей – 90, Пе-2 – 40 и Ли-2 – 60.

Просим утверждения.

ЖУКОВ
КОНЕВ
ЗАХАРОВ

ЦДМО. Ф. 48. Оп. 1691. Д. 233. Л. 397-401.

№ 28

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30159 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО И БРЯНСКОГО ФРОНТОВ О НАСТУПЛЕНИИ НА КАРАЧЕВ И ШАБЛЫКИНО

6 августа 1943 г. 16 ч 45 мин

Ввиду занятия Орла и успешного продвижения войск Брянского фронта к западу от Орла Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 24 часов 6.8.1943 г. установить следующую разгранлинию между Брянским и Центральным фронтами: Хомуты (15 км северо-восточнее Кромы), Шаблыкино и далее по р. Навля. Все пункты для Центрального фронта включительно.

2. Командующему Брянским фронтом главные усилия направить на быстрейшее овладение Хотынцем и Карачевом.

3. Командующему Центральным фронтом использовать 2-ю и 3-ю [гв.] танковые армии для удара в направлении Шаблыкино с задачей во взаимодействии с правым крылом Брянского фронта, наступающим на Карачев, уничтожить противника, отходящего от Орла на запад.

4. Всеми силами авиации Брянского и Центрального фронтов содействовать выполнению этой задачи.

5. Об отданных распоряжениях донести шифром.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11596. Д. 13. Л. 217.

№ 29

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30160 Г. К. ЖУКОВУ И А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПЛАНА ОПЕРАЦИИ «ПОЛКОВОДЕЦ РУМЯНЦЕВ»

6 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Представленный тов. Юрьевым план проведения операции «Румянцев» Ставка Верховного Главнокомандования утверждает и одновременно указывает:

1. 57-ю армию Гагена с 24 часов 8 августа передать из состава Юго-Западного фронта в состав Степного фронта с задачей ударом в обход Харькова с юга содействовать главной группировке Степного фронта в овладении Харьковом. Разгранлинию между Степным и Юго-Западным фронтами установить левую границу 57-й армии.

2. Основная задача Юго-Западного фронта – нанести главный удар на юг в общем направлении Голая Долина, Красноармейское и во взаимодействии с Южным фронтом разгромить донбасскую группировку противника и овладеть районом Горловка, Сталино.

3. Основная задача Южного фронта – нанести главный удар в общем направлении Куйбышево, Сталине, где сомкнутся с ударной группой Юго-Западного фронта.

Готовность к наступлению Юго-Западного и Южного фронтов 13-14.8. 1943 г. тов. Александрову план действий ЮЗФ и ЮФ представить 10.8 на утверждение Ставки.

4. Координацию действий возложить: между Воронежским и Степным фронтами на тов. Юрьева и между Юго-Западным и Южным фронтами на тов. Александра.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 218-219.

№ 30
ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30163 Г. К. ЖУКОВУ
ОБ УСКОРЕНИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ХАРЬКОВА

10 августа 1943 г. 02 ч 45 мин

Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщения в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова.

Для этой цели 1-й танковой армией Катюкова перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-й гв. танковой армией Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мереры.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11596. Д. 13. Л. 228.

№ 31
ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30162 КОМАНДУЮЩЕМУ
ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА НА НАСТУПЛЕНИЕ

10 августа 1943 г. 03 ч 00 мин

Ввиду отхода орловской группировки противника к Брянску Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым:

1. Создать основную группировку Центрального фронта в районе Асмань, Гломаздино, Дмитриев-Льговский в составе не менее 20-25 стрелковых дивизий, одной танковой армии и необходимых средств усиления с задачей – ударом в общем направлении хутор Михайловский, Стародуб, Унеча выйти на западный берег р. Десна, на участке Гремяч, Новгород-Северский. В дальнейшем развивать главный удар на Унеча и отрезать брянскую группировку противника от Гомеля, содействуя тем самым Западному и Брянскому фронтам в разгроме брянско-рославльской группировки противника.

2. С этой целью произвести следующую перегруппировку:

а) Оставить на фронте Гнилое Болото, Брянцево одну армию в составе не более десяти сд и одну танковую армию.

б) На фронте Брянцево, Погребы иметь две армии в составе не менее пятнадцати сд и одну танковую армию.

в) Усилить 60 А четырьмя-пятью сд, с тем чтобы иметь на ее правом фланге ударную группировку в составе пяти сд.

г) Одну армию в составе не менее шести сд вывести в резерв фронта в район восточнее Дмитриев-Льговский.

д) С выходом правого крыла фронта на линию дороги Карачев-Комаричи вывести в резерв фронта и другую танковую армию.

3. В соответствии с указанной перегруппировкой разграничить линию между Брянским и Центральным фронтами с 24.00 10.8 установить: до Хомуты прежняя и далее Гнилое Болото, Турищево, Кокоревка, Селище. Все пункты, кроме Турищево, включительно для Центрального фронта.

4. Готовность войск к наступлению 20 августа.

5. План операции, согласно настоящей директиве, представить нарочным начальнику Генштаба к 15 августа.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11596. Д. 13. Л. 226, 227.

№ 32

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30165 Г. К. ЖУКОВУ, И А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ О ЗАДАЧАХ ВОЙСК ВОРОНЕЖСКОГО, СТЕПНОГО И ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТОВ

12 августа 1943 г. 01ч 30 мин

В связи с успешным развитием наступления на харьковском направлении войск Воронежского и Степного фронтов Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Воронежскому фронту. Ударом 1-й танковой армии Катюкова в общем направлении Валки, Нов[ая] Водолага совместно с 5-й гв. танковой армией Ротмистрова отрезать пути отхода харьковской группировки противника на юг и юго-запад.

После разгрома харьковской группировки противника и овладения г. Харьков продолжать наступление в общем направлении Полтава, Кременчуг и к 23-24.8 выйти главными силами на линию ст. Ярески, Полтава, (иск.) Карловка.

В дальнейшем наступать к р. Днепр и выйти на фронт Кременчуг, Орлик, предусмотрев захват переправ через р. Днепр подвижными частями.

Для обеспечения операции своей ударной группировки правым крылом фронта к 23-24.8 выйти на р. Псел, где прочно закрепиться.

Разгранлиния слева со Степным фронтом до Огульцы прежняя и далее Валки, Карловка, р. Орчик, р. Орель, все пункты, кроме Карловка, для Воронежского фронта включительно.

2. Степному фронту. После овладения г. Харьков продолжать наступление в общем направлении на Красноград, Верхнеднепровск и к 24-25.8 выйти главными силами на линию Карловка, Красноград, ст. Кегичевка.

В дальнейшем развивать наступление к р. Днепр, предусмотрев захват переправ через р. Днепр подвижными частями.

Разгранлиния слева с Юго-Западным фронтом до Ново-Покровское прежняя и далее Тарановка, ст. Сахновщина, ст. Мижиричи, Вадильевка. Все пункты для Юго-Западного фронта включительно.

3. Юго-Западному фронту. Главными силами нанести удар с фронта Изюм, Богородичное, в общем направлении Барвенково, Павлоград.

Правым крылом фронта немедленно приступить к форсированию р. Сев[ерский] Донец южнее Чугуева и ударом на Замостье, Тарановка и далее на юг во взаимодействии с 57-й армией Степного фронта свертывать оборону противника по западному берегу р. Сев.[ерский] Донец. К. 24-25.8 выйти главными силами фронта на линию Лиговка, Лозовая, Барвеново.

В дальнейшем развивать наступление в общем направлении Павлоград, Орехов с целью выйти на фронт Запорожье, Пологи и отрезать пути отхода на запад донбасской группировке противника.

4. О получении и отданных распоряжениях донести.

5. С настоящей директивой товарищу Юрьеву ознакомить Ватутина и Конева, а товарищу Александрову с этой директивой ознакомить Малиновского.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 233, 234.

№ 33

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 46199 Г.К. ЖУКОВУ, КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА, КОМАНДУЮЩЕМУ 4-й ГВАРДЕЙСКОЙ АРМИЕЙ НА ПЕРЕДАЧУ АРМИИ В СОСТАВ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА

13 августа 1943 г. 16 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 4-ю гв. армию т. Кулика в полном составе с 3-м гв. танковым корпусом с 18 часов 13.8.1943 г. передать в состав войск Воронежского фронта.

2. Командующему Воронежским фронтом использовать 4-ю гв. армию для развития наступления на втором этапе «Румянцева».

3. О принятии 4-й гв. армии командующему Воронежским фронтом донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ.

ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 190.

№ 34

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 430166 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА НА НАСТУПЛЕНИЕ И ПЕРЕДАЧУ 50-й АРМИИ В СОСТАВ БРЯНСКОГО ФРОНТА

16 августа 1943 г. 19 ч 20 мин

В связи с продвижением наших войск на рославльском и брянском направлениях Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Западному фронту, продолжая наступление, не позднее 25-28 выйти на р. Десна на фронте Ельня, Екимовичи, устье р. Ветьма. Подвижными частями захватить переправы через р. Десна, прочно удерживая их, до подхода главных сил. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении Рославль, Могилев. Правым крылом фронта не позднее 25-26.8 выйти на линию Ярцево, Ельня, после чего во взаимодействии с левым флангом Калининского фронта развивать наступление в направлении Смоленск, Орша.

2. 50-ю армию в полном составе со всеми средствами усиления, армейскими тыловыми частями и учреждениями, а также всеми наличными запасами с 24.00 17.8 передать в состав войск Брянского фронта.

3. Разграничительную линию с Брянским фронтом с 24.00 17.8 установить: Мещовск, Матчино, ст. Пробуждение, Запрудное, Людиново, Бытош, р. Ветьма до ее устья, Хотимск, Пропойск, Нов[ый] Быхов. Все пункты, кроме Людиново, Пропойск, Нов[ый] Быхов, для Западного фронта включительно.

4. Ответственность за обеспечение стыка между Западным и Брянским фронтами возложить на командующего [войсками] Западного фронта.

5. О получении и отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 240-241.

№ 35

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30167 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА НА НАСТУПЛЕНИЕ

16 августа 1943 г. 18 ч 30 мин

В связи с продвижением наших войск на рославльском и брянском направлениях Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Брянскому фронту, продолжая наступление, не позже 26-28.8 выйти на р. Десна на фронте Жуковка, жд узел Брянск, устье р. Нерусса. Подвижными частями захватить переправы через р. Десна, прочно удерживая их до подхода главных сил, после чего форсировать р. Десна северо-западнее и южнее Брянска и овладеть брянским плацдармом в излучине р. Десна.

В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Гомель.

2. С 24 часов 17.8 включить в состав войск Брянского фронта 50-ю армию Западного фронта в полном составе, со всеми средствами усиления, армейскими тыловыми частями и учреждениями, а также всеми наличными запасами.

3. Установить с 24 часов 17.8 разграничительные линии:

а) С Западным фронтом – Мещовск, Матчино, ст. Пробуждение, Запрудное, Людиново, Бытош, р. Ветьма, до ее устья, Хотимск, Пропойск, Нов[ый] Быхов. Все пункты, кроме Людинова, Пропойска и Нов[ого] Быхова, для Западного фронта включительно.

б) С Центральным фронтом – до Гнилое Болото прежняя и далее Столбово, Городище, р. Нерусса, р. Десна до Гремяч, Семеновка, Городня, Лоев. Все пункты для Брянского фронта включительно.

4. Ответственность за обеспечение стыков возложить между Западным и Брянским фронтами на командующего Западным фронтом и между Брянским и Центральным фронтом на командующего Брянским фронтом.

5. О получении и отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 242-243.

№ 36

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30168 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА НА РАЗВИТИЕ НАСТУПЛЕНИЯ НА КИЕВ

16 августа 1943 г. 19 ч 20 мин

В связи с продвижением наших войск на брянском и харьковском направлениях Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Центральному фронту, наступая в общем направлении Севск, хут. Михайловский, не позднее 1-3.9 войти на фронт р. Десна южнее Трубчевска, Новгород-Северский, Шостка, Глухов, Рыльск. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении Конотоп, Нежин, Киев и при благоприятных условиях частью сил форсировать р. Десна и наступать по правому ее берегу в направлении Чернигова.

2. С 24.00 17.8 установить разгранлинии:

а) с Брянским фронтом – до Гнилое Болото прежняя и далее Столбово, Городище, р. Нерусса, р. Десна до Гремяч, Семевка, Городня, Лоев. Все пункты для Брянского фронта включительно;

б) с Воронежским фронтом – до ст. Локинская прежняя и далее Терны, Краен [ый] Колядин, Ичня, Киев. Все пункты для Центрального фронта включительно.

3. Обеспечение стыков возложить между Брянским и Центральным фронтами на командующего Брянским фронтом, между Центральным и Воронежским фронтом на командующего Центральным фронтом.

4. О получении и отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 195-196.

№ 37

УКАЗАНИЯ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ О НЕСВОЕВРЕМЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИМ БОЕВОГО ДОНЕСЕНИЯ

17 августа 1943 г. 03 ч 30 мин

Сейчас уже 3 ч 30 мин 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки.

Я давно уже обязал Вас, как уполномоченного Ставки, обязательно присылать в Ставку к исходу каждого дня операции специальные донесения.

Вы почти каждый раз забывали об этой своей обязанности и не присылали в Ставку донесений.

16 августа является первым днем важной операции на Юго-Западном фронте, где Вы состоите уполномоченным Ставки. И вот Вы опять изволили забыть о своем долге перед Ставкой и не присылаете в Ставку донесений.

Вы не можете ссылаться на недостаток времени, так как маршал Жуков работает на фронте не меньше Вас и все же ежедневно присылает в Ставку донесения.

Разница между Вами и Жуковым состоит в том, что он дисциплинирован и не лишен чувства долга перед Ставкой, тогда как Вы мало дисциплинированы и забываете часто о своем долге перед Ставкой.

Последний раз предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз еще позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта.

И. СТАЛИН

Центр хранения современной документации. Д. 2. 1943 г. Л. 198.

№ 38

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30170 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА НА ЛИКВИДАЦИЮ АХТЫРСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

22 августа 1943 г. 03 ч 00 мин

Копия: Г. К. Жукову

События последних дней показали, что Вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций.

Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией, без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок, является наступлением огульного характера.

Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим, далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям.

При таких обстоятельствах противнику удалось выйти на тылы 1-й танковой армии, находившейся в районе Алексеевка, Ковяги, затем он ударил по открытому флангу соединений 6-гв. армии, вышедших на рубеж Отрада, Вязовая, Панасовка, и наконец противник 20 августа нанес удар из района Ах-

тырки на юго-восток по тылам 27-й армии 4-го и 5-го гв. танковых корпусов.

В результате этих действий противника наши войска понесли значительные и ничем не оправданные потери, а также было утрачено выгодное положение для разгрома харьковской группировки противника.

Я еще раз вынужден указать Вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые Вами при проведении операций, и требую, чтобы задача ликвидации ахтырской группировки противника, как наиболее важная задача, была выполнена в ближайшие дни.

Это Вы можете сделать, так как у Вас есть достаточно средств.

Прошу не разбрасываться, не увлекаться задачей охвата харьковского плацдарма со стороны Полтавы, а сосредоточить все внимание на реальной и конкретной задаче – ликвидации ахтырской группировки противника, ибо без ликвидации этой группы противника серьезные успехи Воронежского фронта стали не осуществимыми.

И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 260-261.

№ 39

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30176 Г. К. ЖУКОВУ О ПЛАНЕ ЛИКВИДАЦИИ АХТЫРСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

22 августа 1943 г. 19 ч 00 мин

Копии:

А. М. Василевскому, Н. Ф. Ватутину Н. С. Хрущеву, И. С. Коневу

План наступления Воронежского фронта с целью к 20.8 овладеть Ахтыркой явным образом не удался. Операция по разгрому харьковской группировки противника также затянулась.

Ставке Верховного Главнокомандования неизвестно, по какому плану действуют сейчас Воронежский и Степной фронты.

Ставка требует, чтобы Вы представили план операции по ликвидации ахтырской группировки противника и овладению плацдармом Ахтырка, Котельва, Колонтаев, Пархомовка.

Для этого недостаточно вовлечь в дело отдельные армии и танковые корпуса. Для этого необходимо организовать прорыв фронта противника с привлечением основных сил артиллерии и авиации наподобие тому, как это было организовано севернее Белгорода.

Эта операция по времени должна быть согласована с прорывом обороны противника на стыке Степного и Юго-Западного фронтов.

Руководство организацией прорыва на правом крыле Юго-Западного фронта и взаимодействия его со Степным фронтом возложено на тов. Александрова, который должен поддерживать с тов. Юрьевым прочную связь.

Правое крыло Юго-Западного фронта может начать наступление 26-27.8.

План операции представьте к исходу дня 22.8, с тем чтобы начать переселение Воронежского и Степного фронтов не позже 27.8.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 267-267.

Документы Командования Западный Фронт

№1

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 0053/оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА ПРОРЫВА ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА

18 апреля 1943 г.

1. Участок прорыва – Дудино, Ожигово. Ширина участка по фронту – 11 км.

2. Операцию проводит 11-я гв. армия, имея ударную группировку в составе:

а) семь гвардейских и одна стрелковая дивизии (1, 11, 16, 18, 26, 31, 83 гв. сд и 108 сд);

б) три артдивизии – 6, 3 и 14 (без легкой бригады) ад. Двадцать два отдельных артполка.

Всего орудий усиления – 1028.

Дивизионной артиллерии – 250.

Итого – 1278 орудий (включая 120-мм минометы).

Из этого числа гаубичной артиллерии, включая 120-мм минометы, – 798 орудий.

Плотность на 1 км фронта прорыва – 116 орудий.

Плотность гаубичной артиллерии – 72,5.

Учитывая необходимость обработать артиллерией по два километра обороны противника на фронтах прорыва, общая плотность орудий на 1 км снижается до 85.

в) Из состава гвардейских минометных частей фронта на операцию привлекаются две бригады М-30 и две бригады М-13.

г) Танки. Возможно выделить только три отдельные танковые бригады – 10, 43 гв. и 213-ю. Кроме того, для развития успеха сосредоточиваются 1-й и 5-й танковые корпуса.

д) Боевые порядки войск будут прикрываться тремя зенитными дивизиями и двумя отдельными зенитными артполками. Всего: 168 орудий – 37-мм, 48 орудий – 85-мм и 200 пулеметов.

На прикрытие баз снабжения – три отдельных зендивизиона, три отдельных зенартполка и две пульроты. Это составит: 52 ор. – 37-мм, 24 ор. – 85-мм и 74 пулемета.

г) Для взаимодействия с наземными войсками и прикрытия будет выделено до 150 самолетов 1-й воздушной армии.

ж) Каждая стрелковая дивизия и танковый корпус усиливаются одним инженерным батальоном или саперным батальоном.

3. Ближайшая задача первого дня операции – прорвать фронт противника и сломить его оборону на глубину до 4-5 км, овладев при этом гребнем командных высот (рубеж – Глинная, Жилково, Белый Верх, Слободка).

В течение второго и третьего дней прорвать оборону еще на глубину до 10-12 км и расширить прорыв на запад до р. Рессета.

На четвертый день, прочно обеспечивая себя с запада, двумя свежими стрелковыми дивизиями с танковыми бригадами и танковым корпусом развивать удар на Афонасово, Ягодное и далее, в зависимости от обстановки, или на Волхов, или в направлении Узкое.

При успешном развитии наступления в первый и второй дни не исключается возможность ввода в действие одного танкового корпуса с утра третьего дня с рубежа Ульяново.

4. Построение ударной группы для прорыва: в первом эшелоне – четыре дивизии; во втором эшелоне – также четыре дивизии.

Танковые бригады придаются дивизиям второго эшелона. Для усиления пробивной способности первого эшелона необходимо получить четыре отдельных танковых полка прорыва.

5. В связи с наличием прочной обороны противника и некомплектом людей в дивизиях, намечается после первых двух дней боев 2-3 дивизии первого эшелона заменить свежими дивизиями из второго эшелона.

6. Учитывая сильно укрепленную полосу противника, артподготовка планируется продолжительностью в 2 часа.

Потребность в боеприпасах исчислена из расчета:

Артподготовка и первый день боя – 3 бк

второй день – 2 –»–

третий день – 1 –»–

резерв – 1 –»–

Всего – 7 бк

Прошу утвердить настоящий план и помочь фронту гаубичной артиллерией и танками. Желательно получить две гаубичные бригады, четыре отдельных танковых полка прорыва и для доукомплектования танковых корпусов выделить танков: Т-34 – 185 штук; Т-70 – 79 штук.

В данное время корпуса имеют, включая танки, находящиеся в ремонте:

1 тк – Т-34 – 57, Т-60-70 – 38; 5 тк – Т-34 – 20, Т-60-70 – 37.

Приложение

СОКОЛОВСКИЙ
БУЛГАНИН
ПОКРОВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2338. Л. 272-276.

№ 2
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 182 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ

27 июня 1943 г. 01 ч 00 мин

1. Войска армий обороняли прежние рубежи. На отдельных участках вели перестрелку. Войсковой и авиационной разведкой уточняли систему огня, заграждений, группировку и нумерацию частей противника.

В течение истекших суток огнем пехоты и артиллерии уничтожено 196 солдат и офицеров, рассеяно до 250 человек пехоты, разбито 5 пулеметов, 9 блиндажей с пехотой, орудие, подавлен огонь 3 арт., 4 мин. батарей и 5 пулеметов противника.

На правом фланге 50-й армии взяты пленные: в 1 км южнее Букани – 3 рядовых 252 пп 110 пд; юго-западнее Крестьянской Горы – унтер-офицер 519 пп 296 пд.

2. Противник огнем пулеметов, минометов и артиллерии периодически обстреливал расположение наших войск, производя до 3620 артиллерийско-минометных выстрелов. На правом фланге 11-й гв. армии в районе Чернышино взводом пехоты вел разведку. Пулеметным огнем левофланговых подразделений 740 сп рассеян.

3. 1-я воздушная армия производила транспортировку грузов партизанским отрядам, вела разведку войск, коммуникаций и аэродромов противника. Дежурные подразделения истребителей вылетали на перехват его самолетов и патрулировали в районах своих аэродромов. Произведено 94 самолето-вылета.

Авиация противника одиночными самолетами вела разведку поля боя, передовых аэродромов и войсковых тылов. Разведка производилась до рубежа Вязьма, Мятлево, Калуга, Белев. Постами ВНОС учтено 68 самолето-пролетов.

ВАСИЛЕНКО
НИКОЛИН

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2424. Л. 294.

Документы Командования Брянский Фронт

№ 1

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00107 /оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПЕРЕХОДЕ В НАСТУПЛЕНИЕ

12 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Ударные группы 61, 3 и 63-й армий войск Брянского фронта после мощной авиационной и артиллерийской обработки сильно укрепленной оборонительной полосы противника, при поддержке танков и авиации в 5.40 12.7.1943 г. перешли в наступление на участках: 61А – устье р. Нугрь, Сивково; 3А – Измайлово, Вяжи и 63 А – (иск.) Вяжи, Орловка.

На всех участках развернулись упорные бои. Наши войска, преодолевая ожесточенное огневое сопротивление и уничтожая узлы и опорные пункты, на всех направлениях порвали передний край обороны противника и, медленно продвигаясь вперед, к исходу дня с боями овладели:

61-я армия – отбив контратаки противника, поддержанные танками, овладела рубежом сев. окр. Пальчиково (северное), (иск.) Пальчиково, овраг юго-вост. Пальчиково, отм. 181,4, отм. 209,8, выс. 203,5 (500 м вост. Кривцово с/с), за юго-вост. скаты, Сивково;

3-я и 63-я армии – лес 1,5 км сев.-вост. Евтехов, выс. 246,7, Ивань, Ускань, Затишье, Бол[ьшой] Малиновец, выс. 254,9,

отм. 243,7 (1 км вост. Прогресс), выс. 248,0 и за зап. и юго-вост. скаты до р. Неручь, Репьевка.

В результате боев нанесены большие потери противнику в живой силе и технике (208 пд, 350 пп 56 пд, 262 пд). Полностью уничтожен гарнизон в Толкачево.

По неполным данным, взяты пленные: войсками 61-й армии – 74 чел., принадлежащих 337, 338 пп (208 пд) и 350 пп; войсками 3-й армии – 17 чел., принадлежащих 192 пп 56 пд; войсками 63-й армии – 49 чел., принадлежащих 482 пп 262 пд. Итого, по неполным данным, 140 чел. Огнем ЗА сбито 17 самолетов противника. Трофеи уточняются.

Наша авиация в течение ночи и дня 12.7.1943 г. бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожала живую силу и технику противника на переднем крае и в глубине его обороны, взаимодействуя с наземными войсками.

Всего сделано 1335 самолето-вылетов. По неполным данным, уничтожено до 200 солдат и офицеров, 8 танков, 2 бронемашины, 25 автомашин с войсками и грузом, 4 батареи ПА, 2 мин. батареи, взорван склад с горючим и боеприпасами. Проведено 25 групповых воздушных боев, в результате которых сбит 51 самолет противника.

Второе. Противник огнем и контратаками наземных войск оказывает упорное сопротивление нашим наступающим войскам, подбрасывая свежие части в районы боевых действий из глубины. На участке 61 А подброшено до двух пехотных полков и до 40 танков. В 5.40 12.7.1943 г. авиацией отмечено движение сплошных мотомехколонн по дорогам: Волхов – Казминка; Волхов – Тельчье.

В 17.30 силою до батальона с 10 танками из Хмелевой в направлении выс. 199,2 контратаковал 76 гв. сд и оттеснил ее с занимаемой высоты. В 15.30 силою до роты с 5 танками контратаковал из Кривцово с/с в направлении отм. 209,8. Контратака была отбита, и подбито 4 его танка.

Его авиация группами 9-32 самолета [бомбила] боевые порядки наступающих войск. Всего отмечено 538 самолето-пролетов.

Третье. Решение на 13.7.1943 г. доложено шифром.

*Командующий Войсками Брянского Фронта
Генерал-полковник Попов
Член Военного Совета Брянского Фронта
Генерал-лейтенант Мехлис
Начальник Штаба Брянского Фронта
Генерал-лейтенант Сандалов*

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 113-115.

№ 2

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00108 /оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ЗАВЕРШЕНИИ ПРОРЫВА ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА

13 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Войска Брянского фронта 13.7.1943 г., продолжая наступательные бои, прорвали тактическую глубину обороны противника и вышли на участке прорыва на 10-13 км в глубину.

Во второй половине дня введены 20 тк, 1 гв. Донской тк.

Преодолевая упорное огневое сопротивление и на отдельных участках контратаки противника силою до батальона-полка с танками и под непрерывным воздействием авиации противника, к 20-21.00 ударные группы армий занимали следующее положение:

б1 А, отражая неоднократные контратаки противника на Хмелевую и Кривцово с/с силою до пп с 20-30 танками, овладела Пальчиково (северное и южное), выс. 199,2, Кривцово, Корнилове, Лубнами, Кукуевкой и ведет бой за Хмелевую, Дубровский, Казминку.

20 тк с частями 9 гв. ск вел бой с контратакующим противником в районе Хмелевая и Кривцово.

3 А овладела Городиловскими выс [отами], Красным, Образцовкой, Кочетами, выс. 259,0 (1 км зап. Козинки).

б3 А, отразив контратаки пехоты противника, при поддержке небольшой группы танков в районе Сетуха, лес юго-зап. Бе-

резовец, овладела рубежом Хмелек и лес западнее, Сетуха, Гусли, Березовец.

1 гв. тк одной тбр – Трехонетово, второй – лес сев.-зап. Кочеты и третьей – в лесу непосредственно зап. Хмелек.

В течение дня корпус подвергался неоднократной бомбардировке авиации противника.

По неполным данным, войсками фронта в течение суток противнику нанесены потери: уничтожено свыше 2000 солдат и офицеров и 17 танков;

захвачено до 350 человек пленных, 12 орудий, 8 шестиствольных минометов и 29 обыкновенных минометов, 18 станковых пулеметов, 36 ручных пулеметов, 6 автоматов, 9 складов с боеприпасами и продовольствием и большое количество боеприпасов.

Огнем ЗА сбито 17 самолетов.

Авиация фронта бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожала живую силу и технику противника непосредственно на поле боя, в районах скоплений и движения по дорогам в глубине, прикрывала боевые порядки своих войск. Всего сделано 824 самолето-вылета.

По неполным данным, уничтожено до 30 автомашин, взорвано 4 склада с боеприпасами, создано до 40 очагов пожара. В проведенных 36 воздушных боях сбито 59 самолетов противника и 7 уничтожено на аэродроме в районе Думнино.

С боевого задания не вернулось 55 самолетов.

Второе. Противник на всех направлениях наступления наших частей огнем и контратаками пехоты с танками, а также систематическими налетами авиации оказывает упорное сопротивление. Неоднократно контратаковал части 9 гв. ск из Багриново на Хмелевую и Кривцово с/с до полка пехоты с 20-30 танками и самоходными орудиями.

БЗ А в 19.00 из леса юго-зап. Березовца контратаковал силю до батальона с 6 танками в направлении Березовца.

Подводил из глубины резервы:

а) на участок БЗ А на Становой Колодезь на автомашинах до пп в район Сетухи;

б) танковую дивизию неустановленной нумерации (данные авиаразведки и наземного наблюдения) в район Алтухово.

Авиация противника группами 9-60 самолетов бомбила боевые порядки наших войск [на переправах] через р. Ока и Неручь.

Всего отмечено до 1500 самолетов-пролетов.

Третье. Войска фронта 14.7.1943 г. будут продолжать выполнение ранее поставленных задач.

Командующий Войсками Брянского Фронта

Генерал-полковник Попов

Член Военного Совета Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 140, 141.

№ 3

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00109 /оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ С 12 ПО 14 ИЮЛЯ 1943 г.

14 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Противник на всех направлениях оказывает ожесточенное сопротивление. Контратаками на различных участках силами до полка пехоты с 20-30 танками на каждом и налетами авиации группами 9-60 самолетов стремится сдержать наступление наших частей.

За период с 12 по 14.7.1943 г. из глубины подтянул против б1 А танковую часть неустановленной нумерации, 8 тд и 36 пд в район Желябуг, Архангельское, Подмаслово против 63 А.

За три дня боев, по данным армий, отмечено до 3500 самолето-пролетов противника.

Второе. В результате трехдневных ударов войск фронта на земле и с воздуха нанесены большие потери 208, 112, 56 и 262 пд и базам снабжения 2 ТА противника.

14.7.1943 г. к исходу дня заняты: на северном участке – Пальчиково, Хмелевая, Багриново, Дубровский, Казминка, Касьяново, Городище; на южном участке – Круч, Знаменка, Мелынь, Хаустово, Стрельниково, Суворова, Трехонетово, Шум, Жабинский, Краен [ая] Нива, Верх [ниц] Паниковец, Березовец. Идут бои за Архангельское.

В результате трехдневных боев очищено 60 населенных пунктов и до 400 кв. км территории.

По неполным данным, только за 12 и 13.7.1943 г. наземными войсками уничтожено солдат и офицеров до 6500, танков – 17, орудий – 11, минометов – 9. Огнем ЗА сбито 34 самолета.

Захвачено пленных до 1000 человек, орудий разных – 79, минометов – 82, пулеметов – 99, автоматов – 50, винтовок – 175, автомашин – 22, складов с боеприпасами, продовольственных и вещевых – 25, с инженерным имуществом – 1 и много другого военного имущества, которое подсчитывается.

Нашей авиацией за 12 и 13.7.1943 г. проведено до 100 воздушных боев, в которых сбито 183 самолета и 7 уничтожено на аэродроме.

Бомбардировочными и штурмовыми действиями, по неполным данным, уничтожено солдат и офицеров – до 500, танков – 18, бронемашин – 5, автомашин с войсками и грузом – 144, батарей ПА – 7, минбатарей – 5, батарей ЗА – 2, складов с боеприпасами и горючим – 2.

Третье. 15.7.1943 г. войска фронта будут выполнять задачи:

а) 61 А – танковым корпусом [должна] перехватить пути Волхов – Орел южнее Волхова и главные силы вывести на рубеж Пепелевка, Макеево, Сидоровка, Дубовая (южная), Верх [нее] Ущерево.

б) 3 А – окружать и уничтожать отходящие части 262 и 56 пд и выйти на рубеж р. Олешня, прочно обеспечив за собой переправы через эту реку.

в) 63 А – танковым корпусом обойти занимающие оборону в районе Желябуга части 36 пд с севера и наступать на Моховое с целью захватить этот район.

Главной группировкой армии нанести поражение 36 мд и 8 тд и выйти на рубеж Подмаслово, Аржаное, Калгановка.

г) 15 ВА – основными силами взаимодействует с наступающими танковыми корпусами.

Командующий Войсками Брянского Фронта

Генерал-полковник Попов

Член Военного Совета Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 122-124.

№ 4

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00110 /оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ

15 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Противник, упорно сопротивляясь, непрерывно бросает на различных направлениях в контратаку свои тактические резервы силами от батальона до полка с 10-30 танками, поддерживая эти контратаки бомбардировочной авиацией.

Упорным сопротивлением стремится задержать наступление наших войск с целью выигрыша времени для подтягивания оперативных резервов и подготовки оборонительных рубежей: против б1 А – по р. Нугрь, Кишкино, Мартемьяново, Ниж[нее] Ущерево; против 3 и б3 А – по р. Олешня, Подмаслово, Архангельское, Суры.

К участкам прорыва подвел войска: на северном участке – 12 тд; на южном участке в район Алексеевки – 2 тд; в район Подмаслово – тд неустановленной нумерации; в район Дальновидово, Архангельское – 3б пд и 8 тд.

Авиация противника группами 20-30 самолетов бомбила боевые порядки наступающих частей. Отмечено до 230 самолетов-пролетов.

Второе. Войска фронта, сламывая сопротивление противника, за сутки овладели 14 населенными пунктами.

К исходу дня 15.7.1943 г. войска фронта занимают рубежи:

На северном участке – Пальчиково, Хомяково, Багриново, Милятино, Казминка (южная), Касьяново, (иск.) Хвощево, Городище. 20-й тк действует на участке Багриново, Милятино.

На южном участке – Кручь, Высокое, выс. 233,6 и 245,3 (1 км сев.-зап. и юго-зап. Хаустово), Суворова, Алексеевка, Бол[ьшое] Очкасово, Александровка, Победное, Гоголь, хут. Желябуг, (иск.) Архангельское, сев.-вост. опушка леса (2 км юго-зап. Березовец).

1 гв. Сталинградский тк в результате контратак тд неустановленной нумерации из Подмаслово и Мохового, понеся большие потери, отошел на рубеж Желябуг, хут. Желябуг, за боевые порядки 5 сд.

В результате боев за сутки (по неполным данным) уничтожено более 1000 солдат и офицеров, 36 танков, 4 самоходных орудия. Огнем ЗА сбито 5 самолетов, которые упали на нашей территории. Взяты пленные и другое военное имущество.

Наша авиация бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожала противника на поле боя и в глубине.

Всего сделано 660 самолето-вылетов.

В результате действий уничтожено 14 танков, до 120 автомашин, 2 склада с боеприпасами, 2 жд вагона; подавлен огонь 3 батарей ЗА, разрушено жд полотно на ст. Моховое. Создано до 110 очагов пожара, некоторые из них сопровождались сильными взрывами. С боевого задания не вернулись 4 самолета и 1 сбит огнем ЗА.

Третье. 16.7.1943 г. войска будут продолжать выполнение ранее поставленных задач.

Командующий Войсками Брянского Фронта

Генерал-полковник Попов

Член Военного Совета Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 129-130.

№ 5
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00111/оп ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ИТОГАХ БОЕВЫХ
ДЕЙСТВИЙ ЗА 12–15 ИЮЛЯ 1943 г.

16 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Противник на северном участке фронта, прикрываясь сильными арьергардами, отходит на Болхов; на южном участке продолжал оказывать упорное сопротивление огнем и контратаками пехоты при поддержке танков, стремясь остановить наступление наших войск на рубеже р. Олешня, Подмаслово, Архангельское, Суры.

Авиация противника группами 10-15 самолетов бомбила боевые порядки наших наступающих частей. Всего за сутки отмечено до 230 самолето-пролетов.

Второе. 61-я армия, сломив сопротивление противника на своем правом крыле, овладела рядом населенных пунктов. К исходу дня 16.7.1943 г. армия занимает положение: 415 сд – Богдановка, Маровка, Озеренский, Леоновский, Передель; части ударной группы армии – Крутогорье, Семеновка, Курасово, Зарецкий, Петров, Старо-Мельница, Дубровский, Нов [ая] Деревня, Кишкино, (иск.) Перцовский, Дачный, Пальчикова, Бычковский, Мартемьяново, Азарово (южное), Калинеево, Слободка, Городище.

Войска левого крыла фронта: 3-я армия, отразив неоднократные атаки противника, правым флангом продвинулась вперед и овладела Елизаветинкой, Слободкой, Проказинкой.

63-я армия – в течение дня закрепились на достигнутом рубеже, огнем артиллерии и минометов уничтожала пехоту и танки противника и производила перегруппировки.

По неполным данным, за период боев 12-15.7.1943 г. войсками фронта уничтожено солдат и офицеров – 15 300, танков – свыше 200, орудий разных – более 100, минометов – 69, самолетов – 230, автомобилей – 231, артскладов – 63.

Захвачено пленных – 1226, орудий разных – 150, минометов – 85, из них 21 шестиствольный, пулеметов – 200, автоматов – свыше 200, винтовок – 1500, автомашин – 70, разных складов – 66.

Наша авиация бомбила и штурмовала скопление пехоты и танков перед участками прорыва и в глубине. Всего за сутки сделано 696 самолето-вылетов.

В результате бомбардировочных и штурмовых действий за день уничтожено и повреждено танков – 56, автомашин с войсками и грузом – 115, подвод – 35, жд вагонов – 2, прожекторов – 9; взорвано 7 складов с боеприпасами, подавлен огонь 2 батарей ПА, 6 батарей ЗА, 11 пулеметных точек, истреблено до 200 солдат и офицеров. Создано до 30 очагов пожара, из которых 6 сопровождалось взрывами большой силы.

В шести воздушных боях сбито 11 самолетов противника.

Третье. 17.7.1943 г. войска фронта будут после перегруппировки выполнять прежние задачи.

Командующий Войсками Брянского Фронта

Генерал-полковник Попов

Член Военного Совета Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 134.

№ 6

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00112 /оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

17 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. На участке севернее Болхова противник 17.7.1943 г. продолжал отходить на юг, прикрываясь арьергардными частями; восточное Болхова – продолжал оказывать упорное сопротивление огнем и контратаками.

На левом крыле фронта частями 2 тд и частью сил 8 тд и 36 пд, огнем и контратаками сдерживал наступление наших войск на участке Алешня, Подмаслово.

Его авиация группами 9-80 самолетов под прикрытием истребителей бомбила боевые порядки 3-й и 63-й армий. Всего за сутки отмечено до 500 самолето-пролетов.

Второе. 61-я армия своим правым флангом, преследуя отходящего противника, овладела рядом населенных пунктов и заняла рубеж Снигирево, Архипово, Меркулове, Шамордино, Лохань, Шербово 1-е, Сивково, Аннино, Мелыцино, роща 1 км вост. Морозове, Блошня. На остальном участке фронта армия успеха не имела и занимает прежний рубеж.

Войска 3-й и 63-й армий – после перегруппировки, с 12.00 17.7.1943 г. перешли в наступление, нанося главный удар на фронте Панама, Александровна. Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, войска ударной группы 3-й армии (25 ск с 1 гв. Донским тк) к 15.00 овладели Панама, отм. 220,8 (1 км южн. Арсеньево), выс. 247,4 (0,5 км зап. Меркулове), выс. 244,0 (1 км вост. Малое Очкасово), сев. скаты выс. 270,3, Заброды. К исходу дня 17.7.1943 г. части армии, отбив неоднократные контратаки противника, удерживают указанный рубеж.

1 гв. Донской тк, взаимодействуя с 25 ск, вел тяжелые бои на выс. 270,3 с частями 2 и 8 тд и 36 пд, подвергаясь неоднократной ожесточенной бомбардировке авиации противника. К исходу дня корпус занимает Бол[ьшое] Очкасово, Александровку и лес западнее.

Части 63-й армии, встретив упорное сопротивление на участке Подмаслово, Дальновидово частей 36 пд и танковой части неустановленной нумерации, успеха не имели и занимают прежнее положение.

В результате боев 3-й и 63-й армий 17.7.1943 г. уничтожено свыше 3500 фашистов, взято 25 пленных, подавлено и уничтожено до 12 артиллерийских и минометных батарей, уничтожено и захвачено 38 танков и самоходных орудий, 20 бронемашин, 28 орудий, 30 минометов, захвачено много оружия и боеприпасов, подсчет которых производится. Захвачено самоходное оружие «фердинанд», вооруженное 88-мм зенитной пушкой. Наземными войсками сбито 4 самолета противника.

Наша авиация непрерывными вылетами бомбила и штурмовала боевые порядки противника на поле боя и уничтожала его танки, автомашины в районах: Арсеньеве, Изотнино, Подмаслово, Царевка, Желабурские выс [оты]. Всего сделано за сутки 755 самолето-вылетов. В результате бомбардировки уничтожено и повреждено до 43 танков, до 130 автомашин с войсками и грузом, 14 орудий ПА, 11 жд вагонов, 5 складов с боеприпасами и горючим. Истреблено до батальона пехоты, создано 100 с лишним очагов пожара, из которых некоторые сопровождались взрывами. В 11 воздушных боях сбито 27 самолетов противника.

Третье. 18.7.1943 г. войска фронта после частичной перегруппировки будут выполнять прежние задачи.

Командующий Войсками Брянского Фронта

Генерал-полковник Попов

Член Военного Совета Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 146, 147.

№ 7

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩИМИ ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00113 /оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

18 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Противник 18.7.1943 г. на северном участке фронта аррьергардами сдерживал продвижение наших частей и на некоторых направлениях контратаками стремился улучшить свои позиции. На южном участке – артиллерийскими и минометными налетами обстреливал расположение наших войск, контратаками оказывал сопротивление нашим частям, предпринимавшим наступление по улучшению своего положения.

Авиация противника группами 5 – 15 и 30 самолетов бомбила наши боевые порядки. Всего за сутки отмечено до 180 самолето-пролетов.

В течение ночи с 17 на 18.7.1943 г. одиночными самолетами бомбила ж. д. Плавок-Тула; Беляев-Горбачево. Повреждения нанесены главным образом линиям связи. Всего на различных участках повреждено 33 пролета связи. На перегоне Житово–Лазарево разбит паровоз и подожжен эшелон с грузом, повреждено 20 звеньев жд пути. На ст. Лазарево незначительно поврежден продсклад б1А, сожжено 4 тонны бензина и 1 тонна автола.

Второе. 61-я армия – правым флангом продолжала преследовать отходящего противника, вышла на сев. берег р. Машок, в районе Щербово 1-е переправилась через реку и частями 356 сд овладела Щербово 2-е.

3 и 63 А – проводили частичную перегруппировку с целью подготовки к выполнению предстоящих задач, пополнялись боеприпасами и другими видами материального обеспечения.

235 сд – улучшая свои позиции, овладела Ленинским; 129-я сд – разведотрядом овладела Дальновидовым.

На остальных участках положение переднего края без изменений.

В результате боев 18.7.1943 г. частями 61 и 3 А уничтожено до 800 фашистов и 28 взято в плен, из которых 5 взяты в районе Покровского (б1А), принадлежащие 26 пп 78 пд; подбито 10 танков и 10 автомашин; захвачено орудий – 1, минометов – 4, пулеметов – 3, винтовок – 40, автоматов – 20, раций – 1, патронов – 30 000.

Наша авиация в течение суток уничтожала скопления противника в районах Арсеньево, Изоткино, Кобяково, Бортного и по дорогам орловского и брянского направлений. Всего сделано 635 самолето-вылетов.

В результате налетов, по неполным данным, уничтожено и повреждено до 60 автомашин, 6 жд вагонов и 1 банзоцистерна на ст. Нарышкино, взорвано 2 склада с боеприпасами и горючим. Создано до 60 очагов пожаров.

В 6 воздушных боях сбито 7 самолетов противника и 8 уничтожено на аэродроме в районе Думчино. Наши потери 3 самолета.

Третье. 19.7.1943 г. войска фронта будет выполнять задачи по намеченному плану.

Командующий Войсками Брянского Фронта

Генерал-полковник Попов

Член Военного Совета Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 143, 143об.

№ 8

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00114 /оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ

19 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Ударные группировки 3 и 63 А Брянского фронта после авиационного и артиллерийского налетов с 8.00 19.7.1943 г. перешли на участке Арсеньево, Александровский в решительное наступление с задачей разгромить противостоящего противника и по выходе на рубеж р. Олешня (карта 50 000) пропустить и обеспечить ввод в прорыв 3 гв. ТА. К 8.40 войска армий вышли на этот рубеж и 3 гв. ТА была введена в прорыв.

Второе. Преодолевая на своем пути ряд труднодоступных естественных препятствий (многочисленные крутые овраги, две реки – Олешня и Алешня), которые вследствие сильных дождей стали еще более труднопреодолимыми, части 3 гв. ТА обогнали пехоту и под сильной бомбежкой авиации противника вступили в бой с отходящими частями 2 и 8 тд и 36 пд.

К 19.00 части 3 гв. ТА вышли на рубеж (иск.) Протасове, Бычки, 1-е Зыбино, Огурчики.

Третье. Войска 3 и 63 А к тому же времени овладели Саймоново, Синим Колодцем, Одиноком (западным), (иск.) Протасове, Горным, Титово, Гусево, Наумове, Зарей, Подмаслово.

Части 61 А вели напряженные бои на прежних рубежах. В ходе боев 19.7.1943 г. нанесены большие потери 56 и 36 пд, 2 и 8 тд.

По неполным данным (без 3 гв. ТА), войсками фронта за 19,7 уничтожено до 6000 фашистов, 52 танка и самоходных орудия, 38 орудий разного калибра, 9 автомашин, подавлено 7 арт. и мин. батарей.

Захвачено пленных – 96, танков – 20, самоходных орудий – 4, орудий разных калибров – 27, автомашин – 9 и много другого военного имущества, которое подсчитывается.

Четвертое. ВВС фронта уничтожали противника на поле боя и прикрывали действия 3 гв. ТА. Всего за сутки сделано 1218 самолето-вылетов. Нанесены громадные потери противнику в живой силе и технике.

Пятое. 20.7.1943 г. войска фронта будут выполнять поставленные ранее задачи.

Командующий Войсками Брянского Фронта

Генерал-полковник Попов

Член Военного Совета Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 154, 154об.

№ 9

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00129 /оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

3 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. На участке восточное Орла войска фронта (3-я и 63-я армии) в 5.00 3.8.1943 г. сломали сопротивление противника, форсировали р. Оптуха и к 10.00 с боем овладели рубежом пос. Вязки, отм. 173,8 (2 км вост. Тайное), Кромы, выс. 224,2, Бол[ьшое] Булгакове, Хардиловские Дворы, Федореевка, Бол[ьшое] Рябцево, выс. 243,5 (1,5 км сев. Кофаново), Кофаново и овраг 1 км зап., вост. опушка рожи (2 км зап. Крутая Гора),

раз. № 11, Мал[ое] Разуваево, южн. окр. Грачевка, Пугачевка, Стишь, Молчановка и юго-вост. скаты выс. 213,9, южн. окр. Демидовка, Дубовик, юго-вост. окр. Журавка. На этом рубеже части 3 и 63 А встретили сильный, организованный артиллерийский и минометный огонь и контратаки пехоты с танками. К исходу дня части дальнейшего продвижения не имели и ведут напряженный бой. Подступы к Орлу с севера, востока и юга сильно минированы и особенно населенные пункты.

На остальном участке фронта войска армий продвижения вперед не имели, встречая ожесточенное огневое сопротивление и контратаки пехоты с танками, особенно по рекам Моховица и Неполодь.

11 гв. А – частями 16 гв. ск на участке лес зап. Алисово, Изморознь вела напряженный бой с противником, перешедшим в контратаку силою до двух мп с 70 танками (дивизия СС «Великая Германия»). К 20.00 ценой больших потерь противнику удалось овладеть Алисово и вклиниться в лес зап. Алисово и лес сев. Изморозни. К исходу дня части 16 гв. ск ведут бой на рубеже лес 1 км сев.-зап. Алисово, безым [янная] выс. 1 км южн. Жудье, сев. и сев.-вост. опушка леса, что сев. Изморозни.

В результате боев на этом участке противнику нанесены потери: уничтожено свыше батальона пехоты, подбито и сожжено 32 танка, из них 4 «тигра».

Положение и действия передового отряда 4 гв. кд в 20.00 2.8.1943 г. не установлены.

Второе. 15 ВА – в течение суток штурмовала и бомбила автоколонны, колонны танков и живую силу противника по дорогам: Орел – Нарышки-но – Карачев; Орел – Кромы; Фроловский – Хотынец; Тиньковские Дворы – Хотынец; Хотынец – Карачев; Карачев – Брянск и переправы на р. Рыбница у Любано-во и р. Ока у Мал[ой] Гати.

Всего сделано 979 самолето-вылетов, из них на штурмовку – 147, на бомбардировку – 524 и истребителями – 308.

Боевыми действиями уничтожено солдат и офицеров до 900, танков – 16, автомашин до 400, подвод с грузом – 25, цистерн с горючим – 3, жд вагонов – 30, разрушено до 70 мет-

ров жд полотна на участке станций Шахово – Хотынец и переправа на р. Рыбница у Любаново, подавлен огонь 12 батарей ЗА, создано 44 очага пожара.

В воздушных боях сбит 21 самолет противника, из них Фв-190 – 11, Ме-190 – 4, Хе-111 – 4, Хе-126 – 2. С боевого задания не вернулось 16 наших самолетов.

Третье. Противник на участке Хотимля силою до двух мп с 70 танками дивизии СС «Великая Германия» перешел в атаку и к 20.00 овладел Алисово и вклинился в лес зап. Алисово и сев. Изморозни, потеряв при этом свыше батальона пехоты и 32 танка.

На рубеже Волобеево, Знаменское, Савинки и далее по рекам Моховица и Неполодь, опираясь на заранее подготовленный рубеж по этим рекам, оказывал ожесточенное огневое воздействие по нашим частям и контратаками отбрасывал наступающие наши части, пытавшиеся переправиться на противоположный берег.

В течение ночи отошел с рубежа по зап. берегу р. Оптуха (вост. Орла) на высоты 4-5 км зап. р. Оптуха, где оказывает сильное огневое сопротивление дальнейшему преследованию частей З и 63 А.

На остальных участках фронта активных действий не принимал, ограничиваясь обычным артиллерийским обстрелом расположения наших частей.

Авиация противника одиночными самолетами вела разведку в прифронтовой полосе и в глубине нашего фронта, группами бомбила боевые порядки наших частей, а также противодействовала нашей авиации. Всего отмечено до 300 самолето-пролетов.

Четвертое. Войска фронта 4.7.1943 г. будут выполнять ранее поставленные задачи. 15 ВА всеми силами в течение ночи и дня будет уничтожать автоколонны и живую силу по дорогам Орел-Брянск, Хотынец-Карачев.

Командующий Войсками Брянского Фронта

Генерал-полковник Попов

Член Военного Совета Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 217, 218.

№ 10
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО
ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ГОРОДА ОРЕЛ

5 августа 1943 г. 18 ч 30 мин

В ночь с 4 на 5 августа части Брянского фронта после упорных и ожесточенных боев полностью овладели городом Орел. Захвачены пленные и большие трофеи, подсчет производится.

Первыми ворвались в город части 3-й армии генерал-лейтенанта Горбатова А. В. и 63-й армии генерал-лейтенанта Колпакчи В. Я.

С утра 5.8.1943 г. войска обеих армий продолжали наступление в западном направлении и к 13.00 продвинулись от Орла на запад 3-5 км.

В боях за город Орел особо отличилась 380 сд – командир дивизии полковник Кустов А. Ф. Ходатайствую о присвоении 380 сд звания гвардейской Орловской дивизии.

На остальных участках фронта существенных изменений не произошло. С утра 6.8.1943 г. части фронта возобновляют наступление в указанном Вами лично направлении.

ПОПОВ
МЕХЛИС
САНДАЛОВ

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1366. Л. 177.

№ 11
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
БРЯНСКОГО ФРОНТА № 0133 /оп ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

7 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Войска фронта 7.8.1943 г. продолжали успешное наступление в южном и западном направлениях и на отдель-

ных участках продвинулись до 16 км вперед. Ударная группа 11 гв. А во взаимодействии с 4 ТА вела напряженные бои, преодолевая сильное огневое сопротивление и контратаки пехоты противника с танками.

К 20.00 ударная группа армии овладела рубежом Телегино, Дмитриевский, Ивановский, Андросовский, Ольшанец.

4 ТА – ведет бой на рубеже Дмитриевский, Андросовский, выс. 227,2. В результате боя в районе Китаево уничтожено 8 орудий, 10 пулеметов и до роты пехоты. Взято 32 пленных 9 тд.

61 А – взаимодействуя с частями 11 гв. А и преследуя отходящего противника, к 20.00 заняла рубеж Рагодино, выс. 234,9, Новогорский, Сафорово, Проваторово, Юшково, Парамонове, Вольные Дворы, отм. 232,1, Щучье, клх. им. Максима Горького.

3 А – вышла на рубеж Канавки, Калиновка, Масловские Дворы, Бол[ьшое] Сотниково, Крестьянин, Шамордино.

63 А – продолжая неотступно преследовать противника, к 20.00 вышла на рубеж Шамордино; Ледна, Зеленый Куст, Георгиевский, выс. 227,9, Ясная Поляна, Мерцаловка, Нов[ая] Деревня, Краен [ая] Звезда, Кондрево, Беднота. На аэродроме зап. Орла армией захвачено 25 самолетов, один из них исправный, кроме того, захвачено 5 танков (два исправных), 15 орудий, 2 вагона с различными грузами, до 30 000 авиабомб.

Второе. 15 ВА – в течение суток уничтожила живую силу и технику противника перед наступающими частями ударной группы 11 гв. А, скопления по дорогам Нарышкино-Карачев-Брянск и в районах сев. Нарышкино. Всего сделано (по неполным сведениям) 952 самолето-вылета. В 32 воздушных боях сбито 52 самолета противника. Наши потери – 28 самолетов. Нанесены большие потери противнику в технике и живой силе.

Третье. Противник на участке наступления ударной группы 11 гв. А вел ожесточенный бой, стремясь огнем, контратаками и массированными налетами авиации не допустить выхода наших частей на пути отхода в район Хотынец и на шоссе Орел-Карачев.

Перед фронтом 61, 3 и 63 А сильными арьергардными частями прикрывал отход главных сил в западном направлении.

На правом крыле фронта оборонял занимаемые рубежи и огнем обстреливал расположение частей 11 А.

Авиация противника массированными налетами бомбила боевые порядки ударной группы 11 гв. А, 4 ТА и огневые позиции артиллерии. Всего сделала свыше 1000 самолето-вылетов.

Четвертое. Войска фронта 8.8.1943 г. будут выполнять поставленные задачи.

Командующий Войсками Брянского Фронта

Генерал-полковник Попов

Член Военного Совета Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 214об.

№ 12

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00135 /оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

9 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Войска левого крыла фронта 9.8.1943 г. продолжали наступление и на отдельных направлениях продвинулись на 9 км вперед, овладев рядом населенных пунктов; на правом фланге обороняли занимаемые рубежи и продолжали перегруппировку.

11 гв. А – преодолевая ожесточенное огневое сопротивление и на отдельных участках контратаки пехоты с 15–20 танками, к 16.00 овладела сев. окр. Хотимиль, Кузьменково, сев. окр. Хотынец (северный), вост. окр. Хохловка, вост. окр. Образцово, Мал[ые] Лески, Гремучий, Музалевка, Копытец и к исходу дня продолжает вести бой на этом рубеже. Наиболее упорные бои ведутся за Аболмасово, Воейково, Хотынец, Образцово, где противнику удалось отбросить наши части из Воейково и

Образцово. В течение суток частями армии уничтожено до 1500 немцев и до 60 взято в плен.

4 ТА – взаимодействуя с частями 11 гв. А и 3 А, в первой половине дня вышла на рубеж Коневка, Меловое, Чалищево, где встретила упорное сопротивление противника и дальнейшего продвижения не имела.

3 А – преодолевая упорное сопротивление противника, вышла на рубеж Коневка, Меловое, Чалищево, Баздрово, отм. 236,4 и зап. опушка леса 1,5 км юго-вост. Бредихино.

63 А – овладела рубежом Муравлево, отм. 229,4, отм. 243,2, отм. 256,3, Городец. За день боя уничтожено до 600 немцев, подбиты 2 танка и 1 бронемашина. Захвачено 300 бочек гудрона и 2 склада с цементом.

Положение переднего края 11 А без изменений.

61 А – сменена с фронта частями 3 А и выводится в резерв.

Второе. Авиация фронта уничтожала живую силу и технику противника непосредственно на поле боя и по дорогам Хотынец – Карачев, Карачев – Брянск. Всего сделано 402 самолето-вылета, из которых бомбардировщиков – 254, штурмовиков – 31, истребителей – 117. В результате боевых действий уничтожено и повреждено танков – 5, орудий наземной артиллерии – 38, зенитно-пулеметных точек – 5, автомашин – 130, взорвано 2 склада с боеприпасами и 1 мост на шоссе Карачев – Брянск, подожжено 40 жд вагонов, создано больше 20 пожаров. Истреблено до 170 немцев. В трех воздушных боях сбито 7 самолетов противника. Наши потери – 7 самолетов.

Третье. Противник продолжает оказывать ожесточенное сопротивление наступающим частям фронта, особенно в районе Хотынца. Во второй половине дня предпринял контратаку пехоты с танками на Воейково и Образцово, в результате которых овладел этими пунктами, занимавшимися нашими частями в первой половине дня. Перед 11 А активных действий не предпринимал, ограничиваясь незначительной огневой деятельностью.

Авиация противника одиночными самолетами вела разведку по переднему краю и в глубине, небольшими группами на

отдельных участках бомбила боевые порядки наступающих частей.

Четвертое. 10.8.1943 г. войска фронта будут выполнять прежние задачи.

Командующий Войсками Брянского Фронта Г

Енерал-полковник Попов

Член Военного Совета Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 224, 224 об.

№ 13

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00139 /оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ НАСТУПЛЕНИЯ НА КАРАЧЕВ

12 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Войска Брянского фронта с 4.30 при поддержке авиации после артиллерийского налета начали наступление с севера, востока и юго-востока на Карачев с целью разгрома карачевской группировки.

За день боев, преодолевая упорное сопротивление артиллерии и танков противника, а также бомбардировок с воздуха, войска фронта продвинулись на 6-12 км вперед, овладели 100 населенными пунктами, в том числе Алехине, Мал[ое] Нарышкино, Бол[ьшое] Юрьево, Холщевка, Девять Дубов, Яковлеве, Алымово, Дроново, Вельяминове, Глинки, Навля, Молодовое, Робье и жд станция Одринская.

Противник ведет ожесточенные сдерживающие бои, минирует дороги, минирует и сжигает населенные пункты.

11А – наступавшая на Карачев с севера, своим левым флангом к исходу дня овладела Мал[ой] Семеновкой, Ивановскими Двориками, Тербилово, Бол[ьшим] Нарышкино, Алехино,

Мал[ым] Нарышкино и ведет бой за Желтоводье, Бол[ьшую] Семеновку, Краен [ый] Пахарь, Одрино.

11 гв. А – наступая на Карачев с востока, в жестоких боях, отбивая контратаки пехоты и танков, овладела юго-вост. окр. Одрино, Одринский, Аксинино, выс. 246,1, Гора Грязь, Красное.

3 А – успешно продвигаясь вперед, овладела Ныпяхино, Голицино, Уткино, Щадным, Хориново, Меловым Ключом, Кутеновским, Навлей.

4 ТА – взаимодействуя с 3-й и 11-й гв. армиями, ведя упорные бои, овладела рубежом Вельяминово, Хориново, отм. 254,6, Сухой Хутор, где встретила сильное огневое противодействие.

63 А – с ожесточенными боями заняла рубеж Смородинка, Веселый, Бородец 1-й, Савостьено, больн[ица], юго-вост. окр. Герасимове, Волкове и ведет бой в населенном пункте Шаблыкино, где противник оказывает жестокое сопротивление. По неполным данным, за день боев уничтожено до 200 солдат и офицеров, 6 танков, 5 орудий, 13 минометов, 25 пулеметов, 8 автомашин. Захвачено пленных – 22, танков – 5, орудий – 13, много пулеметов и др. вооружения. Освобождено до 1000 человек гражданского населения, угоняемого на запад. Захвачено 138 подвод и большое количество рогатого скота.

Второе. Авиация фронта бомбардировочными и штурмовыми действиями, взаимодействуя с наступающими частями, уничтожала противника непосредственно на поле боя и по дорогам Карачев-Брянск, Желтоводье-Карачев, а также в районе Карачева. Всего сделано 808 самолето-вылетов.

Третье. Войска фронта 13.8.1943 г. будут выполнять поставленные задачи.

Командующий Войсками Брянского Фронта

Генерал-полковник Попов

Член Военного Совета Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 237, 237об.

№ 14

**БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00140 /оп ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
НА ПОДСТУПАХ К КАРАЧЕВУ**

14 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Войска фронта 14.8.1943 г. вели напряженные бои на подступах к Карачеву с севера и востока; на правом крыле фронта преследовали отходящего противника, с боями продвинулись вперед на 10-14 км и заняли 54 населенных пункта, из них крупные населенные пункты Щигры, Ловать, Барановку, Высокое, Фролове, Колодязцы, Павловку, Водкино, Милеево, Красное, районный центр Хвастовичи. Сев.-вост. Карачева с упорными боями занято Одрино.

На левом фланге фронта наступающие части (3 и 63 А) успеха и продвижения не имели.

11 А – на правом фланге в течение ночи разведгруппами установила отход противника и с рассветом перешла в наступление, успешно продвигаясь вперед; на левом фланге армия вела упорные бои за Карачев, наступая с севера. К 22.00 правым флангом армия овладела Щиграми, Гурьевкой, Ловатью, Журавлевкой, Почаевкой, Водкино, Вечностью, Холодами, Хвастовичами, Красным и ведет бой за Белый Колодец, Вяземку, Успенское, Стайки. На левом фланге с упорными боями овладела Красавским, Бол[ьшой] Семеновкой, Красным Пахарем, Кашинкой и ведет бой за Погибелку, пос. кирпичного завода.

11-я гв. А – наступая на Карачев с востока, в течение дня вела ожесточенные бои с противником, перешедшим к организованной обороне на подступах к Карачеву. Части армии отбили несколько контратак пехоты противника с танками, к исходу дня правым флангом продвинулись до отм. +2,0 и занимают положение: отм. +2,0, отм. 209,2, вост. окр. Грибовы Дворы, выс. 246,1, Голубино. В районе Ныпряхино тремя батальонами [А] переправились на зап. берег р. Снежить.

3 А – на всем фронте успеха не имела и занимает прежнее положение.

63 А – овладела Яблочевским, зап. окр. Герасимове, Водоцким Городищем и к исходу дня занимает рубеж Красный, Яблочевский, Высокое, Герасимове, Водоцкое Городище.

4 ТА – производила перегруппировку и к 22.00 занимает положение Меловой Ключ, Сухой Хутор, Веревкино, Навля, Божидаевка.

За период боев 13 и 14.8 войсками фронта, по неполным данным, уничтожено до 3000 солдат и офицеров, 28 танков, 18 орудий, из них 4 самоходных, 15 минометов, 46 пулеметов, 11 автомашин, 12 мотоциклов, 3 склада с боеприпасами. Огнем 3А сбит 1 самолет противника.

Второе. 15 ВА – штурмовала и бомбардировала боевые порядки пехоты и ОП артиллерии противника в районе Карачева и по дорогам Карачев-Брянск и в районе Водкино, Хвостовичи, Нехочи, Подбужье.

Всего сделано 668 самолето-вылетов, из них: бомбардировщиков – 328, штурмовиков – 189 и истребителей – 151.

В результате боевых действий уничтожено и повреждено танков – 4, орудий ПА – 13, автомашин – 106, жд вагонов – 15, подвод с грузом – 28. Подавлено 5 точек 3А и 5 точек 3П, поврежден один бронепоезд, создано 15 очагов пожара. Истреблено до 200 солдат и офицеров.

С боевого задания не вернулся один самолет.

Третье. Противник в районе Карачева и на левом фланге фронта организованной обороной оказывает ожесточенное сопротивление нашим наступающим частям; на правом крыле вел сдерживающие бои арьергардными частями, основные силы отводил в юго-западном и западном направлениях.

Его авиация группами самолетов периодически бомбила боевые порядки и ОП артиллерии войск фронта.

Четвертое. 15.8.1943 г. войска фронта будут выполнять прежние задачи.

Командующий Войсками Брянского Фронта
Генерал-полковник Попов

Член Военного Совета Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 246, 247.

№ 15

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00138 /оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О РЕЗУЛЬТАТАХ НАСТУПЛЕНИЯ С 12 ИЮЛЯ ПО 15 АВГУСТА 1943 г.

15 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Сосредоточенными ударами войска Брянского фронта 12 июля 1943 г., выполняя поставленную Вами задачу, прорвали передний край вражеской оборонительной полосы и напряженными боями в глубине обороны противника последовательно углубляли и расширяли прорыв, сломали ожесточенное сопротивление, уничтожили и разгромили шесть дивизий противника (25 мд, 112, 208, 34, 56 и 262 пд). Инициатива с первых дней операции была захвачена нашими войсками. Последовательными ударами войска фронта принудили к отходу всю орловскую группировку противника.

Перейдя к преследованию разбитых немецких соединений, войска фронта преодолели глубоко эшелонированную противотанковую оборону и сплошное минирование. За месяц обнаружено 300 000 мин и снято при разминировании населенных пунктов и дорог 70 000 мин.

Пытаясь задержать наше наступление, германское командование бросало против Брянского фронта все новые и новые соединения. К концу месячных боев группировка противника состояла из семи тд, четырех мд, шестнадцати пд и нескольких разрозненных отдельных частей. Всей этой группировке, создаваемой наспех и одновременно, нанесены

большие потери. Пользуясь сплошным минированием, разрушением дорог, противник пытается оторваться, ведя упорные арьергардные бои, но под неотступным преследованием наших войск противнику не удается вывести свои силы из-под ударов.

К исходу 15.8.1943 г. войсками Брянского фронта освобождено 11 180 кв. км территории. Ликвидирован орловский плацдарм, которому немецкое командование придавало большое стратегическое значение и на укрепление которого затратило в течение двадцати двух месяцев огромные силы и средства. Освобождено 2359 населенных пунктов, а том числе районные центры Мценск, Волхов, Карачев, Ульянове, Филатове, Знаменское, Нарышкино, Хотынец и город Орел. Уничтожено солдат и офицеров – 181 188, самолетов – 281, танков – 1423, орудий разных калибров – 1724, минометов – 1231, шестиствольных минометов – 42, самоходных орудий – 146, автомашин – 2330, бронемашин – 182, пулеметов – 3853, автоматов – 4219, винтовок – 22 594, велосипедов – 1000, тягачей – 324, повозок – 365, лошадей – 3563, радиостанций – 93, складов – 204, ДЗОТов – 676.

Захвачено пленных – 5765, танков – 243, орудий разных калибров – 835, минометов – 804, самоходных пушек – 49, шестиствольных минометов – 9, метательных аппаратов – 12, пулеметов – 2550, автоматов – 3269, винтовок – 16695, автомашин – 731, тягачей и тракторов – 62, транспортеров – 8, мотоциклов – 316, бронемашин – 63, велосипедов – 1041, радиостанций – 249, паровозов – 88, вагонов – 128, трамвайных вагонов – 60, повозок – 532, лошадей – 405, лодок резиновых – 28, саней – 800, складов разных – 255, в том числе и складов с боеприпасами, в которых, по неполным данным, имеется артснарядов и мин – 1 862 925, мин ПП и ПТ – 5789, гранат 12 242, винтпатронов – 3 929 937.

Часть техники и боеприпасов противника использована войсками для боев.

Войска Брянского фронта, воодушевленные Вашей оценкой их боевых действий, с непоколебимой волей во что бы то ни

стало разбить врага, продолжают выполнять поставленные Вами задачи.

Командующий Войсками Брянского Фронта

Генерал-полковник Попов

Член Военного Совета (Брянского) Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба [Брянского] Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 255.

№ 16

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ СООБРАЖЕНИЙ ПО ОВЛАДЕНИЮ БРЯНСКИМ ПЛАЦДАРМОМ

16 августа 1943 г. 19 ч 20 мин

Докладываю соображения об овладении брянским плацдармом.

1. Противник в течение продолжительного времени ведет оборонительные работы по западному берегу р. Десна в районе Брянска и к юго- и северо-западу от него. По характеру местности брянский плацдарм – сильный оборонительный рубеж. Это обязывает готовить операции со всей тщательностью и в направлении главного удара иметь пополненные и восстановленные войска.

2. Замысел и группировка. Концентрический удар:

а) С севера из направления Домашево на Новоселки, Старшевичи – силами 50, 3 и 11-й армий (20 стрелковых дивизий, 1 арткорпус, 7 полков ГМЧ, 120 танков, вся авиация фронта). Форсирование р. Десна и прорыв оборонительной полосы на участке Неготино, Сельцо – силами 3-й армии (8 стрелковых дивизий, из них 4 во втором эшелоне). 50-я и 11-я армии на своих флангах, примыкающих к 3-й армии, наносят вспомогательные удары, имея на этих флангах по 2-3 сд во втором эшелоне для развития успеха 3-й армии и сматывания фронта противника.

б) Сюга из направления Ревны на Орменку – силами 11-й гв. и 63-й армий (18 стрелковых дивизий, 1 арткорпус, 3 полка ГМЧ, 70 танков). Форсирование р. Десна и прорыв оборонительной полосы на участке Палужье, Лопушь – силами 11-й гв. армии (11 стрелковых дивизий, из них 5-6 во втором эшелоне). 63-я армия своим флангом, примыкающим к 11-й гв. армии, наносит вспомогательный удар, имея за ним в резерве не менее 2 сд.

в) Резерв фронта – 3-5 стрелковых дивизий.

3. К началу операции целесообразно подтягивание в район Карачева и в леса к западу от него 61-й армии и 4-й танковой армии для дальнейшего развития операции на брянском плацдарме.

4. Обеспечение операции:

а) Выделение фронту минимум 30 000 пополнения для восстановления стрелковых дивизий.

б) Боеприпасов из расчета к началу операции не менее 3-4 бк.

в) Горючего к началу для авиации 15, танков 10 и автобензина 5 заправок.

г) Восстановление боевых потерь авиации при подходе к р. Десна и работа авиации Голованова А. Е.

д) Срочное восстановление ж. д. Сухиничи-Брянск по мере ее освобождения от противника. Прошу Ваших указаний.

ПОПОВ
МЕХЛИС
САНДАЛОВ

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 9. Д. 51. Л. 209, 210.

№ 17

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА № 00144 /оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

18 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Войска правого крыла фронта 18.8.1943 г. продолжали наступать и продвинулись на 5-10 км; на левом крыле вели

разведку и перегруппировывались для дальнейших наступательных действий.

Противник оказывал упорное сопротивление нашим наступающим частям, ведя сдерживающие оборонительные бои. На левом фланге авиацией группами по 30-40 самолетов и артиллерийскими налетами воздействовал на боевые порядки наших войск.

50 А – преодолевая упорное сопротивление противника, к 20.00 овладела рубежом Заболотье, Дубровка, Дедная и лес 1 км зап. пос. Андреевский, пос. Громатин 1-й и 2-й, Лукавский Хутор, Красное Знамя, пос. Кореневский, Сосновка, Орля и ведет бой за овладение Гряда, Иночка, Луковец, Коренево.

Частями армии за 18.8 уничтожено до 600 немцев и 5 взято в плен.

2 гв. кк – выполняя поставленные задачи, к исходу дня правым флангом вел бой на вост. окр. Улемль, левым флангом – за Болва, овладев Геровца-ми, Дубровкой.

11 А – с упорными боями овладела Красным, Улемец, Пролетарием, Гололобовкой, Огарью, Пиачево, Мнишенским, Глушонковом, Ильинским, вост. окр. Уринич, ур. Польцевские Дачи, вост. окр. Бабинки, Дудоровы Дворы и ведет бой за Павловку, Скурынск, Нелбоч 2-й и 1-й, Корягинский, Негреевский, Уриничи, Бабинку, Фроловку.

Положение 11 гв., 63 А и 4 ТА без изменений.

Второе. Авиация фронта в течение суток из-за плохих метеоусловий ограничивалась разведывательными действиями. Всего сделано 18 самолето-вылетов.

Третье. Войска фронта 18.8.1943 г. будут выполнять прежние задачи.

Командующий Войсками Брянского Фронта

Генерал-полковник Попов

Член Военного Совета Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Мехлис

Начальник Штаба Брянского Фронта

Генерал-лейтенант Сандалов

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 267.

**Документы Командования
Центральный Фронт**

№ 1

**БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00219 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ**

10 мая 1943 г.

Во исполнение директивы Ставки Верховного Главнокомандования от 8.5.43 г. № 30123 докладываю:

1. С получением директивы Ставки отдано распоряжение всем армиям и отдельным корпусам Центрального фронта о приведении войск в боевую готовность к утру 10.05.1943 года.

2. В течение 9 и 10.5.43 г. выполнено:

а) войска ориентированы о возможных наступательных действиях противника в ближайший период;

б) части первых и вторых боевых эшелонов, резерва приведены в полную боевую готовность. Командование и штабы проверяют на местах готовность войск;

в) в полосах армий, особенно на орловском направлении, усилены войсковая разведка и огневое воздействие на противника. В соединениях первого эшелона практически проверяется надежность огневого взаимодействия. Части вторых эшелонов и резервов проводят дополнительную рекогносцировку направлений вероятных действий и уточняют вопросы взаимодействия с частями первого боевого эшелона. Пополняются запасы боеприпасов на огневых позициях. Усилены заграждения, особенно на танкоопасных направлениях. Производится минирование глубины оборонительных полос. Проверена техническая связь – работает бесперебойно.

3. 16-я воздушная армия активизировала воздушную разведку и ведет тщательное наблюдение за противником в районе Глазуновка, Орел, Кромы, Комаричи. Авиасоединения и части армии приведены в боевую готовность для отражения ударов авиации противника и срыва возможных его наступательных действий.

4. Для срыва возможного наступления противника на орловско-курском направлении подготовлена контрподготовка, в которой участвует вся артиллерия 13 А и авиация 16 ВА.

РОКОССОВСКИЙ
ТЕЛЕГИН
МАЛИНИН

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 329. Д. 33. Л. 69-70.

№ 2
ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00357 /оп ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О СОСТОЯНИИ ВОЙСК
ФРОНТА

2 июля 1943 г. 14 ч 00 мин

Во исполнение Вашего телеграфного распоряжения от 2.7.1943 г. за №30144, докладываю:

Мною дано распоряжение о приведении в боеготовность войск и авиации фронта, а также об усилении разведки и наблюдения за противником с целью вскрытия его подготовительных мероприятий и намерений.

В случае наступления противника на орловско-ливленском, орловско-курском и кромско-курском направлениях мною будет проведена контрподготовка с целью сорвать наступление противника. К контрподготовке будет привлечена вся артиллерия 48, 13 и 70-й армий и вся авиация 16 ВА по ранее разработанному плану.

Проведение проверки боевой готовности войск и всех средств управления и связи мною возложены на военные советы армий и командиров отдельных корпусов в период до 21.00 2.7.1943 г.

РОКОССОВСКИЙ
ТЕЛЕГИН
МАЛИНИН

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 329. Д. 23. Л. 8.

№ 3
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00132 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПЕРЕХОДЕ ПРОТИВНИКА
В НАСТУПЛЕНИЕ

6 июля 1943 г. 01 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в течение 5.7.1943 г. вели напряженные бои с противником, перешедшим в наступление на фронте Никитовка, Красн[ая] Слободка, Глазуновка, Архангельское, Верх[нее] Тагино, Троена и обороняли прежние позиции на остальных участках фронта.

Противник силою до семи пд и более трех тд после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление, стремясь развить удар вдоль железной дороги в общем направлении на Курск.

В результате упорного боя противнику удалось ценой больших потерь частично потеснить части 13-й армии и к исходу дня выйти на рубеж Троена (15 км сев.-зап. Мало-Архангельск), (иск.) Семеновка, выс. 255,1 (2 км южн. Бузулук), (иск.) 1-е Поньри, (иск.) Ржавец, (иск.) Саборовка, Подолянь, Красная Заря.

Авиация противника группами от 20 до 150 самолетов под прикрытием истребителей бомбардировала боевые порядки частей и одиночными самолетами вела разведку тыловых объектов.

Всего за сутки отмечено 2220 самолето-пролетов, из них ночью 12.

Огнем зенитной артиллерии сбито 17 вражеских самолетов.

1. 48-я армия – на правом фланге продолжала оборонять занимаемые рубежи, на левом фланге частями 16 сд отражала атаки пехоты и танков противника.

Противник с утра 5.7 силою до пп с 28 танками перешел в наступление на участке Панская, (иск.) Краен [ая] Слободка. В результате боя противнику удалось вклиниться в боевые порядки 16 сд, но предпринятыми контратаками [он был] отброшен в исходное положение.

За день боя уничтожено до четырех рот пехоты, подбито и сожжено 10 танков, захвачено 5 пленных, из них 3 летчика и 2 солдата 87 мп 36-й механизированной дивизии.

2. 13-я армия – в течение дня вела упорные оборонительные бои с противником силою до четырех пд и до трех тд, перешедшим после сильной артиллерийской и авиационной подготовки в наступление на всем фронте армии.

Части армии, отражая непрерывные атаки танков и пехоты противника, поддержанных большими группами авиации, в течение трех часов удерживали занимаемые рубежи. Только после повторной арт. авиаподготовки, введя в бой до 400 танков, противнику удалось потеснить части армии и к исходу дня выйти на рубеж (иск.) Троена, (иск.) Семеновка, выс. 255,1 (иск.) 1-е Поныри, (иск.) Ржавец, (иск.) Саборовка. 15 сд – одним полком ведет бой в окружении в районе лес южнее Озерки, Подлесная, выс. 243,9.

Дальнейшее продвижение противника приостановлено.

В результате боя огнем артиллерии и противотанковыми средствами подбито и сожжено 110 танков противника.

3. 70-я армия – с утра 5.7 частями правого фланга вела бой с наступающим противником силою до двух пд и 100 танков.

В результате напряженного боя передовые части 28-го ск потеснены с переднего края и к исходу дня продолжали бой на рубеже зап. окр. Бобрик, (иск.) Подолянь, Краен[ая] Заря, (иск.) Пробуждение, (иск.) Мышкин, Обыденка-Измайлово.

В бою уничтожено до 3000 солдат и офицеров, подбито и сожжено 30 танков противника.

4. 65-я армия – на прежнем рубеже, продолжала работы по усовершенствованию [его] в инженерном отношении, вела разведку наблюдением и огневыми средствами уничтожала выявленные цели противника.

Противник, не предпринимая активных действий, периодически производил мощные арт.-мин. налеты по правому флангу и центру фронта армии.

Огнем артиллерии рассеяно и частично уничтожено до роты пехоты, подавлен огонь 1 мин. и 2 арт. батарей.

5. 60-я армия – занимая прежние рубежи, продолжала оборонительные работы, вела разведку и огневыми средствами уничтожала противника. Положение частей армии без изменений.

6. 2-я танковая армия – к 19.00 5.7 вышла в исходное положение на рубеж Полсела Горяиново, 2-е Поныри, Кутырки.

7. 19 тк – к 19.00 5.7 вышел в исходное положение на рубеж Молотычи, Новоселки, Ясенки.

8. 16-я воздушная армия – в течение дня бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожала наступающие части противника перед фронтом 13-й и 70-й армий и прикрывала свои войска на поле боя.

В 24 воздушных боях сбито 45 самолетов противника. В результате бомбардировочных действий, по докладам экипажей, уничтожено и повреждено 44 танка, 3 бронемашины, 95 автомашин, 8 орудий ЗА, взорван склад боеприпасов, уничтожено и рассеяно до 500 солдат противника.

Всего за сутки произведено 1217 самолето-вылетов, из них ночью 85.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 104. Л. 180-183.

№ 4
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00134 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ
ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

8 июля 1943 г. 00 ч 30 мин

Войска Центрального фронта в течение 7.7.1943 г. продолжали напряженные оборонительные бои с танками и пехотой противника на орловско-курском направлении, обороняя прежние позиции на остальном фронте.

Противник силами до семи пехотных и пяти танковых дивизий, несмотря на огромные потери, понесенные в трехдневных боях, в течение 7.7 продолжал непрерывные атаки, стремясь развить удар в общем направлении вдоль жел. дороги на Курск. Все атаки противника в течение дня успешно отражены нашими войсками, и только к исходу дня противнику удалось потеснить части 17 [гв.] ск на отдельных участках и группами танков вклиниться в нашу оборону.

Авиаразведкой отмечено сплошное движение автомашин и танков от Змиевки через Глазуновку на Поныри и от Змиевки через Глазуновку на Ниж[нее] Тагино, а также движение групп автомашин по полевым дорогам от линии Глазуновка, Богородинское к югу. В течение дня наблюдалось оживленное движение по дороге Орел-Кромы и во второй половине дня отмечено движение до 200 автомашин от Кром на Тросну и Хлопово.

Авиация противника группами до 50 самолетов непрерывно бомбардировала боевые порядки частей 13-й и 70-й армий и одиночными самолетами вела разведку тыловых объектов.

Всего за сутки отмечено 2698 самолето-пролетов противника. По неполным данным, огнем ЗА сбито 16 и подбит 1 вражеский самолет.

1. 48-я армия – продолжала оборонять и укреплять занимаемые рубежи, вела разведку и на отдельных участках огневой бой с противником.

Наблюдением отмечено прибытие на ст. Куракино до пяти эшелонов и оживленное движение пехоты группами, автомашин и орудий от Поздеево на юг и юго-запад.

Захватом пленных: капитана – командира батальона в районе Панской подтверждаются действия 36 мд и в районе Краен [ой] Слободки – вахмистра, принадлежащего 216 пд.

2. 13-я армия – в течение дня на всем фронте отражала ожесточенные атаки крупных сил танков и пехоты противника, подерживаемые большими группами авиации.

Основные усилия противник по-прежнему сосредоточивал: вдоль линии жел. дороги силами до 200 танков и не менее пехотной дивизии и на левом фланге армии силами также до 200 танков

с пехотой. До 16.00 все атаки противника отбивались с большими для него потерями. Особенно упорные бои развернулись в направлении ст. Поныри, где в течение дня отбито пять крупных атак. Во второй половине дня противник усилил свой нажим на левом фланге армии и с 16.00 до 18.00 предпринял две безуспешные атаки.

В 19.00 противник силою до 60 танков под прикрытием сильного артиллерийского огня и в сопровождении авиации прорвался через Битюг на 3-й Поныри и около 40 танков – от Подсоборовки на выс. 257,0. Потесненные части 17 [гв.] ск отошли на рубеж юго-зап. окр. Поныри, сев. окр. Карпуньевка, Кашара, (иск.) Самодуровка и к исходу дня продолжали напряженные бои с прорвавшимися танками противника.

За день боя уничтожено до 150 танков и до 7000 солдат и офицеров.

3. 70-я армия – частями своего правого фланга продолжала напряженные бои с пехотой и танками противника и обороняла прежние позиции на остальных участках фронта.

Части 28 ск в течение дня отразили шестнадцать атак противника, силою один-два пп с танками до 60 единиц каждая и к исходу дня продолжали бои на прежнем рубеже.

В результате дневного боя уничтожено до 2500 солдат и офицеров, подбито и сожжено до 100 танков, в том числе до 30 танков Т-У1, уничтожены 2 артбатареи, 24 автомашины, подавлен огонь 12 арт. и мин. батарей и огнем ЗА и пехоты сбито 9 вражеских самолетов.

4. 65-я армия – продолжала укреплять занимаемые оборонительные рубежи, вела разведку и огневыми средствами уничтожала противника.

Противник силою до двух рот пехоты, при поддержке сильного артиллерийско-минометного огня, из района Страшновского вел силовую разведку. В результате упорного боя уничтожено до 120 солдат и офицеров и остатки наступающих рот были отброшены в исходное положение.

5. 60-я армия – на прежнем рубеже продолжала оборонительные работы, вела разведку и на отдельных участках огневой бой с противником.

Противник, не предпринимая активных действий, производил короткие огневые налеты по боевым порядкам наших войск.

6. 2-я танковая армия – частью сил, во взаимодействии с частями 13 А отражала атаки противника в районе Поныри, Саборовка, оставаясь в прежних районах остальными частями.

В результате дневного боя уничтожено до 45 танков противника, из них 22 танка Т-У1.

7. 16 ВА – в течение дня бомбардировочными и штурмовыми ударами уничтожала войска противника перед фронтом 13-й и 70-й армий и вела разведку противника. Всего за сутки произведен 1151 самолето-вылет.

В проведенных 60 групповых воздушных боях сбито 66 самолетов противника и в результате действий уничтожено и повреждено танков 154, автомашин – 261, автоцистерн 8, взорвано 4 склада боеприпасов, вызвано свыше 50 очагов пожаров, рассеяно и частично уничтожено до 1000 солдат и офицеров противника.

Наши потери: сбито огнем ЗА и ИА 4 и не вернулось с боевого задания 33 самолета.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 104. Л. 189-193.

№ 5
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00135 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ
ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

8 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в течение 8.7.1943 г. продолжали напряженные оборонительные бои с крупными танковыми и пехотными силами наступающего противника на орловск-

ко-курском направлении и обороняли прежние позиции на остальных участках фронта.

Противник 8.7, введя в бой свежие 4-ю танковую и 292-ю пехотную дивизии, продолжал ожесточенные атаки на участке Поныри, Гнилец, направляя основные усилия на стык 13-й и 70-й армий. В течение дня многочисленные атаки противника успешно отражались нашими войсками и только в районе Самодуровки, ценой больших потерь, танки противника вклинились в нашу оборону и ворвались в Теплое.

Одновременно противник подтягивал к фронту резервы из глубины. В 5.20 8.7 авиаразведкой отмечено сплошное движение автоколонн противника от Орла на Змиевку.

Авиация противника группами до 40 самолетов непрерывно бомбардировала боевые порядки войск 13-й армии и правого фланга 70-й армии и вела разведку наших тыловых объектов. По предварительным данным, за сутки отмечено 908 самолето-пролетов противника, из них ночью 38. Огнем ЗА сбито 28 и подбит 1 вражеский самолет.

1. 48-я армия – обороняла и укрепляла прежние рубежи, развивая систему заграждений в глубину, вела наблюдение за противником и огневыми средствами уничтожала обнаруженные цели противника.

Наблюдением отмечено движение до 30 танков от Сорочьих Кустов до Борисоглебского.

2. 13-я армия – в течение дня в центре и на своем левом фланге отражала ожесточенные атаки танков и пехоты противника при поддержке авиации, продолжая удерживать прежние рубежи.

Противник, сосредоточив в районе Снова, Подсоборовка, Соборовка до 400 танков и до трех пехотных дивизий, в 8.00 после мощной артиллерийской подготовки перешел в наступление, пытаясь прорвать нашу оборону. Все атаки противника отражены с большими для него потерями.

Наиболее ожесточенные бои, доходящие до рукопашной схватки, развернулись в районе выс. 257,0, 4 км сев. Ольховатки. После напряженного боя противнику удалось потеснить части 75 гв. сд и занять эту высоту. На остальных участках фрон-

та части армии к исходу дня продолжали бой на прежних рубежах.

За день боя уничтожено до 9000 солдат и офицеров противника, подбито и уничтожено до 130 танков.

3. 70-я армия – в течение дня продолжала ожесточенные оборонительные бои на своем правом фланге, обороняя прежние позиции на остальном фронте.

Противник с утра 8.7, после сильной артиллерийской подготовки и под прикрытием больших групп авиации, предпринял атаки: до 200 танков с пехотой – от Подсоборовки в направлении Самодуровка, Теплое и до 125 танков с пехотой – от Гнилец в направлении Никольского. Огнем наших частей в течение дня на этих направлениях отражено 13 атак противника, при этом нанесены ему большие потери. В результате ожесточенного боя танки противника прорвались через Самодуровку и к исходу дня противник занял Теплое.

Части армии, остановив дальнейшее продвижение противника, продолжают бой на рубеже Ольховатка, Погореловцы, Молотычи, Самодуровка (4 км севернее Молотычи), Красовка, Дегтярный, Александровка и далее на прежнем рубеже.

В результате дневного боя уничтожено – до 1500 солдат и офицеров, подбито и сожжено 62 танка, уничтожена 1 минометная батарея и 9 орудий разного калибра.

4. 65-я армия – продолжала оборонять и укреплять занимаемые рубежи, вела разведку и на отдельных участках огневой бой с противником. Положение частей армии прежнее.

5. 60-я армия – обороняя прежние рубежи, вела разведку наблюдением и огневыми средствами уничтожала противника.

Противник не предпринимал активных действий, вел редкий ружейно-пулеметный и артиллерийско-минометный огонь на отдельных участках фронта.

6. 2-я танковая армия – в течение дня совместно с частями 13 А вела оборонительные бои, отражая атаки пехоты и танков противника.

За 8.7 при отражении атак противника уничтожено 28 и подбито 6 танков противника.

7. 16-я воздушная армия – в течение дня бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожала наступающие части противника перед фронтом 13-й и 70-й армий и прикрывала свои войска на поле боя.

Всего за сутки произведено 999 самолето-вылетов, в том числе ночью 173.

В результате действий уничтожено и повреждено до 100 танков, 124 автомашины, взорвано 5 складов с боеприпасами и горючим, рассеяно и уничтожено до 700 солдат и офицеров противника. Вызвано до 20 очагов пожаров. В 48 воздушных боях сбито 65 самолетов противника.

Наши потери: не вернулись с боевого задания 47 самолетов.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 104. Л. 194-198.

№ 6

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00136 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

9 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в течение 9.7.1943 г. на орловско-курском направлении закреплялись на занимаемых рубежах и продолжали отражать атаки танков и пехоты противника на отдельных участках. На остальном фронте, обороняя прежние позиции, вели разведку противника.

Противник, понеся огромные потери в непрерывных пятидневных боях и не достигнув успеха, 9.7.1943 г. значительно снизил свою активность, продолжая безуспешные атаки в районе Понырей и на стыке 13-й и 70-й армий. Авиаразведкой и наземным наблюдением отмечен подход с севера до пд в рай-

он ст. Малоархангельск, Хитрова, Маслово и сосредоточение до 150 танков в районе Бузулук, Очки, Широкое Болото.

Авиация противника группами до 30 самолетов бомбардировала боевые порядки войск 13-й и 70-й армий, проявляя наибольшую активность в направлении Молотычи, Фатех.

Всего за сутки отмечено 314 самолето-пролетов, из них ночью 16.

Огнем ЗА сбито 19 самолетов противника.

1. 48-я армия – продолжала оборонять прежний рубеж, укрепляя его в противотанковом отношении, вела разведку и огневыми средствами уничтожала противника.

В 19.30 противник, силою до двух рот пехоты, после короткой артминподготовки предпринял разведку боем с направления Панской. Огнем наших частей попытка противника отражена, при этом уничтожено до 150 фашистов. По изъятым у убитых документам в этом районе подтверждаются действия частей 36 мд.

В районе Нагорного перешел на нашу сторону и сдался в плен солдат 531 пп 383 пд.

2. 13-я армия – в течение дня, удерживая прежние рубежи, продолжала отражать атаки пехоты и танков противника в районе Понырей.

Противник после артиллерийской и авиационной подготовки с 8.00 9.7 возобновил атаки пехотой и танками на участке 1-е Мая, Поныри. В результате неоднократных и одновременных атак силою батальон – полк пехоты с танками до 20 единиц противнику удалось ворваться на сев. окр. Понырей.

307 сд – во взаимодействии с частями 3 тк в 19.00 перешла в контратаку и к исходу дня продолжала бои за восстановление положения с сев.-зап. части Понырей. На остальных участках все атаки противника отражены с большими для него потерями.

В результате дневного боя за 9.7.1943 г. уничтожено до 1500 фашистов, подбито и сожжено до 40 танков противника.

3. 70-я армия – продолжая закрепляться на занимаемом рубеже, частями правого фланга в течение дня отражала атаки пехоты и танков противника на участке Молотычи, Красавка.

Противник до 19.00 предпринял три атаки силою до полка пехоты с танками 20-40 единиц каждая в направлениях Самодуровка, Молотычи, Саборовка, Красавка и Гнилец, Никольское. Все эти атаки отражены огнем наших частей с большими для противника потерями.

В 19.30 группа до 100 самолетов противника в два захода произвела бомбардировку района Молотычи и в 21.00 до полка пехоты в сопровождении 80 танков от Подсобовки повели наступление в направлении Молотычей. Огнем наших частей атака противника отражена с большими для него потерями.

За день боя уничтожено до 1500 солдат и офицеров противника, подбиты и сожжены 49 танков, в том числе 2 танка Т-У1, 1 бронемашина, уничтожено 5 арт. и 5 мин. батарей, 1 самоходное орудие, рассеяно и частью уничтожено до двух полков пехоты противника. Огнем ЗА и пехоты сбито 12 вражеских самолетов и взят в плен 1 летчик.

4. 65-я армия – продолжала оборонять и укреплять прежний рубеж, вела разведку и на отдельных участках огневой бой с противником.

В ночь на 9.7 противник силою до батальона пехоты предпринял разведку боем с направления Совицы. В результате непродолжительного боя, доходящего до рукопашных схваток, уничтожено до 200 фашистов и остатки этого батальона отброшены в исходное положение, при этом взяты 2 пленных, принадлежащих 130 пп 45 пд.

5. 60-я армия – обороняла и укрепляла в инженерном отношении прежний рубеж, вела разведку наблюдением и на отдельных участках ружейно-пулеметную перестрелку с противником.

Захватом 2 пленных в районе Ладыгино подтверждаются действия 769 пп 377 пд.

6. 2-я танковая армия – продолжала оборонять прежние рубежи и частью сил во взаимодействии с частями 13-й армии отражала атаки противника в районе Поньрей.

За день боя частями армии уничтожено 490 фашистов, подбито и сожжено 12 танков, 2 самоходных орудия, 9 полевых орудий и 5 пулеметов.

7. 16-я воздушная армия – в течение дня массированными ударами бомбардировщиков и штурмовиков в сопровождении истребителей уничтожала противника перед фронтом 13-й и правым флангом 70-й армий и прикрывала свои войска на поле боя.

Всего за сутки 536 самолетами произведено 957 самолетовылетов, из них ночью 145.

В результате бомбардировочных действий уничтожено и повреждено танков – 86, автоцистерн – 6, автомашин – 70, орудий – до 40, создано свыше 100 очагов пожаров, рассеяно и частично уничтожено до 400 пехотинцев противника.

В 36 воздушных боях сбито 35 самолетов противника.

Наши потери – сбито огнем ЗА и ИА 10 самолетов и не вернулись с боевого задания 23 самолета.

Из числа не возвратившихся ранее с боевого задания 4 самолета прибыли на свои аэродромы.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 104. Л. 199-203.

№ 7
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00140 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ

13 июля 1943 г. 23 ч 30 мин

Войска Центрального фронта в течение 13.7.1943 г. укрепляли занимаемые рубежи и частью сил 70-й армии продолжали отражать атаки небольших групп пехоты и танков противника.

Противник, закрепляясь на достигнутых рубежах, вел бой за улучшение своих позиций на отдельных участках орловско-курского направления. Наблюдением отмечено движение колонны до 70 танков и до 100 автомашин от ст. Куракино на север.

Авиация противника одиночными самолетами вела разведку боевых порядков наших войск и тыловых объектов до рубежа Верховье, Ливны, Касторное с попутным бомбометанием.

Всего за сутки отмечено 55 самолето-пролетов противника, из них ночью 5.

1. 48-я армия – продолжала укреплять занимаемые оборонительные рубежи, вела разведку и огневыми средствами уничтожала выявленные цели противника.

Наблюдением отмечено: от Тихой Поляны на Петровскую – движение до 600 автомашин и до 25 танков; от ст. Куракино на 1-е Поздеево – до 12 танков и прибытие трех жд эшелонов на ст. Глазуновка.

Захватом пленного в районе Дубового подтверждаются действия 531 пп 383 пд.

2. 13-я армия – продолжала укреплять занимаемый оборонительный рубеж, вела разведку и на отдельных участках огневой бой с противником.

Наблюдением отмечено оживленное движение пехоты противника в районе ст. Малоархангельск, Бузулук, Семеновка.

Захватом пленных в районе Павловки подтверждаются действия 195 пп 78-й пд и в районе отд. свх. Поныровский – 216 пп 86 пд.

Огневыми средствами частей за день уничтожено до 200 фашистов, подавлен огонь 2 минометных батарей и подбито 11 автомашин противника.

3. 70-я армия – обороняя прежние позиции, частью сил своего правого фланга продолжала отражать атаки небольших групп пехоты и танков противника.

В 9.20 13.7.1943 г. противник силою до полка пехоты с 30 танками повел наступление от Самодуровки на Теплое. Огнем наших частей атака отбита и противник отброшен в исходное положение.

С 3.00 до 9.30 13.7 противник силою рота-батальон пехоты с танками до 12 единиц четыре раза атаковал части 280 сд от Александровки в западном направлении. В результате напряженного боя противнику удалось незначительно потеснить подразделения 280-й сд и занять безымянную высоту (1 км зап. Александровки).

В результате боя за день уничтожено до 600 солдат и офицеров противника, подбито и сожжено 15 танков, из них 4 танка типа «тигр».

4. 65-я армия – в течение дня продолжала оборонительные работы на прежних рубежах, вела разведку и огонь по выявленным целям противника.

Положение частей армии прежнее.

5. 60-я армия – на прежнем рубеже продолжала оборонительные работы, вела разведку наблюдением и огневыми средствами уничтожала противника.

Противник перед фронтом армии в течение дня активных действий не предпринимал.

6. 2-я танковая армия – продолжала укреплять занимаемый оборонительный рубеж и огневыми средствами уничтожала обнаруженные цели противника.

Огнем артиллерии армии за день рассеяно и частично уничтожено до 350 солдат и офицеров противника.

7. 16 ВА – в ночь на 13.7 одиночными самолетами У-2 бомбардировала войска противника в районе Глазуновка, Троена, Саборовка, Подсборовка, Снова.

Днем 13.7 вела разведку и группами штурмовиков подвергла бомбардировке жд эшелоны и колонны танков противника в районе ст. Куракино, Глазуновка.

Всего за сутки 136 самолетами произведено 243 самолето-вылета, в том числе ночью 103.

В результате действий уничтожено и повреждено 1 паровоз, 1 цистерна, отмечены прямые попадания в 3 жд эшелона, уничтожено 4 жд вагона, взорван эшелон с боеприпасами и подбито до 20 танков, создано до 11 очагов пожаров, сопровождаемых 4 сильными взрывами.

С боевого задания не возвратилось 3 наших самолета.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 104. Л. 219-222.

№ 8
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00148 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ПЕРВОГО
ДНЯ КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ

15 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в течение 15.7.1943 г. вели наступательные бои на курско-орловском направлении и продолжали оборонять прежние позиции на остальном фронте.

Противник огнем и контратаками силою от батальона до двух полков пехоты с танками оказывал упорное сопротивление наступающим частям.

Авиаразведкой отмечено движение колонны до 600 автомашин и танков от ст. Глазуновка в северном направлении.

Авиация противника одиночными самолетами вела разведку боевых порядков и тыловых объектов фронта до рубежа Ливны, Мармыжи, Касторное и группую до 20 самолетов бомбардировала части 13-й армии.

Всего за сутки отмечено 63 самолето-пролета, из них ночью 8.

1. 48-я армия – частями своего левого фланга в 5.30 перешла в наступление с рубежа Егорьевка, (иск.) Краен[ая] Слободка и, встретив упорное сопротивление противника на фронте Егорьевка, Панская, продвижения не имела. Части 399 сд, преодолевая огневое сопротивление противника, продвинулись до 2 км и к исходу дня вели бой на рубеже юго-вост. часть Панская, сады 1,5 км вост. ст. Ясная Поляна, (иск.) Краен[ая] Слободка.

В районе Панской захвачено 5 пленных, принадлежащих 533 пп 383 пд.

2. 13-я армия – в 5.30 после короткой артиллерийской и авиационной подготовки на всем фронте перешла в наступление и, преодолевая упорное сопротивление противника, на отдельных участках продвинулась до 4 км и своим центром и левым флангом вышла на рубеж Протасове, Семеновка, выс. 253,6, Поныри, Березовый Лог, южн. часть Битюга, южн. окр. Кашары.

Противник силами до трех пехотных дивизий, поддержанных танковыми частями, широко используя ранее подбитые

танки как огневые точки, оказывал упорное огневое сопротивление нашим частям и, собрав ударную группу силою до пехотной дивизии с танками до 50 единиц, к исходу дня предпринял контратаку из района ст. Малоархангельск и потеснил части 18 гв. ск на рубеж вост. часть Протасове, Семеновка, выс. 249,9, 1-е Мая (1 км вост. Поньрей р/с).

Остальные части армии во второй половине дня продвижения не имели и вели бой на прежнем рубеже.

9 тк – в 13.30 15.7 введен в бой. Его частям удалось занять Бузулук, а отдельным группам танков прорваться к ст. Малоархангельское. Пехота 18 гв. ск была отсечена от танков огнем противника. В результате боя с контратакующими частями противника 9 тк к исходу дня главными силами вел бой в районе выс. 253,6 (1 км юго-вост. Бузулука).

3. 70-я армия – частью сил своего правого фланга с 5.30 вела наступательные бои, обороняя прежние позиции на остальном фронте.

Преодолевая упорное огневое сопротивление противника и отразив две его контратаки силою до батальона пехоты с танками до 20 единиц, к исходу дня продолжала бой на рубеже отм. 238,1, вост. часть Самодуровки, отм. 204,6, 231,7, 236,7, 250,2, Дегтярный (воет [очный] и западный) и далее на прежнем рубеже.

За день боя уничтожено до 2500 солдат и офицеров противника, 5 артиллерийских и 8 минометных батарей, 20 автомашин, подбито и сожжено 25 танков.

19 тк – во второй половине дня введен из района Никольского и к исходу дня продолжал бой в районе выс. 225,4, 231,7 (3 км юго-зап. Подоляни).

4. 2-я танковая армия – 3 тк, наступая за 9-м танковым корпусом, к 20.00 вышел в район отм. 253,6, 255,1, сев. окр. Поньрей и вел бой с пехотой и танками противника. Остальные силы армии – в прежних районах.

5. 65-я армия – обороняя прежние рубежи, продолжала укреплять их в инженерном отношении, вела разведку и огневыми средствами уничтожала противника.

Противник перед фронтом армии активных действий не предпринимал.

6. 60-я армия – продолжала оборонять и укреплять занимаемые рубежи и на отдельных участках вела разведку боем.

112 сд – силами трех штрафных рот и одного стрелкового батальона с утра 15.7 предприняла разведку боем и, уничтожив гарнизон противника, заняла его опорный пункт Смородину (8 км южнее Романове).

7. 16-я воздушная армия – в ночь на 15.7 одиночными самолетами У-2 бомбардировала войска противника перед фронтом 13-й армии и жд ст. Глазуновка; в течение дня наносила массивные удары по боевым порядкам противника перед фронтом 13-й армии и наступающими частями 48-й и 70-й армий.

Всего за сутки 495 самолетами произведено 917 самолетовылетов, в том числе ночью 261.

В результате действий уничтожено и повреждено танков 29, бронемашин 7, автомашин 36, полевых орудий 34, зенитных орудий 25, создано свыше 40 очагов пожаров и отмечены прямые попадания в жд полотно на ст. Глазуновка. Рассеяно и частично уничтожено до 300 солдат и офицеров противника.

Наши потери: сбито огнем ЗА – 3 и не вернулось с боевого задания 11 самолетов.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 104. Л. 241-244.

№ 9
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00160 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

18 июля 1943 г. 23 ч 50 мин

1. Группировка противника в составе восьми пехотных дивизий (216, 76, 86, 292, 6, 7, 31 и 258 пд), 10 мд, 4 тд, 304 мп (2

тд), трех егерских батальонов, усиленная 10-12 дивизионами штурмовых орудий и 6-7 артиллерийскими полками, разбитая в напряженных боях, к исходу 18.7.1943 г. отброшена на прежний оборонительный рубеж Краен[ая] Слободка, Кривцово, Хитрова, Архангельское, Верх[нее] Тагино, Воронеж, Троена и стремится закрепиться на нем.

В течение 18.7.1943 г. противник, опираясь на штурмовые орудия, закопанные в землю танки, оказывал упорное огневое сопротивление наступлению наших войск, стремясь не допустить прорыва своей оборонительной полосы. Его авиация в течение дня вела разведку с попутным бомбометанием одиночными самолетами и парами до рубежа Липецк, Касторное. Всего за день отмечено 117 самолето-пролетов, из них ночью 14.

2. Войска Центрального фронта на курско-орловском направлении в четырехдневных напряженных наступательных боях, нанеся большие потери противнику, отбросили его разбитые части на рубеж, занимаемый им до 5.7. 1943 г., и к исходу 18.7.1943 г. полностью восстановили свое прежнее положение.

Авиация фронта в течение 18.7.1943 г. группами штурмовиков и бомбардировщиков наносила удары по скоплению войск противника и прикрывала свои войска на поле боя. Всего за сутки произведено 535 самолето-вылетов, из них ночью 433.

3. В ходе наступательных боев в период с 15 по 18.7.1943 г. противнику нанесены потери: уничтожено солдат и офицеров 36 000, танков 272, самоходных орудий 54, орудий полевых разных калибров до 300, минометов 269; захвачено (по неполным данным) подбитых танков 277, самоходных орудий 31, орудий полевых разных калибров 139, тягачей 13, автомашин 56 и другое военное имущество. В воздушных боях и зенитными средствами сбито 24 самолета противника.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 104. Л. 276-277.

№ 10
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00164 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПЕРЕХОДЕ В
НАСТУПЛЕНИЕ НА КРОМЫ

19 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в 7.00 19.7.1943 г. после короткого артиллерийского налета перешли в наступление с рубежа Озерки, Верх[няя] Гранкина в общем направлении на Кромы. Сломив сопротивление противника вдоль курско-орловского шоссе, наступающие части с боями продвинулись в этом направлении до 6 км и заняли населенные пункты Троена, Мал[ая] Троена, Лаврове и ряд сильно укрепленных опорных пунктов на высотах. На остальном фронте наши части обороняли прежние рубежи.

Противник в первой половине дня, оказывая сильное огневое сопротивление на курско-кромском направлении, с боями отходил и, подтянув резервы, во второй половине дня предпринял ряд контратак силою до пехотного полка с танками до 35 единиц.

Авиаразведкой отмечено движение до 50 танков и 200 автомашин из Кром на Гостомль.

Авиация противника одиночными самолетами и парами вела разведку боевых порядков и тыловых объектов фронта до рубежа Елец, Касторное и группами до 20 самолетов бомбила боевые порядки наступающих частей 70-й армии.

Всего за сутки отмечено 117 самолето-пролетов противника, в том числе ночью 14.

Огнем ЗА сбит один самолет противника.

1. 48-я армия – обороняла прежние рубежи, вела разведку и огневыми средствами уничтожала противника.

Противник перед фронтом армии активных действий не предпринимал. В районе Панской на нашу сторону перешли 2 солдата 216 пд.

2. 13-я армия – частями своего левого фланга с 7.00 вела наступательные бои, обороняла прежние позиции на остальном фронте.

Встретив сильное огневое сопротивление, наступающие части последовательно предприняли три атаки и, не достигнув решительного успеха, к исходу дня продолжали бой на южных окраинах Верх [нее] Тагино, Воронеж.

За день боя уничтожено до 800 солдат и офицеров, захвачено 1 орудие, 4 миномета и 2 станковых пулемета.

3. 70-я армия – в 7.00 после короткого артиллерийского налета частями 28 и 19 ск перешла в наступление в общем направлении на Кромы.

Сломив сопротивление противника, наступающие части в первой половине дня успешно развивали свое наступление вдоль шоссе на Кромы.

Противник, подтянув резервы и во второй половине дня усилив огневое сопротивление, предпринял контратаки: силою до пп с 35 танками от Сомково на Мал[ую] Тросну; свыше пехотного батальона с танками из Верх[няя] Маханова на Мал[ую] Тросну и до пехотного батальона с 20 танками от Чернодья на Лаврове. Контратаки противника отражены.

В районе Троены части армии к исходу дня продолжали бои на рубеже выс. 247,7 (1 км юго-зап. Воронца), южная опушка леса (южнее Морозихи), южн. окр. Воронца, южн. окр. Саквинки, Мал[ая] Троена, выс. 244,4 (1,5 км юго-вост. Чернодья), выс. 238,1, Ильинско-Нагорный и далее на прежнем рубеже.

В результате дневного боя уничтожено до 1500 солдат и офицеров, подбито и сожжено 40 танков, уничтожено 10 арт. и 8 мин. батарей, 10 орудий, 10 автомашин, 10 пулеметов и захвачено 35 пленных.

4. 65-я армия – обороняя прежние рубежи, вела разведку и на отдельных участках активные действия за улучшение своих позиций.

В 14.20 19.7 силою штрафной роты 354 сд предприняла атаку в направлении Березовца. После короткого боя рота овладела траншеями противника на переднем крае и захватила пленного солдата 137 пд.

Противник в этом районе силою до двух рот пехоты предпринял три контратаки, которые были отбиты огнем наших частей.

В результате дневного боя уничтожено до 500 солдат и офицеров противника и подавлен огонь 2 мин. и 1 арт. батарей.

5. 60-я армия – на прежнем рубеже продолжала оборонительные работы, вела разведку и на отдельных участках огневой бой с противником.

В ночь на 19.7 в районе Юрасово захвачено 2 пленных (командир 7-й роты и командир взвода этой же роты 597 пп 327 пд).

6. 2-я танковая армия – в течение дня вела подготовку к действиям и восстанавливала материальную часть танков.

7. 16 ВА – в течение дня группами штурмовиков и бомбардировщиков наносила массированные удары по войскам противника перед фронтом наступающих частей. Всего за сутки произведено 1189 самолето-вылетов, из них ночью 357.

В результате действий, по предварительным данным, уничтожено и повреждено танков 14, автомашин 40, создано до 40 очагов пожаров, сопровождаемых двумя сильными взрывами, уничтожено и рассеяно до 200 пехотинцев противника.

В 3 воздушных боях сбит 1 самолет противника.

Наши потери – огнем ЗА сбит 1 и не вернулись с боевого задания 8 самолетов.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 104. Л. 284-287.

№ 11
БОЕВОЕ ДНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00237 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ И ИТОГАХ
НАСТУПЛЕНИЯ НА КРОМСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

6 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта своим правым крылом, форсировав реки Ока и Крома, в течение дня продолжали наступление.

В результате упорного боя наступающие части овладели городом Кромы и рядом населенных пунктов, продвинувшись за день от 4 до 8 км.

Противник перед фронтом 48-й армии, прикрываясь сильными арьергардами, с боем отходил в западном направлении; в районе Кром и западнее в результате напряженного боя оставил населенные пункты на северном берегу р. Крома и, отойдя на рубеж высот 234,5, 247,8, 233,5 во второй половине дня организованным огнем и контратаками при поддержке авиации препятствовал продвижению наших войск; перед фронтом 70-й армии, удерживая прежний рубеж, оказывал упорное огневое сопротивление.

Авиация противника группами до 40 самолетов в течение дня бомбардировала войска 13-й армии и 3 гв. ТА и одиночными самолетами вела разведку до рубежа Елец, Касторное.

Всего за сутки отмечено 383 самолета-пролета, в том числе ночью 13.

Огнем ЗА сбито 8 самолетов противника.

1. 48-я армия – в ночь на 6.8, форсировав р. Ока и Крома, в течение дня вела наступательные бои с арьергардными частями противника.

Наступающие части, совместно с частями 13-й армии, в результате упорного боя овладели городом Кромы и, отбрасывая части прикрытия противника в северо-западном направлении, к исходу дня вышли на рубеж вост. Окр. Себякино, выс. 320,2 (2 км севернее Самохвалово), вост. часть Самохвалово, Родной, выс. 241,5 (3 км севернее Пушкирной), вост. скаты выс. 230,6 (2 км сев.-вост. Марьинского).

Потери, нанесенные противнику, и захваченные трофеи уточняются.

2. 13-я армия – в течение ночи вела упорные бои, содействуя частям 48-й армии в овладении городом Кромы, и с утра 6.8.1943 г. совместно с частями 3 гв. ТА вела упорные бои по очищению от противника северного берега р. Крома, к 12.00 с боями вышла на рубеж юго-вост. окр. Марьинского, выс. 234,6 (2 км сев.-вост. Глинок), Глинки, Лешня, вост. окр. Рышково.

Встретив упорное сопротивление противника и отражая его неоднократные контратаки, во второй половине дня наступающие части продвижения не имели и продолжали бой на прежнем рубеже, подвергаясь непрерывному воздействию вражеской авиации.

В результате дневного боя уничтожено до 600 фашистов, 10 пулеметов, 7 минометов, 3 орудия, сожжено и подбито 5 танков, 2 самоходных орудия и захвачено 2 орудия, 3 миномета, 6 пулеметов, 13 автоматов и 17 пленных.

3. 3-я гв. танковая армия совместно с частями 13-й армии продолжала наступательные бои и, преодолевая сильное сопротивление противника, в первой половине дня вышла на рубеж:

7 [гв.] мк – южная окр. Марьинский, южные скаты выс. 235,5.

6 [гв.] и 7 [гв.] тк – южные скаты выс. 247,8, южные скаты выс. 233,5, Лешня.

Встретив сильное огневое сопротивление противника и отражая его неоднократные контратаки пехоты с танками, во второй половине дня части армии продолжали бой на прежнем рубеже за овладение Марьинским, высотами – 234,5, 247,8, 233,5.

4. 2-я танковая армия – с утра форсировав р. Неживка, в течение дня вела упорные бои, медленно продвигаясь в направлении Гнездилово.

В результате боя части армии овладели Краен[ой] Ягодой и к исходу дня продолжали бой на рубеже южная окр. Краен[ой] Рощи, Краен[ая] Ягода, вост. и южн. скаты выс. 225,9 (1 км сев.-зап. Краен[ой] Ягоды), ручей (2 км зап. Краен[ой] Ягоды).

5. 70-я армия – в 4.30 6.8 после короткой артиллерийской подготовки возобновила наступление своим правым флангом и центром и, встретив упорное сопротивление противника, имела небольшое продвижение на отдельных участках.

К исходу дня части армии продолжали бой на рубеже (иск.) Кутафино, отм. 203,8 (1,5 км сев.-зап. Рожковского), южн. Краен [ой] Ягоды, Волобуево, вост. и южн. окр. Крупышино, отм. 235,8 (1 км сев. Брусовца), выс. 245,9 (1,5 км сев. Кошелево), Кошелево, Игнатеева, Воздвиженский, Успенский, Трофимовка, (иск.) Брянцево.

За день боя уничтожено до 1000 солдат и офицеров противника, 5 артиллерийских батарей, 4 миномета, 30 автомашин, подбито и сожжено 4 танка и захвачено 3 подбитых танка, 6 орудий, 50 винтовок, 9 пулеметов, 400 снарядов, 700 мин, 26 000 патронов и 15 пленных.

6. 65-я и 60-я армии – обороняли прежние рубежи, вели разведку и на отдельных участках огневой бой с противником.

Противник перед фронтом этих армий, не предпринимая активных действий, периодически производил короткие артналеты и пытался вести разведку небольшими группами пехоты.

7. 16 ВА – в ночь на 6.8 самолетами У-2 бомбардировала войска противника перед фронтом 48-й и 13-й армий и вела ночную разведку; в течение дня группами штурмовиков и бомбардировщиков бомбила колонны войск противника на дорогах Нарышкино-Карачев и Дмитровск-Орловский-Шаблыкино, истребителями прикрывала свои войска на поле боя и вела разведку.

По предварительным данным до 19.00 6.8 произведено 369 самолето-вылетов, из них ночью 243.

В результате действий создано до 10 очагов пожаров, сопровождаемых 2 сильными взрывами, и в воздушных боях сбито 4 вражеских самолета.

8. В результате напряженных наступательных боев в период с 15 июля по 6 августа 1943 г. войска Центрального фронта продвинулись на запад до 60 км, очистили от противника 2700 кв. км территории и заняли 440 населенных пунктов, в том числе город Кромы и ряд районных центров.

За это же время противнику нанесены следующие потери: уничтожено солдат и офицеров 108000, пулеметов 1200, минометов 670, орудий, разных калибров 920, самоходных орудий 48, автомашин 3000, танков 420 и сбито:

233 вражеских самолета.

Захвачено: пленных 806, винтовок 3819, пулеметов 528, автоматов 387, орудий разных 123, минометов 512, самоходных орудий 31, автомашин 90, танков 328, тягачей 17, мотоциклов 4, велосипедов 118, лошадей 100, радиостанций 31, винтовоч-

ных патронов более двух миллионов, снарядов 15 000, мин 3000, противотанковых мин 6000, пороху 29,5 тонны, взрывчатых веществ 30 тонн, складов с боеприпасами 6 и других складов 4.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 77-82.

№ 12
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00241 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

7 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в течение 7.8.1943 г. своим правым крылом продолжали наступательные бои и, преодолевая сопротивление противника, за день боя продвинулись до 10 км.

Противник, прикрываясь сильными арьергардами, в первой половине дня с боями отходил на следующий промежуточный рубеж и во второй половине дня огнем и контратакам оказывал сильное сопротивление наступающим частям правого крыла фронта.

Авиация противника группами 13-18 самолетов в течение дня бомбардировала наши войска в полосе 13-й и 70-й армий и одиночными самолетами вела разведку до рубежа Елец, Касторное.

Всего за сутки отмечено 312 самолето-пролетов, в том числе ночью 7.

1. 48-я армия – возобновив наступление с утра 7.8.1943 г., в течение дня преследовала отходящего противника и, преодолевая огневое сопротивление арьергардных частей, к исходу дня вышла на рубеж Высокий, вост. окр. Шаховцов, вост. окр. Иваичикова, Соколов, Апальково.

В результате дневного боя уничтожено до 250 фашистов, 1 мин. батарея и захвачено 3 пулемета, 20 винтовок, 15 000 вин-патронов и 1 пленный.

2. 13-я армия – с 6.00 7.8.1943 г. продолжала наступательные бои. Преодолевая упорное сопротивление частей прикрытия противника и отразив его контратаку, наступающие части в первой половине дня совместно с частями 3 гв. ТА вышли на рубеж Апальково, Нов[ый] Путь, Ивановский, Краен[ая] Нива, вост. скаты выс. 240,9 (1,5 км сев. Долженков). Встретив упорное сопротивление противника, во второй половине дня наступавшие части продвижения не имели и продолжали бой на прежнем рубеже.

За день боя уничтожено до 600 солдат и офицеров, 18 пулеметов, 2 орудия и захвачено 7 пулеметов, 13 автоматов и 25 пленных.

3. 3-я гв. танковая армия – с утра 7.8.1943 г. возобновила наступление и к исходу дня вышла на рубеж: 7 [гв.] мк – Апальково;

6 [гв.] тк – Новый Путь, Свободный Труд; 7-й гв. тк – Ивановский.

Дальнейшее продвижение частей армии было задержано сильным артиллерийским огнем противника и во второй половине дня, не имея продвижения, части армии вели бой на прежнем рубеже.

4. 2-я танковая армия – возобновила наступление с утра 7.8.1943 г., в течение дня вела упорные бои, преодолевая сопротивление противника, овладела рядом его опорных пунктов и к исходу дня своими частями вышла:

3 тк – Гончаровка; 16 тк – выс. 251,0 (2 км южнее Гончаровки); 1 гв. тбр – Гнездилово.

В результате дневного боя уничтожено до 700 солдат и офицеров, 1 самоходное орудие, 10 танков, 16 минометов.

5. 70-я армия – своим правым флангом и центром в течение дня совместно с частями 2 ТА продолжала наступательные бои и, преодолевая сопротивление противника, к исходу дня вышла на рубеж Дерюгино, Гнездилово, выс. 251,0 (2 км южн. Гон-

чаровки), Калинов Куст, Костобобровка, вост. окр. Кузминка, Трофимовка, (иск.) Брянцово.

За день боя уничтожено до 1500 солдат и офицеров противника, 12 орудий, 10 минометов, 37 пулеметов, 23 автомашины и захвачено 13 орудий разных калибров, 18 пулеметов, 9 минометов, 2 артсклада, 70 винтовок, 71 000 винтпатронов, 1500 снарядов и 25 пленных.

6. 65-я армия – обороняя прежние рубежи, в 8.30 7.8.1943 г. одним стрелковым полком после короткой артподготовки атаковала противника сев.-зап. Брянцово.

Встретив сильное сопротивление противника, наступающие подразделения ворвались на отдельных участках в траншеи противника. Дальнейшее продвижение остановлено сильным огнем.

В районе Брянцово через линию фронта перешли 2 солдата 266 пп 72 пд и сдались в плен нашим частям.

7. 60-я армия – обороняла прежние рубежи, вела разведку и на отдельных участках – огневой бой с противником. Положение частей армии прежнее.

8. 16-я воздушная армия – в течение дня бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожала войска противника перед фронтом 13-й и 70-й армий и истребителями вела разведку и прикрывала свои войска на поле боя.

Всего за сутки произведено 498 самолето-вылетов, из них ночью 145.

В результате действий уничтожено и повреждено 49 автомашин, 1 самоходное орудие, 10 полевых орудий, взорван склад горючего и подавлен огонь 2 батареей полевой артиллерии и батареей ЗА. Рассеяно и частично уничтожено до 250 пехотинцев. В двух воздушных боях сбито 2 вражеских самолета.

Наши потери – сбит 1 и не вернулось с боевого задания 5 самолетов.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 92-95

№ 13
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00245 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ НАСТУПЛЕНИЯ

8 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в течение 8.8.1943 г. своим правым крылом продолжали наступательные бои и, преодолевая сопротивление противника, продвинулись от 4 до 8 км.

Противник перед фронтом 48-й и 13-й армий, прикрываясь аррьергардами, в первой половине дня с боями отходил на следующий промежуточный рубеж и во второй половине дня организованным огнем препятствовал дальнейшему продвижению наших частей.

Авиация противника тремя группами от 7 до 25 самолетов бомбардировала войска 13-й армии и одиночными самолетами вела разведку до рубежа Елец, Касторное.

Всего за сутки отмечено 89 самолето-пролетов, в том числе ночью 7.

1. 48-я армия – возобновив наступление с утра 8.8.1943 г., в течение дня вела бой с аррьергардными частями противника и, продвинувшись за день до 8 км, заняла 23 населенных пункта.

Встретив организованное сопротивление противника, к исходу дня части армии вели бой на рубеже Альшанка, Прилепы, Верх[няя] Боевка, Анахина, Торхово.

В результате дневного боя уничтожено до 300 солдат и офицеров и захвачено 12 пленных, 3 пулемета и 30 винтовок.

2. 13-я армия – с 6.00 8.8 продолжала наступательные бои и, преодолевая огневое сопротивление частей прикрытия противника, к исходу дня вышла на рубеж дорога (2 км зап. Торхово), Катыши, выс. 246,8, Краен[ая] Новь.

За день боя уничтожено до 400 фашистов, 3 орудия, 3 миномета, 8 пулеметов, подбито 2 танка и захвачено 5 пленных, 2 орудия, 2 миномета, 4 пулемета.

3. 3-я гв. танковая армия совместно с частями 48-й и 13-й армий – продолжала наступление и, встретив упорное сопро-

тивление противника, к исходу дня вела бой на рубеже выс. 253,8 (4 км зап. Верх[няя] Боевка), Троицкий, Хмелевая, вост. окр. Мелихово.

Противник огнем противотанковой артиллерии и закопанных в землю танков оказывал сильное сопротивление частям армии.

4. 2-я танковая армия – преодолевая сильное огневое сопротивление противника, в течение 8.8 продолжала наступательные бои и, обходя противотанковые районы, частью сил пробилась на выс. 266,0 (3 км сев.-вост. Столбище), но в результате сильного артиллерийского огня с флангов и фронта вынуждена была оставить выс. 268,0 и отойти в район выс. 251,0, К исходу дня части армии продолжали бой на рубеже Гончаровка, выс. 251,0.

5. 70-я армия – с 9.00 8.8 продолжала наступательные бои и, преодолевая сопротивление противника, имела продвижение до 3 км на своем левом фланге. Части правого фланга и центра, встретив упорное огневое сопротивление, в течение дня продолжала бой на прежнем рубеже.

К исходу дня части армии вели бой на рубеже Дерюгино, Толмачево, Гнездилово, выс. 251,0, Калинов Куст, вост. окр. Костобобровка, вост. окр. Васильевка, Бычки, вост. окр. Соломине, вост. окр. Топоричный, вост. окр. Мошки.

За день боя уничтожено до 300 солдат и офицеров, 6 орудий, до 30 пулеметов, 10 минометов и захвачен 1 пленный.

6. 65-я армия – в 10.00 8.8 силами двух сд при поддержке артиллерии атаковала противника с рубежа Брянцово, Круглая. На остальном фронте части армии обороняли прежние рубежи и вели разведку.

Преодолевая упорное сопротивление и противопехотные препятствия, наступающие части продвинулись до 5 км, овладели рядом опорных пунктов противника и к исходу дня продолжали бои на рубеже Мошки, выс. 243,4 (1 км зап. Мошки), Страшновский, вост. скаты выс. 261,2 (1 км юго-зап. Страшновский), южн. опушка леса (1 км сев. Круглая).

За день боя, отразив пять контратак противника силою батальон-два батальона пехоты с танками до 5 единиц, наступа-

ющие части уничтожили до 400 солдат и офицеров, разрушили 11 ДЗОТов и подавили огонь 4 батарей.

7. 60-я армия – обороняла прежние рубежи, вела разведку и на отдельных участках перестрелку с противником. Положение частей армии прежнее.

8. 16 ВА – бомбардировочными и штурмовыми действиями в течение дня уничтожала войска противника перед фронтом наступающих частей и истребителями вела разведку и прикрывала свои войска на поле боя.

Всего за сутки произведено 645 самолето-вылетов, из них ночью 119. В результате действий уничтожено и повреждено 5 танков, 115 автомашин, 1 автоцистерна, 23 полевых орудия, 2 бронемшины, взорвано 2 склада боеприпасов, рассеяно и частично уничтожено свыше 400 пехотинцев. В трех воздушных боях сбито 6 самолетов противника. Наши потери – сбито 2, подбито 3 и не вернулось с боевого задания 3 самолета.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 105-108.

№ 14
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00249 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

9 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в течение 9.8.1943 г. продолжали наступательные бои своим правым крылом.

Преодолевая сопротивление частей прикрытия противника, наступающие части в первой половине дня продвинулись от 3 до 5 км и, встретив организованное сопротивление, во второй половине дня продвижения не имели.

Противник перед фронтом 48-й и 13-й армий в первой половине дня, прикрываясь арьергардами, отходил на следующий промежуточный рубеж и во второй половине дня огнем и контратаками препятствовал продвижению наших частей. Перед фронтом 70-й армии, удерживая занимаемый рубеж, оказывал упорное сопротивление.

Авиация противника одиночными самолетами и парами вела разведку боевых порядков и тылов фронта до рубежа Елец, Касторное и группой в 27 бомбардировщиков бомбила боевые порядки наступающих частей 65-й армии юго-вост. Дмитровска.

В течение суток отмечено 286 самолето-пролетов, из них ночью 16.

Огнем ЗА сбито 3 вражеских самолета.

1. 48-я армия – с рассветом 9.8.1943 г. возобновила наступательные бои и, преодолевая сопротивление частей прикрытия противника, к исходу дня вышла на рубеж Пятницкий, Ицка, выс. 253,8, Троицкий, Хмелевая.

За день было уничтожено до 270 солдат и офицеров, 2 противотанковых орудия и 1 мин. батарея.

2. 13-я армия – с 4.00 9.8.1943 г. продолжала наступательные бои и, преодолевая упорное сопротивление противника, к исходу дня вела бой на рубеже роща (2 км вост. Мартьяновой), вост. окр. Звягинцева, Облога, Егино, выс. 253,5 (2 км сев.-вост. Городище).

В результате дневного боя уничтожено свыше 300 фашистов, 1 мин. батарея, 4 пулемета и захвачено 4 пулемета, 14 винтовок и 2 пленных.

3. 3-я гв. танковая армия – возобновив наступление с утра, в течение дня вела упорные бои.

Встретив сильный огонь противотанковой артиллерии и минные поля, к исходу дня части армии продолжали бой: 7 [гв.] мк – за овладение выс. 252,9; 6 [гв.] тк – за овладение выс. 271,5; 7 [гв.] тк – частью сил вел бой за овладение высотой 271,5 с юга и частью сил за овладение Сосково с севера.

4. 70-я армия – с 5.00 9.8.1943 г. продолжала наступательные бои и, встретив сильное огневое сопротивление противника, имела небольшое продвижение на своих флангах.

К исходу дня части армии продолжали бой на рубеже Городище, вост. часть Лебяжье, вост. окр. Гончаровка, выс. 251,0, Калинов Куст, вост. окр. Костобобровка, вост. окр. Васильевка, Бычки, вост. окр. Соломине, Огненное,

В результате боев за день уничтожено до 500 солдат и офицеров противника, 4 орудия, 4 шестиствольных миномета, 29 автомашин с грузом, 1 самоходное орудие. Подбито и сожжено 4 танка и захвачено 10 подбитых танков, 6 орудий, 75 винтовок, 9 пулеметов, снарядов разных 250, мин 500, патронов 200 000 и 3 пленных.

5. 65-я армия – в течение дня своим правым флангом продолжала наступление и, сломив сопротивление противника, овладела его опорными пунктами Ново-Ивановский, выс. 251,1, Первомайский и к исходу дня вышла на рубеж южн. окр. Морено, юго-вост. окр. Вертянино, юго-вост. окр. Крюков, выс. 228,7 (1 км вост. Виженки) и далее на прежнем рубеже.

В результате двухдневных боев за 8 и 9.8.1943 г. уничтожено до 2000 солдат и офицеров, 10 орудий, 6 минометов, 30 ст[анковых] и 25 ручных пулеметов и захвачено 17 орудий и 18 ст[анковых] пулеметов, 18 ручных пулеметов, 250 винтовок, 50 автоматов, 4 радиостанции, 10 телефонных аппаратов и 15 пленных.

6. 60-я армия – обороняла прежние рубежи, вела разведку и на отдельных участках огневой бой с противником.

Противник перед фронтом армии активных действий не предпринимал,

7. 2-я танковая армия – в течение дня производила частичную перегруппировку и частью сил совершала марш в новый район сосредоточения.

3 тк с 15 мсбр 16 тк, приняв матчасть от 16 тк и 11 гв. тбр, вошел в оперативное подчинение 70-й армии и в течение дня производил перегруппировку.

16 тк и 11 гв. тбр – после сдачи своей материальной части совершают марш в новый район сосредоточения.

8. 16-я воздушная армия – в течение дня 9.8.1943 г. бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожала войска

противника в районах Работьково, Навля, Дмитровск-Орловский; истребителями вела разведку и прикрывала свои войска над полем боя.

Всего за сутки произведено 378 самолето-вылетов, из них ночью 121,

В результате действий уничтожено и повреждено 20 автомашин, 1 автоцистерна, 2 миномета, 8 полевых орудий, рассеяно и уничтожено до 100 пехотинцев.

В воздушном бою сбит 1 вражеский самолет.

Наши потери – сбито 2 и не вернулся с боевого задания 1 самолет.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 118-121.

№ 15
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00253 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

10 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в течение 10.8.1943 г. продолжали наступательные бои на своем правом фланге и во второй половине дня наступали в направлении Дмитровска. На остальном фронте обороняли прежние рубежи и вели разведку.

Наступающие части, встретив сильное огневое сопротивление и отражая на отдельных участках контратаки пехоты с танками, имели небольшое продвижение на левом фланге 48-й армии и в районе Дмитровска.

Противник, усилив свою группировку частями 12 тд, упорно оборонял занимаемые позиции, сильным огнем и частыми контратаками препятствовал продвижению наступающих частей.

Авиация противника группами 15-30 самолетов бомбила боевые порядки наступающих частей и одиночными самолетами вела разведку до рубежа Ливны, Касторное.

В течение суток отмечено 256 самолето-пролетов, из них ночью 17.

Огнем ЗА сбито 5 вражеских самолетов.

1. 48-я армия – с утра 10.8 возобновила наступление и, встречая упорное сопротивление противника, в первой половине дня своим центром и левым флангом продвинулась до 2 км. Во второй половине дня наступающие части, отразив контратаку противника силою до роты пехоты от Сосково, продвижения не имели.

К концу дня части армии вели бой на рубеже Пятницкий, вост. окр. Гнилого Болота, выс. 252,9, выс. 271,5, выс. 272,1 (1 км юго-вост. Сосково).

2. 13-я армия – возобновив наступление с утра и встретив сильное сопротивление противника, продвижения не имела и в течение дня продолжала бой на прежнем рубеже.

Противник оказывал сильное огневое сопротивление наступающим частям и неоднократно переходил в контратаки силою до батальона пехоты с танками до 10 единиц.

За день боя уничтожено до 300 фашистов, 9 пулеметов и подавлен огонь 2 артиллерийских батарей.

3. 3-я гв. танковая армия – в течение дня вела упорные наступательные бои с противником, оказывающим сильное огневое сопротивление. Отражая неоднократные контратаки противника, части армии к исходу дня вели бой:

7 гв. мк – обходя Ивановку с юга и севера, наступал в направлении Владимировского, но успеха не имел;

6 гв. и 7 гв. тк – в результате упорного боя овладели выс. 271,5 (2 км сев.-вост. Сосково) и продолжали бой за овладение Сосково.

4. 70-я армия – в 5.00 возобновила наступление, но, встретив упорное сопротивление противника, продвижения не имела и в течение дня вела огневой бой на прежнем рубеже.

5. 65-я армия – в первой половине дня обороняла прежние рубежи и вела разведку; с 14.00 частями своего правого фланга продолжала наступление в направлении Дмитровска.

Преодолевая сильное огневое сопротивление противника и отразив его контратаки: две от Вертякина силою до пехотного полка с 13 танками и две от Валдыш силою до двух рот пехоты каждая, наступающие части овладели Морево, Горбуновкой, Вертякиной и ворвались в Дмитровск. К 21.00 части 37 гв. сд и 149 сд овладели вост. и юго-вост. окраиной Дмитровска и, тесня противника к центру города, продолжали уличные бои.

246 сд – продолжая наступление, вела бой на рубеже 1 км вост. Валдыш, вост. окр. Крюков.

Положение остальных частей армии прежнее.

В результате дневного боя уничтожено до 1200 солдат и офицеров, 1 мин. батарея, 4 орудия, 12 пулеметов, подбито 1 самоходное орудие и захвачен 1 подбитый танк, 4 орудия, 12 пулеметов, 6 минометов (из них один шестиствольный), до 200 винтовок и 4 пленных солдата, принадлежащих 105 пп 72 пд.

6. 60-я армия – продолжала оборонять прежний рубеж, вела разведку и на отдельных участках перестрелку с противником. Положение частей армии прежнее.

7. 2-я танковая армия (без 3 тк) – к утру 10.8 сосредоточилась в районе Пролетарский, Петровский, Чистое, Высокое.

8. 16 ВА – в течение дня бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожала войска противника в районе Дмитровска и истребителями вела разведку и прикрывала свои войска на поле боя.

В течение суток произведено 276 самолето-вылетов, из них 161 ночью. В результате действий уничтожено и повреждено 6 автомашин, 6 орудий, создано 9 очагов пожаров и вызван 1 сильный взрыв, рассеяно и частично уничтожено до 150 пехотинцев.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 131-134.

№ 16
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00257 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

11 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта с 4.00 11.8.1943 г. продолжали наступательные бои своим правым крылом и в районе Дмитровска. На остальном фронте обороняли прежние рубежи и вели разведку.

Наступающие части, преодолевая упорное сопротивление арьергардов противника, за день продвинулись от 4 до 10 км и заняли 40 населенных пунктов.

Противник арьергардными боями прикрывал отход своих частей на следующий оборонительный рубеж и во второй половине дня сильным огнем и контратаками препятствовал дальнейшему продвижению наших частей.

Авиация противника группами от 18 до 23 самолетов в первой половине дня бомбила боевые порядки 70-й и 65-й армий и одиночными самолетами в течение суток вела разведку.

Всего за сутки отмечено 127 самолето-пролетов, в том числе ночью 5.

Огнем ЗА сбито 2 самолета противника.

1. 48-я армия – возобновив наступление с утра, в течение дня вела бой с арьергардными частями противника и, преодолевая огневое сопротивление, к исходу дня вышла на рубеж Зеленая Роща, Орлик, Литва, Папоротное. Даль.

В результате дневного боя уничтожено до 600 фашистов, 14 пулеметов и захвачено 2 пулемета, 10 000 винтпатронов, 200 снарядов, 2 орудия, 1 радиостанция и 5 пленных.

2. 13-я армия – с 4.00 11.8.1943 г. продолжала наступательные бои.

Преследуя отходящего противника, [ее] наступающие части к исходу дня вышли на рубеж южн. окр. Дали, Долгий, Ключниково, Поляна (1 км вост, Веселого Кута).

Противник, прикрываясь сильными отрядами, оказывал упорное сопротивление на высотах и в населенных пунктах и, отойдя на заранее подготовленный рубеж, во второй половине дня сильным огнем и контратаками препятствовал дальнейшему продвижению наступающих частей.

В результате отражения двух контратак силою до батальона пехоты при поддержке 4 танков каждая от Степи в направлении Долгого и в результате дневного боя на других участках уничтожено до 300 солдат и офицеров, 5 пулеметов и захвачено 5 орудий и 4 пленных.

3. 70-я армия – возобновив наступление с утра и встречая слабое сопротивление противника, в первой половине дня продвинулась до 6 км и вышла на рубеж (иск.) Поляна, вост. окр. Веселый, вост. окр. Спорный, вост. окр. Краен[ое] Знамя, вост. окр. Донской, Дудинка, вост. берег р. Нерусса, отм. 210,8 (3 км сев.-вост. Дмитровска), вост. окр. Дмитровска.

Встретив организованное сопротивление противника, во второй половине дня части армии продвижения не имели и продолжали бой на достигнутых рубежах.

В результате дневного боя уничтожено до 500 солдат и офицеров, 4 арт. батареи, 48 ручных и 33 станковых пулемета, 56 повозок с грузом и захвачено танков 2, автомашин 5, орудий разных 12, винтовок 742, автоматов 156, ручных пулеметов 52, минометов 23, снарядов 780, мин 400, патронов 13 300, фанат 400, радиостанций 8 и 17 пленных.

4. 65-я армия – частями своего правого фланга в течение суток продолжала упорные уличные бои на вост. и юго-вост. окр. Дмитровска и в направлении Валдыша. На остальном фронте части армии обороняли прежний рубеж, вели разведку и перестрелку с противником.

Преодолевая упорное сопротивление противника и отразив три его контратаки силою рота – батальон каждая из центра Дмитровска, к исходу дня части правого фланга армии продолжали бой на вост. и юго-вост. окраинах Дмитровска, вост. окр. Валдыша, Крюки, выс. 228,7 (1 км южнее Кочетовки).

За день боя уничтожено до 1000 солдат и офицеров, 29 пулеметов, 3 противотанковых орудия, 3 мин. батареи и захва-

чено станковых пулеметов 10, ручных [пулеметов] 50, винтовок 150, автоматов 10 и 5 пленных, принадлежащих 105 пп 72 пд.

5. 60-я армия – продолжала оборонять прежний рубеж, вела разведку и на отдельных участках огневой бой с противником. Положение частей армии прежнее.

6. 3-я гв. танковая армия – сосредоточилась в районе Сухая, Торхово, Апальково и приводит свои части в порядок.

7. 2-я танковая армия – в прежнем районе производила работы по восстановлению материальной части.

8. 16-я воздушная армия – в течение дня бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожала противника в районе Дмитровска и штурмовала отходящие колонны противника перед фронтом наступающих частей.

Всего в течение суток произведено 353 самолето-вылета, из них ночью 156.

В результате действий уничтожено и повреждено 6 полевых орудий, 25 автомашин, взорван склад с боеприпасами в районе Куркатого (12 км юго-вост. Шаблыкино), рассеяно и частично уничтожено до 100 пехотинцев противника.

С боевого задания не вернулось 10 самолетов.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. Ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 144-147.

№ 17

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФОНТА № 00261 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ГОРОДА ДМИТРОВСК И РАЗВИТИИ НАСТУПЛЕНИЯ

12 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в течение 12.8.1943 г. продолжали наступательные бои своим правым крылом и, преодолевая огневое сопротивление арьергардных частей противника, продвинулись до 10 км и заняли 60 населенных пунктов.

В результате упорного боя части 37 гв. и 149 сд 65-й армии содействием частей 102 сд 70-й армии овладели городом Дмитровск.

Противник, прикрываясь арьергардами, оказывал огневое сопротивление в населенных пунктах и на высотах и, отойдя на следующий оборонительный рубеж, к исходу дня организованным огнем препятствовал дальнейшему продвижению наших частей.

Авиация противника одиночными и парами самолетов вела разведку наших войск и тыловых объектов до рубежа Ефремов, Касторное с попутным бомбометанием.

Всего за сутки отмечено 83 самолето-пролета, из них ночью 7.

1. 13-я армия – возобновив наступление с утра и преодолевая огневое сопротивление частей прикрытия противника, к 16.00 12.8 вышла на рубеж отм. 181,1 (1 км вост. Какуреньки), вост. окр. Колоска, вост. окр. Вишневки, отм. 256,3 (1,5 км юго-зап. Работьково), Лысое, выс. 260,8 (1 км зап. Пальцево) и, встретив организованное сопротивление противника с зап. берега р. Водоча и Локна, во второй половине дня продвижения не имела, ведя огневой бой на прежнем рубеже.

В результате дневного боя уничтожено до 300 фашистов, 8 пулеметов, подавлен огонь 3 арт. и 3 мин. батарей и захвачено 7 пулеметов, 6 автоматов и 3 пленных.

2. 70-я армия – с 2.00 12.8 продолжала преследовать отходящего противника и, преодолевая огневое сопротивление его арьергардов, минные поля и заграждения, к исходу дня вышла на рубеж Волконское, вост. окр. Ясная Поляна, юго-вост. окр. Моревского, вост. окр. Владимирского, вост. окр. Николаевского, вост. опушка леса южн. Николаевского, отм. 177,3 (1,5 км сев.-зап. Сторожища).

За день уничтожено до 500 фашистов, 1 арт. и 2 мин. батареи, 8 минометов, 20 пулеметов, 17 автомашин, 20 повозок с грузом и захвачено 1 подбитый танк, 4 автомашины, 16 орудий, 220 винтовок, 39 пулеметов, 200 автоматов, 11 минометов, 600 снарядов, 2300 мин, 86500 патронов, 12000 гранат, 350 противогазов и 5 пленных.

3. 65-я армия – в течение ночи на 12.8 частями 37 гв. и 149 сд вела упорные уличные бои и при содействии частей 102 сд 70-й армии овладела городом Дмитровск. Преследуя отходящего

противника и преодолевая его огневое сопротивление, к исходу дня наступающие части вышли на рубеж Троицкий (3 км сев.-зап. Алешенки), Талдыкина, Промклевец (4 км южн. Талдыкиной), сев. и вост. окраины Кального, вост. окр. Барановского.

На остальном фронте части армии обороняли прежний рубеж, вели разведку и на отдельных участках перестрелку с противником.

За день боя уничтожено до 800 солдат и офицеров противника, 2 арт. и 3 мин. батареи, 16 пулеметов и захвачено пулеметов 174, винтовок свыше 300, автоматов 17 и много другого имущества. Взято в плен 4 солдата, принадлежащих частям 72 пд.

4. 60-я армия – продолжала оборонять прежний рубеж, вела разведку и на отдельных участках огневой бой с противником.

Противник перед фронтом армии активных действий не предпринимал.

5. 48-я армия – продолжала марш в новый район сосредоточения.

6. 3-я гв. танковая армия – с 14.00 12.8 на марше в новый район сосредоточения.

7. 2-я танковая армия – в прежнем районе продолжала работы по восстановлению материальной части боевых машин и проводила занятия по боевой подготовке.

8. 16 ВА – в течение дня штурмовыми и бомбардировочными действиями уничтожала отходящие войска противника перед фронтом наступающих частей и бомбардировала жд эшелоны на ст. Хутор – Михайловский, Суземка.

Всего за сутки произведено 402 самолето-вылета, из них ночью 317.

В результате действий отмечены прямые попадания в жд эшелоны на ст. Хутор – Михайловский, наблюдались очаги пожаров, сопровождаемые сильными взрывами.

Наши потери: сбито огнем ЗА – 1 и не вернулись с боевого задания – 2 самолета.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

№ 18
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00265 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ЗАКРЕПЛЕНИИ АРМИЙ
НА ДОСТИГНУТЫХ РУБЕЖАХ

13 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в течение 13.8.1943 г. на своем правом крыле закреплялись на достигнутых рубежах, вели усиленную разведку боем противостоящего противника и огневой бой с ним, продолжали частичную перегруппировку и обороняли прежние рубежи на остальном фронте.

На правом крыле фронта противник, отошедший на подготовленный промежуточный оборонительный рубеж по рекам Водоча и Локна, в течение суток укреплял занимаемые позиции, оказывая сильное огневое сопротивление действующим передовым отрядам 13-й и 70-й армий. На остальном фронте, не предпринимая активных действий, пытался на отдельных участках вести разведку мелкими группами.

Авиация противника одиночными самолетами вела разведку расположения войск и тыловых объектов до линии Ефремов, Касторное с попутным бомбометанием.

В течение суток отмечено 32 самолето-пролета, из них ночью 3.

1. 13-я армия – закреплялась на достигнутых рубежах, ведя передовыми отрядами усиленную разведку противостоящего противника, и огневыми средствами уничтожала выявленные цели в его расположении.

Действующие передовые отряды выбили противника из Колоска, Кучеряевки и овладели населенными пунктами. Все попытки передовых отрядов частей армии форсировать р. Водоча успеха не имели.

Противник, укрепляя свои позиции по зап. берегу р. Водоча, оказывал сильное огневое противодействие действующим передовым отрядам, пытающимся форсировать р. Водоча, и производил сильные огневые налеты по расположению войск армии.

В течение дня огневыми средствами частей армии уничтожено до 200 вражеских солдат и офицеров, 5 пулеметов, подавлен огонь 2 арт. и 3 мин. батарей.

2. 70-я армия – закреплялась на достигнутом рубеже, вела разведку и огневой бой с противником и продолжала частичную перегруппировку.

Противник перед фронтом армии, обороняя занимаемые позиции, вел сильный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь по боевым порядкам войск армии.

В результате боя уничтожено до 200 солдат и офицеров противник;

1 арт. и 2 мин. батареи, 7 пулеметов, 2 автомашины и 4 повозки с боеприпасами. Взят в плен немецкий солдат, принадлежащий 7 пд.

По уточненным данным частями армии 12.8.1943 г. захвачено (кроме указанных ранее) минометов 2, винтовок 105, автоматов 25, пулеметов 4, винтпатронов 7000, патронов к ПТР 2000, самоходная пушка 1.

3. 65-я армия – на своем правом фланге закреплялась на достигнутом рубеже, вела разведку, приводила личный состав и материальную часть в порядок. В центре и на левом фланге вела усиленное наблюдение за действиями противника и перестрелку с ним.

Противник перед фронтом армии вел ружейно-пулеметный огонь и периодически производил короткие артиллерийско-минометные налеты, проявляя особую огневую активность на правом фланге армии.

Огневыми средствами частей армии уничтожено до 30 фашистов, 4 пулемета, 1 орудие ПТО, подавлен огонь 1 мин. батареи, рассеяно и частично уничтожено до роты пехоты.

4. 60-я армия – продолжала оборонять и укреплять в инженерном отношении занимаемый рубеж, вела разведку и отражала попытки противника вести разведку мелкими группами.

Противник, не предпринимая активных действий, вел артиллерийско-минометный огонь по боевым порядкам частей армии и дважды группой до двух взводов автоматчиков при поддержке артиллерийско-минометного огня пытался вести разведку расположения войск армии в районе Поды.

5. 3-я гв. танковая армия – в прежнем районе приводила части в порядок и продолжала работы по восстановлению боевой материальной части.

6. 2-я танковая армия – в прежнем районе сосредоточения отремонтировала и приводила в порядок боевую материальную часть и проводила занятия по боевой подготовке.

7. 48-я армия – продолжала марш в новые районы сосредоточения.

8. 16-я воздушная армия – в течение дня 13.8.1943 г. из-за плохих метеоусловий боевую работу вела ограниченно. Двумя группами штурмовиков бомбардировала и штурмовала жд ст. Алтухово и Погребы, вела разведку в комаричевском направлении, производила вылеты на сопровождение и перехват.

В результате бомбардировочных и штурмовых действий, по докладом экипажей на ст. Алтухово и Погребы взорвано 2 вагона и 13 платформ с боеприпасами, взорван склад боеприпасов, поврежден 1 паровоз, 11 вагонов, подавлен огонь 9 точек ЗА. В районе ст. Алтухово поврежден жд мост. По докладом экипажей в воздушном бою сбит 1 ХШ-126. Наши потери: не вернулся с боевого задания 1 самолет. Всего в течение суток произведено 208 самолето-вылетов, из них ночью 150.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 166-170.

№ 19
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00273 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

15 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в течение 15.8.1943 г. на своем правом фланге продолжали наступательные бои и производи-

ли частичную перегруппировку. На остальном фронте обороняли прежние рубежи и вели разведку противника.

Наступающие части, преследуя отходящего противника и преодолевая огневое сопротивление его арьергардов, в первой половине дня имели продвижение от 4 до 6 км и заняли 32 населенных пункта. Во второй половине дня, встретив упорное сопротивление противника, отошедшего на следующий оборонительный рубеж, продвижения не имели и продолжали бой на достигнутом рубеже.

Противник перед фронтом 13-й и 70-й армий, отойдя на следующий промежуточный рубеж, во второй половине дня оказывал упорное огневое сопротивление наступающим частям.

Авиация противника одиночными самолетами вела разведку боевых порядков и тыловых объектов фронта до рубежа Ливны, Касторное и группами 6-12 самолетов бомбила боевые порядки правофланговых частей 65-й армии.

Всего за сутки отмечено 78 самолето-пролетов противника, в том числе ночью 7.

1. 13-я армия – в 3.00 15.8.1943 г. возобновила наступление и, преодолевая огневое сопротивление прикрывающих частей противника, к 15.00 вышла на рубеж выс. 228,6 (2 км юго-вост. Суховки), Климове, Юрово, Суслове, выс. 264,3 (4 км южнее Суслове), вост. окр. Тереховки, вост. окр. Островска, вост. окр. Успенского, (иск.) Михайловский. В дальнейшем, встретив упорное сопротивление противника, наступающие части продвижения не имели и к исходу дня продолжали бой на прежнем рубеже.

В результате дневного боя уничтожено до 300 фашистов, 7 минометов, 9 пулеметов, подавлен огонь 2 арт. и 4 мин. батарей и захвачено минометов 4, орудий 1, автоматов 7.

В районе Суслове перешли на нашу сторону и сдались в плен 2 солдата 233 пп 102 пд.

2. 70-я армия – в течение дня вела наступательные бои и, преследуя отходящего противника, к исходу дня вышла на рубеж Михайловский, Ленчанский, Гуровский и далее по вост. берегу р. Ленча до р. Неруса.

Противник, отойдя на зап. берег р. Ленча, во второй половине дня оказывал организованное сопротивление наступающим частям.

За день боя уничтожено до 100 солдат и офицеров противника, 1 арт. и 1 мин. батареи, 6 пулеметов, 3 автомашины, 6 повозок с грузом и захвачено 2 орудия, 58 винтовок, 3 пулемета, 300 снарядов, 900 мин, свыше 100 000 патронов и 2 пленных.

3. 48-я армия – сменив войска 65-й армии на фронте Никольский, Литиж и войдя в боевое соприкосновение с противником, к исходу дня вела бой на рубеже Никольский, Журавка, Домаха, Мал[ое] Кричино, Кавелино, (иск.) Упорой, Гречнев, Комаровский, Глядино, Восточная Поляна, Литиж.

За день боя было уничтожено до 250 фашистов.

4. 65-я армия – продолжая действовать передовыми отрядами на своем правом фланге, в течение дня производила частичную перегруппировку своих сил.

Правофланговые части армии, сдав свои боевые участки частям 48-й армии на фронте Никольский, Литиж, во второй половине дня совершали марш в новые районы сосредоточения.

Захватом пленного в районе Упорой подтверждаются действия 135 пп 45 пд.

5. 60-я армия – обороняла прежний рубеж, вела разведку противника и на отдельных участках огневой бой.

Противник перед фронтом армии в течение дня активных действий не предпринимал.

6. 2-я танковая армия – в прежнем районе продолжала восстановление материальной части боевых машин и проводила занятия по боевой подготовке.

7. 16-я воздушная армия – в течение дня бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожала противника в районах жд станций Хутор – Михайловский, Погребы, Комаричи и вела разведку.

Всего в течение суток произведено 460 самолето-вылетов, в том числе ночью 253.

В результате бомбардировочных и штурмовых действий уничтожено и повреждено 40 жд вагонов, подожжен 1 жд со-

став, разрушено 5 стационарных зданий и жд полотно на станциях Хутор – Михайловский, Комаричи, Погребы.

С боевого задания не вернулся 1 самолет.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. ф. 62. оп. 321. Д. 105. Л. 192-195.

№ 20
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00277 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

16 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в течение 16.8.1943 г. продолжали наступательные бои на своем правом крыле, производили перегруппировку и обороняли прежние рубежи на остальном фронте.

Наступающие части, встретив упорное сопротивление противника, имели продвижение только на правом фланге 13-й армии.

Противник на правом крыле фронта, упорно обороняя занимаемые рубежи, оказывал сильное огневое сопротивление наступающим частям и на остальном фронте оборонял прежние рубежи, пытаясь на отдельных участках вести разведку небольшими группами пехоты.

Авиация противника одиночными самолетами вела разведку боевых порядков наших войск и тыловых объектов до рубежа Ливны, Касторное с попутным бомбардированием.

В течение суток отмечено 68 самолето-пролетов, из них ночью 13.

1. 13-я армия – в 5.00 16.7 возобновила наступление и, встретив упорное сопротивление противника, имела продвижение только на своем правом фланге. К исходу дня части армии вели бои на рубеже Шевякино, Рассвет, Соловейка, выс. 268,1 (1 км юго-вост. Соловейки), вост. окр. Дубровы, вост. окр. Свиного, выс. 264,3 и далее по восточному берегу р. Ленча до Михайловского.

В результате боя частями армии уничтожено до 200 вражеских солдат и офицеров, 5 пулеметов, 1 автомашина, подавлен огонь 1 арт. и 2 мин. батарей.

2. 70-я армия – производила перегруппировку войск и сосредоточение в новые районы и частью сил с утра 16.8 возобновила активные действия передовыми отрядами. Передовые отряды, встретив упорное сопротивление противника, успеха не имели и в течение дня вели огневой бой на прежних рубежах.

Противник, удерживая занимаемые позиции, вел сильный артиллерийско-минометный огонь по наступающим частям армии.

В результате дневного боя уничтожено до 200 солдат и офицеров противника, 1 мин. и 2 арт. батареи, 2 автомашины, 14 повозок с боеприпасами.

3. 48-я армия – в 5.00 16.8 возобновила наступление на всем фронте. Встретив сильное огневое сопротивление противника, наступающие части к исходу дня овладели Дерюгино и на остальном фронте не имели продвижения; в течение дня вели огневой бой на прежних рубежах.

За день боя уничтожено до 200 вражеских солдат и офицеров, 1 орудие, 1 пулемет.

4. 65-я армия – обороняла прежние рубежи, вела разведку противостоящего противника, производила частичную перегруппировку войск и огневыми средствами уничтожала выявленные цели в его расположении.

Противник активных действий не предпринимал и временно производил короткие огневые налеты по боевым порядкам войск армии.

5. 60-я армия – продолжала оборонять и укреплять прежний рубеж, производила перегруппировку войск и на отдельных участках отражала попытки противника вести разведку небольшими пехотными группами расположения войск армии.

6. 2-я танковая армия – оставаясь главными силами в прежнем районе, проводила занятия по боевой подготовке и частью сил со второй половины дня совершала марш в новые районы сосредоточения.

7. 16 ВА – днем 16.8 боевую работу вела ограниченно. Бомбардировала и штурмовала жд станции Хутор – Михайловский, Брасово, Зерново, Ямполь. Истребителями сопровождала бомбардировщиков и вела разведку.

В течение суток, по неполным данным, произведено 355 самолето-вылетов, из них ночью 229.

В результате действий авиации уничтожено 6 жд вагонов и 7 автомашин, подожжен 1 жд эшелон, вызвано 2 сильных взрыва и создано 15 очагов пожаров. На станциях Суземка, Хутор – Михайловский, Брасово и Зерново отмечены прямые попадания по жд полотну.

С боевого задания не возвратилось 2 самолета.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 205-208.

№ 21

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00281 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ

17 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Войска Центрального фронта в течение 17.8.1943 г. на своем правом фланге продолжали разведку боем и частью сил 48-й армии вели наступательные бои. На остальном фронте продолжали перегруппировку своих сил и вели разведку противника.

Противник, прочно удерживая занимаемые рубежи, оказывал упорное сопротивление нашим частям. Его авиация группами от 15 до 45 самолетов бомбила боевые порядки 13-й и 48-й армий и одиночными самолетами вела разведку до рубежа Елец, Касторное.

Всего за сутки отмечено 288 самолето-пролетов, из них ночью 6.

1. 13-я армия – в течение дня усиленными отрядами вела разведку боем и заняла Нижний Городец. На остальном фрон-

те, встречая упорное сопротивление противника, продвижения не имела.

Противник перед фронтом армии оказывал упорное огневое сопротивление и предпринял две безуспешные контратаки в районе Островска силою до роты пехоты каждая.

По документам, отобраным от убитого солдата, в районе юго-вост. Чаянки установлены действия 232 пп 102 пд и захватом пленного в районе Фоминок (4 км юго-зап. Островска) установлены действия 266 пп 72 пд.

За день уничтожено до 150 солдат и офицеров, 3 пулемета и подавлен огонь 3 мин. и 1 арт. батарей, захвачено 3 пулемета и 16 винтовок.

2. 70-я армия – частью сил на прежнем рубеже вела разведку противника и продолжала сосредоточение своих войск в новые районы.

Наблюдением отмечено усиленное строительство оборонительных сооружений и заграждений по зап. берегу р. Вилюча и в лесу западнее.

3. 48-я армия – в 10.00–11.00 17.8.1943 г. частью своих сил в центре атаковала позиции противника в направлении Комаричей, но, встретив сильное огневое сопротивление, успеха не имела и в течение дня продолжала огневой бой на прежнем рубеже.

Противник перед фронтом армии, укрепляя свою оборону, оказывал упорное сопротивление наступающим частям.

4. 65-я армия – обороняя прежний рубеж, вела разведку и производила частичную перегруппировку своих сил.

Наблюдением отмечено движение до батальона пехоты от Борисово на Челмыж и усиленное двустороннее движение автотранспорта по дорогам сев.-зап. и зап. Севска.

В ночь на 17.8 в районе Севска перешел на нашу сторону и сдался в плен немецкий солдат 459 пп 251 пд.

5. 60-я армия – продолжала оборонять прежние рубежи и вела разведку противника.

Захватом пленного в районе Ладыгино подтверждаются действия частей 340 пд.

Огневыми средствами армии за день уничтожено и рассеяно до двух взводов пехоты противника и подавлен огонь арт. батарей.

6. 2-я танковая армия – продолжала марш и сосредоточение в новый район.

7. 16-я воздушная армия – в течение дня 17.8.1943 г. группами бомбардировщиков бомбардировала жд станции Брасово и Хутор – Михайловский и группами штурмовиков уничтожала войска противника в районе Комаричей.

Всего за сутки произведено 423 самолето-вылета, из них ночью 251.

В результате действий отмечены прямые попадания в жд эшелоны и по станционным путям на станциях Брасово и Хутор – Михайловский, наблюдались сильные очаги пожаров, сопровождаемые взрывами большой силы. В других районах рассеяно и частично уничтожено до 200 пехотинцев противника, создано 2 очага пожара и подавлен огонь 2 зен. батарей.

Наши потери: огнем ЗА сбит 1, с боевого задания не вернулись 6 самолетов.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 228-231.

№ 22

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА № 00285 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ЗАКРЕПЛЕНИИ АРМИЙ НА ДОСТИГНУТЫХ РУБЕЖАХ

18 августа 1943 г. 23 ч 30 мин

Войска Центрального фронта в течение 18.8.1943 г. закреплялись на занимаемых рубежах, продолжали частичную перегруппировку, вели разведку противника и на правом фланге фронта усиленными отрядами улучшали свои позиции.

Противник, прочно удерживая занимаемый рубеж, продолжал укреплять его в инженерном отношении, оказывал упорное огневое сопротивление нашим частям и на отдельных участках пытался вести разведку небольшими пехотными группами.

Авиация противника одиночными самолетами вела разведку боевых порядков и тыловых объектов фронта до рубежа Ефремов, Касторное с попутным бомбометанием.

Всего за сутки отмечено 26 самолето-пролетов, в том числе ночью 2.

1. 13-я армия – в течение дня вела активные действия усиленными отрядами и после упорного боя овладела опорным пунктом противника в районе Островска. На остальном фронте, встречая сильное огневое сопротивление противника, продвижения не имела и к исходу дня вела бой на прежнем рубеже.

За день было уничтожено до 100 солдат и офицеров противника, 4 пулемета и подавлен огонь 2 арт. и 3 мин. батарей.

2. 70-я армия – частью сил, оставаясь на прежнем рубеже, вела разведку противника. Основные силы армии в прежнем районе приводили себя в порядок и пополнялись запасами всех видов.

Положение частей армии прежнее.

3. 48-я армия – продолжала закрепляться на занимаемом рубеже, вела разведку и огневыми средствами уничтожала выявленные цели противника.

Противник перед фронтом армии не предпринимал активных действий, периодически производил короткие огневые налеты по боевым порядкам наших войск.

В районе Воронине перешли на нашу сторону и сдались в плен 3 солдата из бригады изменника Каминского.

4. 65-я армия – на прежнем рубеже продолжала оборонительные работы, производила частичную перегруппировку и вела разведку противника.

Противник, не предпринимая активных действий, производил короткие огневые налеты. Особенно интенсивный огонь противник вел на участках Шведчиковы, Севск.

5. 60-я армия – обороняя прежний рубеж, вела разведку противника и на отдельных участках – огневой бой.

В ночь на 18.8 противник силою до роты пехоты при поддержке артиллерии два раза пытался вести разведку боем в направлении Мельничище. Попытки противника были отражены огнем наших частей. По изъятым документам от убитого солдата, в этом районе подтверждаются действия 158 пп 82 пд.

6. 2-я танковая армия – закончив сосредоточение своих войск в районе Карпеевский, Лобановский, Дедоводье, Краен[ый] Клин, 1-й Октябрьский, Первоавгустовский, в течение дня приводила части в порядок и восстанавливала материальную часть боевых машин.

7. 16 ВА – днем 18.8 из-за плохих метеоусловий боевую работу вела ограниченно. Всего произведено 54 самолето-вылета истребителями на прикрытие своих войск и на разведку.

В трех воздушных боях сбито 2 вражеских самолета.

КОСТИН
ФЕДИН
СЕРГИЕНКО

ЦАМО. ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 239-241.

Документы Командования Воронежский Фронт

№ 1

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 00837 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ГРУППИРОВКЕ ПРОТИВНИКА И СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

21 апреля 1943 г.

Докладываю:

1. Перед Воронежским фронтом в настоящее время установлено:

а) Пехотных дивизий: в первой линии на фронте Краснооктябрьское, Бол[ьшая] Чернетчина, Краснополье, Казацкое – девять пд (26, 68, 323, 75, 255, 57, 332, 167 и одна дивизия неустановленной нумерации).

Во второй линии, по данным, требующим проверки, имеется 6 немецких пехотных дивизий и, кроме того, по данным радиоразведки, имеются: в районе Харькова – одна венгерская дивизия и в районе Конотопа – армейский венгерский корпус, которые к началу наступления немцев могут быть использова-

ны на второстепенных направлениях, и за счет этого может быть усилена ударная группировка немецких войск.

По личному докладу командующего 60-й армией Центрального фронта генерал-майора Черняховского, противник снял с фронта 60-й армии 340 и 377 пд и двинул их в южном направлении.

б) Танковых дивизий надо считать сейчас до восьми, из них три тд в первой линии и до пяти тд во второй линии производят доукомплектование.

Танковые дивизии второго эшелона сгруппированы до двух тд в районе Тростянец, Ахтырка и в лесах восточнее и до трех тд – в районе Харькова и севернее.

По наличию сил противник имеет возможность для наступления дополнительно вывести в район Белгорода две-три тд с участка Юго-Западного фронта.

Таким образом, для наступления противник может перед Воронежским фронтом собрать до двадцати пехотных и до одиннадцати танковых дивизий (около 1600 танков), из них на главном направлении он может использовать до десяти пехотных и до десяти танковых дивизий (1500 танков).

Эта ударная группа противника может быть поддержана сильной авиацией, численностью примерно до 500 бомбардировщиков и не менее 300 истребителей.

Документальных данных о намерениях противника не имеется. Однако наиболее вероятен следующий план противника. Противник готовится к наступлению из района Белгород, Борисовка на северо-восток и из района Орла на юго-восток с тем, чтобы окружить наши войска, находящиеся западнее линии Белгород, Курск.

В дальнейшем противник попытается либо повторить свой удар на юго-восток в тыл Юго-Западному фронту с последующим поворотом на север, либо он в этом году откажется от удара на юго-восток и будет проводить другой план, а именно: после концентрических ударов из районов Белгорода и Орла он будет проводить удар на северо-восток для обхода Москвы.

С этой возможностью необходимо считаться и соответственно готовить резервы.

Исходя из указанного, противник перед Воронежским фронтом вероятнее всего будет наносить главный удар из района

Борисовка, Белгород в направлении на Старый Оскол и частью сил на Обоянь, Курск.

Вспомогательных ударов следует ожидать в направлениях Волчанок, Новый Оскол и Суджа, Обоянь, Курск.

Для крупного наступления противник сейчас еще не готов, и начала его наступления надо ожидать в первых числах мая.

Как показал опыт, противник по-прежнему наступает главным образом авиацией, танками и мотопехотой. Поэтому необходимо теперь же разработать план крупной воздушной операции по уничтожению авиации противника на аэродромах и своевременно начать выполнение этого плана, а также самым тщательным образом подготовиться к отражению массовой танковой атаки противника и к уничтожению его танков.

В качестве новшества противник весной этого года применил:

а) самолеты-истребители танков, вооруженные 37-мм пушками;

б) тяжелый танк Т-У1, имеющий сильную броню в лобовой части и на вооружении 88-мм пушку.

Еще в зимний период противник ввел на вооружение пулемет, имеющий по показаниям пленных скорострельность до 1400 выстрелов в минуту.

2. Войска Воронежского фронта продолжают довооружение и доукомплектование.

В связи с некоторым опозданием прибытия вооружения и обмундирования довооружение и доукомплектование армий 1-го эшелона будет закончено к 25.4.43 г., а 69-й армии – к 5.5.43 г. К этим срокам дивизии будут доведены до 7-8 тыс. человек каждая.

Танки для 2 и 5 гв. тк поступили частично, и полное укомплектование их будет закончено ориентировочно к 25.4.1943 г.

К 1.5.1943 г. намечено доукомплектовать танками все остальные танковые части фронта главным образом за счет ремонта.

Включенный дополнительно в состав войск фронта 7 отд. ск в назначенный ему новый район прибыл. Доукомплектование его будет закончено к 25.4.1943 г.

Таким образом, полное восстановление боеспособности войск фронта, их довооружение и Доукомплектование. будут закончены к 5.5.1943 г.

Фронт в своем составе имеет:

стрелковых дивизий – 31

стрелковых бригад – 7

кавалерийских дивизий – 2

танковых корпусов – 2

танковых отдельных бригад – 6

танковых отдельных полков – 7

истребительных противотанковых бригад – 6

иптаповских полков – 24, из них 12 полков в стадии формирования

самоходных полков – 3

гап РГК – 9

и пуш.-арт. дивизионов РГК – 1, из них 5 полков в пути по жел. дороге

гап РГК – 3

минометных полков – 12, из них 7 полков в стадии формирования и в пути по жел. дороге

полков ПВО – 18, из них 11 полков в стадии формирования и в пути по жел. дороге

полков РС М-8 – 2

полков РС М-13 – 5

бригад РС М-30 – 2

батальонов ПТР – 27, все в процессе довооружения и доукомплектования.

Всего танков по состоянию на 17.4.1943 г. – 540, самолетов: истребителей – 101, штурмовиков – 173, дневных бомбардировщиков – 170, ночных бомбардировщиков – 43. Итого самолетов – 487. Соотношение сил – см. в приложении № 1.

3. На период довооружения и доукомплектования армии фронта имеют задачу прочно удерживать занимаемый рубеж и ни в коем случае не допустить прорыва войск противника.

В случае наступления противника в оборонительном сражении нанести ему поражение, а затем, выбрав благоприятный момент, перейти в контрнаступление и окончательно разгромить его.

Конкретное решение на оборону изложено в моем приказе № 0093 и приложенной к нему карте, копии которых представлены Вам.

Вновь прилагаю к настоящему докладу уточненную карту организации обороны фронта (приложение – № 2). В основу обороны положено:

а) Построение глубокой обороны, для чего не только готовится ряд рубежей, но эти рубежи теперь же заняты войсками. Это не должно позволять противнику произвести оперативный прорыв.

б) Организация плотной и развитой на большую глубину противотанковой обороны, особенно на важнейших танкоопасных направлениях, для чего тщательно отрабатываются планы ПТО, создаются эшелонированные в глубину противотанковые районы, возводятся инженерные противотанковые препятствия, минные поля как перед передним краем, так и в глубине, используются огнеметные средства, подготавливается огонь артиллерии, РС и удары авиации на направлениях возможного движения танков противника. На большую глубину подготавливаются оперативные заграждения. Во всех частях и соединениях имеются противотанковые подвижные резервы.

в) Организация надежной противовоздушной обороны путем создания укрытий для боевых порядков, маскировки и массированного использования зенитных средств на важнейших направлениях.

Однако наиболее эффективным способом ПВО явится уничтожение авиации противника на аэродромах и уничтожение запасов горючего, для чего своевременно необходимо использовать авиацию всех фронтов, а также авиацию дальнего действия.

г) Подготовка и осуществление маневра как основа успеха в обороне.

Приняты меры к обеспечению маневра противотанковыми средствами, артиллерией, частями РС, танками, вторыми эшелонами и резервами с тем, чтобы на направлениях атак противника быстро создавать еще большую плотность и глубину обороны, быстро накапливать силы для производства контру-

даров и достигать превосходства сил для перехода в контрнаступление.

Особо докладываю о мероприятиях по отражению крупных танковых атак.

Для этой цели решено во что бы то ни стало:

а) Вооружить все части и соединения полностью положенными по штату противотанковыми ружьями и противотанковой артиллерией, а в саперных и инженерных частях иметь противотанковые ружья сверх штата.

б) К 25.4.1943 г. вооружить все истребительные противотанковые бригады и все иптаповские полки, распределив их по армиям следующим образом:

в 38-й и 40-й армиях – по одной истребительной противотанковой бригаде и по три иптап;

в 21-й армии – шесть ипталоовских и самоходных полков и две истребительные бригады;

в 64-й армии – шесть иптаповских и самоходных полков и одна истребительная бригада;

в 69-й армии – одна истребительная бригада. В резерве фронта будет к 25.4.1943 г. (с учетом дополнительно наряженных фронту) шесть иптаповских полков и три лап.

в) К 25.4.1943 г. сформировать и вооружить: в 38-й и 40-й армиях – по три батальона ПТР.

В 21-й и 64-й армиях – по пять батальонов ПТР. В 69-й армии – три батальона ПТР и в резерве фронта – пять батальонов ПТР.

Кроме того, из резерва Ставки прибывают три батальона ПТР.

Всего, таким образом, будет 27 батальонов ПТР.

г) Дано задание в течение апреля 1943 г. уложить 150 тысяч противотанковых мин.

д) Провести в жизнь практические мероприятия согласно моей шифро-телеграмме № 52/к от 12.4.1943 г., копия которой направлена начальнику Генштаба КА.

4. Одновременно докладываю свои соображения по подготовке наступательных операций.

В связи с тем, что наступательные операции должны вестись в тесном взаимодействии с другими фронтами, я обязан

докладывать соображения не только по Воронежскому фронту, но и касаться других фронтов.

В летнюю кампанию 1943 г. целью наступательных операций на юге должен быть разгром вооруженных сил противника на Украине, полное очищение от него Левобережья Украины и овладение крупным плацдармом на правом берегу р. Днепр Кременчуг, Кривой Рог, Херсон, а при благоприятных условиях – выход на фронт Черкассы, Николаев.

Достижение этой крупной цели лишает противника богатейшей продовольственной базы, [таких] крупных промышленных районов и центров, на Донбасс, Кривой Рог, Харьков, Днепропетровск. Оно выведет из строя наиболее активную часть германской армии и приблизит нас к ее южным союзникам, а это ускорит выход их из войны.

Поэтому в случае успеха намечаемых действий целесообразно буде бросить крупные резервы Ставки для максимального развития этого успех с тем, чтобы здесь достичь решающих для исхода войны результатов.

Выполнение этих наступательных операций необходимо провести в следующие три этапа: см. карту-приложение № 3.

а) Первым и самым необходимым этапом этих действий должна быть совместная наступательная операция Воронежского и Юго-Западного фронтов с целью окружения и уничтожения харьковско-белгородской группировки противника, овладения г. Харьков и выход на рубеж Сумы, Ахтырка далее по р. Ворскла на [рубеж] Полтава, Козловка, Зачепилровка, Переще пино, Орелька, Краснопавловка, Петровская.

Разгром харьковско-белгородской группировки противника нанесет ему крупное поражение и выведет из строя наиболее активную его часть. Овладение указанным районом не является простой погоней за территорией, а он изолирует донбасскую группировку противника от его центральной группировки, приводит к глубокому обходу донбасской группировки противника и создает выгодные условия [для] ее дальнейшего окружения. Глубина первого этапа операции – 200 км.

На выполнение его потребуется до 15 дней.

б) Вторым этапом действий должна быть совместная наступательная операция Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов с целью окружения и уничтожения всей группировки противника, находящейся восточнее линии Полтава, Днепропетровск, р. Днепр, с выходом на фронт Сумы, Миргород, р. Псел, Кременчуг, р. Днепр, Мелитополь (см. карту приложения № 3). В этой операции Воронежский фронт своим левым крылом должен наносить удар на Днепропетровск и частью сил на Кременчуг.

Одновременно сильным фланговым ударом из района непосредствен» юго-восточнее Сум в направлении на Лебедин, Миргород будет окончательно смотан фронт противника на широком участке.

Юго-Западный фронт главный удар должен наносить своим правым»» крылом в юго-восточном и южном направлениях с тем, чтобы частью сил фронтом на восток выйти на линию Мариуполь, Волноваха, Сталине Константиновская, Пролетарская, Славянок и прочно запереть с тыла группировку противника в Донбассе.

Другой частью сил ЮЗФ должен выйти фронтом на запад на линию Днепропетровск, р. Днепр, Мелитополь и не допустить никаких сил противника на выручку окруженной донбасской группы противника. Удар Южного фронта целесообразно нанести его правым флангом в направлении Славяносербск, Дебальцево, Сталине. Действия Юго-Западного и Южного фронтов должны привести к плотному окружению противника в Донбассе. При этом не исключено, что дальнейшее уничтожение окруженного противника целесообразно будет возложить на Южный фронт, а Юго-Западный будет действовать фронтом на запад. Глубина этапа операции для Воронежского фронта – 200 км, для Юго-Западного фронта – 300 км.

На выполнение его с подготовкой потребуется до 30 дней.

в) Третьим этапом должно быть общее наступление Воронежского, Юго-Западного, Южного и Центрального фронтов с целью выхода на линию р. Днепр, Кременчуг, Кривой Рог, Херсон, а при благоприятных условиях на линию р. Днепр, Черкассы, Николаев. Примерное направление ударов – см. карту (приложение № 3). По-видимому, на третьем этапе придется

также осуществлять уничтожение окруженной группировки противника в Донбассе. Глубина третьего этапа операции – 300 км. На выполнение его с подготовкой потребуется до 30 дней. Таким образом, общая глубина всех операций до 700 км. На выполнение всех операций потребуется 2,5 месяца.

Начало операций предусмотреть трудно. Для этого нужно выбрать благоприятный момент в процессе оборонительного сражения. Ориентировочно это может быть в июне месяце.

5. Выполнение первой наступательной операции с целью разгрома харьковско-белгородской группировки противника Воронежским фронтом может быть начато в различных условиях обстановки, а именно:

а) когда противник упредит нас и перейдет в наступление против нашей обороны, что является наиболее вероятным и в условиях создавшейся обстановки пока более приемлемым для нас;

б) когда мы первыми перейдем в наступление против обороняющегося противника.

В первом случае (см. карту, приложение № 3) Воронежский фронт должен предварительно вести оборонительное сражение, в процессе которого он должен истощить противника, не дать ему прорвать наш фронт, нанести ему поражение и в благоприятный момент перейти в контрнаступление с целью окружения и окончательного разгрома главной группировки противника.

При этом в случае некоторого продвижения противника сильные контрудары по нему должны быть нанесены севернее Белгорода с тем, чтобы затем главный удар фронта силами ориентировочно 6 гв. (21-й армии), двух танковых армий (1 ТА и N ТА) *[так в документе, командующий считает, что ему для успешной реализации этой части замысла операции нужны две танковые армии: своя 1-я и любая другая.]* и 2 гв. тк со средствами усиления и при поддержке авиации фронта нанести в обход Харькова с запада в направлении Томаровка, Малая Писаревка и далее на фронт Красноград, Мерефа.

Вспомогательный удар силами 7-й гв. армии с тремя тбр и тремя тп – в направлении Белгород, Харьков с одновременным свертыванием фронта противника по зап берегу р. Сев [ерский] Донец. Навстречу этим ударам считаю целесообразным и необходимым:

а) главный удар Юго-Западного фронта силами двух армий и одной танковой армии нанести с плацдарма, что южнее Савинцы, в направлении на Алексеевское и далее на фронт Нов[ая] Водолага, Красноград с одновременным построением сильного фронта по линии Зачепилровка, Перещепино, Орелька, Краснопавловка, Петровская;

б) вспомогательный удар ЮЗФ силами 6-й армии нанести с фронта Мохначи, Черк-Бшикин на фронт Харьков, Нов[ая] Водолага.

Такое направление ударов двух фронтов приведет к окружению и уничтожению большого количества войск противника и в конечном итоге к огромному прорыву его фронта на участке свыше 300 км.

Для обеспечения главного удара Воронежского фронта с запада в этой операции:

а) 38-я армия с двумя тбр будет выполнять задачу прочной обороны и лишь своим левым флангом будет наступать с ограниченной целью;

б) 40-я армия с 5 гв. тк, одной тбр и двумя тп должна будет нанести удар своим левым флангом в западном направлении с задачей смотать фронт противника на участке Краснополье, Солдатское и выйти на фронт (иск.) Сумы, Тростянец;

в) в промежутке между 40-й и 6-й гв. армиями в процессе операции необходимо ввести 69-ю армию с танками, с задачей нанесения удара в направлении Грайворон, Котельва и выхода на фронт Ахтырка, Опошня;

г) в дальнейшем для развития успеха в промежутке между 69-й и 6-й гв. армиями необходимо будет ввести еще одну армию в направлении Богодухов, Полтава с задачей во взаимодействии с одной из танковых дивизий овладеть районом Полтавы и выйти на фронт иск. Опошня, Полтава, Машевка.

Этой армии, так же как еще одной танковой армии, для главного направления в составе Воронежского фронта не хватает, и их необходимо дополнительно придать фронту.

Кроме того, при нанесении главного удара в южном и юго-западном направлениях необходимо считаться с постоянной уг-

розой возможного фронтального контрудара противника из района Сумы, Ахтырка, Лебедин. Для парирования этого удара фронт должен иметь сильный резерв на уступе справа в районе Мирополье, Белое, Суджа. Этот резерв считаю необходимым иметь в составе 35 гв. ск, 6 гв. кк и одной танковой армии, которую также необходимо дополнительно придать Воронежскому фронту. На втором этапе операций этот резерв будет использован для активных целей, а вместо него должен быть создан новый резерв за счет резервов Ставки силою в одну танковую армию и одну общевойсковую армию. Таким образом, в итоге первой операции войска Воронежского фронта должны выйти на фронт Бол[ьшая] Чернетчина, Ниж[няя] Сыроватка, Ахтырка, Полтава, Карловна, (иск.) Зачепиловка, иметь к этому времени в резерве в районе Мирополье, Белое, Суджа 35 гв. ск, 6 гв. кк и одну танковую армию и в районе Харьков, Валки – 7 гв. армию.

Это даст возможность фронту немедленно продолжать последующую операцию.

Войска Юго-Западного фронта в итоге первой операции целесообразно вывести на фронт Зачепиловка, Перещепино, Орелька, Краснопавловка, Петровская с тем, чтобы в дальнейшем с этого фронта наносить удар в тыл донбасской группировке противника. Разгранлинией целесообразно иметь:

а) между Воронежским и Юго-Западными фронтами: Волоконовка, Волчанок, Харьков, Мерефа, Красноград, Бузовка, Днепрпетровск. Все пункты для Воронежского фронта включительно;

б) между Воронежским и Центральными фронтами: Старый Оскол Верх[ний] Реутец, Солдатское, Краснооктябрьское, р. Сейм, ст. Неониловка, Путивль, р. Сейм, Чернигов. Все пункты, кроме Старый Оскол и Чернигов, для Воронежского фронта исключительно.

В случае если Воронежскому фронту придется первую наступательную операцию начинать против обороняющегося противника, построение такой операции я предлагаю согласно карте в приложении № 4.

Расчет сил по этому варианту остается такой же, как и в первом случае, причем наличие сильного резерва на правом фланге приобретает еще большее значение.

В обоих случаях должно быть предусмотрено тесное взаимодействие и целеустремленное использование авиации Воронежского, Юго-Западного, Южного и Центрального фронтов, а также авиации дальнего действия для уничтожения авиации противника и его живой силы, особенно главной группировки. Совместную работу авиации нескольких фронтов необходимо начать еще в период подготовки противника к наступлению с тем, чтобы уничтожать авиацию противника на аэродромах, скопления его войск, запасы горючего и боеприпасов, а также нарушать жд подвоз.

Таким образом, к началу наступательных операций Воронежский фронт необходимо усилить:

а) одной армией в составе шести сд;

б) тремя танковыми армиями (в том числе придать фронту 1 ТА Катюкова). В процессе операции к началу второго этапа предусмотреть выделение для Воронежского фронта еще одной танковой армии и одной общевойсковой армии. Кроме того, в связи с уходом из фронта истребительного авиакорпуса Савицкого потребуется усиление истребительной авиацией.

Прошу:

1. Утвердить изложенные выше предложения.

2. К началу наступательной операции усилить Воронежский фронт:

а) одной армией в составе шести сд;

б) тремя танковыми армиями;

в) тремя танковыми бригадами.

3. В процессе операции к началу второго этапа выделить для фронта еще одну танковую армию и одну общевойсковую армию.

4. К началу операции обеспечить наземные войска и авиацию фронта боеприпасами и горючим согласно дополнительным заявкам.

г) Одним истребительным авиакорпусом вместо убывшего из фронта истребительного авиакорпуса Савицкого. Кроме того, пополнить самолетами авиасоединения фронта и довести общее количество самолетов не менее 1000, из них до 600 истребителей.

Приложения¹:

№ 1 – таблица соотношения сил.

№ 2 – карта с организацией обороны фронта.

№ 3 – карта – этапы операций в летнюю кампанию 1943 г. и планирования первой и второй операций.

№ 4 – карта – планирование первой наступательной операции в случае, когда первыми переходим в наступление.

Командующий Войсками Воронежского Фронта

Генерал армии Ватулин

Член Военного Совета Воронежского Фронта

Генерал-лейтенант Хрущев

Начальник Штаба [Воронежского] Фронта

Генерал-майор Корженевич

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 419. Л. 1-17.

№ 2

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА КОМАНДУЮЩИМ 38, 40, 69, 6 ГВАРДЕЙСКОЙ, 7 ГВАРДЕЙСКОЙ И 1-й ТАНКОВОЙ АРМИЯМИ, КОМАНДИРАМ 2 И 5 ГВАРДЕЙСКИХ ТАНКОВЫХ, 35-ГО ГВАРДЕЙСКОГО СТРЕЛКОВОГО КОРПУСОВ, КОМАНДУЮЩЕМУ ВВС ФРОНТА О ПОДГОТОВКЕ К ОТРАЖЕНИЮ ВОЗМОЖНОГО НАСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВНИКА

9 мая 1943 г. 02 ч 40 мин

Копия:

начальнику Генерального штаба

Передаю директиву Ставки от 8.5.1943 г. № 30123.

По некоторым данным, противник может перейти в наступление 10-12 мая на орловско-курском или на белгородско-обоянском направлениях, либо на обоих направлениях вместе.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает к утру 10 мая иметь все войска как в первой линии обороны, так и резервы в полной боевой готовности встретить возможный удар врага.

---

¹ Приложения не публикуется.

Особенно внимание уделить готовности нашей авиации с тем, чтобы в случае наступления противника не только отразить удары авиации противника, но и с первого же момента его активных действий завоевать господство в воздухе.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. ВАСИЛЕВСКИЙ

Приказываю:

1. Командующим армиями и командирам корпусов немедленно привести войска в полную боевую готовность, проверить обеспеченность огнеприпасами, горючим.

В случае наступления противника дать ему сокрушительный отпор, резервам быть готовым к уничтожению противника и нанесению контрударов.

2. Командующему 2 ВА к исходу 9.5 привести в полную готовность авиацию фронта для массированных ударов по врагу. Иметь в виду возможный удар авиации противника по аэродромам. Принять меры ухода из-под удара.

3. Надо ожидать, что в случае наступления противника он будет наносить удары авиацией не только по войскам, но и по штабам и жел[езно]-дор[ожным] станциям снабжения, по базам.

Немедленно принять меры к рассредоточению и маскировке запасов, укрытию их в котлованах.

Штабам переменить места, замаскировать и укрыть в подготовленные блиндажи.

4. К исходу 9.5 подвести со станций снабжения все недостающее из боеприпасов и горючего, особенно патроны ТТ, патроны ПТР и бронебойные снаряды.

5. Получение подтвердить, исполнение донести к 18.00 9.5.1943 г.

ВАТУТИН

ХРУЩЕВ

КОРЖЕНЕВИЧ

ЦАМО.Ф. 203. Оп. 2777. Д. 79. Л. 248-249.

№ 3
ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО
ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
ОБ ОБСТАНОВКЕ И ПОЛОЖЕНИИ ВОЙСК ФРОНТА

11 мая 1943 г. 21 ч 15 мин

Докладываю:

1. Противник в последнее время усиленно готовится к переходу в наступление. Для этого он вывел во второй эшелон все танковые дивизии и сгруппировал их главным образом в районе Грайворон, Томаровка, Белгород, Микояновка.

Всего имеется не менее семи танковых дивизий, которые к настоящему времени, надо полагать, пополнены танками до штата.

Кроме этого сегодня, 11.5, авиаразведкой обнаружено выдвижение танковой колонны до 100 танков из Харькова в направлении на Белгород. Это данные проверяются. Однако возможно, что противник с юга в район Белгорода подбрасывает дополнительно танковые дивизии.

В первой линии перед войсками Воронежского фронта сейчас имеется 12-13 пехотных дивизий и во втором эшелоне надо ожидать до 6 дивизий

На аэродромах в районе Сумы, Харьков, Рогань, Белгород к вечеру 10.5 установлено до 160-170 самолетов, которые были сгруппированы главным образом на аэродромах Харькова и Рогани.

Таким образом, противник авиацию еще не сгруппировал для наступления. К тому же наши удары по аэродромам противника уничтожили значительное количество его самолетов.

По-видимому, противник еще не закончил подготовку к наступлению и наступления его надо ожидать ориентировочно с 15.5.1943 г. Атаку противника, судя по его поведению, следует ожидать на фронте Староселк (18 км юго-вост. Краснополя), Белгород с главным ударом на Обоянь, Курск и на Старый Оскол.

Войска Воронежского фронта к выполнению задач по обороне готовы, Все стрелковые дивизии 38, 40, 6 гв. и 7-й гв.

а[рмий], за очень небольшим исключением, имеют по восемь и более тысяч человек. 69-я армия имеет дивизии численностью шесть-семь тысяч человек. Дивизии 35 гв. ск – укомплектованы полностью по штатам. Основные партии вооружения прибыли по железной дороге в самые последние дни. Поэтому основная часть вооружения будет выдана на руки войскам к исходу 14.5.1943 г.

В пути на железной дороге находится еще девять транспортов с вооружением, которые будут получены войсками в период 18-20.5.1943 г.

После этого войска будут иметь минометы, ружья ПТР, ППШ и полковую артиллерию – на 100 % положенного по штату, винтовки – 74 %, пулеметы ручные – 57 %, пулеметы «Максим» – 65 %, 45-мм орудия – 71%. 76-мм пушки ДА – 80 % и 122-мм гаубицы – 70 %.

Из выделенных фронту средств усиления до сих пор не прибыли: три полка самоходных орудий, два иптапа, два мп, пять зенитных артиллерийских полков и одна пушечная артиллерийская бригада.

Кроме того, не прибыли выделенные дополнительно фронту тягачи для артиллерии (студебекеры и виллисы).

Дивизии 69-й армии к 20.5.1943 г. будут также доведены до численности не менее восьми тысяч каждая. Танковые соединения и части почти все пополнены до штата. Нет резерва танков. В инженерном отношении рубежи обороны подготовлены неплохо.

3. Учитывая все изложенное выше, подход 5-й гв. армии, а также замысел разгромить противника, не допустив ни в коем случае прорыва им нашей обороны, я решил к утру 15.5.1943 г. произвести следующую перегруппировку фронтовых резервов:

а) 5 гв. тк перевести из района Марьино в район Белое, Мокрушино, Боброва и подготовить контрудары в северо-западном, западном, южном, юго-восточном и восточном направлениях;

б) 1ТА перевести в основном на южный берег р. Псел в район Ивня, Круглик, Ольховка, Обоянь, Песчаное, где имеются

подготовленные рубежи и откуда можно будет наносить сильные контрудары в южном и юго-восточном направлениях.

В этот же район постепенно перевести и 35 гв. ск, который будет удачно взаимодействовать с 1 ТА. При этом одна из дивизий 35 гв. ск в этот район сможет выйти к утру 17.5.1943 г., а остальные две – к утру 20.5.1943 г.

в) 2 гв. тк перевести из района Корочи в район Прохоровки (40 км сев.-вост. Корочи), свх. Комсомолец, Правороть, откуда подготовить контрудар в западном, юго-западном, южном и юго-восточном направлениях;

г) намечаю в зависимости от обстановки 7-ю гв. армию Шумилова к 20.5.1943 г. сменить частями 69-й армии (183, 305, 107, 111, 270 и 213 сд), а 7-ю гв. армию после ее смены вывести: четыре дивизии на рубеж, занимаемый сейчас 69-й армией, и две дивизии на рубеж Короткое (10 км сев.-вост. Корочи), Жигайловка, Воронки (20 км юго-зап. Нового Оскола). Из этого положения 7-ю гв. армию можно быстро собрать для удара.

Такое положение резервов обеспечит их взаимодействие и более быстрый переход в контрнаступление. Прошу утвердить изложенное выше решение по перегруппировке фронтовых резервов. Одновременно прошу:

а) подходящую 5-ю гв. армию поставить на рубеж Козьмодемьяновка (20 км юго-зап. Тима), Селица, р. Донецкая Сеймица, Кондровка, Плющины, Плотавец, (иск.) Короткое. Этот рубеж сейчас подготовлен к обороне и по условиям местности является выгодным;

б) один танковый корпус резерва Ставки к 15.5.1943 г. поставить в районе Корочи.

Кроме того, прошу обязать тт. Кагановича и Хрулева ускорить подачу фронту транспортов с вооружением, боеприпасами, горючим, продовольствием и обмундированием.

ВАТУТИН
ХРУЩЕВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 75. Л. 169-179.

№ 4
ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ

6 июня 1943 г. 12 ч 50 мин

Пленные, захваченные в последние дни частями Воронежского фронта, показывают, что часть немецких танковых соединений из района Белгорода ушла.

На фронте остались пехотные немецкие дивизии, которые получили молодое, не вполне подготовленное пополнение (солдаты 17-18 лет), вследствие чего боеспособность дивизий противника понижена. Для создания большей устойчивости почти всем немецким пехотным дивизиям приданы и включены в боевые порядки дивизий небольшие группы танков.

Показания пленных требуют проверки, для чего предпринимается ряд разведывательных мероприятий. В частности, необходимо провести боевую разведку в полосе между Белгородским шоссе и железной дорогой – Курск – Белгород с задачей захватить пленных и документы, выяснить намерения противника, разведать начертание и силу переднего края, проверить наличие танков в районе Белгорода и плотность артиллерии противника в этом районе и для улучшения нашего положения овладеть выс. 209,7 (4 км севернее Белгорода) и рощами непосредственно восточное Ячнева Колодезя. Для производства этой разведки привлечь от армии Чистякова один стрелковый батальон, один танковый батальон, три батареи иптап. Действия батальона поддержать силами не менее пяти артдивизионов, двух дивизионов РС, частью сил артиллерии Шумилова, стоящих на его правом фланге, и авиацией.

При произведсте разведки будут соблюдены следующие требования:

а) передний край нашей главной полосы обороны останется нерушимым;

б) действующему батальону будет оказана сильная поддержка и обеспечено тщательное его закрепление.

Прошу Вашего разрешения провести указанную выше разведку между 8 и 10 июня.

ВАТУТИН
ХРУЩЕВ
ИВАНОВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 75. Л. 253-254.

№ 5
ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО
ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
ДОПОЛНЕНИЙ И ИЗМЕНЕНИЙ К СООБРАЖЕНИЯМ
О ПОДГОТОВКЕ ПЕРВОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ
ОПЕРАЦИИ ФРОНТА

21 июня 1943 г. 17 ч 00 мин

В дополнение и частичное изменение представленного мною Вам доклада при № 00837 от 21 апреля 1943 г. докладываю следующие соображения о подготовке первой наступательной операции фронта.

1. Перед Воронежским фронтом действуют 13, 7, 52 ак, танковый корпус СС и 48 тк немцев под общим командованием командующего южной группой армий «Б» генерала Вейхса. Всего 15 пехотных дивизий и 8 танковых дивизий – предположительно 1200 танков. Из этого количества в первой линии находятся 11 пехотных и одна танковая дивизия и во второй линии четыре пехотных и семь танковых дивизий.

Дивизии второй линии, по данным, требующим уточнения, расположены в следующих районах.

а) пехотные дивизии – одна в районе речки Николаевка, одна в районе Сумы, одна в районе Николаевка, Славгородок и одна в районе Миргород;

б) танковые дивизии – одна в районе Сумы, Боромля, одна в районе Грайворон, Борисовка, Томаровка, одна в районе Бессоновка, Таврова (южнее и юго-зап. Белгорода), Микоя-

новка, одна в районе Колымак, Красно-кутск, Мурафа, одна в районе южнее Золочева, две тд в районе Харькова,

Об авиации пр-ка известно следующее: всего перед Воронежским фронтом отмечено 800-850 самолетов, из них истребителей – 180, бомбардировщиков – 300, разведчиков – 60, транспортных – 130 и неустановленного типа – 130-210. Основная часть воздушных сил базируется на аэродромных узлах: Полтава, Харьков, Днепропетровск, Запорожье, Кировоград, Лебедин, Конотоп.

По всем имеющимся данным, противник совершенствует оборону, видимо, подготавливает вторую оборонительную полосу и доукомплектовывает до штата свои пехотные и танковые дивизии. Намерения пр-ка не выявлены, Предполагаю, что пр-к в настоящее время выжидает и сам боится нашего наступления. Поэтому в настоящее время пр-к имеет оборонительную группировку войск. В случае нашего наступления следует ожидать, что резервы будут сгруппированы в районах:

- 1) непосредственно юго-зап. Белгорода;
- 2) Сумы, Ахтырка, Богодухов;
- 3) Харьков;
- 4) Полтава.

В случае нашего наступления все указанные выше группы резервов пр-ка надо обязательно обойти с запада, т. к. в условиях создавшейся обстановки один основной удар с севера через Богодухов с целью обхода Харькова с запада будет являться невыгодным вследствие того, что он будет проходить между двух сильных резервных групп противника, а именно: между харьковско-белгородской группировкой и сумско-ахтырской группировкой противника.

Противник, видимо, ожидает нашего наступления в направлении Богодухов, Валки, подготовился и продолжает подготавливаться к отражению этого удара, группируя на флангах его крупные резервы с тем, чтобы нанести фланговые удары нашим наступающим частям. Поэтому удар главными силами в этом направлении будет невыгодным. Необходимо главный удар наносить для более глубокого обхода района Сумы, Мир-

город, Полтава с тем, чтобы не только окружить и уничтожить белгородско-харьковскую группировку противника совместно с войсками ЮЗФ, а одновременно окружить и уничтожить сумско-ахтырскую и полтавскую группировки пр-ка, выйти на зап. берег р. Ворскла, окружить все силы пр-ка, находящиеся к востоку от р. Ворскла, и поставить их в крайне невыгодное положение, в том числе и танковые дивизии пр-ка, которым для противодействия нашему главному удару придется форсировать р. Ворскла в условиях, когда зап. берег этой реки уже будет занят нашими войсками. Одновременно все подходящие с запада резервы пр-ка будут попадать под сильный фланговый удар наших главных сил.

Этот глубокий обход пр-ка в направлении Хотень (10 км сев. Сум), Ромодан, Кременчуг, между р. Сула и р. Псел, а также в направлении между р. Псел и р. Ворскла для выхода на Полтаву с запада будет иметь решающее значение, даст безусловный успех и приведет к окружению крупной группировки пр-ка силою не менее 30 дивизий, из них до 10 танковых дивизий.

В результате первой наступательной операции фронта после уничтожения указанных выше группировок пр-ка надо выйти на юге на фронт: р. Днепр от устья р. Сула до Днепропетровска и далее на линию Ново-Московск, Лозовая, Петровское с тем, чтобы нависнуть очень крупными силами на тылы донбасской и всей южной группировки пр-ка. С запада надо выйти на фронт Конотоп, Ромны, р. Сула, которая является наиболее сильным рубежом на этом направлении.

II. Местность в районе Сумы, Конотоп, Лубны, Кременчуг, Днепропетровск, Харьков имеет следующие особенности: с севера и северо-востока на юг и юго-запад протекают реки Ворскла, Псел, Форол, Сула, которые, а также их притоки, противником могут быть использованы в качестве рубежей. Наиболее удобные и доступные направления нашего наступления проходят между указанными реками, особенно между р. Ворскла и р. Псел и между р. Псел и р. Сула. Из всех указанных рек р. Сула является наиболее труднодоступной, поэтому ее целе-

сообразно использовать для построения на ней нашего фронта к концу первой операции.

Западные и северо-западные берега р. Ворскла и р. Псел господствуют на всем протяжении, поэтому выгодно эти берега занимать выходом наших войск с запада и тем самым прочно запирают окруженного пр-ка, отрезая ему пути отхода. В частности, крайне выгодно, наступая между р. Ворскла и р. Псел, сразу занимать войсками рубеж на зап. берегу р. Ворскла фронтом на восток, что приведет к окружению всей харьковско-белгородской и ахтырско-полтавской группировок противника. С другой стороны, наступая между р. Псел и р. Сула, легко строить фронт по р. Сула сильным ударом во фланг уничтожить все подходы резервы противника.

III. Войска Воронежского фронта к 20.6.1943 г. значительно окрепли. Стрелковые дивизии доведены до 8-9 тыс человек. Вооружение пополнено, танковые соединения и части укомплектованы до штата. Не закончено еще усиление стр. дивизий автоматами, согласно Вашей директиве, не закончено также накопление горючего и боеприпасов. Совершенно недостаточны транспортные средства и не хватает тяги для артиллерии, не накоплен резерв танков. Все эти вопросы должны быть подтянуты к 1 июля.

IV. Учитывая все вышеизложенное, первую наступательную операцию Воронежского фронта считают целесообразным построить следующим образом.

а) Цель и задачи операции:

Глубоко обойти с запада крупными силами район Сумы, Миргород, Полтава, Кременчуг и совместно с Юго-Зап. фронтом окружить все силы пр-ка, находящиеся к востоку от р. Ворскла.

Одновременно сильным ударом в направлении Богодухов, Валки и рядом вспомогательных ударов расчлнить всю указанную выше группировку пр-ка на ряд групп, окружить каждую из них и уничтожить, не допуская отхода за р. Ворскла. Все резервы противника, которые попытаются подходить с запада к р. Ворскла, уничтожить сильными фланговыми ударами с севера. К концу операции выйти на фронт Конотоп, Ромны,

р. Сула, р. Днепр и совместно с правым крылом ЮЗФ повиснуть над тылами донбасской и всей южной группировки пр-ка с тем, чтобы в следующем этапе летней кампании окружить и уничтожить всю южную группировку пр-ка. Правое крыло ЮЗФ к концу первой операции должно выйти на фронт Ново-Московск, Лозовая, Петровская.

По ориентировочным расчетам, в результате этой операции должно быть уничтожено не менее 30 дивизий пр-ка, из них 10 танковых дивизий, и прорван фронт протяжением свыше 400 км.

б) Глубина операции на основных направлениях – 300 км. Время, потребное для проведения операции, – 10-15 дней, а с подготовительным периодом – 25-30 дней. Операцию можно начать с середины июля.

в) Направления главных ударов:

1) Из района 10 км сев. Сум в направлении между р. Сула и р. Псел на Ромодан, Хорол, Кременчуг. Наносить удар силами двух общевойсковых армий (десять сд) и одной танковой армией. Этот удар, приводящий к глубокому обходу, будет иметь решающее значение.

При нанесении этого удара предусмотреть построение фронта на запад по р. Сула, последовательно развертывая для этого дивизии с противотанковой артиллерией.

2. Из района 20 км юго-восточнее Сум в направлении между р. Псел и р. Ворскла в обход Полтавы с запада и далее либо на Кременчуг, либо на Днепропетровск. Наносить удар одной общевойсковой и одной танковой армией. Этот удар во взаимодействии с первым ударом также имеет решающее значение как приводящий к глубокому обходу и отрезанию всей группировки пр-ка, находящейся восточнее р. Ворскла.

При нанесении этого удара предусмотреть построение фронта на зап. берегу р. Ворскла фронтом на восток, последовательно развертывая для этого стрелковые дивизии армий с противотанковой артиллерией.

3) С фронта Вязное, Трефиловка в южном направлении через Богодухов для обхода Харькова с запада и выхода на фронт

Красноград, Харьков. Удар наносить силами двух общевойсковых армий, одной ТА и одного отдельного танкового корпуса. Этот удар большой силы необходим для того, чтобы расколоть фронт пр-ка и его резервы, обойти с запада его харьковско-белгородскую группировку и уничтожить отдельные группы расчлененного и окруженного пр-ка во взаимодействии с частями Юго-Зап. фронта и с первыми двумя главными ударами правого крыла Воронежского фронта. Кроме того, в результате этого удара резервы пр-ка будут скованы и лишены возможности маневрировать.

г/ Направление вспомогательных ударов:

1) Хотень, Вары, Конотоп. Удар наносить силами одной общевойсковой армии и одного отдельного тк. Этот удар должен отколоть белгородскую группировку пр-ка от харьковской и совместно с нижеследующим ударом окружить и уничтожить белгородскую группировку пр-ка, а затем обрушиться с севера на харьковскую группировку.

д/ С фронта Маслова Пристань, Никополь в направлении Микояновки и частью сил на Харьков. Удар наносить силами одной общевойсковой армии.

е/ На всех прочих участках активно сковывать пр-ка.

ж/ Резерв фронта – три сд и один тк к началу операции иметь в районе Веденская Белица, Белая, Долгие Буды.

з/ На участках прорыва на вышеуказанных направлениях обеспечить плотность артиллерии – не менее 100 орудий на 1 км фронта с тем, чтобы иметь успешный артиллерийский прорыв, обеспечить успешное артиллерийское сопровождение и надежное артиллерийское прикрытие ударных групп с флангов.

Оперативное построение войск иметь глубоким, эшелон атаки усилить танками прорыва, хорошо обеспечить в инженерном отношении. Танковые армии и отдельные танковые корпуса, а также некоторые отдельные танковые бригады использовать для развития успеха.

Обеспечить высокие темпы наступления: для стрелковых дивизий – 20-30 км в сутки, для танковых соединений – 40-50 км в сутки.

Операцию разработать до деталей, самым тщательным образом.

В основу действий положить смелый маневр, рассчитанный на окружение и уничтожение пр-ка.

и/ Детальная группировка войск, направления ударов, разграничительные линии и план действия по дням указаны в прилагаемой карте.

к/ Авиация фронта будет использована исключительно мас-сированно для решения следующих задач:

- 1) уничтожение авиации пр-ка в воздухе и на аэродромах;
- 2) поддержка наших войск на главных направлениях путем уничтожения боевых порядков пр-ка и его подходящих резервов;
- 3) надежное прикрытие наших войск на главных направлениях.

V. Для выполнения операции всего потребуются семь общевойсковых армий, три танковые армии и четыре отдельных танковых корпуса, два артиллерийских корпуса, 10 танковых полков прорыва и 2000 самолетов, из них 1000 истребителей и 1000 штурмовиков и бомбардировщиков.

В дополнение к имеющимся во фронте силам необходимо Воронежскому фронту дать две общевойсковые армии по семь дивизий каждая, две танковые армии, два отдельных танковых корпуса, два артиллерийских корпуса, семь танковых полков прорыва, две зенитные артдивизии, три самоходных артполка 152-мм и 1000 самолетов, из них 600 истребителей и 400 штурмовиков и бомбардировщиков. Этих сил в основном будет достаточно и для проведения последующей операции на Киев, так как после уничтожения харьковской группировки пр-ка в резерве фронта окажутся две общевойсковые армии, одна ТА и один отдельный танковый корпус.

VI. Самое тесное взаимодействие должно быть обеспечено между войсками Воронежского фронта и ЮЗФ. Для этого главный удар ЮЗФ должен быть нанесен с залиманского плацдарма южнее Савинцы в западном направлении на фронт Мерефа, Красноград с целью окружения и уничтожения харьковс-

кой группировки пр-ка. К концу операции правое крыло ЮЗФ должно выйти на линию Ново-Московск, Лозовая, Петровское. На этом участке должны быть сгруппированы главные силы ЮЗФ для дальнейших действий в тыл всей южной группировки пр-ка.

VII. Необходимо, чтобы Центральный фронт своим левым крылом нанес главный удар из р-на Севска в направлении Хут[ор] Михайловский, Конотоп с выходом на р. Десна и вспомогательный удар из района сев. Рыльска в направлении Крупен, Путивль с тем, чтобы общими усилиями правого крыла Воронежского фронта и левого крыла Центрального фронта окружить и уничтожить пр-ка в районе: Севск, Конотоп, Ворожба, Хотень.

VIII. Для обеспечения операции необходимо:

а/ Боеприпасов к началу операции иметь 3 бк, для чего фронту дополнительно необходимо отпустить: патронов 7,62-мм – 75 млн.; патронов к ППШ – 89 млн.; патронов к пулемету ДШК – 1530 000; патронов к ПТР – 1760 000; ручных гранат – 2 700 000; мин 82-мм – 500 000; мин 120-мм – 420 000; снарядов 37-мм – 40 000; снарядов 45-мм – 170 000;

снарядов 76-мм – 60 000; снарядов 122-мм – 166 000; снарядов 152-мм – 30 000; снарядов 203-мм – 12 000.

б/ По горючему обеспечить накопление 15 заправок для танков и 20 заправок для авиации в соответствии с Вашими директивами.

в/ По средствами связи необходимо фронту отпустить: радиостанций РАФ – 8; РСБ – 10; мелких раций – 450; РУК – 6; радиоприемников – 80. Провода – 350 тонн; кабеля – 1500; телефонных аппаратов – 1500; шестового имущества – 100 комплектов. Аппаратуры: Бодо – 5; апп. СТ-35 – 35 шт. Питание: 17 нкн 22 – 5000, 10 нкн 45 – 3000, зарядных агрегатов – 30 шт.

IX. Прошу:

а/ утвердить изложенное выше решение и предложения о подготовке и ведении операции фронта.

б/ Для проведения операции дать дополнительно фронту: две общевойсковые армии, две танковые армии, два отдель-

ных танковых корпуса, семь танковых полков прорыва, два ар-
ткорпуса, три самоходных артполка 152 мм, две зенитные арт-
дивизии, 1000 самолетов, из них 600 истребителей и 400 штур-
мовиков и бомбардировщиков, 1500 автомашин, 300 студе-
бекеров и 300 виллисов.

Отпустить боеприпасы, горючее и средства связи согласно
вышеизложенному и один автополк для подвоза.

в/ Приказать обеспечить взаимодействие с Центральным
и Юго-Западным фронтами согласно вышеизложенным пред-
ложениям.

Командующий Воронежским Фронтом
Генерал Армии Ватутин
Член Военного Совета [Воронежского Фронта]
Генерал-лейтенант Хрущев
Начальник Штаба Воронежского Фронта
Генерал-лейтенант Иванов

ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1720. Д. 14. Л. 7-22.

№ 6
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 00195 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О НАЧАЛЕ
НАСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВНИКА

5 июля 1943 г. 07ч 40 мин

Первое: В 2.30 5.7 противник на участке 6-й гв. а[рмии] си-
лою до трех пехотных батальонов атаковал позиции боевого
охранения 52 гв. сд на участке выс. 228,6 (3 км сев.-зап. Яхонто-
ва), Яхонтов; атака противника отбита.

На направлении удара авиация противника численностью
до 400 самолетов с рассвета 5.7 бомбардирует боевые поряд-
ки обороны армии. В воздушных боях сбито 14 самолетов про-
тивника.

В 6.30 до 100 танков с мотопехотой противника перешли в
атаку от Бутово в направлении на Черкасское. Бой с танками

противника ведется перед нашим передним краем. В районе Раково сосредоточено до 150 танков, в районе Пушкарное, Тамиловка сосредоточивается до 100 танков. Атака противника сев. Белгорода отбита.

В 6.00 на участке 7-й гв. а[рмии] противник силою до двух пехотных батальонов из района Михайловского плацдарма безуспешно пытался наступать в направлении Старого Города. Под воздействием огня обороны пехота противника, не имея успеха, залегла.

На остальном фронте 7-й гв. а[рмии] противник переправился на вост. берег р. Сев[ерский] Донец.

В районе Соломино – до четырех пехотных батальонов, Карнауховки – до двух батальонов, Приютовки – до трех батальонов и в районе Безлюдовки – до пехотного полка.

Под воздействием ружейно-пулеметного, артиллерийского и минометного огня обороны противник залег перед передним краем обороны наших войск непосредственно на берегу реки и уничтожается нашим огнем. Наши минные поля и передний край нигде не нарушены. На участке Чибисова и Москаленко спокойно.

Второе: Приняты следующие мероприятия:

а) всеми огневыми средствами армий во взаимодействии с авиацией фронта уничтожить противника на вост. берегу р. Сев[ерский] Донец, отбросив остатки в реку;

б) силами авиации и массированным огнем уничтожить танки противника перед 6-й гв. армией;

в) из фронтового резерва передал один полк РС – Чистякову, один полк РС – Шумилову.

Командующий Войсками Воронежского Фронта
Генерал Армии Ватутин
Член Военного Совета Воронежского Фронта
Генерал-лейтенант Хрущев
Начальник Штаба [Воронежского] Фронта
Генерал-лейтенант Иванов

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 431. Л. 14.

№ 7

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 00200 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О НАЧАЛЕ НАСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВНИКА НА БЕЛГОРОДСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

5 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Противник в 16.10 4.7 начал наступательные действия передовыми отрядами. С рассветом 5.7 из района Стрелецкое, Томаровка, Зыбино, Трефиловка после арт[иллерийско]-мин [ометного] налета и во взаимодействии с мощным авиационным ударом по нашим войскам противник перешел в решительное наступление, введя в бой первоначально не менее 450 танков. Первая атака противника была отбита с большими потерями для него.

Во второй половине дня противник, подтянув свежие части и применив танки «тигр», вновь перешел в наступление двумя танковыми и двумя пехотными дивизиями с рубежа Зыбино, Бутово в направлениях Дмитриевки и Черкасского, овладев последним.

Двумя танковыми дивизиями, с танками «тигр» впереди, на Березов, потеряв в нем 7 танков «тигр».

К исходу дня в результате массированной авиаподготовки противник, сломив сопротивление 52 гв. сд, последовательно овладел Березовом, Гремучим, Журавлиным, Быковкой, Ольховкой, Солонцом. 30 танков и мотопехота распространялись на Крапивинские Дворы.

В районе Белгорода и севернее отмечено сосредоточение до 200 танков. Южнее Белгорода противник одной танковой и пехотной дивизиями форсировал р. Сев[ерский] Донец в районе Соломино и распространился на Крутой Лог, одновременно переправился на восточный берег реки в районах Карнауховки, Масловой Пристани, Приютовки и Безлюдовки.

Контратаками частей 7-й гв. а[рмии] противник выбит из Крутого Лога, Разумного и везде отброшен на зап. берег р. Сев[ерский] Донец.

За день боя, по неполным данным противник понес большие потери. Уничтожено 505 танков (из них около 20 «тигр») и свыше 10 000 гитлеровцев.

Авиация противника групповыми налетами до 100 самолетов бомбила боевые порядки наших частей. Отмечено около 3150 самолето-пролетов.

Вывод: противник на белгородском направлении перешел в решительное наступление всеми имеющимися силами, имея в резерве 11 тд (в районе Богодухова) и до 200 танков в районе Белгорода и севернее.

Основной удар противник наносит с рубежа Зыбино, Томаровка, Яхонтов силою до двух пехотных и четырех танковых дивизий.

Второе. На правом крыле фронта войска 38-й и 40-й а[рмий] обороняют прежние рубежи. В их полосе противник активных действий не предпринимал. Танковые бригады 38-й а[рмии] переданы: 180 тбр в состав 1 ТА – Обоянь и 192 тбр в 40-ю а[рмию] в район Ракитного.

6-й гв. армия – приняла на себя основной удар наступающей танковой группировки противника. Под давлением противника 67 гв. сд оставила Черкасское и отошла на рубеж Красного Починка.

52 гв. сд. после ожесточенной бомбардировки авиацией и под воздействием противника оставила Березов, Гремучий, Журавлиный, Глушинский, Быковку, Козьма-Демьяновку, Солонец, Ольховку, Вознесенский.

На остальных участках армия удерживает прежние рубежи.

За день боя войсками армии уничтожено 469 танков, свыше 10 000 немцев. Потери около 60 танков.

7-я гв. армия – данные получены по ВЧ от генерала Шумилова. Контратакой частей армии противник выбит из Крутого Лога, Разумного и на всем фронте отброшен на западный берег р. Сев[ерский] Донец.

На участке армии сожжено до 37 танков противника.

2 ВА. Действиями с утра 5.7 штурмовиков на аэродромах в Микояновке, Угриме, Померках уничтожили 34 самолета противника. В воздушных боях сбито 127 и огнем зенитной артил-

лерии 22 самолета. Всего уничтожено 183 самолета противника. Потери – 78 самолетов.

Восемь Ил бомбили скопления танков противника, применив новые бомбы. Эффективность бомбежки хорошая: 12 танков противника немедленно загорелись.

Третье: 6.7 войска фронта продолжают уничтожение наступающего противника.

Командующий Войсками Воронежского Фронта
Генерал Армии Ватутин
Член Военного Совета Воронежского Фронта
Генерал-лейтенант Хрущев
Начальник Штаба [Воронежского] Фронта
Генерал-лейтенант Иванов

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 431. Л. 19-21.

№ 8

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ И СООБРАЖЕНИЯХ ПО ПОДГОТОВКЕ К ПЕРЕХОДУ В КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

8 июля 1943 г. 15 ч 40 мин

К исходу 7.7.1943 г. пленными и документами точно установлено, что перед Воронежским фронтом в первом эшелоне наступают девять танковых дивизий, а именно: танковый корпус СС – четыре тд, 48 тк – три тд и, кроме того, – 3 и 19 тд, прибывшие с юга.

Главный удар силами не менее шести тд противник наносит вдоль шоссе на Обоянь.

Кроме указанного, к 18.00 7.7 авиаразведкой установлен подход свежих сил противника.

а) Колонна до 200 танков и 700 машин из Ахтырки подходила к Орловке.

б) Колонна до 150 танков и 1000 машин со стороны Харькова подходила к Яхонтову.

в) Колонна до 400 машин и танков со стороны Муррома подходила к Масловой Пристани.

Считаем, что к настоящему времени противник ввел против Воронежского фронта одиннадцать танковых дивизий, в общей сложности свыше 2000 танков, из них до восьми танковых дивизий – на обоянском направлении и до трех тд – против Шумилова.

Сегодня противник наступает и по-прежнему наносит главный удар вдоль шоссе на Обоянь против Катукова.

Наш контрудар начался в 12.30 и наносится с фронта Васильевка, Беленихино на Яковлеве. Результаты будут донесены по выяснении.

Направление на Обоянь (1 ТА) значительно усилено, для чего из состава 38-й и 40-й армий и из резерва фронта сюда выдвинуто три тбр, два тп, две ибр, пять иптап, одна зендивизия, один гап, один полк РС и одна сд (309).

На прохоровское направление выведены вновь подошедшие два тк (10 и 2), которые за счет резерва фронта усилены двумя противотанковыми артдивизионами 85-мм пушек и двумя мп.

Противник, несмотря на огромные потери, настойчиво стремится прорвать наш фронт на обоянском направлении.

Не исключено, что он будет продолжать усиление своих войск на обоянском направлении, стаскивая их с других участков фронта, главным образом с участков ЮЗФ и ЮФ.

Для более прочного прикрытия обоянско-курского направления, а главное для обеспечения своевременного перехода наших войск в контрнаступление в наиболее выгодный момент считаем необходимым теперь же начать быстрое выдвижение:

- а) армии Жадова – в район Обоянь, Прохоровна, Марьино.
- б) танковой армии Ротмистрова – в район Призначное (10 км вост. Прохоровка), Короча, Скородное.

Кроме того, просим усилить авиацию Воронежского фронта двумя истребительными и одним штурмовым авиакорпусами.

ВАТУТИН
ХРУЩЕВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 75. Л. 364-368.

№ 9
БОЕВОЕ ДНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 00217 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ
ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

11 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Противник после мощной авиа- и артподготовки с утра 11.7 возобновил наступление, сосредоточивая основное усилие на обоянско-драгунском направлении и ведя усиленную боевую разведку на прохоровском и корочанском направлениях.

Во второй половине дня противник силами до 150 танков перешел в наступление на Прохоровку и более 250 танков – из района Дальней Игуменки в общем направлении на Корочу. В результате ожесточенных боев и неоднократных атак к 18.00 противник овладел: на драгунском направлении – Раково, Шепелевка, Березовка, Ур. Толстое; на прохоровском направлении – свх. Октябрьский; на корочанском направлении – Хохлово, Киселево.

Авиаразведкой в течение дня установлено скопление большого количества автомашин и танков в районе зап. свх. Батрацкая Дача, свх. Поляна, Крутой Лог; по дорогам из глубины к линии фронта наблюдалось обычное движение мелких групп автотранспорта.

Вывод: изменений в составе ударных группировок противника и подтягивания резервов из глубины за 11.7 не отмечается.

Скопление автотранспорта и танков в районе зап. свх. Батрацкая Дача указывает на сосредоточение в этом районе резервов противника силою до дивизии.

С утра 12.7 можно ожидать продолжения активных действий противника во всех трех указанных направлениях.

Второе. Войска фронта на флангах (38, 40 А и 7 гв. А) обороняли прежние рубежи, в центре части 6 гв. А, 1 ТА, правого и левого фланга 69 А в течение дня вели упорные оборонительные бои с наступающим противником.

По предварительным данным войсками фронта за день 11.7.1943 г. нанесены следующие поражения противнику: подбито и уничтожено 175 танков, сбито 40 самолетов (в том числе 8 ЗА), уничтожено до 7500 солдат и офицеров противника.

38-я армия. Войска армии обороняли прежние рубежи.

В районе Апанасовки задержан перебежчик, солдат 88 пд, в показаниях которого указывается, что дивизия готовится к наступлению с занимаемого рубежа.

40-я армия. Войска армии на правом крыле и в центре продолжали оборонять прежние рубежи, на левом крыле, прикрывая отход 90 гв. сд и б тк, вели огневой бой с противником.

К 18.00 наступление-противника задержано на рубеже Чапаев, Ур. Суходол, выс. 240,2, (иск.) выс. 240,7, (иск.) Круглик.

Частями 100 сд рота противника, наступающая из леса восточное Трефиловки в направлении Ситного, была полностью уничтожена.

Всего за день боя частями армии уничтожено: до 200 солдат и офицеров противника, разрушен 1 ДЗОТ, захвачен 1 станк[овый] пулемет.

6-я гв. армия. Войска армии совместно с 1 ТА в течение истекшего дня вели тяжелые оборонительные бои с наступающей пехотой и танками противника на верхопенье-драгунском направлении.

В результате неоднократных атак в течение дня 11.7 противник силой 200 танков с пехотой, потеснив части 90 гв. сд и б тк, овладел Ур. Толстое и вышел к рубежу обороны 184 сд на участке (иск.) Чапаев, Ур. Плотовая, (иск.) Калиновка.

90 гв. сд совместно с частями б тк (1 ТА) к 17.00 отошли за боевые порядки 184 сд, где и приводят себя в порядок.

На обоянском направлении до 20.00 все атаки противника отбиты. В 20.00 противник силою до 100 танков с пехотой атаку возобновил.

51 гв. сд в течение дня отбивала атаки пехоты и танков противника и удерживает прежний рубеж.

1 ТА. Войска армии совместно с частями 6 гв. А в течение дня вели упорные бои с наступающим противником.

Части 10 тк, 3 мк и 31 тк в течение дня отразили до четырех танковых атак противника, нанеся ему значительные потери.

69-я армия. Войска армии в течение дня вели упорные бои с наступающим противником силой до 150 танков с пехотой из района свх. Комсомолец в направлении Прохоровки и силою 250 танков с пехотой с рубежа Дальняя Игуменка, Мясоедово в общем направлении на Корочу.

183 сд, совместно с частями 2 тк, до 12.00 отразила атаку противника силою до 30 танков с пехотой из района свх. Комсомолец вдоль шоссе на Прохоровку. В 13.00 противник силою до 150 танков вновь возобновил наступление и после упорного боя к 17.00 вышел в район выс. 252,2 (4 км юго-западнее Прохоровки).

Левифланговые части 69-й армии (92 гв. сд, 305 сд и 94 гв. сд) под воздействием танковой атаки противника отходят в северном и сев.-вост. направлениях.

89 гв. сд к исходу дня оставила Хохлово, Киселево.

7-я гв. армия: В течение дня частями армии отражены атаки противника в районе Батрацкой Дачи, велись бои в районе выс. 206,9; бой; районе выс. 206,9 продолжается.

Захватом пленного установлено наличие перед фронтом армии новое 198 пд противника.

По неполным данным, частями армии за день боя уничтожено: до 2300 солдат и офицеров противника, 17 автомашин, 8 танков, 8 зен[итных] орудий, 2 самоходные пушки, 9 пулеметов и 5 минометов; взяты трофеи: 2 пулемета, 12 автомашин, 28 винтовок и 500 мин.

2 ВА штурмовыми и бомбардировочными действия уничтожала на поле боя живую силу и технику противника. Произведено 426 самолето-вылетов. Проведено 10 воздушных боев, в результате которых сбито 32 самолета противника.

Штурмовыми и бомбардировочными действиями уничтожено: 33 танка, 63 автомашины, склад с боеприпасами, вызвано 2 очага пожара. Подавлен огонь трех батарей ЗА и 13 огневых точек.

Третье. Задача: войска фронта в течение 12.7 действуют согласно особому плану.

Командующий Восками Воронежского Фронта
Генерал Армии Ватутин
Член Военного Совета Воронежского Фронта
Генерал-лейтенант Хрущев
Заместитель Начальника Штаба [Воронежского] Фронта
Генерал-майор Тетешкин

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 43. Л. 57-60.

№ 10

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 00219 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

12 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. В течение 12.7 противник при поддержке бомбардировочной авиации продолжал активные действия из района Грезное, Мал[ые] Маячки, Тетеревино (северное) в направлении на Прохоровку и из района Казачье, Нов[ое] Оскочное, Верх[ний] Ольшанец на Ржавец, Шипы. На рубеже Новенькое, Ур. Плотовая, Чапаев противник вел сдерживающие оборонительные бои и под ударами наших частей медленно отходил в восточном и юго-восточном направлениях.

На участке восточнее и юго-восточнее Белгорода с рубежа клх. Соловьев, свх. Поляна противник также под давлением наших частей отходил в район Крутого Лога.

Авиаразведкой в районе Большие Проходы, Липцы, Русские Тишки, Б. Даниловка отмечается большое количество войск противника и техники; дорога от Харькова на Липцы забита войсками.

Вывод:

1. Изменений в группировке противника за 12.7 не отмечается.
2. Из района Харькова противник подтягивает новые части, снятые, по-видимому, с участка Юго-Западного фронта.

3. 13.7 следует ожидать продолжения активных действий противника на прохоровском и корочанском направлениях.

Второе. Войска фронта в центре и на левом фланге, после тридцатиминутной артподготовки во взаимодействии с авиацией с утра 12.7 перешли в наступление с целью уничтожения прорвавшихся томаровской, белгородской группировок противника.

Преодолевая упорное сопротивление противника и отражая неоднократные его атаки, войска фронта на участке Круглик, Раково сломали сопротивление противника и оттеснили его в восточном и юго-восточном направлении, овладев рубежом зап. часть Раково, выс. 243,8, Ур. Толстое, Калиновка. На прохоровском направлении у противника были отбиты свх. Октябрьский, Михайловка, Андреевка, Васильевка, Виноградовка, Ивановка, Лески, Калинин, Тетеревино.

К исходу дня противник был выбит также из Рындинки. На участке 7-й гв. а[рмии] наши части вышли на рубеж (иск.) отм. 207,9, «Сар.» западнее этой отметки, выс. 191,2 и подошли к юговосточной части Масловой Пристанки, Приютовке.

По неполным данным, в результате боев уничтожено 170 танков противника, из них 20 «тигр», 18 самолетов, 250 автомашин и свыше 4500 солдат и офицеров.

38-я армия. Положение войск армии – без изменений.

40-я армия. Войска армии на левом крыле вели наступательные бои и частями 71 гв. сд, преодолев незначительное сопротивление противника, к 16.30 овладели Михайловкой, ворвались в Красный Починок и зап. часть Завидовки, где и ведут уличный бой.

Положение войск правого фланга армии и центра без изменений.

6-я гв. армия. Войска армии совместно с частями 1 ТА в 8.30 перешли в наступление и, преодолев упорное огневое сопротивление противника, частями 284 сд овладели Чапаевом, ворвались в зап. часть Раково, к исходу дня вели бой на рубеже курган + 1.6 + 1.1, выс. 285,5.

204 сд к 15.00 вела бой на рубеже роца 3 км юго-вост. Круглика, курган с отм. +1.8 (3 км юго-зап. Новоселовки).

В результате боевых действий войска армии овладели рядом объектов и населенных пунктов Чапаев, Ур. Толстое.

В течение дня войска армии отбили до 10 контратак противника (силою рота-батальон при поддержке 5-10 танков) с большими для него потерями.

1 ТА. Войска армии совместно с частями 6-й гв. а [рмии] после перегруппировки перешли в наступление в общем направлении на Яковлеве.

Ударная группа армии, 5 гв. и 10 тк, совместно с правофланговыми частями 6-й гв. а [рмии], сломив сопротивление противника, к исходу дня вела бой вост. Раково, в Березовке и на ближних подступах к Верхопенью

6 тк к утру 13.7 переходит в Ур. Толстое.

3 мк и 31 тк, встретив сильное огневое сопротивление противника и отбивая неоднократные его атаки, нанесли противнику значительное поражение, но продвинуться вперед не могли.

5-я гв. армия. Перешла в наступление в общем направлении на Бол [ьшие] Маячки и, встретив упорное сопротивление противника, в течение дня на отдельных участках медленно продвигалась вперед. В центре вела бой с прорвавшимися танками противника в районе Веселого. Частями армии занята выс. 244,8, 248,3, клх. в районе выс. 277,0 и клх. на сев. окраине Кочетовки, Андреевка, свх. Октябрьский.

Части 95 гв. сд совместно с частями 52 гв. сд вели бой в районе выс. 236,7 с прорвавшимся противником, силою до 112 танков с пехотой. В результате ожесточенного боя продвижение противника остановлено. За день боя частями армии уничтожено 44 танка противника и до 4000 гитлеровцев!»

5 гв. ТА, закончив в течение предшествующей ночи перегруппировку, с утра 12.7 перешла в наступление в направлении Березового.

К 18.30 части армии овладели Васильевкой, свх. Комсомолец, Виноградовкой, Ивановкой, Беленихино, Шипами, Лесками и ведут бой за Ясной Поляну, Озеровский, Собачевский, Рындино, Ржавец. Особенно ожесточенный бой вели части 2 тк с противником, контратаковавшим силою до 130 танков из рай-

она хут. Тетеревино в направлении Сторожевого. Бой за Сторожевое к исходу дня продолжается.

69-я армия. Войска армии правым флангом во второй половине дня вели наступление, на левом фланге вели бой с усиленными разведывательными отрядами противника (пехота, танки).

48 ск, преодолев упорное огневое сопротивление противника, к 14.00 вел бой на рубеже Калинин, выс. 210,7.

35 ск, обороняя рубеж Выползовка, Ново-Алексеевский Выселок, Свиридове, Мазикино, Шеино, Ушакове, отражал атаки противника силою до 20-50 танков с пехотой из Рындинки в направлении Плоты, из Шуховцем на Логовое.

Противник в районе Казачье, Оскочное, Верх[ний] Ольшанец сосредоточивал в течение дня пехоту и танки (до 120 танков и неустановленное количество автомашин).

7-я гв. армия. Части армии после короткой артподготовки перешли в наступление и, преодолевая упорное огневое сопротивление противника, продвинулись вперед.

25 гв. ск вышел на рубеж отм. 207,9, (иск.) выс. 191,2. 45 ск к 17.00 ведет бой на восточных скатах выс. 191,2, сев. опушка леса 1 км вост. Крутого Лога, свх. Поляна.

24 [гв.] ск вышел на сев.-зап. опушку Ур. Дача, Шебекинская, овладел Ржавцем и ведет бой за юго-вост. окраину Масловой Пристани и за Приютовку.

Противник оказывал особо упорное сопротивление в районе свх. Поляна.

Захваченный пленный 106 пд показал, что в ротах оставалось до 30 человек и 4 станк [овых] пулемета. По словам пленного, потери противника велики.

2 ВА – бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожала на поле боя живую силу и технику противника.

Произведен 671 самолето-вылет, проведено 9 воздушных боев, сбито 18 самолетов противника.

В результате штурмовых и бомбардировочных действий сожжено 85 танков, 207 автомашин, 5 автоцистерн, 2 склада с боеприпасами, вызвано 3 очага пожара, подавлен огонь трех точек ЗА, уничтожено свыше 400 солдат и офицеров противника.

Третье. Задачи: на 13.7 частями 5-й гв. и 69-й армий ликвидировать прорвавшиеся группы противника в районе Веселый и Рындинок, Ржавец. Войска центра и левого крыла фронта продолжают наступление с прежней задачей.

Командующий Войсками Воронежского Фронта
Генерал Армии Ватулин
Член Военного Совета Воронежского Фронта
Генерал-лейтенант Хрущев
Заместитель Начальника Штаба [Воронежского] Фронта
Генерал-майор Тетешкин

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 431. Л. 62-66.

№ 11

ИЗ БОЕВОГО ДОНЕСЕНИЯ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 00228 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ ОБРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

15 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. Противник в течение 15.7 на обоянском и белгородском направлениях вел силовую разведку и бои за улучшение своих позиций.

Авиация противника одиночными самолетами и группами 2-3 самолета вела разведку боевых порядков и тылов войск фронта с попутным бомбометанием отдельных населенных пунктов прифронтовой полосы.

Авиаразведкой во второй половине дня отмечено: 30 танков, 150 автомашин и до полка пехоты в районе Беленихино, Озеровский, Калинин; до 150 танков и автомашин в р-не Новой Деревни (15 км юго-зап. Белгорода), от Ивановки на Малиновку в движении до 70 танков и до полка пехоты и от Быковки на Сажное до 100 автомашин (большинство крытых).

Выводы:

1. Противник пополняет свои части людским составом и материальной частью и производит частичную перегруппировку.

2. 16.7 можно ожидать активных действий противника на обоянском и особенно на корочанском направлениях.

Второе: Войска фронта 15.7 на правом крыле (38-я и 40-я армии) обороняли прежние рубежи, на обоянском и корочанском направлениях отражали, на отдельных участках фронта, атаки противника и закреплялись на занимаемых рубежах.

38-я армия. Положение войск армии без изменений. В течение дня отмечено движение жд эшелонов по линии Харьков-Сумы, всего проследовало 5 эшелонов.

В районе кирп. завода Сум приземлилось 11 одномоторных самолетов противника.

40-я армия. Положение войск армии без изменений.

6-я гв. армия. Войска армии обороняли занимаемые рубежи, продолжая укреплять их в инженерном отношении, и вели разведку и перестрелку с противником.

Противник наземными войсками активных действий не предпринимал, вел редкий артиллерийско-минометный огонь с применением коротких огневых налетов.

Наблюдением установлено производство окопных работ противником на рубеже Коровино, Завидовка: на зап. и сев.-зап. окраинах Верхопенья зарыто в землю до 40 танков противника.

За 14.7 войсками армии уничтожено до 300 солдат и офицеров противника, 5 самоходных пушек, 21 автомашина, 5 пулеметов, 1 миномет, 15 орудий, подбито и сожжено 72 танка. Захвачен 1 пленный 255 пд.

1 ТА. В 12.00 частями армии в районе Лога Кубасовского отбита атака противника силою до 15 танков – подожжено 4 танка.

За 14.7 войсками армии уничтожены и сожжены 5 самоходных пушек, 1 артбатарея, 2 зенбатареи, 6 пт орудий, 1 миномет, 5 пулеметов, 21 автомашина, подбит и сожжен 121 танк, уничтожено до 200 солдат и офицеров противника, рассеяно и уничтожено до трех взводов пехоты.

5-я гв. армия. Войска армии закреплялись на прежних рубежах. Огнем артиллерии рассеяно скопление пехоты и танков противника в районе Кочетовки.

5 гв. ТА. Войска армии оборонялись на прежних рубежах, частью сил отражали атаки противника.

29 тк сменяется частями 42 гв. сд и выводится в армейский резерв.

Частями 2 тк в 10.00 отбита атака противника силою до двух пп с 8 танками, подбито 2 танка противника.

69-я армия. Войска армии частями 48 ск выходили на новый оборонительный рубеж, остальными силами закреплялись на занимаемых ранее рубежах.

Противник в 16.00 ... возобновил наступление в направлении на Мал[ое] Яблоново ... выс. 222,1 и сев.-вост. 241,5, силою до двух пп и 30 танков.

Части 94 гв. сд отразили атаку противника силою до пехотного полка из района Мелихово на Мазикино.

7-я гв. армия. Войска армии в течение суток вели огневой бой с противником на прежних рубежах и отражали попытки разведотрядов противника проникнуть в расположение своих частей.

На рассвете 15.7 противник двумя группами пехоты силою до роты каждая при поддержке артиллерийско-минометного огня пытался вести разведку из района клх. Соловьев и юго-вост. окр. Крутой Лог.

В 4.00 две роты разведотряда 106 пд вели разведку из района выс. 191,2 в направлении Гремячего. В 5.00 до батальона пехоты из района рощ сев.-зап. свх. Поляна наступали на Гремячий; все атаки противника были отбиты.

По предварительным данным, за 15.7 частями армии уничтожено до 300 солдат и офицеров противника, 10 пулеметов, подавлен огонь 6 пулеметных и 3 минометных ОТ и четырех артиллерийских батарей. Огнем ЗА в районе Неклюдово сбит 1 самолет Ю-88.

Трофеи: 2 ручных пулемета, 10 винтовок.

2 ВА в течение дня бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожала живую силу и технику противника. В пяти воздушных боях сбито 5 самолетов, уничтожено и повреждено на аэродромах 7.

Произведено 223 самолето-вылета ...

Авиация ДД в ночь с 14 на 15.7 произвела 193 самолето-вылета на бомбардирование пунктов: Кураковка, Ново-Оскочное, Казачье, Верх[ний] Ольшанец, Сырцево, Луханино.

Сброшено 4379 бомб общим весом 223,5 тонн, создано 69 пожаров, вызвано 27 взрывов, из них 15 большой силы.

Третье:

Командующий Войсками Воронежского Фронта

Генерал Армии Ватутин

Член Военного Совета Воронежского Фронта

Генерал-лейтенант Хрущев

Зам [еститель] Начальника] Штаба [Воронежского] Фронта

Генерал-майор Тетешкин

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 431. Л. 89-93.

№ 12

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 00260 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ИТОГАХ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

23 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. В результате двенадцатидневных напряженных боев войска фронта 23.7.1943 г. вышли на основной, ранее занимаемый ими оборонительный рубеж, успешно завершив фронтовую оборонительную операцию на белгородско-обоянском направлении.

В период с 4 по 11.7 войска 6-й гв. а[рмии] во взаимодействии с частями 1 ТА и правофланговыми частями 69-й а[рмии], нанеся большие потери основной группировке противника, остановили его продвижение на обоянском направлении.

12-14.7 попытки сильных танковых групп противника прорваться из района Верхополя в западном направлении и из района Кочетовка, Грязное, Лучки на Прохоровку в обход сильной обороны на подступах к Обояни были отбиты.

К этому же времени было остановлено наступление белгородской группировки противника на корочанском направлении.

16.7 войска центра и левого крыла фронта, нанеся противнику большие потери в предшествующих боях, после перегруппировки перешли в контрнаступление и к исходу 23.7 вышли на основной рубеж обороны на участке раз. Герцовка, Бутово, Триречное, Каменный Лог, выс. 233,3 (6 км сев.-вост. Каменный Лог).

При подсчете потерь по донесениям армий в результате боев подбито и сожжено 4728 танков и самоходных орудий, если учесть некоторую неточность в подсчете, все-таки можно считать уничтоженными 2500-3000 танков и самоходных орудий, 24 бронемашин, сбито и подбито 917 самолетов, уничтожена 4761 автомашина, 40 бензоцистерн, 606 орудий разных калибров, 438 минометов, 6 шестиствольных минометов, 367 пулеметов, выведено из строя убитыми и ранеными 135 000 солдат и офицеров противника.

Трофеи: по далеко не полным данным, танков исправных – 5, орудий – 21, автомашин исправных – 30, мотоциклов – 4, радиостанций – 3, повозок – 7, пулеметов – 35, автоматов – 70, минометов – 5, велосипедов – 9, большое количество мин, снарядов, винтовочных патронов и, кроме того, разное военное имущество, оставленное на поле боя, еще не учтенное. Взято в плен 317 солдат и офицеров противника.

В итоге задуманное по плану «Цитадель» наступление противника закончилось для него полным провалом.

Второе. Противник по плану «Цитадель» в начальный период операции на фронте 15-20 км сосредоточил 8 танковых и 7 пехотных дивизий и в процессе операции усилил свою ударную группировку тремя танковыми, одной мото- и пятью пехотными дивизиями.

Всего в переломный момент боев противник имел в районе боевых действий до 24 дивизий, из них 11 танковых, 1 мото- и 12 пехотных дивизий с общим количеством танков до 4000 и до 1000 самолетов.

Впервые на белгородском направлении в составе целых подразделений противником были применены танки «тигр», как основное средство прорыва, действующее во взаимодействии с авиацией.

В течение 23.7 на томаровском направлении отрядами, силою рота-батальон, противник продолжал оказывать упорное огневое сопротивление нашим частям; на сумском направлении активности не проявлял, ограничиваясь, редким артиллерийско-минометным огнем.

Авиация противника отдельными самолетами вела разведку. Авиаразведкой установлено:

– в 12.50 на аэродроме Конотопа до 40 самолетов, на ст. Конотоп – 30 эшелонов;

– от Томаровки на Борисовку – движение автоколонны неустановленной численности;

– в 17.00 по шоссе от Белгорода на Харьков колонна до 400 автомашин и танков, прикрытая сильным огнем ЗА;

– на харьковском аэродромном узле – до 100 самолетов.

Вывод:

1. Противник, отведя главные силы на старый оборонительный рубеж, арьергардными отрядами продолжал сдерживать наступление наших войск на рубеже сев. Томаровки.

2. Отмеченное движение автомашин и танков на Харьков связано, по-видимому, с переброской части сил белгородской группировки противника на другое направление.

Третье. 38-я армия. Войска армии оборонялись на прежних рубежах. Противник активности не проявлял, вел редкий артиллерийско-минометный огонь с применением огневых налетов по отдельным участкам нашей обороны.

Авиация противника отдельными самолетами вела разведку. Отмечено 13 самолето-вылетов.

Огнем всех видов уничтожено 10 солдат противника, артогнем разрушено 4 блиндажа, 3 ДЗОТа, уничтожены 2 повозки, 2 станковых пулемета.

40-я армия. Положение войск армии без изменений.

Действиями разредгруппы 206 сд в районе Теребрено был забросан гранатами блиндаж противника, у убитых солдат изъяты документы, устанавливающие принадлежность убитых 57 пд 164 пп. В результате боя разведывательных групп армии и огнем артиллерии уничтожено до 280 солдат противника, 1

станковый пулемет, разрушено 3 ДЗОТа, рассеяно до 30 автомашин.

6-я гв. армия. В течение дня производила перегруппировку и частью сил продолжала наступательные бои. В результате напряженных боев к 18.00 войска армии овладели раз. Герцовка, Бутово, Триречное и рощи 1,5 км юго-западнее, а также сев. окраиной Драгунского.

184 и 204 сд выводились из боевых порядков армии и готовились для отправки по ж.д. в резерв Ставки Верховного Главнокомандования.

5-я гв. армия. Части армии во взаимодействии с частями 6-й гв. а[рмии] овладели Триречным и рощей восточнее и вели бой на рубеже выс. 233,6, сев. окр. Каменный Лог, выс. 233,3.

Противник из районов выс. 215,4 (4 км сев. Березова) в 19.30 силою до 15 танков перешел в контратаку в направлении Быкова. Бой с этими танками продолжается.

5 гв. ТА. Войска армии в течение дня вели бой на рубеже Каменный Лог, за выс. 215,4, за выс. 233,3, за клх. «Смело к труду» и на линии сар, что в 2 км вост. клх. «Смело к труду» (Редин). Части 12 мсбр к исходу дня овладели Каменным Логом.

Частями армии в 15.30 отбита контратака противника силою до 20 танков и батальона пехоты из леса Журавлиный в направлении выс. 233,3.

По показаниям пленных, на рубеже Задельное, (иск.) Вислое действуют части 332, 167 пд и 19 тд противника.

1 ТА. Положение частей без изменений. Войска армии продолжают ремонт боевых машин, сбор и эвакуацию боевой техники с поля боя.

За 22.7 собрано: танков Т-6 – 1, ручных пулеметов – 10, винтовок – 10, радиостанций – 1.

27-я армия. Войска армии сосредоточены в прежнем районе.

2 ВА. По неполным данным, произведено 273 самолето-вылета. Уничтожено 5 танков противника, 5 орудий, 65 автомашин, создано 10 взрывов и 94 очага пожара, сожжен один ж.д. состав.

Четвертое. Задачи: в течение 24.7.1943 г. – продолжать боевую разведку обороны противника и уничтожение его боевого охранения.

Командующий Войсками [Воронежского] Фронта
Генерал Армии Ватутин
Член Военного Совета [Воронежского] Фронта
Генерал-лейтенант Хрущев
Начальник Штаба [Воронежского] Фронта
Генерал-лейтенант Иванов

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 431. Л. 152-156.

№ 13

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 0303 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ

3 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. В течение 3.8 противник на сумском направлении активных действий не предпринимал.

На томаровском направлении противник частями 332 пд, 164 пп и сап. бат. 57 пд, 167 пд, 19 тд, 6 тд и частями введенной во второй половине дня неустановленной нумерации танковой дивизии оказывал сопротивление наступающим нашим частям огнем и контратаками.

Во второй половине дня 3.8 противник на участке Ямное, выс. 226,6 (1 км сев. Новой Глинки), Пушкарное, Домнино ввел новую танковую дивизию, где контратаками силою до двух батальонов с 50 танками сдерживал наступление наших войск.

Авиаразведкой в течение дня отмечено движение до 250 машин и 50 танков из района Ахтырки через Грайворон на Томаровку и из района Харькова на Белгород до 270 машин и 50 танков.

В 18.30 на Орловку прошло из района Микояновки до 20 танков и из района Борисовки – до 45 танков. В районе Долбино, Новая Деревня – 25 танков. На станции Ново-Борисовка производилась выгрузка танков из жд эшелонов; к 12.40 выгруже-

но до 44 единиц, которые в дальнейшем выдвинулись через Борисовку на Орловку,

Отмечена колонна три ряда автомашин, отходящая от выс. 218,3 (зап. Яхонтов [а] на Стрелецкое, что в 6 км сев.-зап. Белгород [а]. Сплошная колонна автомашин из Шопино на Белгород и движение мотоколонн длиной в 7 км из Белгород [а] на Харьков.

Наблюдалось скопление до 100-120 танков в районе лесов юж. Боромля. Из Сум на Боромля прошло 12 эшелонов (из них 1 эшелон с 30 танками).

Вывод:

1. Противник на участке Ямное, Домнино ввел в бой танковую дивизию,

2. Противник снял с фронта: МТФ (2 км южнее Ново-Сергеевка), выс. 208,3 (сев. Ново-Березовка) 164 пп 57 пд и перебросил его на тамаровское направление. Можно ожидать смены остальных полков 57 пд и переброску их на это направление.

3. Противник выдвиганием отдельных групп танков и мотопехоты в район Орловки, по-видимому, стремится организовать оборону на втором рубеже по р. Гостинка, Орловка, Новая Деревня, Бродок.

Второе. На правом крыле войска фронта обороняли прежние рубежи и продолжали работы в соответствии с планом.

На тамаровском направлении в 7.55 после трехчасовой арт. обработки обороны противника и мощных ударов нашей авиации войска 6-й и 5-й гв[ардейских] а[рмий] перешли в наступление.

6-я гв. А. В результате наступательных боев войска армии прорвали тактическую глубину обороны противника и за день продвинулись до 7 км,

В течение дня, отразив три контратаки противника силою из Ямного до 50 танков в направлении выс. 218,7 (3 км юго-зап. Казацкого) – двух батальонов с 15 танками и из Томаровки на Кр[асный] Острожек до батальона пехоты с танками, к исходу дня 3,8 войска армии вели бой на рубеже 1 км зап. МТС Бутово, сев. скаты выс. 237,8, выс. 172,2, (иск.) выс. 214,9, выс. 248,7, выс. 147,4, юж. окр. Кр[асный] Острожек.

По неполным данным, частями 23 гв. ск уничтожено до 750 солдат и офицеров противника, 35 автомашин, 8 танков, 8 орудий, захвачено 106 пленных и трофеи: орудий – 18, пулеметов – 32, автомашин – 37, танков (подбитых) – 8, винтовок – 400, мотоциклов – 7, повозок – 20, складов с боеприпасами – 2.

5-я гв. армия. Преодолевая упорное огневое сопротивление противника, за день боя освободила свыше 30 населенных пунктов, наиболее крупные из них: Триречное, Драгунское, Стрелецкое, Пушкарное, Задельное, Березов, Яхонтов и к исходу дня 3.8 вышла на рубеж (иск.) Кр[асный] Острожек, выс. 191,1, Степное, рощи зап. Раково (северное), Раково (северное).

Части продвинулись вперед до 10 км.

Частями армии захвачены пленные и трофеи, подсчет их производится.

1 ТА в 14.30 перешла в наступление и к 16.00 передовыми частями овладела Домнином. Главные силы в 17.00 достигли рубежа Ново-Александровка, Лог Степной. По данным 5-й гв. армии, части 1 ТА ведут бой в районе Томаровки.

По неполным данным, за день боев частями армии захвачено 10 орудий, склад с боеприпасами, 15 пленных и уничтожено самоходное орудие, транспортер, автомашина и до 150 солдат противника.

5 гв. ТА. В 14.30, сломив упорное сопротивление противника на рубеже Стрелецкое, к 16.00 передовыми частями 18 тк (100 тбр) перерезала жд Томаровка-Белгород в районе выс. 225,6. К исходу дня по данным 6-й гв. армии, части 5 гв. ТА вели бой в районе Ур. Б[ольшой] Должик. Подвижные войска за день боя продвинулись до 24 км.

2 ВА. Содействуя наземным войскам, армия произвела 1345 самолето-вылетов, из них 292 ночью. Уничтожено до 70 танков, 230 автомашин с грузами и пехотой, подавлено 10 арт. батарей и 30 точек ЗА, сожжено 10 цистерн с горючим и 2 склада с боеприпасами, рассеяно и частично уничтожено до батальона пехоты.

Проведено 20 воздушных боев, в результате которых сбито 15 самолетов противника.

Третье. Задачи: Продолжить наступление.

Командующий Войсками [Воронежского] Фронта
Генерал Армии Ватутин
Член Военного Совета Воронежского Фронта
Генерал-лейтенант Хрущев
Начальник Штаба [Воронежского] Фронта
Генерал-лейтенант Иванов

По неполным данным, уничтожено 1550 солдат и офицеров, 79 танков, 339 автомашин, 2 самоходных орудия, 12 полевых орудий, 2 шестиствольные батареи. Захвачено в плен 212 солдат и офицеров, трофеи: полевых орудий – 39, пулеметов – 47, винтовок – 420, танков – 5, мотоциклов – 7, автомашин – 30, повозок – 40, минометов – 3, телефонных аппаратов – 3 и складов с боеприпасами – 1.

Подпись

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 431. Л. 213-215.

№ 14
ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО
ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
О ПЛАНАХ НАСТУПЛЕНИЯ АРМИЙ

4 августа 1943 г. 10 ч 00 мин

Докладываем следующий план проведения операций Воронежского фронта:

1. Операция на харьковском направлении, начатая 3.8.1943 г. силами 5-й и 6-й гв. армий, 1 и 5 гв. ТА, имеет целью уничтожить противника на бел-городско-харьковском направлении и выйти:

а) 1 ТА – в район Валки и частью сил занять Нов [ую] Водолагу – к исходу 7.8.1943 г.;

б) 5 гв. ТА – в район Ольшаны, Люботин – к исходу 7.8.1943 г.;

в) 6-я гв. армия Чистякова наступает по северному и южному берегу р. Ворскла навстречу удару 27-й армии Трофименко.

При благоприятном развитии операции часть сил противника должна быть окружена и уничтожена силами 6-й гв. ар-

мии и 27-й армии, после чего намечаем 6-ю гв. армию вывести в резерв фронта, а 5 гв. тк должен выйти и занять Ахтырку;

г) 5-я гв. армия Жадова к исходу 9.8.1943 г. должна выйти на фронт Новый Мерчик (15 км сев. Валков), Дергачи.

Войска Степного фронта к этому времени должны выйти к Харькову с севера.

2. Операция 27-й армии Трофименко и 40-й армии Москаленко начнется с утра 5.8.1943 г. по следующему плану:

а) 27-я армия, усиленная артиллерией РК, 4 гв. и 10 тк, 93 тбр и 39 тп, будет наступать с фронта Кресанов, (иск.) Солдатское в общем направлении на Уды и частью сил на Головчино, Борисовка навстречу 6-й гв. армии К исходу 5.8.1943 г. танковые корпуса должны выйти:

10 тк – в район Грайворона, 4 гв. тк – в район Головчино, Березовка.

В дальнейшем – к исходу 6.8 4 гв. тк и 10 тк должны выйти в Богодухов. Сюда же одновременно должен выйти и 2 тк Попова, который действует с армией Москаленко.

Таким образом, в район Богодухов, Валки, Люботин, Ольшаны должны выйти 1 ТА, 5 гв. ТА, 4 гв. тк, 2 и 10 тк, составляя компактный танковый кулак, которым из указанного района можно действовать в любом направлении и который отрежет все пути к Харькову с запада. 27-я армия в дальнейшем также получит направление на Богодухов.

б) 40-я армия с 202-м танковым полком прорыва и 2 тк наносит удар с фронта (иск.) Теребрино, Завертячее и выходит на фронт Рясное, Дорогощ, обеспечивая операцию Трофименко с запада.

В дальнейшем 40-я армия будет взаимодействовать с 47-й армией и совместно с ней должна окружить и уничтожить противника в районе между р. Ворскла и Краснопольем, после чего 40-я армия получит задачу наступать на Котельву.

2 тк к исходу 5.8 должен выйти в Дорогощ, и далее намереваем его направить на Богодухов.

3. Операция 47-й армии, усиленной мехкорпусом, должна начаться не позже 7.8.1943 г. Армия наносит удар с фронта Мал[ая] Чернетчина, Поповка (вост. Сум 12 км) в направлении

Боромля, Тростянец, Мехкорпус к исходу 7.8 должен выйти в район Тростянца, а остальные силы 47-й армии должны выйти на фронт Ниж[няя] Сыроватка, Бишкинь, Тростянец, заняв выгодное исходное положение для дальнейшего наступления между р. Псел, р. Ворскла. В связи с этими действиями 47-й армии будет уплотнен боевой порядок 38-й армии, которая вся перемещается к северу от р. Псел и сейчас нами также подготавливается к активным действиям из района севернее Сум.

Изложенный выше план операций позволяет все время последовательно наносить удары во фланг и тыл противнику, расчленять его на отдельные группы, окружать, уничтожать и разрушить фронт противника на большом протяжении. Кроме того, мы займем выгодное исходное положение для занятия района Харькова во взаимодействии с ЮЗФ и Степным фронтом.

Противник в настоящее время усиленно подвозит войска через Конотоп, Ворожбу, Сумы и далее на восток.

Просим:

1. Утвердить изложенный выше план операций.
2. Действия ЮЗФ из района Змиева – назначить не позднее 7.8.1943 г. Считаю целесообразным резерв Ставки – армию Кулика – переместить к западу в район Суджи.

ВАТУТИН
ХРУЩЕВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 89. Л. 64-71.

№ 15

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПРИНЯТЫХ МЕРАХ ПО ЛИКВИДАЦИИ АХТЫРСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

19 августа 1943 г. 08 ч 30 мин

Докладываю:

Для ликвидации противника, прорвавшегося из района Ахтырки в район Каплуновка, Чемодановка, с 6.30 19.8.1943 г. организовано наступление следующими силами.

1. 1ТА (Катукова) заняла исходное положение на рубеже Купьеваха, Нов[ая] Одесса с тремя иптапами, двумя сап, полком РС и в 6.30 начала наступление на Ахтырку.

2. 6 гв. А (Чистякова) с 5 гв. тк (Кравченко) с 71 сд, тремя иптапами наносит удар с юга в направлении Чемодановки.

3. 4 гв. тк с двумя полками 166 сд из района Мошенки наступает в направлении Захухры на Каплуновку.

4. 27А силами 155 и 147 сд удерживает рубеж обороны Литовка, выс. 115,4, Пологие, Вербовый, Кудрявый, клх. Комсомолец; по мере продвижения Катукова части 27А переходят в наступление.

5. 4 гв. А – двумя сд со средствами усиления на рубеже Кириковка, выс. 124,1, выс. 152,3, Прокоповка, Нов[ая] Одесса. 3 гв. тк 4 гв. А к утру 19.8.1943 г. сосредоточился в районе Правда, Яблочное, Новая Рябина в готовности для наступления.

б. Вся авиация 2 ВА действует в помощь 1ТА по прорвавшемуся противнику.

7. 3 гв. тк и 10 тк 47-й армии будут действовать через Олешню на Ахтырку с запада.

ВАТУТИН
КОРНИЕЦ
ИВАНОВ

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 89. Л. 221-222.

№ 16

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 00366 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ

20 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. С утра 20.8 противник танковой дивизией СС «Мертвая голова» перешел в наступление из района рощ. сев.-вост. Мал[ой] Рублевки и одновременно танковой дивизией СС «Великая Германия» стремился развить успех в южном направлении.

В течение дня противник овладел Михайловкой, Котелевкой, Марьинским, Котельвой, Колонтаевом, атаки его в районе Пархомовки успеха не имели.

В районах сев. Ахтырки противник с боями отходил за р. Псел и на левом фланге фронта его действия носили характер боевой разведки.

Захватом пленных подтверждаются действия: против 38-й армии – один пп 88 пд и двух полков 75 пд; против 5 гв. А – частей тд СС «Райх» и остатков 255 пд против 40-й армии.

Авиаразведкой в течение дня отмечено движение к рубежу Сумы, Лебедин свыше 1000 машин, в том числе от Конотопа на Ромны – 270, от Ромн на Сумы – 350 и от Галича на Межеричи – 240 автомашин. К рубежу Ахтырка, Опошня за день из глубины подошло до 300 автомашин и 40 танков и в обратном направлении – до 700 автомашин.

Вывод: противник усиливает свою ахтырскую группировку, стягивая в этот район войска с других фронтов. Активными действиями в районе юго-вост. Ахтырки противник стремится развить успех вдоль р. Мерла в направлении на Богодухов.

Второе. 38-я армия – 20.8 частями левого фланга вела бой за полное очищение вост. берега р. Псел.

За день боя частями армии заняты Васильевка, Замостье, Пришиб, Жовтневый, Басы, и к исходу дня шел бой за Барановку.

38 сд частью сил переправилась на западный берег р. Псел и вела бой в районе больницы на вост. окраине Сум. Наблюдением отмечены сильные взрывы и большие очаги пожаров в Сумах.

В районе Замостья захвачено свыше 50 пленных, 2 орудия, автомашина, мотоцикл, 60 велосипедов, 30 винтовок, 20 автоматов и большое количество боеприпасов.

В период с 8 по 19.8 частями армии захвачено 102 пленных и трофеи: винтовок – 218, пулеметов – 99, орудий – 27.

40-я армия. За день боя частями правого фланга (237, 309 и 161 сд) продвинулись на 25 км и на участке Пашков, Селище вышли к р. Псел.

2 тк частями 99 тбр и 58 мсбр овладел Веприком, где перешел к обороне, 26 тбр овладела Московским Бобриком.

На левом фланге части армии овладели [населенными пунктами] Олешня, Поповка, ст. Ивановка.

47-я армия. За день боя продвинулась на 12 км и, отразив неоднократные контратаки противника силою до 10-15 танков из района Рассоховатый, Мартыновка, к исходу дня вышла на рубеж Боровенька, Семеновка, Березовый, Рассоховатый, Мартыновка.

3 [гв.] мк – в районе Рассоховатого.

10 тк к исходу дня вышел на рубеж выс. 201,0, выс. 190,9 и одной бригадой Олешня.

27-я армия. В течение дня вела бои на уничтожение ахтырской группировки противника.

На правом фланге части 155 сд овладели Климентовом и вели бой в лесу южнее.

147 сд, встречая упорное сопротивление противника, вела бой в 3-4 км Южнее Вербового, Высокого.

166 сд и 93 тбр из района Хухри отводятся в район свх. Пионер, где и переходят к обороне.

4-я гв. армия, ведя бой с ахтырской группировкой противника и двумя дивизиями к исходу дня достигла рубежа выс. 161,0, выс. 167,1, Опытная Станция, роща вост. Мойки.

Частями 5 гв. сд окружен гарнизон противника в Каплуновке (12 танков и до двух рот автоматчиков).

3 [гв.] тк в 18.30 перешел в атаку в направлении свх. «Ударник» и к исходу дня вел бой совместно с пехотой 7 гв. сд на участке выс. 161,0, выс. 167,1.

1 ТА – частями 6-го танкового, 3-го механизированного корпусов и одной танковой бригадой 31 тк к исходу дня вела бой совместно с частями 4 гв. А за свх. «Ударник». Армия понесла большие потери в технике.

6-я гв. армия – частями правого фланга вела напряженные бои с наступающим противником.

К исходу 20.8 4 [гв.] тк и 51 гв. сд сдерживали противника на рубеже выс. 166,7, выс. 162,8, выс. 150,2, южн. окр. Любовки.

241 сд в первой половине дня отразила атаку пр[отивни]ка силою до роты пехоты, переправившейся на сев. берег р. Мерла в районе Олейниково.

5 гв. тк совместно с полком 241 сд вели бой с пр[отивни] ком на рубеже Горковец, роща сев, -вост. Пархомовки, юго-восточная и юго-западная окраины Пархомовки.

Положение остальных войск армии – без изменений.

5-я гв. армия – частями 9 гв. сд овладела Двуречным Кутком и вела бой за Ольшаны с востока. На остальном фронте войска армии отражали разведгруппы противника на прежних рубежах.

2-я воздушная армия. Произведено 638 самолето-вылетов.

Уничтожено 8 танков, 192 автомашины, подавлен огонь 13 арт. батарей, взорвано 4 склада боеприпасов, создано 7 взрывов, 24 очага пожара.

Проведено 20 воздушных боев, сбито 14 самолетов противника.

Потери: 21 самолет не вернулся с боевого задания.

Третье. Задачи армий фронта передаются в копии директивой для армий.

Командующий Войсками Воронежского Фронта

Генерал Армии Ватутин

Член Военного Совета Воронежского Фронта

Генерал-лейтенант Корниец

Начальник Штаба Воронежского Фронта

Генерал-лейтенант Иванов

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 431. Л. 359-362.

№ 17

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА № 00379 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ

23 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

Первое. В течение 23.8 противник на зеньковском направлении контратаками пехоты и танков сдерживал наступление частей центра и левого фланга 47-й армии; на других участках мелкими подразделениями пехоты вел боевую разведку.

Захватом пленных в районе Ивановка, Пархомовка установлен выход в первую линию частей 10 мд.

По показаниям пленных, в районе Валков сосредоточиваются части тд СС «Принц Евгений» (данные требуют проверки).

Авиаразведкой в течение дня отмечено выдвижение из районов Ромн, Белополья, Гадяча к рубежу Сумы, Межеричи (сев. Лебедина) свыше 250 автомашин и 20 танков, из районов Лохвицы, Миргорода, Кременчуга, Полтавы к рубежу Гадяч, Ахтырка, Опошня – до 1000 автомашин, 125 танков и 35 орудий, в том числе от Лохвицы на Гадяч 200 автомашин и 90 танков и из Полтавы на Опошню двумя колоннами 70 автомашин, 20 танков и 35 орудий.

Из районов Полтавы, Краснограда к рубежу Колонтаев, Ковяги проследовало свыше 500 автомашин и до 100 танков, из них от Полтавы на Колонтаев до 25 танков и на Валки до 200 автомашин с 50 танками. От линии фронта в глубину отмечено движение по всем дорогам мелких колонн автотранспорта.

Вывод: противник усиливает свою группировку новыми дивизиями, переброшенными с других участков фронта и из тыла, одновременно продолжает подбрасывать пополнение действующим частям. Основную массу пополнения направляет к рубежу Гадяч, Ахтырка, Опошня.

Второе. Войска правого крыла фронта (38-й и 40-й армий) обороняли прежние рубежи по восточному берегу р. Псел, имея плацдарм в районе Жовтневого и Дзержинского. Армии вели разведку противника, на отдельных участках огневой бой и производили инженерные работы.

Противник активных действий не предпринимал, ограничиваясь короткими огневыми налетами.

2 тк – 99 тбр и 58 мсбр отражали контратаки противника в районе Тарасовки. 169 тбр овладела западной частью Камышей. 26 тбр в районе Гусарщина, Багуны.

47-я армия в центре и на левом фланге вела напряженные бои с контратакующими частями противника.

За день боя на участке Аленина, Лантратовка отражено до 8 контратак силою до батальона пехоты с танками.

К исходу дня армия вела бои на рубеже Морозовщина, Гусаровщина, Карпилровка, Софиевка, Перепуг, Аленина и за Чухаховку, рощи сев. Н[овой] Постройки и на сев. окраине ст. Ивановка.

27-я армия. Войска армии обороняли прежние рубежи, совершенствуя их в инженерном отношении.

93 тбр выходила из окружения противника и, имея в составе 10 танков Т-34 и 3 танка Т-70, сосредоточилась в районе Старая Рябина.

4-я гв. армия. За истекший день в положении боевых порядков войск армии изменений не произошло.

3 гв. тк – в прежних районах. Его 2 гв. мсбр в 18.00 внезапной для противника атакой овладела свх. «Ударник».

1 ТА вышла из боевых порядков и сосредоточилась:

6 тк и 1 и 3 мбр 3 мк в районе Каплуновка, Горковец. Остальные бригады корпусов – в прежних районах.

На левом фланге 6-я и 5-я гвардейские армии обороняли прежние рубежи. С рассветом 23.8 противник силою до батальона пехоты с 20 танками и 7 бронемашинами атакой из района юго-зап. части Любовки овладел отм. плюс 2,5 и 3,0 (на сев. окр. Любовки); последующей контратакой частей 51 гв. сд отброшен. При этом уничтожено 3 танка, 1 бронемашина и до 90 солдат и офицеров противника.

2-я воздушная армия. Произведено 433 самолето-вылета.

Уничтожено 11 танков, 51 автомашина, одно орудие, взорван 1 склад боеприпасов, 1 склад ГСМ, подавлен огонь арт. батареи, создано 10 взрывов и 30 очагов пожаров, рассеяно и частично уничтожено до роты пехоты противника.

Проведено 12 воздушных боев. Сбито 17 самолетов противника.

Потери: 9 самолетов не вернулись с боевого задания.

Третье. Задачи: 24.8 войска Воронежского фронта производят перегруппировку и готовятся к дальнейшему наступлению. На правом крыле упорно обороняются.

Командующий Войсками Воронежского Фронта

Генерал Армии Ватулин

Член Военного Совета Воронежского Фронта

Генерал-лейтенант Хрущев

Начальник Штаба Воронежского Фронта

Генерал-лейтенант Иванов

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 431. Л. 388-390.

**Документы Командования
Степной Фронт**

№ 1

**ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО
ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО РАЗГРОМУ ПРОРВАВШЕЙСЯ
ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА НА
ОБОЯНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ**

13 июля 1943 г.

В связи с создавшейся обстановкой на Воронежском фронте представляю на Ваше рассмотрение возможный план действий войск Степного фронта.

1. С целью нанесения удара во фланг и тыл прорвавшегося противника на обоянском направлении создать в районе Скородное, Короча ударную группу армий в составе 47, 53 и 52-й армий, 1, 3 гв. мк и 4 гв. тк. Этими силами, имея две армии в первом эшелоне, действовать с фронта Подольхи, Ломово в общем направлении вдоль р. Северский Донец на Белгород. Ближайшая задача – уничтожить прорвавшегося противника северо-восточнее Белгорода. Для развития наступления необходимо будет привлечь 27-ю и 4-ю гв. армии.

2. Необходимо усилить фронт двумя артиллерийскими дивизиями, шестью танковыми полками, двумя бригадами РСМ-30 и двумя бригадами РС[М]-13. Отпустить на операцию к имеющимся запасам 2 бк боеприпасов,

3. С учетом необходимой перегруппировки срок готовности определяю 19.7.1943 г.

4. После утверждения Вами настоящего предложения представляю план проведения операции.

КОНЕВ
СУСЛИКОВ
ЗАХАРОВ

ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2769. Д. 84. Л. 680.

№ 2
ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО
ФРОНТА ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ОТХОДЯЩЕГО ПРОТИВНИКА

19 июля 1943 г. 13 ч 00 мин

По данным авиации и боем устанавливается отход противника в южном и юго-западном направлении. Идет бой за Плоты и Александровку.

Решил немедленно ввести Соломатина и две сд Манагарова. Задача – стремительным ударом преследовать противника в направлении Шахово, Гостишево, Белгород, к исходу дня 20.7 перерезать шоссе Обоянь – Белгород в районе Ярик и выйти в район Ярик, Шопино, Гостишево.

Крюченкин В. Д. – преследует вдоль левого берега р. Сев [ерский] Донец на Белгород. Шумилов М. С. – Мясоведово, Старый Город.

Прошу утвердить.

СТЕПИН
АРХИПОВ
ВАСИН

ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 1–2.

№ 3
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
СТЕПНОГО ФРОНТА № 001 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ

19 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

1. Противник в течение суток, по данным авиаразведки, отводил танковые и моторизованные части в южном и юго-западном направлениях.

2. 69-я армия – с утра вела бои с целью воспреещения отхода противника. В результате боев части 48 ск овладели лесом Яр Зубова (1 км юго-вост. Плоты). Части 35 гв. ск в результате дневного боя овладели высотами 231,5, 241,5 и сев.-вост. частью

Александровки (по овраг). Дальнейшее продвижение было приостановлено частными контратаками противника.

3. 7-я гв. армия – вела бои разведывательного характера, оставаясь на занимаемых рубежах.

4. ВВС фронта – произвели 83 самолето-вылета на бомбардирование отходящих танковых, мото- и артиллерийских колонн, 13 самолето-вылетов на разведку.

КОНЕВ
СУСАЙКОВ
ЗАХАРОВ

ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 3, 4.

№ 4

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО ФРОНТА № 002 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О НАСТУПЛЕНИИ НА ПРАВОМ КРЫЛЕ ФРОНТА

20 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

1. Войска Степного фронта на правом крыле с 4.00 20.7.1943 г. перешли в наступление и в результате боев к исходу дня продвинулись на 8–12 км.

2. 53-я армия – 214-й и 233-й стрелковыми дивизиями к исходу дня, преодолевая сопротивление частей прикрытия противника, овладела Лесками, Малиновкой, вела бой за Волобуевку, Чурсино и Клейманово.

Противник оказывал сопротивление, переходя в неоднократные атаки на Шахово силами до роты пехоты с 6 танками. Два танка подбиты. Контратака из Лесков 18 танками была отбита с потерями для противника.

3. 69-я армия – в результате боев овладела Ржавцем, Кураковкой, Стрельниковом, Казачьим и вела бой на рубеже южн. окр. Стрельников, сев. окр. Ново-Оскочное, лес 1 км зап. Казачье, Верхний Ольшанец, Яр Орлов, Яр Свищев.

Противник до батальона пехоты при поддержке 4 танков контратаковывал с направления Верхнего Ольшанца на Казачье.

Контратаки были отбиты с большими потерями для противника.

4. 7-я гв. армия – в течение дня вела бои на прежних рубежах.

5. За день взяты пленные от частей 19 тд, 417 пп 198 пд и 308 пп 198 пд и б тд.

Противник при отходе угоняет все население и скот. Применяет в большом количестве минирование дорог и населенных пунктов.

6. ВВС фронта – произвели до 170 самолето-вылетов на бомбардировку колонн и позиций противника.

7. Решил продолжать выполнение задачи.

СТЕПИН
АРХИПОВ
ВАСИН

ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 5–6.

№ 5
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
СТЕПНОГО ФРОНТА № 005 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

23 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

1. Войска Степного фронта в течение дня 23.7 продолжали наступление, продвинулись на 2–5 км и после упорных боев овладели 8 населенными пунктами.

В боях захвачено 6 пленных, принадлежащих 167, 198 и 320 пд.

2. 53-я армия – после ожесточенных боев прорвала оборону противника и овладела вые. 209,5, Вислое.

3. 69-я армия – в течение дня вела упорные бои за Мелихово, переходящее из рук в руки, и к исходу дня 23.7 ведет бой на рубеже сев. окр. Хохлово, вые. 217,4 (сев. Дальняя Игуменка), вые. 500 м юго-зап. Мелихово. К 22.00 овладела Мелихово и рощей южнее.

4. 7-я гв. армия – в течение дня с боями овладела Разумное, раз. Разумное, Дорогобужино, Ниж[ний] Ольшанец, Карнаухова, Маслова Пристань, Приютовка и ведет бой на рубеже р.

Разумная, полностью восстановив свой прежний оборонительный рубеж по р. Сев [ерский] Донец от устья р. Разумная.

5. ВВС фронта – в течение 23.7 произвели 185 самолето-вылетов по боевым порядкам и скоплениям войск противника.

6. Армии с утра 24.7.1943 г. продолжают наступление.

СТЕПИН
АРХИПОВ
ВАСИН

ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. II, 12.

№ 6
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
СТЕПНОГО ФРОНТА № 0013 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
НА р. СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ

30 июля 1943 г. 24 ч 00 мин

1. Войска Степного фронта с 16.00 30.7 возобновили наступление на правом крыле и после ожесточенного боя овладели районом выс. 244,7 и восточной опушкой большого леса западнее Вислого.

В центре и левом крыле, отразив две атаки противника у Соломино силой – рота пехоты с танками, занимают прежние рубежи.

В боях уничтожено до 600 солдат и офицеров противника, захвачено 7 пленных, из которых 4 принадлежат 320 пд. Сбито 2 самолета.

2. 53-я армия – в 16.00 частью сил возобновила наступление и после упорного сопротивления противника захватила высоту 244,7 и отдельными подразделениями ворвалась на восточную опушку большого леса зап. Киселево, к исходу дня вела бой на рубеже выс. 244,7, дорога из Вислого на клх. «Смело к труду», сев. часть Вислого, вост. опушки большого леса зап. Вислого.

3. 69-я армия – в 16.00 107 сд перешла в наступление и, преодолев с боями рубеж р. Сев[ерский] Донец, к исходу дня вела бой на рубеже вост. выступ леса, юго-зап. Киселеве и далее по зап. берегу р. Сев [ерский] Донец до сев. окр. Жеронавловки. Противник неоднократно переходил силами до батальона в контратаки.

4. 7-я гв. армия, отразив в течение 30.7 две атаки противника у Соломине силою до батальона пехоты с 10 танками, занимает прежнее положение.

5. ВВС фронта – 30.7 произвели 54 самолето-вылета. Уничтожено 2 танка, 3 полевых орудия, 6 автомашин, взорван склад с боеприпасами, бомбежкой вызвано 7 больших пожаров.

6. Степин – в войсках 53 А.

СТЕПИН
АРХИПОВ
ВАСИН

ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 28–29.

№ 7

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА СТЕПНОГО ФРОНТА № 0016 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ

2 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

1. Войска Степного фронта в течение 2.8 занимали прежнее положение, вели разведку и на левом фланге частью сил отражали упорные атаки противника силою [до] пехотного полка с 8 танками, стремившегося отбросить наши части с западного берега р. Северский Донец.

В боях захвачено 5 пленных, принадлежащих 106-й пд. Зенитным огнем сбито 2 самолета противника.

2. 53-я и 69-я армии – занимали прежнее положение и вели разведку. На ряде участков противник производил налеты по расположению наших войск.

7-я гв. армия – удерживая занимаемые рубежи, с рассвета 2.8 отражала частями 24 гв. ск неоднократные атаки противника силою [до] пехотного полка с 8 танками при поддержке боевой авиации и до 20 артиллерийских и минометных батарей на участке Соломине, Пуляевка, стремившегося выбить наши части с зап. берега р. Северский Донец.

3. Авиация противника группами 3–25 самолетов бомбила боевые порядки войск и переправы.

Атаки противника отбиты. Части удерживают прежнее рубежи.

4. ВВС фронта – произвели 34 самолето-вылета на штурмовку и разведку боевых порядков противника. В воздушных боях сбито 2 самолета противника.

5. Степин и Архипов – в войсках 53-й армии.

ВАСИН

ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 32, 33.

№ 8

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО ФРОНТА № 0017 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПРОРЫВЕ ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА

3 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

1. Войска Степного фронта – 53-я и правый фланг 69-й армии, начав артнаступление в 5.00 З.8.1943 г., в 7.55 атаковали противника на фронте сев. окр. леса Журавлиный, сев. окр. Вислое, сев. опушка леса ур. Ямская Дача и пехотными частями прорвали оборону по фронту 12 км на глубину 6-9 км, вышли к 20.00 З.8.1943 г. на рубеж отм. 203,8, 209,6, сар. (все юж., юго-зап. и вост. Ерика), Яр Стадника, Яр Глубокое, сев. окр. Шонино, отм. 137,1, обтекая лес ур. Ямская Дача с запада через отметку 200,8; 1 мк передовыми частями вышел на глубину до 16 км к сев. окр. Казацкое, Стрелецкое, имея главные силы в районе леса 2 км южн. Ерика.

Прорыв прошел организованно и был для противника, по показаниям пленных, полной внезапностью. Противник оставил на поле боя большое количество трупов, материальной части.

Попытки противника на отдельных участках прорыва организовать контратаки с вводом танков, в том числе типа «тигр», были решительно отбиты,

В боях взято 105 пленных солдат и офицеров. 167 пд, на которую обрушился наш удар, почти полностью разбита, а 168 пд понесла большие потери. Заняты пункты Журавлиный, Редин, клх. «Смело к труду», Гремучий, Гонки, Вислое, Калинин, Терновка, Ерик.

2. 53-я армия – силами 252, 28 гв. и 116 сд в 7.55 атаковала противника и, прорвав его оборону, преодолевая сопротивление и минные поля, отражая контратаки, вышла на фронт отм. 218,0,

что 2,5 км южн. Гремучий, Ерик, сар. (1,5 км вост. Ерик). В боях захвачено 93 пленных, принадлежащих 167 пд, сбито 3 самолета.

3. 69-я армия – силами 305, 375 сд, 85 гв. сд и 183 сд в 7.55 атаковала противника и прорвала его оборону и, отражая неоднократно контратаки противника из района Шонино, к исходу дня вышла на фронт Яр Ставница, отм. 198,3, Яр Глубокое, отм. 137,1 и вела бой за Шонино. В боях взято 10 пленных.

4. 7-я гв. армия – попытки противника отбросить наши части с западного берега р. Северский Донец на участке Соломинка, Пуляевка были отбиты. На остальных участках фронта противник активности не проявлял. Огнем зенитной артиллерии сбито 2 самолета Ю-88. По уточненным данным – на 2.8 З А сбито 6 самолетов.

5. ВВС фронта – за 3.8 произвели 1087 самолето-вылетов, из них: на штурмовку – 373, бомбометание – 250, сопровождение – 291, прикрытие войск – 138, разведку – 31.

По предварительным данным, уничтожено 70 танков, 200 автомашин, 5 бензоцистерн, взорвано 15 складов с боеприпасами и горючим, подавлено 12 полевых и 16 зенитных батарей, проведено 22 воздушных боя, сбито 25 самолетов противника.

Наши потери: 2 Ил, 1 Пе-2, 3 Як-1, не вернулся 21 самолет.

Противник – сделано до 250 самолето-пролетов.

СТЕПИН
АРХИПОВ
ВАСИН

ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 34–36.

№ 9

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО ФРОНТА № 0019 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ БЕЛГОРОДА

5 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

1. Войска Степного фронта с утра 5.8.1943 г. продолжали наступление в вели штурм гор[ода] Белгород. На фронте 53-й армии велись ожесточенные бои за овладение опорными про-

тивотанковыми районами Казацкого, Стрелецкого, Болховца, удерживавшимися частями б тд и 168 пд.

В результате ожесточенных боев и решительным штурмом к 18.00 5.8. 1943 г. взяли гор [од] Белгород. Идет бой за уничтожение оставшихся групп противника в западной части города. Противник в боях за гор [од] Белгород потерял только одними убитыми до 3200 человек. В городе взяты склады боеприпасов, инженерного имущества. Количество трофеев подсчитывается.

За день войска продвинулись на 10–12 км и заняли 14 населенных пунктов: Покровку, Ячнев Колодезь, Гриневку, Оскочное, Михайловку, свх. ТТП, свх. Кашарский, Болховец, Стрелецкое (северное). Стрелецкое (южное), Казацкое, Пушкарное (южное), Архангельское, Водяное.

Взято пленных 187 человек, принадлежащих б тд, 168 и 198 пд.

2. 53-я армия – с утра вела бой за опорные и противотанковые районы Стрелецкого, Казацкого и Болховца. В результате напряженных боев противник был из этих районов выбит и части армии к исходу дня вышли на фронт Водяное, клх., отм. 210,2, 198,8, 213,5.

1 мк – передовыми отрядами 35, 37 и 19 мбр перерезал жел. дорогу и шоссе Белгород – Харьков в районе сев. окраины Грязного и южн. части Красного.

Противник в течение дня произвел на боевые порядки 53-й армии, и особенно 1 мк, до 200 самолето-налетов.

3. 69-я армия – с утра в ожесточенных боях преодолев сильную оборонительную полосу противника на линии Оскочное, Ячнев Колодезь, Покровка – решительным штурмом к 18.00 овладела городом Белгород и вела бои по уничтожению отдельных опорных пунктов на зап. окр. Белгорода. 305 сд к исходу дня передовыми частями ворвалась в северную часть Красного.

4. 7-я гв. армия – овладела Михайловкой и во второй половине дня вела бой за расширение плацдарма на зап. берегу р. Сев[ерский] Донец, в районе Ниж[ний] Ольшанец и Топлинка, особого успеха не имела.

На участке армии противник произвел 84 самолето-пролета. Сбито огнем ЗА – 4 самолета и 1 самолет в воздушном бою.

5. ВВС фронта произвели 630 самолето-вылетов на бомбардирование и штурмовку боевых порядков и техники противника.

В воздушных боях сбито 11 самолетов противника. Авиация противника за 5.8 произвела до 350 самолето-пролетов.

СПЕПИН
АРХИПОВ
ВАСИН

ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 41–43.

№ 10
ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО
ФРОНТА ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ ЗАМЫСЛА
ХАРЬКОВСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

5 августа 1943

Представляю соображения на проведение Харьковской операции.

1. Решение.

Главный удар трех армий нанести в направлении Микояновка, Казачья Лопань, Любатин.

Для обеспечения операции и взаимодействия с соседними фронтами необходимо:

а) Воронежскому фронту, наносящему удар в общем направлении на Полтаву, силами одной армии и одной танковой армии нанести удар в направлении Золочев, Старый Мерчик;

б) удар правого крыла Юго-Западного фронта включить в состав Степного фронта.

Состав армий Степного фронта:

53, 69, 7-я гв. армии, одна армия правого крыла Юго-Западного фронта и одна армия для второго эшелона (желательно, 4-ю гв. армию). Всего пять армий.

2. Дополнительно в состав фронта включить:

а) два механизированных и два танковых корпуса, всего будет три механизированных и два танковых корпуса;

б) 8 иптаповских полков, особенно 107-мм и 122-мм калибра;

в) 6 полков РС М-13;

- г) 4 полка самоходной артиллерии;
- д) 2 штурмовые инженерные бригады.

Усилить ВВС фронта 1 штурмовым и 1 истребительным корпусами.

3. Для восстановления войск необходимо:

а) вывести пять дивизий 69-й армии в резерв фронта в район Белгорода для доукомплектования;

б) дать 25 000 чел. пополнения для укрепления дивизий 53-й, 7-й гв. армий;

в) дать для доукомплектования танковых полков, танковых бригад и 1 мк танков Т-34 – 250, Т-70 – 120 и КВ – 35 шт.

4. Усилить фронт ввиду большой растяжки тыла – пятью бортовыми и двумя наливными автобатами.

5. Приложение: Карта 200 000 масштаба.

КОНЕВ
ЗАХАРОВ

ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 243. Л. 1–2.

№ 11

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО ФРОНТА № 0024 ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ХОДЕ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

12 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

1. Войска Степного фронта с утра 12.8.1943 г. продолжали наступление.

Противник, пополнив свои разбитые части маршевым пополнением, усилив воздействие авиацией и контратаками, упорно сдерживал наше продвижение.

За день боя на отдельных участках войска продвинулись на 3–6 км и заняли 16 населенных пунктов. Захвачено пленных – 259, принадлежащих 3 тд, 198, 168, 320, 282 пд и 39 лпд, орудий – 35, пулеметов ручных и станковых – 44, минометов – 10, в том числе 3 шестиствольных, велосипедов – 119, лошадей – 40, 13 складов с боеприпасами, продовольствием и инженерным имуществом.

Кроме этого 11.8 при взятии гор. Чугуев захвачено паровозов – 2, вагонов – 20, 4 склада с боеприпасами.

2. 5-я гв. танк[овая] армия – с 12.30 12.8 вела бой с мотопехотой и танками противника (до 70 танков), при массивной поддержке авиации (группы 30–60 самолетов), прорвавшего фронт 13 гв. сд 5-й гв. армии и захватившего Крисино, Сухины, Кияны. Задержав дальнейшее продвижение противника и уничтожив 16 танков противника, части 5-й гв. танк[овой] армии к исходу дня вели бой на рубеже:

18 тк – Козлинки, перекресток дорог, что сев.-зап. Кияны;

29 тк – ст. Гавриши, выс. 195,5;

5 [гв.] мк – выс. 201,1, выс. 185,0, жел [езнодорожная] будка южн. хут. Семенов, выс. 183,2 и далее по дороге Лозовая – Крисино;

12 гв. мбр и 24 гв. тбр – резервы командарма – сосредоточены в лесу, питомник хут. Слеты, что сев. Богодухова;

53-я армия с 1 мк – в течение дня вела упорный бой и, продвинувшись на правом фланге на 2–3 км, вела бой в сев. части Дергачей и центре Алексеевки;

69-я армия – с утра отражала контратаки противника на Циркуны; к исходу дня вела бой на подступах [к] Большой Даниловке. На остальном фронте занимала прежнее положение.

7-я гв. армия – [к] исходу дня вела бой за Бобров, Байрак, Прелестный, отм. 198,5;

57-я армия – преодолев противотанковый район Приволье, Сороковка, овладела хут. Усы, свх. Степанки и вела бой на подступах [к] Рогань, отм. 168,3 и за Ново-Покровское;

ВВС фронта – произвели 356 самолето-вылетов. В воздушных боях сбито 6 Ме-109.

Авиация противника произвела за день до 750 самолето-пролетов.

СТЕПИН
АРХИПОВ
ВАСИН

ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 56–58.

№ 12
ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СТЕПНОГО
ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ХАРЬКОВА

23 августа 1943 г. 12 ч 30 мин

В результате прорыва 53 А и 5 гв. ТА фронта противника, его двух сильно развитых оборонительных полос, заранее подготовленных, с развитой системой траншей, колючей проволокой, противотанковыми рвами и эскарпами на линии Пересечная, Синелицевка и второго рубежа на линии Ста-р[ый] Люботин, Коротич и удара 57-й армией на хорошевском направлении к исходу дня 22.8 правое крыло фронта вышло в тыл города Харьков.

В связи с этим успехом мною 22.8 было приказано 69-й и 7-й гв. армиям с 22.00 23.8 перейти в решительный ночной штурм города Харьков. В результате ночных боев войска Степного фронта к 12.00 23.8 полностью овладели гор. Харьков.

В боях особо отличились 53-я армия, командарм 53 генерал-майор Манагаров, части 69-й армии – командарм генерал-лейтенант Крюченкин, части 7-й гв. армии – генерал-лейтенант Шумилов, части 57-й армии – генерал-лейтенант Гаген, части 5 гв. ТА – генерал-лейтенант танковых войск Ротмистров и 5 ВА – генерал-лейтенант авиации Горюнов.

КОНЕВ
СУСЛИКОВ
ЗАХАРОВ

ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 83–84.

№ 13
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
СТЕПНОГО ФРОНТА № 0035 ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ

23 августа 1943 г. 24 ч 00 мин

1. Войска Степного фронта после решительного ночного штурма к 12.00 23.8 полностью овладели городом Харьков, отбросив противника на южный берег р. Уды. На правом и левом

флангах продолжали вести упорные наступательные бои, отражали контратаки пехоты и танков противника и овладели Райеленовкой, Песочином (до центра) и Безлюдовкой.

За 23.8 войска фронта продвинулись на 5–17 км, заняв кроме города Харьков 59 населенных пунктов, в том числе 14 железнодорожных станций и разъездов.

2. 53-я армия с 1 мк – во взаимодействии с 5-й гв. танковой армией, прорвав оборону противника у Старого Люботина, Коротича, вела напряженные наступательные бои, отразив в течение дня неоднократные контратаки пехоты силою до батальона с 15–20 танками каждая с направлений Люботина и лесов юго-зап. Коротича. В районе Стар [ого] Люботина по документам установлено, что действует танковая дивизия СС «Райх» и 3 тд.

3. 5-я гв. танковая армия (18 тк и 5 гв. мк) в течение дня, отразив три контратаки пехоты и танков противника на Коротич, продолжала вести бои южнее и юго-вост. Коротича. Передовыми частями перерезала большак Харьков – Мерефа у Покотилówki.

4. 69-я и 7-я гв. армии – в результате ночного штурма и упорных боев в предместьях города к 12.00 23.8 полностью овладели городом Харьков и к исходу дня вышли на восточный берег р. Уды на участках:

а) 69-я армия – (иск.) Песочин, Елизаровка.

б) 7-я гв. армия – (иск.) Елизаровка, Жихорь и далее изгиб реки 1– $\frac{1}{2}$ км южнее Жихоря.

5. 57-я армия – на правом фланге овладела Безлюдовкой, в центре и на левом фланге отражала атаки противника силою до двух полков пехоты с 20–40 танками.

6. ВВС фронта – за 23.8 произвели 550 самолето-вылетов на штурмовку, бомбометание и разведку войск противника. В воздушных боях уничтожено 5 самолетов противника.

Авиация противника за день произвела до 250 самолето-пролетов.

СТЕПИН
АРХИПОВ
ВАСИН

ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 85, 86.

Уважаемый читатель! Вы познакомились с основными документами Верховного Главнокомандования, подписанными лично И. В. Сталиным, а также вкуче с кем-либо из членов Ставки или Генерального штаба Красной Армии. Все они были разработаны и приняты в процессе подготовки и проведения самого грандиозного сражения Второй мировой войны – Курской битвы. В эту главу не вошли документы, оформленные от имени Ставки. Однако не стоит считать, что к ним Сталин не имеет отношения.

Весьма трудно в приведённых документах о Курской битве найти хотя бы малейшие признаки незнания Сталиным обстановки на принимавших в ней участие фронтах, поверхностного руководства этим грандиозным сражением.

Они красноречиво показывают роль руководимой Сталиным Ставки Верховного Главнокомандования в деле её классического проведения, начиная от замысла и кончая последним днём сражения. Они также убедительно свидетельствуют: раскрывшийся в полной мере полководческий талант Сталина стал одной из основополагающих причин победоносного завершения битвы под Курском в 1943 году.

Однако будет правильным, если этот вывод, сделанный на основе многочисленных документов, я подкреплю воспоминаниями тех советских полководцев и военачальников, которые, творили эти документы и воплощали их в конкретные боевые дела, которые вместе с Верховным Главнокомандующим обеспечили нашу победу в сражении под названием Курская битва. Предлагаю, уважаемый читатель, познакомиться с содержанием третьей главы книги.

Глава третья

Полководцы и военачальники о роли И. В. Сталина в Курской битве

Документальному отображению роли И. В. Сталина в деле планирования, подготовки и руководства боевыми делами в ходе сражения под Курском вторят воспоминания тех военачальников, которым выпала честь принять непосредственное участие в этой грандиозной по своим масштабам и результатам битве Второй мировой войны. Прежде чем предоставить им слово, давайте воспроизведём здесь их славные имена

Полководцы и военачальники, принимавшие участие в Курской битве

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза **Сталин Иосиф Виссарионович**

Представители ставки Верховного главнокомандования
Маршал Советского Союза **Жуков Георгий Константинович**
Маршал Советского Союза **Василевский Александр Михайлович**

Командующие видами и родами Вооружённых Сил
Генерал-полковник бронетанковых войск **Федоренко Яков Николаевич**

Маршал артиллерии **Воронов Николай Николаевич**
Маршал авиации **Новиков Александр Александрович**
Генерал-полковник войск связи **Пересыпкин Иван Терентьевич**
Маршал авиации **Голованов Александр Евгеньевич**

Командующие фронтами

Центральный фронт – генерал-армии **Рокоссовский Константин Константинович**

Воронежский фронт – генерал-армии **Ватутин Николай Фёдорович**

Степной фронт – генерал-полковник **Конев Иван Степанович**

Западный фронт – генерал-полковник **Соколовский Василий Данилович**

Брянский фронт – генерал-полковник **Петров Маркиан Михайлович**

Командующие общевойсковыми армиями

- 4-я гв. – Кулик Григорий Иванович
- 5-я гв. – Жадов Алексей Семёнович
- 6-я гв. – Чистяков Иван Михайлович
- 7-я гв. – Шумилов Михаил Степанович
- 11-я гв. – Баграмян Иван Христофорович
- 3-я – Горбатов Александр Васильевич
- 11-я – Федюнинский Иван Иванович
- 13-я – Пухов Николай Павлович
- 27-я – Трофименко Сергей Георгиевич
- 38-я – Чибисов Николай Евлампиевич
- 40-я – Москаленко Кирилл Семёнович
- 47-я – Козлов Пётр Михайлович
- 48-я – Романенко Прокофий Логвинович
- 50-я – Болдин Иван Васильевич
- 53-я – Манагаров Иван Мефодьевич
- 57-я – Гаген Николай Александрович
- 60-я – Черняховский Иван Дмитриевич
- 61-я – Белов Павел Алексеевич
- 63-я – Колпакчи Владимир Яковлевич
- 65-я – Батов Павел Иванович
- 69-я – Крюченкин Василий Дмитриевич
- 70-я – Галанин Иван Васильевич

Командующие танковыми армиями

- 1-я – Катуков Михаил Ефимович
- 2-я – Родин Алексей Григорьевич
- 3-я – Рыбалко Павел Семёнович
- 4-я – Баданов Василий Михайлович
- 5-я гв. – Ротмистров Павел Алексеевич

Командующие воздушными армиями

- 1-я – Хрюкни Тимофей Тимофеевич
- 2-я – Красовский Степан Акимович
- 5-я – Горюнов Сергей Кондратьевич
- 15-я – Науменко Николай Фёдорович
- 18-я – Руденко Степан Игнатьевич
- 17-я – Судец Владимир Александрович

К сожалению не все из перечисленных полководцев и военачальников оставили свои воспоминания о Великой Отечественной войне, а, следовательно, и о Курской битве. Особенно это замечание относится к командующим общевойсковыми и танковыми армиями. Но даже того, что здесь будет воспроизведено вполне достаточно, чтобы убедиться: Верховный Главнокомандующий Красной Армии, Маршал Советского Союза И. В. Сталин руководил сражением в районе Курска непрерывно, грамотно, со знанием дела и эффективно. Именно он стал генератором коллективного разума Ставки, Генштаба и командующих фронтами на всех этапах этого сражения.

Итак, я вновь продолжу знакомить читателей с воспоминаниями советских полководцев и военачальников, в которых дана оценка руководящей роли Сталина в процессе подготовки и проведения Курской битвы. Будет правильным, если первому дать слово самому Верховному Главнокомандующему. Вот его мнение о Курской битве.

И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». – М., 1953.

«Что касается битвы под Курском, то она окончилась разгромом двух основных наступающих групп немецко-фашистских войск и переходом наших войск в контрнаступление, превратившееся потом в мощное летнее наступление Красной Армии.

Битва под Курском началась наступлением немцев на Курск с севера и юга. Это была последняя попытка немцев осуществить большое летнее наступление и в случае её успеха наверстать потерянное. Наступление окончилось, как известно, провалом. Красная Армия не только отбила наступление немцев, но сама перешла в наступление и рядом последовательных ударов в течение летнего периода отбросила немецко-фашистские войска за Днепр.

Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой» (113 – 114).

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2. – М., 1974.

«10 апреля мне позвонил в Бобрышево Верховный и приказал 11 апреля прибыть в Москву для обсуждения плана летней кампании 1943 года, и в частности по Курской дуге. Поздно вечером 11 апреля я вернулся в Москву. А. М. Василевский сказал, что И. В. Сталин дал указание к вечеру 12 апреля подготовить карту обстановки, необходимые расчёты и предложения...

Вечером 12 апреля мы с А. М. Василевским и А. И. Антоновым выехали в Ставку. Верховный, пожалуй, как никогда, внимательно выслушал наши соображения. Он согласился с тем, чтобы главные усилия сосредоточить в районе Курска, но по-прежнему опасался за московское направление.

Обсуждая в Ставке Верховного Главнокомандования план действий наших войск, мы пришли к выводу о необходимости

построить прочную, глубоко эшелонированную оборону на всех важнейших направлениях, и в первую очередь в районе Курской дуги. В связи с этим командующим фронтами были даны надлежащие указания. Войска начали зарываться глубже в землю. Формируемые и подготавливаемые стратегические резервы Ставки было решено пока в дело не вводить, сосредоточивая их ближе к наиболее опасным районам.

Таким образом, уже в середине апреля Ставкой было принято предварительное решение о преднамеренной обороне. Правда, к этому вопросу мы возвращались неоднократно, а окончательное решение о преднамеренной обороне было принято Ставкой в начале июня 1943 года...

Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, а сугубо преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его» (148 – 149).

«В первой половине мая я вернулся в Ставку из войск Северо-Кавказского фронта. В это время в Генеральном штабе в основном заканчивалось планирование летней кампании. Ставка провела тщательную агентурную и воздушную разведку, которая достоверно установила, что главные потоки войск и военных грузов противника идут в район Орла, Кром, Брянска, Харькова, Краснограда, Полтавы. Это подтверждало наши апрельские предположения. В Ставке и Генеральном штабе укреплялось мнение о возможном переходе немецких войск в наступление в ближайшие же дни.

Верховный Главнокомандующий потребовал предупредить Центральный, Брянский, Воронежский и Юго-Западный фронты о том, чтобы войска фронтов были в полной готовности встретить наступление. По его указанию была отдана директива Ставки за № 30123, в которой предусматривались возможные активные действия противника. Для срыва ожидаемого наступления готовилась авиационная и артиллерийская контрподготовка...

Несколько иначе смотрел на складывавшуюся ситуацию генерал армии Н. Ф. Ватулин. Не отрицая оборонительных ме-

роприятий, он предлагал Верховному нанести противнику упреждающий удар по его белгород-харьковской группировке. В этом его полностью поддерживал член Военного совета Н. С. Хрущёв.

Начальник Генерального штаба А. М. Василевский, А. И. Антонов и другие работники Генштаба не разделяли это предложение Военного совета Воронежского фронта. Я полностью был согласен с мнением Генерального штаба. О чём я доложил И. В. Сталину.

Верховный сам всё ещё колебался – встретить ли противника обороной наших войск или нанести упреждающий удар. И. В. Сталин опасался, что наша оборона может не выдержать удара немецких войск, как не раз это было в 1941 и 1942 годах. В то же время он не был уверен в том, что наши войска в состоянии разгромить противника своими наступательными действиями.

После многократных обсуждений Верховный решил встретить наступление немцев огнём всех видов глубоко эшелонированной обороны, мощными ударами авиации и контрударами оперативных и стратегических резервов. Затем, измотав и обескровив врага, добить его мощным контрнаступлением на белгородско-харьковском и орловском направлениях, после чего провести глубокие наступательные операции на всех важнейших направлениях» (154 – 156).

«В третьем часу утра К. К. Рокоссовскому позвонил командующий 13-й армией генерал Н. П. Пухов и доложил, что захваченный пленный сапёр 6-й пехотной дивизии сообщил о готовности немецких войск к переходу в наступление. Ориентировочно время называлось – 3 часа утра 5 июля. К. К. Рокоссовский спросил меня:

– Что будем делать? Докладывать в Ставку или дадим приказ на проведение контрподготовки?

– Время терять не будем, Константин Константинович. Отдавай приказ, как предусмотрено планом фронта и Ставки, а я сейчас позвоню Верховному и доложу о полученных данных и принятом решении.

Меня тут же соединили с Верховным. Он был в Ставке и только что кончил говорить с А. М. Василевским. Я доложил о полученных данных и принятом решении провести контрподготовку. И. В. Сталин одобрил решение и приказал чаще его информировать.

– Буду в Ставке ждать развития событий, – сказал он...

В 2 часа 30 минут, когда уже всю шла контрподготовка, позвонил Верховный.

– Ну как? Начали?

– Начали.

– Как ведёт себя противник?

Я доложил, что противник пытался отвечать на нашу контрподготовку отдельными батареями, но быстро замолк.

– Хорошо. Я ещё позвоню» (167 – 169).

«Последующие попытки прорвать оборону советских войск также не дали противнику положительных результатов. Так, до 10 июля, потеряв значительную часть танков, на которые Гитлер делал основную ставку, немецкие войска не смогли продвинуться вперёд.

Ещё в ходе описываемых сражений под утро 9 июля на командный пункт Центрального фронта мне позвонил И. В. Сталин и, ознакомившись с обстановкой, казал:

– Не пора ли вводить в дело Брянский фронт и левое крыло Западного фронта, как это было предусмотрено планом?

– Здесь, на участке Центрального фронта, противник уже не располагает силой, способной прорвать оборону наших войск, – ответил я. – Чтобы не дать ему времени на организацию обороны, к которой он вынужден будет перейти, следует немедленно переходить в наступление всеми силами Брянского фронта и левым крылом Западного фронта, без которых Центральный фронт не сможет успешно провести запланированное контрнаступление.

– Согласен. Выезжайте к Попову и вводите в дело Брянский фронт... Когда можно будет начать наступление Брянского фронта?

– Двенадцатого.

– Согласен» (172).

«В течение 12 июля на Воронежском фронте шла величайшая битва танкистов, артиллеристов, стрелков и лётчиков, особенно ожесточённая на прохоровском направлении, где наиболее успешно действовала 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерала П. А. Ротмистрова.

В тот день на командный пункт Брянского фронта мне позвонил Верховный и приказал срочно вылететь в район Прохоровки и принять на себя координацию действий Воронежского и Степного фронтов.

13 июля я прибыл на командный пункт Воронежского фронта, где находился также и командующий Степным фронтом генерал И. С. Конев. Вечером того же дня встретился на командном пункте 69-й армии с А. М. Василевским. Верховный Главнокомандующий поручил ему выехать на Юго-Западный фронт и организовать там наступательные действия, которые должны были начаться с переходом в контрнаступление Воронежского и Степного фронтов» (175 – 176).

«Войска Степного и Воронежского фронтов, выйдя 23 июля к переднему краю немецкой обороны, не могли сразу перейти в контрнаступление, хотя этого и требовал Верховный Главнокомандующий. Нужно было пополнить запасы горючего, боеприпасов и другие виды материально-технического обеспечения, организовать взаимодействие всех родов войск, тщательную разведку, произвести некоторую перегруппировку войск, особенно артиллерии и танков. По самым жёстким подсчётам, на всё это необходимо было минимум восемь суток.

Скрепя сердце, после многочисленных переговоров Верховный утвердил наше решение, так как иного выхода тогда не было.

Операция, как известно, планировалась на большую глубину, и она требовала тщательной подготовки и всестороннего обеспечения, в противном случае нас могла постигнуть неудача. Хорошо рассчитанная и подготовленная наступательная операция должна гарантировать не только успешное проведение прорыва тактической и оперативной глубины обороны противника, но и такое завершение наступления, которое обеспечит надлежащие условия для последующих наступательных действий.

Однако Верховный торопил нас с началом сражения. Мне и А. М. Василевскому стоило большого труда доказать ему необходимость не спешить с началом действий и начинать операцию только тогда, когда она будет всесторонне подготовлена и материально обеспечена. С нашими соображениями Верховный Главнокомандующий согласился.

После смерти И. В. Сталина появилась версия о том, что он единолично принимал военно-стратегические решения. С этим согласиться нельзя. Выше я уже говорил, что, если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений. Так было, в частности, с началом сроков многих операций» (179).

«Когда мы с А. И. Антоновым и А. М. Василевским докладывали Верховному о возможности окружения в районе Орла группировки противника, для чего надо было значительно усилить левое крыло Западного фронта, И. В. Сталин сказал:

– Наша задача скорее изгнать немцев с нашей территории, а окружать мы их будем, когда они станут послабее...

Мы не настояли на своём предложении, а зря! Надо было твёрже отстаивать свою точку зрения: наши войска тогда уже могли проводить операции на окружение и уничтожение» (192).

А. М. Василевский. Дело всей жизни. – М., 1974.

«Исходя из этой неправильной оценки, командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин просил у Ставки разрешения на стремительное наступление всеми силами фронта, чтобы окончательно разгромить противника между Северским Донцом и Днепром и выйти на Днепр ещё до начала весенней распутицы.

В ответ на это И. В. Сталин в переговорах с Н. Ф. Ватутиным в ночь на 11 февраля сказал следующее: пока Харьков не взят нашими войсками, вместо предлагаемой фронтом операции «Скачок» лучше было бы принять другой план – с ограничен-

ными задачами, но более реальный на данный момент. Общая задача фронта на ближайшее время – не допустить отхода противника в сторону Днепропетровска и Запорожья и силами всего фронта принять меры к тому, чтобы зажать донецкую группировку противника, оттеснив её в Крым, затем закупорить проходы через Перекоп и Сиваш и изолировать её таким образом от остальных вражеских войск на Украине. Операцию необходимо начать возможно скорее, а решение прислать в Генеральный штаб.

17 февраля, после освобождения Харькова, И. В. Сталин лично передал по телефону Н. Ф. Ватутину, что представленный им новый план фронтовой операции утверждён. Но Верховный просил учесть его замечания о задачах 6-й армии, сделанные ещё при переговорах об операции «Скачок». Речь шла о том, чтобы эта армия заняла Синельниково, а потом Запорожье и не дала войскам противника возможности отойти на западный берег Днепра через Днепропетровск и Запорожье. «Других задач, вроде выдвигания на Кременчуг, пока не давать шестой армии».

Таким образом, и Ставка и Генеральный штаб допускали ту же ошибку, что и командующие Юго-Западным и Воронежским фронтами: не ожидали наступательных операций врага, считая его здесь разбитым. Ставка не только согласилась с предложениями командующих по развитию дальнейшего наступления, но в своих директивах даже расширила планы фронтов. При этом Ставка никаких мероприятий по усилению их войск не предпринимала. В результате Юго-Западный фронт продолжал с боями продвигаться в западном и юго-западном направлениях, с каждым днём увеличивая ширину фронта наступления, к началу контрнаступления врага достигшую уже более 400 км. К тому же наши войска в результате непрерывных и длительных наступательных боёв несли большие потери в живой силе и технике и из-за чрезмерной удалённости от баз снабжения испытывали острый недостаток в боеприпасах.

Вражеский контрудар и быстрый отход войск правого крыла Юго-Западного фронта создали серьёзную угрозу левому

крылу Воронежского фронта, войска которого тоже были крайне ослаблены в наступательных боях, но всё ещё продолжали продвигаться в западном направлении.

В первых числах марта Верховный Главнокомандующий дал мне указание вернуться на Воронежский фронт. Командование и штаб фронта находились тогда в Белгороде. Посетив войска и штаб 3-й танковой армии, я убедился, сколь серьёзна сложившаяся обстановка и подробно доложил о ней Верховному. Он распорядился передать Воронежскому фронту группу войск П. С. Рыбалко из Юго-Западного фронта. Но этого оказалось недостаточно» (299 – 300).

«Советское командование оказалось перед дилеммой: наступать или обороняться? Были внимательнейшим образом проанализированы все возможности, изучены все варианты действий. Принять единственно правильное решение помог коллективный разум, творческий труд опытных, умудрённых двумя годами войны военачальников и штабов, от фронтовой ступени до Верховного Главнокомандования. Анализируя разведывательные данные о подготовке врага к наступлению, Генеральный штаб и Ставка постепенно склонялись к идее перехода к преднамеренной обороне. Этот вопрос в конце марта – начале апреля многократно обсуждался в ГКО и Ставке. Тщательно, со всех сторон обсуждали мы этот вопрос по телефону с заместителем Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуковым, который находился на Курской дуге, в войсках Воронежского фронта.

В результате 8 апреля Г. К. Жуков направил Верховному Главнокомандующему обстоятельный доклад с оценкой обстановки, в котором изложил соображения о плане действий в районе Курской дуги... Я как раз находился у И. В. Сталина, когда он получил этот доклад. Верховному было известно, что Генеральный штаб придерживается точки зрения Жукова. Прочитав доклад Жукова, Сталин сказал:

– Надо посоветоваться с командующими войсками фронтов, – и распорядился запросить мнение фронтов. Генштабу он поручил подготовить специальное совещание для обсуждения

плана летней кампании 1943 года. Н. Ф. Ватутину и К. К. Рокоссовскому он позвонил сам, просив их к 12 апреля представить соображения по оценке фронтовой обстановки и по плану предстоящих действий фронтов.

В своих донесениях командующие сообщали, что в соотношении сил противника и его намерений их мнение совпадает с мнением Г. К. Жукова и Генерального штаба. Что касается плана действий войск, командование и штаб Центрального фронта высказывались за то, чтобы объединёнными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку врага, пока она ещё не подготовилась к наступлению, и тем самым лишить противника возможности использовать её для нанесения удара через Ливны на Касторное одновременно с ударом от Белгорода. Руководство Воронежского фронта высказалось только по поводу намерений врага.

12 апреля вечером в Ставке состоялось совещание, на котором присутствовали И. В. Сталин, прибывший с Воронежского фронта Г. К. Жуков, я и заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов. Было принято предварительное решение о преднамеренной обороне. Сталина беспокоило, и он не скрывал этого, выдержат ли наши войска удар крупных масс фашистских танков. Однако шёл уже не 1941 год. Красная Армия закалилась в сражениях, приобрела огромный боевой опыт, имела отличное вооружение и прекрасную боевую технику. Теперь уже фашисты боялись нас. И колебания были отброшены. Тщательный анализ обстановки и предвидение развития событий позволили сделать правильный вывод: главные силы надо сосредоточить к северу и югу от Курска, обескровить здесь противника в оборонительном сражении, а затем перейти в контрнаступление и осуществить его разгром» (309 – 311).

«Верховный Главнокомандующий придавал операции «Кутузов» важное значение. В середине мая он дал мне указание выехать на Брянский и левое крыло Западного фронта, чтобы на месте проверить, правильно ли понимают войска постав-

ленные перед ними задачи и как идёт подготовка к их выполнению» (314).

«20 мая Генштаб, на основе вновь полученных данных о противнике, направил с разрешения Верховного Главнокомандующего фронтам предупреждение о том, что фашистское наступление ожидается не позднее 26 мая. После первого предупреждения, когда оно не подтвердилось, военный совет Воронежского фронта усмотрел в этом колебания, а быть может, и отказ врага от перехода в наступление и просил Верховного Главнокомандующего решить вопрос о целесообразности нанести противнику упреждающий удар. И. В. Сталин очень серьёзно заинтересовался этим предложением, и нам – Жукову, мне и Антонову – стоило некоторых усилий, чтобы убедить его не делать этого...

Из ежедневных переговоров с Верховным Главнокомандующим я видел, что беспокоен и он. Один раз он сообщил мне, что ему позвонил Ватутин и настаивает, чтобы не позднее первых чисел июля начать наше наступление; далее Сталин сказал, что считает это предложение заслуживающим самого серьёзного внимания; что он приказал Ватутину подготовить и доложить свои соображения по Воронежскому фронту в Ставку.

Мне же Верховный дал указание, во-первых, помочь Ватутину и, во-вторых, вызвать к себе командующего Юго-Западным фронтом Р. Я. Малиновского, чтобы тот, в свою очередь, разработал и представил в Ставку предложения по своему фронту. Сталин добавил, что собирается говорить по этому вопросу с Жуковым в отношении Центрального фронта К. К. Рокоссовского. Я ответил, что указания будут выполнены, и заметил, что для нас было бы гораздо выгоднее, если бы враг предупредил нас своим наступлением, которое, по всем данным, следует ожидать в ближайшее же время. В конце разговора Сталин сказал, чтобы я не позднее 22 июня прибыл в Москву...

В ночь на 2 июля поступившие в Генштаб от разведывательного управления данные говорили о том, что в ближайшие дни, во всяком случае не позднее 6 июля, переход врага в наступле-

ние на курском направлении неизбежен. Я тотчас доложил об этом Сталину и испросил разрешения немедленно предупредить фронты. Затем зачитал ему заранее заготовленный мною проект следующей директивы Ставки:

«По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3 – 6 июля. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений. 2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника. 3. Об отданных распоряжениях донести».

Ночью 2 июля Сталин утвердил текст директивы, и она была направлена командующим Западным, Брянским, Центральным, Воронежским, Юго-Западным и Южным фронтами. В тот же день я отправился на Воронежский фронт...

3 июля на Воронежском и Центральном фронтах прошло, как и все последние дни, спокойно. А с 16 часов 4 июля противник предпринял на широком участке Воронежского фронта боевую разведку примерно четырьмя батальонами, поддержанными 20 танками, артиллерией и авиацией (около 150 самолёто-вылетов). Все попытки врага вклиниться в наш передний край были отбиты. Захваченный в бою пленный, немец из 168-й пехотной дивизии, показал, что войскам розданы на руки сухой паёк, порции водки и что 5 июля они должны перейти в наступление.

Из телефонного разговора с Жуковым я узнал, что то же самое подтверждают немецкие перебежчики, перешедшие к нам 4 июля на Центральном фронте. Посоветовавшись с Ватутиным, мы решили в ночь на 5 июля провести предусмотренную планом артиллерийско-авиационную контрподготовку, которая, как выяснилось позднее, дала исключительный эффект. Противник, находившийся в исходном для наступления положении, понёс большие потери в живой силе и технике... Гитлеровцы с трудом смогли начать наступление вместо 3 часов утра 5 июля тремя часами позже. Так развернулось великое сражение на Курской дуге» (316 – 319).

«В значительной степени способствовал тому выигрыш нами крупного встречного танкового сражения южнее Прохоровки в 30 км от Белгорода. Мне довелось быть свидетелем этого поистине титанического поединка двух стальных армий (до 1200 танков и САУ), который произошёл на южном фланге Курской дуги 12 июля. Сохранился документ, который был направлен мною 14 июля из района боёв Верховному Главнокомандующему и по-своему может свидетельствовать о происшедшем.

«Согласно Вашим личным указаниям с вечера 9.VII.43 г. непрерывно нахожусь в войсках Ротмистрова и Жадова на прохоровском и южном направлениях. До сегодняшнего дня включительно противник продолжает на фронте Жадова и Ротмистрова массивные танковые атаки и контратаки против наступающих наших танковых частей. Ликвидация прорыва армии Крюченкина, создавшая 11.VII серьёзную угрозу тылам главных сил армии Ротмистрова и корпусу Жадова, потребовала выделения двух бригад из 5-го механизированного корпуса и отдельных частей Ротмистрова в район Шахово, Авдеевка, Александровская. Ликвидация же прорыва армии Жадова в районах Весёлый, Васильевка, Петровка 12.VII.43 г. вынудила бросить туда остальные части 5-го механизированного корпуса.

То и другое в значительной мере ослабило силы основного удара Ротмистрова со стороны Прохоровка в юго-западном направлении. По наблюдениям за ходом происходящих боёв и по показаниям пленных, делаю вывод, что противник, несмотря на огромные потери как в людских силах, так и особенно в танках и в авиации, всё же не отказывается от мысли прорваться на Обоянь и далее на Курск, добиваясь этого какой угодно ценой. Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковой бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танков противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате всё поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками.

В течение двух дней боёв 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60 % и 18-й корпус – до 30 % танков. Потери в 5-м механизированном корпусе незначительны. На завтра угроза прорыва танков противника с юга в район Шахово, Авдеевка, Александровка продолжает оставаться реальной. В течение ночи принимаю меры к тому, чтобы вывести сюда весь 5-й механизированный корпус, 32-ю мотобригаду и четыре полка ИПТАП. Учитывая крупные танковые силы противника на прохоровском направлении, здесь на 14. VII главным силам Ротмистрова совместно со стрелковым корпусом Жадова поставлена ограниченная задача – разгромить противника в районе Сторожевое, севернее Сторожевое, совхоз «Комсомолец», выйти на линию Грязное – Ясная Поляна и тем более прочно обеспечить прохоровское направление.

Не исключена здесь и завтра возможность встречного танкового сражения. Всего против Воронежского фронта продолжают действовать не менее одиннадцати танковых дивизий, систематически пополняемых танками. Опрошенные сегодня пленные показали, что 19-я танковая дивизия на сегодня имеет в строю около 70 танков, дивизия «Райх» до 100 танков, хотя последняя после 5. VII. 43. уже дважды пополнялась. Донесение задержал в связи с поздним прибытием с фронта. 2 ч. 47 м. 14. VII. 43. Из 5-й гвардейской танковой армии». (320 – 322).

К. К. Рокоссовский. Солдатский долг. – М., 1968.

Курский выступ

«Перед прощанием Сталин предупредил, что на меня возлагается новая задача, от успешного решения которой зависит многое. В Ставке Верховного Главнокомандования ознакомили с общим планом развития наступления на курском направлении. Ради этого и создавался новый фронт, который был назван Центральным...

Войскам нового фронта предстояло развернуться между Брянским и Воронежским фронтами, которые в это время продолжали наступление на курском и харьковском направлениях, и, взаимодействуя с Брянским фронтом, нанести глубокоохватывающий удар в общем направлении на Гомель, Смоленск, во фланг в тыл орловской группировке противника. Начало этой красивой по замыслу операции намечалось на 15 февраля. Но для того, чтобы её начать, надо было прежде всего сосредоточить войска, основная масса которых со своими тылами находилась в районе Сталинграда. Мои доводы о нереальности этого срока не убедили Ставку» (194).

«Не могу умолчать о нашем упущении в начале этой операции. Пospешность переброски войск в новый район помешала нам предварительно ознакомиться с местностью и одновременно с общевойсковыми соединениями передислоцировать дорожные части с их техникой, а также транспортные подразделения. Забыли об этом и высшие органы, планировавшие операцию вновь созданного фронта. Все стремились к одному – как можно быстрее собрать войска. В результате пребывавшие соединения оказывались в тяжёлом положении – без дорог, без транспорта...

Я доложил Сталину, что в таких условиях войска фронта не смогут справиться с задачей. После этого задача фронту была изменена. Теперь мы должны были нанести удар на север от Орла» (198).

«На нашем участке гитлеровцы сопротивлялись с всевозрастающим упорством. У нас сохранялась ещё надежда, что с вводом 21-й армии нам удастся хотя бы немного потеснить противника... В момент тяжёлых раздумий о перспективах наступления я получил приказание Ставки: срочно направить 21-ю армию в район Обояни в распоряжение командующего Воронежским фронтом. Оказывается, крупные неприятельские силы прорвались на харьковском и белгородском направлениях с угрозой продвижения на Курск.

Пришлось доложить в Ставку, что наше положение не улучшается, подход войск и тылов фронта затягивается, снабжение

войск материальными средствами наладить не удаётся, а враг значительно усилил свою группировку против войск фронта. С уходом 21-й армии соотношение сил будет и вовсе не в нашу пользу.

Мой доклад возымел действие. Во второй половине марта Ставка приняла решение о нецелесообразности продолжать наступление на Орёл. Это решение было правильным. Все мы воспрянули духом» (200 – 201).

Крах «Цитадели»

«Хочу ещё раз коснуться понятия «сработанность». Мне казалось, что с Черняховским каждому легко работать. Но вот член Военного совета армии А. И. Запорожец никак не мог найти с ним общий язык. Человек это был видный – старый большевик, герой гражданской войны. В своё время хорошо воевал. Но переменились времена, армия стала другой, а товарищ жил и работал по старинке. И начались у него стычки с молодым, растущим командармом. Как мы с К. Ф. Телегиным ни старались сгладить их отношения, ничего не вышло. Было видно, что это разные люди, дружной работы не получится. Пришлось доложить Верховному Главнокомандующему. Сталин выслушал, подумал немного и согласился:

– Да, их надо развести.

Через два дня Запорожец был отозван в Москву» (212).

«Несмотря на то, что противник нанёс удар огромной силы, ему в первый день боёв удалось только вклиниться в нашу оборону до 6- 8 километров. По имевшимся у нас данным можно было судить, что немецкое командование ещё не ввело в сражение всех сил своей главной группировки, и на следующий день нужно было ожидать новых мощных ударов.

В ночь на 6 июля я доложил Ставке обстановку. Верховный Главнокомандующий тут же сообщил мне, что для усиления фронта из его резерва передаётся 27-я армия под командованием генерал-лейтенанта С. Т. Трофименко. Это сообщение

сильно нас обрадовало. Для встречи армии были высланы офицеры штаба. Но радость оказалась преждевременной. Утром мы получили второе распоряжение: 27-ю армию, не задерживая, направить в распоряжение Воронежского фронта в связи с угрожающим положением в районе Обояни. И Ставка предупредила, чтобы мы рассчитывали вообще только на свои силы. При этом на нас возлагалась дополнительная задача – оборона Курска, в случае если противник прорвётся с юга, с участка Воронежского фронта.

– Имейте в виду, – сказал Сталин, – положение вашего левого соседа тяжёлое, противник оттуда может нанести удар в тыл наших войск.

Пришлось срочно изыскивать средства, чтобы подкрепить это направление» (219).

«Говоря об оборонительных боях войск Центрального фронта на Курской дуге, мне хочется оттенить некоторые характерные моменты. Прежде всего – роль представителя Ставки. Г. К. Жуков долго был на Центральном фронте в подготовительный период, вместе с ним мы решали принципиальные вопросы организации и ведения оборонительных действий и контрнаступления. Не без его помощи были удовлетворены тогда многие запросы, адресовавшиеся в Москву. А в самый канун битвы он опять прибыл к нам, детально ознакомился с обстановкой и утром 5 июля, в разгар развернувшегося уже сражения, доложил Сталину: командующий фронтом управляет войсками твёрдо, с задачей справится самостоятельно. Получив разрешение, Жуков тут же уехал» (225).

С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Т. 1. – М., 1968.

Перед Курской битвой

«8 апреля Г. К. Жуков, находившийся в то время на Воронежском фронте, писал Верховному Главнокомандующему:

«Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьём основную группировку противника».

А. М. Василевский разделял эту точку зрения.

И. В. Сталин своего мнения не высказал, а распорядился о созыве в Ставке 12 апреля специального совещания для обсуждения плана летней кампании. К этому сроку Генштаб обязан был выяснить соображения командующих фронтами относительно возможного характера действий и вероятного направления ударов немецко-фашистских войск. В данном случае Верховный изменил своему всегдашнему принципу – «не увлекаться прогнозами за противника». Обстановка требовала того» (151).

«Поскольку дело шло к окончательному перелому в ходе войны, советское Верховное Главнокомандование проявило повышенную заботу о своих стратегических резервах – их размещении, порядке применения. К идее создания специального резервного фронта Ставка обратилась ещё в начале марта, а 13 марта, как уже сказано, такой фронт был сформирован...

Ставка и Генеральный штаб не предполагали вводить их в дело на оборонительном этапе задуманной операции. Стратегическим резервам отводилась решающая роль при переходе в контр наступление. Однако И. В. Сталин считал, что на всякий случай Степной военной округ надо заранее поставить на центральном направлении в затылок действующим фронтам, имея в виду возможность использования его и для решения оборонительных задач. Если к тому вынудит обстановка» (156).

«Наша оборона не была, однако, пассивной. В предвидении наступления противника мы провели крупные воздушные операции. Первая из них длилась на протяжении целой недели – с 6 по 13 мая. В ней участвовала авиация Калининского, Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-За-

падного и Южного фронтов. Удары наносились главным образом по аэродромам, на которых базировались 4-й и 6-й воздушные флоты немцев. Одновременно решались и другие задачи, в частности дезорганизовалось движение на железных и автомобильных дорогах.

Первый массированный удар наших бомбардировщиков и штурмовиков застал противника врасплох и потому был очень эффективен: удалось уничтожить около 200 неприятельских самолётов при самых минимальных потерях с нашей стороны. Результаты повторных ударов оказались, конечно, скромнее, поскольку возросло противодействие. Тем не менее лишь за три дня (6 – 8 мая) противник потерял, по нашим данным, около 450 самолётов.

Вторая воздушная операция проводилась месяц спустя – с 8 по 10 июня. К ней привлекались силы только трёх воздушных армий – 1, 2 и 15-й, а также дальняя авиация. Цель была прежняя. Однако на этот раз внезапно не получилось, и операция в целом прошла менее успешно. Но в общем итоге за май и первую декаду июня потери противника в самолётах превышали цифру 700. А это являлось уже серьёзным ослаблением его ударной группировки.

Таким образом, термин «стратегическая пауза», часто употребляемый в литературе для характеристики этого периода, является весьма условным. Где же тут пауза, если мы наступали на Северном Кавказе и вели крупные воздушные операции?

Последние навели Генштаб и Ставку на некоторые важные выводы. Мы окончательно убедились, что уничтожение авиации противника на аэродромах возможно только при определённых условиях и полного достижения господства в воздухе немыслимо без больших воздушных сражений. Решающую роль в осуществлении этой задачи должна играть истребительная авиация. А положение у нас с истребителями продолжало оставаться трудным, их всё ещё не хватало. К тому же истребительная авиация была разбросана по всем фронтам и не могла быть использована массированно для завоевания господства в воздухе на важнейшем направлении.

Всё это было доложено И. В. Сталину вместе с некоторыми итогами грандиозного воздушного сражения на Кубани. Он немедленно созвал совещание компетентных лиц для выяснения наших возможностей по дальнейшему увеличению производства самолётов-истребителей и более рациональной организации истребительной авиации. Должен сказать, что плоды этого совещания мы пожали очень скоро: истребителей стало выпускаться больше, а главное использование их заметно улучшилось» (162 – 164).

«8 мая 1943 года по разным каналам в Генеральный штаб поступили сведения о том, что наступление противника на орловско-курском и белгородско-харьковском направлениях возможно 10 – 12 мая. Доложили об этом А. М. Василевскому, который в то время находился в Москве. Он уже имел указание от И. В. Сталина – дать предупреждение войскам, как только в том появится необходимость. Тотчас же в адрес командующих Брянским, Центральным, Воронежским и Юго-Западным фронтам была направлена следующая телеграмма: ...

Эту телеграмму тоже подписал А. М. Василевский, но перед своей поставил ещё и фамилию Сталина. Так практиковалось у нас в тех случаях, когда текст документа докладывался И. В. Сталину по телефону или содержание его было согласовано заблаговременно. В последнем случае Верховному Главнокомандующему докладывалась на утверждение копия при очередной нашей поездке в Ставку» (164 – 165).

«Истёк и июнь 1943 года. Наша оборона давно была готова к отражению удара противника. Завершалось уточнение последних деталей контрнаступления.

Сталин распорядился, чтобы Г. К. Жуков оставался на орловском направлении для координации действий Центрального, Брянского и Западного фронтов. Василевскому же было предложено направиться на Воронежский фронт.

И тут в Генеральный штаб опять (уже в третий раз) поступили данные о том, что противник наконец готов к активным действиям. В 2 часа 15 минут 2 июля Антонов доложил Сталину по

телефону написанное им третье предупреждение войскам. Оно гласило:

«По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3 – 6 июля. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений.

2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника».

Сталин утвердил текст без изменений. По его указанию копию этой телеграммы направили Г. К. Жукову, Н. Н. Воронову, А. А. Новикову и Я. Н. Федоренко.

Все были уверены, что уж теперь - то враг не отложит намеченного удара. И, как известно, на рассвете 5 июля немецко-фашистские войска действительно перешли в наступление» (168).

От Курска до Киева

«Наступление Брянского фронта развивалось относительно медленно, а через пять дней, 17 июля, на глубине в 22 километра у тылового рубежа по реке Олешня совсем затормозилось... Создалась угроза нарушения плана разгрома противника под Орлом. Чтобы преодолеть кризисное положение, Брянскому фронту нужна была помощь. Доложили И. В. Сталину. Он согласился передать туда 3-ю гвардейскую танковую армию, одобрил предложение Генштаба по части её задач. Тем не менее директива пока не отдавалась.

– Нужно узнать мнение командующего фронтом, – сказал Сталин и сам позвонил по телефону генералу М. М. Попову.

В разговоре с ним Верховный Главнокомандующий, оценивая положение под Орлом, подчеркнул, что важнейшей задачей Брянского фронта является разгром мценской группировки противника и выход 3-й общевойсковой армии А. В. Горбатова на реку Ока. Затем он сообщил своё решение о передаче

фронту 3-й гвардейской танковой армии, которая должна нарушить устойчивость обороны врага сначала в полосе наступления 3-й общевойсковой, а потом и 63-й армии В. Я. Колпакчи. Ввести танки Рыбалко в сражение Верховный рекомендовал как можно скорее, чтобы не дать врагу укрепиться. Но в то же время предостерег:

– Их можно погубить, если двинуть прямо на Орёл. В уличные бои в таком крупном городе танковую армию втягивать не надо. После того как будет обеспечено продвижение главных сил фронта, лучше направить её на Кромы в интересах левого соседа.

М. М. Попов принял эти указания к немедленному исполнению, а мы тут же по телефону отдали приказ П. С. Рыбалко о передаче его армии в состав Брянского фронта» (171 – 172).

«С операцией «Кутузов» у меня связаны очень неприятные воспоминания личного плана. В один из дней её, явившись вместе с А. И. Антоновым на обычный доклад в Ставку, я, как всегда, разложил на столе карты по каждому фронту в отдельности и одну сводную. Доклад несколько затянулся, но проходил в спокойной обстановке. Так как тут же следовало решить ряд вопросов по использованию танков, И. В. Сталин пригласил Я. Н. Федоренко. Тот вошёл и, не дожидаясь конца нашего доклада, стал раскладывать свои ведомости, справки, списки и другие документ поверх моих карт. Отвечая на вопросы Верховного Главнокомандующего, Яков Николаевич не всегда сразу находил нужные данные, перекалывал бумаги с места на место, выложил на стол и свой выдавший виды портфель, чего мы никогда не делали.

Когда с докладом по обстановке всё было закончено, я сложил карты и, перед тем как покинуть кабинет Верховного, ещё раз, по выработавшейся уже привычке, внимательно осмотрел стол. Там оставались только документы Федоренко.

В Генштабе, как всегда, меня дожидались начальники направлений и отделов. По приезде из Кремля я немедленно же возвращал им все их документы и давал короткие указания, что нужно сделать. На этот раз, однако, два начальника своих

карт не получили – в моём портфеле их не оказалось, в том числе самой главной – сводной.

Первой мелькнула мысль о том, что карты случайно захватил Федоренко. Звоню по телефону. Выясняется, что из Кремля он уже возвратился, но с документами ещё не разобрался.

– Анатолий Алексеевич! – обратился я к Грызлову. – Срочно выезжайте к Федоренко, вместе с ним осмотрите всё его хозяйство вплоть до сейфа. Может быть, карты там.

Грызлов помчался, а я звоню к Поскребышеву. Прошу его посмотреть, не осталось ли чего-либо из наших документов в кабинете Верховного. Нет, говорит, стол там чистый и все разошлись.

Грызлов тоже вернулся ни с чем: у Якова Николаевича карт наших не оказалось. Доложил о пропаже Антонову. Тот посоветовал Верховному пока не докладывать, может быть, карты найдутся. И в тот же день вторично поехали в Ставку, и, как условились, о происшествии – ни слова. Сталин тоже ничего не сказал.

Вернулись в Генштаб. Тут – никаких перемен: карты как в воду канули. Теперь у меня не оставалось никаких сомнений в том, что они у Сталина. Ведь, кроме Ставки, я никуда не отлучался. Дальше молчать было нельзя. На следующий день во время очередного доклада у Верховного я улучил удобный момент и твёрдо заявил:

– Товарищ Сталин, сутки назад мною оставлены у вас две карты с обстановкой. Прошу вернуть их мне.

Тот сделал удивлённый вид:

– Почему вы думаете, что они у меня? Ничего у меня нет.

– Не может этого быть, – настаивал я. – Мы нигде, кроме Ставки и Генштаба, не были. Деться картам некуда. У вас они.

Сталин ничего на это не ответил. Вышел из кабинета в комнату отдыха и возвратился с картами. Он нёс их, держа за угол, в вытянутой руке и, встряхнув, бросил на стол.

– Нате, да впредь не оставляйте... Хорошо, что правду сказали...

Об этом случае никогда более ни в Ставке, ни в Генштабе никто не вспоминал. Да и надобности в том не было. Он и без

того послужил для меня предметным уроком на долгие годы» (175 – 176).

«Много раз, прикинув и взвесив различные предложения, в Генеральном штабе пришли к окончательному выводу: белгородско-харьковскую группировку немецко-фашистских войск первым делом надо изолировать от притока резервов с запада, для чего необходимо использовать имеющиеся в готовности к северу от Белгорода две танковые армии, взломать и дезорганизовать с их помощью всю неприятельскую оборону, расчленив её глубокими ударами и только после этого уничтожить противника по частям. Задуманная таким образом новая операция получила условное наименование «Полководец Румянцев».

Бои фактически не прекращались, нашему переходу в контрнаступление не предшествовала длительная пауза, а потому и отработка плана этой операции отличалась своеобразием. Протекала она преимущественно в войсках, непосредственно на местности... Кроме представителей Ставки в этом деле активно участвовали Военные советы Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов. 1 августа Г. К. Жуков прибыл в Москву, согласовал с И. В. Сталиным основные положения плана, после чего фронты сразу же поставили задачи армиям и операция началась» (178 – 180).

«В итоге ожесточённых боёв 17 – 20 августа войска Воронежского фронта понесли здесь чувствительные потери. Местами были потеснены к северу и обе наши танковые армии. Возможности выхода в тыл харьковской группировке противника ухудшились.

Такой вывод сделал А. И. Антонов, докладывая обстановку Верховному Главнокомандующему в ночь на 22 августа.

– Садитесь и пишите директиву Ватутину, – приказал мне Сталин. – Копию пошлёте товарищу Жукову.

Сам он тоже вооружился красным карандашом и, прохаживаясь вдоль стола, продиктовал первую фразу:

– «События последних дней показали, что вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций».

За этим последовала пауза – Сталин собирался с мыслями. Потом, как говорится, на одном дыхании, был продиктован целый абзац:

– «Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и даёт возможность противнику нанести удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперёд и не обеспеченным с флангов группировкам».

Верховный на минуту остановился, из-за моего плеча прочитал написанное. В конце фразы добавил собственноручно: «и бить их по частям». Затем диктовка продолжилась:

– «При таких обстоятельствах противнику удалось выйти в тыл 1-й танковой армии, находившейся в районе Алексеевка, Ковяги; затем он ударил по открытому флангу соединений 6 гв. армии, вышедших на рубеж Отрада, Вязовая, Панасовка и, наконец, используя вашу беспечность, противник 20 августа нанёс удар из района Ахтырки на юго-восток по тылам 27-й армии, 4 и 5 гв. танковых корпусов.

В результате этих действий противника наши войска понесли значительные и ничем не оправданные потери, а также было утрачено выгодное положение для разгрома харьковской группировки противника».

Верховный опять остановился, прочитал написанное, зачеркнул слова «используя вашу беспечность» и затем продолжил:

– «Я ещё раз вынужден указать вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые вами при проведении операций, и требую, чтобы задача ликвидации ахтырской группировки противника, как наиболее важная задача, была выполнена в ближайшие дни. Это вы можете сделать, так как у вас есть достаточно средств.

Прошу не увлекаться задачей охвата харьковского плацдарма со стороны Полтавы, а сосредоточить всё внимание на реальной и конкретной задаче – ликвидации ахтырской группировки противника, ибо без ликвидации этой группы против-

ника серьёзные успехи Воронежского фронта стали неосуществимыми».

По окончании последнего абзаца Сталин пробежал его глазами опять - таки из-за моего плеча, усилил смысл написанного, поставив после «Прошу не» слово «разбрасываться» и приказал вслух повторить окончательный текст.

– «Прошу не разбрасываться, не увлекаться задачей охвата...» – прочёл я.

Верховный утвердительно кивнул головой и подписал бумагу. Через несколько минут телеграмма пошла на фронт» (183 – 184).

Победителям и героям

«К 1943 году относится и ещё одно нововведение в системе поощрения отличившихся частей, соединений и крупных войсковых объединений... В ознаменование одержанных побед Ставка предложила Генеральному штабу подготовить поздравительный приказ войскам восьми фронтов. Этот первый в истории Отечественной войны поздравительный приказ Верховного Главнокомандующего, датированный 25 января 1943 года, носил несколько общий характер...

Шли дни. Война продолжалась. 5 июля 1943 года наступлением противника начался оборонительный этап знаменитой Курской битвы. К исходу дня 23 июля наши войска отбросили гитлеровцев на прежние рубежи и полностью восстановили первоначальное положение.

Перед очередным докладом Верховному Главнокомандующему у исполняющего обязанности начальника Генерального штаба А. И. Антонова, как обычно, происходила оценка обстановки. При этом был сделан вывод: наши оборонительные задачи успешно решены, наступление главных сил немецко-фашистских войск на орловско-курском направлении полностью провалилось, а вместе с ним похоронен и план всей летней кампании противника. В порядок дня выдвигалась новая задача – разгром основной группировки врага и развитие наступления

по планам, намеченным советским Верховным Главнокомандованием.

Всё это было доложено И. В. Сталину в ночь на 24 июля, а утром Верховный Главнокомандующий позвонил по телефону в Генштаб и распорядился, чтобы мы срочно подготовили поздравительный приказ войскам, победившим противника в Курской битве. Это был третий приказ подобного рода. Проект его мы закончили к полудню. Адресовался он командующим войскам Центрального, Воронежского и Брянского фронтов: генералу армии К. К. Рокоссовскому, генералу армии Н. Ф. Ватутину и генерал-полковнику М. М. Попову.

Около 16 часов Антонова и меня вызвали в Ставку. Сталин был в радостном возбуждении. Он не стал слушать наш доклад об обстановке, которая и без того была уже известна ему, а сразу потребовал зачитать вслух проект приказа...

Когда дело дошло до вывода: «таким образом. Немецкий план летнего наступления нужно считать полностью провалившимся», – Верховный Главнокомандующий остановил чтение и продиктовал следующую вставку: «Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении».

– Надо об этом сказать, – пояснил он. – Фашисты во главе с Геббельсом после зимнего поражения под Москвой всё время носятся с этой легендой» (381 – 382).

«5 августа, когда были взяты Орёл и Белгород, в Ставке возникла новая идея. Как только командующие фронтами доложили Верховному о взятии этих городов (о таких победах они всегда стремились докладывать ему непосредственно), генерала Антонова и меня вызвали в Ставку. Сталин только что вернулся с Калининского фронта. Собрались и все остальные члены Ставки.

– Читаете ли вы военную историю? – обратился Верховный к Антонову и ко мне.

Мы смешались, не зная, что ответить. Вопрос показался странным: до истории ли было нам тогда!

А Сталин меж тем продолжал:

– Если бы вы её читали, то знали бы, что ещё в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола. И нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не только поздравительными приказами. Мы думаем, – кивнул он головой на сидевших за столом членов Ставки, – давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты. И учинять какую-то иллюминацию...

Так было решено отмечать победы наших войск торжественными залпами в Москве и каждый залп сопровождать пуском разноцветных ракет, а перед тем передавать по всем радиостанциям Советского Союза приказ Верховного Главнокомандующего. Ответственность за это возлагалась на Генеральный штаб.

В тот же день, 5 августа, был издан поздравительный приказ и дан первый салют в честь освобождения Орла и Белгорода» (379 – 384).

А. С. Яковлев. Цель жизни. – М., 1972.

ЯКОВЛЕВ Александр Сергеевич (1906 – 1989).

Авиаконструктор, генерал-полковник-инженер, академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда (1940, 1957). Референт И. В. Сталина по авиационным вопросам. В годы войны заместитель наркома авиационной промышленности. За период войны встречался с Верховным Главнокомандующим в его кабинете 45 раз.

«3 июня 1943 года меня и заместителя наркома П. В. Дементьева, ведавшего вопросами се-

рийного производства, вызвали в Ставку Верховного Главнокомандования. В кабинете кроме Сталина находились маршалы Василевский и Воронов. Мы сразу заметили на столе куски потрескавшейся полотняной обшивки крыла самолёта и поняли, в чём дело. Предстоял неприятный разговор.

Дело в том, что на выпущенных одним из восточных заводов истребителях ЯК-9 обшивка крыла стала растрескиваться и отставать. Произошло несколько случаев срыва полотна с крыльев самолёта в полёте. Причиной этому явилось плохое качество нитрокраски, поставляемой одним из уральских химических предприятий, где применили наспех проверенные заменители. Краска была нестойкой, быстро подвергалась влиянию атмосферных условий, растрескивалась, и полотняная оклейка крыла отставала от фанеры.

Мы уже знали об этом дефекте и всеми мерами стремились ликвидировать его. Сталин, указывая на куски негодной обшивки, лежавшие на столе, спросил:

– Вам об этом что-нибудь известно? – и зачитал донесение из воздушной армии, дислоцированной в районе Курска, присланное вместе с образцами негодной обшивки. Мы сказали, что случаи срыва обшивки нам известны. Он перебил нас:

– Какие случаи? Вся истребительная авиация небоеспособна. Было до десятка случаев срыва обшивки в воздухе. Лётчики боятся летать. Почему так получилось?!

Сталин взял кусок полотна, лакокрасочное покрытие которого совершенно растрескалось и отвалилось кусками, показал нам и спросил:

– Что это такое?

Дементьев сказал, что мы о дефекте знаем и принимаем меры к тому, чтобы прекратить выпуск негодных самолётов и отремонтировать уже выпущенные машины. Дементьев обещал в кратчайший срок исправить положение и обеспечить боеспособность всех самолётов, выпущенных за последнее время. Сталин с негодованием обратился к нам:

– Знаете ли вы, что это срывает важную операцию, которую нельзя проводить без участия истребителей?

Да, мы знали, что готовятся серьёзные бои в районе Орёл – Курск, и наше самочувствие в этот момент было ужасным.

– Почему же так получилось?! – продолжал всё больше выходить из себя Сталин. – Почему выпустили несколько сот самолётов с дефектной обшивкой? Ведь вы же знаете, что истребители нам сейчас нужны как воздух! Как вы могли допустить такое положение и почему не приняли мер раньше?

Мы объяснили, что в момент изготовления самолётов этот дефект обнаружить на заводе было невозможно. Он обнаружился лишь со временем, когда самолёты находятся не под крышей ангара, а на фронтовых аэродромах, под открытым небом – под воздействием дождя, солнечных лучей и других атмосферных условий. Выявить дефект на самом заводе трудно и потому, что самолёты сразу же из цеха отправились на фронт.

Никогда не приходилось видеть Сталина в таком негодовании.

– Значит, на заводе это не было известно?

– Да, это не было известно.

– Значит, это выявилось на фронте только перед лицом противника?

– Да, это так.

– Да знаете ли вы, что так мог поступить самый коварный враг?! Именно так и поступил бы, – выпустив на заводе годные самолёты, чтобы они на фронте оказались негодными! Враг не нанёс бы нам большего ущерба, не придумал бы ничего худшего. Это работа на Гитлера!

Он несколько раз повторил, что самый коварный враг не смог бы нанести большего вреда.

– Вы знаете, что вывели из строя истребительную авиацию? Вы знаете, какую услугу оказали Гитлеру?! Вы гитлеровцы!

Трудно себе представить наше состояние в тот момент. Я чувствовал, что холодею. А Дементьев стоял весь красный и нервно перебирал в руках кусок злополучной обшивки. Несколько минут прошло в гробовом молчании. Наконец, Сталин, походив некоторое время в раздумье, успокоился и по-деловому спросил:

– Что будем делать?

Дементьев заявил, что мы немедленно исправим все самолёты.

– Что значит немедленно? Какой срок?

Дементьев задумался на какое-то мгновение, переглянулся со мной:

– В течение двух недель.

– А не обманываете?

– Нет, товарищ Сталин, сделаем.

Я ушам своим не верил. Мне казалось, что на эту работу потребуется по крайней мере месяца два. Сталин никак не рассчитывал, что так быстро можно исправить машины. Откровенно говоря, я тоже удивился и подумал: обещание Дементьева временно отведёт угрозу, а что будет потом?

Срок был принят. Однако Сталин приказал военной прокуратуре немедленно расследовать обстоятельства дела, выяснить, каким образом некачественные нитролаки и клеи попали на авиационный завод, почему в лабораторных условиях как следует не проверили качество лаков. Тут же он дал указание отправить две комиссии для расследования: на Уральский завод лаков и красок и на серийный завод, производящий ЯКи. После чего Сталин обратился ко мне:

– А ваше самолюбие не страдает? Как вы себя чувствуете? Над вами издеваются, гробят вашу машину, а вы чего смотрите?

– Товарищ Сталин, я себя чувствую отвратительно, так как отчётливо представляю, какой ущерб делу это принесло. Но вместе с Дементьевым обещаю, что мы примем самые энергичные меры, и в кратчайший срок дефект будет устранён.

Когда мы выходили из кабинета Сталина, я облегчённо вздохнул, но вместе с тем не мог не сказать Дементьеву:

– Слушай, как за две недели можно выполнить такую работу?

– А ты хочешь, чтобы нас расстреляли сегодня? Пусть лучше расстреляют через две недели. Трудно, а сделать надо, – ответил Дементьев.

Вся тяжесть ликвидации последствий некачественной оклейки крыльев легла на Дементьева, и надо отдать ему должное – он проявил и энергию и инициативу...

Благодаря экстренным мерам, принятым наркоматом, действительно удалось в течение двух-трёх недель на многих сотнях самолётов укрепить обшивку крыла, полностью устранить опаснейший дефект, который в критический момент войны мог обречь нашу истребительную авиацию на бездействие и лишит воздушного прикрытия наши войска.

Проведенная работа оказалась ко времени. Буквально через два-три дня началось знаменитое сражение на Орловско-Курском направлении» (355 – 358).

И. С. Конев. Записки командующего фронтом. – М., 1985.

«Я хорошо помню, как перед выездом к новому месту назначения меня вызвали в Ставку. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин в присутствии маршала Г. К. Жукова и членов Государственного Комитета Обороны сказал:

– Степной фронт должен сыграть важную роль в контрнаступлении. – И, обращаясь ко мне, продолжал: – Вы понимаете, товарищ Конев, какое назначение вы получили в связи с обстановкой, которая складывается на южном направлении? Противник, видимо, создаст очень сильные группировки для того, чтобы срезать Курский выступ. Ваш фронт, расположившись за Центральным и Воронежским фронтами, должен быть в готовности, если прорвётся противник, отразить его удары и не допустить развития прорыва в восточном направлении как на орловском, так и на белгородском направлении. Поэтом полосу, занимаемую фронтом, надо хорошо подготовить в оборонительном отношении, а в тылу по рекам Воронеж и Дон, подготовить государственный рубеж обороны.

Таким образом, Советским Верховным Главнокомандованием было принято принципиально новое решение организационного объединения стратегических резервов. Создание Степного фронта, объединившего резервы Ставки на юго-за-

падном направлении, является, безусловно, достижением советского военного искусства» (8-9).

«И. В. Сталин рекомендовал мне побывать на Воронежском фронте, чтобы быть в курсе обстановки, знать направления возможных ударов противника. И я неоднократно выезжал к генералу Н. Ф. Ватутину» (12).

«5 августа войска 69-й и соединения 7-й гвардейской армий Степного фронта штурмом овладели Белгородом. В этот же день после напряжённых боёв был освобождён Орёл. Столица нашей Родины Москва впервые в ходе Великой Отечественной войны отметила выдающиеся победы артиллерийским салютом. Это был первый артиллерийский салют в честь боевой доблести советских войск. С тех пор салюты в Москве в ознаменование побед Красной Армии стали славной традицией» (28).

«На Воронежском фронте контрудары врага в районе Богодухова и Ахтырки не принесли ему успехов, хотя войска этого фронта в ожесточённых боях 17 – 20 августа понесли чувствительные потери. Однако, по свидетельству генерала С. М. Штеменко, повествующего в своей книге «Генеральный штаб в годы войны» о том периоде, вмешательство И. В. Сталина, который указал командующему Воронежским фронтом на недопустимость распыления сил и средств, вскоре выправило положение» (34).

«23 августа стало днём освобождения Харькова. Прежде чем докладывать товарищу И. В. Сталину о положении дел на фронте и об освобождении Харькова, как и обычно, я позвонил Поскребышеву. Он ответил:

– Товарищ Сталин отдыхает. Я его беспокоить не буду.

Тогда я решил звонить сам. На первые звонки ответа не последовало. Я потребовал от телефонистки:

– Звоните ещё, за последствия отвечаю.

Наконец слышу знакомый хрипловатый голос:

– Слушаю...

– Докладываю, товарищ Сталин, войска Степного фронта сегодня освободили город Харьков.

Сталин не замедлил с ответом:

– Поздравляю. Салютовать будем по первому разряду.

Стоит заметить, что, работая ночью, Сталин обычно в это время отдыхал. Я знал об этом, но тем не менее взятие Харькова было таким важнейшим событием, что я не мог не доложить ему лично о завершении Харьковской операции» (35).

И. Х. Баграмян. Так шли мы к победе. – М., 1977.

«Так вот, взвесив всё, мы пришли к выводу, что в замысел операции надо бы внести поправки. Лучше было бы ограничиться скромнее по масштабу, но более реальной задачей: сходящимися ударами нашей 11-й гвардейской из района к югу от Козельска и 61-й армии Брянского фронта с северо-востока окружить и уничтожить болховскую группировку противника, прикрывавшую с севера 9-ю армию Моделя. Для этого желательно было подчинить командованию 11-й гвардейской все силы, которые должны наступать с Жиздринского плацдарма, то есть все двенадцать стрелковых дивизий...

Наши соображения я подробно доложил командующему фронтом, но они показались Василию Даниловичу Соколовскому недостаточно убедительными. Это меня очень расстроило...

Вскоре нас вызвали в Ставку. Совещанием руководил И. В. Сталин. О замысле Орловской операции и предложениях командующих фронтами информировал генерал-полковник А. И. Антонов. Его обстоятельный доклад Сталин выслушал очень внимательно. Затем он задал несколько вопросов, уточняя детали взаимодействия фронтов.

Я сидел как на иголках. Сейчас Верховный одобрит план, и он обретёт железную силу. Но как оспорить предложения, уже одобренные Генеральным штабом? Ведь могут превратно истолковать мою настойчивость. Командармом я был тогда довольно молодым. Тем временем уже начали свёртывать карты. Верховный спросил:

– Все согласны с данным решением? Возможно, у кого-нибудь есть иное мнение?

Это была для меня последняя возможность. Я попросил разрешения высказаться. Сталин не без удивления, но вместе с тем вполне доброжелательно посмотрел на меня:

– Прошу

Снова были разложены карты. Стараясь сдержать волнение, я изложил свою точку зрения... Затем слово взял В. Д. Соколовский, потом М. А. Рейтер. Оба старались опровергнуть мои аргументы. Особенно жарко говорил Макс Андреевич... Сталин до этого внимательно изучавший карту, поднял голову, вынул изо рта трубку, неторопливо разгладил усы. Все смолкли. Рейтер бросил на меня осуждающий взгляд, словно хотел сказать: «Предупреждали же тебя: помалкивай. Не послушался, теперь пеняй на себя».

И вдруг Верховный очень тихо и очень спокойно сказал:

– А ведь Баграмян дело говорит. И, по-моему, с его предложением нужно согласиться. Что же касается заботы командарма о более благоприятных условиях для выполнения задачи, то это похвально. Ведь на него же ляжет вся ответственность в случае неудачи...

Охотников продолжать спор не нашлось. Наш вариант был принят, к моему большому удовлетворению, без существенных изменений» (188 – 190).

«После выполнения всех формальностей, связанных со сдачей и приёмом войск, оба командующих решили доложить обо всём по телефону Верховному Главнокомандующему. Первым о сдаче войск докладывал В. Д. Соколовский. Воспользовавшись случаем, он попросил Верховного пополнить людьми готовящиеся к новому наступлению части Западного фронта. Просил он 15 – 20 тысяч человек. Затем трубку телефона взял М. М. Попов. Доложив о приёме войск левого крыла Западного фронта, Маркиан Михайлович сообщил И. В. Сталину об оперативных намерениях командования фронта на ближайшие дни и тоже попросил пополнения.

Неожиданно генерал Попов протянул мне трубку и тихо сказал:

– Верховный будет говорить с тобой. Называй его Ивановым – это его псевдоним.

Не без волнение беру трубку:

– Здравствуйте, товарищ Иванов! Вас слушает генерал Баграмян.

– Здравствуйте, товарищ Баграмян, – услышал я хорошо знакомый голос И. В. Сталина. – Как вы оцениваете наступление вашей армии в операции по ликвидации орловского плацдарма немцев? Можем ли мы в ближайшее время рассчитывать на успешное завершение операции?

– Товарищ Иванов, – ответил я, – одиннадцатая гвардейская добилась серьёзных успехов. В целом операция по разгрому орловской группировки противника развивается успешно. Но для её завершения мы срочно нуждаемся в пополнении.

– Сколько же вам нужно и куда подать?

Я быстро прикинул, какое количество пополнения потребуется на двенадцать стрелковых дивизий:

– Двадцать четыре тысячи человек. Прошу приказать подать их на станцию Козельск.

– Так вы, товарищ Баграмян, твёрдо убеждены, что только при этих условиях операция будет завершена скоро и успешно?

– Конечно, товарищ Иванов! Но для этого, повторяю, необходимо пополнение.

До этого Сталин говорил доброжелательно, теперь же в его голосе послышалось недовольство:

– Товарищ Баграмян, мы ведь тут самым серьёзным образом занимаемся делами. Сказано вам, что пополнение будет. Сегодня же Щаденко об этом сообщит вам. Желаю успеха! (238 – 239).

... Все мы восторженно восприняли известие о том, что в честь освобождения Орла и Белгорода 5 августа был издан поздравительный приказ Верховного Главнокомандующего и произведён первый в истории Великой Отечественной войны салют в столице нашей Родины – Москве. Весь советский народ радовался успехам своей родной армии» (242).

С. И. Руденко. Крылья Победы. – М., 1985.

РУДЕНКО Сергей Игнатьевич
(1904 - 1990).

Советский военачальник, Маршал авиации (1955), Герой Советского Союза (1944). В период Курской битвы командовал 16-й воздушной армией. За период войны встречался с Верховным главнокомандующим в его кабинете 6 раз.

«И всё же первый день не принёс нам удовлетворения. Что-то требовалось изменить и исправить. Когда наступила темнота, я докладывал командующему фронтом итоги дня. Указал, сколько сбито самолётов противника, подчеркнул, что бой был жестокий. Вдруг раздался телефонный звонок. К. К. Рокоссовскому позвонил И. В. Сталин. В течение дня он несколько раз звонил, но я не присутствовал при их разговорах. А на этот раз слышал всё. Рокоссовский стал докладывать итоги дня. Сталин перебил его: «Завоевали господство в воздухе или нет?» Это его интересовало в первую очередь. Рокоссовский докладывал: «Товарищ Сталин, сказать нельзя, был очень сильный напряжённый бой в воздухе, крупные потери с обеих сторон». Сталин в ответ: «Скажите мне точно, завоевали или нет? Да или нет?» Рокоссовский опять говорит: «Пока определённо ответить нельзя, но завтра этот вопрос решим положительно». «А Руденко справится с этим делом?» Рокоссовский посмотрел на меня и после короткой паузы ответил: «Справится»...

Заходит Жуков и говорит: «Звонил Сталин. И его первый вопрос о господстве в воздухе. Что вы думаете?»...

Пока доехал до штаба, всё это обдумал. Вхожу в землянку, мне докладывают: прибыл Ворожейкин (первый заместитель командующего ВВС. – А. С.) Я спрашиваю: «Откуда?»

«Из Москвы на По-2». Оказывается после разговора с Рокоссовским, Сталин вызвал Г. А. Ворожейкина и приказал: «Летите сейчас же в штаб 16-й воздушной армии к Руденко и там посмотрите, правильно ли они всё делают. И чтобы завтра господство в воздухе было завоёвано. А то они там что-то долго возятся».

Вылетел он на По-2 для того, чтобы произвести посадку прямо у штаба воздушной армии и не терять время на переезды. Я доложил ему о решении массировать удары. Он одобрил идею: «Организуите, как задумали, а я поеду в штаб фронта к Жукову. Мне нужно явиться к нему. Сталин, очевидно, и ему звонил». Ворожейкин уехал» (163 – 165).

К. А. Мерецков. На службе народу. – М., 1988.

«Вскоре картина прояснилась. Тревожились мы не напрасно. Судя по всему, группа армий «Север» собиралась с силами, что бы снова блокировать Ленинград. Я тотчас связался со Ставкой. Тоже сделали и ленинградцы. В то время уже шло гигантское сражение на Курской выступе Центрального фронта... Успех дела зависел, в частности, от того, сможет ли группа армий «Север» помочь своему соседу или же будет вынуждена употребить все резервы на поддержку соединений, которые втянуты в сражение под Мгой. И естественно, что Ставка снова дала нам задание сковать армии Кюхлера. По сведениям разведки, на участке от Ораниенбаума до Синявина немцы сконцентрировали 19 дивизий.

Сковать такую армаду, превратив наш север и северо-запад в поле боя, существенно помогающее нашим фронтам в срыве немецкого плана «Цитадель», – задача нелёгкая и сложная.

«Каковы шансы на успех?» – спросил меня Сталин. Позднее я узнал, что тот же вопрос он задал также Говорову и получил от него ответ, сходный с моим: если будет создан необходимый перевес в силах, операция закончится успешно. Но для созда-

ния такого перевеса Ставка не могла дать войск из резервов, подготовленных для развития прорыва в центре советско-германского фронта. И Верховный Главнокомандующий в разговоре со мной подчеркнул на прощание ещё раз: «Главное для вас – не захват территории, а уничтожение немецких дивизий!» (330 – 331).

А. Е. Голованов. Дальняя бомбардировочная. – М., 2004.

«Я здесь особенно хочу подчеркнуть следующее. Имелось совершенно определённо в виду, что оборона здесь временная, и как только будут накоплены силы и средства, наступление будет тотчас продолжено.

Однако мысли и действия Рокоссовского не соответствовали указанным намерениям. В апреле, когда для ознакомления с положением и нуждами Центрального фронта прибыли члены Государственного Комитета Обороны Г. М. Маленков и заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов с сопровождающими их лицами, Рокоссовский прямо высказал им свои соображения – сейчас нужно думать не о наступлении, а готовиться и готовиться как можно тщательнее к обороне, ибо противник обязательно использует выгодную для него конфигурацию фронта и попытается ударами с севера и юга окружить войска обоих, Центрального и Воронежского, фронтов для того, чтобы добиться решающих результатов в ведении войны.

В подтверждении тому Константин Константинович приводил имеющиеся данные о переброске немцами войск и техники в районы Орла и Белгорода. Маленков предложил Рокоссовскому написать докладную записку по этому вопросу Сталину, что и было сделано. В записке также было написано о насущной необходимости создания крупных резервов Ставки, которые должны быть расположены за фронтами, обороняющими Курскую дугу, и которые в лю-

бой момент могли бы быть брошены на угрожающий участок.

Записка Рокоссовского возымела действие. Обоим фронтам были даны указания об усилении работ по организации обороны, а в мае – июне 1943 года в тылу обоих фронтов был создан Резервный фронт, который в дальнейшем при вводе его в действие был назван Степным» (314 – 315).

«Чем дальше шло время, тем больше и больше нарастало напряжение и, я бы сказал, появилась некоторая нервозность и у нашего руководства. Некоторые предлагали нанести упреждающий удар, а проще говоря, нам первым начать наступление. Эти предложения несколько колебали уверенность Верховного в принятом им решении вести на Курской дуге оборонительные действия. Бывая у него с докладами, я слышал высказываемые сомнения в том, что правильно ли мы поступаем, дожидаясь начала действий со стороны немцев. Однако такие разговоры кончались тем, что Сталин заключал: «Я верю Рокоссовскому» (316).

«Наконец, в конце июня поступили данные, что противник начнёт наступление 2 июля. Войска были приведены в надлежащую готовность, но немецкое наступление вновь не состоялось. 3 июля его тоже не было. 4 июля – то же самое. Напряжение стало предельным.

В ночь на 5 июля я был на докладе у Сталина на даче. Он был один. Выслушав мой доклад и подписав представленные бумаги, Верховный сразу заговорил о Рокоссовском. Он довольно подробно вспомнил деятельность Константина Константиновича и под Москвой, и под Сталинградом, особенно подчеркнув его самостоятельность и твёрдость в принятии решений, обоснованность вносимых им предложений, которые всегда себя оправдывали. Наконец, Сталин заговорил о создавшемся сейчас положении на Центральном и Воронежском фронтах. Рассказал о своём разговоре с Рокоссовским, когда тот на вопрос, сможет ли он сейчас наступать, ответил, что для наступления ему нужны дополнительные силы и средства, чтобы гарантировать успех, и настаи-

вал на том, что немцы обязательно начнут наступление, но не выдержат долго, ибо транспортных средств у них еле хватает сейчас лишь на то, чтобы восполнять текущие расходы войны и подвозить продовольствие для войск, и что противник не в состоянии находиться в таком положении длительное время.

– Неужели Рокоссовский ошибается?.. – Немного помолчав, Верховный сказал: – У него там сейчас Жуков.

Из этой реплики мне стало ясно, с какой задачей находился Георгий Константинович у Рокоссовского. Было уже утро, когда я собирался попросить разрешения уйти, но раздавшийся телефонный звонок остановил меня. Не торопясь, Сталин поднял трубку ВЧ. Звонил Рокоссовский. Радостным голосом он доложил:

– Товарищ Сталин! Немцы начали наступление!

– А чему вы радуетесь? – спросил несколько удивлённо Верховный.

– Теперь победа будет за нами, товарищ Сталин! – ответил Константин Константинович.

Разговор был окончен.

– А всё-таки Рокоссовский опять оказался прав, – как бы для себя сказал Сталин...

Считаю нужным привести эти факты потому, что укоренилось такое мнение: оборонительные действия на Курской дуге были заранее предусмотрены, и они рассматриваются сейчас как само собой разумеющееся. В действительности события протекали по-иному. Именно на Курской дуге было решено нашим Верховным Главнокомандованием продолжить дальнейшие наступательные действия. Гитлер также решил именно здесь искать успешного решения кампании 1943 года. Рокоссовский первым разгадал замысел противника, но было не так-то просто подготовку наступления переключить на организацию глубокоэшелонированной обороны, выиграть время и заставить немцев начать наступление первыми. Это был напряжённейший отрезок времени, когда, можно прямо сказать, шла борьба двух мнений – наступать или продолжать обороняться.

Уже в непосредственной близости начала немецкого наступления не снимался с повестки дня вопрос возможности наступления наших войск и нанесения упреждающего удара. Как свидетельствует тому, я и привожу разговор со Сталиным на эту тему всего лишь за считанные часы до того, как немцы всё же первыми начали свои боевые действия. Возможность нашего наступления не снималась с повестки дня до самой последней минуты»(317 – 318).

Д-Ф. Устинов. Во имя победы. – М., 1988.

«Рано утром 30 апреля у меня в кабинете зазвонил телефон дальней связи.

– Товарищ нарком, – услышал я голос Ф. Ф. Петрова. В нём звучала радость. – Разрешите поздравить вас с праздником. Только что отгрузили пять гаубиц Д-1. Начальник дороги поклялся – даст зелёную улицу эшелону!

– Спасибо, Фёдор Фёдорович, за поздравление и добрую весть. Примите и мои поздравления и с праздником, и с успехом.

Это была действительно добрая весть. Я тут же позвонил Сталину. Он выслушал мой доклад об отгрузке опытных образцов новой гаубицы на полигон для испытаний и непривычно тёплым голосом сказал:

– Это хорошо, товарищ Устинов. Это – по-военному. Теперь можно надеяться, что очень нужная нам гаубица появится в войсках вовремя. Передайте, товарищ Устинов, большое спасибо всем, кто работал над выполнением задания ГКО. А с полигонными испытаниями не тяните. Новые гаубицы нам нужны как можно скорей.

Я не знал тогда, почему так торопился Сталин. Но в связи с событиями, которые начались на фронте спустя два месяца, я вспомнил этот разговор, и мне стало ясно, что Сталин имел в виду сражение на Курской дуге» (222 – 223).

В. С. Емельянов. На пороге войны. – М., 1971.

ЕМЕЛЬЯНОВ Василий Семёнович.

Советский государственный деятель, член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда (1954). В годы Великой Отечественной войны являлся уполномоченным ГКО, работал в наркоматах оборонной и судостроительной промышленности.

«А на следующий день после разговора с Ванниковым мне позвонил Тевосян. Он только пришёл

с какого-то заседания из Кремля...

– Хочу разобраться со строительством нашего броневого завода. Он нам очень нужен. Вообще надо ускорить строительство заводов на Востоке. Сегодня рассматривли этот вопрос. Госплан докладывал, какие заводы мы в этой пятилетке должны будем начать строить в Сибири. Когда Вознесенский закончил своё выступление, Сталин сказал: «Нереальный план вы подготовили. Я подсчитал, для выполнения этого плана надо допустить, что средняя производительность труда одного рабочего в Сибири должна быть в три с половиной раза выше по сравнению с производительностью рабочего индустриально развитых районов нашей страны. Надо или в чудо верить, или увеличить в Сибири население приблизительно на двадцать миллионов человек. Подумайте ещё раз над планом. Промышленность в Сибири надо развивать».

Тевосян был взволнован.

– Никогда я не видел Сталина таким. Он очень хочет побыстрее создать в Сибири мощную промышленность, но, видимо, опасается, что в короткие сроки этого не сделать. Давай-ка мы ещё раз посмотрим, что следует предпринять, чтобы сократить сроки строительства. Будет хорошо, если мы внесём предложение о сокра-

щении сроков сооружения завода по производству броневой стали. Давай подумаем! Время очень тревожное. Спешить надо» (139).

М. Е. Катуков. На острие главного удара. – М., 1974.

«Уже первые донесения с поля боя под Яковлево показали, что мы делаем совсем не то, что надо. Как и следовало ожидать, бригады несли серьёзные потери. С болью в сердце я видел с НП, как пылают и коптят тридцатьчетвёрки.

Нужно было во что бы то ни стало добиться отмены контрудара. Я поспешил на КП, надеясь срочно связаться с генералом Ватутиным и ещё раз доложить ему свои соображения. Но едва переступил порог избы, как начальник связи каким-то особенно значительным тоном доложил:

– Из Ставки... Товарищ Сталин.

Не без волнения я взял трубку.

– Здравствуйте, товарищ Катуков! – раздался хорошо знакомый голос. – Доложите обстановку!

Я рассказал Главнокомандующему о том, что видел на поле боя собственными глазами.

– По-моему, – сказала я, – мы поторопились с контрударом. Враг располагает большими неизрасходованными резервами, в том числе танковыми.

– Что вы предлагаете?

– Пока нецелесообразно использовать танки для ведения огня с места, зарыв их в землю или поставив в засады. Тогда мы могли бы подпускать машины врага на расстоянии триста – четырёхста метров и уничтожать их прицельным огнём.

Сталин некоторое время молчал.

– Хорошо, – сказал он, наконец. – Вы наносите контрудар не будете. Об этом вам позвонит Ватутин.

Вскоре командующий фронтом позвонил мне и сообщил, что контрудар отменяется. Я вовсе не утверждаю, что именно моё мнение легло в основу приказа. Скорее всего, оно просто совпало с мнением представителя Ставки и командования фронта» (222 – 223).

П. А. Ротмистров. Стальная гвардия. – М., 1984.

«И вот, наконец, Поскребышев предложил мне зайти в кабинет Верховного Главнокомандующего... Сталин, стоявший в глубине кабинета с неизменной трубкой в слегка согнутой руке, медленно двинулся мне навстречу. Я остановился и по-уставному доложил о прибытии по его приказанию.

– Я вам не приказывал, я вас пригласил, товарищ Ротмистров, – подал мне руку Сталин. – Рассказывайте, как громили Манштейна...

Как-то незаметно Сталин перевёл разговор на танковые армии.

– Наши танковые войска, – сказал он, – научились успешно громить противника, наносить ему сокрушительные и глубокие удары. Однако почему вы считаете нецелесообразным иметь в танковой армии и пехотные соединения?

Верховный остановился и прищуренным взглядом пристально смотрел мне в глаза. Я понял, что кто-то сообщил ему моё мнение.

– При наступлении стрелковые дивизии отстают от танковых корпусов. При этом нарушается взаимодействие между танковыми и стрелковыми частями, затрудняется управление ушедшими вперёд танками и отставшей пехотой.

– И все же, – возразил Сталин, – как показали в общем-то смелые и решительные действия танкового корпуса генерала Баданова в районе Тацинской, танкистам без пехотинцев трудно удерживать объекты, захваченные в оперативной глубине.

– Да, – согласился я. – Пехота нужна, но моторизованная. Именно поэтому я считаю, что в основной состав танковой армии помимо танковых корпусов должны входить не стрелковые, а мотострелковые части.

– Вы предлагаете пехоту заменить механизированными частями, а командующий танковой армией Романенко доволен стрелковыми дивизиями и просит добавить ему ещё одну-две такие дивизии. Так кто же из вас прав? – спросил молчавший до этого В. М. Молотов.

– Я доложил своё мнение, – ответил я. – Считаю, что танковая армия должна быть танковой не по названию, а по составу.

Наилучшим её организационным построением было бы такое: два танковых и один механизированный корпуса, а также несколько полков противотанковой артиллерии. Кроме того, следует обеспечить подвижность штабов и надёжную радиосвязь между ними, частями и соединениями.

И. В. Сталин внимательно слушал меня, одобрительно кивал и, улыбаясь, поглядывал на В. М. Молотова, который вновь перебил меня вопросом:

– Выходит, вы не признаёте противотанковые ружья, если по существу, хотите их заменить противотанковой артиллерией. Но они ведь успешно используются против танков и огневых точек. Разве не так?

– Дело в том, товарищ Молотов, что противотанковые ружья были и остаются эффективным средством борьбы с танками противника в оборонительных операциях, когда огонь ведётся из окопов с расстояния не более трёхсот метров. А в маневренных условиях они не выдерживают единоборства с пушечным огнём вражеских танков, открываемым на дистанции пятьсот метров и больше. Поэтому и желательно иметь в танковых и механизированных корпусах хотя бы по одной противотанковой бригаде.

Обсуждение вопроса продолжалось около двух часов. И. В. Сталина заинтересовали и высказанные мною взгляды на применение танковых армий в наступательных операциях. Они сводились к тому, что танковые армии следует использовать как средство командующего фронтом или даже Ставки Верховного Главнокомандования для нанесения массированных ударов прежде всего по танковым группировкам противника на главных направлениях без указания им полос наступления, которые лишь сковывают манёвр танков.

Чувствовалось, что Сталин хорошо понимает значение массированного применения танковых войск и не одного меня заслушал по этому вопросу.

– Придёт время, – сказал он, как бы вслух размышляя, – когда наша промышленность сможет дать Красной Армии значительное количество бронетанковой, авиационной и другой боевой техники. Мы скоро обрушим на врага мощные танко-

вые и авиационные удары. Будем беспощадно гнать и громить немецко-фашистских захватчиков. – Сталин заглянул в лежавший на столе блокнот и снова двинулся по кабинету, продолжая рассуждать: – Уже сейчас у нас имеется возможность для формирования новых танковых армий. Вы могли бы возглавить одну из них, товарищ Ротмистров?

– Как прикажете, – быстро поднялся я со стула.

– Вот это солдатский ответ, – сказал Верховный и, снова пристально посмотрев на меня, добавил: – Думаю, потянете. Опыта и знаний у вас хватит...

Через день я был вызван в Генштаб. Там уже находился командующий бронетанковыми и механизированными войсками генерал-полковник Я. Н. Федоренко. Генерал Боков сообщил, что при его очередном докладе И. В. Сталину Верховный полностью одобрил высказанные мною предложения и подписал директиву о формировании 5-й гвардейской танковой армии, поручив Генштабу совместно с управлением Я. Н. Федоренко тщательно разработать проект структуры новых танковых армий» (164 – 167).

«5 июля 1943 года начальник штаба Степного фронта генерал-лейтенант М. В. Захаров сообщил мне по телефону, что на Центральном и Воронежском фронтах завязались ожесточённые бои.

– В основной состав вашей армии дополнительно включается восемнадцатый танковый корпус генерала Б. С. Бахарова. Свяжитесь с ним. Приведите все войска армии в полную боевую готовность и ждите распоряжения, – потребовал он.

А на следующий день в армию прилетел командующий Степным фронтом генерал-полковник И. С. Конев. Он уже более подробно информировал меня о боевой обстановке.

– Наиболее мощный удар противник наносит на курском направлении из района Белгорода. В связи с этим, – сказал Иван Степанович, – Ставка приняла решение о передаче Воронежскому фронту вашей и пятой гвардейской армии. Вам надлежит в очень сжатые сроки сосредоточиться вот здесь. – Командующий очертил красным карандашом район юго-западнее Старого Оскола.

Примерно через час после этого, как улетел И. С. Конев, позвонил по ВЧ И. В. Сталин.

– Вы получили директиву о переброске армии на Воронежский фронт? – спросил он.

– Нет, товарищ Иванов, но об этом я информирован товарищем Стёпиным (псевдоним И. С. Конева. – А. С.)

– Как думаете осуществить передислокацию?

– Своим ходом.

– А вот товарищ Федоренко говорит, что при движении на такое большое расстояние танки выйдут из строя, и предлагает перебросить их по железной дороге.

– Этого делать нельзя, товарищ Иванов. Авиация противника может разбомбить эшелоны или железнодорожные мосты, тогда мы не скоро соберём армию. Кроме того, одна пехота, переброшенная автотранспортом в район сосредоточения, в случае встречи с танками врага окажется в тяжёлом положении.

– Вы намерены совершать марш только ночами?

– Нет. Продолжительность ночи всего семь часов, и если двигаться только в тёмное время суток, мне придётся на день заводить танковые колонны в леса, а к вечеру выводить их из лесов, которых, кстати сказать, на пути мало.

– Что вы предлагаете?

– Прошу разрешить двигать армию днём и ночью...

– Но ведь вас в светлое время будут бомбить, – перебил меня Сталин.

– Да, возможно. Поэтому прошу дать указание авиации надёжно прикрыть армию с воздуха.

– Хорошо, – согласился Верховный. – Ваша просьба о прикрытии марша армии авиацией будет выполнена. Сообщите о начале марша командующим Степным и Воронежским фронтами.

Он пожелал успеха и положил трубку» (175 – 176).

«Около 19 часов 11 июля на мой КП прибыл маршал А. М. Василевский. Я доложил ему о боевом построении армии и задачах, поставленных корпусам и приданной артиллерии. Он одобрил моё решение и сообщил, что у него состоялся разго-

вор с Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным, который поручил ему неотлучно находиться в 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской общевойсковой армиях, координировать их действия в ходе сражения и оказывать необходимую помощь» (181).

«В назначенное время И. В. Сталин принял меня в знакомом кремлёвском кабинете. Хотя я лично встречался с ним уже третий раз, всё же, как и раньше испытывал заметное волнение, тем более, что впервые увидел его в форме с погонами Маршала Советского Союза.

Выслушав мой доклад о прибытии, Верховный поздоровался и тут же в присутствии А. И. Антонова начал расспрашивать о боевых действиях 5-й гвардейской танковой армии в Курской битве.

– Значит, наши танковые армии новой организации оправдали себя? – почти вплотную приблизившись, спросил он, пытаясь смотреть мне в глаза.

Я, так же, не отводя своего взгляда от лица Сталина, сказал, что, исходя из опыта 5-й гвардейской армии, убеждён в правильности организационной структуры наших танковых армий, но считаю, что они нуждаются в более значительном усилении противотанковой и самоходной артиллерией, а также в надёжном прикрытии с воздуха авиацией.

И вдруг, по-видимому, решив ограничиться уже услышанным, Сталин прервал меня вопросом:

– А как вы думаете, почему Красная Армия в Курской битве не перешла в наступление первой?

Вопрос несколько озадачил меня.

Мне известно было, что летом 1943 года советские войска на Харьковском и Орловском направлениях готовились к наступлению и даже имели некоторое численное превосходство над противником в людях, орудиях, миномётах, танках и сау. Да и 5-я гвардейская танковая армия, заканчивая формирование, тоже готовилась главным образом к наступательным боям. Я считал, что противник просто упредил нас, первым предприняв наступательные действия.

Не успел я об этом сказать, как Верховный сам ответил на поставленный вопрос, объяснил причины, по которым Центральный и Воронежский фронты в начале курского сражения предпочли оборону наступлению.

– Потому, – сказал он, – что наша пехота с артиллерией наиболее сильны в обороне и наносят крупные потери врагу именно в оборонительных боях. В этой ситуации, когда немцы имели почти такое же количество, как и у нас, танков, к тому же превосходили наши войска по тяжёлым танкам, посылать в наступление пехоту было бы неоправданным риском, – Сталин говорил медленно и также неторопливо прохаживался по кабинету. – Теперь мы видим, заключил он, – что Ставка и Генеральный штаб были правы, принимая решение на оборону и отклоняя предложения о наступлении. Хорошо проведённой обороной мы создали выгодные условия для успешного наступления.

Сталин с едва уловимой усмешкой посмотрел на меня, видимо довольный своим объяснением. Затем поинтересовался, как показали себя в бою новые фашистские танки «Тигр» и «Пантера».

Я доложил, что с этими танками можно успешно бороться, если поставить на наши средние и тяжёлые танки равноценную немецкой пушку.

– Что же, скоро будет и у наших танков такая пушка, – тихо, будто по секрету, сказал Верховный.

Раскурив свою трубку, он, как бы ориентируя на предстоящие задачи, с заметным подъёмом заговорил о необходимости безостановочно гнать захватчиков с советской земли, не давать им передышки, не позволять им закрепляться на оборонительных рубежах.

– Для этого мы имеем всё: и храбрых солдат, и опытных командиров, и мощную боевую технику, оснащение которой войск будет непрерывно возрастать. В наших руках, – с воодушевлением сказал Сталин, – наступательная инициатива, и врагу вырвать её у нас больше не удастся.

Прощаясь, Верховный Главнокомандующий передал привет и благодарность танкистам, всем воинам 5-й гвардейской танковой армии и пожелал новых боевых успехов» (236 – 237).

И. М. Чистяков Служим отчизне. М., 1982.

ЧИСТЯКОВ Иван Михайлович (1900 – 1979).

Советский военачальник, генерал-полковник. В годы Великой Отечественной войны командовал дивизиями, корпусами и армиями.

«Чуть стемнело, на газике вместе с генералом Антоновым покатали в Обоянь. В военкомате нам сказали, что Василевского ещё нет. Как же я волновался в ожидании его! Приехал А. М. Василевский только ночью. Я тут же доложил ему о прибытии. Он обрадовался:

– Вот как хорошо, что ты с войсками успел прийти.

Ввёл он меня в обстановку, а она была тяжёлой. Противник после ожесточённых наступательных боёв 16 марта вновь захватил Харьков и двинулся на Белгород, Обоянь и Курск. В результате этого удара в стык Воронежского и Юго-Западного фронтов образовалась брешь шириною в тридцать – тридцать пять километров. В неё устремились гитлеровские войска, намереваясь соединиться в Курске с орловской группировкой немецких войск, чтобы окружить наши войска на Курском выступе. В связи с создавшейся угрозой окружения Ставка Верховного Главнокомандования решила выдвинуть в район Белгорода 21-ю, 64-ю и 1-ю танковые армии.

А. М. Василевский поставил боевую задачу: закрыть брешь и не дать противнику прорваться к Курску.

В это время зазвонил телефон. Василевскому сообщили, что с ним будет говорить Сталин. После небольшого разговора Василевский сообщил Сталину, что я нахожусь у него, а армия – на марше по направлению к Курску. Сталин спросил у Василевского, нет ли смысла снять меня с армии оборонительной и по-

ставить в наступающую. Василевский тут же задал этот вопрос мне. Я попросил, если можно, оставить меня в 21-й армии, с которой сроднился всей душой. Василевский передал мою просьбу Сталину и от себя добавил:

– Думаю, товарищ Сталин, что нет смысла снимать его с двадцать первой армии. Он её знает, и войска его знают, поскольку вместе воевали под Сталинградом.

Сталин согласился с ним и задал такой вопрос:

– Спросите Чистякова, удержит ли он противника?

Что я мог ответить? Обстановку на этом участке фронта знал плохо, слышал только, что наши войска отступают. Однако на армию свою надеялся, полагал, что сил и средств у нас достаточно, поэтому сказал:

– Да, противника удержу и прорваться на Обоянь и Курск ему не дам.

Сталин спросил у Василевского:

– А что ему ещё нужно? Пусть подумает, и доложите. Желаю Чистякову успеха» (95 – 96).

Н. С. Патоличев. – Испытание на зрелость. – М. 1977.

ПАТОЛИЧЕВ Николай Семёнович.

Советский государственный и партийный деятель, дважды Герой Социалистического Труда (1975, 1978). Во время Великой Отечественной войны 1-й секретарь ряда обкомов КПСС. За период войны встречался с Верховным главнокомандующим в его кабине один раз.

«За два месяца до начала войны положение на Ярославском

резинокомбинате вновь рассматривалось в ЦК партии. Состоялось совещание у И. В. Сталина. Я думаю, что многие, кто имел в то время прямое отношение к деятельности резинокомбината и к химической промышленности, и особенно присутствующие, должны помнить это совещание. Сталин до предела обострил вопрос. Я, может быть, более других запомнил это совещание, ибо мне казалось, что Сталин больше всего сосредоточил огонь критики на Ярославской партийной организации.

Помню, за большим столом рабочего кабинета Сталина сидят резинщики, химики. Тут и нарком, его заместители, руководители предприятий, руководители шинного завода. А я – первый секретарь Ярославского обкома партии – стою. Меня резко отчитывает Сталин. Он применял острые выражения, и я, честно говоря, не знал, чем для меня закончится этот разговор.

– Забыли об ответственности партийной организации, – говорил Сталин.

Каково было это слышать?

В конце Сталин сказал:

– Патоличева надо наказать.

Все ждали, что же он скажет дальше. А он долго молча ходил, обдумывая. Длинными, неимоверно длинными, показались эти минуты для первого секретаря Ярославского обкома партии. Но Сталин неожиданно улыбнулся и сказал:

– Надо выбрать Патоличева в комиссию по выработке решения о работе Наркомата химической промышленности.

Все вздохнули с облегчением. Работники химической промышленности прекрасно понимали, в чём существо вопроса. Да и сам Сталин хорошо это знал. К производству автопокрышек только из синтетического каучука страна не была ещё готова» (84 – 85).

«В книге «Цель жизни» А. С. Яковлева помещена фотокопия записки И. В. Сталина главному конструктору Рыбинского моторостроительного завода В. Я. Климову с просьбой прислать два мотора М-105 и два пушечных мотора М-105 для авиаконст-

руктора Яковлева. Такая записка действительно была. Конструктор В. Я. Климов размножил её и в виде фотокопий роздал некоторым руководящим товарищам.

Есть она и в моём архиве. Приведу её текст в связи с тем, в дальнейшем речь пойдёт о производстве этих моторов, так необходимых для самолётостроения.

«Тов. Климов!

Ссылаясь на нашу вчерашнюю беседу, хотел бы знать:

1) можете ли прислать на днях два мотора М-105 и два пушечных мотора тоже М-105 для конструктора Яковлева?

2) если можете, когда именно пришлётё?

Дело очень срочное.

И. Сталин».

Как видно ЦК ВКП (б) настойчиво форсировал решение конкретных проблем обороны страны.

В то время на Рыбинском заводе производились моторы М-103 и одновременно велась интенсивная работа по налаживанию серийного производства М-105 и М-105П. Интересы дела требовали принятия очень решительных мер. 21 ноября 1940 года мы получили следующую телеграмму:

«Рыбинск	Завод № 26
Директору завода	тов. Лаврентьеву
Главному инженеру	тов. Мыздрикову
Главному конструктору	тов. Климову
Парторгу ЦК ВКП (б)	тов. Голованёву
Обком ВКП (б)	тов. Патоличеву

Нас мало интересует производство моторов М-103. Эти моторы не являются современными, не годятся для серьёзного боя, они скоро станут обузой для государства. Нас интересует производство моторов 105, простых и пушечных. Эти моторы нас более или менее приближают к современной технике. Мы бы хотели, чтобы производство моторов 105 нарастало у нас изо дня в день.

Мы требуем, чтобы уже в ближайшие дни завод производил не семь моторов в день, а 12, 15 и больше. Пишите нам

сводки о производстве моторов 105. О достижениях завода будем судить по нарастанию производства моторов 105. Считаем нужным сообщить вам, что месяца через 3 – 4 мы особенно будем интересоваться производством моторов 107. Эти моторы вполне современные, и они полностью ставят нас на уровень современной техники.

*Сталин
Молотов*

Москва, Кремль. 21 ноября 1940 г.» (108 – 110).

«Утро 14 октября 1941 года. Звонок из Москвы... Когда мы собрались в Центральном Комитете, нам сказали, что нас приглашает в Кремль товарищ Сталин. Это было между 10 и 11 и часами вечера. Мы вошли в кабинет товарища Сталина. Там кроме него сидел только начальник Генерального штаба Борис Михайлович Шапошников. Легко можно было догадаться, что речь пойдёт о чисто военных вопросах...

И. В. Сталин с каждым из нас поздоровался за руку и тут же подозвал всех к столу. На большом столе его рабочего кабинета лежала карта. На карте разноцветными карандашами изображена какая-то схема. Сталин подробно разъяснил, что это схема оборонительных рубежей... Мы внимательно всматривались в карту. Сталин дал нам время подумать, поразмыслить, а затем спросил:

– Есть ли у вас какие вопросы, замечания, предложения...

Сталин сказал, что оборонительные рубежи надо возводить очень и очень быстро. Мы, конечно, оказались совершенно неподготовленными к беседе по этому вопросу. Все молчали. Да и Сталин, видимо, не ожидал от нас ничего такого, что могло бы внести изменения в план, который предложил он. Первым осмелился нарушить молчание я, сказав примерно следующее:

– По моему мнению, общий рубеж по территории Ярославской области проходит таким образом, что он поставил бы противника в несколько лучшее положение, чем нас. На нашей стороне много болотистых мест, на стороне противника – поверх-

ность более возвышенная. Кроме того, у противника есть рокадные дороги.

Когда я сказал «рокадные», Сталин взглянул на меня. «Откуда это?» – видимо, подумал он.

Конечно, Сталин мог просто махнуть рукой, спросив, нет ли у нас каких-либо более существенных вопросов. Однако он этого не сделал. Он тихо сказал Б. М. Шапошникову, чтобы тот обратил на это внимание. Шапошников кивнул головой. Видимо, план оборонительной схемы подготовил Генеральный штаб, а Сталин взял на себя разъяснить его партийным работникам.

Сталин сообщил, что к нам приедут крупные военные специалисты, которые помогут во всех этих сложных и новых для нас делах... А слова товарища Сталина «обратите внимание» к Б. М. Шапошникову, надо полагать, были сказаны в знак поддержки, так как Сталин не мог не заметить, что мы все волнуемся. Встреча со Сталиным – дело не простое. Мы были тогда ещё молоды и как партийные работники только формировались...

Мы должны были немедленно разъезжаться по местам, чтобы срочно заняться оборонительными работами. Но по ходу беседы было видно, что у Сталина есть ещё какие-то вопросы к секретарям обкомов и горкомов. Он выяснял, какое настроение у людей на местах, да и у нас самих – руководителей партийных организаций. Беседа носила непринуждённый характер. Мы стали чувствовать себя всё более и более свободно. И конечно, у нас появился целый ряд вопросов, которые мы сочли возможным задать ему.

– Не следует ли нам, – обратился я к товарищу Сталину, – эвакуировать некоторые заводы Ярославской области?

– Какие заводы вы имеете в виду? – спросил меня Сталин.

Я назвал Рыбинский завод моторостроения, шинный и «Красный Перекоп». На этом я остановился, хотя в планах Ярославского обкома и облисполкома значились и другие предприятия.

Подумав, Сталин сказал:

– В Ярославль мы противника не пустим.

Сказано это было с такой твёрдостью и убеждённой, что мы все в это поверили.

– Но, – продолжал Сталин, – противник может эти важные для страны заводы разбомбить. Поэтому их надо эвакуировать.

Он тут же нажал кнопку. Через несколько секунд появился Покребышев. Сталин попросил пригласить товарищей А. Н. Косыгина, М. Г. Первухина, А. И. Шахурину.

Воспользовавшись паузой, я обратился к Сталину с просьбой помочь ярославцам в обороне города. Он начал подробно расспрашивать меня, как организована эта оборона. Сначала об артиллерии. Я рассказал ему, какое количество у нас артиллерии, как она расставлена. Всё это Сталин внимательно и спокойно выслушал. Затем начал спрашивать про истребительную авиацию. Рассказал я как будто бы подробно. Но когда я попросил подкрепить нас истребительной авиацией, Сталин неожиданно для меня спросил:

– А сколько ваши лётчики сбили самолётов противника?

Это было наше слабое место. К сожалению, пришлось ответить, что у нас не сбито пока ни одного вражеского самолёта. Дальше беседа приобрела для меня неприятный оборот. Признаться, я тогда пожалел, что затеял разговор о подкреплении истребительной авиацией.

– Когда был последний налёт немецкой авиации на Ярославль? Днём? Ночью? – Голос Сталина становился всё жестче. – Сколько было немецких самолётов? Каких? На какой высоте они были в районе Ярославля? Сколько артиллерия сделала выстрелов? Из орудий какого калибра? И так далее.

Я уже стал подумывать, почему так долго не идут вызванные товарищи. Каждая минута казалась мне невероятно длинной. Сталин говорил всё резче и резче. Мне даже показалось, что он рассердился. Вошли товарищи Косыгин, Первухин, Шахурин. Начали обсуждать вопросы эвакуации предприятий. Выслушав их соображения, Сталин дал совершен-

но чёткое и твёрдое указание ускорить эвакуацию названных предприятий.

Затем товарищи Косыгин, Первухин и Шахурин ушли. Настроение у Сталина было хорошее, и он ещё долго беседовал с нами. Наверное, уместно напомнить, что 14 октября немцы овладели Калинином. Мы об этом не знали. Сталин же, конечно, знал. И своим настроением он, видимо, хотел вселить в нас больше оптимизма. Ведь все мы представляли партийные организации областей, которые примыкали к Москве. Наши области были в эти дни уже не прифронтовыми, а фронтовыми» (126 – 131).

«В своих послевоенных встречах с Г. К. Жуковым мы неоднократно возвращались к воспоминаниям об этих днях. Я рассказал ему о встрече с И. В. Сталиным в Кремле в ночь на 15 октября 1941 года, о его твёрдости в вопросах обороны Ярославля. Я спросил Георгия Константиновича о его беседах со Сталиным в те же дни. Не означал ли вопрос Сталина к нему: «Удержим ли мы Москву?», что Сталин под тяжестью надвигавшихся событий заколебался и допускал мысль об оставлении столицы. Ведь сам-то он оставался всё время в Москве.

– Обстановка была предельно острой, предельно опасной, – сказал Георгий Константинович. – И то, что Сталин находился в Москве, было важным фактором нашей победы. Но не надо забывать, что на Сталина было давление со стороны некоторых лиц из его окружения.

– А надо ли ему было находиться в Москве в столь опасной близости от противника? Зачем рисковать?

– Нет, Сталин не сомневался, что Москву не отдадим. Он остался в Москве ещё и потому, что получил твёрдое заверение военных, в частности моё, в том, что мы удержим Москву.

Теперь, когда я пишу эти строки о совещании в Кремле в ночь на 15 октября, я вспомнил этот разговор с Г. К. Жуковым.

Мы пробыли в Кремле почти до утра. На рассвете вышли на Красную площадь. Слышно было, как о мостовую щёлкали ос-

колки снарядов, падающих сверху. Наша артиллерия обороняла Москву. Дежурные порекомендовали нам пересечь площадь быстрее» (132 – 133).

«Прошло несколько дней (может быть, 2 – 3 дня) после нашей поездки в Москву. Однажды глубокой ночью шло заседание бюро обкома, когда у нас зазвонил правительственный телефон. Я взял трубку и услышал голос А. Н. Поскребышева: «Сейчас будет говорить Сталин». Я от неожиданности встал. Помню, члены бюро обкома притихли и насторожились. Сталин спросил:

– Как идут дела со строительством оборонительных рубежей?

Я рассказал, что мы создали специальный штаб по руководству строительством оборонительных рубежей... Сказал и о том, что военных специалистов во главе с Яковом Давыдовичем Раппопортом, о которых он говорил, у нас пока нет. Выслушав меня, Сталин сказал: «Ладно» – и положил трубку.

Через несколько часов в обком прибыл начальник строительства оборонительных сооружений Я. Д. Раппопорт и с ним 10 – 12 крупных военных специалистов» (134 – 135).

Пожалуй, воспоминаниями Николая Семёновича Патоличева можно и завершить данную главу книги. Однако в первой её части я вынужден был обратиться к книге антисталиниста местного разлива. Дабы у читателя не сложилось мнение, что на Белгородчине все такие же как Нечаев, хочу привести пример иного рода.

В 2003 году в Белгороде вышла книга «Полководцы и военачальники Курской битвы». Её составитель полковник в отставке, кандидат исторических наук П. Ф. Ушаков. По сути дела это сборник статей ветеранов войны, воевавших на Огненной дуге и очерков преподавателей высших учебных заведений Белгорода. Сам составитель включил в сборник пять своих очерков. В определённой степени книга затрагивает тему моего исследования. В связи с этим хотелось бы высказать ряд оценок и замечаний.

Без всякого сомнения, книга толковая и полезная. В ней нет очернительства, более того – этим неблагоприятным делом в ней даже не пахнет. И составитель, и авторы статей вполне объективно показывают роль И. В. Сталина в Великой Отечественной войне. Читаешь книгу и радуешься, что она вышла в Белгороде. Вместе с тем, нельзя не заметить ряд парадоксальных моментов.

Так получилось, что автором первой и последней статьи стал сам составитель. Первая статья Ушакова посвящена Г. К. Жукову и называется «Полководец полководцев». Название последней статьи говорит само за себя – «Верховный Главнокомандующий». Не следовало ли эти две статьи поменять местами?

Влюблённый в Жукова Ушаков в предисловии к сборнику отмечает: «В последнее время отдельные лукавые политики и фальшивые учёные стараются извратить историю, принизить значение Московской, Сталинградской, Курской и других битв, принижают роль наших полководцев. Их главной мишенью являются творцы Победы – Маршал Победы Г. К. Жуков и Верховный главнокомандующий Маршал И. Сталин».

Во-первых, не маршал, а Маршал Советского Союза. Во-вторых, почему у Жукова инициалы указаны полностью, а у Сталина только инициал, соответствующий имени? В-третьих, слово Главнокомандующий пишется с заглавной буквы. И получается вот что: Жуков – это маршал Победы, а Сталин – просто маршал. Но не это главное.

Вновь тот же парадокс: на первое место Ушаков поставил Жукова, а на второе Сталина. Это некорректно. Это же не арифметика, в которой от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Здесь надо было соблюсти уже давно устоявшуюся субординацию. Можно привести массу доказательств в пользу того, что в данной фразе на первом месте должно стоять имя Сталина. Однако я приведу лишь одно из них.

Всю войну и как начальник Генерального штаба, и как член Ставки, и как заместитель наркома обороны Жуков был у Ста-

лина в подчинении. Не Жуков руководил Сталиным в вопросах ведения войны, а, наоборот, Сталин руководил и направлял военную деятельность Жукова.

И ещё одно замечание. Оно касается названия статьи о Жукове. Это также некорректно. Начало войны застало Георгия Константиновича в должности начальника Генерального штаба. Короткое время он командовал Резервным, Ленинградским, Западным, 1-м Украинским и 1-м Белорусским фронтами. Летом 1944 года он руководил боевыми действиями трёх фронтов – 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских. Часто в годы войны Жуков выезжал на фронт как представитель Ставки Верховного Главнокомандования для подготовки и проведения важнейших стратегических операций. Только одно это перечисление показывает, что полководец Жуков руководил другими полководцами лишь в отдельных операциях Великой Отечественной войны, а посему назвать его полководцем полководцев ну ни как нельзя. Под эту полководческую градацию можно подвести только Сталина, ибо только он в годы войны, исполняя высшие военные должности, руководил всем ходом войны, а, следовательно, и всеми полководцами и военачальниками. Даже в приказе Верховного Главнокомандующего о проведении парада войск на Красной площади в ознаменование Победы над фашистской Германией есть такой пункт: «Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Жукову». Только Сталин в годы Великой Отечественной войны был полководцем полководцев.

На тот случай, если моих доводов будет недостаточно, сошлюсь на мнение одного из участников Великой Отечественной войны, бывшего министра обороны СССР. Речь идёт о Д. Т. Язове. Вот мнение Маршала Советского Союза: «Скажу откровенно, я не совсем разделяю позицию некоторых товарищей, которые Жукова называют Маршалом Победы, при всём моём величайшем уважении к нему, восхищении и поклонении. Но если Жуков – Маршал Победы, то Сталин кто тогда?..

Так ни одна военная операция без согласования Сталина и утверждения им не проводилась, и Ставка была при нём. И ни одну операцию, ни один полководец на уровне фронта, армии сам не обеспечивал, а обеспечивал народ. Народом же руководил политический деятель Сталин. Мы говорим, с одной стороны, что война была войной моторов. С другой стороны, на войну было поставлено всё. И фронт, и тыл работали на войну. Кто руководил фронтом и тылом? Сталин. Мы говорим – Коммунистическая партия, а Генеральным Секретарём ВКП (б) был Сталин. Председателем Государственного Комитета Обороны СССР. Он же – председатель Ставки Верховного Главнокомандования и Верховный Главнокомандующий Вооружёнными Силами СССР. Причём всё это... не по названию только, как сегодня мы видим некоторых «верховных», а по существу, на деле! Сталин в своих руках сосредоточил все решающие рычаги власти в стране, что диктовалось военной необходимостью. И он гениально справился с этим. И без этого наша победа была бы невозможна. Вот почему роль Сталина в Великой Отечественной войне и в достижении Великой Победы трудно переоценить!.. Ещё раз подчеркну, что руководить борьбой такого гигантского масштаба и сложности раньше не приходилось ни одному полководцу».

Пожалуй, следует сказать вот ещё о чём. В статье, в которой рассказывается о Жукове, он совершенно безгрешен: ни одного неправильного действия, ни одной ошибки за всю войну. А вот у Сталина... Ну, как говорится, бог с ним. Важно то, что в данной статье Ушаков не стесняется упоминать имя Сталина и не чернит его военную деятельность.

Что же касается второй статьи Ушакова «Верховный Главнокомандующий» (второе слово вновь с прописной буквы, но это скорее погрешность корректора и редактора), то её можно оценить двумя словами: она превосходна! Настолько она хороша, что достойна цитирования. Что я с удовольствием и делаю.

П. Ф. Ушаков. Полководцы и военачальники Курской битвы. – Белгород, 2003.

«Советское Верховное Главнокомандование оказалось перед непростой дилеммой: какое решение принять – начать контрнаступление, упредив противника и опрокинув его планы, или же встретить вражеский удар стойкой обороной?

Принятию окончательного решения способствовал опыт и разум умудрённых двумя годами войны Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Сталина, заместителя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза А. М. Василевского и командующих фронтами на Курской дуге...

Ознакомившись с докладом Г. К. Жукова и позицией А. М. Василевского, но не высказав по ним своего мнения, И. В. Сталин 9 апреля дал указание затребовать от командующих фронтами представления до 12 апреля в Генеральный штаб соображений о вероятных планах противника на ближайшее время, а также подготовить специальное совещание в Ставке по обсуждению плана летней кампании с тем, чтобы не допустить повторения просчётов и неудач сорок второго.

В тот же день Верховный сам позвонил командующему Центральным фронтом К. К. Рокоссовскому и командующему Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутину и попросил их ускорить представление в Генеральный штаб своих соображений по оценке фронтовой обстановки, прогнозу предполагаемых действий противника и целесообразности ответных действий.

Эти соображения поступили от командования Центрального фронта – 10 апреля, Воронежского – 12 апреля. Оценка ситуации, сил и намерений противника с их сторон совпадали с мнениями Г. К. Жукова и А. М. Василевского. 12 апреля Верховный Главнокомандующий принял предварительное решение о преднамеренной обороне...

После многократных обсуждений Верховный решил встретить наступление немцев огнём всех видов глубокоэшелонированной обороны, мощными ударами авиации и контрударами оперативных и стратегических резервов. Затем, измотав и обескровив врага, добить его мощным контрнаступлением на Белгородско-Харьковском и Орловском направлениях, после чего провести глубокие наступательные операции на всех важнейших направлениях...

Представитель Ставки Маршал Советского Союза Жуков доложил Верховному о получении данных и о принятом решении провести артиллерийскую контрподготовку. Войска Центрального и Воронежского фронтов в 2 часа 20 минут начали контрподготовку. Ночью Верховный несколько раз звонил командующим фронтами, интересовался действиями противника...

9 июля Верховный позвонил на Центральный фронт Г. К. Жукову и предложил вводить в действие Брянский фронт и левое крыло Западного фронта, как это было предусмотрено планом контрнаступления. 12 июля перешли в наступление войска Брянского и Западного фронтов, а 15 июля – Центрального фронта. В районе Орла развернулось мощное наступление войск трёх фронтов, имевших ближайшую цель разгромить орловскую группировку врага. В тот же день Верховный приказал Г. К. Жукову срочно вылететь в район Прохоровки и принять на себя координацию действий Воронежского и Степного фронтов. Если прочитать мемуары участников Курской битвы Г. Жукова, А. Василевского, К. Рокоссовского, И. Конева, станет очевидным, что все они не просто выполняли волю Верховного, а чувствовали его постоянное влияние на ситуацию, получали от него конкретные указания и распоряжения. Он мог среди ночи позвонить на командный пункт, уточнить обстановку, потребовать более решительных действий или поблагодарить за достигнутый успех.

24 июля Верховный подвёл итоги разгрома ударных группировок противника в оборонительных боях на северном и южном фасах Курской дуги... Верховный объявил благодар-

ность всем войскам, принимавшим участие в оборонительных боях на Курской дуге.

Анализируя ход и исход Курской битвы, мы видим, как Сталин и руководимая им Ставка ВГК осуществляли руководство этой величайшей битвой, которая поставила фашистскую Германию перед катастрофой. Он твёрдо держал в своих руках нити управления войсками, утверждал планы проведения наступательных операций «Кутузов» и «Румянцев», вносил в них изменения и поправки. В любое время дня и ночи от него поступали телефонные звонки и телеграфные распоряжения. Надо отметить, что если Верховному со знанием дела докладывали, он принимал это во внимание. Так, выслушав доклады Жукова и Василевского с предложением не спешить с началом действий войск Воронежского и Степного фронтов, он предоставил им десятидневный срок, и эти фронты начали операцию «Румянцев» 3 августа 1943 года, которая началась освобождением Белгорода 5 августа, а завершилась 23 августа освобождением Харькова.

Сталин всю войну оставался Верховным Главнокомандующим и на деле и по должности. Он всю войну учился воевать, и учебный процесс продолжался. Но именно он вёл войну как Верховный Главнокомандующий, координируя действия войск, отдавал приказы фронтам. Надо заметить, что ни один из полководцев Великой Отечественной войны не написал, не сказал ни одного нелепого обвинения в адрес Сталина как слабого военного руководителя...

Сталин допускал ошибки и просчёты, из которых некоторые привели к трагическим последствиям и тяжёлым потерям. Заслуга Сталина была в том, что он сам выдвинул в начале войны целую плеяду блестящих полководцев, таких как Жуков, Василевский, Рокоссовский, Конев. Позже к ним добавились Ватутин, Еременко, Черняховский, Малиновский и другие.

Можно с полной уверенностью сказать, что Сталин был непревзойдённым Верховным Главнокомандующим. Наши сами талантливые маршалы – Жуков, Рокоссовский, Говоров и дру-

гие, которые сами по себе были выдающимися полководцами среди военачальников всех стран, вовлечённых в войну, непререкаемо воспринимали его авторитет. Он превосходил их не только положением, но и силой характера, интеллекта. Он внушал глубочайшее уважение. Курская победа была его победой, потому что она была достигнута во многом благодаря его гению и работоспособности, героическими по масштабу. Эта победа стоит в ряду с самыми выдающимися победами в мировой военной истории.

И. Сталин в годы Великой Отечественной войны выполнял пять обязанностей. Кроме Верховного Главнокомандующего, он оставался на посту Генерального секретаря ЦК ВКП (б), был Председателем Совета Народных Комиссаров и Председателем Государственного Комитета Обороны, являлся Народным комиссаром обороны. Работал он напряжённо, по 15 – 16 часов в сутки. Верховный умело справлялся со своими обязанностями на этих высоких постах.

В последнее время отдельные лукавые политики и фальшивые учёные стараются извратить историю, принизить значение Московской, Сталинградской, Курской и других битв, прижимают роль наших полководцев. Но главной мишенью таких охотников является Верховный. Лауреат Нобелевской премии, выдающийся русский писатель М. Шолохов по этому поводу выразился так: «Нельзя оглуплять и принижать деятельности Сталина в тот период. Во-первых, это нечестно, а, во-вторых, вредно для страны, для советских людей, и не потому, что победителей не судят, а прежде всего потому, что «ниспровержение» не отвечает истине»¹.

Битва под Курском, сломавшая хребет фашистской Германии, – стала решающим этапом на пути к нашей победе над фашизмом, величайшим явлением всемирной военной истории. Её по-достоинству оценили наши союзники по антигитлеровской коалиции. Ещё в ходе этого сражения, 6 августа 1943

---

¹ Полководцы и военачальники Курской битвы. – Белгород, 2003. – С. 263 – 271.

года, президент США Ф. Рузвельт направил И. В. Сталину следующее послание:

«В течение месяца гигантских боёв Ваши вооружённые силы своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью и своим упорством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контрнаступление, имеющее далеко идущие последствия.

Искренние поздравления Красной Армии, народу Советского Союза и лично Вам по случаю великой победы под Орлом. Советский Союз может справедливо гордиться своими героическими победами»¹.

В ответном послании от 8 августа Сталин писал: «Вопреки нашим ожиданиям немцы начали своё наступление не в июне, а в июле месяце, и теперь бои на советско-германском фронте в полном разгаре. Как известно, советские армии отбили июльское наступление гитлеровцев. Вы знаете также, что наша армия сама перешла в наступление, взяла Орёл и Белгород и осуществляет дальнейший нажим на врага.

Легко понять, что при нынешней острой обстановке на советско-германском фронте от командования советских войск требуется большое напряжение и исключительная бдительность к действиям врага. В связи с этим и мне приходится в настоящее время несколько отойти от других моих обязанностей, кроме основной обязанности по руководству фронтом. Приходится чаще лично бывать на различных участках фронта и подчинять интересам фронта всё остальное...

Благодарю Вас за поздравление Красной Армии и советского народа по случаю успеха под Орлом»².

Аналогичное послание в связи с победами Красной Армии в ходе Курской битвы 12 августа 1943 года на имя И. В. Сталина

---

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. Т. 2. – М., 1986. – С. 77.

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. – Т. 2. – М., 1986. – С. 78.

направил и премьер-министр Великобритании. У. Черчилль писал: «Ваша телеграмма от 9 августа даёт мне возможность выразить Вам свои искренние поздравления с недавними весьма значительными победами, одержанными русскими армиями под Орлом и Белгородом, открывающими путь к Вашему дальнейшему наступлению в направлении Брянска и Харькова. Поражения германской армии на этом фронте являются вехами на пути к нашей окончательной победе»¹.

Даже неполное воспроизведение документов и воспоминаний военачальников по Курской битве показывает, какой масштаб работы выполнен Верховным Главнокомандующим Красной Армии Маршалом Советского Союза И. В. Сталиным. Документы и свидетельства тех, кто вершил боевую работу в районе Курской дуги, убеждают любого, чьи мозги не отравлены антисталинским ядом в том, что Сталин руководил этой масштабной операцией не по глобусу. С величайшей энергией и настойчивостью он стремился получить от подчинённых максимально исчерпывающую информацию о состоянии сил противника, досконально учитывал свои возможности, стремился как можно полнее обеспечить фронты резервами и боевой техникой. Во всём видна его руководящая рука, начиная от замысла и планирования операции и кончая её победным завершением.

Я уже оговорился, что во вторую главу из сборников «Прелюдия Курской битвы» и «Курская битва» не вошли документы, оформленные от имени Ставки. Но это не значит, что Сталин не имел к ним никакого отношения. С другой стороны, из воспоминаний военачальников также не взяты места, где встречаются выражения: «Ставка приказывает», «Ставка приняла решение», «Ставка требует» и т. п. Это не значит, что к описаниям после этих слов каких-то действий не причастен Верховный Главнокомандующий. Слово «Ставка» объективно

---

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. Т. 1. – С. 168.

означает Сталин. В связи с этим будет вполне уместным перефразировать поэта: «Мы говорим Сталин – подразумеваем Ставка, мы говорим Ставка – подразумеваем Сталин».

Приведённого материала, отражающего военную деятельность Сталина только в одном из многочисленных сражений Великой Отечественной войны, вполне достаточно, чтобы опровергнуть ложь о военной некомпетентности Верховного Главнокомандующего, что победа в войне добыта «не благодаря» руководству Верховного Главнокомандующего, а «вопреки» ему. Курская битва – наглядный пример его полководческой деятельности.

Будет уместным привести здесь высказывание о Сталине как военном деятеле некоторых зарубежных политиков, государственных деятелей и журналистов.

У. Черчилль – премьер-министр Великобритании:

«Для России большое счастье, что в час её страданий во главе её стоит этот великий и твёрдый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которые ему приходится жить. Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком... Прежде всего, Сталин является человеком с тем спасительным чувством юмора, который имеет исключительное значение для всех людей и для всех наций, и в особенности для великих людей и великих вождей. Сталин произвёл на меня также впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода».

«Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелейших испытаний Россию возглавил гений и непоколебимый лидер И. В. Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему жёсткому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции, негибаемой силы воли, резким, жёстким, беспощадным, как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в англий-

ском парламенте, не мог противостоять. Сталин обладал чувством юмора и сарказма, а также способностью чётко выражать свои мысли.

Статьи и речи он писал сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила, эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался непревзойдённым среди руководителей государств всех времён и народов.

Сталин произвёл на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил на Ялтинскую конференцию, все мы, словно по команде, встали, и, странное дело, почему-то держали руки по швам.

Он обладал глубокой, лишённой всякой паники логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойдённым мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью.

Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставил даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов.

Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире диктатором, он принял Россию с сохой, а оставил её оснащённую атомным оружием. Нет! Чтобы ни говорили о нём, таких история, народ не забывает!»

«Я не прибегаю ни к преувеличению, ни к цветистым комплиментам, когда говорю, что мы считаем жизнь маршала Сталина драгоценнейшим сокровищем для наших надежд и наших сердец. В истории было много завоевателей. Но лишь немногие из них, столкнувшись с трудностями, которые следовали за их войнами, рассеивали плоды своих побед. Я искренне надеюсь, что жизнь маршала сохранится для народа Советского Союза и поможет всем нам приблизиться к менее печальным временам, чем те, которые мы пережили недавно. Я ша-

гаю по этому миру с большой смелостью и надеждой, когда сознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру».

«Меня, аристократа, как пружина поднимала с кресла, когда в зал входил Сталин. Мало того, я вставал навытяжку, как ученик, и держал руки по швам».

Э. Иден – министр иностранных дел Великобритании: «Сталин изначально произвёл на меня впечатление своим дарованием, и моё мнение не изменилось. Его личность говорила сама за себя, и её оценка не требовала преувеличений. Ему были присущи хорошие манеры, видимо, грузинского происхождения... Я уважаю его ум и даже отношусь к нему с симпатией, истоки которой так и не смог себе до конца объяснить. Вероятно, это было следствием прагматизма Сталина... я не знал человека, который так владел собой на совещаниях. Сталин был прекрасно осведомлён по всем его касающимся вопросам, предусмотрителен и оперативен... за всем этим, без сомнения, стояла сила».

Б. Мантгомери – британский фельдмаршал: «Сталин... обладал поразительным стратегическим чутьём, и я не помню, чтобы он сделал хоть один ложный шаг в наших переговорах по стратегическим вопросам».

А. Гарриман – посол Соединённых Штатов Америки в СССР: «Этот преступный деспот информирован лучше Рузвельта и более реалистично смотрит на вещи, нежели Черчилль. Во многом Сталин – наиболее сильный из трёх великих военных лидеров».

«... его высокий интеллект, который фантастически разбирался в деталях, его принципиальность и удивительную человеческую чувствительность, которые он демонстрировал как минимум в годы войны. Я считаю его более информированным, чем Рузвельта, более реалистичным, чем Черчилля, в некоторых вопросах он был самым эффективным военным руководителем».

Ф. Бедарида – французский историк: «Сталин всегда проявлял чудеса выдержки и самообладания во время дискуссий. Ловкость, с какой он вёл переговоры, умение заставить собеседника принять свою точку зрения поражали таких внимательных и знающих наблюдателей, как Энтони Иден или Эверелл Гарриман, посланец Рузвельта».

В книге «И. Сталин – Л. Берия: «Их надо депортировать» есть такая оценка военной деятельности Сталина: «В конце 1942 года имидж Сталина претерпел удивительную трансформацию. До этого его воспринимали как безжалостного диктатора, организатора репрессий 1936 – 1938 гг., циничного партнёра по нацистско-советскому пакту, агрессора и поджигателя советско-финской войны».

Теперь же в журналах «Тайм» и «Лайф», принадлежащих Генри Люсу, во многих других изданиях, а также в кино, Сталин предстал как потягивающий трубку «дядюшка» Джо, твёрдый, но милостивый лидер нации, объединившей свои усилия в решимости выбросить фашистских захватчиков со священной земли матушки России. Вполне вероятно, – писал американский журналист Кеннет Дэвис, – что, когда будет написана заключительная страница величайшего мирового кризиса, выяснится, что именно Сталин спас цивилизованный мир, возможно вопреки своим желанием»¹.

4 января 1943 года Люс на обложке журнала «Тайм» поместил портрет Сталина. При этом он назвал Сталина с его «лицом из гранита» «человеком года».

Небезынтересны высказывания о Сталине тех, кто развязал войну против нашего народа

А. Гитлер: «Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходил Черчилля и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный ува-

---

¹И. Сталин – Л. Берия: «Их надо депортировать». – М., 1995. – С. 317.

жения. Наша задача – раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись»

Повторю одну фразу из только что воспроизведённых воспоминаний У. Черчилля: «Сталин произвёл на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил на Ялтинскую конференцию, все мы, словно по команде, встали, и, странное дело, почему-то держали руки по швам».

Так воспринимался Сталин при жизни теми, которые сами в ту пору принадлежали к числу выдающихся государственных деятелей. Что уж говорить о простых людях! Вот сила воздействия личности на окружающих! Но это был живой Сталин. А что через почти 60 лет после его ухода из жизни?

Перед последним, 9 мая 2010 года, Днём Победы советского народа в Великой Отечественной войне, ненавистник советской истории Н. Михалков состряпал свой очередной пасквиль на тему об этой войне. Его фильм «Предстояние» иначе как омерзительным назвать нельзя. И ничего удивительного в этом нет: тёзка более известного Никиты Сергеевича в своём амплуа. Удивляет другое: этот замшелый антисталинист в одном из многочисленных интервью на телевидении поведал об удивительном факте, который произошёл на съёмках фильма. Когда перед группой артистов появился загримированный под Сталина их коллега, они все встали. Вот сила образа Сталина – он и мёртвый поднимает на ноги живых! Через почти 60 лет своей кончины. И если уж ненавистник Сталина рассказал об этом факте с экрана телевизора на всю страну, то стоит задуматься над феноменом личности под именем Сталин Иосиф Виссарионович.

Раз уж я приведённым фактом перешёл на современность, то следует завершать свой труд.

После развенчания Хрущёвым «культа личности» Сталина в военную историю нашей страны произошло массовое вторжение дилетантов, а попросту лжецов. И что самое важное, никто из них не несёт никакой ответственности за состряпанную ими ложь. Опубликовал – и как с гуся вода. Эта безответственность

плодит новых лжецов. Низвержение Сталина с исторического пьедестала, в том числе и полководческого, продолжается.

А кто и что может остановить этих лжецов, если для самого президента имя Сталина, что кость в горле. Как можно из года в год в дни торжеств на Красной площади по случаю нашей Великой Победы не упомянуть имени Сталина!? Человека, под руководством которого советский народ свершил это историческое дело, по инициативе которого на этой же площади 24 июня был проведён ошеломивший весь мир Парад Победы с бросанием к подножию Мавзолея имени В. И. Ленина знамён армии поверженной Германии. До каких пор будет продолжаться это кощунство над историей, это издевательство над добрым именем И. В. Сталина! Это ли не пример антисталинизма в государственном масштабе?!

Рассказывая о праздновании Дня Победы 9 мая 2010 года в Москве, обозреватель «Правды» В. Кожемяко писал: «Но вот было у ветеранов последнее, можно сказать, желание – увидеть на последнем для многих юбилее Победы портреты своего Верховного Главнокомандующего. Прислушались к ним? Где там!

Оскорбительное многомесечное обсуждение «нависшей угрозы раскола в обществе» закончилось пощёчиной фронтовикам и труженикам тыла. Самой настоящей пощёчиной абсолютному большинству ветеранов! Ибо крики об «угрозе раскола» известно от кого идут, а объективного государственного опроса общественного мнения на сей счёт не проводилось. Там же, где в регионах опрос провели, результаты однозначно не в пользу тех либеральных крикунов.

Однако президент в самый канун победного юбилея счёл необходимым через интервью газете «Известия» затвердить неизбежность «государственных решений» относительно И. В. Сталина и тоталитарного (читай: советского) прошлого. Решений, неизвестно на каком основании принятых, но фактически совпадающих как с требованиями упомянутых доморощенных крикунов, так и с резолюциями международных русофобов, антикоммунистов и антисоветчиков, уравнивших Советский

Союз с гитлеровской Германией, коммунизм с фашизмом и Сталина с Гитлером. Ну а полный абсурд, будто Победа была достигнута не благодаря Сталину, а вопреки ему, из всех сил продолжают внушать людям»¹.

Можно тысячу раз говорить о патриотизме, можно по этому вопросу принимать сотни постановлений, можно постыдно закрывать от народных глаз трибуну Мавзолея драпируя её в дни государственных праздников, на которой Сталин принимал исторические парады 7 ноября 1941 года и 24 мая 1945 года, но невозможно вытравить из памяти миллионов людей, образ главного организатора нашей Победы.

Вся жизнь И. В. Сталина с юношеских лет и до самой смерти была отдана борьбе за лучшую долю трудового народа. И поэтому его жизнь – подвиг. Победа над фашизмом стала вершиной его жизненного подвига. «Над военной картой России поседела его голова». Только за это Сталиным надо восхищаться.

И чтобы не предпринимали сегодня хулители нашей советской истории, память о Генералиссимусе Советского Союза полководце полководцев И. В. Сталине, будет жить в веках. Его образ, как и подобает исполинам, по-прежнему возвышается над вакханалией очернения советского периода нашей истории. Сталин не ушёл в прошлое и не растворился в настоящем. Он по-прежнему велик, он по-прежнему с теми, кто продолжает борьбу за прерванное его дело. В этой борьбе он и сегодня наше оружие.

---

¹ «Правда». – 2010, 14 – 17 мая.

Послесловие

Обосновывая во введении причины, усадившие меня за письменный стол для написания этой книги, я намеренно умолчал об ещё одной из них, полагая, что сказать о ней следует в Послесловии. Это время настало.

Имя Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина неотделимо от истории Великой Отечественной войны. Оно также неотделимо и от её судьбоносной Курской битвы. Не понимать этого может только человек, заряженный патологической злобой не только к Сталину, но ко всей советской истории. Неприятием Сталина, как Верховного Главнокомандующего, дышат все структуры нынешней власти, начиная от Кремля и кончая администрацией любого региона. Минувшее празднование 65-летия нашей Победы – наглядное тому доказательство.

По всей стране официальные торжественные мероприятия, в том числе и в Москве, прошли без упоминания имени Иосифа Виссарионовича Сталина. А в столице запретили даже вывешивать его портреты. На улицах Воронежа перед Днём Победы в 2009 году появились рекламные щиты с изображением Генералиссимуса И. В. Сталина. Их сорвали. В стране, победившей фашизм, спасшей всю Европу от «коричневой чумы» нет возможности публично показывать изображение человека, кто стал творцом этого планетарного события.

Вандализм!

Сколько лет продолжается борьба мнений о переименовании Волгограда в Сталинград. По всей стране ни в одном населённом пункте нет улицы имени Сталина. Зато в Париже есть улица Сталинградская, а одна из станций метро носит его имя. Выходит, что французам это имя дороже, чем нам.

Позор!

Что уж говорить о восстановлении Верховному Главнокомандующему памятников, которые после наскока Хрущёва на Сталина стали сносить по всей стране. Уже давно сотнями книг и статей, тысячами аргументов и фактов бита эта хрущёвская ложь, но стремление общественности в некоторых регионах к восстановлению памятника Сталину гасится на корню. Это и понятно: губернаторы не могут не оглядываться, не могут не посматривать наверх. А решительности и смелости, как у Ю. М. Лужкова, который в предпраздничные дни высказался в поддержку мнения об украшении улиц столицы портретами Сталина, у нынешних губернаторов совершенно нет. Это и понятно: зачем громы и молнии на свою голову, а то, в худшем случае, она и сама может полететь. Чего тогда в такой антисталинской атмосфере стоят расшаркивания властей перед ветеранами войны и тыла!

Лицедейство!

«Война с памятниками» И. В. Сталину длится вот уже более полувека. Сначала она вылилась в постыдное их свержение с пьедесталов по всей стране, а теперь продолжается в виде борьбы за возвращение на эти пьедесталы. В Новочеркасске сохранился демонтированный в период хрущёвской вакханалии памятник И. В. Сталину. Его фигура в полный рост хранится на территории гаражного кооператива «Станичник». Ответственность добивается от властей разрешения установить его на одной из площадей города. Но тщетно.

Отрадно, что кое-где эта борьба завершается победой. Появился свой памятник Сталину у тамбовчан. Инициатором его установки по случаю 65-летия Победы стала первый секретарь тамбовского обкома КПРФ, депутат Госдумы Тамара Плетнёва. Об этом уникальном событии в нашей стране и о том, как региональная власть сопротивлялась его установлению, рассказала «Правда».

«Стокилограммовый бетонный бюст И. В. Сталина, покрытый бронзовой краской, был изготовлен коммунистами в Северной Осетии и подарен тамбовским товарищам. Он был благополучно доставлен в Тамбов, но стоило коммунистам заявить

о намерении его установить, как сразу же в местных СМИ начался шум. Антисоветчиками был использован стандартный набор страшилок про СССР, рассчитанный на малограмотного обывателя.

Вначале была подана заявка на установку памятника И. В. Сталину в городе Мичуринске, но городской Совет отказал в этом. Получили отказ и из мэрии Тамбова на предложение установить бюст Верховного Главнокомандующего в парке Победы. И тут в городе Рассказове местный городской Совет принимает почти единогласное решение установить бюст И. В. Сталина, причём за это решение голосовали даже «единороссы». Но, не выдержав развернувшейся сразу после этого травли в СМИ и административного давления, рассказовцы отступили.

В конце концов удалось договориться с местным предпринимателем Александром Желниным, который на своём участке рядом с многоэтажным зданием и обкомом партии разрешил установить памятник. Александр Константинович оказался не робкого десятка, и когда администрация поняла твёрдость его намерений, она решила совершить ещё один обходной манёвр, предложив обкому КПРФ поставить памятник в музее. Естественно, коммунисты на это не пошли.

И вот теперь памятник И. В. Сталину, несмотря на чинимые препятствия и жёлчные статейки буржуазных журналистов, стал неотъемлемым атрибутом Тамбова, местной достопримечательностью. К нему потянулись люди, у его подножия всегда лежат свежие цветы, на его фоне любят фотографироваться... Известно высказывание Иосифа Виссарионовича о том, что много мусора нанесут на его могилу, но со временем ветер истории весь этот мусор развеет. Так и происходит.

Отрадно, что памятник Генералиссимусу Советского Союза И. В. Сталину 5 мая 2010 года появился и на Украине. Это событие произошло в городе Запорожье. Сооружён он на народные средства. На торжественной церемонии многие присутствующие не сдерживали своих слёз. Собравшиеся скандировали: «Сталин жив!», «Сталин с нами!»

Памятник Верховному Главнокомандующему Генералиссимусу Советского Союза должен быть и в Белгороде. Ибо Белгород и Курская битва неотделимы. Ибо победа Красной Армии на Курской дуге неотделима от имени И. В. Сталина. Ибо ежегодно 5 августа белгородцы выходят на улицы, чтобы полюбоваться праздничным салютом, идея которого принадлежит И. Сталину.

И каждый раз люди слушают незабываемый голос выдающегося советского диктора Ю. Левитана: **«Сегодня, 5 августа, войска Степного и Воронежского фронтов сломили сопротивление противника и овладели городом Белгородом... Сегодня, 5 августа, в 24 часа столица нашей Родины Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орёл и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий... Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин».**

Ежегодно белгородцы слышат этот исторический приказ, слышат имя Верховного Главнокомандующего и не могут зреть его образ в бронзе. Пора исправить эту рукотворную несправедливость. Памятнику Верховному Главнокомандующему Генералиссимусу Советского Союза И. В. Сталину, законодателю первого в истории Великой Отечественной войны салюта в честь освобождения **Белгорода** от немецко-фашистских захватчиков, **БЫТЬ!**

Пусть сильнее дует ветер истории!

В качестве приложения

В воспоминаниях некоторые полководцы и военачальники писали о том, что идея проведения первого салюта в честь освобождения 5 августа 1943 года Орла и Белгорода принадлежит И. В. Сталину. Наиболее подробно об этом поведал Маршал Советского Союза А. И. Ерёменко. Взяв факты его статьи,

опубликованной в двенадцатом номере «Военно-исторического журнала» за 1993 год, я написал небольшой очерк об этом историческом событии «К вопросу о первом салюте». Он был опубликован в ряде газет и в книге «Эхо победы в наших сердцах». Есть смысл повторить его здесь в качестве приложения.

«5 августа 1943 года! Славная дата в истории Курской битвы, Великой Отечественной войны, в истории древних русских городов Орёл и Белгород. Весть об их освобождении в 23 часа 30 минут этого же дня принесло радио.

Это символично, что два главных города Курской битвы, ставшие в планах Вермахта отправными точками для наступления на Курск, оказались освобождёнными войсками Красной Армии в один день. Это символично, что начатое из этих городов 5 июля немецкое наступление завершилось их освобождением 5 августа ровно через месяц.

О том, какое историческое значение имело освобождение Орла и Белгорода для всей страны, говорит тот факт, что впервые за весь период Великой Отечественной войны в честь этого события была назначена торжественная церемония – оружейный салют.

Решение о первом салюте было принято Верховным Главнокомандующим И.В.Сталиным и отражено в его приказе по случаю освобождения Орла и Белгорода. Вот строки из этого исторического документа: «...Месяц тому назад, 5 июля, немцы начали своё летнее наступление из районов Орла и Белгорода, чтобы окружить и уничтожить наши войска, находящиеся в Курском выступе, и занять Курск.

Отразив все попытки противника прорваться к Курску со стороны Орла и Белгорода, наши войска сами перешли в наступление и 5 августа, ровно через месяц после начала июльского наступления немцев, заняли Орёл и Белгород. Тем самым разоблачена легенда немцев о том, что будто бы советские войска не в состоянии вести летом успешное наступление...

Сегодня, 5 августа, в 24 часа столица нашей Родины Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орёл и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из

120 орудий. Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу нашей Родины! Смерть немецким оккупантам!».

Озвучил приказ выдающийся мастер слова Ю.Б.Левитан. Кто из советских людей старшего поколения не помнит его удивительной красоты голоса, голоса нашей советской истории! Ещё до войны все привыкли к тому, что о самых важных и интересных событиях в жизни страны сообщал Юрий Борисович. А после 22 июня 1941 года и вплоть до Победы он был диктором Великой Отечественной войны. Каждый день рано утром все, кто имел возможность находиться у репродуктора, заслушав родное – «От советского Информбюро» – с замиранием сердца вслушивались в до боли знакомый и родной голос, стараясь по интонации предугадать хорошие или плохие вести несёт он.

Весьма интересны воспоминания Юрия Борисовича о его рабочем дне на Всесоюзном радио 5 августа: «...Я, как обычно, пришёл на радиостудию пораньше, чтобы заблаговременно ознакомиться с текстом. Вот подошло время передачи, а сводки Совинформбюро всё нет и нет. Мы волнуемся, ждём. Строим разные догадки, предположения... Наконец, звонок из Кремля: «Сводки сегодня не будет. Готовьтесь к чтению важного документа!». Но какого?

Часовая стрелка уже подходила к одиннадцати вечера, когда нам вновь объявили: «Сообщите, что между 23 и 23 часами и 30 минутами будет передано важное правительственное сообщение». Каждые пять минут мы повторяли в очень сдержанных тонах эту фразу. А время между тем шло и шло....И вот появился офицер с большим запечатанным конвертом. Вручает его председателю Радиокomiteта. На пакете надпись: «Передать по радио в 23.30». А времени уже, можно сказать, нет. Бегу по коридору, на ходу разрываю пакет. В студии уже произношу: «Говорит Москва», а сам торопливо пробегаю глазами текст...

«При-каз-з-з-з Вер-хов-но-ко-ман-ду-ю-ще-го...» Читаю и нарочно растягиваю слова, чтобы успеть заглянуть в следующие строчки, узнать....И вдруг понимаю – большая победа:

Орёл и Белгород освобождены! Зарябило в глазах, пересохло горло. Торопливо глотнул воды, рывком расстегнул воротник... Все охватившие меня чувства вложил я в заключительные строки: «Сегодня, 5 августа, в 24 часа столица нашей Родины – Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орёл и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий...».

В назначенное время, секунда в секунду, небо над военной Москвой озарилось вспышками первого салютного залпа. Его эхо покатило по улицам столицы, ворвалось в мощные радиопередатчики, чтобы через несколько секунд вырваться через микрофоны миллионов радиоприёмников и радионаушников в разных уголках нашей страны. Потом был второй залп, третий...

На столь знаменательное событие не могли не отозваться советские поэты и писатели. Уже 6 августа почти все газеты страны поместили их статьи, стихи, репортажи. Николай Асеев: «Стальные глубокие груди до самого сердца вздохнули: сто двадцать орудий слились в нарастающем гуле. Раскаты! Раскаты! Раскаты! Приветом державным откликнулась зычно, Москва, ты сынам своим славным. Откликнулась пламенным голосом, как надо дерзать и бороться своим беззаветным орловцам, своим храбрецам белгородцам».

Александр Твардовский: «И голос праздничных орудий в сердцах взволнованных людей был отголоском грозных будней, был громом ваших батарей. И каждый дом, и переулок, и каждым камнем вся Москва распознавала в этих гулах – Орёл и Белгород – слова».

Семён Кирсанов: «От огня артиллерии беглого розовеют окраины сёл. За спиной – отвоёванный Белгород, за плечами отбитый Орёл».

В газете «Красная звезда» Алексей Толстой поместил статью «Салют Победы». Автор «Петра первого» и «Хождения по мукам» писал: «По традиции Суворова прогремела слава русской армии, Красной Армии, выигравшей величайшую в истории битву, которая начата была 5 июля немцами, а 5 августа победно закончена русскими....Оказывается, под жарким сол-

нцем августа немецкие пятки сверкают не хуже, чем деревянные подмётки эрзац-валенки на январском снегу».

Возникают закономерные вопросы: почему текст приказа Верховного Главнокомандующего был передан в спешке, что помешало его подготовить заранее, ведь Орёл и Белгород были взяты советскими войсками утром, почему между известием о салюте и его залпами было всего тридцать минут?

Приказ и его передача в эфир задержались из-за того, что идея салюта в честь освобождения Орла и Белгорода родилась в этот же день, 5 августа. От её зарождения (15 часов) до озвучивания (23.30) было всего 8 часов 30 минут. Весть о победе на Курской дуге, которую исподволь с великим нетерпением ждала вся страна, эту весть нужно было озвучить немедленно, именно в день освобождения Орла и Белгорода, то есть 5 августа, и никак не позже. Но не только озвучить текст приказа, но и подготовить к практическому исполнению один из его пунктов – подготовить салют. Он должен был прозвучать во временных пределах тех суток, в течение которых были освобождены два главных города Курской битвы.

Вот почему Юрий Левитан раскрывал пакет с текстом приказа на ходу, вот почему его голос уже произносил первые слова, а глаза читали текст дальше, с тем, чтобы самому понять, что же там впереди, вот почему от известия о салюте и до его первого залпа оставалось тридцать минут.

Кому же принадлежала идея первого салюта, и когда были даны указания на её воплощение в жизнь?

В начале августа 1943 года подходил к концу первый месяц Курской битвы. Уже были позади наступательные действия немецко-фашистских войск на северном и южном флангах Курской дуги, уже отгремело танковое сражение под Прохоровкой, уже, сдержав натиск врага, советские фронты повели наступательные действия. Более успешно они развивались на орловском направлении, где войска Западного, Брянского и Центрального фронтов перешли в контрнаступление ещё 12 июля и с тяжёлыми боями продвигались к областному центру.

Успешные действия советских войск на Курской дуге создавали благоприятные условия для нанесения новых мощных ударов Красной Армии по врагу. Бои ещё были в разгаре, ещё не были освобождены Орёл и Белгород, а Ставка уже планировала новые наступательные операции, подключая к ним соседние фронты.

О том, как ещё в июле 1943 года, когда в районе Курской дуги ещё только-только обозначились первые успехи советских войск, зарождались замыслы новых наступательных операций на смоленском направлении, рассказал в своих неопубликованных мемуарах Маршал Советского Союза А.И.Ерёменко. Часть из них под заголовком «Смоленские ворота в Европу или три часа с И.В.Сталиным» опубликовал «Военно-исторический журнал» в номере 12 за 1993 год.

А.И.Ерёменко, командовавший Калининским фронтом, в июле получил задание Ставки разработать Духовщинско-Смоленскую, Велижско-Усватскую и Невельскую наступательные операции. Андрей Иванович писал: «Вопрос о проведении этих операций я доложил товарищу Сталину в июле 1943 года. После его указаний была произведена доработка их планов. В первых числах августа товарищ Сталин принял решение лично выехать на Калининский фронт, чтобы на месте ещё более конкретно, более глубоко и обстоятельно разработать план и уточнить задачи войск».

О дате прибытия, месте и времени встречи И.В.Сталин сообщил А.И.Ерёменко по телефону.

Рано утром 5 августа 1943 года на станции Мелихово Калининской области остановился поезд из одиннадцати вагонов – десяти крытых товарных и одного пассажирского. Встреча Верховного с командующим фронтом состоялась в соседнем селе Хорошево, приблизительно в полутора-двух километрах от Мелихово. Продолжалась она около трёх часов.

Её начало А.И.Ерёменко описал так: «Он улыбнулся как-то просто и тепло, приветливо потряс мою руку и, пристально глядя на меня, сказал:

– Вы, по-видимому, до сих пор обижаетесь на меня за то, что я не принял вашего предложения на последнем этапе Сталинг-

радской битвы добить Паулюса. Обижаться не следует. Мы знаем, знает весь наш народ, что в Сталинградской битве вы командовали двумя фронтами и сыграли главную роль в разгроме фашистской группировки под Сталинградом, а кто доколачивал привязанного зайца, это уже особой роли не играет».

После этого последовали вопросы – как ведёт себя противник, какие о нём новые сведения, как обстоит дело со снабжением и питанием подчинённых А.И.Ерёменко войск. Затем И.В.Сталин перевёл разговор на тему о кадрах и военном искусстве. Весьма интересным был переход к главному вопросу встречи. Андрей Иванович описал его так: «После разговора о кадрах и об оперативном искусстве товарищ Сталин внимательно посмотрел на карту, которую полтора часа назад я прикрепил к стене: «Ну, теперь докладывайте, как вы спланировали Смоленскую операцию, – сказал он и, улыбнувшись в усы, с ехидцей добавил, – вы Смоленск сдавали, вам его и брать».

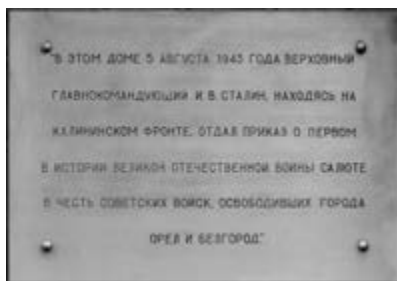
А.И.Ерёменко докладывал обстоятельно. И.В.Сталин внимательно слушал и по ходу изложения командующего задавал вопросы, звонил в Москву, давал указания по вопросам обеспечения Смоленской операции дополнительными людскими и материальными ресурсами С.М.Штеменко и Н.Д.Яковлеву.

В то время, когда доклад был завершён и план операции Верховным одобрен, в комнату вошёл генерал для поручений. Он сообщил, что нашими войсками взят Белгород. Восторженно восприняв это сообщение, И.В.Сталин чаще зашагал по комнате, что-то обдумывая. Через несколько минут он произнёс: «Как вы смотрите на то, чтобы дать салют в честь тех войск, которые взяли Орёл и Белгород?».

После того, как А.И.Ерёменко идею Верховного одобрил, И.В.Сталин начал излагать свои мысли по этому вопросу: «Войска почувствуют одобрение своих действий, признательность Родины. Салюты будут воодушевлять личный состав, звать его к новым подвигам. Фейерверки известят весь наш народ и мировую общественность о славных делах и подвигах воинов на фронте, вызовут гордость за свою армию и Отечество, вдохновят миллионы людей на трудовые подвиги».

После этого И.В.Сталин взял трубку и попросил соединить его с В.М.Молотовым. Ответ последовал тут же. Разговор с ним Верховного А.И.Ерёменко передал так: «Вячеслав, ты слышал, что наши войска взяли Белгород? – Выслушав ответ Молотова, товарищ Сталин продолжал. – Так вот, я посоветовался с товарищем Ерёменко и решил дать салют в честь войск, взявших Орёл и Белгород, поэтому прикажи приготовить в Москве салют из 100 пушек, но без меня не давайте, чтобы не испортили этого мероприятия. Мы сейчас пообедаем, и я к вечеру приеду в Москву».

Этот разговор состоялся в 15 часов 5 августа 1943 года. Так в небольшом домике села Хорошево зародилась идея проведения салютов. После заверше-

***Дом в селе Хорошево, в котором 5 августа 1943 года, останавливался И.В. Сталин.
Фото С.Н. Мазниченко, 2010 г. (из личного архива краеведа А.Н. Крупенкова).***

ния встречи И.В.Сталин на машине ГАЗ-61, а А.И.Ерёменко на «виллисе» поехали к поезду, где в пассажирском вагоне вместе и отобедали.

Небезынтересна оценка А.И.Ерёменко, данная И.В.Сталину после этой встречи: «Сталин производил на меня глубокое впечатление. В его образе отчётливо выделялись сила, здравый смысл, развитое чувство реальности, широта познаний, изумительная внутренняя собранность, тяга к ясности, неумолимая последовательность, быстрота и твёрдость решений, умение молниеносно оценить обстановку, ждать, не поддаваться искушению, хранить грозное терпение».

О дальнейших событиях, связанных с реализацией замысла о первом салюте, рассказал в своих воспоминаниях «Генеральный штаб в годы войны» генерал армии С.М.Штеменко, которого вместе с заместителем начальника ГШ А.И.Антоновым вечером 5 августа вызвали в Ставку. Верховный был в хорошем настроении и сразу же обратился к прибывшим с вопросом: «Знаете ли вы военную историю?» Вопрос был неожиданным, и генералы не успели ответить, так как И.В.Сталин продолжил разговор и напомнил, что издавна, когда русские войска одерживали победы, то в честь полководцев гудели колокола, что Ставка приняла решение давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты.

Так зародилась идея первого салюта. Она принадлежит Верховному Главнокомандующему Советскими Вооружёнными Силами в годы Великой Отечественной войны И.В.Сталину. И вот что удивительно: великое действо по имени салют было подготовлено и образцово исполнено всего за несколько часов.

Это был первый салют. Потом был второй, в честь освобождения Харькова и венчавший завершение Курской битвы. Потом были ещё. Их было столько же, сколько побед, не менее славных, которые одержала Красная Армия на трудном и кровавом пути к Берлину. И каждый из этих последующих салютов озарял нашу непоколебимую веру в Победу новой вспыш-

кой радости, точно так же, как озаряли темное небо над Москвой её победные салюты. Но никогда не забудется тот, первый, в честь освобождения Орла и Белгорода, который слушала вся военная страна, прильнув к радиоприёмникам и репродукторам».

Содержание

Слово к читателям	
Г.А. Зюганов , председатель ЦК КПРФ	3
С.В. Муравленко , депутат Государственной Думы от Белгородской области, член фракции КПРФ	5
Как и почему родилась эта книга	23
Глава первая	
Исключённый из когорты полководцев. Ну и ну!	29
Глава вторая	
Пусть говорят документы	407
Глава третья	
Полководцы и военачальники о роли И. В. Сталина в Курской битве	685
Послесловие	762
В качестве приложения	765

Анатолий Михайлович СЕРГИЕНКО

И. В. Сталин и Курская битва

В авторской редакции

Тех. редактор **Е.В. Фомина**
Дизайн обложки, обработка фото **Г.В. Сытник**

Подписано в печать 25.01.2011 г.
Формат 60x84 1/16. Объем 48,5 п. л. Гарнитура FreeSet.
Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 200 экз.

Издательство «КОНСТАНТА»

Почтовый адрес: 308023, г. Белгород, ул. Менделеева, 6.

Отпечатано в типографии «КОНСТАНТА»
г. Белгород, ул. Менделеева, 6. Тел./факс (4722) 300-720.